25545.

М. П. Драгомановъ.

25545.

Политическія сочиненія.

20832.

Подъ редакціей
проф. И. М. Гревса
и Б. А. Кистяковскаго.

Томъ I.

Центръ и окраины.

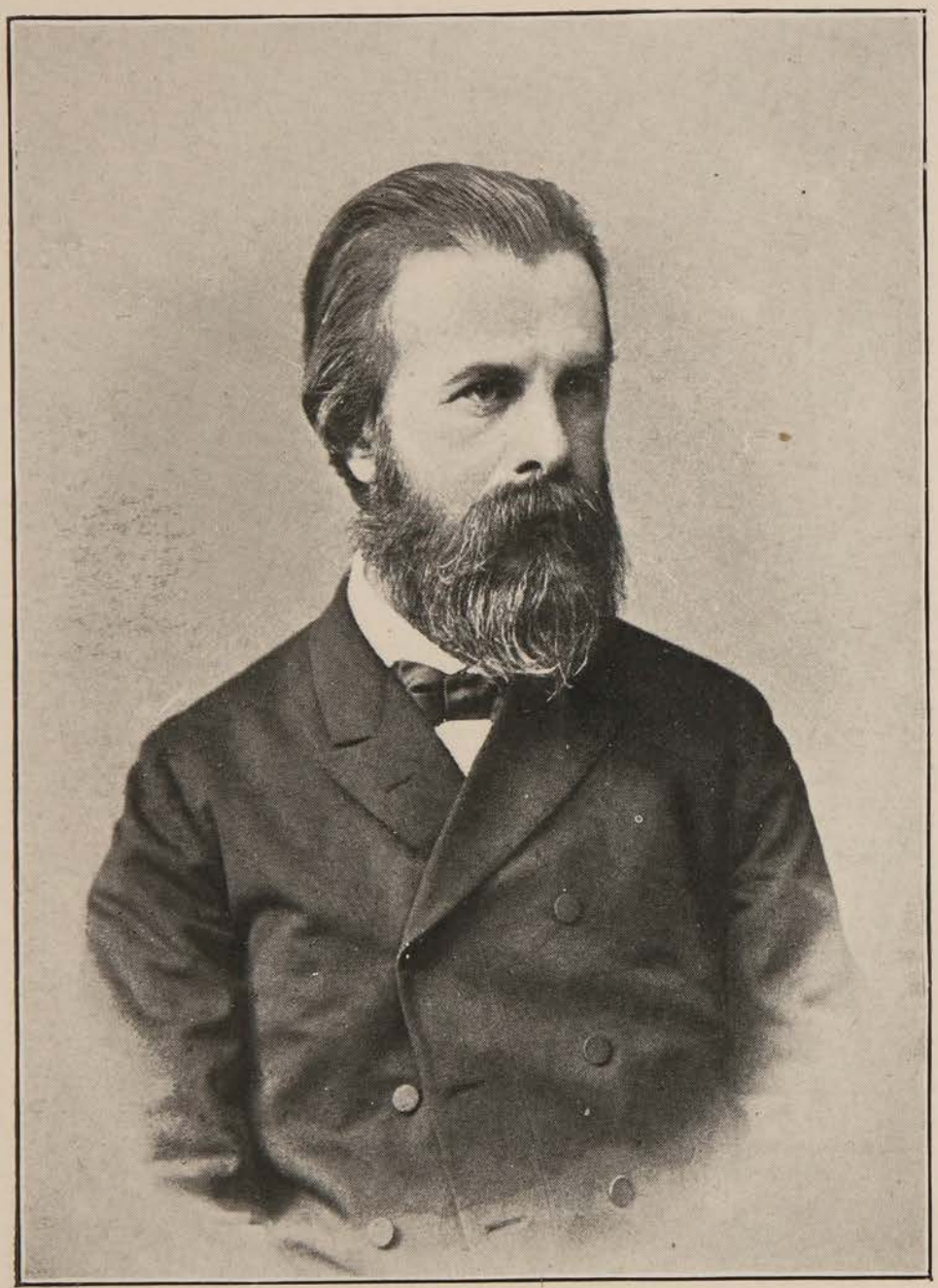
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва. — 1908 г.

39

Библиотека НКВД СССР

81381

БИБЛІОТЕКА
* Ученаго Комитета Мин. Фин. *



М. Драгомановъ

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Собрать и обнародовать сочиненія *Михаила Петровича Драгоманова* составляетъ серьезный долгъ соотечественниковъ и единомышленниковъ не только передъ памятью превосходнаго человѣка и замѣчательнаго дѣятеля, но и передъ русскимъ обществомъ и родною землею. Почитатели и сотрудники М. П. въ Галиціи, его ближайшіе одноплеменники-украинцы, немедленно послѣ его кончины предприняли опубликованіе научныхъ трудовъ и историко-литературныхъ этюдовъ, написанныхъ имъ на малорусскомъ и другихъ языкахъ. Та же обязанность оставалась до сихъ поръ невыполненною по отношенію къ многочисленнымъ и важнымъ сочиненіямъ политическаго и публицистическаго содержанія, напечатаннымъ авторомъ на языкѣ великорусскомъ. Такова именно задача настоящаго изданія.

Тяжелыя обстоятельства постоянно ломали нормальное теченіе личной жизни Драгоманова: преслѣдованія правительства разорвали непосредственную связь его съ родиною; трудныя условія работы въ положеніи эмигранта, принужденнаго говорить изъ-за тщательно охраняемаго рубежа, держали его въ отдаленіи, гдѣ онъ часто оставался одинокимъ среди противниковъ, гдѣ слишкомъ легко покидали его и друзья. Колебанія у насъ общественныхъ настроеній и рѣзкія смѣны революціонныхъ порывовъ туманили безпристрастное отношеніе къ всегда послѣдовательному и прямому слову Драгоманова. Все это непрерывно подкашивало возможность правильнаго, равномѣрно развивающагося вліянія его

идей на умы нашей интеллигенціи. Справедливо признать это большою бѣдою для интересовъ серьезнаго политическаго образованія и твердаго направленія руководящихъ, активныхъ группъ нашего общества въ эпоху, послѣдовавшую за реформами царствованія Александра II, — эпоху, которую можно назвать временемъ реакціи стараго абсолютизма, съ одной стороны, борьбы за освобожденіе,—съ другой.—Идейная проповѣдь Драгоманова пополняла существенный, громадный пробѣлъ въ ряду элементовъ, изъ которыхъ слагалась у насъ политическая мысль: онъ былъ долгіе годы единственнымъ истиннымъ представителемъ широкаго *конституціонализма* и полнаго пониманія *демократіи*. Онъ также являлся однимъ изъ немногихъ защитниковъ осуществленія этихъ великихъ началъ путями сознательной, планомѣрной постепенности („эволюціонизма"), однако не постоянно прилаживающейся или вѣчно отступающей, а всегда твердо завоевывающей шагъ за шагомъ яснонамѣченныя позиціи, непримиримой при проведеніи въ жизнь политическаго убѣжденія.

Не сравнивая таланта и силъ Драгоманова съ геніемъ Герцена, справедливо будетъ сказать, что онъ вдохновлялся идеалами и завѣтами великаго писателя. Критически развивая взгляды послѣдняго вмѣстѣ съ новыми требованіями мысли и дѣйствительности, онъ работалъ всѣми силами своего духа для дальнѣйшаго насажденія заложенной Герценомъ традиціи, двигая ее впередъ. — *Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ*" — таковъ высокій девизъ, который нравственно одухотворялъ дѣло М. П. во все его поприще до послѣдняго вздоха. Непоколебимая вѣрность повелительнымъ выводамъ изъ міросозерцанія, выработаннаго упорными и мучительными усиліями труда и творчества,—міросозерцанія широкаго и свободнаго, живого и совершенствовавшагося до конца, озаряла покоряющимъ свѣтомъ правды всю его внутреннюю личность, сообщая ей печать безупречной, предъ всѣми открытой, ничего не страшащейся искренности. — *Свобода* была святынею, которой онъ служилъ всѣми силами своими. И эта свобода понималась имъ съ всеобъемлющею, у насъ совершенно исключительною полнотою. Онъ мыслилъ ее, какъ независи-

мость народа и личности отъ угнетающаго государства, группъ и классовъ—отъ монополій и привилегій другихъ, въ солидарной равноправности, какъ независимость окраинъ отъ центра, народностей—отъ утѣсненія другими, сильнѣйшими, совѣсти и идеи—отъ нетерпимости абсолютныхъ догматовъ, кѣмъ бы они ни провозглашались: деспотической властью, господствующею церковью или революціонною сектою.

Указанныя здѣсь главныя основы общественныхъ взглядовъ Драгоманова объединялись въ немъ также рѣдкою, незыблемою вѣрою въ освободительное могущество культуры, въ огромную цѣну просвѣщенія для народа и для борцовъ во имя его блага и процвѣтанія. Самъ широко образованный человѣкъ, обладавшій обширными, разносторонними знаніями, оперировавшій мыслью, крѣпко выкованною въ лабораторіи неустаннаго умственнаго труда, онъ представлялъ настоящее олицетвореніе научнаго отношенія къ жизни, образецъ силы приложенія науки къ работѣ политическаго освобожденія. Смѣлость убѣжденнаго слова, хотя бы оно не только вызывало противъ него преслѣдованія очевидныхъ враговъ, но и ставило его подъ удары тѣхъ, кто долженъ былъ видѣть въ немъ союзника; глубокая правильность его воззрѣній, до сихъ поръ недостаточно прошедшихъ въ сознаніе, твердая научность ихъ обоснованія, проникающая его слова и дѣла великая сила любви, терпимости и идеализма, — вотъ что дѣлаетъ его желаннымъ учителемъ тѣхъ поколѣній, которыя у насъ готовятся теперь къ служенію родной странѣ и народу.

То, что сейчасъ сказано выше, заключаетъ въ себѣ болѣе чѣмъ оправданіе рѣшимости издать политическія сочиненія М. П. Драгоманова нынѣ, когда печатью въ Россіи завоевана для того первая возможность. Имя Драгоманова пользовалось и до сихъ поръ почетною извѣстностью, а идеи и программа его—авторитетомъ въ довольно многочисленныхъ кругахъ образованныхъ людей изъ его сверстниковъ, а также изъ среды цѣлаго ряда поколѣній молодежи, особенно учившихся въ южныхъ университетахъ. Но и они всѣ изучали его сочиненія лишь урывками и клочками; у широкой

ке массы русскихъ читателей цензура отнимала его совсѣмъ. Настала пора возвратить русской литературѣ утраченное ею дорогое достояніе. Только тогда, когда вся совокупность работъ Драгоманова будетъ собрана въ доступномъ изданіи, русское общество окажется въ состояніи воспользоваться оставленнымъ имъ богатымъ наслѣдствомъ и почерпнуть обильныя зерна для развитія своего политическаго сознанія изъ его стройно продуманнаго, научно разработаннаго, гуманнаго и прогрессивнаго міровоззрѣнія. То, что составляетъ идейное и фактическое содержаніе работъ М. П., является не только весьма важнымъ историческимъ памятникомъ, но и сохраняетъ значеніе живыхъ и цѣнныхъ уроковъ политической мудрости и правды для настоящаго и будущаго. Поэтому было бы не вѣрно утверждать, что сочиненія Драгоманова запоздали своимъ появленіемъ. Напротивъ, хотя нѣкоторыя статьи написаны тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, онѣ и нынѣ современны, даже животрепещущи какъ по поставленнымъ вопросамъ, такъ и по дающимся рѣшеніямъ. Можно надѣяться, что углубленное вниманіе читателей сумѣетъ преодолѣть въ печатаемомъ матеріалѣ объемистость размѣровъ и нѣкоторую тяжеловѣсность формы, и что они извлекутъ изъ него цѣнныя данныя и духъ ихъ будетъ крѣпнуть и закаляться честною и благородною, глубоко вооруженною, проницательною мыслью.

Задуманное *собраніе политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова на русскомъ языкѣ* составитъ *четыре* тома. Въ него войдутъ многочисленныя крупныя и мелкія статьи автора, печатавшіяся въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій XIX в. въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границею или выходившія отдѣльными брошюрами. Планъ настоящаго *перваго* тома, озаглавленнаго „Центръ и окраины“, будетъ разъясненъ ниже (см. „Предисловіе къ первому тому“). Во *второй* томъ („Національность и культура“) войдутъ работы по исторіи литературы и національному возрожденію различныхъ угнетенныхъ національностей. *Третій* томъ составятъ, во-первыхъ, статьи, написанныя по поводу русско-турецкой войны 1877—1878 г., которыя были первыми произведеніями

автора, вышедшими за границей, внѣ досягаемости для русской цензуры, а во-вторыхъ, два крупныхъ труда по вопросу о федерализмѣ и областной автономіи въ Россіи, именно: „Историческая Польша и великорусская демократія“ и „Вольный союзъ“. Содержаніе этого тома будетъ если не исчерпываться, то намѣчаться заглавіемъ „Славянство и федерализмъ“. Наконецъ въ *четвертомъ* томѣ будутъ собраны всѣ статьи, касающіяся различныхъ сторонъ русскаго революціоннаго движенія, извѣстная работа о „земскомъ либерализмѣ“ и различныя другія мелкія замѣтки. По главной темѣ, которая въ нихъ разрабатывается, его можно будетъ, назвать „Политическая свобода и права личности“. Въ рамки предстоящаго изданія войдутъ всѣ сочиненія М. П. Драгоманова на политическія темы, написанныя по-русски, а также переводы нѣкоторыхъ изъ его французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ этюдовъ. Переводы съ украинскаго явятся лишь исключеніями. Всѣ политическія статьи автора на украинскомъ языкѣ сами по себѣ составятъ цѣлый обширный томъ, и онѣ должны быть сперва изданы въ подлинникѣ.

М. П. Драгомановъ нѣсколько разъ во время своей эмиграціи пытался организовать за границею свободный русскій политическій журналъ, который бы развивалъ, защищалъ и распространялъ начала конституціоннаго демократизма и федерализма, какъ истиннаго достижимаго и прочнаго пути для освобожденія Россіи. Настойчиво занималъ его этотъ вопросъ и въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни. Появленіе „Освобожденія“, органа П. Б. Струве, встрѣтило бы въ немъ, безъ сомнѣнія, горячее сочувствіе и дѣятельную поддержку, если бы смерть раньше времени не унесла его отъ насъ. М. П. былъ превосходно подготовленъ къ руководству подобнаго рода изданіемъ. Редакція „Освобожденія“ ясно понимала и чувствовала такое единомысліе. П. Б. Струве живо отозвался на иниціативу украинцевъ-демократовъ, чтобы сдѣлать первый важный шагъ для собранія и обнародованія литературно-политическаго завѣщанія М. П. Сдѣланное [1]) значительно

[1]) Вышло 2 тома „Собранія политическихъ сочиненій“ *М. П. Драгоманова* (1905 и 1906 г.).

облегчило трудности настоящаго изданія, которое стремится, расширивъ планъ, довести замыселъ до конца [1]). Остается надѣяться, что русское общество съ интересомъ приметъ важное орудіе для его политическаго просвѣщенія, и что настоящее изданіе послужитъ къ возстановленію духовной связи и солидарности съ однимъ изъ лучшихъ его идейныхъ руководителей.

Ив. Гревсъ.
Б. Кистяковскій.

С.-Петербургъ и Москва,
декабрь 1907.

---

[1]) Настоящему первому тому предпосланъ очеркъ жизни М. П. Драгоманова и общая характеристика его политическихъ идей, составленный *Б. А. Кистяковскимъ*. Къ IV тому будетъ приложенъ этюдъ о нѣкоторыхъ сторонахъ научнаго и политическаго міровоззрѣнія его, написанный *И. М. Гревсомъ*.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

М. П. Драгомановъ.

Его политическіе взгляды, литературная дѣятельность и жизнь.

Политическія сочиненія Михаила Петровича Драгоманова занимаютъ выдающееся мѣсто въ исторіи развитія русской общественной мысли. Въ нихъ впервые ясно и отчетливо выяснена настоятельная необходимость перехода Россіи къ конституціонному строю. Всю свою жизнь Драгомановъ съ поразительной энергіей и неутомимостью доказывалъ, что существованіе Россіи, какъ великой державы, и полное пріобщеніе русскихъ народностей къ цивилизованнымъ націямъ немыслимо безъ обновленія русской государственной жизни. Но, видя въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ единственное средство покончить съ неустройствомъ русской жизни и потому удѣляя имъ исключительное вниманіе, Драгомановъ далеко не ограничивалъ ими кругъ своихъ интересовъ. Его политическіе взгляды опирались на прочную основу широкихъ научныхъ обобщеній, явившихся результатомъ его громадной эрудиціи въ области всеобщей исторіи. Въ центрѣ его міровоззрѣнія стояла не политическая жизнь общества, а счастье народныхъ массъ, возможное, какъ онъ твердо въ этомъ былъ убѣжденъ, только при высокомъ уровнѣ культуры. Высшимъ благомъ культуры онъ считалъ полное развитіе индивидуальности какъ каждой отдѣльной личности, такъ и цѣлыхъ народовъ. Охватывая понятіе культуры въ ея наиболѣе полномъ значеніи, онъ мыслилъ ее, какъ совершенную организацію всѣхъ сторонъ жизни — экономической, соціальной и духовной, притомъ какъ организацію всего народа, а не однихъ его верховъ. Эта послѣдняя черта въ пониманіи

культуры диктовалась широкимъ демократизмомъ, присущимъ тому поколѣнію русской интеллигенціи, молодость котораго совпала съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ; въ личности Драгоманова этотъ демократизмъ былъ воплощенъ въ наиболѣе совершенной и послѣдовательной формѣ. Впитавъ демократическія чувства изъ той общественной атмосферы, въ которой онъ выросъ и воспитался, онъ претворилъ ихъ въ стройную систему идей, которыя онъ продумалъ до конца, сдѣлавъ изъ нихъ всѣ послѣдніе выводы. Отсюда его пламенная защита правъ угнетенныхъ народностей и прежде всего права на культурное развитіе родного ему украинскаго народа. Проповѣдуя не только равноправіе лицъ, но и равноправіе націй, онъ считалъ, что послѣднее осуществимо только при федераціи народовъ. По своимъ философскимъ взглядамъ Драгомановъ, отдавая дань своему вѣку и преклоняясь предъ успѣхами опытныхъ наукъ и положительныхъ знаній, былъ убѣжденнымъ позитивистомъ и раціоналистомъ. Но это не помѣшало ему возвыситься до признанія высшей цѣнностью личность и, что еще важнѣе, до болѣе углубленнаго пониманія идеи личности, выразившагося въ признаніи цѣнныхъ свойствъ, присущихъ личности, и за каждой культурно-самоопредѣляющейся народностью. Вотъ почему не безъ основанія можно сказать, что Драгомановъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, по своимъ философско-историческимъ воззрѣніямъ былъ близокъ къ истинному идеализму.

I.

Охарактеризовать литературно-политическую дѣятельность М. П. Драгоманова дѣло не легкое [1]). Она продолжалась болѣе

---

[1]) Источниками для біографіи М. П. Драгоманова и характеристики его литературной и политической дѣятельности могутъ служить слѣдующія изданія: 1) М. Павлик. „Михайло Петрович Драгоманов, 1841 — 1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“. Львів, 1896; 2) „Біографическій словарь университета Св. Владимира“. Кіевъ, 1885; 3) Dizzionario degli scrittori contemporanei— Dictionnaire des écrivains contemporains, par de Gubernatis; 4) Carnoy. Dictionaire des folkloristes; 5) Проф. О. Огоновскій. „Исторія літературы рускои“, т. IV. Львів, 1895; 6) А. Крымскій. „Михаилъ Петровичъ Драгомановъ“. Некрологъ. „Этнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII; 7) Ів. Франко. „Житьепис Драгоманова“. „Житье і Слово“, 1894, кн. 1; 8) Ів. Франко: „Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова“. „Літер.-

четверти столѣтія съ конца шестидесятыхъ годовъ по день смерти 8/20 іюня 1895 года. Особенно интенсивна она была, начиная съ 1876 года, въ послѣднія восемнадцать лѣтъ жизни Драгоманова, которыя онъ провелъ за границей въ качествѣ политическаго эмигранта. По складу своего ума болѣе ученый, чѣмъ публицистъ, Драгомановъ благодаря горячности своего темперамента не могъ не отзываться на жгучіе политическіе вопросы, выдвигавшіеся въ его время. Внѣшнія условія жизни заставили его стать въ положеніе политическаго агитатора. Но агитаторомъ въ точномъ смыслѣ слова онъ никогда не былъ. Даже въ чисто агитаціонныя изданія свои онъ вносилъ

Наук. Вістник", 1906, кн. 8; 9) М. Павлик. „М. Драгоманов і его роля в розвою Украіни". Львів, 1907; 10) М. Драгоманов. „Народні школи на Украіні". Женева, 1877; 11) М. Драгоманов. „Австро-руські спомини". Львів, 1889—1892; 12) М. Драгоманов. „Два учителі—К. І. Полевич и А. И. Стронин". Спомини. Львів, 1902; 13) М. Драгомановъ. „Автобіографія". „Былое", 1906, іюнь; 14) Изъ политическихъ разслѣдованій 1882 г. касательно „противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ". „Былое", 1906, апрѣль; 15) „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ". „Былое", 1907. іюнь; 16) Примѣчанія къ части „Свода", касающейся „сообщества украинофиловъ" А. Русова и Ф. Волкова. „Былое", 1907, іюнь. Изъ переписки Драгоманова пока опубликованы слѣдующіе сборники, изданные М. Павликомъ: 1) М. Драгоманов. „Переписка", т. І. Львів, 1901; 2) „Переписка М. Драгоманова з Т. Окуневским, 1883 — 1895. Львів, 1905; 3) „Переписка, М. Драгоманова з Н. Кобринською", 1893—1895. Львів, 1905. Кромѣ того, изданы: 4) „Переписка Ю. Бачинського з М. Драгомановим", 1894 — 1895. Львів, 1902; 5) М. Драгоманов. „Листи до Ів. Франка і инших", 1881—1886. Видав Ів. Франко. Львів, 1906. Самый цѣнный матеріалъ для характеристики научныхъ и политическихъ взглядовъ Драгоманова заключается, конечно, въ его сочиненіяхъ. Они разбросаны въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ. Наиболѣе важныя его политическія сочиненія были напечатаны въ сборникѣ „Громада", пять томовъ. Женева, 1877 — 1882, и въ журналахъ „Вольное Слово", Женева, 1881—1883 „Свободная Россія", Женева, 1889 и „Народ", Львовъ, 1890—1895. Политическія сочиненія его на русскомъ языкѣ, напечатанныя за границей, собраны и изданы редакціей „Освобожденія"—„Собраніе политическихъ сочиненій" М. П. Драгоманова, т. I и II. Парижъ, 1905 и 1906. Изъ научныхъ сочиненій Драгоманова только его статьи о народной словесности и украинской литературѣ изданы на украинскомъ языкѣ „Науковим товариством імени Шевченка" во Львовѣ въ его „Збірниках фільологичної секциі". До сихъ поръ вышли три тома—„Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство", т. І. Львів, 1899, т. II, 1900 и т. III, 1906. Это изданіе продолжается, и четвертый томъ уже печатается.

свою обширную научную эрудицію и всю глубину своей мысли. Всѣ его политическія сочиненія свидѣтельствуютъ о богатствѣ его знаній по политической исторіи передовыхъ народовъ и о законченной продуманности его основныхъ предпосылокъ. Какъ публицистъ и политическій писатель, Драгомановъ отзывался на всѣ злобы дня, но онъ ничего не написалъ только на злобу дня. По поводу всякаго частнаго событія онъ выдвигалъ принципіальные вопросы и пользовался имъ для того, чтобы широко поставить и развить свою общую соціальную и политическую программу. Впрочемъ, обстоятельства благопріятствовали ему въ этомъ, такъ какъ въ началѣ его заграничной свободной писательской дѣятельности передъ Россіей были поставлены самые общіе вопросы, выдвинутые возстаніемъ южныхъ славянъ и послѣдовавшей за нимъ русско-турецкой войной. Въ цѣломъ рядѣ политическихъ брошюръ, написанныхъ въ 1876—1878 гг. по поводу войны, Драгомановъ спѣшилъ указать на то, что Россія не можетъ вести успѣшной внѣшней политики, а тѣмъ болѣе войны, пока внутри нея безраздѣльно господствуетъ бюрократія, а русское общество осуждено на безмолвіе. Онъ неутомимо доказывалъ, что нельзя освобождать „славянскихъ братьевъ“ отъ „турокъ внѣшнихъ“, пока надъ освободителями ненарушимо властвуютъ „турки внутренніе“; что учреждать свободу въ чужой странѣ могутъ только люди свободные у себя дома; что свобода—„чистое дѣло“ и требуетъ „чистыхъ рукъ“, и что люди, запятнавшіе себя интендантскими и другими хищеніями и кровавыми усмиреніями ограбленныхъ своими бывшими помѣщиками крестьянъ, своимъ прикосновеніемъ къ дѣлу свободы только погубятъ ее. Въ связи съ славянскимъ вопросомъ стоялъ и вопросъ объ Украйнѣ, которая открыла для Московскаго государства въ XVII столѣтіи Черное море и поставила передъ Россіей задачу изгнанія турокъ изъ Европы и превращенія Балканскаго полуострова въ свободную федерацію южно-славянскихъ государствъ съ вѣроятнымъ присоединеніемъ къ ней Греціи, Албаніи и Румыніи. Эта задача, такъ называемый Восточный вопросъ, стоила Россіи невѣроятнаго количества безполезныхъ жертвъ, къ которымъ надо отнести и послѣднюю русско-турецкую войну, и, тѣмъ не менѣе, она до сихъ поръ не выполнена; а между тѣмъ при правильной политикѣ и при дѣйствительной нравственной поддержкѣ

южно-славянскихъ народовъ со стороны Россіи, она была бы выполнена самими этими народами безъ кровавыхъ войнъ Россіи съ Турціей. Причина такой массы безполезныхъ жертвъ заключалась въ томъ, что политика русскаго правительства была не безкорыстной и „освободительной", каковой ее прославляли различные офиціозы и всякіе прихлебатели официальныхъ сферъ среди русской прессы, а чисто эгоистической и завоевательной. Драгомановъ считалъ нужнымъ указывать на то, что по отношенію къ южнымъ славянамъ теперь примѣняется русской бюрократіей та же политика, которая примѣнялась по отношенію къ Украйнѣ московскимъ приказнымъ строемъ въ XVII вѣкѣ и петербургскимъ бюрократическимъ режимомъ въ XVIII вѣкѣ. Украйна, примкнувшая къ Московскому государству, какъ къ освободителю отъ магнатско-іезуитскихъ порядковъ, созданныхъ Люблинской и Брестской уніями, попала послѣ присоединенія еще въ большее порабощеніе, благодаря бюрократическому самодержавію. Порабощеніе Украйны достигло своего кульминаціоннаго пункта какъ разъ наканунѣ русско-турецкой войны въ знаменитомъ указѣ 1876 года, почти совсѣмъ упразднявшемъ украинскую литературу. Для Драгоманова было ясно, что окончательное порабощеніе Украйны, какъ крупный успѣхъ русскаго самодержавнаго правительства, знаменовало также усиленіе и закрѣпленіе порабощенія всего русскаго народа. Какъ украинецъ, онъ съ особенной силой созналъ цѣнность личной и общественной свободы для украинскаго и всего русскаго народа. Неутомимой проповѣди свободы личности и общества и требованію конституціонныхъ гарантій для нея онъ прежде всего и посвятилъ свою литературно-политическую дѣятельность за границей.

Но Драгомановъ былъ не только неутомимымъ проповѣдникомъ личныхъ и общественныхъ свободъ; онъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и первымъ ихъ проповѣдникомъ въ Россіи. Значенія свободы личности, осуществимой лишь при конституціонныхъ учрежденіяхъ, не сознавалъ даже К. Д. Кавелинъ, когда въ спорѣ съ Герценомъ въ 1862 г. отрицалъ необходимость для Россіи конституціи и нападалъ на тѣ дворянскія собранія, которыя подняли тогда этотъ вопросъ. Онъ видѣлъ въ конституціонномъ строѣ только участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи страной, но

не гарантію личной свободы. Что касается самого Герцена, то хотя онъ и ясно опредѣлилъ громадное значеніе личной и общественной свободы для Западной Европы, хотя и вывезъ изъ Россіи непримиримую ненависть къ самодержавію и сознаніе невозможности жить на родинѣ при отсутствіи свободы личности, хотя и твердо усвоилъ западноевропейскія политическія ученія, основанныя на признаніи неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина, тѣмъ не менѣе, онъ не сдѣлалъ политическое освобожденіе личности предметомъ столь же пламенной проповѣди, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Между тѣмъ именно послѣ освобожденія крестьянъ и особенно послѣ подавленія польскаго возстанія все свидѣтельствовало о томъ, что утвержденіе правъ личности и свободы общества есть насущнѣйшая задача времени. И даже упорный западникъ Тургеневъ не обратилъ вниманія Герцена на этотъ пробѣлъ въ его литературно-политической агитаціи. Въ спорѣ съ Герценомъ о Славянствѣ и Западѣ онъ только старался убѣдить своего противника въ превосходствѣ Запада, ссылаясь на его неумирающую культуру и на присущее всему строю его жизни уваженіе къ правамъ личности и къ общественной свободѣ; но и онъ не указалъ Герцену на то, что свобода личности является ближайшею насущною потребностью русскаго народа и лишь осуществленіе ея приблизитъ Россію къ Западу; онъ не посовѣтовалъ Герцену замѣнить проповѣдь созданной имъ своеобразной смѣси славянофильскаго мессіанства, народничества и соціализма энергичной проповѣдью свободы личности, общества и государства. Еще менѣе считали нужнымъ отстаивать въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ свободу личности, какъ основное политическое благо, представители „русской соціологической школы“, П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, которые создали соціально-философскія основы русскаго соціалистическаго и революціоннаго движенія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Хотя они неутомимо развивали свои идеи о томъ, что въ будущемъ идеальномъ соціальномъ строѣ личность должна быть „всесторонне развитой“ и „безусловно цѣльной“, тѣмъ не менѣе, они не считали нужнымъ выдвинуть, какъ основное требованіе своего времени, завоеваніе политическихъ правъ для личности. Понятно, что и соціально-революціонная русская интеллигентная молодежь

начала семидесятыхъ годовъ, беззавѣтно отдавшаяся народному дѣлу, которое она видѣла въ осуществленіи аграрнаго соціализма, и съ полнымъ самоотверженіемъ ушедшая въ народъ проповѣдывать его среди крестьянскаго и рабочаго люда, менѣе всего думала о свободѣ личности и общества, а конституціонный строй она вполнѣ отожествляла съ господствомъ буржуазіи. Среди этого полнаго невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа Драгомановъ съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учрежденій, которую онъ велъ, начиная съ середины семидесятыхъ годовъ, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто.

Явившись первымъ русскимъ писателемъ, сдѣлавшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ, Драгомановъ не провозглашалъ, конечно, ничего абсолютно новаго для русской жизни. Идеи политической свободы, выработанныя въ Западной Европѣ еще въ половинѣ XVII столѣтія, составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго европейски образованнаго человѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ выработаны, ни одна общественная группа и ни одинъ политическій писатель, стоящіе на уровнѣ европейскаго образованія, не могутъ не видѣть ихъ цѣнности и значенія, они не могутъ хотя бы отъ времени до времени въ той или другой формѣ не настаивать на нихъ. Въ Россіи традиціи борьбы съ самодержавіемъ за политическую свободу тянутся отъ декабристовъ черезъ Герцена къ революціонерамъ шестидесятыхъ годовъ и отъ этихъ послѣднихъ—къ народникамъ и народовольцамъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. И въ этой славной традиціи русскаго общества вполнѣ опредѣленно выдвигается значеніе Драгоманова, какъ перваго послѣдовательнаго конституціоналиста, творца первой русской конституціонной теоріи. „Драгомановъ, по словамъ П. Б. Струве, первый изъ русскихъ публицистовъ далъ русской демократіи широкую и ясную политическую программу. Онъ первый рѣзко и отчетливо выяснилъ русскому обществу смыслъ и значеніе конституціоннаго порядка и, въ особенности, правъ личности, началъ самоуправленія“[1]). Будучи соціалистомъ, Драгомановъ былъ въ то же время послѣдова-

---

[1]) См. „Освобожденіе“ № 72.

тельнымъ либераломъ и демократомъ, каковыми всегда и являются истинные соціалисты. Онъ неутомимо доказывалъ, что идейный либерализмъ въ высшей степени цѣненъ прежде всего для соціализма, такъ какъ и пропаганда и осуществленіе послѣдняго возможны только на основѣ личной, общественной и государственной свободы. Въ то же время онъ никогда не смотрѣлъ на политическую свободу только какъ на средство для осуществленія соціализма и признавалъ за нею вполнѣ самостоятельное и неизмѣнное культурное, политическое и общественное значеніе. Въ этомъ отношеніи его идеи въ высшей степени современны, и онъ какъ бы непосредственно участвуетъ въ нынѣшей борьбѣ политическихъ партій и направленій.

Проповѣдь идей политической свободы и защиту конституціонныхъ формъ государственнаго устройства, какъ единственнаго способа осуществить эти идеи въ жизни, Драгомановъ долженъ былъ соединять съ критикой тѣхъ воззрѣній, въ томъ числѣ и революціонныхъ, въ которыхъ онъ видѣлъ невѣрное пониманіе и неправильную оцѣнку свободныхъ политическихъ формъ. Необходимость критики диктовалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Драгомановъ никогда не могъ признать удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о политической свободѣ созданіе лишь центральнаго народнаго представительства. Исходя изъ идей федерализма, основаннаго на самомъ широкомъ признаніи автономныхъ правъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ группъ, онъ, считая нужнымъ въ то же время оставаться на почвѣ реальной политики, требовалъ, чтобы въ Россіи представительство государственное было тѣсно связано съ представительствомъ мѣстнымъ и областнымъ, и чтобы участіе народа и его представителей въ рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ опиралось на широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія. Онъ не переставалъ доказывать гибельность централизма для самаго существованія политической свободы-отъ кого бы этотъ централизмъ ни исходилъ, отъ самодержавной ли бюрократіи, или отъ централистическихъ революціонныхъ партій, и во имя чего бы онъ ни проповѣдывался, во имя ли ложно понятой идеи о единствѣ и нераздѣльности Россіи, или во имя историческихъ правъ Польши на Литву, Бѣлоруссію и Украйну и на возстановленіе польской государственности въ старыхъ границахъ.

Прибѣгать къ критикѣ чужихъ взглядовъ Драгоманову особенно часто приходилось, начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, когда на борьбу за политическую свободу выступили русскіе революціонеры. Проявляя исключительную энергію и безпримѣрный героизмъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, русскіе террористы сравнительно мало заботились о правильности своихъ теоретическихъ взглядовъ, такъ какъ къ борьбѣ за политическую свободу они пришли эмпирически, путемъ практики, а не путемъ теоретическаго развитія своихъ идей. Драгомановъ съ самаго начала увидѣлъ, что онъ не можетъ работать сообща съ русскими террористами, несмотря на то, что ихъ соединяла борьба за политическую свободу. Поэтому, когда Желябовъ послѣ возникновенія партіи „Народной воли“ обратился къ нему съ предложеніемъ быть литературнымъ выразителемъ партіи за границей, онъ отклонилъ это предложеніе. Но скоро ему пришлось подвергнуть систематической критикѣ какъ теоретическіе взгляды, такъ и методы борьбы русскихъ революціонеровъ. Этотъ критическій пересмотръ всего міровоззрѣнія русскихъ соціалистовъ и революціонеровъ онъ произвелъ, главнымъ образомъ, въ своихъ статьяхъ, появлявшихся въ журналѣ „Вольное Слово“ въ теченіе почти двухъ съ половиною лѣтъ съ начала 1881 года до середины 1883 года. Среди нихъ особенно замѣчателенъ рядъ статей, изданныхъ затѣмъ въ 1882 году отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Историческая Польша и великорусская демократія“. Въ этомъ сочиненіи Драгомановъ исторически и критически разсмотрѣлъ революціонныя движенія на территоріи Россіи, начиная съ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, въ связи съ вопросомъ о политической свободѣ и децентрализаціи въ Россіи, въ частности же въ ихъ отношеніи къ польскому и украинскому вопросамъ. Въ концѣ книги онъ развилъ свою политическую программу, основанную на принципѣ автономіи земскихъ единицъ, т.-е. сельскихъ и городскихъ общинъ, волостей, уѣздовъ, губерній и областей.

Одновременно съ появленіемъ этого сочиненія Драгоманова въ журналѣ «Вольное Слово», т.-е. въ 1881 г., организація земскихъ дѣятелей - конституціоналистовъ, возникшая еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ, но только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ сложившаяся прочно въ такъ называемый „Земскій союзъ“, выработала свою политическую программу.

81381

Когда эти программы были сопоставлены, то оказалось, что земцы-конституціоналисты сходятся въ рѣшеніи основныхъ программныхъ вопросовъ съ Драгомановымъ. Это совпаденіе объясняется, конечно, тѣмъ, что обѣ программы принимали за исходную точку единственную уже существовавшую въ Россіи организованную общественную силу — земство, и что въ предшествовавшіе годы самымъ энергичнымъ проповѣдникомъ идей конституціонализма былъ Драгомановъ, убѣжденный федералистъ и автономистъ. Вліяніе Драгоманова сказывалось также въ томъ, что самые выдающіеся и дѣятельные члены „Земскаго союза“ принадлежали къ южно-русскимъ или украинскимъ земствамъ — къ черниговскому, полтавскому и харьковскому. Вслѣдствіе совпаденія программъ произошло и организаціонное сближеніе между „Земскимъ союзомъ“ и Драгомановымъ. Въ концѣ 1882 года Драгоманову было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго союза“ взять на себя редактированіе „Вольнаго Слова“, и онъ принялъ это порученіе. Казалось, что, благодаря „Вольному Слову“ и „Земскому союзу“, долженъ наступить моментъ, когда Драгомановъ получитъ, наконецъ, возможность опереться въ своей пропагандѣ и агитаціи на широкое общественное движеніе. Руководимый Драгомановымъ журналъ „Вольное Слово“, основанный первоначально съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія, превратился въ органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ. При этомъ въ журналѣ отводилось много мѣста соціальному вопросу и постановкѣ его въ отдѣльныхъ странахъ Западной Европы и Америки для того, чтобы знакомить читателей со всей необъятной сложностью этого вопроса и отучать ихъ отъ односторонніхъ и поспѣшныхъ рѣшеній и выводовъ. Но дѣятельность Драгоманова въ качествѣ редактора „Вольнаго Слова“ продолжалась очень недолго. Усилившаяся правительственная реакція, а главнымъ образомъ, начавшаяся въ это время реакція общественная скоро задушила и „Земскій союзъ“ и „Вольное Слово“. Надежды на созывъ земскаго собора ко времени коронаціи Александра III не оправдались, и подъ вліяніемъ разочарованій „Земскій союзъ“ распался. Большинство членовъ его было мало склонно къ упорной и настойчивой агитаціи, а русское общество становилось

все менѣе воспріимчиво къ ней. Лишившись поддержки и со стороны издателей и со стороны читателей, „Вольное Слово“ уже въ маѣ 1883 года должно было прекратить свое существованіе.

Но лѣтомъ того же 1883 года изъ Россіи къ Драгоманову были обращены новые запросы, которые дали ему толчокъ написать одно изъ наиболѣе важныхъ его политическихъ сочиненій. Сперва ему было доставлено нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ обычныхъ тогда программъ русскихъ революціонеровъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе якобинскимъ централизмомъ, и приближались по своимъ федералистическимъ тенденціямъ къ программѣ Драгоманова. Затѣмъ къ Драгоманову прибыли делегаты отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ кружковъ съ тѣмъ, чтобы совмѣстно выработать программу и уставъ для основанія политическаго общества „Вольный союзъ“, которое задалось бы цѣлью пропаганды (преимущественно на Украйнѣ, но не упуская изъ виду и всей Россіи) идей политической свободы и соціальныхъ реформъ въ связи съ федерализмомъ. Драгоманову было очень трудно столковаться съ этими делегатами, такъ какъ они находились еще подъ сильнымъ обаяніемъ теоріи и практики партіи „Народной воли“. Они мало придавали значенія медленной организаціонной и пропагаторской дѣятельности и поскорѣе хотѣли заманифестировать свое существованіе какимъ-нибудь громкимъ дѣломъ, въ родѣ „народовольческихъ предпріятій“, но только съ федерально-украинской окраской. Въ то же время имъ не нравилось то вниманіе, которое Драгомановъ удѣлялъ австрійской Руси и политикѣ западныхъ славянъ, такъ какъ они считали такое расширеніе политическихъ интересовъ ненужнымъ усложненіемъ дѣла. Въ концѣ-концовъ, однако, делегаты кое-какъ столковались съ Драгомановымъ, основные пункты устава и программы политическаго общества „Вольный союзъ“ были выработаны и отпечатаны и делегаты увезли печатные экземпляры ихъ въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ „вольносоюзниковъ“ и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ. Тѣмъ не менѣе, политическіе друзья Драгоманова въ Россіи пожелали, чтобы онъ издалъ выработ-

танную программу „Вольнаго союза“ съ своими обширными объясненіями и дополненіями. Вышедшее въ 1884 году въ Женевѣ сочиненіе Драгоманова „Вольный союзъ“ и представляетъ по формѣ программу и уставъ политическаго общества.

Программа, изложенная въ книжкѣ „Вольный союзъ“, заключаетъ въ себѣ также и проектъ конституціонной реорганизаціи Россіи. Въ немъ особенно обращаетъ на себя вниманіе параграфъ, устанавливающій всеобщее избирательное право, при чемъ правомъ избирать пользуются всѣ граждане, достигшіе 21-лѣтняго возраста. Здѣсь мы имѣемъ безспорное доказательство того, что русскій либерализмъ, передовымъ глашатаемъ котораго въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ Драгомановъ — поскольку онъ, какъ идейный украинецъ, вообще могъ быть представителемъ общерусскаго либерализма — всегда неизмѣнно отстаивалъ это основное требованіе политическаго демократизма. Но самую характерную черту этого проекта составляетъ требованіе широкаго мѣстнаго самоуправленія, особенно областного, какъ основы государственнаго самоуправленія, осуществляемаго центральнымъ народнымъ представительствомъ.

Проектъ русской конституціи, изложенный въ „Вольномъ союзѣ“, долгое время былъ единственнымъ подробно разработаннымъ проектомъ. Только спустя десять лѣтъ, около средины девяностыхъ годовъ, въ Россіи былъ составленъ и пущенъ по рукамъ другой „Проектъ русской конституціи“, который въ 1895 г. былъ изданъ „Фондомъ вольной русской прессы“ въ Лондонѣ со статьей С. Степняка (Кравчинскаго). Этотъ второй проектъ чрезвычайно похожъ на проектъ Драгоманова; въ немъ нѣкоторые пункты только болѣе подробно разработаны, въ другихъ же сдѣланы гораздо большія уступки современному государственному строю въ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ немъ сохраненъ Государственный Совѣтъ въ его прежнемъ составѣ изъ пожизненно назначаемыхъ монархомъ сановниковъ вмѣсто предложенной въ „Вольномъ союзѣ“, въ качествѣ второй палаты, „союзной думы“, состоящей изъ депутатовъ, избираемыхъ „областными думами“. Въ своей статьѣ, посвященной сравненію этихъ двухъ проектовъ, С. Степнякъ говоритъ по поводу этого сходства: „Оба эти проекта представляютъ разительное сходство въ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Но мы не думаемъ объ-

яснять этого заимствованіемъ. Вѣдь и Драгомановъ не выдумывалъ своего проекта, а лишь приспособлялъ къ русскимъ условіямъ образцы общественнаго устройства свободныхъ государствъ, испытанные долголѣтнимъ опытомъ... Сходство обоихъ проектовъ показываетъ только, что оба составителя признали наиболѣе соотвѣтствующими для Россіи одни и тѣ же великіе образцы". Мы, однако, не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ С. Степняка и думаемъ, что онъ былъ не правъ. Конечно, ни въ одной области законодательства не производилось столько заимствованій, какъ при составленіи конституцій; теперь вообще даже и невозможно выработать конституцію совсѣмъ свободную отъ заимствованій. Но образцы, изъ которыхъ можно заимствовать, чрезвычайно различны, а иногда и прямо противоположны, начиная отъ французскихъ централистически-якобинскихъ и заканчивая американскими и швейцарскими федералистическими конституціями. Что Драгомановъ производилъ свои заимствованія у американскихъ и швейцарскихъ образцовъ, объясняется тѣмъ, что онъ, будучи украинцемъ, имѣлъ много поводовъ и случаевъ убѣдиться, какимъ зломъ является государственный централизмъ. Съ самаго появленія своего за границей, онъ всегда соединялъ пропаганду политической свободы съ борьбою противъ централизма и съ проповѣдью федерализма или, по крайней мѣрѣ, широкаго областного самоуправленія. Особенно энергично ему пришлось бороться противъ государственнаго централизма во всѣхъ его формахъ и видахъ вслѣдствіе того, что русскіе революціонные круги всегда проявляли симпатію и естественную склонность къ французскимъ якобинскимъ теоретическимъ взглядамъ и тактическимъ пріемамъ. Благодаря этой неустанной противо-централистической проповѣди Драгоманова въ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ и либеральное движеніе въ Россіи отличалось очень сильными федералистическими симпатіями, въ противоположность чисто революціоннымъ движеніямъ, по большей части централистическимъ. Симпатіи къ федерализму тѣмъ болѣе естественны для русскаго либерализма, что онъ какъ раньше, такъ въ значительной мѣрѣ и въ наше время, опирается на земство. Въ виду этого общаго вліянія Драгоманова на развитіе и пониманіе идей либерализма въ Россіи, мы увѣрены, что и авторъ „Проекта русской конституціи", опубликованнаго Лондонскимъ фондомъ,

долженъ былъ испытать на себѣ непосредственное вліяніе какъ идей, такъ и литературныхъ произведеній Драгоманова. Очень важнымъ косвеннымъ доказательствомъ нашего мнѣнія мы считаемъ то обстоятельство, что въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, истекшія уже послѣ смерти Драгоманова, когда вліяніе его идей естественно сильно ослабѣло, въ русскомъ либерализмѣ начали преобладать симпатіи къ „другимъ великимъ образцамъ“ конституціонныхъ учрежденій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно хотя бы въ общихъ чертахъ сравнить проектъ конституціи, изложенный въ „Вольномъ союзѣ“ съ „Основнымъ государственнымъ закономъ Россійской Имперіи“, составленнымъ группой петербургскихъ и московскихъ членовъ „Союза Освобожденія“. Въ послѣднемъ обойденъ даже польскій вопросъ. Но самое поразительное то, что этотъ проектъ не расширяетъ компетенцій земствъ и другихъ единицъ самоуправленія и не создаетъ для нихъ гарантій, опредѣляемыхъ самой конституціонной хартіей, а предоставляетъ установленіе этихъ компетенцій и ихъ гарантій обыкновенному законодательству. Проектъ также не предоставляетъ исключительно судебнымъ органамъ рѣшенія споровъ о компетенціи между органами центральнаго правительства и органами мѣстнаго самоуправленія. Даже при переработкѣ этого проекта „комиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ“ въ проектъ не было внесено никакихъ измѣненій въ этихъ пунктахъ. Мы видимъ въ послѣднемъ обстоятельствѣ несомнѣнное доказательство того, что въ то время, какъ энергія и активность въ борьбѣ за общегосударственное представительство неизмѣримо возросли среди земскихъ дѣятелей въ недавно пережитую нами бурную освободительную эпоху, интересъ къ вопросамъ земскаго и вообще мѣстнаго самоуправленія значительно ослабѣлъ среди нихъ. Только въ послѣднее время, когда несмотря на существованіе Государственной Думы, общество оказывается безсильнымъ въ борьбѣ за конституціонный строй, все чаще раздаются призывы опереть обновленіе нашего государства на демократизированныя земства. Въ противоположность этимъ проектамъ, выработаннымъ различными общественными группами въ послѣдніе годы, проектъ, изложенный въ сочиненіи „Вольный союзъ“, выгодно отличается именно тѣмъ, что въ немъ удѣлено особенное вниманіе вопросамъ мѣстнаго самоуправленія; такъ, въ немъ въ самую кон-

ституцію введено опредѣленіе компетенцій единицъ мѣстнаго самоуправленія; компетенціи эти значительно расширены, что связано съ созданіемъ болѣе крупной и потому болѣе вліятельной и самостоятельной, чѣмъ губернское земство, единицы самоуправленія — областного земства; наконецъ, рѣшеніе спора о границахъ компетенціи между органами мѣстнаго самоуправленія и центральнымъ правительствомъ предоставлено въ немъ исключительно суду. Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что гейдельбергскій профессоръ Максъ Веберъ, который, какъ гражданинъ одного изъ западно-европейскихъ государствъ, конечно, лучше знакомъ съ тѣмъ, какъ функціонируютъ конституціонныя учрежденія на практикѣ, обратилъ вниманіе на игнорированіе вопросовъ о компетенціи земствъ въ проектахъ, вышедшихъ изъ среды „Союза Освобожденія“, и выдвинулъ въ противоположность имъ преимущества проекта, изложеннаго въ „Вольномъ союзѣ“ [1]).

Въ своемъ сочиненіи „Вольный союзъ“ Драгомановъ не только сдѣлалъ сводъ всѣхъ предлагавшихся имъ въ различное время рѣшеній программныхъ вопросовъ, но и сгруппировалъ также свои взгляды по вопросамъ тактики. Исходной точкой для рѣшенія всѣхъ тактическихъ вопросовъ для него всегда служило положеніе: „чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“, которое онъ выдвинулъ еще противъ русскаго правительства, когда предъ русско-турецкой войной указывалъ на неискренность его „освободительной“ политики на Балканскомъ полуостровѣ. И въ полемикѣ съ русскими революціонерами онъ не переставалъ доказывать, что цѣлесообразными средствами въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ могутъ быть только безусловно нравственныя средства. Въ частности онъ очень много останавливался на нецѣлесообразности вовлеченія въ активную политическую дѣятельность и въ нелегальныя организаціи учащейся молодежи.

Но особенно замѣчательна его мужественная и настойчивая борьба съ политическимъ терроромъ, какъ средствомъ завоеванія политической свободы. Съ самаго появленія у насъ политическаго террора онъ опредѣленно выступилъ противъ

---

[1]) Ср. Max Weber. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland. Archiv für Sozialwissenschaft und Socialpolitik. 1906. B. XXII, 1.

него; онъ отнесся съ безусловнымъ осужденіемъ къ террору по поводу событія 1 марта, высказавъ свое мнѣніе не только въ своихъ статьяхъ въ русскихъ изданіяхъ, но и въ особой брошюрѣ, опубликованной по-французски[1]), и до конца дней своихъ онъ не переставалъ осуждать всѣ виды политическаго террора. Теперь, когда русскій политическій терроризмъ прошелъ всѣ стадіи своего развитія, приходится изумляться тому, какъ мѣтко Драгомановъ сразу оцѣнилъ значеніе этого способа борьбы съ правительствомъ, и какъ вѣрно онъ предугадалъ всѣ его послѣдствія. Онъ, напримѣръ, предсказалъ, что этотъ методъ борьбы обратится противъ тѣхъ, кто его у насъ выдвинулъ, что въ рукахъ правительства и реакціонныхъ партій онъ превратится въ сильнѣйшее орудіе борьбы со всѣмъ освободительнымъ движеніемъ и съ самымъ принципомъ политической свободы. Аргументація Драгоманова въ этомъ вопросѣ настолько интересна и характерна для него, что лучше всего предоставить слово ему самому. „При томъ политическомъ порядкѣ,—говоритъ онъ,—какому подчинена теперь Россія, и въ такое время, какое она теперь переживаетъ, никто не можетъ поручиться за себя, что онъ не совершитъ убійства, которое будетъ имѣть политическій характеръ. Но сколько-нибудь дальновидные политическіе дѣятели, а тѣмъ болѣе сторонники политической свободы, должны избѣгать всего, что можетъ имѣть значеніе возведенія убійства въ систему политической борьбы, или придать убійству видъ принципіально-законнаго дѣйствія. Во-первыхъ, это сузило бы самую политическую борьбу, направивъ ее болѣе противъ личностей, чѣмъ противъ извѣстнаго порядка, и придавъ ей поверхностный характеръ и въ сущности болѣе легкія задачи, а во-вторыхъ, и главное, признавая убійства за законный способъ политической борьбы, сторонники политической свободы содѣйствовали бы поддержкѣ отрицаемаго ими принципа и подрывали бы собственное будущее. Въ особенности, это слѣдуетъ сказать о тѣхъ сторонникахъ политической свободы, которые придаютъ преимущественное значеніе огражденію интересовъ лица, правамъ человѣка и гражданина, а всѣмъ общественнымъ

---

[1]) См. Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale. Par M. Dragomanov. Genève, 1881. Русск. перев. см. „Собраніе политическихъ сочиненій“ М. П. Драгоманова, изд. ред. „Освобожденія“, Paris, 1906, т. II, стр. 344 и сл.

формамъ и учрежденіямъ удѣляютъ значеніе лишь постольку, поскольку они обезпечиваютъ эти интересы и права. Неприкосновенность жизни есть, конечно, первое изъ правъ личности и въ настоящее время наиболѣе развитые люди пришли къ полному и безусловному отрицанію всякаго рода смертной казни даже при самыхъ широкихъ гарантіяхъ судебной справедливости. Но убійство по личному замыслу не можетъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ дѣйствія личнаго произвола, и какъ бы ни были благонамѣренны его мотивы, оно все-таки остается произволомъ; убійство же по постановленію тайнаго политическаго общества есть прежде всего казнь по приговору тайнаго суда безъ выслушанія защиты подсудимаго,—суда, члены котораго суть вмѣстѣ и обвинители, и свидѣтели, и судьи, т.-е. это дѣйствіе прямо деспотическое. Если убійство по личному замыслу можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ оправдано вызвавшими его обстоятельствами, то возведеніе тайнаго суда заговорщиковъ въ дѣйствіе законное не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ подрываніемъ въ общественномъ сознаніи идеи о правахъ человѣка и гражданина; послѣднія же по самому смыслу понятія свободы должны стоять выше всего въ общественномъ порядкѣ, и нарушеніе ихъ не можетъ пройти безнаказанно для всего этого порядка и его развитія, и въ первой линіи не можетъ остаться безнаказаннымъ для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые желаютъ прогрессивнаго развитія общества, и которые, какъ находящіеся чаще всего въ меньшинствѣ, всего болѣе нуждаются въ гарантіяхъ своего существованія. Вся исторія политическихъ убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ говоритъ въ пользу справедливости этого утвержденія и противъ того мнѣнія, опыты распространенія котораго были недавно дѣлаемы въ Россіи, а именно, будто политическія убійства составляютъ особенно удобный (и притомъ новый) прогрессивно-революціонный способъ дѣйствія". Затѣмъ Драгомановъ подробно останавливается на исторіи политическихъ убійствъ и такъ называемыхъ „народныхъ расправъ", вызванныхъ борьбою партій. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и пророчествомъ по отношенію къ Россіи. „Всѣ эти факты доказываютъ, — говоритъ онъ, — что убійства представляютъ для политическихъ партій, по крайней мѣрѣ, орудіе обоюдоострое, а потому и мало надежное для дѣла измѣненія извѣстнаго политическаго порядка и устано-

вленія другого. Мало того, факты эти, по нашему мнѣнію, даютъ основаніе ожидать, что въ Россіи (въ которой правительство теперь такъ напоминаетъ правительство неаполитанскихъ Бурбоновъ) монархическая реакція въ трудныхъ для нея обстоятельствахъ сама прибѣгнетъ къ политическимъ убійствамъ и къ расправамъ какихъ-нибудь московскихъ мясниковъ. Поэтому мы думаемъ, что участники организованной борьбы за политическую свободу въ Россіи, вмѣсто того, чтобъ увлекаться обоюдоострою политикой страстей и непосредственныхъ чувствъ, должны заблаговременно приготовиться къ парализированію подобныхъ вышеупомянутымъ пріемовъ реакціи путемъ широкой пропаганды истинно свободныхъ политическихъ идей и прочной организаціи для защиты свободныхъ учрежденій, осуществимыхъ только при децентрализаціи представительнаго правленія“ [1]).

Идеи Драгоманова очень мало гармонировали съ распространенными въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ политическими теченіями въ русскомъ обществѣ. Онѣ были особенно далеки и чужды нѣкоторымъ слоямъ русской революціонной интеллигенціи. Это приводило часто къ несправедливымъ и жестокимъ полемическимъ выходкамъ противъ него. Но политическая проницательность и публицистическія заслуги Драгоманова не могли не быть оцѣнены хотя бы нѣкоторыми изъ наиболѣе видныхъ представителей русскаго революціоннаго движенія. Слѣдующія строки изъ посланнаго въ 1894 году къ празднованію тридцатилѣтія литературной дѣятельности Драгоманова привѣтствія, подписаннаго С. Степнякомъ (Кравчинскимъ), Е. Лазаревымъ и Ф. Волховскимъ, показываютъ, какъ высоко ставили они заслуги Драгоманова въ дѣлѣ политическаго развитія Россіи: „Украйна, давшая намъ величайшаго изъ нашихъ художниковъ слова, основателя русской беллетристики и множество первоклассныхъ поэтовъ, артистовъ, музыкантовъ и ученыхъ, можетъ гордиться тѣмъ, что въ трудную эпоху формированія политическихъ партій въ Россіи выдвинула одного изъ крупнѣйшихъ политическихъ мыслителей нашего времени, который болѣе кого-либо изъ современниковъ способствовалъ выведенію русской революціонной интеллигенціи изъ того идей-

---

[1]) Ср. М. П. Драгомановъ. „Собраніе политическихъ сочиненій“. Изд. ред. „Освобожденія“, Paris, 1905, т. I, стр. 364—372.

наго хаоса, въ которомъ она находилась лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Сознательно или безсознательно, охотно или затыкая уши, русскіе революціонеры почти всей своей массой идутъ по тому пути, который Драгомановъ предвидѣлъ и не переставалъ указывать съ первыхъ дней своего появленія за границей. Многія изъ его практическихъ положеній и указаній, основанныхъ на подробномъ изученіи политическаго организма современной Россіи и на глубокомъ знаніи политической исторіи передовыхъ народовъ образованнаго міра, до такой степени опережаютъ событія, что могутъ быть оцѣнены и утилизированы только послѣ совершенія политическаго переворота, который дастъ Россіи возможность организоваться и устроиться сообразно своимъ желаніямъ и потребностямъ. Они могутъ быть названы его политическимъ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ потомству—надѣемся, не весьма отдаленному“ [1]).

Политическія сочиненія Драгоманова на русскомъ языкѣ довольно полно характеризуютъ его, какъ борца за права личности и политическую свободу, и какъ проповѣдника федералистическихъ началъ, но они недостаточно хорошо знакомятъ съ нимъ, какъ съ украинцемъ и соціалистомъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ онъ обращается ко всему русскому обществу и пишетъ на темы, интересующія его все. И хотя онъ при этомъ всегда говоритъ, какъ украинецъ и соціалистъ, его взгляды по украинскимъ и соціалистическимъ вопросамъ вырисовываются менѣе полно, чѣмъ въ тѣхъ случахъ, когда онъ непосредственно обращается къ своимъ землякамъ и къ тѣмъ общественымъ слоямъ, въ которыхъ онъ считалъ нужнымъ вести по преимуществу пропаганду соціализма. Для знакомства съ дѣятельностью Драгоманова, какъ украинца и соціалиста, надо обращаться къ его сочиненіямъ на украинскомъ языкѣ и изъ нихъ, главнымъ образомъ, къ тѣмъ, которыя напечатаны въ пяти томахъ сборника „Громада“, издававшагося имъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1878 по 1882 г. въ Женевѣ, и въ журналѣ „Народ“, выходившемъ шесть лѣтъ, съ 1890 по 1895 г. во Львовѣ.

---

[1]) Ср. М. Павлик. „Михаил Петрович Драгоманов, 1841 — 1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“. Львів, 1896.

Говоря о трудящейся народной массѣ, Драгомановъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, крестьянство и потому выдвигалъ на первый планъ аграрный соціализмъ. Вслѣдствіе этого, какъ соціалистъ, онъ можетъ быть названъ народникомъ. Но народническое направленіе его соціализма обусловливалось, съ одной стороны, тѣмъ, что города и городская жизнь въ 70-хъ и 80-хъ годахъ были развиты весьма слабо, особенно на югѣ Россіи, а съ другой—тѣмъ, что украинскій народъ, къ которому были обращены его соціалистическія сочиненія, состоитъ почти исключительно изъ крестьянъ. Съ идейнымъ русскимъ народничествомъ у него не было ничего общаго. Ему былъ одинаково чуждъ какъ централистическій соціализмъ Лаврова, окрашенный въ марксизмъ того времени и разрабатывавшійся въ органѣ Лаврова „Впередъ“, такъ и бланкистскій заговорщицкій соціализмъ Ткачева съ его органомъ „Набатъ“. Изъ западно-европейскихъ соціалистовъ Драгомановъ болѣе всего почерпнулъ свои идеи у Прудона. Готовность признать идеаломъ самыя крайнія формы федерализма, граничившія съ анархіей, сближала его съ Бакунинымъ. Но отъ Бакунина его отталкивало отрицаніе послѣднимъ современной культуры и переходныхъ формъ государственности, особенно отрицаніе имъ современнаго правового государства.

Въ первомъ томѣ сборника „Громада“, Драгомановъ развилъ свою программу идеальнаго строя, основаннаго на федеративныхъ отношеніяхъ между общинами. Вотъ какъ онъ рисуетъ его: „Въ ассоціаціи, въ равенствѣ и въ общемъ завѣдываніи всѣмъ тѣмъ, что нужно людямъ, заключается основа свободы какъ для народовъ, имѣющихъ свои государства, такъ и для не имѣющихъ ихъ“. Но „такая большая группа людей, какую представляетъ изъ себя украинскій народъ, не можетъ составлять одну ассоціацію, иначе она перестала бы быть свободной ассоціаціей. Она должна превратиться въ ассоціацію ассоціацій, въ союзъ общинъ, свободныхъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ какія-нибудь общины будутъ принуждены дѣлать не то, что онѣ хотятъ, и работать не тамъ, гдѣ онѣ живутъ“. „Не будетъ одинаковой для всѣхъ свободы и тогда, когда кто-нибудь будетъ дѣлать все за другого, какъ это принято въ представительныхъ государствахъ. Выборный представитель только въ томъ случаѣ не превратится въ начальство, если онъ лишь исполнитъ то порученіе, которое было

на него возложено избравшимъ его, знавшимъ впередъ, въ чемъ дѣло, и указавшимъ, какъ его надо рѣшить. Поэтому ясно, что дѣйствительно свободными могутъ быть только маленькія государства или, правильнѣе, ассоціаціи, общины. Дѣйствительно, свободнымъ союзомъ можетъ быть только союзъ общинъ, которыя непосредственно или черезъ депутатовъ, избранныхъ для рѣшенія каждаго отдѣльнаго вопроса, сносятся съ другими общинами, съ которыми имъ легче, ближе и полезнѣе всего быть въ союзѣ, для того, чтобы устраивать общія дѣла и помогать другъ другу. Разсуждая дальше, мы придемъ къ заключенію, что и община только въ томъ случаѣ будетъ дорога каждому, если она не будетъ никого заставлять принадлежать или не принадлежать къ ней. И община должна быть союзомъ вольныхъ людей. Дойти до того, чтобы союзы людей какъ большіе, такъ малые состояли изъ такихъ свободныхъ людей, которые добровольно сошлись для общей работы и взаимной помощи, — это и есть та цѣль, къ которой стремятся люди, и которая не имѣетъ ничего общаго съ современными государствами, каково бы ни было ихъ устройство, являются ли они представительными, или не представительными. Эта цѣль называется анархіей (безначальствомъ); она состоитъ въ свободѣ каждаго человѣка и въ свободной ассоціаціи, или союзѣ людей и общинъ". Но нарисовавъ эту идеальную цѣль, онъ черезъ какой-нибудь десятокъ страницъ указываетъ и на болѣе конкретныя задачи. „Мы думаемъ, — говоритъ онъ, — что нашему народу надо добиваться и тѣхъ перемѣнъ, которыя, какъ показываетъ примѣръ всѣхъ другихъ странъ Европы, должны произойти въ Россіи гораздо раньше, чѣмъ значительная часть нашихъ общинъ пойметъ необходимость полнаго измѣненія всего соціальнаго строя; намъ необходимо добиваться отмѣны царскаго и бюрократическаго самовластія, которыя, несомнѣнно, будутъ замѣнены представительнымъ правительствомъ, т.-е. конституціоннымъ строемъ. При теперешнемъ положеніи Россіи, которая ужъ черезчуръ явно существуетъ на крестьянскія деньги, даже въ господскомъ собраніи депутатовъ, избранныхъ отъ всего государства, необходимо подымется вопросъ о крестьянскихъ податяхъ и о надѣленіи крестьянъ землею. А одинъ вопросъ объ этомъ поведетъ къ тому, чтобы открыть глаза крестьянамъ на всѣ государственные и общественные порядки, и вызоветъ

дальнѣйшія требованія и перемѣны“ [1]). Затѣмъ, обращаясь къ украинской интеллигенціи, особенно молодой, оканчивающей университеты, онъ призывалъ ее селиться среди украинскаго народа для того, чтобы вести пропаганду соціализма. Онъ доказывалъ, однако, что соціализмъ осуществимъ только при общемъ культурномъ подъемѣ народныхъ массъ и потому соціалисты не могутъ ограничиваться лишь созданіемъ соціалистической партіи и веденіемъ пропаганды соціализма, а должны участвовать во всей культурной жизни своего народа. Въ этомъ пунктѣ, который онъ, правда, не вполнѣ удачно формулировалъ въ требованіи, чтобы „соціалисты на Украйнѣ составляли не партію, а общину (громаду)“, онъ встрѣтилъ особенно много возраженій со стороны русскихъ и украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые считали нужнымъ сосредоточить всѣ свои силы исключительно на пропагандѣ соціализма и крайне пренебрежительно относились къ культурному подъему народныхъ массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Драгомановъ былъ сторонникомъ того взгляда, что соціализмъ осуществимъ только эволюціоннымъ путемъ. Въ одной изъ своихъ статей въ „Вольномъ Словѣ“ онъ подвергаетъ критикѣ взгляды соціалистически-анархическаго журнала „Le Revolté“ и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое отношеніе къ революціонному и эволюціонному соціализму: „Самое понятіе соціальная революція не имѣетъ смысла, если понимать слово революція въ обычномъ значеніи гражданской войны... Революція, какъ вооруженное возстаніе извѣстнаго меньшинства (большинству нечего возставать), есть понятіе круга отношеній политическихъ, государственныхъ, и тамъ имѣетъ полный смыслъ, ибо извѣстнаго меньшинства бываетъ достаточно для ниспроверженія даннаго внѣшняго государственнаго строя и установленія другого, хотя не всегда бываетъ достаточно для упроченія его. Но что можетъ сдѣлать какое-либо меньшинство въ такомъ дѣлѣ, какъ установленіе общаго пользованія имуществами, требующемъ добровольнаго соглашенія и высокаго нравственнаго развитія отъ огромнаго большинства населенія?! Тутъ и не очень крупное большинство недостаточно“. „Для того же,—продолжаетъ

---

1) Ср. М. Драгоманов. Переднье слово до „Громади“, Женева, 1878, стр. 39, 40, 41 и 50. Всѣ вышеприведенные отрывки переведены съ украинскаго.

онъ далѣе, заканчивая свою мысль,—чтобы люди могли прочно замѣнить старый порядокъ новымъ, особенно такимъ сложнымъ, какъ націонализація или даже интернаціонализація собственности, надо, чтобы они имѣли въ умахъ готовый планъ такой организаціи, какой вырабатывается, или, лучше сказать, вырастаетъ рядомъ опытовъ въ постоянной разносторонней борьбѣ съ отживающимъ порядкомъ и въ такихъ же попыткахъ установленія новыхъ порядковъ. Этотъ ростъ и составляетъ общественную эволюцію, въ которой военныя дѣйствія, какъ взрывы классовой ненависти, бунты и революціи, конечно, неизбѣжны, но въ которой они составляютъ только часть и притомъ далеко не самую существенную". То же онъ повторяетъ и въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ, опредѣляя здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и свою тактику въ австрійской и русской Украйнѣ. „Будучи соціалистомъ по своимъ идеаламъ, — пишетъ онъ, — я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній. Такъ какъ Украйна—моя родина—раздѣлена на двѣ части, австрійскую и россійскую, и такъ какъ въ первой существуетъ извѣстная политическая свобода, которой въ Россіи нѣтъ, то, по-моему, дѣятельность соціалистовъ въ каждой части должна быть разная: въ Австріи возможно приступать къ организаціи собственно соціалистической партіи изъ рабочихъ и крестьянъ русиновъ въ союзѣ съ поляками и евреями, въ Россіи же нужно прежде всего добиться политической свободы; соціалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же политическую свободу въ Россіи украинская нація, по моему мнѣнію, можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма".

Говоря о Драгомановѣ, какъ о соціалистѣ, нельзя не указать на то, что онъ первый настаивалъ на необходимости для соціалистовъ различныхъ національностей Россіи вести пропаганду соціализма въ знакомой имъ средѣ своей національности и притомъ на своемъ національномъ языкѣ. Вопросъ, конечно, шелъ прежде всего объ угнетенныхъ или такъ называемыхъ плебейскихъ національностяхъ, отчасти лишенныхъ своей интеллигенціи и имѣющихъ сравнительно бѣдныя націо-

нальныя литературы, а не о національностяхъ господствующихъ — польской и великорусской, которыя поглощали значительную часть интеллигентныхъ силъ у угнетенныхъ національностей. О дѣйствительномъ осуществленіи этого насущнѣйшаго требованія для успѣха соціалистической пропаганды Драгомановъ самъ разсказываетъ въ своихъ статьяхъ, написанныхъ въ 1881 году. „Прежде всего, — говоритъ онъ, — сорганизовались совершенно отдѣльно отъ „русскихъ“ соціалисты украинскіе, начавши въ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются соціалистическія брошюры новыхъ польскихъ соціалистовъ и затѣмъ программа „польскихъ соціалистовъ“. Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румыніи. Наконецъ въ 1880 году въ Женевѣ печатается воззваніе отъ группы „соціалистовъ-евреевъ“, предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на востокѣ Европы на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка соціалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Указывая затѣмъ на тѣ трудности, съ которыми украинцы боролись, и которыя имъ еще придется преодолѣть, идя по этому пути приспособленія соціалистической пропаганды по формѣ къ своей національности, Драгомановъ въ заключеніе говоритъ: „Но раньше или позже украинскіе соціалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20.000.000 человѣкъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-соціалистическія партіи: эстонскую, латышскую, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словинскую, румынскія, кавказскія, кружки еврейскіе, а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ. Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь“. Мы знаемъ въ настоящее время, что эта націонализація соціализма, конечно, по формѣ, а не по идеямъ, которую Драгомановъ первый выставилъ, какъ самую насущную потребность, за которую онъ всю жизнь боролся и превращеніе которой въ реальный фактъ онъ опредѣленно предсказалъ, осуществлена въ современномъ соціально-революціонномъ и особенно въ соціалъ-демократическомъ движеніи въ Восточной Европѣ. Только будущій историкъ сможетъ

опредѣлить, насколько идеи Драгоманова повліяли на развитіе самостоятельнаго соціалистическаго движенія въ той или другой изъ вышеназванныхъ національностей. Интересно, однако, отмѣтить, что нѣкоторыя національности, у которыхъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ соціалистическое движеніе еще не возникало или только зарождалось, какъ латыши и евреи, теперь значительно опередили украинцевъ широтой своего соціалистическаго движенія и силою своихъ соціалистическихъ организацій. Это зависѣло, конечно, не отъ большей пассивности украинскихъ соціалистовъ, а отъ того, что имъ приходилось бороться съ большими трудностями, такъ какъ въ украинскомъ народѣ слабѣе распространена грамотность, а національная культура подавлялась въ немъ мѣрами, которыя составляли исключеніе даже въ самодержавной Россіи. Но если Украйна отстала отъ нѣкоторыхъ другихъ національностей, принадлежащихъ Россіи, по силѣ и интенсивности своего соціалистическаго движенія, то зато она выдвинула такого первоклассnаго соціально-политическаго мыслителя и дѣятеля, какъ Драгомановъ, а это является лучшимъ залогомъ будущаго.

Драгомановъ постоянно указывалъ на то, что онъ украинецъ, отмѣчая такимъ образомъ свою принадлежность къ украинской націи, но націоналистомъ онъ никогда не былъ. На упрекъ въ націонализмѣ, сдѣланный его украинскимъ изданіямъ органомъ Лаврова „Впередъ“, онъ отвѣчалъ: „Считать насъ націоналистами можетъ только тотъ, кто никакъ не можетъ привыкнуть къ тому, что есть люди, говорящіе о тѣхъ національностяхъ, о которыхъ молчитъ государственная и господская школа, и кто поэтому не вспоминаетъ о „націонализмѣ“, когда слышитъ о соціалистическихъ партіяхъ нѣмецкой, французской, польской и даже о какой-то „всероссійской“ партіи, но сейчасъ же вспоминаетъ о немъ, какъ только подымается разговоръ о мужицкихъ и негосударственныхъ національностяхъ“ [1]). Поэтому Драгомановъ былъ безусловнымъ противникомъ политики національнаго сепаратизма и даже, будучи прежде всего реальнымъ политикомъ, не считалъ нужнымъ настаивать въ данный моментъ на осуществленіи національно-

---

[1]) Ср. „Громада“. Українська збірка впорядкована Михайлом Драгомановим, № 4. Женева, 1879, стр. 361.

политической и административной автономіи Украйны, какъ цѣлаго, такъ какъ признавалъ автономію болѣе мелкихъ областей гораздо легче осуществимой и болѣе согласной съ принципомъ децентрализаціи; при этомъ онъ былъ увѣренъ, что и въ рамкахъ областной автономіи могутъ быть удовлетворены всѣ главныя спеціально-украинскія нужды. Такъ, напримѣръ, въ программѣ, изложенной въ сочиненіи Драгоманова „Вольный союзъ", совсѣмъ не подымается рѣчь о національной автономіи Украйны, какъ таковой; напротивъ, въ ней выдвигается, какъ основное требованіе, только созданіе областной автономіи для всей Россіи, при чемъ, по плану автора, въ частности на территоріи Украйны должно было быть образовано нѣсколько областей. О преимуществѣ областной автономіи для рѣшенія національнаго вопроса Драгомановъ говоритъ и въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ. „Въ рамкахъ этой автономіи, — утверждаетъ онъ, — я полагалъ и разрѣшеніе національныхъ вопросовъ въ Россіи, высказываясь такимъ образомъ противъ всякихъ сепаратизмовъ и даже націонализмовъ на австро-венгерскій ладъ за такое разрѣшеніе національнаго вопроса, какое, напримѣръ, существуетъ въ Швейцаріи, гдѣ ни вся страна ни даже кантоны вовсе не раздѣлены по расовому принципу, и какое вырабатывается въ Бельгіи между фламандцами и валлонами".

Можно пожалѣть, что благодаря крайне ненормальнымъ условіямъ, въ которыхъ развивалось русское и украинское общество въ послѣднія десятилѣтія, эта скорѣе широкая, чѣмъ узкая программа не удовлетворяетъ больше современныхъ украинцевъ. Господствующее направленіе въ современной украинской прессѣ безусловно націоналистическое, и основное требованіе, которое выдвигается нынѣшними политическими писателями и дѣятелями, заключается въ національно-политической автономіи Украйны [1]). Это результатъ того, что политическіе вопросы до самаго послѣдняго времени не подлежали открытому обсужденію въ литературѣ, и даже еще недавно политическія сочиненія Драгоманова были запрет-

---

[1]) См. *О правахъ національностей и о децентрализаціи*. Докладъ бюро съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября 1905 г. Москва, 1906. Изд. „Народное Право". Проф. М. Грушевскій. „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ". Спб., 1907. Ср. также программы „Украинской радикальной партіи" и „Украинской радикально-демократической партіи".

нымъ плодомъ въ Россіи. Вслѣдствіе такого положенія культурный и литературный центръ Украйны изъ своего естественнаго средоточія — Кіева перешелъ во Львовъ подъ защиту австрійской конституціи, ненормальность чего была признана и Императорской Академіей Наукъ, въ докладной запискѣ о положеніи малорусской литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и идейно- вліяніе на украинскую интеллигенцію той специфически австрійской общественной и умственной атмосферы, которая создается непримиримой и озлобленной борьбой націй въ Австро-Венгріи. Но, конечно, это только объясненіе, а не оправданіе того націоналистическаго направленія, которое явля тся преобладающимъ въ современной украинской интеллигенціи. Оправдать его нельзя, такъ какъ оно продиктовано больше чувствами и страстями, чѣмъ здравымъ смысломъ.

Въ противоположность той или другой формѣ политическаго обособленія, Драгомановъ видѣлъ самую настоятельную потребность Украйны въ культурно-національномъ самоопредѣленіи ея. Только развитіе самостоятельной украинской культуры можетъ поднять культурный уровень украинскихъ народныхъ массъ и ввести Украйну въ семью европейскихъ цивилизованныхъ народовъ. Для осуществленія этого онъ признавалъ необходимымъ развитіе и всестороннее обогащеніе украинской литературы. Въ его болѣе раннихъ статьяхъ замѣтно нѣкоторое колебаніе при рѣшеніи вопроса о значеніи и роли украинской литературы, но въ позднѣйшихъ работахъ, написанныхъ за границей, эти колебанія исчезли. Въ нихъ онъ является непримиримымъ врагомъ идеи „украинской литературы для домашняго обихода“, такъ какъ признаетъ ее непрактичной и неэкономной. При существованіи двухъ литературъ, украинская интеллигенція продолжала бы быть оторванной отъ украинскихъ народныхъ массъ, что составляетъ главное несчастье Украйны. Но въ то же время близость и единство украинской литературы съ общерусской или великорусской, по его мнѣнію, чрезвычайно полезно и цѣнно для Украйны. Значеніе этой близости еще усиливалось въ его глазахъ тѣмъ, что, какъ онъ твердо вѣрилъ, русская литература пріобрѣтетъ всеславянское и даже міровое значеніе.

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ правительственная и общественная реакція въ Россіи достигла своего высшаго развитія. Поэтому начало девяностыхъ годовъ было самымъ глухимъ временемъ для русской заграничной прессы. „Свободная Россія“ и „Самоуправленіе“ выходили недолго и прекратились еще въ 1889 году. Въ первомъ изъ этихъ журналовъ Драгомановъ опубликовалъ свои замѣчательныя статьи по исторіи борьбы земствъ за политическую свободу и представительныя учрежденія въ Россіи. Безъ этихъ статей извѣстная записка Витте о земствѣ [1]), изданная за границей редакціей „Освобожденія“, не была бы такъ богата и интересна по своимъ фактическимъ даннымъ. Это признаетъ даже нисколько не расположенный къ либерализму вообще и къ Драгоманову въ частности Ленинъ въ своей статьѣ объ этой запискѣ въ соціалъ-демократическомъ журналѣ „Заря“, гдѣ онъ указываетъ на то, что „авторъ записки г. Витте частенько не указываетъ, что онъ списываетъ Драгоманова, хотя въ другихъ мѣстахъ онъ на него ссылается“ [2]). Другихъ русскихъ заграничныхъ органовъ въ это время еще не возникало, а старые журналы прекращали свое существованіе; даже „Общее Дѣло“, просуществовавшее почти четырнадцать лѣтъ, перестало выходить въ 1890 году. Правда, въ Нью-Іоркѣ съ 1891 года въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выходилъ журналъ „Прогрессъ“, но онъ издавался больше для заграничныхъ русскихъ колоній, чѣмъ для Россіи. А „Летучіе листки фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ“ появились только въ 1894 году и имѣли притомъ по преимуществу информаціонный характеръ. Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни Драгомановъ, не имѣя возможности писать на политическія темы по-русски, оказалъ громадную услугу русскому освободительному движенію, издавъ два тома въ высшей степени цѣнной переписки Герцена и Огарева съ Тургеневымъ, Кавелинымъ и Бакунинымъ.

Однако главная заслуга Драгоманова передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ въ эту глухую пору для общественной и политической жизни въ Россіи заключалась въ той политической пропагандѣ, которую онъ велъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Народѣ“, органѣ „русско - украинской

---

[1]) Ср. гр. С. Ю. Витте. „Самодержавіе и земство“. Спб. 1908.

[2]) Ср. Вл. Ильинъ. „За 12 лѣтъ“. Собраніе статей. Спб. 1908, т. I, стр. 154.

радикальной партіи", возникшемъ въ 1890 году въ Галиціи подъ вліяніемъ политическаго оживленія среди галицкихъ русиновъ-украинцевъ. Въ „Народѣ" Драгомановъ писалъ по политическимъ вопросамъ, касавшимся не только одной Украйны, но и всей Россіи. Благодаря „Народу", и статьямъ Драгоманова въ немъ, Украйна на одинъ моментъ даже опередила Великороссію. Украинская молодежь очень усердно распространяла получавшіеся по почтѣ и перевозимые контрабандой номера „Народа", и его агитація подготовила, между прочимъ, чрезвычайно быстрое распространеніе соціалъ-Демократическихъ идей на югѣ Россіи въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Насколько марксистское, а затѣмъ и соціалъ-демократическое движеніе на югѣ Россіи развивалось параллельно съ агитаціей „Народа", можно судить по тому, что первый переводъ на русскій языкъ „Эрфуртской программы" Каутскаго былъ изданъ въ 1894 году въ Галиціи и печатался въ той же типографіи въ Коломіи, въ которой тогда печатался „Народ". Подготовительной агитаціей „Народа" отчасти объясняется также и то обстоятельство, что передъ и во время перваго съѣзда „Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи" югъ Россіи и въ частности Кіевъ занимали передовое мѣсто въ русскомъ соціалъ-демократическомъ движеніи и редактировавшаяся въ Кіевѣ „Рабочая Газета" была признана первымъ центральнымъ органомъ партіи.

Кромѣ отдѣльныхъ статей по разнымъ политическимъ вопросамъ, Драгомановъ опубликовалъ въ „Народѣ" двѣ серіи статей подъ заглавіемъ „Чудацкі думкі про українську національну справу" и „Листи на Наддніпрянську Україну", которыя вышли и отдѣльными книжками. Онѣ составляютъ pendant къ его „Исторической Польшѣ и великорусской демократіи". Въ нихъ онъ разсмотрѣлъ исторически и критически все украинское движеніе и отнесся ко всему націоналистическому и особенно шовинистическому въ немъ съ безпощаднымъ осужденіемъ. Но безусловно отвергая націонализмъ, онъ не отвергаетъ значенія для человѣчества націи, какъ таковой; онъ не считаетъ ее лишь пережиткомъ давняго прошлаго и явленіемъ антикультурнымъ, подобно нѣкоторымъ другимъ соціально-политическимъ мыслителямъ. Напротивъ, въ результатѣ своихъ размышленій о значеніи націи и національности онъ пришелъ къ убѣжденію, что она имѣетъ громадную со-

ціальную и культурно-политическую цѣнность для человѣка. Цѣнность націи заключается, однако, по его мнѣнію, не въ національныхъ святыняхъ („народных святощах"), какъ утверждаютъ націоналисты, а въ томъ, что она является извѣстной формой солидарности между людьми. Подвергнувъ критикѣ теорію національныхъ святынь, онъ доказалъ, что всѣ онѣ, кромѣ національнаго языка, представляютъ довольно сомнительныя цѣнности. Но и національный языкъ онъ отказался признать святыней, а признавалъ за нимъ цѣнность только, какъ за орудіемъ культуры и цивилизаціи. Да и солидарность, создаваемую націей, онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она составляетъ основаніе и средство для осуществленія высшихъ соціальныхъ и политическихъ идеаловъ европейской цивилизаціи. Взглядъ Драгоманова на цѣнность націи, какъ формы солидарности между людьми, заслуживаетъ особаго вниманія. Обыкновенно игнорируютъ это значеніе націи. Въ послѣднее время, благодаря почти исключительному господству въ умахъ интеллигентныхъ людей, особенно молодежи, соціологическихъ доктринъ Маркса, единственно цѣнной формой солидарности между людьми признаютъ классовую солидарность. При этомъ, однако, часто забываютъ, что не всякая классовая солидарность представляетъ соціально-культурную цѣнность. Солидарность аграрныхъ и промышленныхъ капиталистовъ, конечно, вполнѣ естественно возникаетъ среди всеобщей борьбы классовъ, но она не представляетъ цѣнности съ точки зрѣнія идеала соціальнаго и политическаго устройства, или, вѣрнѣе, цѣнность ея съ этой точки зрѣнія прямо отрицательна. Дѣйствительною цѣнностью изъ всѣхъ классовыхъ солидарностей обладаетъ единственно солидарность, создаваемая общностью классовыхъ интересовъ трудовыхъ массъ вообще и пролетаріата въ частности. Но и цѣнность этой солидарности основана не на томъ, что она классовая, какъ многіе ошибочно думаютъ, а на томъ, что въ конечномъ счетѣ она должна обратиться въ національную, т.-е. охватить всю націю и уничтожить раздѣленіе ея на классы. Если не теперь, то въ будущемъ, пролетаріатъ необходимо составитъ большинство націи, а его идеалъ долженъ быть осуществленъ, какъ идеалъ всей трудящейся націи. Такимъ образомъ въ идеалѣ классовая солидарность пролетаріата или вообще рабочаго люда совпадаетъ съ національной солидарностью. На это,

правда, возразятъ, что Марксъ требуетъ не національной, а интернаціональной солидарности. Это возраженіе основано, однако, на недоразумѣніи. Субъектомъ интернаціональной солидарности являются не отдѣльные оторванные отъ своихъ націй индивидуумы, а индивидуумы, входящіе въ національныя группы и организаціи или сами эти національныя группы. Интернаціональная солидарность потому и называется интернаціональною, что она создается между націями или національными коллективностями. Это выражено и въ лозунгѣ: „Пролетаріи всѣхъ странъ (т.-е. націй) соединяйтесь".

„Чудацкі думкі про українську національну справу" и „Листи на Наддніпрянську Україну" — это лучшее, наиболѣе продуманное и зрѣлое изъ всего написаннаго Драгомановымъ на политическія темы. Разсматривая въ этихъ книгахъ вообще вопросъ о національности, онъ дѣлаетъ въ нихъ также обзоръ культурнаго развитія негосударственныхъ націй во всей Европѣ. Только на фонѣ этой общей картины усвоенія и претворенія идей европейской цивилизаціи различными національностями становится понятнымъ и получаетъ свое оправданіе, по его мнѣнію, и страстное стремленіе лучшихъ представителей украинской націи къ національно-культурному самоопредѣленію Украйны. Эти двѣ книги, заключающія изложеніе идей Драгоманова о національности, которыхъ мы могли здѣсь только коснуться, являются продолженіемъ одна другой и составляютъ какъ бы два выпуска одной и той же книги, которая должна бы быть названа „Національный вопросъ на Украйнѣ". При этомъ невольно возникаетъ въ памяти одна замѣчательная русская книга, которая носитъ похожее названіе, — это „Національный вопросъ въ Россіи" Вл. С. Соловьева; въ этихъ двухъ книгахъ, принадлежащихъ представителямъ двухъ русскихъ народностей, очень много общаго. Мы склонны думать, что русскія народности внесутъ въ міровую цивилизацію новое пониманіе національнаго вопроса и помогутъ его рѣшить, указавъ для этого новые пути. Въ то время, какъ западно-европейскіе народы выдвинули для своихъ національностей чисто эгоистическіе идеалы—внѣшнее могущество, промышленное и торговое превосходство, военную и литературную славу, въ Россіи самый глубокій мыслитель ея указалъ для своей націи исключительно этическіе идеалы и проповѣдывалъ самоотреченіе и отказъ отъ націо-

нальнаго эгоизма. Но онъ прямо исходилъ при этомъ изъ того факта, что существованіе Россіи, или собственно Великороссіи, создавшей могучую державу, никогда не подвергалось вопросу. Тѣмъ болѣе поразительно, что лучшій представитель соціально-политической мысли на Украйнѣ тоже выставилъ для своей націи только общечеловѣческіе идеалы и настаивалъ на отказѣ отъ національной исключительности и эгоизма. Для украинца отказаться отъ національнаго эгоизма гораздо труднѣе, такъ какъ Украйна почти никогда не имѣла самостоятельнаго и независимаго политическаго существованія. Горячо любящій свою родину украинецъ живетъ обыкновенно подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями, такъ какъ культура его народа въ прошломъ подвергалась уничтоженію, а всѣ попытки перенести западно-европейскую культуру на его родную почву въ болѣе недавнее время подавлялись. Понятно поэтому, что нѣкоторыми представителями украинской интеллигенціи овладѣваетъ иногда совершенно стихійное чувство культурно-національнаго самосохраненія, порождающее національный шовинизмъ. Но Драгомановъ сумѣлъ побороть въ себѣ всѣ инстинктивныя низменныя чувства и возвыситься надъ ними при рѣшеніи украинскаго національнаго вопроса, взглянувъ на него съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Въ виду всего этого мы думаемъ, что совершенно независимо отъ разницы въ литературныхъ талантахъ и отъ несходства міровоззрѣній и взглядовъ по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, книга Драгоманова о національномъ вопросѣ на Украйнѣ, какъ вкладъ въ рѣшеніе національнаго вопроса малорусской націи, должна быть поставлена на ряду съ „Національнымъ вопросомъ въ Россіи“ Вл. С. Соловьева, который далъ рѣшеніе національнаго вопроса съ точки зрѣнія націи великорусской.

II.

Жизнь Драгоманова тѣсно связана съ его политической дѣятельностью. Михаилъ Петровичъ Драгомановъ родился въ сентябрѣ 1841 года въ Гадячѣ, уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи. Мелкопомѣстный дворянскій родъ Драгомановыхъ вышелъ изъ того казацкаго выборно-служилаго общественнаго слоя, который въ автономной „гетманской“ Малороссіи назывался „казацкой старшиной“. Въ семьѣ отца

Михаила Петровича украинскій элементъ уживался рядомъ съ общерусскимъ. Отецъ его воспитывался и провелъ молодость въ Петербургѣ, гдѣ изучилъ французскій и англійскій языки, полюбилъ русскую литературу и даже помѣщалъ свои переводныя произведенія въ литературныхъ альманахахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но поселившись въ малорусской деревнѣ, онъ принялся собирать народныя малорусскія пѣсни и пытался писать по-малорусски. Мать Михаила Петровича, выросшая на хуторѣ въ Полтавской губерніи, по своему воспитанію и симпатіямъ была близка къ малорусскому народу, и потому въ семьѣ въ качествѣ разговорнаго языка обыкновенно употреблялся малорусскій языкъ. Низшее образованіе Михаилъ Петровичъ получилъ въ Гадячскомъ уѣздномъ училищѣ, а среднее—въ Полтавской гимназіи, въ которой онъ проходилъ курсъ съ 1853 по 1859 годъ. Большинство учителей какъ въ Гадячѣ, такъ и въ Полтавѣ были малороссы, которые охотно пользовались малорусскимъ языкомъ, особенно въ шутливыхъ оборотахъ рѣчи. Въ Полтавѣ мелодрама украинскаго поэта Котляревскаго „Наталка Полтавка“ имѣла какъ бы официальное значеніе и почти ежегодно разыгрывалась съ благотворительною цѣлью любителями изъ высшаго губернскаго общества. Такимъ образомъ и въ школѣ украинскій элементъ уживался съ общерусскимъ, но послѣдній, какъ языкъ официальный и притомъ обладавшій болѣе богатой литературой, несомнѣнно, бралъ верхъ.

Въ гимназіи на умственное развитіе М. П. Драгоманова особенно благотворное вліяніе оказали два учителя: учитель латинскаго языка К. І. Полевичъ и учитель исторіи А. И. Стронинъ. Полевичъ, по происхожденію полякъ и по своимъ вѣрованіямъ католикъ-аскетъ, былъ настоящимъ педагогомъ-идеалистомъ, вкладывавшимъ всю свою душу въ дѣло преподаванія. При обученіи латинскому языку онъ обращалъ вниманіе не на грамматику, а на чтеніе классическихъ писателей и способствовалъ тому, что Драгомановъ хорошо ознакомился съ римской классической литературой и при поступленіи въ университетъ свободно читалъ даже Тацита. Стронинъ, впослѣдствіи извѣстный соціологъ, былъ по происхожденію великороссомъ, но уроженцемъ Полтавской губерніи; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ полтавской интеллигенціи

и, работая въ воскресной школѣ, написалъ популярную брошюру по естествовѣдѣнію на малорусскомъ языкѣ, а также составлялъ малорусскую „Азбуку“ для первоначальнаго обученія грамотѣ по звуковому методу; хотя вся его дѣятельность имѣла чисто культурный характеръ и преслѣдовала явно антинаціоналистическія тенденціи, онъ былъ обвиненъ въ намѣреніи „отдѣлить Малороссію отъ Россіи“ и въ 1863 году сосланъ въ Шенкурскъ Архангельской губерніи, гдѣ и написалъ свои соціологическія изслѣдованія. Какъ учитель, не ограничивавшійся лишь своими офиціальными обязанностями, онъ побуждалъ Драгоманова возможно больше читать и помогъ ему выработать общее демократическое и политическое міровоззрѣніе на основѣ широкихъ историческихъ обобщеній. Впрочемъ, къ чтенію историческихъ сочиненій Драгомановъ пристрастился еще до поступленія въ гимназію и, будучи ученикомъ уѣзднаго училища, прочиталъ два раза „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина и „Исторію Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго. Въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназіи по указанію Стронина онъ читалъ вмѣстѣ съ кружкомъ своихъ сверстниковъ выходившія тогда въ русскихъ переводахъ сочиненія Шлоссера, Маколея и Прескотта. Историческія сочиненія Гизо онъ уже тогда прочиталъ въ оригиналѣ, такъ какъ знаніе французскаго языка онъ вынесъ еще изъ семьи, изучивъ его подъ руководствомъ своего отца. Греческаго языка тогда еще не преподавали въ нашихъ гимназіяхъ, но онъ съ упоеніемъ читалъ въ русскихъ переводахъ Гомера и „Исторію Греціи“ Жиллиса. Вмѣсто греческаго языка преподаваніе естественныхъ наукъ велось тогда по гораздо болѣе обширнымъ программамъ, чѣмъ впослѣдствіи при господствѣ классической системы; благодаря недурному преподавателю естественныхъ наукъ для Драгоманова не было ничего новаго въ томъ реализмѣ, которымъ немного спустя русская молодежь начала увлекаться, противопоставляя его гуманизму. Онъ былъ въ пятомъ классѣ гимназіи, когда началась агитація въ пользу освобожденія крестьянъ, которая, по его собственному признанію, „наполнила всю его душу“. Около того же времени Драгомановъ благодаря Стронину познакомился съ повѣстями Марка Вовчка изъ украинскаго народнаго быта, которыя произвели на него глубокое неотразимое впечатлѣніе, но главнымъ образомъ, своимъ со-

держаніемъ, а не украинскимъ языкомъ и формой. Когда Драгомановъ былъ въ старшихъ классахъ гимназіи Стронинъ началъ давать ему заграничныя изданія Герцена и одновременно убѣждалъ его изучать иностранные языки, такъ какъ, по его словамъ, русское правительство можетъ, если захочетъ, „запретить всю литературу на русскомъ языкѣ“. Подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній Драгомановъ еще въ гимназіи изучилъ нѣмецкій языкъ.

По окончаніи курса въ гимназіи Драгомановъ осенью 1859 года поступилъ въ Кіевскій университетъ на филологическій факультетъ. Въ Кіевѣ онъ сразу примкнулъ къ одному изъ студенческихъ кружковъ, которыми были основаны здѣсь воскресныя школы; если не считать Остзейскаго края, это были первыя воскресныя школы въ Россіи, такъ какъ въ Петербургѣ онѣ возникли нѣсколько позже. Многіе изъ участниковъ этихъ кружковъ принялись за преподаваніе въ воскресныхъ школахъ съ цѣлью вести политическую пропаганду. Но скоро они должны были убѣдиться въ невозможности пропаганды среди дѣтей изъ неинтеллигентныхъ семей мастеровыхъ и прислуги и въ ея полной нецѣлесообразности среди неграмотнаго взрослаго населенія. Поэтому большинство работавшихъ въ воскресныхъ школахъ, въ концѣ-концовъ, увлеклось обученіемъ грамотѣ и чисто преподавательскимъ дѣломъ. Студенческіе кружки, работавшіе въ воскресныхъ школахъ, дѣлились на украинскіе и космополитическіе. Драгомановъ примыкалъ къ космополитамъ. Но это раздѣленіе и споръ, который велся между представителями одного и другого направленія, имѣли чисто теоретическій характеръ. На практикѣ и тѣмъ и другимъ приходилось обучать русскому языку и по русскимъ учебникамъ, такъ какъ воскресныя школы должны были примыкать къ единственному установленному тогда типу общерусскихъ школъ; да въ то время и не было достаточно учебниковъ на украинскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, и тѣ и другіе при преподаваніи пользовались украинской рѣчью и параллельно съ обученіемъ русскому языку обучали также и украинскому, устанавливая правила того и другого языка и указывая на ихъ различія. Эти пріемы не зависѣли отъ тѣхъ или другихъ взглядовъ на украинскую національность, а диктовались элементарными требованіями педагогики, такъ какъ украинское

населеніе нельзя обучить правильному русскому языку, не указывая на его отличія отъ украинскаго и игнорируя послѣдній, какъ это практикуется въ офиціальныхъ школахъ.

Живое педагогическое дѣло воскресныхъ школъ многихъ очень увлекло; на практикѣ вырабатывались преподавательскіе таланты и создавались хорошіе учебники и популярныя книги. Но въ 1862 году послѣ петербургскихъ пожаровъ воскресныя школы были повсемѣстно въ Россіи закрыты, что дало новый поводъ для недовольства среди молодежи, усилило ея революціонное настроеніе и направило свойственный ей избытокъ энергіи на рискованныя предпріятія политическаго характера. Впрочемъ, для кружка Драгоманова нашлось новое педагогическое дѣло. Въ Юго-Западномъ краѣ само правительство въ видахъ противодѣйствія польской пропагандѣ рѣшилось основывать сельскія школы, а для подготовки учительскаго персонала было предположено создать въ Кіевѣ Временную педагогическую школу. Однако на это большое дѣло правительство дало очень мало средствъ, отпустивъ на три губерніи всего 10.000 рублей. Тогда инспекторъ народныхъ училищъ Кіевскаго учебнаго округа М. А. Туловъ, сравнительно либеральный и умный человѣкъ, обратился къ студентамъ, проявившимъ педагогическія способности въ воскресныхъ школахъ, и человѣкъ шесть изъ нихъ согласились давать безплатно уроки во Временной педагогической школѣ. Драгомановъ былъ въ числѣ этихъ студентовъ и преподавалъ русскую исторію. Преподавательскій персоналъ Временной педагогической школы, состоявшій, кромѣ этихъ шести студентовъ, также изъ нѣсколькихъ молодыхъ учителей, образовалъ изъ своей среды совѣтъ, который въ 1862—63 гг. фактически распоряжался дѣломъ насажденія первыхъ русскихъ народныхъ школъ въ западной Украйнѣ. Кіевской школьной администраціей въ тѣхъ же видахъ противодѣйствія польскимъ политическимъ и культурнымъ вліяніямъ, было признано необходимымъ допустить и украинскій языкъ при начальномъ обученіи; съ этою цѣлью предположено было составить книгу для первоначальнаго чтенія, въ которой матеріалъ былъ бы расположенъ такъ, чтобы читатель постепенно переходилъ отъ народнаго украинскаго языка къ общерусскому и затѣмъ къ церковно-славянскому. Въ пользу этого плана высказалась тогда большая часть педагогическихъ совѣтовъ гимназій Кіев-

скаго учебнаго округа, когда министерство поручило имъ разсмотрѣть проектъ устава начальныхъ училищъ. Принципъ этотъ былъ почти принятъ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, во главѣ котораго стоялъ тогда Головинъ. Но въ это время въ высшихъ правительственныхъ кругахъ возникла борьба между сторонниками церковно-приходскихъ и свѣтскихъ министерскихъ школъ. Борьба этихъ двухъ партій перешла и въ провинцію. Въ Кіевѣ сторонники церковно-приходскихъ школъ, выступая противъ свѣтскихъ школъ, напали, между прочимъ, и на Временную педагогическую школу, обвиняя ее въ томъ, что въ ней преподаютъ „нигилисты“ и „украинскіе сепаратисты“. Этими аргументами воспользовались и „Московскія Вѣдомости“, которыя уже начали тогда свою агитацію противъ „польской интриги“. Кончилось тѣмъ, что министерство, „чтобы сдѣлать уступку общественному мнѣнію“, предписало удалить изъ педагогической школы преподавателей-студентовъ, замѣнивъ ихъ учителями гимназій, преподававшими за плату. Среди удаленныхъ оказался и Драгомановъ, который вторично безъ всякаго разумнаго повода былъ оторванъ отъ любимаго дѣла; это случилось притомъ именно тогда, когда онъ подумывалъ прочитать еще разъ свой курсъ и приступить къ печатанію его. Вскорѣ послѣ этого разгрома Временной педагогической школы погибли, какъ мы увидимъ ниже, и начинанія совѣта ея преподавателей, направленныя къ болѣе раціональной постановкѣ преподаванія русской грамоты среди украинскаго населенія.

Изъ другихъ событій, совпадающихъ съ студенческими годами Драгоманова, заслуживаютъ еще упоминанія отставка попечителя Кіевскаго учебнаго округа Пирогова въ 1861 г. и польское возстаніе 1863 г. Бюрократически-самодержавное правительство не могло долго терпѣть чисто конституціонныхъ порядковъ, заведенныхъ Пироговымъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, съ фактическимъ осуществленіемъ академической свободы въ университетѣ и съ замѣной солдатской дисциплины нравственнымъ воздѣйствіемъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на то, что императоръ Александръ II два раза одобрилъ планы управленія учебнымъ округомъ, представленные ему Пироговымъ, послѣдній все-таки былъ уволенъ въ отставку весною 1861 г. Тогда весь педагогическій міръ Кіевскаго учебнаго округа и лучшая

часть общества въ Кіевѣ рѣшили выразить Пирогову свои симпатіи, устроивъ въ честь его нѣсколько банкетовъ. На первомъ изъ нихъ Драгомановъ произнесъ отъ имени студентовъ рѣчь, какъ ихъ делегатъ; кіевскій цензоръ запретилъ печатать рѣчь Драгоманова въ мѣстныхъ газетахъ, и она была напечатана только въ посвященной этому банкету брошюрѣ проф. Шульгина и въ двухнедѣльномъ изданіи Каткова „Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника“. Выступленіе Драгоманова на банкетѣ въ честь Пирогова имѣло большія послѣдствія для него. Съ одной стороны, оно усилило у него интересъ къ политическимъ вопросамъ, а съ другой — сблизило его съ кружкомъ либеральныхъ профессоровъ и среди нихъ особенно съ профессоромъ всеобщей исторіи В. Я. Шульгинымъ. Подъ руководствомъ послѣдняго Драгомановъ расширилъ свои научныя занятія по всеобщей исторіи. Сосредоточившись сперва на исторіи древняго Рима, онъ заинтересовался соціальной борьбой послѣднихъ временъ республики и появленіемъ христіанства, а затѣмъ увлекся религіозной исторіей древняго міра вообще. Проф. Шульгинъ вполнѣ оцѣнилъ дарованія Драгоманова и въ 1862 году, выходя въ отставку, рекомендовалъ его совѣту Кіевскаго университета, какъ будущаго кандидата въ профессора, предложивъ отправить его по окончаніи курса за границу.

Польское возстаніе 1863 г. имѣло большое вліяніе на политическое развитіе Драгоманова. Уроженецъ той части Украйны, которая лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, онъ до поступленія въ университетъ не имѣлъ конкретнаго представленія о полякахъ въ „правобережной“ Украйнѣ или въ такъ называемомъ Юго-Западномъ краѣ. Полякамъ вообще онъ сочувствовалъ, хотя въ то же время не забывалъ о томъ, что и Польша въ свое время притѣсняла Украйну. Только въ Кіевѣ онъ увидѣлъ, что поляки въ Юго-Западномъ краѣ не народъ, а аристократія, и былъ пораженъ отсутствіемъ элементарнаго демократизма и свободомыслія даже у поляковъ-студентовъ. Онъ также не могъ не обратить вниманія на крайнюю нетерпимость поляковъ по отношенію къ русскимъ и особенно украинцамъ.

Студенты-украинцы въ Кіевѣ уже съ 1859 г. были организованы въ особый національный кружокъ. Несмотря на то, что въ 1862—63 гг. къ этому кружку примыкало отъ 250 до

300 членовъ, онъ далеко не охватывалъ всѣхъ студентовъ-украинцевъ по рожденію, которыми были въ то время огромное большинство „православныхъ“ студентовъ въ Кіевскомъ университетѣ, т.-е. приблизительно около пятисотъ человѣкъ. Члены этого кружка заботились о развитіи украинскаго языка и литературы и считали, что въ будущемъ украинская нація должна занять самостоятельное положеніе на ряду съ польскою и великорусскою. Но яснаго представленія о томъ, въ чемъ должна заключаться самостоятельность украинской націи, у большинства членовъ кружка не было. Вообще среди членовъ кружка господствовали очень разнообразные политическіе и соціальные взгляды. Драгомановъ, какъ украинецъ по рожденію и демократическимъ симпатіямъ къ окружавшему его народу, во многомъ раздѣлялъ стремленія и идеи украинскихъ націоналистовъ, но во многомъ они казались ему реакціонными. Онъ не могъ, напримѣръ, мириться съ пренебреженіемъ украинскихъ націоналистовъ къ русской литературѣ и въ спорахъ съ ними постоянно указывалъ имъ на то, что русская литература пока гораздо болѣе развита, чѣмъ украинская, и гораздо болѣе полна общеевропейскихъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, онъ находилъ несравненно больше образовательнаго матеріала и въ культурномъ и въ политическомъ отношеніи въ „Колоколѣ“ и „Современникѣ“, чѣмъ въ украинскомъ журналѣ „Основа“. Драгоманову не нравилась также и рѣзкость украинцевъ по отношенію къ полякамъ, а мысль о какомъ бы то ни было союзѣ съ самодержавнымъ правительствомъ противъ поляковъ казалась ему возмутительной въ нравственномъ и ошибочной въ политическомъ отношеніи. За такіе взгляды украинцы-націоналисты называли Драгоманова и его единомышленниковъ „космополитами“, считая это слово браннымъ. Но сами „космополиты“ охотно носили эту кличку, видя въ ней болѣе прогрессивный лозунгъ.

Между тѣмъ польское возстаніе приближалось къ Кіеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имѣютъ право на западную „правобережную“ Украйну потому, что въ ней дворянство, или, какъ тогда стали говорить, „интеллигенція“, — польское. Оппозиція противъ этихъ польскихъ стремленій увеличивала силу украинцевъ среди кіевской „православной“ молодежи. Напротивъ, вліяніе „космополитовъ“

падало по мѣрѣ того, какъ приходили извѣстія о томъ, что столичные русскіе радикальные и революціонные кружки становились безусловно на сторону поляковъ. Видя ошибки „космополитовъ“ и не раздѣляя многаго въ стремленіяхъ украинцевъ, Драгомановъ, въ концѣ-концовъ, охладѣлъ къ политикѣ студенческихъ кружковъ, пересталъ ходить на сходки и весь ушелъ въ свои научныя занятія и педагогическую дѣятельность, поскольку она была ему доступна во Временной педагогической школѣ.

Но разойдясь съ украинцами вслѣдствіе разногласія по политическимъ вопросамъ, онъ скоро снова сблизился съ ними изъ-за общихъ педагогическихъ интересовъ. Когда онъ узналъ, что украинцы составили планъ изданія цѣлой серіи популярныхъ книгъ, онъ вступилъ въ ихъ организацію „Громада,“ которая тотчасъ избрала его въ комиссію, образованную для редакціи этихъ книгъ. Однако этому плану не суждено было осуществиться. Въ это время какъ разъ началась реакція противъ польскаго возстанія. Реакціонеры и государственные централисты, органомъ которыхъ сдѣлались „Московскія Вѣдомости“ Каткова, ведя борьбу противъ поляковъ, открыли и во всемъ русскомъ прогрессивномъ и демократическомъ движеніи проявленія „польской интриги“. Сильнѣе всего, однако, Катковъ напалъ на украинцевъ, объявивъ украинское возрожденіе дѣломъ „польской интриги“ и усмотрѣвъ даже въ чисто литературныхъ стремленіяхъ украинцевъ политическій сепаратизмъ. Русское бюрократическое правительство, всегда спѣшившее подавлять всякое проявленіе самостоятельной дѣятельности русскаго общества, направленной къ поднятію народной культуры, пошло и въ данномъ случаѣ навстрѣчу желаніямъ реакціонеровъ и централистовъ. Въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ издалъ распоряженіе о воспрещеніи печатать на украинскомъ языкѣ популярно-научныя и педагогическія книги, такъ какъ, по словамъ этого распоряженія, „никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“. Въ томъ же году и Св. Синодъ воспретилъ печатаніе не только украинскаго перевода Евангелія, представленнаго на его утвержденіе еще въ 1860 г., но и вообще всѣхъ книгъ духовнаго содержанія на украинскомъ языкѣ, такъ что Евангелію въ украинскомъ переводѣ „по благословенію Св. Синода“ суждено было появиться только

въ наши дни. При такихъ условіяхъ работа той „громадской“ комиссіи, редактировавшей популярно-научныя книги на украинскомъ языкѣ, членомъ которой былъ избранъ Драгомановъ, конечно, должна была прекратиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло осуществиться и изданіе упомянутой выше книги для первоначальнаго чтенія съ постепеннымъ переходомъ отъ украинскаго къ русскому и церковно-славянскому языку, которую составлялъ совѣтъ преподавателей во Временной педагогической школѣ. Это первое по времени общее запрещеніе украинской литературы было направлено противъ книгъ, наиболѣе необходимыхъ для культурнаго подъема малорусскаго населенія. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда въ прессѣ былъ поднятъ споръ о значеніи малорусской литературы, даже московскіе славянофилы, которые всегда были великорусскими, а не общеславянскими націоналистами, съ И. С. Аксаковымъ во главѣ, признавали за малорусской литературой право на существованіе, но ограничивали ея культурную роль лишь „домашнимъ обиходомъ“. Между тѣмъ правительственными распоряженіями 1863 г. была запрещена именно малорусская литература для домашняго обихода.

Весною 1863 г. Драгомановъ окончилъ курсъ въ университетѣ. Уже осенью того же года ему пришлось искать занятій и заработка, тѣмъ болѣе, что къ этому времени, какъ было сказано выше, онъ былъ удаленъ изъ Временной педагогической школы. Объ отправкѣ его за границу съ научной цѣлью на счетъ университета пока не могло быть и рѣчи, такъ какъ либеральная партія на филологическомъ факультетѣ, Кіевскаго университета съ уходомъ проф. Шульгина ослабѣла, а консерваторы относились къ Драгоманову непріязненно. Чтобы упрочить свое положеніе при университетѣ, онъ, по совѣту Шульгина, рѣшилъ представить диссертацію pro venia legendi. Вмѣстѣ съ тѣмъ для заработка онъ взялъ предложенное ему мѣсто учителя географіи въ кіевской 2-й гимназіи. Свою диссертацію „Императоръ Тиберій“ онъ защищалъ въ началѣ 1864 г. Несмотря на то, что симпатіи профессорской коллегіи были не на сторонѣ Драгоманова, несомнѣнныя дарованія его побудили историко-филологическій факультетъ и совѣтъ Кіевскаго университета принять его въ число приватъ-доцентовъ. Въ 1865 г. историко-филологи-

ческій факультетъ даже поручилъ ему читать обязательный курсъ для студентовъ на правахъ штатнаго доцента. Между тѣмъ матеріальныя заботы у него увеличивались; послѣ смерти отца и окончанія имъ университета обязанности по воспитанію сестры и брата перешли къ нему, а въ 1864 году онъ очень молодымъ женился. Ему приходилось добывать средства къ жизни литературной работой, преимущественно газетной. Тогда онъ началъ посылать корреспонденціи, литературныя критики, а нѣсколько позже и передовыя статьи въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, которыя въ то время арендовалъ и редактировалъ В. Ф. Коршъ, впослѣдствіи устраненный гр. Дм. А. Толстымъ. Чаще всего Драгомановъ писалъ о политическомъ положеніи Юго-Западнаго края, стремясь разсѣять ту путаницу во взглядахъ, которая была распространена въ русскомъ обществѣ вслѣдствіе наслоеній различныхъ мнѣній, продиктованныхъ то аристократически-польскими, то бюрократически-московскими тенденціями. Со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г. редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ предложила Драгоманову писать руководящія статьи по славянскому вопросу и „вести на эти темы полемику съ московскими газетами“. Онъ написалъ тогда не мало фельетоновъ и передовыхъ статей, въ которыхъ старался разсматривать россійско-польскія и вообще славянскія дѣла съ точки зрѣнія демократически-федеративной. Неоднократно онъ затрогивалъ и украинскій вопросъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ тѣснѣе сблизился съ кіевскимъ украинскимъ кружкомъ, сильно порѣдѣвшимъ съ 1863 года, и подошелъ снова къ украинскому педагогическому вопросу.

Въ 1865 г. въ губерніяхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра было введено земство, а вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о народныхъ школахъ. Черниговскіе земцы, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и украинскими стремленіями, обратили вниманіе на необходимость употребленія украинскаго языка въ мѣстныхъ школахъ. Въ это же время и въ управленіи кіевскаго генералъ-губернаторства, во главѣ котораго стоялъ генер.-губернаторъ Безакъ, увидѣли необходимость оживить народныя школы, находившіяся въ упадкѣ съ 1863 г. подъ давленіемъ восторжествовавшаго тогда клерикализма. Въ виду этого оживленія интереса къ школьному вопросу

Драгоманову почти одновременно предложили писать о немъ и черниговскіе земцы и проф. Шульгинъ, который съ 1864 г. сдѣлался редакторомъ офиціозной газеты „Кіевлянинъ“, проводившей въ 1865—1866 гг. довольно радикальныя демократическія идеи, хотя и строго монархическія. Но во главѣ Кіевскаго учебнаго округа стоялъ тогда новый попечитель князь Ширинскій-Шихматовъ — противникъ не только народнаго, но и свѣтскаго элемента въ первоначальномъ народномъ обученіи. Драгоманову приходилось доказывать, что народная школа должна быть близка къ народу, и что первоначальное обученіе можетъ итти только тогда успѣшно, когда оно будетъ вестись на народномъ языкѣ и начинаться съ родныхъ народу произведеній устной словесности. На эту тему онъ написалъ рядъ статей въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“, среди которыхъ заслуживаютъ особаго упоминанія статьи: „Земство и мѣстный элементъ въ обученіи“ и „О педагогическомъ значеніи малорусскаго языка“. Въ послѣдней статьѣ („Спб. В.“ 1866 г. № 93) онъ, между прочимъ, доказывалъ непригодность для всякихъ, а особенно для украинскихъ школъ „Книги для чтенія въ школахъ Кіевскаго учебнаго округа“, которая была издана кн. Ш.-Шихматовымъ вмѣсто составлявшейся въ 1863 году, какъ было сказано выше, учителями Временной педагогической школы. Книга кн. Ш.-Шихматова начиналась съ образцовъ церковно-славянской письменности, потомъ давала статьи на русскомъ литературномъ языкѣ и, наконецъ, великорусскія народныя пѣсни и разсказы, но ни слова по-украински. Драгомановъ, наоборотъ, предлагалъ начинать съ украинской народной словесности и затѣмъ постепенно восходить къ русскому литературному и великорусскому народному языку. Критики его, особенно „Московскія Вѣдомости“ и самъ кн. Ш.-Шихматовъ, усмотрѣли въ этомъ его „сепаратизмъ“. Князь Ш.-Шихматовъ, послалъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія представленіе о томъ, что Драгомановъ „украинофилъ“ и „сепаратистъ“. Министръ гр. Дм. Толстой въ отвѣтъ предложилъ представить это дѣло на обсужденіе и рѣшеніе совѣта Кіевскаго университета. Но попечитель, будучи не вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ и боясь черезчуръ большой огласки, съ своей стороны, посовѣтовалъ ограничиться пока строгимъ надзоромъ надъ Драгомановымъ. Надзоръ этотъ продолжался нѣсколько лѣтъ

и былъ причиною того, что когда Драгомановъ въ 1869 году защитилъ, наконецъ, свою магистерскую диссертацію, а въ 1870 году былъ избранъ совѣтомъ Кіевскаго университета штатнымъ доцентомъ, попечитель, уже новый, не рѣшился самостоятельно утвердить этотъ выборъ. По соглашенію съ министерствомъ попечитель отложилъ утвержденіе Драгоманова въ званіи штатнаго доцента до возвращенія его изъ-за границы въ 1873 г. Это имѣло довольно непріятныя послѣдствія для Драгоманова, такъ какъ на поѣздку за границу съ научными цѣлями онъ получилъ гораздо меньшую стипендію отъ университета, чѣмъ долженъ былъ бы получить въ томъ случаѣ, если бы былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ. Но съ другой стороны, всѣ эти событія оказали громадное вліяніе на направленіе его умственныхъ и общественныхъ интересовъ.

Въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ Драгомановъ самъ говоритъ о себѣ, что доносъ кн. Ш.-Шихматова имѣлъ своимъ послѣдствіемъ окончательное прикрѣпленіе его къ украинскому направленію, такъ какъ онъ по естественной реакціи занялся болѣе старательно изученіемъ украинскихъ вопросовъ, сначала педагогическаго, а потомъ и національнаго вообще. Впрочемъ, около того же времени образовались и другія нити, сильнѣе привязавшія его къ украинскому движенію. Занимаясь древней исторіей, онъ обратилъ особенное вниманіе на религію и миѳологію арійскихъ народовъ. Отъ древнихъ народовъ онъ перешелъ къ новымъ, здѣсь остановился и на народныхъ преданіяхъ и вообще на устномъ творчествѣ славянъ, между ними особенно украинцевъ. Въ 1867 г. онъ и нѣсколько его пріятелей рѣшили предпринять изданіе сборниковъ украинской народной словесности, опубликовавъ тотъ рукописный матеріалъ, который накопился у разныхъ лицъ вслѣдствіе увлеченія въ предшествовавшіе годы собираніемъ литературно-этнографическихъ данныхъ. Кстати это были бы почти единственныя украинскія изданія, не запрещенныя тогда русскою цензурой. Очень скоро послѣ того этой группою лицъ были изданы двѣ книги сказокъ и двѣ книги пѣсенъ. Затѣмъ въ 1869 г. Драгомановъ и профессоръ русской исторіи В. Б. Антоновичъ совмѣстно принялись за составленіе свода украинскихъ политическихъ пѣсенъ съ историческимъ комментаріемъ. Первые два тома этого изданія

вышли въ Кіевѣ въ 1874 и 1875 гг. подъ заглавіемъ: „Историческія пѣсни малорусскаго народа съ примѣчаніями В. Антоновича и М. Драгоманова“, т. I (Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, X—XV вв. Пѣсни вѣка казацкаго: A. Борьба съ турками и татарами) и т. II (Пѣсни вѣка казацкаго: B. Борьба съ поляками до смерти Богдана Хмельницкаго—1657 г.). Сдѣлавшись эмигрантомъ и живя въ Женевѣ, Драгомановъ продолжалъ это изданіе одинъ. Въ 1883 и 1885 гг. онъ издалъ два выпуска этихъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: „Політичні пісні українського народу, XVIII—XIX ст.“ Вып. I (Запорожці, 1709—1740). В. II (Пісні з остатніх часів автономії Гетьманства Малороссійского і Слобідскоі України, 1709—1765). Кромѣ того, въ 1881 г. онъ изложилъ въ отдѣльной книгѣ результаты своихъ изслѣдованій надъ политическими пѣснями украинскаго народа, относящимися къ XIX столѣтію. Книга эта издана подъ заглавіемъ: „Нові українські пісні про громадські справи“. Женева, 1881. Это въ высшей степени цѣнное изслѣдованіе о томъ, какъ отражались въ народной психологіи и въ народныхъ представленіяхъ общественныя явленія XIX столѣтія, напримѣръ, рекрутскіе наборы, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пролетаризація крестьянства, хожденіе на заработки на фабрики и т. д. Несмотря на неизмѣримую важность въ научномъ и культурномъ отношеніи этого научно-обработаннаго изданія историческихъ или политическихъ пѣсенъ украинскаго народа, Драгомановъ не довелъ его до конца. Онъ и не могъ этого сдѣлать, живя въ Женевѣ, далеко отъ родины, и испытывая всѣ неудобства положенія политическаго эмигранта.

Болѣе близкое знакомство съ украинской народной поэзіей не только доставило Драгоманову богатый матеріалъ для наиболѣе важныхъ его научныхъ работъ, въ чемъ мы вполнѣ убѣдимся ниже, но и окончательно опредѣлило все его политическое міровоззрѣніе. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ: „Изученіе богатой и прекрасной украинской народной словесности, а особенно политическихъ пѣсенъ, которыя представляютъ собою поэтическую исторію украинскаго народа, разсказанную имъ самимъ, заставило меня крѣпко полюбить этотъ народъ и пережить всѣми силами души всѣ частности украинскаго вопроса въ Россіи и Австро-Венгріи. Изслѣдованіе же пѣсенъ

о борьбѣ украинцевъ съ турками сравнительно съ такими же пѣснями народовъ балканскихъ заставило меня вдуматься въ такъ называемый восточный вопросъ, а все вмѣстѣ приводило меня къ мысли о необходимости широкой постановки федерально-демократическаго вопроса во всей Восточной Европѣ. Мнѣ казалось, что украинцы, а въ частности кіевляне должны сыграть важную роль въ этомъ дѣлѣ, но для этого, я думалъ, необходимо имъ побольше политическаго образованія: больше знакомства съ западно-европейскою политическою наукою, а также съ исторіей и современнымъ положеніемъ и своей родины и западныхъ славянъ".

Въ сентябрѣ 1870 года Драгомановъ выѣхалъ за границу, такъ какъ получилъ отъ университета командировку съ научной цѣлью на два года. Но вмѣсто предполагаемыхъ двухъ лѣтъ онъ пробылъ за границей три года. Первую зиму 1870—71 г. онъ прожилъ въ Берлинѣ, усердно посѣщая лекціи Моммзена и другихъ профессоровъ и подготовляя напечатанныя позже въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Знаніи" статьи о борьбѣ церкви и государства въ средніе вѣка и въ переходную эпоху къ новому времени. Его пребываніе въ Берлинѣ совпало съ войною Германіи съ Франціей. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, возможность наблюдать здѣсь самый разгаръ нѣмецкаго шовинизма; при этомъ его крайне непріятно поражала нѣмецкая національная нетерпимость и высокомѣріе въ отношеніи къ другимъ народамъ, а особенно къ славянамъ. Изъ Берлина онъ проѣхалъ черезъ Саксонію и славянскія земли—Баутценъ и Прагу въ Вѣну. Въ Вѣнѣ онъ ближе познакомился съ славянами и въ частности съ своими соплеменниками русинами изъ Галиціи. Осенью онъ уѣхалъ въ Гейдельбергъ продолжать свои научныя работы, начатыя въ Берлинѣ. Но впечатлѣнія, полученныя имъ въ Германіи и Австріи отъ побѣдныхъ кликовъ и высокомѣрнаго торжества нѣмцевъ, съ одной стороны, и отъ жалкаго приниженнаго культурнаго и соціальнаго положенія славянъ—съ другой, не давали ему покоя. Въ своихъ „Австро-русинскихъ воспоминаніяхъ" онъ разсказываетъ, что въ Гейдельбергѣ его такъ занимали мысли о томъ, „какую силу проявило бы славянство, если бы въ немъ воспреобладала бы федеральная демократія въ духѣ Костомарова и Шевченка, а не „ополяченіе" сперва и московское „обрусеніе" потомъ", что онъ больше ни о чемъ

рѣшительно не могъ думать. Чтобы хоть немного освободиться отъ угнетавшихъ его мыслей, онъ принялся писать статью „Восточная политика Германіи и обрусеніе“, которая была помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 годъ, и которую мы перепечатываемъ въ началѣ предлагаемаго тома его политическихъ сочиненій. Это было первое крупное публицистическое произведеніе Драгоманова. Въ немъ уже были намѣчены всѣ основныя черты его политическаго міровоззрѣнія. Идеи политическаго федерализма и демократизма Драгомановъ считалъ осуществимыми только при культурномъ подъемѣ народныхъ массъ. Но для быстраго роста культуры наиболѣе широкихъ народныхъ массъ онъ считалъ необходимымъ развитіе не только великихъ литературъ міровыхъ народовъ, но и всѣхъ болѣе бѣдныхъ литературъ различныхъ мелкихъ національностей. Въ своихъ подцензурныхъ статьяхъ онъ по необходимости больше останавливался на культурномъ и литературномъ развитіи мелкихъ національностей, чѣмъ на самомъ цѣнномъ слѣдствіи его — осуществленіи федераціи народовъ. Многіе изъ своихъ чисто политическихъ выводовъ онъ предоставлялъ дѣлать самимъ читателямъ. Такимъ образомъ ему удавалось подсказывать читателямъ свои политическія федерально-демократическія идеи, заставляя приходить къ заключенію о справедливости ихъ на основаніи самыхъ различныхъ фактовъ. Онъ достигалъ этого, разрабатывая въ цѣломъ рядѣ статей матеріалъ, касающійся культурнаго и литературнаго развитія мелкихъ національностей въ различныхъ странахъ. Изъ этого ряда работъ особаго упоминанія заслуживаютъ статьи: „Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи“—„Вѣстникъ Европы“ 1875 г., августъ и сентябрь; „Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ“ — „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., іюль; „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ преподаваніи“ — „Вѣстникъ Европы“ 1875 годъ, августъ; и „Очерки новѣйшей литературы на малорусскомъ нарѣчіи“. Послѣдняя статья была вырѣзана цензурой изъ „Вѣстника Европы“ 1874 г., сентябрь и октябрь, и впервые будетъ напечатана по-русски въ предлагаемомъ изданіи.

Ту же цѣль — вызвать сочувствіе къ исповѣдуемымъ имъ идеямъ федералистическаго демократизма—Драгомановъ преслѣдовалъ и въ своихъ статьяхъ о галицко-русинскомъ литературномъ, общественномъ и политическомъ движеніи. Но мо-

тивы, руководившіе имъ при составленіи этихъ статей, были гораздо сложнѣе и разнообразнѣе. Въ нихъ интересъ къ вопросамъ культуры пріобрѣтаетъ совершенно самостоятельное и независимое значеніе. Изучая различныя направленія русинской литературы еще въ Россіи и затѣмъ встрѣчаясь и знакомясь съ галицкими русинами въ Вѣнѣ, Драгомановъ пришелъ къ заключенію, что въ мнѣніяхъ относительно литературно-общественныхъ направленій, существующихъ среди галицкихъ русиновъ, господствуетъ сплошное недоразумѣніе. Дѣленіе русиновъ на руссофильскую и украинофильскую партіи совершенно неправильно, такъ какъ обѣ эти партіи одинаково далеки отъ Россіи, по крайней мѣрѣ, отъ той культурной Россіи, лучшимъ выраженіемъ которой является русская литература. Онъ убѣдился, что основной чертой обѣихъ этихъ партій надо признать „австро-рутенство“, т.-е. доморощенный клерикализмъ и господство самыхъ отсталыхъ литературныхъ, соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, заимствованныхъ у австрійско-нѣмецкихъ и шляхетско-польскихъ бюрократическихъ и аристократическихъ круговъ. Имя „рутенство“ наиболѣе подходитъ къ этому культурно-національному типу, такъ какъ оно, хотя и происходитъ отъ латинско-нѣмецкой передѣлки слова „русинъ“, отличаетъ этотъ типъ одинаково и отъ всего русскаго и отъ всего украинскаго. Впрочемъ, Драгомановъ призналъ, что „рутенство“ особенно свойственно руссофильской или москвофильской партіи, такъ какъ, не зная ни русскаго языка ни литературы, они преклоняются передъ Россіей офиціальной и ея государственнымъ могуществомъ. Московскіе славянофилы, которые находились въ сношеніяхъ съ галицкими москвофилами еще со временъ Погодина, только поддерживали въ нихъ ложное представленіе о Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ австро-рутенство, такъ какъ вмѣсто того, чтобы знакомить ихъ съ живой русской литературой, они доставляли имъ только славянофильскія изданія, которыхъ въ самой Россіи почти никто не читалъ. Въ противоположность этому, галицкіе народовцы или украинофилы, благодаря изученію украинской литературы, формальному культу Шевченка и знакомству съ научными трудами украинцевъ объ Украйнѣ на русскомъ языкѣ, все-таки усвоили нѣкоторыя демократическія и антиклерикальныя идеи; но и они сохранили еще много чисто рутенскихъ чертъ. Вообще

Драгомановъ нашелъ, что хотя галицкіе русины по своему географическому положенію и ближе къ Западной Европѣ, и хотя они и живутъ въ конституціонномъ государствѣ, тѣмъ не менѣе, по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, т.-е. по отношенію къ соціально-политическому демократизму и радикализму, они значительно больше отстали отъ Западной Европы, чѣмъ интеллигентные украинцы, живущіе въ самодержавной Россіи. Изъ всего этого онъ сдѣлалъ выводъ, что русская литература своимъ демократизмомъ и радикализмомъ можетъ быть чрезвычайно полезна галицкимъ русинамъ, даже въ національномъ отношеніи, такъ какъ, дѣлаясь демократами, они естественно будутъ становиться и украинцами, потому что работать имъ придется среди украинскаго народа. Онъ сейчасъ же принялся осуществлять эту идею, собирая русскія книги и деньги на покупку ихъ и жертвуя ихъ русинскимъ общественнымъ учрежденіямъ и библіотекамъ. Благодаря его стараніямъ въ Вѣнскомъ русинскомъ обществѣ „Січ“ образовалась въ свое время самая богатая частная русская библіотека въ Австріи. Объ этой своей дѣятельности онъ самъ говоритъ: „Смѣло могу сказать, что ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько „московскихъ“ (русскихъ) книгъ, какъ я — „украинскій сепаратистъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая безплодными всякіе споры о національностяхъ, онъ предлагалъ прекратить ихъ и объединяться на реальной работѣ для народа.

Всѣ эти мысли очень занимали Драгоманова во вторую и третью зиму его пребыванія за границей въ 1871 — 1873 гг., которыя онъ съ научною цѣлью прожилъ въ Италіи. Тогда онъ и написалъ нѣсколько большихъ статей о литературномъ и общественномъ движеніи въ Галиціи по-русски и по-украински. Въ своихъ русскихъ статьяхъ о Галиціи, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1873 г. и перепечатываемыхъ въ предлагаемомъ томѣ, онъ естественно направлялъ свои критическіе удары противъ славянофиловъ, доказывая, что ихъ политика вредна даже съ чисто славянской или русской точки зрѣнія, такъ какъ, поддерживая только реакціонныя стремленія, она способствуетъ денаціонализаціи западныхъ славянъ и ведетъ только къ господству австрійскихъ бюрократическихъ и другихъ антинародныхъ элементовъ. Писать по-украински Драгоманова пригласили галицкіе

„народовцы“ (украинофилы), когда онъ проводилъ во Флоренціи третью зиму, прожитую имъ за границей. Въ это время, въ 1872 г., „народовцы“ рѣшили возобновить свой журналъ „Правда“, въ чемъ ихъ поддерживали украинцы въ Россіи, обѣщая матеріальную и литературную помощь. Увѣдомленный объ этихъ обѣщаніяхъ, Драгомановъ сейчасъ же послѣдовалъ приглашенію и написалъ для „Правды“ нѣсколько литературно-критическихъ статеекъ и замѣтокъ. Однако съ самаго начала между нимъ и „народовцами“, завѣдывавшими редакціей „Правды“, обнаружились разногласія по основнымъ вопросамъ. Чтобы разъ навсегда выяснить ихъ, онъ написалъ большую статью „Література россійська, великоруська, українська і галицька“, которая, по настоянію друзей Драгоманова —украинцевъ въ Россіи, была напечатана по частямъ въ „Правдѣ“ въ 1873 и 1874 гг., а затѣмъ вышла и отдѣльной брошюрой. Въ своихъ „Австрорусинскихъ воспоминаніяхъ“ онъ говоритъ о ней: „Я задумалъ въ ней критически пересмотрѣть всю тогдашнюю украинофильскую и „народовскую“ ортодоксію, сдѣлать то же самое съ ортодоксіей москвофильско-всерусскою, а въ концѣ дать очеркъ реалистически прогрессивнаго украинства и „всерусскости“ совсѣмъ на другихъ основахъ. Мое намѣреніе лучше всего выражалось бы въ мотто: destruam et aedificabo!“

Украинскія статьи Драгоманова въ „Правдѣ“ послужили внѣшнимъ поводомъ для удаленія его изъ Кіевскаго университета. Въ Россію онъ возвратился въ концѣ лѣта 1873 года и 1 сентября прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ засталъ значительное оживленіе среди интеллигентныхъ кружковъ, такъ какъ въ его отсутствіе въ Кіевѣ былъ открытъ Юго-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По возвращеніи изъ-за границы, онъ всецѣло погрузился въ свои научныя работы, такъ что для занятія политикой у него сперва по его собственному признанію даже не было времени. Теперь онъ, наконецъ, былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ Кіевскаго университета и долженъ былъ спѣшить съ разработкой своихъ лекцій, такъ какъ читалъ обязательные курсы для студентовъ по исторіи древняго міра. Кромѣ того, онъ принялъ очень дѣятельное участіе въ трудахъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества и подготовлялъ работы для предстоявшаго третьяго Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Въ 1874 году во второмъ томѣ Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла

Географическаго Общества была помѣщена его работа „Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ“. Въ ней онъ показалъ, какъ западныя пѣсенныя темы, переходя на Русь, получаютъ наслоенія тѣхъ странъ, чрезъ которыя онѣ проходили. На Кіевскій Археологическій съѣздъ, засѣдавшій съ 2 по 16 августа того же 1874 года, онъ представилъ вмѣстѣ съ профес. В. Б. Антоновичемъ уже упомянутыя „Историческія пѣсни малорусскаго народа“ т. I, въ комментарій къ которымъ внесъ объясненія, основанныя на сравненіи ихъ съ пѣснями другихъ народовъ. На томъ же съѣздѣ онъ прочиталъ рефератъ „Пѣсни и сказанія о кровосмѣшеніи“, представлявшій результатъ его изслѣдованій сказаній объ Эдипѣ и разлученныхъ братьяхъ и сестрахъ въ славянской народной словесности. Цѣликомъ опубликовать эту работу ему удалось только спустя семнадцать лѣтъ въ 1891 г. въ одномъ научномъ болгарскомъ сборникѣ, когда онъ сдѣлался профессоромъ Высшей Школы въ Софіи. Кромѣ того, онъ подготовлялъ тогда большой сборникъ „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, который вышелъ въ Кіевѣ въ 1876 году. Наконецъ къ этому времени относится цѣлый рядъ его болѣе мелкихъ статей и замѣтокъ научнаго характера. Мы не будемъ, однако, говорить здѣсь не только о нихъ, но и о выдающихся научныхъ работахъ Драгоманова, относящихся къ позднѣйшему времени, такъ какъ оцѣнка его научныхъ трудовъ не входитъ въ нашу задачу. Но, приближаясь къ моменту въ жизни Драгоманова, когда онъ принужденъ былъ разстаться съ академической дѣятельностью, мы должны все же хоть коротко охарактеризовать его, какъ ученаго.

Главныя научныя заслуги Драгоманова лежатъ не въ области разработки всеобщей и римской исторіи, каѳедру которой въ Кіевскомъ университетѣ онъ занималъ въ качествѣ штатнаго доцента. Несомнѣнно, степень магистра была ему вполнѣ заслуженно присуждена за его диссертацію „Вопросъ объ историческомъ значеніи римской исторіи и Тацитъ“. Но это была въ значительной мѣрѣ еще юношеская работа, которая была написана, когда автору было только 27—28 лѣтъ, когда онъ еще не побывалъ за границей, не поработалъ подъ руководствомъ лучшихъ представителей западно-европейской науки и не изучилъ всѣхъ сокровищъ, хранящихся въ иностранныхъ библіотекахъ. Между тѣмъ впослѣдствіи по вопросамъ всеобщей

исторіи ему удалось опубликовывать только отдѣльныя статьи. Его научные интересы постепенно передвинулись въ сторону изслѣдованія украинскаго и славянскаго народнаго творчества. Въ этихъ изслѣдованіяхъ онъ примѣнялъ сравнительный методъ, къ которому все сильнѣе склонялся, начиная еще съ 1869 года. Несмотря на очень детальный характеръ нѣкоторыхъ его работъ объ отдѣльныхъ бродячихъ сказаніяхъ и легендахъ, вся его научная дѣятельность въ этой области освѣщалась самыми широкими взглядами. Его изслѣдованія не вмѣщались въ частности ни въ область этнографіи ни исторіи устной народной словесности; охватывая и ту и другую область, они по справедливости должны быть отнесены къ фольклору, какъ болѣе всеобъемлющей наукѣ о всей совокупности духовной жизни народовъ. Постоянно устанавливая заимствованія одного народа у другого въ созданіяхъ ихъ народной словесности, онъ показывалъ, какъ много интернаціональныхъ элементовъ въ самыхъ, повидимому, національныхъ твореніяхъ отдѣльныхъ народовъ. Въ этомъ онъ видѣлъ чисто научное подтвержденіе всего своего міровоззрѣнія, въ которомъ широкій интернаціонализмъ, основанный на признаніи цивилизаціи плодомъ общечеловѣческаго творчества, переплетался съ горячей любовью къ родному народу. Считаемъ нужнымъ привести короткую характеристику этой стороны научной дѣятельности Драгоманова, данную однимъ изъ учениковъ его, самымъ выдающимся изъ современныхъ украинскихъ писателей и ученыхъ Ив. Франкомъ въ его рѣчи, произнесенной въ 1894 г. на юбилейномъ банкетѣ въ честь тридцатилѣтія литературной дѣятельности Драгоманова. „У насъ,— сказалъ Ив. Франко,— Драгомановъ первый взялся за истинно-научную работу надъ твореніями народнаго духа. Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой на Украйнѣ, сдѣлалъ для научнаго объясненія народныхъ сказаній. Среди пѣсенъ и разсказовъ онъ обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ, которые прежніе ученые съ особенной любовью объявляли оригинальнымъ созданіемъ нашего народа, считая ихъ чрезвычайно подходящими для того, чтобы на основаніи ихъ понимать народную душу. Драгомановъ, сравнивая ихъ съ пѣснями и разсказами другихъ народовъ, показалъ, что это пришлыя произведенія, заимствованныя нами у сосѣдей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, какъ важно знать, откуда и какъ эти произведенія заходили къ намъ, и

какіе взгляды и знанія они приносили нашему народу. Такимъ образомъ въ тѣхъ „мужичьихъ“ и „бабьихъ“ пѣсняхъ и сказкахъ, о которыхъ у насъ до сихъ поръ кое-кто говоритъ съ пренебреженіемъ, Драгомановъ научилъ насъ видѣть слѣды давнихъ культурныхъ связей нашего народа съ другими народами, свидѣтельства о такихъ духовныхъ сношеніяхъ и вліяніяхъ, о которыхъ у насъ очень мало другихъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Вмѣсто того, чтобы отгадывать народную душу, мы учимся на основаніи этихъ произведеній лучше понимать историческое развитіе народа, преимущественно развитіе его вѣрованій и его фантазіи. Драгомановъ, особенно въ послѣдніе годы, живя въ столицѣ Болгаріи, Софіи, опубликовалъ по-болгарски цѣлый рядъ такихъ работъ о народныхъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ, въ томъ числѣ — и нашего народа. Эти работы поставили его на ряду съ лучшими знатоками этого предмета во всемъ славянскомъ мірѣ, и о нихъ съ большою похвалою отзываются нѣмецкіе, французскіе и американскіе ученые, а нѣкоторые изъ нихъ спеціально изучаютъ нашъ языкъ, чтобы читать наши пѣсни и повѣсти и работы о нихъ Драгоманова“ [1]).

Драгомановъ дѣйствительно пользовался среди европейскихъ ученыхъ большой извѣстностью и авторитетомъ. Это особенно ярко обнаружилось въ 1894 году на томъ же празднованіи юбилея его тридцатилѣтней литературной и научной дѣятельности. Тогда со всѣхъ сторонъ Европы были присланы въ Львовъ горячіе и даже восторженные привѣты, напр., отъ Альфреда Рамбо, В. Морфилля, Г. Питре, Л. Леже, М. Шиффа, Гастона Пари, Анри Карнуа и др. Въ Россіи Драгомановъ и какъ ученый до сихъ поръ еще недостаточно извѣстенъ, такъ какъ вслѣдствіе цензурныхъ условій ученые въ Россіи часто не могли ссылаться на его сочиненія даже тогда, когда пользовались ими [2]). Кромѣ того, его научныя сочиненія опубликованы на различныхъ, часто малоизвѣстныхъ языкахъ, какъ,

---

[1]) Ср. „Михаил Петрович Драгоманов, 1841 — 1895. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів“. Зладив і видав М. Павлик. Львів, 1896, стр. 28—30. Приведенный отрывокъ переведенъ нами съ украинскаго.

[2]) Ср. некрологъ М. П. Драгоманова, написанный А. Крымскимъ, „Этнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII. Некрологъ этотъ имѣется только въ отдѣльныхъ оттискахъ, такъ какъ онъ былъ вырѣзанъ цензурой и замѣненъ краткимъ сообщеніемъ о жизни и смерти Драгоманова и сухимъ перечнемъ его сочиненій.

напримѣръ, болгарскій, и разбросаны въ массѣ спеціальныхъ изданій и журналовъ. Только украинцы, благодаря Галиціи, могли болѣе обстоятельно знакомиться и съ научными сочиненіями Драгоманова. Надо признать большой заслугой „Наукового товариства імени Шевченка“ во Львовѣ и самаго послѣдовательнаго ученика Драгоманова М. Павлика, изданіе собранія научныхъ сочиненій Драгоманова объ украинской народной словесности и литературѣ [1]).

Однако мы должны возвратиться къ разсказу о жизни Драгоманова. Въ Кіевѣ онъ не могъ надолго ограничиться исключительно научною дѣятельностью и долженъ былъ постепенно втянуться какъ въ публицистическую работу, такъ и въ кружковую жизнь кіевскаго интеллигентнаго общества. Нѣкоторыя изъ названныхъ выше статей общаго содержанія въ петербургскихъ и галицкихъ журналахъ были написаны именно въ это время. Въ 1875 г. передъ нимъ открылось поле для публицистической дѣятельности и въ Кіевѣ, такъ какъ фактическое завѣдываніе редакціей мѣстной газеты „Кіевскій Телеграфъ“ перешло къ кружку украинцевъ, въ которомъ онъ былъ наиболѣе выдающейся литературной силой. Въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ онъ помѣстилъ рядъ статей по украинскому, галицкому и славянскому вопросамъ; въ нихъ онъ развивалъ федеративно-демократическія идеи по поводу текущихъ политическихъ событій, особенно первыхъ предвѣстниковъ готовящагося кризиса на Балканскомъ полуостровѣ. Одновременно онъ былъ занятъ также подготовкой къ печати сборника произведеній поэта украинскихъ горцевъ—„гуцуловъ“ Федьковича, который ему удалось издать въ Кіевѣ лишь въ 1876 году; къ нему онъ написалъ придисловіе по-украински о развитіи галицко-украинской литературы. Хотя до 1876 года онъ не подписалъ своей фамиліей ни одной изъ своихъ публицистическихъ статей ни въ украинскихъ ни въ русскихъ журналахъ и газетахъ, однако авторство его не оставалось тайной. Поэтому на него сыпались доносы въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Конечно, однихъ этихъ доносовъ было бы достаточно для того, чтобы

---

[1]) См. „Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство“. До сихъ поръ вышло три тома: томъ I, Львовъ, 1899, стр. 260; томъ II, Львовъ 1900, стр. 238; томъ III, Львовъ, 1906, стр. 362, in 8⁰. Въ ближайшемъ времени готовится выходъ четвертаго тома.

возбудить дѣло противъ Драгоманова. Но у министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого присоединялись къ этому еще и личные счеты съ Драгомановымъ, такъ какъ послѣдній не разъ задѣвалъ его въ своихъ статьяхъ, да и не могъ не задѣвать, когда писалъ о вопросахъ народнаго образованія вообще и о постановкѣ его въ Юго-Западномъ краѣ въ особенности. Вслѣдствіе этихъ доносовъ попечитель Кіевскаго учебнаго округа въ маѣ 1875 года призвалъ къ себѣ Драгоманова и сообщилъ ему желаніе министра, чтобы Драгомановъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На вопросъ о причинѣ попечитель отвѣтилъ, что министру сдѣлалось извѣстно, что Драгомановъ въ заграничныхъ изданіяхъ проповѣдуетъ „отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи и присоединеніе ея къ Польшѣ". Считая себя совершенно невиновнымъ въ предъявленномъ ему обвиненіи, Драгомановъ отказался добровольно выходить въ отставку, а въ доказательство нелѣпости обвиненія представилъ свои статьи въ „Правдѣ". Затѣмъ на вакаціонное время онъ уѣхалъ въ Галицію, гдѣ посѣщалъ и народныя собранія, хотя, конечно, не выступалъ на нихъ. Изъ Галиціи послѣдовали новые доносы на этотъ разъ отъ галичанъ-москвофиловъ. Когда Драгомановъ возвратился въ Кіевъ, попечитель снова предложилъ ему подать прошеніе объ отставкѣ; теперь это дѣлалось по личному распоряженію императора Александра II, которому было доложено объ этомъ дѣлѣ. Но и на этотъ разъ Драгомановъ отказался признать себя виновнымъ безъ суда и слѣдствія и подать въ отставку. Тогда въ сентябрѣ 1875 года онъ былъ уволенъ министерствомъ по 3-ему пункту.

Послѣ своего увольненія отъ профессорскихъ обязанностей въ университетѣ Драгомановъ рѣшилъ ѣхать за границу для того, чтобы вести пропаганду въ русской заграничной печати въ пользу политической свободы и основать вольную украинскую прессу. Въ этомъ намѣреніи его поддерживали всѣ его друзья и товарищи изъ кіевской украинской организаціи, такъ называемой „Громады". Кіевская „Громада", зародившаяся, по вышеприведенному свидѣтельству Драгоманова, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ видѣ студенческаго кружка, къ этому времени состояла исключительно изъ людей зрѣлыхъ, по преимуществу учителей гимназій и нѣсколькихъ профессоровъ университета. Поэтому съ конца шестидесятыхъ годовъ въ отличіе отъ вновь возникавшихъ студенческихъ „Громадъ" она

стала называться „Стара Громада“. По аналогіи съ кіевской „Громадой“ въ другихъ культурныхъ центрахъ Украйны—въ Одессѣ и Харьковѣ, образовались свои украинскія организаціи, принявшія то же названіе. Кромѣ того, каждая „Громада“ имѣла своихъ членовъ въ провинціи, такъ какъ, переселяясь изъ университетскаго города въ меньшій культурный центръ, „громадянинъ“ обыкновенно не выходилъ изъ „Громады“ и не порывалъ связей съ своею „Громадой“. Часто такой „громадянинъ“, живя въ не университетскомъ городѣ, находилъ въ немъ интеллигентныхъ украинцевъ, любившихъ свой народъ и стремившихся работать на его пользу, или же въ какомъ-нибудь университетскомъ городѣ собиралось нѣсколько членовъ изъ одной и той же „Громады“ или изъ нѣсколькихъ упомянутыхъ „Громадъ“, и тогда въ этомъ городѣ возникала своя „Громада“. Благодаря своей распространенности и относительной прочности существовавшей внутри ихъ и между ними связи, организаціи эти представляли довольно внушительную силу. Во всякомъ случаѣ, ихъ интеллектуальная сила не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ онѣ заключали въ себѣ цвѣтъ интеллигенціи всей южной Россіи. Въ частности кіевская „Громада“ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ занимала выдающееся положеніе по господствовавшему въ ней политическому радикализму и по выдающимся умственнымъ и общественнымъ качествамъ ея членовъ. Тогда къ кіевской „Старой Громадѣ“ примыкали: проф. В. Б. Антоновичъ, Антеповичъ, В. Л. Беренштамъ, Бѣлый, Ф. Виниченко, В. Н. Волкъ-Карачевскій, Ф. К. Волковъ, А. А. Волькенштейнъ, П. И. Житецкій, И. А. Житецкій, проф. Н. И. Зиберъ, проф. А. Ф. Кистяковскій, Н. В. Ковалевскій, А. Я. Конисскій, П. А. Косачъ, О. П. Косачъ, И. С. Левицкій, О. И. Левицкій, П. И. Линтваревъ, И. И. Линтваревъ, Г. И. Линтваревъ, А. И. Лоначевскій-Петруняка, А. Михалевичъ, Михальчукъ, В. П. Науменко, Ф. Т. Панченко, С. А. Подолинскій, В. А. Рубинштейнъ, И. Я Рудченко, А. А. Русовъ, Ѳ. Р. Рыльскій, М. П. Старицкій, Е. К. Трегубовъ, Н. И. Троцкій, Н. Я. Фойницкій, Ю. Ю. Цвѣтковскій, П. П. Чубинскій, Шершавицкій, Я. Н. Шульгинъ и Шульженко [1]). Позже къ ней при-

[1]) См. „Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“ и „Примѣчанія къ части „Свода“, касающейся „сообщества украинофиловъ“ А. А. Русова и Ф. К.

соединились также проф. Ф. Г. Мищенко и проф. И. В. Лучицкій. Около середины семидесятыхъ годовъ установилась наибольшая солидарность между кіевской „Єтарой Громадой“ и Драгомановымъ, который состоялъ ея членомъ съ 1863 года.

Характеризуя политическое мышленіе Драгоманова, мы выяснили, что онъ не былъ національностомъ. Но въ то же время, знакомясь съ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ его жизни, мы видѣли, что какъ только возникало какое-нибудь практическое дѣло, педагогическо-культурное или соціально-политическое на пользу народа, онъ сближался съ украинцами, даже чистыми національностами, потому что для него было ясно, что для украинскаго народа можно работать только въ качествѣ украинца. Къ нему можно примѣнить слова, сказанныя имъ въ одной изъ его статей по поводу произведеній Гоголя: „Во времена Гоголя еще можно было написать „Вечера на хуторѣ“, „Тараса Бульбу“ не по-малорусски, а теперь нельзя“. Такъ же точно во времена Гоголя, т.-е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX ст. еще можно было устраивать тайныя политическія сообщества въ южной Россіи даже демократически-федералистическаго направленія, каковымъ былъ союзъ „Соединенныхъ Славянъ“, не питая никакихъ украинскихъ симпатій и не чувствуя никакой солидарности съ украинскимъ народомъ. Но уже въ 40-хъ годахъ въ эпоху Кирилло-Меѳодіевскаго братства это было невозможно; начиная же съ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ каждый искренній демократъ и радикалъ, работающій на Украйнѣ и среди украинскаго народа, долженъ становиться украинцемъ. Драгомановъ приходилъ къ украинству, исходя изъ созданныхъ европейской цивилизаціей общечеловѣческихъ идеаловъ, въ частности изъ принциповъ политическаго радикализма и демократизма. Какъ послѣдовательно мыслящій и обладающій громадной эрудиціей человѣкъ, разсматривавшій положеніе украинскаго народа не только въ славянствѣ, но и вообще въ Европѣ, притомъ не только въ послѣднее столѣтіе, но и во всѣ предшествующія, онъ приходилъ къ заключенію, что высшіе соціальные, политическіе и культурные идеалы европейской цивилизаціи могутъ быть осуществлены на украинской почвѣ и среди украинскаго народа только въ

Волкова. „Былое“, 1907, іюнь. Ср. также В. Доманицкій, „Володимир Антонович“. Журн. „Нова Громада“ 1906 г., № 9.

украинской національной формѣ. Но его украинство не было результатомъ только логическихъ выкладокъ и чисто умственной работы. Мы видѣли выше, что, знакомясь съ украинскимъ народомъ, изучая его исторію и литературу, особенно народную поэзію, онъ горячо полюбилъ его. Въ исторіи Украйны и въ ея географическомъ положеніи онъ усматривалъ, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ изъ одного его признанія, приведеннаго выше, указанія на ея культурную и политическую роль въ славянскомъ мірѣ. Въ частности въ томъ умственномъ движеніи XIX столѣтія, которое извѣстно подъ именемъ украинскаго національнаго возрожденія, онъ находилъ чрезвычайно важныя общественно-политическія идеи, которыя могутъ внести въ русскую и вообще славянскую культуру нѣчто новое и цѣнное. Ихъ онъ видѣлъ въ политической программѣ кружка украинцевъ сороковыхъ годовъ, такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, самыми видными членами котораго были Шевченко и Костомаровъ. Такими идеями онъ считалъ идеи славянской федераціи и братства народовъ. Подводя итоги всей своей дѣятельности, въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія по поводу его тридцатилѣтняго юбилея онъ писалъ, что главнымъ дѣломъ своей жизни онъ считалъ проповѣдь и стремленіе осуществлять въ практической политикѣ тѣ руководящія идеи, къ которымъ пришли въ сороковые годы славные Кирилло-Меѳодіевскіе „братья“, и которыя составляли основу украинскаго демократизма въ кружкахъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, существовавшихъ во время его молодости; въ эти идеи онъ вносилъ только поправки, которыя вызывались новѣйшимъ развитіемъ міровой науки и политики. Все это показываетъ, что Драгомановъ, не будучи націоналистомъ, въ концѣ-концовъ, какъ по требованію разума, такъ и по влеченію чувства, сталъ горячимъ и преданнымъ украинскимъ патріотомъ.

Такая сложная постановка вопросовъ о націонализмѣ и интернаціонализмѣ, конечно, не могла быть понята окружающей средой. Во всѣхъ національныхъ и общественныхъ группахъ она вызывала недоразумѣнія и приводила къ тому, что противъ Драгоманова часто выдвигались самыя фантастическія обвиненія. Такъ, великорусскіе соціалисты-революціонеры принимали украинскій патріотизмъ Драгоманова за націонализмъ и упрекали его за него. Сами они, называя себя интер-

націоналистами, стремились казаться равнодушными къ интересамъ своей національности, но это имъ плохо удавалось. Будучи народниками, они основывали свою вѣру въ близость соціальной революціи на чрезмѣрной переоцѣнкѣ нѣкоторыхъ національно-русскихъ учрежденій—общины и артели, и потому ихъ интернаціонализмъ и антинаціонализмъ часто сводились къ тому, что они требовали отъ представителей всѣхъ не великорусскихъ націй равнодушія къ своей національности и признанія великорусскихъ національныхъ чертъ единственно спасительными для соціальной революціи. Въ польской средѣ идеи Драгоманова встрѣчались еще съ бо̀льшимъ недовѣріемъ. Особенно послѣ появленія статьи Драгоманова „Il movimento letterario ruteno in Russia e Galizia“ въ итальянскомъ журналѣ „Rivista Europea“ (1873 г. №№ 1 и 2) польскіе журналы часто стали называть Драгоманова „московскимъ агентомъ“. Наконецъ идеи Драгоманова вызывали оппозицію и въ средѣ его земляковъ-украинцевъ. Послѣдніе никакъ не могли примириться съ взглядами Драгоманова на русскую литературу: они не соглашались съ тѣмъ, что русская литература имѣетъ громадную культурную цѣнность и для Украйны, и безусловно отрицали полезность и необходимость распространенія ея въ Галиціи. Имъ казалось, что русинская часть Галиціи есть уголокъ Украйны, гдѣ украинская нація можетъ развиваться совершенно самобытно и независимо отъ великорусскихъ культурныхъ вліяній. Поэтому ихъ возмущала мысль Драгоманова способствовать демократизированію и радикализированію галицкаго общества путемъ ознакомленія его съ русской литературой. За такія мысли украинскіе націоналисты называли Драгоманова „обрусителемъ“ и „москалефиломъ“ [1]).

Среди членовъ кіевской „Старой Громады“ очень многіе также не соглашались съ философско-историческими и политическими взглядами Драгоманова. Значительная часть „громадянъ“ приближалась по своимъ воззрѣніямъ къ украинскимъ націоналистамъ. Но различія эти въ половинѣ семидесятыхъ годовъ сглаживались вслѣдствіе общаго радикально-демократическаго настроенія всей „Старой Громады“. Политическому радикализированію „Громады“ способствовали два обстоятель-

---

[1]) Ср. А. Крымскій. Некрологъ Драгоманова, „Этнографическое Обозрѣніе“, т. XXVII, стр. 130.

ства: во-первыхъ, ожидавшіяся репрессіи противъ украинскаго литературнаго и культурнаго развитія, которыя не замедлили воспослѣдовать уже въ 1876 г., когда былъ изданъ знаменитый указъ, почти совсѣмъ воспрещавшій украинскую литературу, и было закрыто даже чисто научное общество Юго-Западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а его секретарь и вице-президентъ извѣстный этнографъ П. П. Чубинскій былъ высланъ изъ Кіева; во-вторыхъ, готовившійся кризисъ въ русской государственной жизни. Этотъ кризисъ Драгомановъ и его друзья вполнѣ опредѣленно предвидѣли еще въ 1875—1876 гг. Но они ошибались относительно его исхода, — они были убѣждены тогда, что онъ приведетъ къ учрежденію конституціоннаго строя въ Россіи и никакъ не могли предвидѣть послѣдовавшей за кризисомъ реакціи въ царствованіе Александра III.

Итакъ, Драгомановъ отправлялся за границу не одиночнымъ партизаномъ; за нимъ стояли довольно солидныя общественныя силы, на которыя въ то время дѣйствительно можно было опереться. Его миссія заключалась въ томъ, чтобы отстаивать въ русской и украинской прессѣ идеи политическаго федерализма и способствовать болѣе благопріятному для областного и національнаго автономизма разрѣшенію государственнаго кризиса Россіи; во всякомъ случаѣ, нужно было предотвратить разрѣшеніе этого кризиса путемъ учрежденія чисто централистической конституціи, при которой Украйна и украинскій народъ могли бы попасть въ еще болѣе угнетенное положеніе, чѣмъ при самодержавіи. За границу Драгомановъ выѣхалъ въ началѣ 1876 г., такъ какъ ему пришлось прожить еще около полугода въ Кіевѣ для того, чтобы закончить свои научныя и литературныя работы. Первоначально онъ поселился въ Вѣнѣ, считая ее наиболѣе удобнымъ пунктомъ для того, чтобы одновременно работать и для русской и для галицкой Украйны. Къ этому времени онъ окончательно разошелся съ галицкими „народовцами“ (украинофилами), въ чемъ его въ значительной мѣрѣ поддерживала тогда и кіевская „Громада“. Притомъ правильность его программы и тактики по отношенію къ галицкимъ русинамъ были именно въ это время подтверждены однимъ изъ крупнѣйшихъ его успѣховъ среди галицкой молодежи и вообще въ Галиціи. Подъ вліяніемъ его статей въ рутенско-москвофильской газетѣ „Другъ“, органѣ москвофильской же

студенческой организаціи „Академическій Кружокъ“, были напечатаны въ подлинникѣ произведенія русской литературы съ чисто народными великорусскими оборотами рѣчи, какъ, напримѣръ, нѣкоторые разсказы Глѣба Успенскаго. На этихъ примѣрахъ редакція „Друга“ и его читатели наглядно убѣдились, насколько живой русскій языкъ и настоящая русская литература отличаются отъ той мертвечины, которая имъ преподносилась въ различныхъ галицко-москвофильскихъ органахъ, не исключая и самого „Друга“, въ качествѣ произведеній доморощенной „русской“ литературы на „общерусскомъ“ языкѣ. Послѣ этого редакція „Друга“ объявила, что основой для живой галицко-русинской литературы можетъ быть только тотъ языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Галиціи, т.-е. языкъ украинскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло основаніе для раздѣленія русинскихъ студенческихъ организацій на москвофильскія и украинофильскія, и потому москвофильскій „Академическій Кружокъ“ и украинофильскій „Дружный Лихвярь“ объединились. Изъ редакціи „Друга“ вышли самый талантливый галицко-украинскій поэтъ и ученый Ив. Франко и самый стойкій и послѣдовательный публицистъ и политическій дѣятель М. Павликъ. Несмотря, однако, на такой успѣхъ въ Галиціи, Драгоманову скоро пришлось убѣдиться, что ему нельзя свободно дѣйствовать, живя въ Австріи, такъ какъ австрійская полиція начала подвергать конфискаціи его изданія. Въ послѣдовавшіе затѣмъ годы онъ былъ даже совсѣмъ лишенъ возможности непосредственно вліять на галицкихъ украинцевъ, такъ какъ галицкою полиціей, начиная съ 1877 г., былъ возбужденъ рядъ процессовъ противъ первыхъ галицко-украинскихъ соціалистовъ, вышедшихъ изъ редакціи „Друга“, что вызвало страшную панику среди всего русинскаго общества въ Галиціи. При этомъ особенно ярко обнаружилось, что конституція, не завоеванная упорной борьбой, а дарованная сверху, каковой была австрійская конституція въ Галиціи, фактически не гарантируетъ ни неприкосновенности личности ни личныхъ и общественныхъ свободъ. Поэтому впослѣдствіи Драгоманову приходилось проповѣдовать галичанамъ прежде всего необходимость борьбы за элементарныя личныя и общественныя свободы, въ чемъ легко можно убѣдиться по цѣлому ряду его статей о галицкихъ дѣлахъ въ „Вольномъ Словѣ“. Самъ Драгомановъ послѣ того, какъ первыя его изданія были

конфискованы въ Австріи, перенесъ свою дѣятельность въ Женеву, куда онъ переѣхалъ на постоянное жительство еще въ 1876 году, и гдѣ прожилъ безвыѣздно, если не считать небольшихъ поѣздокъ въ Парижъ и Италію, до осени 1889 года.

О жизни Драгоманова въ качествѣ политическаго эмигранта лучше всего свидѣтельствуетъ его литературная, научная и издательская дѣятельность, охарактеризованная нами выше. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ, которыя онъ прожилъ за границей до самой своей смерти, не было ни одного сколько-нибудь важнаго политическаго вопроса, на который онъ не отозвался бы. Его литературная и издательская дѣятельность на украинскомъ языкѣ была посвящена не только политическому пробужденію украинскихъ народныхъ массъ и пропагандѣ среди нихъ соціализма, но и всестороннему развитію украинской культуры и литературы. Такъ, уже въ 1877 году онъ издаетъ свою работу „Народні школи на Україні середь життя і письменства в Россіі“, въ которой разсматриваетъ вопросъ о народномъ образованіи на Украйнѣ съ самой широкой культурной точки зрѣнія, при чемъ пользуется данными изъ своего личнаго педагогическаго опыта. Въ 1879 году въ четвертомъ выпускѣ сборника „Громада“ появляется его историко-литературное изслѣдованіе „Шевченко, украінофіли і соціалізм“, которое Ив. Франко въ предисловіи ко второму изданію его называетъ „украшеніемъ украинской критической литературы“ [1]). Кромѣ того, Драгомановъ написалъ цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ. Еще до отъѣзда изъ Кіева ему удалось издать брошу „Про украінських козаків, татар та турків“, знакомившую украинскаго читателя въ виду приближавшейся русско-турецкой войны съ исторіей столкновеній Украйны съ Турціей. Затѣмъ въ Женевѣ онъ написалъ и издалъ вмѣстѣ съ С. А. Подолинскимъ брошюры: „Про богатство та бідність“ и „Про хліборобство“ и самостоятельно: „Про те як наша земля стала не наша“ и „Про те як де земля поділена і як би слід йеі держати“. Главнымъ его изданіемъ въ Женевѣ на украинскомъ языкѣ былъ сборникъ „Громада“, въ которомъ большинство статей написано имъ. Иниціатива этого

---

1) См. М. Драгоманов. „Шевченко, украінофіли і соціалізм“. Друге виданнье з передмовою Ів. Франка. Львів, 1906, стр. Хі.

изданія принадлежала не ему, а другимъ членамъ „Старой Громады“, при чемъ эта кіевская организація во всемъ своемъ составѣ обязалась поддерживать изданія Драгоманова литературно и матеріально. Но постепенно эта поддержка съ родины все больше ослабѣвала. Наконецъ около середины восьмидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ правительственной и общественной реакціи между Драгомановымъ и „Кіевской Громадой“ обнаружилось сильное охлажденіе. Въ декабрѣ 1885 года, не получая долго никакихъ вѣстей съ родины, онъ жалуется въ письмѣ къ Ив. Франку, что, несмотря на сотню друзей, съ которыми у него былъ заключенъ братскій союзъ, несмотря на его работы, въ которыхъ самые заклятые враги находили нѣчто цѣнное, несмотря, наконецъ, на его готовность работать и дѣлать что угодно, онъ сидитъ безъ дѣла. Затѣмъ онъ прибавляетъ, что иногда онъ совершенно объективно предвидитъ возможность нервнаго удара или сумасшествія, когда же у него появляется мысль о самоубійствѣ, то его удерживаетъ не столько забота о дѣтяхъ, сколько о неизданномъ еще третьемъ выпускѣ „Политическихъ пѣсенъ украинскаго народа“ [1]). Исторія постепеннаго расхожденія Драгоманова съ „Кіевской Громадой“ еще не можетъ быть написана, такъ какъ пока нѣтъ достаточнаго матеріала для того, чтобы правильно освѣтить ее. Впрочемъ, недавно опубликованы два замѣчательныхъ письма Драгоманова къ „Громадѣ“ отъ февраля и апрѣля 1886 года [2]). Въ нихъ онъ подробно останавливается на всѣхъ вопросахъ, изъ-за которыхъ произошли разногласія и возникло взаимное охлажденіе. Письма эти проникнуты удивительной сердечностью и трагизмомъ тона; вмѣстѣ съ тѣмъ они поражаютъ обиліемъ аргументовъ, приведенныхъ въ доказательство того, что самъ Драгомановъ все время выполнялъ обязательства, взятыя имъ на себя. Но это не только защитительная рѣчь, а и обвинительный актъ. Между тѣмъ у насъ нѣтъ данныхъ, позволяющихъ судить о томъ, что приводила „Старая Громада“ въ свою защиту, и какъ она болѣе точно формулировала свои обвиненія противъ Драгоманова. Несомнѣнно одно, что подъ вліяніемъ реакціи среди „громадянъ“ воцари-

---

[1]) См. М. Драгоманов. „Листи до Ів. Франка і инших, 1881—1886“. Видав Ів. Франко. Львів, 19 6, стр. 125.

[2]) См. тамъ же, стр. 153—177 и 211—220.

лась крайняя пассивность по отношенію къ политическимъ вопросамъ. Не видя тѣхъ результатовъ отъ литературно-политической и издательской дѣятельности Драгоманова, которые отъ нея ожидались, многіе изъ „громадянъ“ совершенно охладѣли къ ней и даже отрицали несомнѣнныя положительныя стороны ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче проявились и старыя разногласія: одни изъ „громадянъ“ считали Драгоманова черезчуръ радикальнымъ въ политическомъ отношеніи, другіе — недостаточно радикальнымъ въ національномъ отношеніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ совмѣстная работа „Кіевской Громады“ и Драгоманова не могла продолжаться.

Но среди членовъ „Старой Громады“ были и безусловные сторонники Драгоманова, проявлявшіе притомъ большую активность въ отстаиваніи его идей и интересовъ. Одинъ изъ нихъ, Николай Васильевичъ Ковалевскій (1843—1897), считалъ нужнымъ даже выйти изъ „Громады“, чтобы располагать полною свободой при организаціи поддержки Драгоманова. Въ послѣднія десять лѣтъ жизни Драгоманова, когда кіевская и другія „Громады“ отказались отъ политической дѣятельности и всецѣло ушли въ культурную работу, Ковалевскій былъ самымъ неутомимымъ и главнымъ организаторомъ матеріальной и нравственной поддержки, которая оказывалась Драгоманову съ родины. Онъ объединялъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ старыхъ „Громадъ“, оставшихся вѣрными идеямъ Драгоманова, и велъ самую энергичную пропаганду и агитацію этихъ идей, пріобрѣтая новыхъ сторонниковъ ихъ, для чего постоянно разъѣзжалъ по всей Украйнѣ. По его настоянію и на собранныя имъ средства было издано сочиненіе Драгоманова „Вольный союзъ“. Затѣмъ, такъ какъ было признано, что политическій органъ временно не можетъ имѣть успѣха и вліянія въ виду страшной общественной реакціи, было рѣшено, что Драгомановъ пока напишетъ исторію украинской литературы въ связи съ исторіей культуры. Ковалевскій собиралъ средства для того, чтобы Драгомановъ могъ выполнить эту работу, и Драгомановъ принялся за нее. Но такъ какъ первый томъ этого труда должна была составлять исторія украинской народной словесности, то Драгомановъ считалъ нужнымъ подготовить его отдѣльными монографіями. На подготовительныхъ монографіяхъ работа эта и остановилась, и „исторія украинской литературы“ Драгоманова осталась ненаписанной. Снова

открывшаяся возможность писать на политическія темы и необходимость вести политическую пропаганду и агитацію, а затѣмъ смерть помѣшали Драгоманову создать этотъ трудъ.

Съ 1887 г. Драгомановъ получилъ опять возможность писать въ галицко-украинскихъ журналахъ. Къ этому времени подросла новая радикальная галицко-украинская интеллигенція. Теперь М. Павликъ и Иванъ Франко были уже не единственными послѣдователями Драгоманова въ Галиціи, каковыми они оказались послѣ ряда процессовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда другіе сторонники идей, проповѣдуемыхъ Драгомановымъ, подъ вліяніемъ реакціи и всеобщей паники, измѣнили имъ или отказались отъ активной поддержки ихъ, а нѣкоторые даже погибли въ непосильной борьбѣ за существованіе. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Драгомановъ помѣстилъ нѣсколько статей въ галицко-украинскихъ журналахъ: „Ватра“, „Товариш“ и „Зоря“. Въ 1888 г. Александромъ Яковлевичемъ Конисскимъ (1836—1900) былъ основанъ во Львовѣ журналъ подъ старымъ именемъ „Правда“. Главные сторонники Конисскаго тоже выдѣлились изъ „Кіевской Громады“, такъ какъ придерживались болѣе радикальныхъ воззрѣній на національный вопросъ, чѣмъ большинство ея членовъ, и не отказывались отъ политической пропаганды. Конисскій считалъ нужнымъ опереться также на украинскую молодежь, а вся украинская радикальная молодежь была послѣдовательницей идей Драгоманова. Повидимому, это обстоятельство и заставило Конисскаго сдѣлать попытку сблизиться съ Драгомановымъ, и онъ попросилъ Драгоманова написать программную статью для „Правды“, увѣривъ его, что журналъ будетъ издаваться въ направленіи, согласномъ съ его идеями. Когда, однако, вышелъ первый номеръ „Правды“, Драгомановъ увидѣлъ, что на ряду съ его программной статьей въ „Правдѣ“ звучатъ совсѣмъ другія ноты, чуждыя и даже враждебныя его идеямъ. Послѣ взаимныхъ разъясненій обнаружилось, что Конисскій является представителемъ другого политическаго радикализма — національно-шовинистическаго, который при случаѣ готовъ итти рука объ руку съ политической реакціей и даже съ клерикализмомъ, лишь бы заполучить нѣкоторыя выгоды въ пользу украинской національности или, вѣрнѣе, украинскаго языка. Тогда Драгомановъ рѣзко порвалъ съ „Правдой“ и ея руководителями, а „Правда“

послѣ этого издавалась уже въ чисто шовинистическомъ направленіи.

Съ 1890 года Драгоманову открылась новая арена для литературно-политической дѣятельности. Въ январѣ этого года былъ основанъ во Львовѣ на средства, полученныя Драгомановымъ отъ одного украинца во время всемірной Парижской выставки 1889 г., русинско-украинскій радикальный журналъ „Народ“. Онъ выходилъ сперва подъ редакціей Павлика и Франка, а затѣмъ одного Павлика. Средства на продолженіе этого изданія и литературную поддержку изъ Украйны доставлялъ Ковалевскій, который въ это время особенно усилилъ свою агитаціонную дѣятельность. Въ первый годъ изданія „Народа“ Драгомановъ сравнительно мало писалъ въ немъ, но съ 1891 года до самой своей смерти онъ былъ не только главнымъ его сотрудникомъ, но и руководителемъ, поскольку вообще можно было руководить журналомъ, сносясь съ редакціей только письменно. Были годы, когда не выходило ни одного номера „Народа“ безъ одной или нѣсколькихъ его статей и замѣтокъ.

Выше мы дали характеристику литературно-политической дѣятельности Драгоманова въ „Народѣ“ и въ частности остановились на его главнѣйшихъ статьяхъ. Здѣсь необходимо указать на то, что въ связи съ оживленіемъ его литературной дѣятельности по политическимъ вопросамъ благодаря „Народу“ онъ снова началъ писать популярныя брошюры для народа. Между 1892 и 1895 годами во Львовѣ и Коломіи былъ изданъ цѣлый рядъ такихъ брошюръ. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны на чисто политическія темы, какъ, напримѣръ, „Шістьсот років Швейцарскоі Спілки“ и „Старі хартіі вільности“, другія на темы, относящіяся къ исторіи и философіи религіи, какъ, напримѣръ, „Віра а громадські справи“, „Про братство хрестителів або баптистів на Украіні“, „Евангельска віра въ старій Англіі“, „Оповідання про заздрих богів“ и, наконецъ, „Рай і поступ“ (прогрессъ). Послѣдняя серія была написана въ значительной мѣрѣ для украинскихъ штундистовъ. Въ ней Драгомановъ, пользуясь историческими фактами, разсказывалъ украинскому народу о связи между борьбой за свободу совѣсти и борьбой за политическую свободу нѣсколько лѣтъ до того, какъ объ этой связи снова заговорили всѣ по поводу книги Еллинека „Декларація правъ человѣка и гражда-

нина". Къ сожалѣнію, смерть помѣшала Драгоманову закончить эту серію брошюръ; осталась ненаписанной и послѣдняя брошюра изъ этой серіи о Роджерѣ Вильямсѣ. Всѣ эти брошюры въ своемъ родѣ мастерскія произведенія и могли бы украсить любую популярную литературу.

Чтобы закончить характеристику литературно-политической дѣятельности, которую Драгомановъ развилъ въ своихъ статьяхъ въ „Народѣ", мы должны еще указать на то, что онъ принималъ самое близкое участіе въ борьбѣ галицкихъ политическихъ партій. Въ началѣ девяностыхъ годовъ въ группировкѣ и отношеніяхъ русско-украинскихъ партій въ Галиціи произошли большія перемѣны. Сначала благодаря „Народу" организовалась и выставила свою программу новая русинско-украинская радикальная партія. Она въ общемъ примкнула по своей программѣ къ политическимъ идеямъ Драгоманова; первыми вожаками ея въ Галиціи были М. Павликъ и Ив. Франко, а „Народ" издавался одно время, какъ органъ этой партіи, и только потомъ было признано болѣе удобнымъ, чтобы редакція его отстаивала программу партіи, сохраняя независимость отъ партійной организаціи. Почти одновременно изъ „народовской" или украинофильской партіи выдѣлилось особое направленіе, получившее названіе отъ лозунга, выдвинутаго имъ, такъ называемой „угоды",—„угодовцевъ". Направленіе это задолго подготовлялось журналомъ „Правда" и галицкимъ руководителемъ его Ал. Барвинскимъ. Оно прокладывало себѣ путь крайнимъ и непримиримымъ національнизмомъ, а въ концѣ-концовъ пошло на соглашеніе — „угоду" съ поляками, т.-е. съ господствующей въ Галиціи клерикально-аристократической партіей ихъ. На основаніи этого соглашенія „угодовцы" отказывались отъ всякаго демократизма и политическаго радикализма и обязывались бороться съ радикально-демократическими теченіями среди русиновъ, особенно съ „радикальной партіей", а взамѣнъ получали нѣкоторыя уступки для украинскаго языка въ Галиціи. Противники „угодовцевъ" утверждали, что они продали интересы своего народа за украинскія надписи на почтовыхъ ящикахъ. Фактически, однако „угодовцамъ" было обѣщано нѣкоторое уравненіе украинскаго языка съ польскимъ въ административномъ и судебномъ дѣлопроизводствѣ и новыя украинскія средне-учебныя заведенія — учительскія семинаріи и гимназіи, а также нѣсколько новыхъ

каѳедръ во Львовскомъ университетѣ. Но даже эти обѣщанія не были выполнены цѣликомъ. Между тѣмъ зло, причиненное „угодой“, было громадно, такъ какъ благодаря ей нѣкоторые представители украинофильства, правда, на галицкой почвѣ, были запятнаны явнымъ союзомъ съ аристократическими и клерикальными элементами, что отчасти ложилось незаслуженнымъ пятномъ и на все направленіе.

Еще до основанія „Народа“ въ личной жизни и общественномъ положеніи Драгоманова произошли большія перемѣны. Онъ былъ приглашенъ занять каѳедру профессора всеобщей исторіи въ Высшей Школѣ въ Софіи и осенью 1889 г. переѣхалъ туда на жительство. Болгарское правительство заключило съ нимъ контрактъ сперва на три года, но въ 1891 г. едва не удалило его по настоянію русскаго правительства. Однако въ 1892 г. болгарскій совѣтъ министровъ рѣшилъ возобновить съ нимъ контрактъ еще на одинъ годъ, а въ 1893 г. этотъ контрактъ былъ продолженъ снова на три года. Но уже въ 1890 году у Драгоманова появились первые симптомы ужасной болѣзни, которая свела его въ могилу. Первое время софійскіе врачи объясняли боли въ лѣвой рукѣ и груди ревматизмомъ или невралгіей. Но когда состояніе его здоровья ухудшилось, и онъ обратился въ Вѣнѣ къ Нотнагелю, тотъ опредѣлилъ несомнѣнный аневризмъ аорты. По временамъ Драгомановъ испытывалъ страшныя боли, совсѣмъ терялъ голосъ и долженъ былъ по цѣлымъ днямъ лежать. Тѣмъ не менѣе, онъ не выпускалъ пера изъ рукъ и, какъ мы видѣли, очень много написалъ въ эти годы. Кромѣ того, онъ продолжалъ читать лекціи; послѣднюю лекцію онъ прочиталъ въ день своей смерти. Онъ умеръ въ Софіи 8/20 іюня 1895 года.

Послѣдніе годы своей жизни, когда онъ особенно тяготился своимъ положеніемъ эмигранта и очень сильно тосковалъ по родинѣ, связь съ общественной и политической жизнью Галиціи была его единственнымъ утѣшеніемъ. По его собственнымъ словамъ, Галиціи онъ обязанъ тѣмъ, что „не превратился въ безпочвеннаго эмигранта и тѣломъ и душою“. За полгода до его смерти въ декабрѣ 1894 года его друзья и сторонники въ Галиціи устроили празднованіе по поводу исполнившагося 30-тилѣтія его литературной дѣятельности. Въ этомъ юбилеѣ, который онъ самъ съ горечью называлъ своими похоронами, приняла участіе и вся Украйна; изъ всѣхъ даже са-

мыхъ отдаленныхъ уголковъ ея были присланы адреса и привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Въ одномъ изъ привѣтствій въ стихахъ изъ его родной Полтавщины очень красиво характеризовалось громадное значеніе всего сдѣланнаго имъ въ короткихъ словахъ:

Бажали ми народові свободи,
Бажали ми, щоб очі він розкрив,
І, як другі всесвітніі народи,
Для поступу, для правди й щастя жив.
І тут над всі, мій брате незабутній,
Здіймавсь Твій стяг, лунав Твій глас могутній.

(Мы жаждали свободы для народа, мы жаждали, чтобъ онъ раскрылъ глаза, и чтобъ онъ жилъ, какъ другіе міровые народы, для прогресса, для правды, для счастья. И тутъ, мой незабвенный братъ, выше всѣхъ возносилось Твое знамя и сильнѣе всѣхъ звучалъ Твой могучій голосъ).

Б. Кистяковскій.

Предисловіе къ первому тому.

Успѣхъ во внѣшней политикѣ зависитъ отъ правильнаго рѣшенія вопросовъ внутренней политики — въ непреложности этой истины русскому обществу пришлось убѣдиться на горькомъ опытѣ русско-японской войны. Но изъ всѣхъ внутреннихъ вопросовъ наибольшее значеніе для успѣшности внѣшней политики имѣютъ вопросы окраинные. Установленіе разумныхъ отношеній между центромъ и окраинами создаетъ внутреннее единство государства и сплачиваетъ всѣ его части на почвѣ солидарныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно укрѣпляетъ его могущество во внѣшнихъ дѣлахъ.

Собранныя въ предлагаемомъ томѣ сочиненія М. П. Драгоманова посвящены именно вопросу объ отношеніи между центромъ и окраинами. О первой статьѣ въ этомъ томѣ „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ самъ Драгомановъ говоритъ въ своихъ автобіографическихъ черновыхъ замѣткахъ: „Моей исходной точкой была мысль, что послѣ объединенія Италіи, паденія Наполеона, объединенія Германіи слѣдующій историческій моментъ долженъ заключаться въ паденіи Турціи и въ уничтоженіи абсолютизма въ Россіи. Этотъ процессъ, который можно назвать эмансипаціей славянъ, усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что германская раса движется на востокъ, гдѣ стремится господствовать надъ славянами. Русскій абсолютизмъ, на который многіе въ славянствѣ смотрятъ, какъ на освободителя и конкурента воинственному германизму, есть въ сущности сознательный и безсознательный союзникъ послѣднихъ, особенно тогда, когда онъ, желая подражать Пруссіи, пробуетъ „обрусеніе“ западныхъ провинцій Россіи подобно тому, какъ Пруссія германизируетъ свои восточныя провинціи. Между тѣмъ это обрусеніе уже потому невозможно, что оно не можетъ опереться на

колонизацію; оно только ослабляетъ мѣстные народные элементы и дѣлаетъ ихъ менѣе способными противодѣйствовать чужому напору съ запада: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и западной Украйнѣ—польскому, а въ самой Польшѣ—нѣмецкому. Выводъ изъ этого тотъ, что вмѣсто политики централизаціи и обрусенія во всей западной половинѣ Россіи цѣлесообразнѣе политика самоуправленія областей и національностей, основанная на демократическомъ принципѣ. Такая политика дастъ Россіи особенную силу и въ восточномъ вопросѣ. Эти мысли я подкрѣплялъ въ моей статьѣ разборомъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, совѣтующихъ Германіи захватъ бассейна Вислы, а Австріи—Дуная и Балканъ, обзоромъ отношенія поляковъ и великорусскихъ централистовъ къ возрожденію литовскому, бѣлорусскому и украинскому, а также анализомъ отношенія русскихъ либераловъ, славянофиловъ и правительства къ польскому вопросу. Въ концѣ я составилъ проектъ либерально-демократическихъ реформъ въ Польшѣ".

По этому отрывку, характеризующему основныя идеи первой статьи, читатель можетъ видѣть, что Драгомановъ еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ имѣлъ въ виду прежде всего паденіе русскаго абсолютизма. Но абсолютизмъ палъ въ Россіи только въ наши дни. Слѣдовательно, только теперь русское общество можетъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса объ отношеніи центра къ окраинамъ, а этотъ вопросъ настоятельно выдвигается русской государственной жизнью. Однако чтобы практически рѣшать такой сложный вопросъ, нужно правильно понимать его и знать, гдѣ искать вѣрнаго рѣшенія. Между тѣмъ мы видимъ, что отношеніе русскаго правительства и общества къ этому вопросу нисколько не измѣнилось за истекшія десятилѣтія. Даже позиція русскихъ либераловъ, несмотря на кажущуюся крупную перемѣну, по существу осталась старой. Попрежнему на западной окраинѣ они видятъ одну только Польшу и думаютъ, что, рѣшивъ вопросъ о Польшѣ, они регулируютъ окраинный вопросъ. Возникшая недавно возможность ограничить пока рѣшеніе польскаго вопроса лишь автономнымъ устройствомъ Царства Польскаго чрезвычайно благопріятствуетъ этой точкѣ зрѣнія. Но какъ въ шестидесятыхъ годахъ польскій вопросъ осложнялся вопросомъ о Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ, что и послужило главнымъ препятствіемъ для рѣшенія его, такъ и теперь яви-

лось неожиданное затрудненіе, вслѣдствіе принадлежности украинскаго Холмскаго края къ Царству Польскому. Впрочемъ, даже когда Холмскій край будетъ выдѣленъ, а Царство Польское получитъ автономію, то и тогда еще не будетъ рѣшенъ польскій вопросъ въ его цѣломъ.

Поляки живутъ также въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украйнѣ и, благодаря большей состоятельности и культурности, могутъ занять здѣсь при конституціонныхъ учрежденіяхъ довольно вліятельное положеніе. Рѣшить здѣсь польскій вопросъ согласно съ интересами справедливости и культуры совершенно невозможно безъ поднятія мѣстныхъ культуръ и мѣстныхъ національностей. Выясненію отношеній въ одной изъ такихъ не польскихъ, но нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ областей и посвящена вторая статья предлагаемаго тома „Поляки и евреи въ Юго-Западномъ краѣ".

Содержаніе этихъ первыхъ двухъ статей достаточно оправдываетъ заглавіе „Центръ и окраины", данное нами этому тому. Но и въ пяти остальныхъ статьяхъ, посвященныхъ галицкимъ дѣламъ, центръ тяжести заключается въ окраинномъ вопросѣ. Галиція, на половину заселенная русинами-украинцами, представляетъ изъ себя окраину территоріи, занятой различными русскими народностями. Въ то же время она является восточной окраиной Австріи. Наиболѣе существенными въ Галиціи надо признать культурные и національные вопросы. Здѣсь Драгомановъ неопровержимо доказываетъ, что культурное единство галицкихъ русиновъ съ русской націей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова можетъ возсоздаться только путемъ украинства, т.-е. посредствомъ украинской литературы и украинскихъ культурныхъ формъ. Напротивъ, насажденіе великорусскаго языка и великорусскихъ литературныхъ и культурныхъ формъ, которыя за отсутствіемъ надлежащей почвы не могутъ развиваться и осуждены на прозябаніе, создаетъ только деморализацію и обостряетъ національные антагонизмы. Изученіе тѣхъ національныхъ антагонизмовъ, для проявленія которыхъ ареной служатъ галицкая почва и галицкія дѣла, представляетъ особенный интересъ для русскаго читателя, такъ какъ, благодаря искусственной задержкѣ культурнаго развитія нѣкоторыхъ національностей, и у насъ уже довольно сильно обострились національные антагонизмы, а въ будущемъ, если политическія условія не

измѣнятся, они грозятъ достигнуть грозныхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ не оправдаются оптимистическія надежды нѣкоторыхъ нашихъ либеральныхъ писателей, что у насъ національныя отношенія сложатся иначе, чѣмъ въ Австріи.

Но знакомя съ различными сторонами національнаго вопроса, статьи Драгоманова о Галиціи помогаютъ изучить также и практическую постановку конституціонныхъ вопросовъ. Первыя двѣ изъ нихъ относятся къ тому времени, когда австрійскія конституціонныя учрежденія еще не окончательно установились. Драгомановъ знакомитъ съ первыми конституціонными опытами галицкихъ русиновъ и слѣдитъ затѣмъ шагъ за шагомъ за ихъ политическою дѣятельностью, тщательно анализируя и по большей части рѣзко критикуя ее. Можетъ-быть, онъ и ошибался въ оцѣнкѣ значенія нѣкоторыхъ конституціонныхъ учрежденій: такъ, въ реорганизаціи австрійскаго рейхсрата, превратившей его изъ представительства сеймовъ (ландтаговъ) въ представительство, непосредственно избираемое австрійскими народами, онъ видитъ только усиленіе централизма; такъ, же точно онъ какъ будто не замѣчаетъ опасности какъ, для самаго принципа федерализма, такъ и для положенія русинской народности въ проектѣ такого расширенія Галицкой автономіи, которое поставило бы Галицію въ совершенно обособленное положеніе среди австрійскихъ земель. Не надо, однако, забывать, что первыя двѣ статьи Драгоманова о Галиціи появились одновременно съ изслѣдованіемъ Зейделя о федеративномъ государствѣ и до трудовъ Лабанда и Еллинека по тому же вопросу. Конечно, въ то время гораздо труднѣе было понимать сложный механизмъ конституціонно-федеративныхъ учрежденій. Но тѣмъ поразительнѣе, что Драгомановъ сразу вполнѣ правильно оцѣнилъ сущность и основныя черты федеративнаго строя. Онъ явился самымъ ревностнымъ защитникомъ его у насъ съ самаго начала своей публицистической дѣятельности. При томъ онъ отстаивалъ его и въ нашей подцензурной журналистикѣ, изслѣдуя вполнѣ конкретные вопросы австрійской конституціонной жизни и знакомя русскихъ читателей съ политическими дѣлами нашихъ соплеменниковъ-русиновъ.

Въ то же время Драгомановъ выступалъ въ своихъ статьяхъ о Галиціи съ самой горячей защитой демократіи. Онъ не переставалъ указывать на то, что галицкіе русины смогутъ

добиться какъ культурнаго возрожденія, такъ и политическаго значенія и національнаго равноправія съ другими народностями только при помощи народныхъ крестьянскихъ массъ. Поэтому онъ совѣтовалъ галицкимъ политикамъ всѣхъ лагерей прежде всего отстаивать крестьянскіе нужды и интересы и на почвѣ ихъ организовывать народныя массы. Всякую дѣятельность въ этомъ направленіи тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, онъ всегда отмѣчалъ съ полнымъ сочувствіемъ, совсѣмъ независимо отъ того, внушали ли ему симпатію ихъ политическія программы въ цѣломъ. Наконецъ среди другихъ политическихъ вопросовъ особенное вниманіе онъ удѣлялъ демократизаціи конституціонныхъ учрежденій и прежде всего избирательнаго права. Вопросу о введеніи всеобщаго избирательнаго права въ Галиціи и Австріи и посвящена послѣдняя статья его въ предлагаемомъ томѣ.

Б. Кистяковскій.

Восточная политика Германіи и обрусеніе*).

Вмѣсто предисловія.

(Изъ письма къ редактору „Вѣстника Европы“).

М. М.! сегодня я получилъ ваше письмо въ отвѣтъ на записку, при которой была отправлена моя статья. Изъ вашихъ словъ я заключаю, что точка зрѣнія на вопросъ, занимавшій меня, не довольно выяснена мною въ текстѣ и можетъ подать поводъ къ заключеніямъ несправедливымъ. Вы пишете мнѣ о «нѣмцеѣдствѣ» у насъ вообще и о «нѣмцеѣдствѣ» моей статьи въ особенности. Но дѣло въ томъ, что нѣмцеѣдство нѣмцеѣдству рознь, а мое нѣмцеѣдство отличается отъ всякаго другого прежде всего тѣмъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ французофильствомъ, и я самъ не претендую юношески на званіе «patriote français». Относиться враждебно къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ политическимъ тенденціямъ можно только съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, и въ такомъ случаѣ всегда останется мѣсто признанію полезной стороны для прогресса въ характеристическомъ выступленіи единой Германіи на поприще исторіи. Въ такомъ «нѣмцеѣдствѣ» можетъ найти себѣ мѣсто и патріотизмъ, но уже не напускной, и притомъ требующій приложенія общихъ гуманныхъ началъ къ политикѣ своего отечества и къ критикѣ отношеній къ нему самой Германіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, быть безмолвнымъ въ виду того, когда не одинъ или два

*) Первоначально напечатано въ *„Вѣстникѣ Европы“*, 1872, февраль, мартъ, апрѣль и май. Статья подписана псевдонимомъ „М. Т—въ“ (Толмачовъ). — Въ своей автобіографіи (см. журналъ „Былое“, 1906 г. іюнь, стр. 193) авторъ даетъ краткую формулировку основной идеи работы и отмѣчаетъ связь ея съ другими.

публициста, а чуть не поголовно вся интеллигенція сосѣдней страны систематически отрицаетъ въ твоемъ народѣ всякія права на человѣческое развитіе, и сама, стоя, безспорно, выше твоихъ соотечественниковъ, не только не думаетъ помочь имъ, а радуется всякому движенію нашему назадъ, при чемъ злорадно потомъ насъ же имъ и попрекаетъ? Будетъ ли обличеніе такого рода тенденцій у сосѣда «нѣмцеѣдствомъ» съ нашей стороны и указаніе, какъ этотъ же сосѣдъ собирается «обработать» тебя — напускнымъ патріотизмомъ, шовинизмомъ и т. п.?

Вы тысячу разъ правы, проводя параллель между г. Катковымъ и жалкими публицистами второй имперіи; но вы же говорите, что и въ Германіи своихъ Катковыхъ не мало. Вы именно говорите, — столько же, сколько и у насъ. Но у насъ, собственно — одинъ, относительно болѣе способный и образованный, а въ Германіи ихъ можно считать, по крайней мѣрѣ, сотнями: чуть ли не каждый профессоръ и публицистъ есть такой же Катковъ по всѣмъ національно-политическимъ вопросамъ, а по своему образованію и способностямъ, многіе изъ нихъ стоятъ еще несравненно выше нашего единственнаго экземпляра. Въ томъ-то и состоитъ, на практикѣ, перевѣсъ Германіи и надъ нами и надъ Франціей, — но это же самое и заставляетъ людей, къ числу которыхъ и я желалъ бы принадлежать, не жаловать нѣмецкія національно-политическія тенденціи и опасаться ихъ. Къ сожалѣнію, сходство наше съ Франціей до послѣдней войны не оканчивается тѣмъ, что у насъ есть свои доморощенные московской фабрикаціи Кассаньяки и Жирардены, а и въ томъ, что наши «лѣвые» держатъ себя не лучше французскихъ. Кассаньячество имъ опротивѣло, — и по-дѣломъ; но они обличаютъ это кассаньячество только у себя и не видятъ его въ болѣе серьезной формѣ у сосѣда. Желая пристыдить своихъ алармистовъ, «лѣвые» говорятъ съ различными варіантами: «Помилуйте, можно ли, чтобы такой просвѣщенный и гуманный сосѣдъ имѣлъ такія возмутительныя идеи, какія ему приписываютъ Кассаньяки, и какія способны имѣть только сами Кассаньяки»! Но, во-первыхъ, зачѣмъ же такъ ужъ ручаться за сосѣда, а во-вторыхъ, зачѣмъ закрывать глаза на то, что сосѣдъ идетъ своею дорогою... Сосѣдъ опасенъ именно тѣмъ, что то, что у французовъ и у насъ болтовня, или доктринерство, или, на-

конецъ, спекуляція, — у него національное сознаніе; намъ же онъ опасенъ еще и потому, что онъ не только воинъ, но и колонистъ. Потому-то и надо, чтобъ, кромѣ алармистовъ (которыхъ, впрочемъ, вовсе не надо) и успокоителей, были въ печати голоса еще и указателей, — что вотъ, молъ, какія вещи дѣлаются, какія идеи высказываются, и что противъ опасности надобно принимать мѣры... Какія мѣры?—Вовсе не чрезвычайныя (о коихъ толкуютъ алармисты), а просто правильное и свободное развитіе нравственныхъ и интелектуальныхъ силъ отечества, которое одно можетъ создать здоровый патріотизмъ, и искреннее усвоеніе такой программы, а не à la Ollivier. Понимая дѣло такимъ образомъ, я писалъ статью вовсе не для того, чтобы «доложить» почтенной публикѣ, какъ то у насъ водится, что вотъ, молъ, сосѣдъ готовится отхватить у отечества кусокъ территоріи, и потому всѣ несогласные съ такимъ слухомъ суть измѣнники отечеству и враги; меня больше занимала мысль, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ виду того или другого настроенія сосѣдней интеллигенціи.

Что же касается до нашего цѣломудрія въ такъ называемомъ нѣмецкомъ вопросѣ и до опасенія быть обвиненными въ возбужденіи національной ненависти, то и то, и другое напрасно, такъ какъ она тамъ уже есть и, говоря по совѣсти, мы въ ней не виноваты, а выражаемъ мы ее меньше нѣмцевъ, т.-е. нѣмцевъ, руководящихъ печатнымъ словомъ: на сотни ихъ устъ мы имѣемъ всего только одни уста! Доказательства тому найдутся въ самой статьѣ, и возьмите любую нѣмецкую газету, возьмите хоть, напримѣръ, недавнее описаніе поѣздки въ Карпаты, помѣщенное въ «Augsb. Allg. Zeit.» или спеціальную статью о Россіи въ «Neue Freie Presse» (я читалъ ее уже по отсылкѣ къ вамъ статьи), да и всякую другую статью о Россіи и русскихъ: и такіе-то мы, и сякіе, и варвары жестокіе, и фанатики религіозные и пр. и пр. Мы и сами себя, конечно, не мало ругаемъ, да не такъ. Нѣмецкіе передовые публицисты почитаютъ насъ неисправимыми отъ природы, и потому какъ бы ни были мы скромны, но этимъ не угомонишь нѣмецкихъ Катковыхъ. Они даже и знать не хотятъ, что не всѣ органы русской печати тянутъ одну и ту же ноту съ «Московскими Вѣдом.», и преспокойно записываютъ всѣхъ въ «ультра-русскіе органы всеподавляющаго русскаго прави-

тельства». Но вѣдь это черта чисто Кассаньяковская! Мы, пожалуй, и помирились бы съ нею, такъ какъ подобная черта можетъ вредить только тѣмъ, кто отличается ею; но у нѣмецкихъ публицистовъ невниманіе и закрываніе глазъ на порядочныя идеи въ русской печати идутъ рядомъ съ ненавистью ко всему прогрессивному и либеральному въ Россіи. Развѣ не характерно то, что рѣдкая корреспонденція изъ Россіи въ нѣмецкую, даже либеральную и чуть не радикальную газету, не обходится безъ восторженной похвалы въ пользу «энергіи административныхъ мѣръ», которую они вовсе недолюбливаютъ у себя дома, или безъ призыванія этой энергіи противъ русскаго общества, зараженнаго будто бы соціализмомъ, коммунизмомъ и т. п. Еще на-дняхъ я читалъ въ «Allg. Zeitung» извѣстіе о пересмотрѣ у насъ законовъ объ общинѣ крестьянской, при чемъ непремѣнно сказано, что русская община это, молъ, идеалъ интернаціонала, и отмѣна общины сильно бы помогла правительству остановить распространеніе соціалистическихъ идей въ Россіи, — что правительство будто бы и видитъ. Какъ видите, не одинъ г. Катковъ призываетъ себѣ въ подмогу «интернаціоналку». Но неужели подобные «пріемы» не заслуживаютъ обличенія предъ нашей, да и предъ европейской публикой? Я думаю, что такія обличенія тѣмъ паче необходимо сдѣлать именно тѣмъ, кто не желаетъ возбужденія у насъ «шовинизма» и національной «нетерпимости, ибо наши доморощенные шовинисты и своеобразные обрусители или своимъ умомъ доходятъ до того же, до чего доходятъ германизаторы, или наивно приказываютъ намъ слѣдовать примѣру послѣднихъ. Такъ не очень еще давно нашъ г. Катковъ, докладывая публикѣ о книжкѣ нѣмецкаго Каткова, г. Каттнера: «О призваніи Пруссіи на Востокѣ», по которой надо, чтобъ Пруссія отобрала у насъ Польшу и т. п., замѣчаетъ, что, конечно, съ прусской точки зрѣнія, Каттнеръ — хорошій патріотъ!

Не знаю, нужно ли мнѣ въ заключеніе сдѣлать еще одну оговорку: я вездѣ выражаюсь — «нѣмцы»; но подъ этимъ словомъ, конечно, слѣдуетъ разумѣть — «политическіе классы въ Германіи». «Народъ» — это, дѣйствительно, «Grosse Unbekannte», во имя котораго дѣлается такъ много нехорошаго и говорится такъ много пустого. Кто, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ, каковы въ дѣйствительности мысли и убѣжденія этихъ «на-

родовъ», но, кажется, одинаково подозрительны и нелѣпы фразы о томъ, что народы, молъ, ликуютъ, «когда оружіе Франціи торжествуетъ на обоихъ полушаріяхъ», или «когда Германская имперія возстаетъ изъ униженія въ величіи временъ Барбаруссы», — какъ и о томъ, что «народы, молъ, жаждутъ свергнуть иго тирановъ, опрокинуть границы государствъ, чтобы братски обняться другъ съ другомъ»! А на дѣлѣ эти «народы», можетъ-быть, вовсе и не думаютъ «ликовать» и ничего подобнаго не «жаждутъ». Впрочемъ, я вообще «красиваго слога», ни стараго ни новаго, не жалую, и уже по одному тому о «народѣ германскомъ» говорить не буду, равно какъ и о томъ, раздѣляетъ ли онъ идеи своихъ «Катковыхъ», а именно Каттнера, Франца и т. п., толковать съ увѣренностью не стану, какъ о вещи по меньшей мѣрѣ мнѣ невѣдомой. Впрочемъ, думаю, что, получивъ возможность болѣе выгодной колонизаціи въ какую-нибудь Ковенскую или западъ Волынской губерніи, куда и теперь народъ изъ восточной Пруссіи идетъ въ достаточномъ количествѣ, — нѣмецкій народъ былъ бы не недоволенъ — и во многомъ не безъ основанія.

Мнѣ, конечно, вовсе не желательно, чтобы мое изслѣдованіе смѣшало меня въ глазахъ читателей съ тѣми людьми, съ тенденціями которыхъ я всего менѣе согласенъ, и потому, если вы сочтете нужнымъ, пусть это письмо займетъ мѣсто предисловія.

Гейдельбергъ. Ноябрь, 1871.

I.

Предъ нами теперь новая Германія, а слѣдовательно и новая германская политика, новыя ея цѣли, и во всякомъ случаѣ новыя ея средства. Но какою будетъ эта политика, какія она поставитъ себѣ цѣли, — эти вопросы составили тему оживленныхъ разсужденій въ первый разъ, когда во второй половинѣ 1871 года совершилось такъ называемое гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи. Среди всѣхъ толковъ по этому поводу произносилось не разъ и имя Россіи, а потому было необходимо прислушаться къ этимъ толкамъ. Толковалось, что въ Гаштейнѣ устраивается союзъ Германіи и Австріи противъ Россіи; потомъ же — преимущественно нѣмецкія газеты — заговорили, что канцлеръ Германіи взялся будто бы устроить союзъ Россіи съ Австріею или, по крайней мѣрѣ, какъ выражались нѣмецкія газеты, «сгладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи съ Австріею», и привести эти державы, если не въ непосредственныя дружескія отношенія, то въ посредственныя, и осуществить слова Бейста, что «трудно быть непріязненнымъ къ другу нашего друга».

Такъ какъ о результатѣ и значеніи гаштейнскихъ переговоровъ ничего офиціальнаго неизвѣстно, то мы и не будемъ говорить о самыхъ переговорахъ, — которые и, въ самомъ дѣлѣ, могли кончиться одними только династическими и дипломатическими любезностями, — а поговоримъ о толкахъ публицистики по этому поводу. Толки эти, во-первыхъ, не лишены интереса сами по себѣ, а во-вторыхъ, толки эти выражаютъ собою общественное мнѣніе, а это послѣднее служитъ выраженіемъ общественныхъ и національныхъ интересовъ, которые въ наши времена въ рѣшительныя минуты дѣйствуютъ повелительно и на дипломатію.

Остановимся на минуту на общей сторонѣ толковъ нѣмецкой печати о гаштейнскомъ свиданіи, а потомъ перейдемъ къ той, которая ближе касается Россіи. Любопытно, во-первыхъ,

что публицисты, разсуждающіе съ видомъ посвященныхъ въ тайны о свиданіи канцлеровъ двухъ имперій, увѣряли преусердно, что свиданія эти имѣютъ цѣлью упроченіе мира въ Европѣ. Священнымъ словомъ «миръ» такъ злоупотребляютъ со временъ знаменитаго «l'empire c'est la paix» (въ послѣднее время ни одна рѣчь въ пользу увеличенія армій и военнаго бюджета въ европейскихъ парламентахъ не обходится безъ панегирика миру), — что уже одно произнесеніе слова «миръ» заставляетъ мирныхъ людей довольно подозрительно осматриваться. Гдѣ же тѣ военныя бури, противъ которыхъ надо устраивать лигу мира, иниціативу которой беретъ на себя первое военное и воинственное государство въ Западной Европѣ? Въ настоящее время въ Европѣ существуетъ только три мѣста, въ которыхъ находятся реальныя основанія для военныхъ взрывовъ, хотя очень можетъ быть, что и въ нихъ обойдется безъ всякаго взрыва. Мѣста эти: Франція, Турція и сама Австрія. Есть еще и четвертое мѣсто, возможность войны изъ-за котораго не такъ ясно видна, но она черезъ то не становится меньшею. О немъ мы скажемъ дальше.

Франція думаетъ о мести за Седанъ и Парижъ, о возвращеніи Страсбурга и Метца. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Если въ виду этого Пруссія не расположена очищать слишкомъ поспѣшно французскія провинціи, — это тоже довольно натурально; если прусско-германское правительство разсудитъ поступить съ Бельфоромъ, какъ съ Сѣвернымъ Шлезвигомъ, — это не будетъ противно традиціямъ и принципамъ прусской политики. Вотъ и реальныя основанія для военнаго столкновенія между Франціей и Германіей. На этотъ случай устраивается лига мира между Австріей и Пруссіей? Почему жъ не пригласили сюда Россіи, которая такъ сильно помогла пріобрѣтенію Пруссіей Эльзаса и Лотарингіи? Не чувствуютъ ли въ Германіи, что Россія и такъ уже сдѣлала много, что въ другой разъ помогать добиванію Франціи будетъ слишкомъ уже внѣ русскихъ интересовъ? Объ этихъ вопросахъ не говоритъ нѣмецкая печать.

Больше говорятъ о другой возможности военнаго взрыва въ Европѣ: о турецкомъ вопросѣ. Здѣсь взрывъ возможенъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: *или*, если турецкое правительство не только не облегчитъ гнета надъ христіанскимъ населеніемъ и не дастъ ему правъ на постепенное самостоя-

тельное развитіе, но еще усилитъ этотъ гнетъ; на чьей сторонѣ должна стать тогда Россія, — говорить нечего; *или*, если Австрія обнаружитъ рѣшительное намѣреніе прихватить Румынію или Боснію (не даромъ же австрійское правительство хлопотало объ обученіи молодого экс-эрцгерцога Тосканскаго сербскому языку, посылало его путешествовать по Босніи и Герцеговинѣ, результатомъ чего явилась пока еще только красивенькая брошюрка съ типами мѣстнаго населенія и т. п. картинками). Въ европейской печати говорятъ всего чаще о третьемъ поводѣ къ военному столкновенію на Востокѣ, а именно о нападеніи Россіи на Турцію съ цѣлью завоеванія Константинополя, и всякія заявленія русскаго правительства и органовъ общественнаго мнѣнія о томъ, что существованіе турецкаго государства,— напримѣръ, въ видѣ федераціи самоуправляющихся христіанскихъ племенъ подъ главенствомъ султана, сообразно программѣ, изложенной нашимъ канцлеромъ во время кандійскаго вопроса,— называютъ лицемѣріемъ. Мы не станемъ ручаться за всѣ кружки нашего образованнаго общества, но полагаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что для реальныхъ интересовъ Россіи сохраненіе Турціи въ видѣ федераціи самоуправляющихся племенъ, хотя бы подъ властью магометанскаго правительства, надолго было бы вполнѣ удовлетворительно, такъ что наиболѣе тревожащая Европу возможность взрыва на Востокѣ, по иниціативѣ Россіи, въ нашихъ глазахъ имѣетъ наименѣе вѣроятности. Мало вѣроятно и общее возстаніе балканскихъ христіанъ, если только турецкое правительство вступитъ на дорогу реальныхъ уступокъ ихъ стремленіямъ къ гражданской свободѣ и самоуправленію; а Турція, не сбиваемая посторонними внушеніями и знающая, что подлѣ есть сильное славянское государство, не можетъ не пойти по дорогѣ благоразумія. Остается вторая возможность взрыва, а именно возможность движенія Австро-Венгріи къ пріобрѣтенію новой области на Дунаѣ.

Съ извѣстной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія славянской, это пріобрѣтеніе нельзя бы было считать вреднымъ для славянства. Чѣмъ болѣе Австрія наберетъ славянъ, тѣмъ сильнѣе станетъ въ ней славянскій элементъ. А если Австро-Венгрія захватитъ Румынію, то тѣмъ болѣе усилится румынскій элементъ, который въ Трансильваніи представляетъ реакцію венгерскому, а потому въ венгерскихъ дѣлахъ держитъ союзъ

съ слаьянской оппозиціей. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что расширеніе Австріи на югъ, до тѣхъ поръ пока въ ней господствуетъ система дуализма, т.-е. нѣмецкой и венгерской гегемоніи, т.-е.—еще разъ — нѣмецкой и венгерской эксплуатаціи остальныхъ племенъ, преимущественно славянъ, было бы распространеніемъ еще и на новыя области этой гегемоніи и эксплуатаціи съ ея политическими, экономическими и нравственными послѣдствіями, было бы шагомъ къ осуществленію «Германіи, прилегающей къ четыремъ морямъ», которую бралъ за точку отправленія своихъ экономическихъ разсужденій основатель нѣмецкаго таможеннаго союза, Листъ, шагомъ къ исполненію мечтаній Рошера, который считаетъ «балканскія и дунайскія земли отведенными Провидѣніемъ на колонизацію нѣмцевъ» и т. д. Что подобный шагъ невыгоденъ для славянства,—доказательство въ томъ, что какъ ни мечтаютъ сербы въ Бѣлградѣ и Новомъ-Садѣ и хорваты въ Загребѣ о югославянской федераціи, но не только сербы княжества, но сербы и хорваты австрійскіе всегда протестуютъ противъ всякаго поползновенія къ распространенію владѣній австро-венгерскаго правительства на югѣ.

Мысль о естественной принадлежности нѣмецкому племени области до Нѣмана и Днѣстра высказана недавно еще даже въ такомъ изданіи, какъ знаменитый Conversations-Lexikon, изд. Брокгауза въ Лейпцигѣ. Именно въ добавленіи къ нему, представляющемъ энциклопедическое описаніе новѣйшаго времени (вып. 7, 1871), въ статьѣ «Нѣмецкій народъ» читаемъ: «Естественная область нѣмецкаго народа обнимаетъ бассейны Шельды, Рейна, Эмса, Везера, Эльбы, Эйдера, Одера, Вислы, Прегеля и Нижняго Нѣмана (Мемеля), а также область Дуная, Днѣстра, Верхняго Этча и Тріестскаго залива. Протяженіе ея отъ устья Дуная до устья Рейна имѣетъ 240, а отъ Монте Розы до Мемеля 200 м.; пространства имѣетъ эта область около 30.000 кв. м. На этой области нѣмецкій народъ двигался съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ со всѣми своими племенами на поле исторіи, но теперь въ этой области государства съ существенно нѣмецкимъ характеромъ, по крайней мѣрѣ, подъ властію нѣмецкихъ государей и съ духовнымъ или численнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго населенія (куда также надо включить и Швейцарію, Голландію, Бельгію и всю Австрію) занимаютъ едва 25—24.000 кв. м. Впрочемъ, несмотря на то,

что во время переселенія народовъ земли на востокъ и юго-востокъ до верхнихъ притоковъ Эльбы и за эту рѣку были наводнены славянами и мадьярами,—нѣмецкій духъ и нѣмецкій мечъ стремятся въ теченіе 1.000 лѣтъ отобрать вновь землю отцовъ и съ такимъ успѣхомъ, что теперь даже туда перенесены центры тяжести большихъ нѣмецкихъ государствъ, Берлинъ и Вѣна». По этимъ словамъ завоеваніе нѣмецкимъ мечомъ, напр., Польши или Бессарабіи было бы такъ же возвращеніе земли отцовъ, какъ и завоеваніе Эльзаса. Нѣмецкая печать являла недавно еще весьма характеристическій образчикъ аргументаціи въ пользу завоеванія Эльзаса, называя эти завоеванія возвращеніемъ эльзасцевъ къ общему отечеству, хотя жители Эльзаса и сопротивлялись ему. Но тутъ хоть можно было сказать, что возвращаютъ блуднаго и непокорнаго сына «въ отчій домъ». Но приведенная нами выдержка показываетъ, что аргументы въ пользу распространенія предѣловъ германскаго отечества не ограничиваются только кабинетной этнографіей и исторіей, а заимствуются и изъ археологіи. Вѣдь мало гдѣ, въ какихъ земляхъ не «двигались» предки европейскихъ народовъ, но если въ какой-нибудь землѣ теперь и помину нѣтъ объ извѣстномъ народѣ, а тамъ сидитъ другой, то какая же можетъ быть рѣчь о возвращеніи земли отцовъ? Такъ, пожалуй, французы могутъ, по праву происхожденія отъ галловъ, объявить права на Богемію, славяне, начитавшись изысканій своихъ археологовъ-этнографовъ, на Венецію и даже на Андалузію и Португалію и т. д. За аргументами изъ теоріи естественныхъ границъ дѣло не станетъ, такъ какъ естественныхъ границъ собственно нѣтъ почти нигдѣ на земномъ шарѣ, ибо рѣки, напр., вовсе не дѣлятъ народовъ и странъ, горные хребты не дѣлятъ рѣчныхъ бассейновъ (то, что называютъ географы водораздѣломъ, очень часто только теоретическая линія, а рѣки долинами проходятъ часто черезъ огромные хребты, — Рейнъ, Рона, Эльба, Брахмапутра и т. д.), теперь даже моря не раздѣляютъ народовъ, значитъ, съ помощью ученой софистики, можно придумать аргументы отъ географіи въ пользу всякаго ученаго захвата. Почему, напр., границы естественной области германцевъ Нѣманъ и Днѣстръ, а не Волховъ и Днѣпръ и т. д.? Къ тому же готы «двигались» по Днѣпру и въ Крыму, а алане даже за Дономъ... Не правда ли, съ такою аргументаціей мы дойдемъ

до временъ войнъ «избраннаго народа» съ хананеями? Вотъ до какой ветхозавѣтности доводитъ наука, если она не умѣряетъ національнаго эгоизма, а окрыляетъ его, если ученые такъ узко понимаютъ обязанность свою помогать политикѣ, какъ это, къ сожалѣнію, такъ часто случается теперь въ Германіи. Нѣмецкая литература переполнена жалобами на «нѣмценененавидѣніе» и «нѣмцеѣдство» почти во всѣхъ европейскихъ обществахъ, и объясняетъ это «нѣмцеѣдство» завистью или національною «продерзостью» сосѣдей, видитъ во всѣхъ людяхъ, которые не очень-то симпатично настроены къ нынѣшнему національному и общественному направленію въ Германіи, только Кассаньяковъ, Жирарденовъ и т. п. Слова нѣтъ, — въ «нѣмцеѣдствѣ» европейской печати есть не мало кассаньячества, но въ виду того, какъ нѣмецкіе публицисты и ученые возобновляютъ древнія и ветхозавѣтныя идеи объ отношеніяхъ народовъ и служатъ заразительнымъ примѣромъ для сосѣдей, въ европейскихъ интеллигенціяхъ поднимается и другой сортъ «нѣмцеѣдовъ», которыхъ идеи всего болѣе могутъ быть выражены словами героя одного изъ величайшихъ нѣмцевъ, Лессинга, вложенными имъ въ уста тампліера, который говоритъ Натану, что не любитъ евреевъ, такъ какъ они вообразили себя привилегированнымъ народомъ и передали эту доктрину исключительности и христіанамъ и магометанамъ.

Допустивъ теперь, что въ Гаштейнѣ была заведена рѣчь о возможности подобнаго распространенія, спросимъ: не потому ли не пригласили къ союзу и Россію, что ея мнѣніе не очень отошло бы отъ мнѣнія ея соплеменниковъ въ Загребѣ, Новомъ-Садѣ и Бѣлградѣ? Какія же «шероховатости» по этому вопросу въ отношеніяхъ Россіи и Австріи взялся сгладить кн. Бисмаркъ? Для князя Бисмарка, т.-е. для германской политики, всякое распространеніе Австріи на югъ было бы полезно, ибо приготовило бы наслѣдство для Германіи; не даромъ же предусмотрительный политикъ прусскій на другой день Садовой воспротивился требованію Италіи на южный Тироль, заключающій важные стратегическіе проходы изъ австро-нѣмецкихъ земель во владѣнія тогдашнихъ союзниковъ Пруссіи.

Европейскій миръ можетъ быть нарушенъ и при извѣстномъ оборотѣ внутреннихъ дѣлъ въ одной изъ державъ, ко-

торыя совѣщались въ Гаштейнѣ о сохраненіи будто бы европейскаго мира. Мы говоримъ объ Австріи. Въ этой странѣ теперь предпринятъ опытъ примиренія всѣхъ народностей въ федеральной формѣ государственной жизни. Ни для кого не тайна, что «непримиримые» въ отношеніи къ этому опыту австрійскіе нѣмцы, исключая тирольцевъ, которые только потому за федерализмъ, что надѣются на торжество клерикализма въ областномъ сеймѣ, да и то относительно южнаго, итальянскаго Тироля обнаруживаютъ такую же нетерпимость, какую штирійскіе и каринтійскіе нѣмцы обнаруживаютъ относительно словинцевъ. Не тайна также, что печать всей Германіи находитъ, что австрійскіе нѣмцы были бы оскорблены уравненіемъ съ ними въ правахъ «полуварварскихъ народовъ, недостойныхъ отрѣшить у нѣмцевъ ремень у ногъ», ибо нѣмецкая печать не стыдится возстановлять среди XIX вѣка до-христіанское воззрѣніе о варварахъ, которые будто бы должны быть рабами цивилизованныхъ да еще съ китайскою тупостію примѣнять это дикое, варварское ученіе къ такому, напр., народу, какъ чехи, которые, конечно, не могутъ быть названы варварами. Всѣ знаютъ также, что австрійская нѣмецкая печать говоритъ о возможности революціи въ австро-нѣмецкихъ земляхъ и обращеніи ихъ къ объединенной Германской имперіи за защитой отъ «славянскаго Молоха», созидаемаго графомъ Гогенвартомъ, и что печать Германіи далеко не отрекается отъ протягиванія руки помощи «долженствующимъ погибнуть въ объятіяхъ славянскаго Молоха нѣмецкимъ братьямъ». Читали мы не разъ въ нѣмецкой печати въ Австріи и Германіи, что предоставленіе славянамъ въ Австріи права на самостоятельное національное развитіе приведетъ къ распространенію «въ самое сердце Германіи русскихъ интригъ и подкоповъ»,— а ужъ хуже вліянія русскихъ «кнутолюбивыхъ и каучукопреданныхъ варваровъ» ничего, по понятіямъ публицистовъ Вѣны, Аугсбурга, Берлина и т. п., и быть не можетъ. Передъ всѣмъ свѣтомъ нѣмецкая печать заявила, что гр. Бейстъ есть единственная опора нѣмецкаго элемента въ правительствѣ императора Франца-Іосифа, а слѣдовательно и охранитель сердца Германіи отъ русско-славянскаго Молоха. Если это такъ, то совершенно понятно, почему русскаго представителя не было вмѣстѣ съ гр. Бейстомъ въ Гаштейнѣ. Но вотъ что непонятно,— какимъ образомъ кн. Бисмаркъ взялся

сгладить «шероховатости» въ отношеніяхъ между гр. Бейстомъ и русскими дипломатами! Вѣдь это значитъ, что кн. Бисмаркъ, наперекоръ всему общественному мнѣнію Германіи, взялся склонить гр. Бейста и представляемыя имъ сферы къ уступкамъ планамъ гр. Гогенварта и славянской оппозиціи. Пожимаемъ плечами, но восклицаемъ: «Великъ Аллахъ въ князѣ Бисмаркѣ фонъ-Шенгаузенъ!» Если ужъ и онъ берется сглаживать шероховатости въ отношеніяхъ между австрійскими нѣмцами и славянами, то какъ не установиться внутреннему миру въ Австріи, а тогда, дѣйствительно, облегчится и миръ въ Европѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, внутренній миръ въ Австріи зависитъ всецѣло отъ нѣмцевъ. Захотятъ они мирно жить на равныхъ правахъ съ славянами, Австрія будетъ спокойна, цѣла, сильна. Не захотятъ,— одинъ исходъ — революція, и революція, начатая нѣмцами, затѣмъ война и распаденіе Австріи. Предвидѣли ли и этотъ исходъ политики, толковавшіе въ Гаштейнѣ?.. Что за революціоннымъ взрывомъ нѣмецкаго населенія въ Австріи чисто нѣмецкія земли ея обратятся къ Германской имперіи съ просьбою принять ихъ подъ свою власть, и что эта имперія, быть-можетъ, помявшись нѣсколько для вида, какъ Пьемонтъ передъ Тосканой и Неаполемъ, протянетъ къ нимъ свои объятія,— объ этомъ и говорить нечего. Является вопросъ: а какъ же будетъ съ Чехіей, Моравіей, съ славянскими округами Штиріи и Каринтіи? Нѣмцы австрійскіе, конечно, не захотятъ разстаться съ ними, иначе зачѣмъ же было сопротивляться и планамъ гр. Гогенварта? Захочетъ ли новая Германская имперія разстаться съ этими *имперскими* землями, которыя тащилъ къ себѣ даже революціонный франкфуртскій парламентъ 1848 года? Конечно, нѣтъ, если и въ 1866 году Пруссія требовала отъ Австріи Богеміи, хоть до Эльбы! Коснулись ли гаштейнскіе миротворцы въ своихъ переговорахъ возможности подобныхъ событій? Конечно, невѣроятно, чтобъ канцлеръ государства разговаривалъ съ другимъ о возможности распаденія своего государства и занятія земель его государствомъ, съ представителемъ коего онъ дружески бесѣдуетъ. Невѣроятно, но послѣ того, какъ гр. Бейста величаютъ представителемъ оппозиціи планамъ министерства, его же государемъ назначеннаго, чему удивляться? А если въ Гаштейнѣ было затронуто что-либо подобное, то безъ вся-

кихъ объясненій понятно, почему туда не позвали русскаго дипломата, потому что трудно найти такого, который бы согласился на предоставленіе Чехіи, Моравіи, Каринтіи и Штиріи Германской имперіи, потому что за этимъ надо было бы согласиться и на отмежеваніе ей и всей области Дуная, а тогда весь обширный юго-западъ Россіи былъ отданъ бы на эксплуатацію нѣмцамъ, которые теперь, благодаря характеру границъ и теченію рѣкъ, и такъ изъ Кёнигсберга и Берлина эксплуатируютъ Польшу и сѣверо-западъ Россіи. Чтобъ по вопросамъ, связаннымъ съ распаденіемъ Австріи, князь Бисмаркъ взялся сгладить шероховатости въ отношеніяхъ графа Бейста и русскихъ политиковъ, — совершенно невѣроятно.

Но, говорятъ нѣмецкія газеты, дипломатовъ Россіи не пригласили въ Гаштейнъ потому, что этому препятствуетъ ходъ внутреннихъ дѣлъ въ Австріи, а именно *опыты гр. Гогенварта съ поляками*. Вотъ по какому пункту кн. Бисмаркъ взялся погладить шероховатости въ отношеніяхъ Россіи и Австріи! Значитъ, какъ поладятъ съ этой стороны внутреннія дѣла Австріи, такъ, пожалуй, пригласятъ къ новому свиданію и русскаго дипломата. Повторяемъ, мы говоримъ не о гаштейнскихъ дипломатахъ, а о толкахъ нѣмецкихъ газетъ, которые кажутся намъ небезынтересными и независимо отъ того, вѣрно ли онѣ, или нѣтъ передаютъ ходъ переговоровъ въ Гаштейнѣ. Ну, такъ по поводу этихъ толковъ въ органахъ нѣмецкой печати объ отношеніи Россіи «къ внутреннимъ дѣламъ Австріи» и «къ опытамъ гр. Гогенварта» мы не можемъ не сказать, что никогда еще имя Россіи не было въ такой степени жертвою наглой спекуляціи и интриги, какъ въ данномъ случаѣ.

Что за опыты гр. Гогенварта, — извѣстно. Однимъ ли полякамъ онъ обѣщалъ автономію? Нѣтъ, — въ его программу вошла автономія всѣхъ коронныхъ областей Цислейтаніи и равноправность всѣхъ населяющихъ ее народностей. Погладить шероховатости автономіи Галиціи и право поляковъ — значитъ погладить шероховатости правъ и чеховъ съ моравами, и словинцевъ и далматинцевъ [1]). Нечего сказать, — по-

[1]) Есть одна, и крупная, шероховатость въ устройствѣ автономіи Галиціи, — это недостаточное обезпеченіе правъ тамошнихъ русскихъ. Но и сами тамошніе русскіе политики поняли наконецъ, что постоянная поддержка, которую они оказывали нѣмецкому централизму, мало помогла ихъ народности, а теперь только возбудила бы противъ нихъ всѣхъ славянъ. Обративши вниманіе

благодарятъ насъ славяне, если для установленія добрыхъ отношеній нашихъ къ Австріи въ этой послѣдней произведутъ такую полировку. «Опыты гр. Гогенварта съ поляками!» А давно ли говорили про опыты гр. Бейста съ поляками? А давно ли нѣмецкіе централисты всякихъ оттѣнковъ готовы были дать автономію полякамъ въ Галиціи, только бъ не давать ея чехамъ, давно ли отдавали полякамъ въ жертву русиновъ, только бъ сохранить гегемонію нѣмцевъ надъ чехами и словинцами?! Вспоминали тогда о Россіи? Да, вспоминали, но какъ? Какъ о державѣ, которая ежеминутно грозитъ поглотить Австрію, а потому надо, чтобъ на границѣ ея окрѣпло во враждѣ къ ней племя польское! За ничего нестоящія фразы, за господство надъ русинами, поляки въ 1867 году продали славянъ нѣмецкой централистической партіи, и тогда назначенный гр. Бейстомъ намѣстникъ Галиціи гр. Голуховскій, бюрократъ, лично не имѣющій никакихъ убѣжденій, а говорящій сообразно дующему въ официальныхъ сферахъ вѣтру, отвѣчалъ въ львовскомъ сеймѣ на требованія нѣсколькихъ голосовъ автономіи для Галиціи, что поляки не должны желать федеральной Австріи, ибо тогда Галиція будетъ слаба, и поляки должны будутъ ограничить свою дѣятельность ею, между тѣмъ, какъ цѣль поляковъ галицкихъ должна быть возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года; для этого же нужна имъ сильная централизаціей Австрія. Такъ говорилъ официальный представитель власти императора австрійскаго, и тогда ни австрійскіе ни германскіе политики и публицисты не думали, какъ отзовутся эти слова въ Россіи. Только теперь, когда поляки начинаютъ понемногу понимать, что они вѣчно будутъ игрушкою интригановъ, французскихъ ли, или прусскихъ, если не соединятъ своихъ судебъ съ судьбами другихъ славянъ, по крайней мѣрѣ западныхъ, когда галицкіе поляки получаютъ автономію не какъ исключительную привилегію въ награду за помощь нѣмцамъ и мадьярамъ противъ другихъ славянъ, а на ряду съ другими славянами, когда поляки выражаютъ готовность сдѣлать (хотя

на народное образованіе, на поднятіе экономическаго уровня народа, занявшись вопросами, въ коихъ съ русинами могутъ быть солидарны и депутаты сельскихъ классовъ польской Галиціи,—словомъ, отложивъ на время „высокую политику“ для подготовки для нея почвы (какъ дѣлали и чехи въ свое время) русскіе въ Галиціи могутъ повернуть въ свою пользу автономію ея.

пока и не очень большія) уступки русинамъ, которымъ гр. Гогенвартъ обѣщалъ на ряду съ другими племенами обезпеченіе правъ, теперь только вспомнили о Россіи и желаютъ, подъ видомъ любезности къ Россіи, урѣзать объемъ «опытовъ гр. Гогенварта», т.-е., другими словами, представить Россію, а не нѣмецкихъ централистовъ, врагомъ не только поляковъ, но и всѣхъ австрійскихъ славянъ. Ловко придумано! Но только, смѣемъ увѣрить нѣмецкихъ публицистовъ, что не всѣ въ Россіи дадутся въ обманъ. Въ Россіи многіе знаютъ, а другіе узнаютъ именно благодаря услужливости нѣмецкихъ публицистовъ, кому, дѣйствительно, страшно здоровое развитіе польской народности въ предѣлахъ областной автономіи и въ этнографическихъ границахъ польскаго племени, а тамъ, гдѣ оно смѣшано съ другими, какъ въ восточной Галиціи,— съ обезпеченіемъ правъ и не польскаго племени. Все это, дѣйствительно, страшно, только не для Россіи; дѣйствительно, свободное и здоровое развитіе поляковъ въ Галиціи, ихъ миръ съ русинами не можетъ не отразиться и на положеніи поляковъ въ Познани и въ Царствѣ Польскомъ,—только опять-таки Россіи нечего бояться вліянія автономной Галиціи. Она страшна кому-то другому. Кому же и почему она страшна, кому выгодно ненормальное и безпокойное положеніе Царства Польскаго и почему,—это увидитъ читатель, если дастъ себѣ трудъ послѣдовать за нами дальше; здѣсь же довольно и высказанныхъ соображеній о мнимой ловкости нѣмецкой публицистики и пунктахъ, которые представляютъ опасность для европейскаго мира; дальше читатель встрѣтитъ четвертый пунктъ такой — Царство Польское.

II.

Отношенія нѣмецкой печати къ полякамъ и къ Царству Польскому чрезвычайно характерны и не могутъ не наводить и русскихъ и поляковъ на поучительныя размышленія. По поводу поляковъ печать нѣмецкая раздѣляется обыкновенно на два лагеря: кто стоитъ ближе къ официальнымъ прусскимъ сферамъ, тотъ обыкновенно не скупится на рѣзкія выраженія о полякахъ и заявляетъ, что Пруссія и Россія связаны между собою необходимостью сдерживать поляковъ, хотя, конечно,

говоря такія вещи, прусскіе ораторы и публицисты прибавляютъ, что они «не думаютъ не порицать всѣхъ дѣйствій и мѣръ русскаго правительства». Такой смыслъ имѣли рѣчи гр. Бисмарка послѣ польскаго возстанія, въ такомъ смыслѣ выражается о полякахъ Россіи и Пруссіи авторъ брошюры «Deutschland und Russland», происхожденіе которой приписывается официальнымъ сферамъ и которая недавно вышла и по-русски. Чѣмъ болѣе какой ораторъ или органъ печати называетъ себя независимымъ въ Пруссіи и Германіи, тѣмъ болѣе почитаетъ себя обязаннымъ кстати и некстати вспоминать о «московитскомъ варварствѣ въ отношеніи къ Польшѣ, о кнутѣ, о жестокостяхъ ген. Муравьева, о преслѣдованіяхъ католицизма въ Польшѣ, о стремленіи къ руссификаціи ея» и т. п. Примѣровъ, право, и приводить нечего. Возьмите газеты за одинъ день, и вы найдете хоть въ одной что-либо въ такомъ родѣ. Но вѣдь поляки есть не въ одной только Русской имперіи. Если нѣмецкая печать недовольна руссификаціей Польши,— а она недовольна даже «руссификаціей» Западнаго русскаго края (недавно нѣмецкія газеты,— кто, а нѣмцы въ географіи и статистикѣ крѣпки не въ примѣръ французамъ, — помѣстили извѣстіе о предстоящемъ открытіи судебныхъ мировыхъ учрежденій въ западныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, подъ названіемъ: Мировые суды въ Польшѣ),—то, навѣрно, она недовольна также и германизаціей Познани, готова дать послѣдней автономію и подобныя блага. То-то и есть, что нѣтъ. Въ томъ-то и характеристичность либерализма нѣмецкой публицистики насчетъ русскихъ. Мало того, когда въ 1867 году, во время составленія сѣверонѣмецкой конституціи, положено было, что и Познань, прежде не входившая въ составъ Германскаго Союза, будетъ составною частью сѣверо-германскаго, гр. Бисмаркъ отвѣчалъ на протесты польскихъ депутатовъ Познани, что они посягаютъ на цѣлость прусскаго государства, когда этого вовсе ниоткуда не было видно, а депутаты желали только сохраненія того положенія, въ какомъ они прожили въ прусскомъ государствѣ болѣе 90 лѣтъ,— что «поляки не знаютъ сами, чего хотятъ, что ихъ старая Польша невозможна, такъ какъ въ ней большинство принадлежало литовцамъ и русскимъ», между тѣмъ, какъ въ Познани нѣтъ ни литовцевъ ни русскихъ. И вся палата сѣверо-германская рукоплескала гр. Бисмарку,

вся печать нѣмецкая одобрила включеніе Познани въ Германію, какъ одобрила она его и недавно при утвержденіи конституціи Германской имперіи, когда кн. Бисмаркъ нашелъ уже другой резонъ въ отвѣтъ польскимъ депутатамъ, а именно сталъ увѣрять ихъ, что они «не польскіе, а католическіе депутаты». Извѣстно, что въ палатѣ германской только два нѣмецкіе голоса были поданы за невключеніе польскихъ земель въ Германскій Союзъ, въ печати же не нашлось и двухъ органовъ, которые бы поддержали требованіе познанскихъ депутатовъ. Мало того, когда обнародовано было письмо одного клерикальнаго депутата, говорившее въ похвалу партіи центра, что она сочувствуетъ всѣмъ страждущимъ, и *даже полякамъ*, то, хотя центръ не сдѣлалъ ни кивка въ поддержку познанскихъ депутатовъ, гуляющая теперь насчетъ клерикаловъ нѣмецкая либеральная печать жаловалась, что центръ покровительствуетъ самымъ позорнымъ, самымъ вреднымъ элементамъ въ Германіи, *даже полякамъ*.

Такимъ образомъ либерализмъ нѣмецкой публицистики по польскому вопросу насчетъ Россіи вовсе не считаетъ себя обязательнымъ быть послѣдовательнымъ, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ же полякахъ въ Пруссіи, и даже употребляетъ русскую аргументацію отъ Западно-русскаго края для примѣненія къ Познани. А вѣдь, казалось бы, либералу насчетъ Россіи еще легче быть либераломъ насчетъ Пруссіи: въ Россіи есть, кромѣ области, заселенной сплошь поляками, еще область, гдѣ поляки — меньшинство и малое меньшинство, не больше $^1/_{20}$, а между тѣмъ претендуютъ на господство; въ Россіи, дѣйствительно, есть извѣстная доля справедливости, когда говорятъ, что дай полякамъ автономію за Вислою, такъ они захотятъ господства и до Днѣпра и Двины и даже дальше. А въ Познани — поляки большинство, никакихъ стремленій къ расширенію не только господства, а и слабѣйшаго вліянія на Западъ, они и не замышляютъ. А все-таки надо ихъ включить въ Германію, т.-е. *охранить польскія земли силою не только Пруссіи, а всей Германіи*, и германизировать, елико возможно. И если «слабость» Россіи, ея правительство и общество попустятъ узды польскому элементу на Вислѣ, надо «научить русскихъ патріотизму», какъ говорили нѣмецкія газеты объ издателѣ «S.-Petersburger Zeitung» г. Мейерѣ, который будто бы «раньше г. Каткова научилъ русскихъ патріотизму»:

только бы вредное движеніе на Вислѣ не отразилось на Варту. Если подобное послабленіе дѣлается въ Галиціи, и если оно такого рода, что можетъ только отражаться безпокойствами и затѣмъ репрессаліями въ Россіи, можно похвалить гр. Бейста за то, что онъ «не слѣдуетъ примѣрамъ московскихъ нивеллаторовъ, давящихъ трупъ несчастной Польши»; но чуть въ Галиціи предпримутъ дѣло болѣе серьезное, имѣющее цѣлью не заигрываніе съ мечтаніями польскими, а областную автономію, тогда надо подавить вредные «опыты гр. Гогенварта, долженствующіе вызвать неудовольствіе русскаго правительства противъ Австріи и тѣмъ повредить доброму согласію на востокѣ Европы». А если бы «опыты гр. Гогенварта» были дѣйствительно остановлены или укорочены, тогда стали бы говорить «бѣднымъ полякамъ», что вотъ «сѣверный монгольскій колоссъ не потерпѣлъ даже той скромной свободы, которую готово было дать нѣмецкое правительство несчастному польскому народу въ Галиціи».

Гдѣ же причины такой «мудрой» непослѣдовательности? Ихъ много. Теперь мы поговоримъ объ одной. Дѣло въ томъ, что въ Германіи есть не мало людей, которые полагаютъ, что пріобрѣтеніе Царства Польскаго было бы необходимымъ и естественнымъ дополненіемъ къ Германіи, такимъ же необходимымъ, какъ и пріобрѣтеніе Богеміи и Моравіи, относительно принадлежности которыхъ къ Германіи никто изъ нѣмцевъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Очень часто, когда въ Германіи, какъ, напр., во время настоящей войны, нужно успокоить Россію, нѣмецкая печать доказываетъ, что Остзейскій край не нуженъ Германіи, что, пріобрѣвъ провинціи, которыя составляютъ береговую линію, не принадлежащей ей во всемъ объемѣ страны, Германія пріобрѣла бы земли, вѣчно нуждающіяся, какъ нуждается Восточная Пруссія, составляющая только приморскую часть бассейна, принадлежащаго не Германіи. Дѣйствительно, границы между Царствомъ Польскимъ и Пруссіей не выгодны, и если ужъ что пріобрѣтать отъ насъ Германіи, такъ, конечно, во всякомъ случаѣ не Остзейскія губерніи, а Польшу. Тѣ далеко, эта близко, да и составитъ прекрасное дополненіе къ теперешней границѣ. Допустите разъ границу Германіи по Нѣману и Бугу и посмотрите, какъ легко потомъ провести ее до пересѣченія съ Карпатами. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ тогда положеніи

очутится узкая полоса западной Галиціи? Утѣшьте Россію присоединеніемъ къ ней даже части восточной Галиціи, но знайте, что страна, которая будетъ владѣть Кёнигсбергомъ, Варшавой, Краковомъ и Львовомъ будетъ владѣть засовомъ, которымъ можетъ по произволу запирать дверь изъ Россіи въ Европу. Но вернемся къ Царству Польскому и приведемъ доказательства, что дѣйствительно есть въ Германіи люди, которые засматриваются на него. Мы, собственно, приведемъ примѣры поновѣе, потому что и въ русской печати не разъ были уже приводимы выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ брошюръ и книгъ, которыя высказывали, что присоединеніе Царства Польскаго къ Германіи было бы естественнымъ и полезнымъ для Германіи дѣломъ.

Въ 1870 г., еще передъ войной, вышла въ Бранденбургѣ маленькая, но во многомъ преинтересная, хотя и презабавная брошюрка подъ заглавіемъ: *Europa im Lichte der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft.* Ein politischer Rundblick und ein Mahnruf von einem preussischen Conservativen. R. (Европа въ свѣтѣ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Политическій обзоръ и кликъ напоминанія прусскаго консерватора). Надъ заголовкомъ стоятъ цифры 1800, 1870, 1900, надъ буквою R — коронка. Мы назвали брошюрку презабавною, потому что она выражаетъ самымъ наивнымъ образомъ мысли бранденбургскаго служащаго дворянина и его симпатіи и обращенія ко всѣмъ державамъ и народамъ Европы; но мы назвали брошюрку эту и интересною, потому что она весьма характерно передаетъ симпатіи и антипатіи, принципы и мечты той среды, изъ коей вышли всѣ птенцы семьи героевъ, прославившихъ прусское оружіе въ послѣднюю войну. Пробѣгая брошюрку г. R. послѣ войны, видишь теперь, какъ готовились къ ней сферы, представляемыя г. R., и какъ давно задумано было и предусмотрѣно многое, что казалось, и что сами пруссаки выдавали за вызванное необходимостью или за случайное. Любопытно обращеніе бранденбургскаго дворянина къ Франціи: «Не думай, Франція, что нѣмецъ такъ враждебенъ къ тебѣ, какъ онъ, къ сожалѣнію, кажется! О, мы умѣемъ хорошо цѣнить эту огненную кровь, которая течетъ въ тебѣ, которая заставляетъ тебя хвататься за мечъ всякій разъ, когда ты думаешь, что кто-нибудь можетъ бросить на твою *gloire* подобіе пятна... И однакожъ, Франція, твои дѣла печальны.

На твоемъ тронѣ сидитъ человѣкъ, который не имѣетъ ни капли царственной крови въ жилахъ своихъ. Еще перваго Наполеона ты могла допустить себя любить, Франція; хотя онъ и не былъ государь Божіей милостію, онъ былъ однакожъ геній, имѣть котораго своимъ господиномъ всякій народъ счелъ бы себя счастливымъ. Онъ разнесъ твою славу по половинѣ свѣта, положилъ къ ногамъ твоимъ всю Европу... Но лѣнивыя и блѣдныя корсиканскія лица теперешнихъ Наполеонидовъ не имѣютъ духа, чтобы править тобою, великая Франція! «Гдѣ жъ взять, если не украсть?» какъ говоритъ берлинецъ... Избери себѣ новаго воеводу изъ твоихъ старыхъ дворянскихъ родовъ. Господствовать надъ Европой, Франція, ты уже не можешь, но распространить свои границы еще можешь: Бельгія — вотъ собственно провинція Франціи, но долину Рейна и нашъ старый Страсбургъ должна намъ Франція выдать назадъ. О, Страсбургъ, Страсбургъ, тебя мы не уступимъ никогда! Но зато Франція должна получить западную, бо̀льшую половину Швейцаріи, этого нѣкогда энергическаго маленькаго государства, которое теперь совершенно изжилось».

Посмотримъ теперь, какъ распоряжается бранденбургскій дворянинъ на восточной границѣ. «Россія,—восклицаетъ онъ,— страна соболей и брильянтовъ, ты не европейская земля!.. Тебѣ не удалось еще вступить во владѣніе Турціей. Франція и Англія, съ помощью предательства Австріи, заставили тебя покинуть гордые твои планы. Но времена мести придутъ и для тебя! Австрія — государство, которое не имѣетъ никакой жизненности. Навѣки уничтоженная, какъ нѣмецкое государство, славянскимъ она быть не можетъ. Что же сообразнѣе съ природою, какъ не то, чтобы нѣмецкія земли возвратились къ ихъ племени, а остальныя достались Россіи? И сѣверная часть Турціи и Черное море принадлежатъ тебѣ, Россія! Но южная—нѣтъ. И Балтійское море не тебѣ принадлежитъ! Твои нѣмецкія провинціи вздыхаютъ подъ кнутомъ. Обрусить ихъ ты не можешь, потому что никакая нѣмецкая земля не теряетъ своего старогерманскаго типа, а потому отдай намъ нѣмецкихъ дѣтей!»

Однако гдѣ же тутъ Польша? — спроситъ читатель. — Добрый бранденбургскій дворянинъ, хоть и гонитъ насъ отъ Балтики, но даетъ Черное море, сѣверъ Турціи, да еще

австрійскія славянскія земли. Но авторъ, хоть и не говоритъ, а, конечно, считаетъ Чехію съ Моравіей нѣмецкими землями. Изъ остальныхъ австрійскихъ земель я уже и не знаю, что такое даетъ онъ намъ, потому что въ главѣ о Румыніи онъ говоритъ слѣдующее: «Молодая земля, колыбель новаго рода Гогенцоллерновъ (и Струсберговъ, прибавить бы), ты имѣешь возможность великой будущности! Ясно, что должно образоваться великое славянское государство, и вѣроятно, что Россія должна образовать его; но, Румынія, на твоемъ тронѣ сидитъ Гогенцоллернъ, отрасль рода изъ стали и желѣза, а гдѣ Гогенцоллернъ, тамъ и національное чувство, тамъ и честолюбіе, тамъ стремленіе къ расширенію и распространенію могущества... Карлъ, юный князь, какъ бы шли тебѣ короны Венгріи, Трансильваніи и Польши! Венгрія и Польша! Зачѣмъ вы не выбрали себѣ никакого Гогенцоллерна, если вы хотѣли достигнуть самостоятельности? Гогенцоллернъ возстановилъ бы вашу старую силу и величіе!» Тутъ авторъ ставитъ двѣ многозначительныя черты. Конечно, послѣ такихъ обѣщаній Румыніи, Венгріи и Польшѣ, всѣ прежніе подарки Россіи уничтожаются и ей только и остается призывъ: «На востокѣ, Россія, твоя будущность! Борись съ Англіей за владѣніе Азіей!» Въ Европѣ же... Но пусть говоритъ авторъ. «Пруссія,— восклицаетъ онъ въ концѣ брошюры,—ты — сердце Европы, ты будешь господствовать въ Европѣ и цвѣсти подъ Гогенцоллернами, какъ сильное христіанско-монархическое государство во славу Бога». А для того, чтобы господствовать въ Европѣ и обернуть Россію на Востокъ къ сомнительной борьбѣ съ Англіей за господство въ Азіи (т.-е. въ степяхъ Гоби и Туркестана), надо именно въ томъ или иномъ видѣ, но соединить корону Польши и голову Гогенцоллерна.

Стоитъ ли, впрочемъ, обращать вниманіе на бредни бранденбургскаго дворянина? спроситъ, быть-можетъ, читатель. Не говоря другого, стоитъ, по-нашему, уже и потому, что брошюра этого дворянина есть матеріалъ для характеристики отношеній нѣмецкой печати къ внѣшней политикѣ вообще, а къ Россіи и Польшѣ въ частности, а эта характеристика и составляетъ ближайшую цѣль нашей статьи. Мы остановились на брошюрѣ бранденбургской еще и потому, чтобы показать, что говорятъ другія въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла

мягкостелющая брошюра «Россія и Германія» [1]). Обратимся теперь къ другому, болѣе солидному, очень солидному сочиненію. Мы разумѣемъ книгу Рихарда Бёкка о числѣ нѣмцевъ и области ихъ языка въ европейскихъ государствахъ (Der Deutschen Volkszahl und Sprachgebiet in den europæischen Staaten. Eine statistische Untersuchung von *Richard Boeckh*. Berlin, 1870). Сочиненіе это самымъ обстоятельнымъ образомъ слѣдитъ за распространеніемъ нѣмцевъ среди другихъ племенъ и, несмотря на глубокіе поклоны передъ принципомъ національности, въ предисловіи своемъ преисполнено германизаторскихъ идей въ самой грубой ихъ формѣ. Вышедши наканунѣ войны 1870 года и сопряженныхъ съ нею политическихъ катастрофъ въ Европѣ, сочиненіе Бёкка можетъ быть названо статистическимъ пособіемъ для политика, администратора и воина, долженствующаго расширять германизмъ на счетъ всѣхъ сосѣднихъ народностей. Для насъ особенно важны главы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ «нѣмцевъ въ отношеніяхъ къ полякамъ, латышамъ, эстамъ и русскимъ». Изъ книги Бёкка явствуетъ, что число нѣмцевъ больше и скорѣе увеличивается въ Царствѣ Польскомъ и даже въ прилегающихъ къ нему мѣстахъ Литвы, чѣмъ въ остзейскихъ провинціяхъ, особенно, если присчитывать къ нѣмцамъ и говорящихъ понѣмецки евреевъ, на которыхъ г. Бёккъ обращаетъ особое вниманіе. На этомъ основаніи г. Бёккъ относится съ гораздо бо̀льшей теплотою и вниманіемъ къ нѣмецкому элементу въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Остзейскомъ краѣ, и придаетъ первому гораздо большее значеніе съ точки зрѣнія германизма. Онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что послѣднія, болѣе точныя данныя касательно населенія, напр., въ Лифляндіи, оказываются весьма неблагопріятными для нѣмецкаго элемента. Такъ, въ населенной латышами части Лифлян-

---

[1]) Вотъ другая брошюра уже не лирическаго, а ученаго консерватора (Das Neue Dentsche Kaiserreich und seine Gegner. Ein Mahnruf an die deutschen Patrioten und Conservativen.— Gütersloh, 1871) о новой нѣмецкой имперіи и ея противникахъ. „Пусть не считаетъ,—говоритъ авторъ,—дружбу съ Россіей за продолжительную. Турецкій вопросъ можетъ вызвать опасныя затрудненія, потому что здѣсь мы не можемъ дѣйствовать заодно съ Россіей". Извѣстно, что во время обсужденія черноморскаго вопроса либеральная печать въ Германіи была вся противъ насъ, и только консервативно-правительственная выражалась въ извѣстной мѣрѣ благосклонно о нашихъ требованіяхъ.

діи, даже въ городскомъ населеніи, изъ 148.000 человѣкъ нѣмцевъ оказывается по счету 1867 года только 67.100, русскихъ 30.000, латышей 28.300, эстовъ 18.200, въ Ригѣ нѣмцевъ всего 47.469, русскихъ 25.647, латышей 23.718. По счету, произведенному въ 1860—1861 году нѣмецкими писателями (Кёппенъ, Гроссъ) въ Остзейскомъ краѣ на 1.803.891 общаго населенія нѣмцевъ оказывается только 131.071, при чемъ, относительно, число ихъ становится меньше отъ Курляндіи къ Эстляндіи (Курл. 47.868, Лифл. 65.124, Эстл. 18.079) [1]). Въ области литовскаго племени (Ковенская, Виленская и часть Гродненской губ.), по даннымъ того же 1860 года, на число не очень большее, чѣмъ общая цифра населенія Остзейскаго края — 2.010.000 человѣкъ — нѣмцевъ было 23.000, но зато евреевъ больше 200.000. Съ тѣхъ поръ нѣмецкая колонизація тамъ усилилась. Что касается Царства Польскаго, то здѣсь въ 1856 году было 264.436 однихъ нѣмцевъ, въ 1860 году — 269.620, въ 1867 году — 356.806, принявшихъ подданство Россійской имперіи, и временно проживающихъ — 213.800 (при общемъ населеніи царства 5.319.363 чел.). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что евреевъ (которые въ Познани оказываютъ такое пособіе германизаціи) въ Царствѣ Польскомъ болѣе 650 тысячъ или $12^1/_2$ процентовъ всего населенія [2]). На этомъ основаніи Бёккъ говоритъ, что «земля литовско-леттскаго племени и эстскаго никоимъ образомъ не можетъ быть названа нѣмецкою, какъ это призналъ во время преній въ прусскомъ парламентѣ и великій государственный человѣкъ». Иначе говоритъ онъ объ области племени польскаго. «Изъ общаго обзора мѣста пребыванія нѣмцевъ среди поляковъ,—говоритъ нашъ статистикъ, — выходитъ, что не только часть прежде бывшей области польскаго языка стала теперь дѣйствительно нѣмецкой землей, но что даже теперешняя область польскаго языка, осо-

---

[1]) Самъ Беккъ принимаетъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ только въ 122.000 человѣкъ.

[2]) Если свести къ единицамъ число нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ и Польшѣ, то получимъ слѣдующія цифры: въ Остзейской губрніи 1 нѣмецъ приходится на $13^3/_4$ человѣкъ населенія, въ Польшѣ натурализованныхъ нѣмцевъ христіанъ 1 на 15 человѣкъ, съ натурализованными 1 на 9, натурализованныхъ съ евреями 1 на 6 человѣкъ, *всѣхъ съ евреями 1 на 4 чел.* (евреевъ 1 на 8). Если причислить евреевъ въ Ц. П. къ нѣмцамъ, то шансы германизаціи въ немъ оказываются выше, чѣмъ даже въ Познани.

бенно вся Великая Польша, Силезія и Куявія и, хотя и въ меньшей степени, Мазовія, слѣдовательно, три пятыхъ всей области польскаго языка, такъ усѣяны нѣмецкими поселеніями и обывателями, что здѣсь обѣ націи живутъ совмѣстно. Если сложить вмѣстѣ всѣ выше принимаемыя земли, т.-е. польскую часть Пруссіи, Познани, Силезію, Западную Галицію и большую часть русскаго Царства Польскаго (безъ литовской части, но съ Бѣлостокомъ), какъ область польскаго языка, то здѣсь на 3.570 кв. милл. изъ 8.850.000 живутъ почти 7 милл. (6.950.000) поляковъ, такъ что къ этой народности принадлежитъ здѣсь 78 — 79% всего населенія, затѣмъ по меньшей мѣрѣ 730.000 нѣмцевъ, т.-е. свыше 8%, за исключеніемъ евреевъ (а равно какъ и ненатурализованныхъ въ Царствѣ Польскомъ нѣмцевъ); кромѣ же этого, тамъ находится около 800.000 евреевъ, т.-е. около 9%, изъ коихъ 72.000 въ Пруссіи, Познани и Силезіи всѣ, а остальные, по большей части, должны быть причислены къ нѣмцамъ, какъ говорящіе по-нѣмецки. Наконецъ на разсматриваемой территоріи живетъ около 1/3 милліона русскихъ, изъ коихъ бо̀льшая часть живетъ въ отрубномъ кускѣ (въ старорусской области) по Бугу».

«Съ теченіемъ времени,—продолжаетъ г. Бёккъ,—отношенія между польскимъ и нѣмецкимъ народами измѣнились существенно... Теперь польская народность фактически отдана подъ покровительство нѣмцевъ. Она нуждается въ этомъ покровительствѣ съ тѣхъ поръ, какъ ея политическая самостоятельность уничтожена, и руководящіе представители ея славянскаго, но въ главномъ своемъ племени смѣшаннаго съ финно-татарами, братственнаго народа задумали уничтожить и ея національное существованіе. Принять на себя это покровительство побуждаетъ нѣмцевъ и общій интересъ, не потому только, что уже теперь въ наполовину окруженномъ прусскими провинціями царствѣ нѣмецкая народность потерпѣла существенное поврежденіе отъ русскихъ мѣропріятій (ибо, извѣстіе Буша, что число лютеранъ съ 1860 по 1865 уменьшилось болѣе, чѣмъ на 40.000, едва ли можно приписать уменьшенію нѣмецкой народности въ виду представленныхъ цифръ [1]), но потому, что ущербъ интересамъ нѣмцевъ есть

[1]) Значитъ, не о чемъ и толковать. Да, кромѣ того, съ 1860 года не слышно было ни о какомъ избіеніи лютеранскихъ младенцевъ въ Россіи ни вообще о какой-либо противолютеранской мѣрѣ.

необходимое послѣдствіе поведенія руководящей теперь въ Россіи партіи, такъ какъ стремленіе, направленное, главнымъ образомъ, на уничтоженіе всякой особой національности, направится прежде всего на наивыше стоящій культурный народъ. Общность интересовъ (поляковъ и нѣмцевъ) не основана только на сотняхъ тысячъ нѣмцевъ, — хотя и ихъ оставить на волю судебъ было бы униженіемъ для нѣмецкаго народа, такъ какъ признаніе, что нѣмцы, живущіе внѣ границъ Германіи, могутъ быть забыты ею, было бы обильнымъ источникомъ національнаго униженія, ибо нѣмецъ не можетъ отказаться отъ своей природы, онъ *долженъ* итти за границу, — общность интересовъ въ гораздо высшей степени лежитъ въ томъ, что опасность для нѣмецкаго народа не ограничивается тѣмъ или другимъ кускомъ польской земли, но что отреченіе отъ нѣмцевъ въ Польскомъ царствѣ послѣдовательно отразится и на безпомощную Галицію, затѣмъ на соединенныя съ нѣмецкими областями польскія земли, наконецъ, и на самую нѣмецкую землю. Или кто можетъ быть такъ близорукъ, чтобы думать, что если разъ удастся уничтоженіе поляковъ и нѣмцевъ въ Царствѣ Польскомъ, то ворвавшееся туда опустошеніе остановится на берегахъ Древенца, Просны и Премзы. И прямо въ виду подобныхъ обстоятельствъ, которыя теперь для нѣмецкой народности принимаютъ несравненно болѣе грозный образъ, чѣмъ прежде, можно вспомнить, что уже 25 лѣтъ назадъ, К. М. Арндтъ, который не былъ противникомъ русскихъ, въ своей исторіи народовъ призналъ необходимость освобожденія Польши и Литвы (а если этого мало будетъ, чтобы доставить силу разуму и праву въ Русскомъ царствѣ, то и Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи), — словомъ, необходимость защиты польской народности нѣмцами и съ этой цѣлью, равно какъ и для собственной защиты нѣмецкихъ государствъ, отбросить русскихъ въ предѣлы области ихъ языка» [1]). Довольно трудно понять, какъ обрусеніе поляковъ угрожало бы существованію нѣмцевъ и въ предѣлахъ чисто нѣмецкихъ земель. По этой логикѣ германизація поляковъ грозила бы непосредственно не только интересамъ, но и народности русскихъ, напр., въ Москвѣ. Трудно допустить, чтобъ Бёккъ говорилъ это совершенно серьезно. Совсѣмъ на-

---

[1]) См. названное сочин. стр. 99—102.

противъ, желаніе обрусенія поляковъ въ царствѣ логически ведетъ за собою желаніе, чтобы поскорѣе они германизировались въ Познани, т.-е. чтобъ облегчена была работа уничтоженія народности, признанной вредною для Русскаго государства. У насъ, дѣйствительно, есть такіе мудрые политики въ обществѣ, которые, чувствуя трудность обрусить все Царство Польское, высказываются въ пользу того, чтобъ ограничиться областью до Вислы, а остальное готовы отдать пруссакамъ, которые, молъ, справятся скоро съ поляками. Гораздо опаснѣе нѣмецкой народности въ Познани и Пруссіи не обрусеніе поляковъ въ царствѣ, а правильное развитіе ихъ народности подъ властью русскаго правительства. Тогда бы, дѣйствительно, уже не опустошеніе, а здоровое возрожденіе поляковъ не остановилось бы на берегахъ Древенца. Вотъ въ виду того, чтобы русскіе не приняли подъ свое покровительство поляковъ, понявшихъ свои интересы реально и безъ фантазій, дѣйствительно, нѣмецкимъ публицистамъ и политикамъ надо, самимъ постоянно дѣйствуя на погибель поляковъ и обращаясь къ солидарности съ русскими, когда нужно, въ то же время говорить полякамъ о томъ, что только нѣмцы могутъ защитить ихъ отъ полумонгольскаго брата ихъ.

Бёккъ не говоритъ, въ какой формѣ должна явиться защита поляковъ нѣмцами, онъ даже Арндтово «освобожденіе Польши» замѣняетъ чисто отрицательнымъ «отбросомъ русскихъ въ границы ихъ языка»; но такъ какъ онъ считаетъ землю польскую за такую, на которой поляки живутъ совмѣстно съ нѣмцами, и такъ какъ, по его словамъ, постыдно Германіи отказаться отъ своихъ сыновъ, то «защита поляковъ» превращается просто въ присоединеніе къ Германіи всей польской области на условіяхъ, на какихъ присоединена Познань. Другой авторъ, пошедшій по слѣдамъ Бёкка, изложилъ это «освобожденіе Польши» въ гораздо болѣе ясныхъ чертахъ и нашелъ полякамъ прелюбопытное вознагражденіе. Мы говоримъ о вышедшемъ въ Бреславлѣ въ 1870 году сочиненіи о будущности Польши (Die Zukunft Polens. Historisch politische Studie von W. N.). «Мы думаемъ съ Рихардомъ Бёккомъ, — говоритъ это сочиненіе, — что ближайшая борьба на Востокѣ будетъ не между поляками и русскими, а между Германіей и Россіей. Нѣмецкая цивилизація и русское варварство скоро бросятся другъ на друга полныя ненависти, и

военный мечъ рѣшитъ ихъ споръ. Если, какъ мы крѣпко надѣемся, Германія останется побѣдителемъ и, какъ таковой владѣтелемъ Вислы и Нарева, тогда желѣзный законъ самосохраненія (все въ Германіи дѣлается изъ одного самосохраненія!) принудитъ насъ сохранить за собою, какъ клейнодъ, эту линію Вислы-Нарева, потому что это единственная стратегическая линія между Германіей и Россіей. Мы должны удержать то, что пріобрѣли, и мы не можемъ предоставить полякамъ ничего, кромѣ справедливаго правленія, безпристрастнаго суда, добросовѣстнаго и бережливаго управленія и кроткаго приговора надъ польскими необдуманностями, которыя не замедлятъ явиться (!!). Но на самостоятельность государственную на Вислѣ поляки разъ навсегда пусть не разсчитываютъ, потому что тамъ, гдѣ единственно природа положила баррикаду между нами и Россіей, и гдѣ единственно лежитъ наша восточная оборонительная линія, мы одни должны и командовать. Зато Германія приметъ нравственную обязанность, насколько возможно содѣйствовать, чтобы Рутенія (Малороссія съ Бѣлоруссіей) стала самостоятельнымъ государствомъ и чрезъ то новымъ отечествомъ для поляковъ».

Политическій и нравственный характеръ этой тирады съ ея яснымъ, дѣловымъ тономъ не требуетъ объясненій. Мы обращаемъ вниманіе только на категорическое заявленіе, что линія Нарева и Вислы нужна Германіи, по мнѣнію г. W. N., какъ и г. Бёкка.

Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали приводить даже важнѣйшія выдержки изъ нѣмецкихъ писаній, развивающихъ тему о распространеніи нѣмецкаго элемента и прусской власти въ Европѣ. Чтобы покончить съ мелкими политическими брошюрами, съ политиками національно-либеральной, консервативной и иныхъ близкихъ правительственному направленію партій, мы приведемъ выдержки изъ брошюры Dr. Альберта Шуманна о будущности Германіи (Die Zukuuft Deutschlands, von Dr. *Albert Schumann*. Leipzig. 1870). Авторъ написалъ эту брошюру въ посрамленіе саксонскихъ и иныхъ партикуляристовъ, соціалъ-демократовъ и другихъ противниковъ «пруссизма» и военной централизаціи въ Германіи. Хотя авторъ видимо и горячится, но его положенія не лишены характеристичности, хотя бы въ психологическомъ отношеніи. Dr. Шуманнъ объявляетъ, что онъ не очень давно самъ былъ

противникомъ «коварной Пруссіи», «милитаризма» и т. п., а теперь находитъ, что «милитаризмъ прусскій» есть благодѣтельная вещь не только для Германіи, но и для Европы и цивилизаціи! Пруссаки, по его мнѣнію, — современные римляне, и должны, какъ и старые, образовать всемірное государство. «Было бы,— говоритъ онъ,— очень странно воображать себѣ, что государство, которое имѣетъ въ себѣ столько силы, послѣ того какъ оно разрасталось въ теченіе двухъ столѣтій, какъ никогда другое въ исторіи, чтобы государство съ такими крѣпкими силами, говорю я, вдругъ остановилось въ своемъ распространеніи. И если даны всѣ условія, чтобы сдѣлать скоро Пруссію міровымъ государствомъ (Weltreich), то она по необходимости имъ и станетъ. Настоящая война вновь показала, что германская раса превосходитъ всѣ другія въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Мы можемъ безъ преувеличенія сказать, что романскія расы созрѣли къ погибели. Что мы во всякомъ случаѣ выше славянъ,— этого и они сами не станутъ отрицать. Къ тому же принципъ національностей непримѣнимъ на практикѣ». Авторъ въ доказательство приводитъ статистическія цифры о населеніи Европы отъ Атлантическаго океана до Днѣпра и повсюду у него выходитъ смѣсь національностей, среди которой только нѣмцы и представляютъ нѣчто компактное; даже во Франціи по его счету французовъ немного, а то все нѣмцы (1.800.000), бретонцы (1.100.000), итальянцы (370.000), фламандцы (200.000), баски (250.000), окцитанцы (10.655.000), валлоны (1.800.000), каталонцы (230.000) и бургундцы (6.652.000) [1]). «Я надѣюсь,— говоритъ въ заключеніе своего статистическаго обзора авторъ,— что изъ этихъ чиселъ каждому станетъ ясно, что во всей Австріи, Франціи, восточной части прусскихъ провинцій, Западной

---

[1]) Вообще даже и болѣе серьезные нѣмецкіе писатели стараются представить провинціальныя отличія даже латино-французской расы во Франціи гораздо большими, чѣмъ таковыя же различія въ нѣмецкомъ народѣ,—напр., Бёккъ въ названныхъ сочиненіяхъ, какъ Бёмеръ — Die Provençalische Poesie der Gegenwart, 1870. Между тѣмъ и литераторы нижне-нѣмецкаго движенія, какъ и провансалы, говорятъ, что нынѣшній нѣмецкій литературный языкъ, несмотря на распространеніе школьнаго образованія, не совсѣмъ понятенъ народу сѣверной окраины Германіи. См предисловіе къ собранію стихотвореній Клауса Грота (*Quickborn*, Volksleben in plattdeutschen Gedichten ditmarscher Mundart. 1854).

Россіи и европейской Турціи принципъ національности абсолютно неприложимъ. Если же принципъ національности на практикѣ непримѣнимъ, а въ то же время германцы дѣйствительно превосходятъ другія расы въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, то ясно, какъ день, что Пруссіи, какъ самому могущественному государству Европы, выпала задача, *германизировать Европу*». «Германизація Европы», это—программа будущаго для прусской политики! И эту программу, собственно говоря, Пруссія давно уже проводитъ на практикѣ. «Каждый день,—говоритъ Генрихъ Трейчке,—Пруссія отодвигаетъ нѣмецкій пограничный столбъ на одну пядь къ востоку. Каждый день славянское населеніе убываетъ въ Пруссіи, а нѣмецкое прибываетъ. Только тогда, когда Пруссія успѣетъ германизировать Европу, станетъ міровой монархіей, когда изъ Европы сдѣлаютъ такъ одно государство, тогда приблизительно будетъ достигнуто то, о чемъ мечтаютъ соціалъ-демократы и международная лига мира, т.-е. не то, чтобы достигнутъ былъ вѣчный миръ, но войны станутъ рѣже, короче, менѣе кровавы и варварски. Итакъ, средство сдѣлать войну рѣже, должно быть и есть — война!» Можно сказать, что нашъ докторъ Шуманнъ погорячился, но погорячился онъ только въ томъ, что съ полной послѣдовательностью развилъ тѣ же начала, которыя высказывали и Трейчке, и Рошеръ, и Зибель, и Бёккъ и т. п. ученые вожди германскаго общественнаго мнѣнія. Что касается до ближайшихъ съ Германіей странъ, то о нихъ д-ръ Шуманнъ высказывается еще въ большемъ согласіи съ другими политическими писателями Германіи: Австрія, по его словамъ, должна быть германизирована. Россія можетъ надѣяться на согласіе Германіи не мѣшать ея видамъ въ восточномъ вопросѣ только подъ однимъ условіемъ: чтобъ она «отдала Германіи Остзейскія провинціи, а также, быть-можетъ, и часть Польши!»

Читатель все имѣлъ дѣло съ авторами, которые чрезвычайно довольны ходомъ дѣлъ въ Германіи и желаютъ только завершенія зданія германскаго единства и могущества на Востокѣ. Теперь покажемъ ему человѣка, который рѣшительно осуждаетъ ходъ дѣлъ въ Германіи съ 1866 г., упрекаетъ Пруссію и нѣмцевъ, поставившихъ конечною цѣлью національное государство подъ властью ея, въ близорукости, который доказываетъ, что политика не должна уклоняться отъ міровыхъ,

идеалистическихъ вопросовъ, замыкаясь въ матеріализмъ государственно-національной политики. На семъ основаніи онъ упрекаетъ Австрію за помощь Турціи, за оставленіе старой задачи священной Германской имперіи — изгнать азіатскихъ варваровъ изъ Европы. Повидимому, вы имѣете дѣло съ космополитомъ и гуманистомъ. На самомъ же дѣлѣ весь космополитизмъ этотъ сводится на германизмъ въ квадратѣ. Пруссія не должна была ссориться съ Австріей, потому что чрезъ это ослаблялись силы германизма — въ виду кого? — все той же Россіи. Австрія и Пруссія должны выгнать турокъ изъ Константинополя, — для чего? — чтобъ тамъ не сѣли русскіе. Но, можетъ-быть, авторъ желаетъ самоуправленія балканскихъ племенъ, находя его выгоднымъ и для міровыхъ интересовъ? Ничуть не бывало. Не ясно, путаясь, но онъ высказываетъ мысль, что и на Балканскомъ полуостровѣ и даже въ Малой Азіи и Сиріи должны господствовать нѣмцы. Видите ли, Россія стремится добраться до Индіи. Авторъ не прочь, чтобы Россія командовала въ сѣверной и средней Азіи; бери она даже Китай, все ничего: «цивилизовать или хоть укротить монгольскій миръ — призваніе Россіи, которое въ такой же степени надо признать, какъ нужно противодѣйствовать всякому движенію ея на Западъ. Съ Китаемъ же у Россіи есть нѣчто родственное, и сравнительно съ окостенѣлымъ китайствомъ русская цивилизація есть все-таки прогрессъ! Но Россія не должна переходить Гималаевъ». Кто удержитъ ее? По мнѣнію автора, не Англія, потому что Англія въ послѣднее время своей матеріалистической политикой невмѣшательства ослабила и себя, и весь цивилизованный міръ. Нужна болѣе энергичная сила, Пруссія и Австрія въ союзѣ между собою и во главѣ всего западнаго міра. «Только соединенный Западъ, — говоритъ авторъ нашъ, — можетъ образовать преграду Россіи и притомъ съ той стороны, съ какой она наиболѣе успѣшно уязвима, т.-е. съ западной стороны. Пусть вытѣснятъ Россію за Двину и Днѣстръ и покажутъ ей силу, ежеминутно готовую къ нападенію, и Россія будетъ такъ же мало думать о переходѣ черезъ Гималай, какъ и черезъ Балканы». «Будь въ Англіи еще мужи, какъ въ свое время Питтъ, давно уже соединеніе западныхъ государствъ для стѣсненія Россіи стало бы «caeterum censeo» англійской политики. Но на почвѣ экономизма, который господствуетъ въ Англіи, какъ полити-

ческая философія, растутъ не такіе мужи, а счетчики процентовъ, которые думаютъ наиболѣе выиграть посредствомъ политики невмѣшательства». Читателю не трудно догадаться, на какой почвѣ долженъ вырасти политическій мужъ, который пойметъ міровые интересы лучше англійскихъ процентщиковъ и, организовавъ «силу, ежеминутно готовую къ нападенію», прогонитъ Россію за Двину и Днѣстръ. На той самой, которая должна будетъ и оберегать линію Двины и Днѣстра, на той, на какой растутъ ученые, которые съ такимъ безстыдствомъ призываютъ всемірные интересы въ ограду своему эгоизму и китайскому самодовольному презрѣнію къ сосѣдямъ, которые позволяютъ себѣ, не спросясь народовъ, двигать по произволу границами народностей и государствъ. Тамъ уже растутъ «мужи времени», о которыхъ недавно сказала одна англійская газета, что «мудрѣйшій политикъ нашего времени долженъ наиболѣе уподобляться ночному вору».

Но пора назвать сочиненіе и автора, который излагаетъ приведенныя мысли. Мы ихъ нашли у Константина Франца въ сочиненіи «Наука о природѣ государства, какъ основа всякой политической науки» (Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft, *Constantin Franz*. Leipzig und Heidelberg, 1870) [1]. Сочиненіе Франца представляетъ довольно рѣдкій у нѣмцевъ опытъ примѣненія къ политическимъ наукамъ положительнаго метода. Многіе нѣмецкіе рецензенты провозгласили Франца реформаторомъ политическихъ наукъ. Врядъ ли подобные приговоры найдутъ себѣ раздѣленіе дальше Германіи: вѣрныя замѣчанія у Франца перемѣшаны съ самыми

---

[1]) Замѣчательно, что всѣ цитируемыя нами сочиненія вышли или наканунѣ войны или во время войны, въ которой Россія такъ помогла Германіи въ то время, когда такая большая доля нашей печати говорила о дружескихъ чувствахъ, питаемыхъ къ намъ Германіей, о солидарности нашихъ съ нею интересовъ и о миролюбіи ея сыновъ, а одна газета даже прельщала насъ возможностію и готовностію Пруссіи уступить намъ устье Нѣмана. Книга Франца не была предметомъ разбора въ нашей печати, но основныя ея начала изложены былъ примѣнительно къ самымъ новымъ событіямъ въ брошюркѣ Беты: Das neue Deutsche Reich auf dem Grunde germanischer Natur und Geschichte, L. und H., 1871. Брошюра Беты была похвалена въ „С.-Петер. Вѣд.“ за то, что авторъ, вслѣдъ за Францемъ, не одобряетъ централизованнаго парламентаризма, заведеннаго въ Европѣ будто бы на французскій манеръ, и предпочитаетъ ему мѣстное самоуправленіе и представительство интересовъ. Бета тоже не одобряетъ и узкости политики, имѣющей цѣлью только объеди-

произвольными идеями, и всѣ мысли отравлены китаизмомъ и завистливой ворчливостью противъ всего не нѣмецкаго. Но дѣло не въ разборѣ книги Франца: для насъ довольно, что авторъ ея лицо не мелкое въ нѣмецкой учено-политической литературѣ, а слѣдовательно, мнѣнія его не могутъ не имѣть извѣстнаго значенія и для иностранцевъ. И вотъ это лицо полагаетъ, что задачею цивилизованнаго міра должно быть оттѣсненіе Россіи за Двину и Днѣстръ. По его ученію, Россія не имѣетъ ничего общаго съ цивилизованнымъ міромъ, который, вслѣдствіе ученія о политическомъ равновѣсіи и признанія, что всякое государство должно быть признано законной силой и только держимо въ предѣлахъ, не угрожающихъ равновѣсію, сдѣлалъ страшную ошибку, допустивъ въ среду свою варварское государство, которое, въ интересахъ цивилизаціи, слѣдовало бы скорѣе разрушить, или, по крайней мѣрѣ, отбросить къ Востоку, чѣмъ принимать въ семью европейскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ «геніальный полуварваръ» Петръ похитилъ императорскій титулъ и обличье европейской монархіи, Россія, по ученію Франца, стала вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла, не будучи нравственно заинтересована ни въ одномъ и ни въ чемъ. Потому-то въ результатѣ этого вмѣшательства Европа всегда была въ убыткѣ, а Россія въ выигрышѣ. Но пора міру цивилизаціи, наконецъ, проснуться. Посмотримъ, какъ разсуждаетъ г. Францъ о ловкости и варварствѣ Россіи и о близорукости Европы въ дѣлѣ Польши. «Тайна политики, господствующей въ Пруссіи со времени Фридриха Великаго,— говоритъ Францъ,— состоитъ въ томъ, что неизбѣжными столкновеніями съ Австріей, съ одной стороны, она дѣлаетъ необходимымъ, съ другой, дружбу съ Россіей! Только поэтому Россія и могла поглотить Польшу и протиснуться до самой области Одера. Если ужъ старое Польское государство должно было исчезнуть, съ тѣхъ поръ

неніе государствъ. Но по вопросу о представительствѣ онъ, какъ и Францъ, взявъ въ сущности всѣ идеи изъ французскихъ и англійскихъ писателей (Прудона, Миля и даже Ф. Шаля), превозноситъ нѣмецкую будто бы форму самоуправленія и доходитъ до того, что въ Нѣмецкой имперіи должны быть представители и всѣхъ острововъ нѣмецкаго языка (Sprachinsel) въ Европѣ и вообще на свѣтѣ; что же до самой имперіи, то она не должна быть, по Бетѣ, только національнымъ нѣмецкимъ учрежденіемъ, но, какъ и священная имперія былого времени,—международнымъ и все-таки нѣмецкимъ учрежденіемъ.

какъ оно слишкомъ созрѣло къ погибели,— обстоятельство, что оно стало добычей Россіи, остается европейскимъ несчастіемъ. Но теперь самый тупой глазъ долженъ признать, что̀ за членъ западнаго общества Россія, и какая бездна варварства скрывается за обманчивымъ блескомъ ея цивилизаціи, потому что именно своимъ способомъ управляться въ Польшѣ она и показала свой монгольскій характеръ. Гдѣ слыхано, чтобы побѣжденному народу запрещали даже языкъ его, и какая тиранія заходила такъ далеко, чтобы свирѣпствовать даже противъ математическихъ истинъ, какъ теперь въ Польшѣ, гдѣ вводятъ ошибочный русскій календарь? Это не только сумасбродство, но и вызовъ и оскорбленіе, направленные противъ западной цивилизаціи! Если эта цивилизація не впала еще въ маразмъ такъ, чтобы всѣ ея чувства чести и долга заглохли, то можетъ ли она терпѣть подобное оскорбленіе?! Какъ допустить, чтобы полуазіатское государство, съ его попами, съ его чиновниками, съ его казаками и татарами, не только выставлялось на границѣ Запада, но и глубоко входило въ него и старалось оторвать то, что основалъ этотъ Западъ и запечатлѣлъ печатью своего духа, оторвать и сдѣлать восточнымъ? Или должны мы до того дожить, чтобъ обрусеніе Польши образовало новую ограду Россіи, чтобъ оттуда итти дальше впередъ? Польша принадлежитъ западному міру, который обязанъ сжалиться надъ этой раздавленной страной. И, кромѣ долга, онъ имѣетъ и формальное право на вмѣшательство»... Въ связи съ польскимъ Францъ разсматриваетъ и восточный вопросъ, который называетъ русскимъ, т.-е. «вопросомъ о томъ, можно ли дозволить Россіи дальше распространяться въ Европѣ, можно ли дозволить, чтобы московитъ сѣлъ на мѣсто турка въ Константинополѣ». Война въ Крыму, по Францу, была произведена съ неясною цѣлью и остановились на полдорогѣ, а потому временный результатъ ея не стоилъ труда. И коалиція противъ Россіи была неполная: «Пруссія вовсе не входила въ нее, Австрія ограничилась полумѣрами. Вмѣсто того, чтобы занять Румынію только, она должна была вторгнуться въ Россію и не прежде успокоиться, какъ завоевавъ, по крайней мѣрѣ, границу Днѣстра, безъ которой устья Дуная никогда не будутъ безопасны. Съ другой стороны, прибалтійскія государства до тѣхъ поръ будутъ въ опасности, пока Россія не будетъ за-

гнана, по крайней мѣрѣ, за Двину». Россія, по Францу, уязвима только съ Запада. «Тутъ могутъ дѣйствовать противъ нея и морскія державы, но рѣшительный успѣхъ зависитъ отъ сухопутной войны, которая не имѣетъ никакого стратегическаго основанія безъ Пруссіи и Австріи. Итакъ, мы приходимъ опять-таки къ своему: эти оба государства должны быть пограничными стражами европейской цивилизаціи, и если, къ сожалѣнію, они не таковы, то мы можемъ въ будущемъ дожить до того, что Россія будетъ господствовать такъ же въ Прагѣ, какъ и въ Варшавѣ, къ чему готовится уже длиннорукій панславизмъ. Тогда рѣшится и такъ называемый восточный вопросъ». Въ виду такого «ужаснаго» для цивилизаціи будущаго Францъ видитъ въ политикѣ Европы въ послѣднее время только рядъ ошибокъ. «Если,— говоритъ онъ,— крымская война была европейскимъ предпріятіемъ для ограниченія Россіи, то три года спустя послѣ парижскаго конгресса не должна была слѣдовать итальянская война, которая настолько ослабляла Австрію, насколько усиливала Россію. Это значило собственными руками разрывать то, что было только что создано [1]). Что еще оставалось изъ пріобрѣтеній крым-

[1]) Не можемъ не вспомнить, какъ наша либеральная печать читаетъ нотаціи „отсталому“ Тьеру и, по поводу его,—Франціи, за его нерасположеніе къ единству Италіи и благосклонно одобряетъ прогрессивную Пруссію за ея союзъ съ Италіей въ 1866 г. и за то, что, выжавъ нужное изъ папы и клерикаловъ (которые, ради обѣщаній короля и Бисмарка поддержать папу, отказались отъ оппозиціи присоединенію Баваріи къ имперіи Германской), она теперь дѣлаетъ видъ, что защищаетъ правительство Виктора-Эммануила отъ реставраціонныхъ въ пользу папы поползновеній Франціи. Между тѣмъ въ 1849 г. парламентъ франкфуртскій слалъ адресы Радецкому, въ 1859 г. Германія и Пруссія (либералы и консерваторы) вооружались, чтобъ оберегать Рейнъ на Минчіо, — и вотъ нѣмецкій „реформаторъ политической науки“ осуждаетъ итальянцевъ на рабство только потому, что отдѣленіе Ломбардо-Венеціи ослабило Австрію и черезъ то косвенно усилило Россію. У насъ лежитъ подъ рукою курьезная брошюрка ученаго нѣмецкаго доктора, тоже встрѣченная не безъ одобренія нѣмецкою критикой, составленная врачомъ,—о психическомъ вырожденіи французкаго народа, его патологическомъ характерѣ, симптомахъ и причинахъ, Die psychische Degeneration des französischen Volkes, ihr pathologischer Character, ihre Symptome und Ursachen. Ein irrenärztlicher Beitrag zur Völkerpathologie von Dr. *Carl Stark*. Stuttgardt. 1871.) Авторъ ни болѣе ни менѣе, какъ доказываетъ, не безъ учености, что французы всѣ больны особымъ видомъ сумасшествія, который онъ называетъ то paralytische Blödsinn, то folie raisonante, что они даже заражаютъ и другія націи и ведутъ ихъ къ вырожденію. Доказательство—сочувствіе, которое питаютъ къ французамъ всѣ

ской войны, то было погублено событіями 1866 г., которыя открыли Россіи двери для вмѣшательства въ дѣла Германіи»[1]).

Такъ писалъ К. Францъ наканунѣ войны 1870 года. Но Россія не только не воспользовалась возможностью вмѣшиваться въ дѣла Германіи (а если и вмѣшивалась, то чтобы побудить южные дворы къ союзу съ Пруссіей), но даже помогла Пруссіи, удержавъ Австрію отъ нападенія. Результатомъ войны вышло возстановленіе нѣмецкой имперіи, которая, по словамъ Франца, была «международнымъ» учрежденіемъ. Истолкователь и панегиристъ Франца, д-ръ Бета, привѣтствовалъ это возстановленіе благожеланіями и совѣтами не забираться исключительно въ дѣла, ограниченныя территоріей Германіи, а взять подъ свою защиту нѣмцевъ и интересы по всему свѣту и сблизиться прежде всего съ Австріей для лучшаго огражденія интересовъ германскихъ и міровыхъ, для выполненія роли «всемірнаго учрежденія». Правда, Россія подъ шумъ войны разорвала трактатъ парижскій 1856 года, не безъ поддержки Пруссіи, но нѣмецкая печать весьма настоятельно увѣряла Россію, чтобъ она не обманывалась насчетъ размѣра поддержки, какую можетъ оказать ей Пруссія, что интересы Австріи на Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ солидарны съ интересами Германіи. Обмѣнъ канцлеровъ Германіи и Австріи дружескими депешами, наконецъ, гаштейнское

народы Европы. „Если,—говоритъ ученый авторъ,—аристократія Россіи, если полуцивилизованные румыны, если юношески незрѣлая Италія и извѣстны круги Австріи носятся съ симпатіями къ Франціи, то это еще можно объяснить и простить; но если и „гордая“ Англія еще и теперь высказываетъ симпатію къ французамъ, то мы обязаны назвать по имени это поведеніе. Съ полнымъ правомъ можно напомнить англичанамъ пословицу: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ“. Мы не смѣемъ говорить о нѣмецкомъ народѣ, но не можемъ не замѣтить, что ученые, литераторы и политики нѣмецкіе представляютъ поразительное зрѣлище: вообразивъ себя сосудами высочайшей цивилизаціи, какимъ-то богоизбраннымъ народомъ, они вообразили, что интересы всѣхъ народовъ должны быть принесены въ жертву интересамъ одного богоизбраннаго народа, а чуть кто смѣетъ думать иначе,—того записываютъ или въ неизлѣчимо больные, или въ поврежденные старостію или безнравственностію, или въ навѣки осужденные на варварство. Особый ли это видъ маніи или свидѣтельство слабости гуманнаго образованія, при несомнѣнной учености,—не беремся рѣшать, но самъ фактъ самоослѣпленія и чудовищнаго эгоизма, который проявляютъ именно наиболѣе культурные слои Германіи, представляетъ нѣчто безпримѣрное.

[1]) К. Францъ, назв. сочин., стр. 433—444, 448—449.

соглашеніе, можетъ окончательно порадовать гг. Франца и Бету: послѣ событій 1866 года Германія не только не ослабѣла, а усилилась и организовалась въ державу, «ежеминутно готовую къ нападенію», и въ этомъ усиленномъ видѣ вступила въ желанный ими союзъ съ Австріей, а потому еще лучше приготовилась для роли «всемірнаго учрежденія», для служенія «міровымъ интересамъ цивилизаціи». Остается только приступить къ исполненію этой роли отодвиженіемъ Россіи за Днѣстръ и Двину.

Въ Австріи есть люди, которые уже преоткровенно выдаютъ тайну приготовленій къ этому шагу. На-дняхъ появилась въ Лайбахѣ довольно объемистая брошюра, очевидно, писанная военнымъ: «Австро-Венгрія въ войнѣ противъ Россіи» (Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland. Politisch-militär.-geographische Studie. Laibach. 1871). Собственно брошюра эта не заслуживаетъ разбора: состоитъ она изъ введенія о внутреннемъ положеніи Россіи, представляющаго короткое извлеченіе изъ большой книги Ю. Эккардта: Jung-Russisch und Alt-Livländisch (1870); за введеніемъ слѣдуетъ обзоръ рѣкъ, горныхъ возвышеній, желѣзныхъ дорогъ, климата, населенія частей Австріи и Россіи, которыя могутъ стать театромъ войны, т.-е. Галиціи, Трансильваніи, Румыніи, Польши, западныхъ губерній и новороссійскихъ съ Бессарабіей. Въ серединѣ вставлена глава о Карпатахъ, какъ оборонительной линіи. Собственно брошюрка имѣетъ видъ какъ бы географическаго пособія, которое можно дать унтеръ-офицеру и грамотному солдату передъ началомъ войны Австріи и Россіи. Какъ географически-статистическое пособіе она вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, но не имѣетъ особаго интереса для русскаго читателя, кромѣ развѣ путаницы въ главѣ о населеніи запада Россіи,—путаницы, которая, въ виду того, что на нѣмецкомъ языкѣ есть хорошія пособія по статистикѣ и этнографіи умышленна. Вся фразеологія о политикѣ русской въ Западномъ краѣ разлетѣлась бы, въ виду точныхъ статистико-этнографическихъ данныхъ объ этомъ краѣ, поэтому составители брошюры напутали въ главѣ о населеніи западной Россіи слѣдующихъ удивительныхъ вещей: по происхожденію обитатели названныхъ губерній распадаются на слѣдующія группы: 1) На *славянское племя:* а) *великоруссы.* Эти распространены по всему Русскому царству; здѣсь—преимущественно

въ Кіевской губерніи (?); b) *Малоруссы*, частію въ губерніяхъ Кіевской и Херсонской (!); c) *Бѣлоруссы* — въ губерніи Могилевской (и только !); d) *Поляки*. Эти образуютъ 76% населенія въ десяти польскихъ губерніяхъ. 2) На *литовцевъ* и *леттовъ*. Они живутъ въ губерніяхъ Могилевской (!), Виленской, Гродненской, Минской (!), Волынской (!!) и Кіевской (!!!)... Поляки и жители пограничныхъ губерній (а именно литовскихъ; а каковы они см. выше) исповѣдуютъ почти исключительно римско-католическое вѣроисповѣданіе». Не знаемъ, оказалась ли бы такая ложь о населеніи запада Россіи полезною для солдатъ австрійскихъ при дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій въ войнѣ съ Россіей, когда они встрѣтили бы въ Волынской и Кіевской губерніяхъ вмѣсто какихъ-то страдающихъ отъ московскаго гнета вмѣстѣ съ поляками литовцевъ, сплошное и враждебное полякамъ племя малороссовъ, но пока такая ложь можетъ произвести затуманивающее впечатлѣніе на мало искуснаго въ этнографической статистикѣ австро-нѣмецкаго читателя. Кромѣ этой курьезной этнографіи западной Россіи въ брошюрѣ объ Австро-Венгріи въ войнѣ съ Россіей въ политическомъ отношеніи любопытно только введеніе, въ которомъ авторъ взялся объяснить, откуда взялось *всеобщее убѣжденіе въ неизбѣжности* войны Австріи съ Россіей. Причиной этому мнѣнію и самой будущей войны авторъ, вслѣдъ за Ю. Эккардтомъ, полагаетъ внутреннее состояніе Россіи и Австріи. Авторъ начинаетъ еще съ времени до восточной войны, въ которомъ, между прочимъ, видитъ желаніе нашего правительства освободиться отъ руководства меттерниховой политики. Въ это время, подъ давленіемъ правительственной системы, образовалась партія славянофиловъ, демократически-православныхъ и соціалистическихъ. Глава послѣднихъ, Герценъ, образовалъ органъ печати, который оказывалъ вліяніе на русское общество послѣ парижскаго мира. Несмотря на реформы, предпринимаемыя правительствомъ, русская печать, предводимая Герценомъ, дошла до «крайняго отрицанія всѣхъ унаслѣдованныхъ формъ общества и авторитетовъ,— правительство стояло передъ дико вырвавшимся на волю потокомъ, безъ всякихъ средствъ укротить его». Тутъ случилось польское возстаніе, — и «замѣчательное доказательство незрѣлости и несамостоятельности русскаго общества»,— «частный человѣкъ, М. Катковъ, вызвалъ поворотъ въ обще-

ственномъ мнѣніи». Этотъ Катковъ, «который самъ никогда не былъ демократомъ, призвалъ на помощь патріотической редакціи противъ поляковъ демократизмъ и славянофильскій соціализмъ и освобожденіе массъ на западѣ Россіи; обрусеніе ихъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вышестоящихъ культурныхъ слоевъ, стало паролемъ русскихъ демократовъ, славянофиловъ и панславистовъ». «Правительство сумѣло воспользоваться поворотомъ общественнаго мнѣнія и употребило прежнихъ противниковъ своихъ, особенно дворянство, орудіемъ для подавленія возставшихъ провинцій. Люди, которые были извѣстны, какъ приверженцы стараго рода управленія и враги всякаго свободнаго движенія (какъ Муравьевъ), были призваны для подавленія возстанія Литвы и Польши. Насколько неспособны были въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1859—1861 гг. различить свободу отъ анархіи, настолько неспособны были и теперь отличить право государственнаго самосохраненія отъ грубѣйшаго варварства и потоптанія всякихъ человѣческихъ правъ. «Всего печальнѣе, что литовская система постепенно примѣняется и къ нѣмецкимъ провинціямъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, черезъ что всякое развитіе и образованіе этихъ провинцій должно быть подавлено».

Разумѣется, что принявшая такое направленіе Россія должна вступить въ столкновеніе съ Австро-Венгріей (о Германіи авторъ не говоритъ), потому что Австрія заботится объ удовлетвореніи всѣхъ своихъ народовъ, чтобъ они не искали добра за границами ея. Россія же поэтому «видитъ въ національномъ развитіи поляковъ галицкихъ опасность для своей силы на берегахъ Вислы и не пощадитъ, вѣроятно, никакихъ усилій, чтобы стиснуть въ свои желѣзные когти и этотъ еще пользующійся національнымъ существованіемъ обломокъ нѣкогда могущественнаго польскаго народа». Къ этому слѣдуетъ прибавить восточный вопросъ и панславизмъ. Доказательство стремленій Россіи къ поглощенію всѣхъ славянъ авторъ брошюры видитъ въ книгѣ ген. Фадѣева (переведенной на нѣмецкій языкъ съ предисловіемъ Ю. Эккардта). Если въ послѣднее время русская печать высказалась, что *славянская Австрія* не только не будетъ имѣть Россію своимъ врагомъ, но, напротивъ того, другомъ, то авторъ брошюры не вѣритъ этимъ заявленіямъ, да, какъ видно, недоволенъ и самымъ выраженіемъ «славянская Австрія»... Главный пунктъ столкновенія Россіи

съ Австріей и по мнѣнію автора брошюры: Oesterreich-Ungarn in einem Kriege gegen Russland, выходитъ опять Польша и поляки. По его предположеніямъ, военное столкновеніе произойдетъ скорѣе всего въ Польшѣ или изъ Польши, гдѣ Россія имѣетъ хорошее стратегическое положеніе, которое, однакожъ, «ослабляется враждебнымъ ей настроеніемъ народа въ Польшѣ и Литвѣ»...

Что же значатъ всѣ приведенныя нами выдержки изъ разныхъ нѣмецкихъ книгъ и книжекъ? Значатъ ли онѣ, что Германія и Австрія только и думаютъ, чтобы броситься на Россію и отнять у ней Польшу, а, если можно, то и бо̀льшій кусокъ земли,— мы этого утверждать не будемъ. Одно только кажется несомнѣнно, это, что въ Австріи и Германіи есть люди, цѣлыя партіи, которыя считаютъ необходимой войну съ Россіей и отторженіе отъ нея Польши, что къ этой войнѣ и въ Германіи и въ Австріи есть приготовленія. Трудно, кажется, не видѣть, что для Пруссіи было бы очень выгодно присоединеніе Царства Польскаго, которое дѣйствительно превосходно бы округлило ея границы и дало бы ей преобладающее положеніе въ отношеніи къ востоку Европы. Выполнить этотъ захватъ въ союзѣ съ Австріей было бы, конечно, легче Пруссіи, чѣмъ одной. Но во всякомъ случаѣ облегченіемъ для операцій противъ Россіи на берегахъ Вислы было бы враждебное русскимъ настроеніе польскаго населенія, которое Пруссія не затруднилась бы привлечь обѣщаніями національной свободы, съ которымъ, впрочемъ, она бы не очень церемонилась послѣ, ибо для германизаціи Польши она здѣсь имѣетъ еще болѣе благопріятное процентное число нѣмцевъ и евреевъ, чѣмъ въ Познани. Повторяемъ, что мы не станемъ приписывать правительствамъ Германіи и Австріи намѣреній приступить къ немедленному исполненію этихъ плановъ. Видовъ правительствъ мы не знаемъ, пускаться въ области догадокъ не желаемъ. Мы говоримъ только о томъ, что видно, т.-е. объ обществѣ и печати. Въ то же время мы не можемъ не видѣть, что и правительствамъ Германіи и Австро-Венгріи (особенно правительству партіи нѣмецко-мадьярской) было бы дѣйствительно выгодно выполнить программу, которую указываетъ имъ часть печати,— программу, вытекающую изъ чувствъ и идей, раздѣляемыхъ въ общей своей темѣ (стремленіе на Востокъ), можно сказать, всѣмъ нѣмецкимъ обществамъ. Конечно,

для зарождающейся въ высшихъ сферахъ Австріи федерально-славянской партіи программа нападенія въ союзѣ съ Пруссіей и Германіей на Россію не была бы пріятною, но эта партія, разъ, еще только нарождается, во-вторыхъ, польскіе члены ея были бы даже довольны этой программой, а въ-третьихъ, и остальные, даже славяне, могли бъ утѣшиться, что съ пріобрѣтеніемъ части Польши или Волыни и Подоліи и Бессарабіи, усилился бы ненѣмецкій и федеральный элементъ въ Австріи. А ужъ много ли бы получила Австрія областей, особенно у Вислы, при раздѣлѣ добычи съ Пруссіей (много она получила послѣ датской войны), выиграли ли бы поляки и вообще славянскій элементъ отъ введенія страны по Вислѣ и Днѣстру въ область германо-австрійскаго вліянія, это бы разъяснилось только впослѣдствіи.

Возвращаясь къ толкамъ нѣмецкихъ газетъ о гаштейнскихъ переговорахъ, мы находимъ, что они находятся въ естественномъ соотвѣтствіи съ тѣми разсужденіями и стремленіями, которыя имѣютъ цѣль отодвинутіе германской границы на востокъ. Что нѣмецкая печать видитъ торжество свое въ свиданіи двухъ канцлеровъ, совершенно понятно; что это свиданіе, если бъ оно имѣло послѣдствіемъ установленіе солидарности Австріи и Пруссіи въ дѣйствіяхъ на Востокѣ, понимая его въ обширномъ смыслѣ, отъ Польши и до Турціи, есть самый радостный для германизма фактъ, тоже совершенно естественно. На первый разъ не вяжется, какъ будто, съ желаніемъ расширенія на счетъ Россіи и съ помощью поляковъ, увѣреніе, что Россію только потому и не позвали въ Гаштейнъ, что она недовольна опытами гр. Гогенварта надъ предоставленіемъ полякамъ свободы и автономіи, но что германскій канцлеръ взялся сгладить въ этомъ отношеніи шероховатости между Россіей и Австріей. Но дѣло въ томъ, какъ мы уже говорили, опыты гр. Гогенварта относились не до однихъ поляковъ, а всѣхъ народовъ Цислейтаніи, недовольныхъ нѣмецкой гегемоніей и централизаціей; министерство гр. Гогенварта пользовалось ненавистью всей печати въ Германіи, такъ что, если бы можно было, не жертвуя ничѣмъ существенно въ пользу Россіи, низвергнуть его, представивъ его помѣхой соглашенію Австріи съ Россіей, если бы можно было погубить планы гр. Гогенварта и выставить передъ славянами, особенно передъ поляками, что врагъ ихъ авто-

номіи—Россія, то цѣли нѣмецкой партіи въ Австріи и печати въ Германіи были бы блистательнымъ образомъ достигнуты. Спустя извѣстное время, когда бы то найдено было нужнымъ, полякамъ (но не русинамъ) можно бы было дать уступки, на которыя готово было и министерство Гискры, но то были бы только уступки однимъ полякамъ, а потому и не имѣли бы той опасной нѣмцамъ прочности, какую имѣло бы признаніе правъ всѣхъ австрійскихъ народовъ на самоуправленіе и національное развитіе. То былъ бы дѣйствительно стратегическій и дипломатическій маневръ, а не коренная реформа Австріи, которая одна могла бы положить основу для дружественныхъ ея отношеній къ Россіи и вмѣстѣ преграду для нѣмецкихъ захватовъ въ восточной Европѣ отъ Чехіи до Польши и Бессарабіи. Помѣшать этой реформѣ, помѣшать здоровому областному развитію поляковъ въ Австріи и вмѣстѣ вооружить еще больше поляковъ противъ Россіи,—болѣе выгоднаго для завоевательной нѣмецкой партіи результата трудно себѣ и представить. Мы не станемъ, подобно другимъ русскимъ публицистамъ, видѣть въ дѣйствіяхъ дипломатовъ и толкахъ всѣхъ газетъ непремѣнно результатъ заранѣе условленныхъ и дирижируемыхъ одною волею интригъ. Мы не знаемъ, вѣрно ли истолкованы нѣмецкою печатью причины отсутствія русскаго уполномоченнаго въ Гаштейнѣ. Готовы допустить, что, особенно въ виду присутствія и гр. Гогенварта при второмъ свиданіи императоровъ Германіи и Австріи, гаштейнскіе переговоры на сей разъ кончатся пустяками. Повторяемъ опять-таки, что мы говоримъ не о моментальныхъ и невѣдомыхъ комбинаціяхъ дипломатическихъ, а о толкахъ и инстинктахъ общества, вытекающихъ изъ постоянныхъ реальныхъ интересовъ. Такимъ результатомъ реальныхъ интересовъ мы почитаемъ сближеніе Германіи съ нѣмецко-мадьярской партіей въ Австріи, которое не замедлило выявиться со времени войны 1870 года. Мы считаемъ совершенно естественнымъ, что нѣмецко-мадьярскіе интересы находятся въ противоположности съ русскими и славянскими, въ томъ числѣ съ реальными интересами польскими (мы не говоримъ о массахъ народа, которыхъ интересы вездѣ требуютъ мира, но которыя еще нигдѣ не имѣютъ рѣшительнаго вліянія на политику). Поэтому-то именно безъ всякаго предварительнаго уговора нѣмецкія газеты и политики и попадаютъ

такъ ловко въ тактъ всякой вредной для славянъ комбинаціи, потому-то они и изобрѣтаютъ самыя обидныя для Россіи и вредныя для нея и поляковъ отговорки, почему Россія не была приглашена приступить къ уговору, произведенному въ Гаштейнѣ. Все это дѣлается въ силу естественныхъ законовъ, правящихъ политикой подъ покровомъ произвольныхъ и случайныхъ комбинацій, устраиваемыхъ дипломатами, а такимъ естественнымъ стремленіемъ для нѣмцевъ мы почитаемъ стремленіе къ возможно скорому окончательному захвату Чехіи и Моравіи и Царства Польскаго и къ введенію въ сферу сильнаго вліянія своего дунайскихъ княжествъ и Бессарабіи.

Что же дѣлать въ виду этихъ стремленій Россіи? Мы съ любопытствомъ прислушивались къ голосу русскихъ газетъ по случаю гаштейнскихъ переговоровъ, ожидая въ нихъ найти то же чуткое пониманіе своихъ интересовъ, какое видимъ въ журналистикѣ и литературѣ нѣмецкой. Мы прочли въ «Голосѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выраженіе тревоги въ виду того, что въ Гаштейнѣ можетъ быть задумана какая-либо вредная для Россіи комбинація. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы встрѣтили, по обыкновенію, успокоительныя размышленія о невозможности какой бы то ни было враждебности къ намъ со стороны Германіи послѣ того, какъ Россія оказала ей такую услугу въ послѣдней войнѣ, ни со стороны Австріи, которая становится болѣе славянскимъ государствомъ, а потому теперь болѣе чѣмъ когда-либо странно ожидать ея столкновенія съ Россіей, которая всегда желала реформъ въ Австріи, которыя дали бы въ ней силу славянскому элементу. Все это было бы хорошо, если бы въ Германіи не считали 11 заповѣдью мнѣніе, что въ политикѣ не можетъ быть рѣчи о благодарности, и если бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ гаштейнскихъ переговорахъ со стороны Австріи не былъ гр. Бейстъ, котораго всего менѣе можно назвать другомъ «славянской» Австріи. Всего характернѣе въ нашихъ газетныхъ толкахъ о гаштейнскомъ свиданіи оказалось, по нашему мнѣнію, письмо «Австрійскаго славянина» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Этотъ послѣдній предполагаетъ самыя враждебныя Россіи намѣренія въ уговорахъ двухъ канцлеровъ въ Гаштейнѣ. Его даже не смущаетъ то обстоятельство, что въ окончательныхъ переговорахъ въ Зальцбургѣ долженъ былъ принять участіе и гр. Гогенвартъ, и то, что

поѣздкѣ императора австрійскаго въ Ишль предшествовалъ декретъ о распущеніи сеймовъ провинцій, гдѣ противославянская централистическая партія имѣла большинство, и что такимъ образомъ правительство австрійское или, по крайней мѣрѣ, часть его изъявила готовность вступить на путь, который долженъ скорѣе довести до соглашенія его съ Россіей, чѣмъ до вражды. Пишущій для «Московскихъ Вѣдомостей» славянинъ зналъ, для кого писалъ: онъ и въ самихъ планахъ гр. Гогенварта, которые такъ долго нѣмецкія газеты называли задуманными въ Петербургѣ (графомъ Хотекомъ) планами, и о которыхъ возлагали надежду на кн. Бисмарка, что онъ разрушитъ ихъ съ гр. Бейстомъ, приписываетъ тоже долю участія во враждебныхъ Россіи замыслахъ. По предположеніямъ «австрійскаго славянина» планы гр. Гогенварта имѣютъ цѣлью временно задобрить чеховъ и въ то же время поощрить поляковъ въ Галиціи и ослабить руссинскую тамъ оппозицію уступками и руссинамъ трехъ гимназій и назначеніемъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ русиновъ, преимущественно тѣхъ, которые держатъ себя подальше отъ «Москвы». Словомъ, корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», подражая методу, обыкновенно употреблявшемуся самой редакціей, предполагаетъ слишкомъ ужъ сложную интригу изъ слишкомъ разнообразныхъ элементовъ. И въ довершеніе корреспондентъ, который боится, что въ нѣмецкой интригѣ противъ Россіи принимаетъ участіе и партія, заявившая своею цѣлью примиреніе съ славянами, совѣтуетъ Россіи не только «вооружиться съ ногъ до головы», но и провозгласить «славянскую политику», начавъ ее, вѣроятно, съ протестовъ противъ «опытовъ гр. Гогенварта съ поляками», т.-е. со всѣми славянами въ Австріи. На этотъ разъ обыкновенно смѣлая въ комбинаціяхъ редакція московской газеты не пошла за своимъ корреспондентомъ и оставила на его отвѣтственности его подозрѣнія къ гр. Гогенварту. Правда, что редакція замѣтила, что въ Австріи затѣвается, очевидно, что-то неладное, но что именно и что̀ дѣлать въ виду затѣваемаго тамъ Россіи — редакція, обыкновенно довольно рѣшительная, на этотъ разъ не сказала. Чему же приписать такое замѣшательство редакціи?

Намъ кажется, что тотъ сортъ политиковъ русскихъ, который представляется въ публицистикѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и вторящимъ имъ «Голосомъ», дѣйствительно попалъ

въ замѣшательство по вопросамъ австрійскимъ и связаннымъ съ нимъ международнымъ, еще въ худшее, чѣмъ попала по нимъ печать нѣмецкая со временъ заявленія плановъ министерства Гогенварта. Камнемъ преткновенія для нашихъ политиковъ, какъ и для нѣмецкихъ, служатъ поляки, при чемъ, надо сознаться, что нѣмецкіе политики не только ловчѣе обходятъ этотъ камень, чѣмъ наши, но даже изобрѣтаютъ не лишенные ловкости пріемы, чтобы повернуть этотъ камень въ свою пользу. Нѣмецкая печать была предовольна «опытами гр. Бейста» образовать изъ поляковъ вѣчную угрозу Россіи на ея границахъ, его плану, «прижимая славянъ къ стѣнѣ», опереться на нѣмцевъ, мадьяровъ и поляковъ. Ихъ только смущало нѣсколько, что автономія поляковъ въ Галиціи невыгодно отразится на полякахъ въ Познани, но они утѣшали себя надеждою, что удайся, съ помощью поляковъ, «обработать» чеховъ, словинцевъ, и т. п., удайся съ помощью поляковъ диверсія противъ Россіи, они успѣютъ и поляковъ обработать въ свою очередь, а потому они нашлись: отдать полякамъ въ жертву русиновъ, поощрять ихъ фантазіи, но елико возможно не давать имъ реальной автономіи въ ихъ краѣ. Какъ ни затруднено теперь положеніе нѣмецкихъ политиковъ въ виду того, что поляки получаютъ автономію не исключительно, а вмѣстѣ съ другими славянами, но они все-таки не совсѣмъ унываютъ, по крайности относительно плана употребить поляковъ, какъ орудіе противъ Россіи, или хоть натравливаніемъ поляковъ въ эту сторону отвлекать ихъ отъ здороваго развитія. Нашихъ политиковъ положеніе стало хуже. Взявъ себѣ за образецъ прусскую систему дѣйствій въ Познани, рекомендуя ее постоянно нашему правительству въ отношеніи къ Польшѣ, наши политики въ то же время не могли же находить одобрительною ту же политику, напр., въ Чехіи и, такимъ образомъ, были въ одно время и централистами и врагами принципа народности, и федералистики, и народовцами. Пока поляки поудерживали нѣмецко-мадьярскую централистическую и дуалистическую партію въ Австріи, пока они рѣшительно не признавали правъ русиновъ, отданныхъ имъ гр. Бейстомъ и министерствомъ Гербста-Гискры, все шло гладко: можно было говорить, что поляки — выродки славянства, друзья его враговъ, притѣснители, не заслужившіе иной мѣры, кромѣ той, какою имъ мѣряютъ и т. п. Но можно

было считать въ уступкахъ имъ со стороны Австріи только враждебную мѣру противъ Россіи и плату за измѣну славянству. Но вотъ сила событій заставляетъ поляковъ обратиться къ славянско-федералистической партіи, побуждаетъ ихъ подумать объ уступкахъ русинамъ,—уступки эти еще въ области обѣщаній и очень не велики,—но уже поляки въ Галиціи отказались отъ безусловнаго отрицанія правъ русиновъ, выражаемаго терминомъ: «niema Rusi»! Мало того, въ польской печати начинаютъ раздаваться голоса въ пользу примиренія съ Россіей. Сила событій побуждаетъ и самыя высокія сферы въ Австріи подумать о дарованіи всѣмъ славянскимъ народамъ и областямъ,—въ томъ числѣ и полякамъ,—національной и областной автономіи. Что теперь говорить нашимъ политикамъ, особенно въ виду того, что теперь нѣмецкіе публицисты начинаютъ пользоваться именемъ Россіи для того, чтобы подорвать ненавистныя имъ мѣры къ установленію федерализма и національнаго равноправія въ Австріи?

Сказать, очевидно, нечего, остается пробормотать что-нибудь. Вотъ куда обыкновенно и заходятъ люди, которые не имѣютъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, основанныхъ на логически проводимыхъ моральныхъ началахъ, а держатся, вмѣсто политики, принциповъ «политики мѣропріятій». Горе такимъ политикамъ, если они не обладаютъ вполнѣ послѣдовательнымъ самоослѣпленіемъ, въ родѣ того, напр., которое присуще всѣмъ нѣмецкимъ политикамъ, разсуждающимъ о славянахъ въ Познани и Чехіи. Эти могутъ, сохраняя полнѣйшую вѣру въ свою правоту, кричать на весь міръ о своихъ правахъ на Эльзасъ, жаловаться на притѣсненія нѣмецкаго элемента въ Лифляндіи и въ то же время не видѣть въ стремленіяхъ чеховъ къ равноправію съ нѣмцами на своей землѣ ничего другого, какъ «славянскую продерзость» (Slavische Uebermuth), потому что нѣмецкіе публицисты и политики застрахованы отъ всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти въ такихъ случаяхъ ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ нѣмцевъ надъ всѣми народами, а потому и о правахъ ихъ на исключительное положеніе. Къ сожалѣнію или къ счастію, подобная вѣра въ себя не окрѣпла еще до такой степени въ умахъ и сердцахъ нашихъ публицистовъ и политиковъ, оттого имъ приходится играть теперь по отношенію къ австрійскимъ и связаннымъ съ ними международнымъ дѣломъ роль поистинѣ жалкую.

Бѣда была бы не велика, если бы, вслѣдъ за публицистами толка «Московскихъ Вѣдомостей» и «Голоса», не была вовлечена въ то же неблистательное положеніе и добрая доля послѣдовавшаго за ними общества нашего. Ахиллесова пята всѣхъ разсужденій нашихъ политиковъ объ австрійско-славянскихъ дѣлахъ, — поляки, Царство Польское. Это же, какъ мы видѣли, и пунктъ, куда мѣтитъ и часть нѣмецкой публицистики, поставившая своимъ девизомъ продолженіе наступленія нѣмцевъ на Востокъ, и начавшая теперь съ Чехо-Моравіи и Царства Польскаго. При враждебности поляковъ къ Россіи выполнить это движеніе будетъ легче не только въ Царствѣ Польскомъ, но и въ Чехіи, которая можетъ быть охранена отъ германизма только дружнымъ союзомъ славянства, хотя бы духовнымъ (если Австрія сохранится), а то и матеріальнымъ (если дойдетъ дѣло до распаденія Австріи). Итакъ, вопросъ о легкости или трудности исполненія замысловъ, по крайней мѣрѣ, одной партіи, если не всей интеллигенціи въ Германіи (что, кажется, будетъ вѣрнѣе), сводится на вопросъ объ отношеніяхъ между русскими и поляками. Если при враждебности между тѣми и другими всякое наступленіе нѣмцевъ на Востокъ, напр. хоть, согласно программѣ К. Франца и Р. Бёкка, въ видѣ принятія поляковъ подъ защиту нѣмцевъ на Востокъ, напр., хоть, согласно программѣ К. Франца къ устраненію этой враждебности. Объ этомъ мы сейчасъ и поговоримъ, а прежде остановимся на томъ, точно ли враждебность къ намъ поляковъ такъ опасна, и на томъ, какъ сложились наши отношенія къ Польшѣ, которыя, очевидно, мы должны перемѣнить, точно ли эти отношенія такого рода, что перемѣна ихъ была бы затруднительна.

III.

Убѣдившись, что въ нѣмецкомъ обществѣ существуетъ партія, желающая захвата Царства Польскаго и разсчитывающая на враждебность къ намъ поляковъ, мы должны обратиться къ вопросу о томъ, насколько эта враждебность можетъ быть намъ опасна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу армій пограничныхъ намъ державъ или хоть одной изъ нихъ, если бы противъ насъ стала даже одна

часть населенія въ Польшѣ, то дѣйствія нашей арміи были бы порядкомъ затруднены, даже если бы вся помощь враждебной намъ арміи состояла только изъ такъ называемой польской революціонной партіи. Но есть много основаній предполагать, что, въ случаѣ вступленія въ Польшу непріятельской арміи, не только записные революціонеры, но и добрая доля дворянства и горожанъ пошла бы противъ насъ, если бы надѣялась какого-либо улучшенія своего національнаго существованія. Извѣстно, что послѣднее польское возстаніе, 1861—1863 года, имѣло наибольшую поддержку въ мѣщанахъ. До сихъ поръ не выяснено отношеніе къ нему крестьянства: въ нашихъ газетахъ, напр., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», писалось разъ, что крестьяне «поддерживаютъ законный порядокъ», другой, что «населеніе равнодушно» къ борьбѣ нашихъ войскъ съ мятежниками. Въ настоящее время, послѣ мѣръ въ пользу крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, принятыхъ съ 1864 года, можно a priori сказать, что масса крестьянскаго населенія не равнодушна, а скорѣе сочувственна къ власти нашего правительства. Но сочувствіе, которое держится исключительно памятью объ одной матеріальной мѣрѣ, недолговѣчно. И тутъ, какъ и во внѣшней политикѣ, благодарность долго не живетъ. Необходимо, чтобы сочувствіе партіи или даже массы поддерживалось постоянно рядомъ дѣйствій, постоянно и органически развивающихся одно изъ другого. Но въ отношеніи къ Царству Польскому надо замѣтить, что послѣ мѣръ по крестьянскимъ надѣламъ 1864 года и отчасти по преобразованію городовъ, не предпринято до сихъ поръ ничего, въ родѣ земскихъ учрежденій или судебной реформы, что вело бы къ явному улучшенію матеріальнаго и юридическаго положенія массъ. Съ тѣхъ поръ главное количество мѣропріятій въ этомъ краѣ направлялось къ тому, чтобъ «административно слить его съ Россіей», — мѣропріятія, изъ коихъ многія могутъ быть и полезны въ административномъ отношеніи, но польза которыхъ мало понятна для массъ городского и сельскаго населенія, а конечная цѣль которыхъ — обращеніе такъ называемаго «Царства Польскаго» въ «Привислинскій край» — особенно пріятна польскому населенію, даже самому удаленному отъ революціонныхъ мечтаній, быть не можетъ. Послѣ мѣръ по устройству сельскихъ поземельныхъ отношеній, съ 1864 года принятыхъ въ Царствѣ Польскомъ, наиболѣе за-

трогиваютъ тамошнее населеніе мѣры по народному образованію. Но эти мѣры послѣ 1864 года потерпѣли сильное измѣненіе: указы 1864 года имѣли цѣлью предоставленіе каждому народному элементу въ краѣ возможности образованія на родномъ языкѣ (польскомъ, русскомъ въ уніатскихъ областяхъ и литовскомъ въ части Августовской губерніи), при чемъ принципъ народности доведенъ былъ даже до крайности устройствомъ на государственный счетъ системы нѣмецкаго образованія для нѣмецкихъ колонистовъ, которые не составляютъ народности въ Царствѣ Польскомъ, какъ не составляютъ ее колонисты въ Таврической или Самарской губерніи. Съ 1866—1867 годовъ эта система, возвѣщенная торжественнымъ государственнымъ актомъ, рескриптомъ и указами 1864 года, стала рядомъ чисто административныхъ мѣропріятій превращаться въ систему «обрусенія» Польши посредствомъ «образованія» на русскомъ языкѣ. Извѣстная часть нашей публицистики, привѣтствующая подобныя мѣры и включающая губерніи «Привислинскаго края» въ число «девятнадцати западно-русскихъ губерній», придумала даже, передѣлавъ ad hoc гипотезу польскаго историка Шайнохи о норманскомъ происхожденіи Польскаго государства (какъ и Русскаго), оригинальное ученіе о польской народности и цивилизаціи, по коему масса польскаго народа (мазуры, малополяне, великополяне и т. п.) не имѣютъ ничего общаго съ своими высшими классами (лехитами), что первая такъ близка къ русскому народу, что ей все равно, учиться ли по-польски или по-русски, и что даже обученіе ея по-русски будетъ завершеніемъ освобожденія славяно-польскаго населенія Привислинскаго края отъ ига лехитовъ. По этому оригинальному ученію, нашедшему себѣ прибѣжище преимущественно въ газетѣ «Голосъ», вся предшествовавшая польская исторія и вся польская литература есть исторія и литература не поляковъ, а лехитовъ, и потому народъ славяно-польскій не только можетъ, но и долженъ быть воспитанъ вдали отъ этой исторіи и литературы и совершенно на тѣхъ же началахъ, по тѣмъ же пріемамъ, какъ и народъ славяно-русскій. Врядъ ли нужно серьезно доказывать, что эта теорія есть только перелицованная на русскій ладъ теорія Духинскаго и К°,— то ученіе, по коему «нѣтъ Руси», а есть только Польша и Москва, при чемъ Польша обнимаетъ и Бѣлоруссію съ Малороссіей, народъ ко-

торыхъ есть такая же провинціальная разновидность поляковъ, какъ и кракусы, и мазуры, а «Москва», т.-е. великоруссы — финно-татарскій народъ, тираномъ налегшій на славянъ привислинскихъ и приднѣпровскихъ и т. п. Обѣ теоріи передъ лицомъ науки имѣютъ одинаковую цѣну, и нельзя поздравить того политическаго дѣятеля, который положилъ бы въ основу своей дѣятельности которую-нибудь изъ нихъ. Надо, впрочемъ, сказать, что если у насъ и есть приверженцы перелицованной теоріи Духинскаго въ примѣненіи къ «обрусенію», или «разлехичиванію» Польши, то не всѣ сторонники этого «обрусенія» опираются на теорію «Голоса», да и сами «сферы», представляемыя «Голосомъ», иногда высказываютъ и другія основанія въ пользу «обрусенія» Польши.

Совершенно другое подраздѣленіе обрусителей представляютъ «Московскія Вѣдомости», хотя и онѣ по временамъ не совсѣмъ нечужды вышеупомянутыхъ «лехитскихъ» теорій «Голоса», который, въ свою очередь, по временамъ забѣгаетъ въ сферу аргументовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Эти послѣднія, защищая исключительное употребленіе русскаго языка въ публичной жизни и образованіи «Привислинскаго края», опираются на государственную точку зрѣнія, понимаемую, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ. Собственно говоря, эта точка зрѣнія выражается въ вопросѣ, который часто слышишь отъ людей извѣстнаго направленія устно и въ печати: *почему мы не можемъ и не должны сдѣлать того, что дѣлала Франція въ Эльзасъ, и дѣлаетъ и до сихъ поръ Пруссія въ Познани?* Оба эти государства въ государственной жизни не знали нѣмецкой народности въ Эльзасѣ или польской въ Познани. Тутъ мы попадаемъ на трудный вопросъ о государственности и народности, который составляетъ одинъ изъ камней преткновенія новаго времени, и который въ нашей печати разрабатывается преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Эта послѣдняя газета не разъ провозглашала, что государство должно опираться на національность, что въ видахъ единства государственнаго та этнографическая народность, которая составляетъ большинство въ государствѣ, и которая приняла наибольшее участіе въ сложеніи этого государства, должна быть принята за государственную (политическую) національность; ея признакъ, — языкъ — долженъ одинъ считаться государственнымъ, языкомъ политической жизни. Такова народ-

ность французская въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, входящимъ въ составъ Французскаго государства (французамъ съ провансалами, бретонцамъ, нѣмцамъ, фламандцамъ и т. п.), нѣмецкая въ Германіи по отношенію къ датчанамъ, литовцамъ, полякамъ; а такова же и народность русская въ Россіи. Рядомъ съ этою народностью политическою могутъ существовать и даже развиваться другія народности меньшихъ племенъ, но онѣ имѣютъ право на проявленіе только въ частной жизни, а не въ государственной. Нельзя не видѣть, что послѣднія уступки какъ-то мало гармонируютъ съ первымъ общимъ положеніемъ, и что здѣсь, какъ и въ вопросѣ о религіи и государствѣ, только и могутъ быть признаны логическими двѣ системы: или равноправность національностей, или уничтоженіе меньшихъ національностей въ пользу бо̀льшей, какъ въ религіозной политикѣ или равноправность религій, или преслѣдованіе уклоненій отъ государственной религіи. Всякій же болѣе или менѣе средній терминъ и здѣсь будетъ страдать неопредѣленностью и непослѣдовательностью, какою, напримѣръ, отличается терпимость къ религіямъ, а не вѣротерпимость.

Въ самомъ дѣлѣ, обуявшіе въ послѣднее время Европу войны и споры внутри государствъ изъ-за національности, всѣ эти заботы о германизаціи, колонизаціи, обрусеніи и т. п. напоминаютъ во многомъ религіозныя войны XVI и XVII вв., а заботы о государственной народности во многомъ аналогичны съ заботами о государственной религіи. Въ тѣхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, которыми полна исторія XVI и XVII вв., кромѣ чисто религіозной стороны, обусловливаемой свойственнымъ извѣстной степени развитія человѣческаго инстинктомъ религіозной исключительности и фанатизма, была еще и политическая сторона. Какой-нибудь Филиппъ II испанскій, когда защищалъ свою политику преслѣдованія отклоненій отъ католичества, ссылался и на примѣръ государей протестантскихъ и утверждалъ, что имѣетъ цѣлью огражденіе единства государственнаго, которое,— говорилъ онъ,— несовмѣстно съ религіознымъ раздѣленіемъ. Отнюдь нельзя отрицать, что дѣйствительно религіозное единство облегчаетъ единство государственное, усиливая связь между членами государства. Но изъ этого, во-первыхъ, не слѣдуетъ, чтобы государство имѣло право силою устанавливать единство ре-

лигіозное, разъ когда оно нарушено или не существовало, потому что государство тогда нарушитъ священнѣйшія права личности и породитъ такія явленія и стремленія внутри себя, которыя уничтожатъ самую цѣль государственной жизни: блага матеріальное и нравственное по возможности каждаго члена его. Во-вторыхъ, погнавшись, съ цѣлью установленія единства государственнаго, за установленіемъ единства религіознаго, политическая власть именно ослабитъ единство государственное, потому что гонимыя партіи будутъ стремиться образовать государство въ государствѣ, стараться войти въ союзъ съ родственными имъ элементами въ другихъ государствахъ и т. п. Такъ, во время религіозныхъ войнъ въ XVI и XVII вв. французскіе гугеноты призывали на Францію войска Англіи, а католики — Испаніи, пока, наконецъ, истинные патріоты французскіе не дошли до пониманія, что только свобода совѣсти, т.-е. отдѣленіе понятія о государствѣ отъ понятія о религіи и можетъ установить единство государства. Хотя у насъ и не было религіозныхъ войнъ (исключая западной Россіи, находившейся подъ властію католической Польши, исторія которой вполнѣ подтверждаетъ мысль о томъ, что политика, заботящаяся о насильственномъ религіозномъ объединеніи для единства государства, ведетъ къ противоположному результату), однакожъ и у насъ долговременное господство ученія, что православіе и русская народность и затѣмъ государство — синонимы, довело до того, что у насъ католикъ, протестантъ, еврей считаютъ себя не русскими, чѣмъ наше національное и государственное единство и ослабляется. Борьба религій между собою, борьба государствъ съ разновѣріями повела Европу къ множеству кровопролитій, къ погибели и распаденію многихъ государствъ, къ истребленію нѣсколькихъ и религіозныхъ обществъ, но въ концѣ-концовъ Европа пришла къ убѣжденію въ необходимости, именно для спасенія единства государственнаго, раздѣленія области церкви и государства, и хотя почти во всей Западной Европѣ остались учрежденія «государственной церкви», но учрежденія эти сдѣлались чисто номинальными, на дѣлѣ же, даже и теперь, въ западной Европѣ всѣ церкви могутъ быть названы ровно государственными, и все идетъ къ тому, чтобы ни одна изъ нихъ не была таковою, какъ это почти и осуществлено въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Весьма поучительно, что

во время кровопролитій изъ-за стремленій государственныхъ людей установить и охранить единство государствъ посредствомъ единства религіознаго гораздо больше государствъ погибло и распалось, чѣмъ религіозныхъ обществъ и ученій.

Подобное же мы видимъ и въ исторіи попытокъ къ насильственному установленію національнаго единства, ставшихъ особенно частыми въ послѣднее столѣтіе. Вообще до сихъ поръ только огнемъ и мечомъ да долговременной колонизаціей и могли быть истреблены національности, что особенно имѣло мѣсто въ исторіи стремленія на Востокъ нѣмцевъ и русскихъ. Но объ огнѣ и мечѣ теперь и говорить нечего; колонизація теперь по большей части (исключая опять-таки колонизаціи нѣмцевъ среди сѣверозападныхъ славянъ и русскихъ, среди финновъ, т.-е. исключая случаевъ многочисленной и издавна подвигающейся колонизаціи) приводитъ къ обратному результату, т.-е. къ тому, что колонисты усвоиваютъ народность, среди коей поселились. Стремленія обезнародить извѣстныя племена, съ цѣлью упроченія государственнаго единства, вызываютъ по большей части національную энергію въ племени, надъ которымъ хотятъ произвести нравственную операцію, и приводитъ иногда къ распаденію государствъ или отпаденію отъ нихъ частей: такъ, мѣры Іосифа II къ германизаціи австрійскихъ народовъ послужили къ пробужденію ихъ народнаго самосознанія; такъ отпала отъ Австріи Венгрія (тогда какъ Тессинскій кантонъ остался за Швейцаріей); такъ распалась Голландія возстаніемъ не только валлоновъ, но и фламандцевъ. Новая исторія представляетъ только одинъ примѣръ относительно успѣха мѣръ національнаго централизма, а именно извѣстное офранцуженіе Эльзаса и Лотарингіи и фламандскихъ частей Франціи, ставшее особенно сильнымъ со времени французской революціи и не сопровождавшееся ни многочисленной колонизаціей, ни кровопролитными насиліями. Но тутъ характерно то обстоятельство, что какъ признаютъ сами нѣмецкіе патріоты, наиболѣе хлопотали объ офранцуженіи Эльзаса и Лотарингіи мѣстные уроженцы, нѣмцы же (подобное же было и въ фламандской Бельгіи послѣ присоединенія ея къ французской республикѣ), что объясняется тѣмъ, что, говоря современнымъ той эпохѣ выраженіемъ, «языкъ, на которомъ написано было провозгла-

шеніе правъ человѣка, сталъ языкомъ свободы» [1]). Другое характерное обстоятельство въ распространеніи французскаго языка въ эпоху революціи шло въ связи съ крайне централистическими идеями, которыя, наконецъ, погубили революцію и ослабили Францію. Грегуаръ въ своемъ докладѣ «о необходимости и средствахъ уничтожить разнорѣчія (patois) и ввести въ общее употребленіе французскій языкъ и въ составленномъ имъ декретѣ, который обнародовалъ Конвентъ въ 1794 году, обратился къ народу французскому съ слѣдующими словами: «Граждане, вы имѣете счастіе быть французами!.. Вы проклинаете федерализмъ политическій; откажитесь же отъ федерализма въ языкѣ: языкъ долженъ быть одинъ, какъ и республика; съ сѣвера на югъ, на всемъ пространствѣ земли французской надо, чтобъ рѣчь была такъ же объединена, какъ и сердца. Разные діалекты вышли изъ нечистаго источника феодализма; это соображеніе должно сдѣлать ихъ вамъ ненавистными... Свободные люди, бросьте языкъ рабовъ и усвойте языкъ вашихъ представителей, языкъ сво-

---

[1]) См. *Rich. Boeckh*, Die Statistische Bedeutung der Volkssprache, als Kennzeichen der Nationalität (Zeitschr. für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1866 г. III Heft. 365, 382 и слѣд.),—*Hautteville*. La Nationalite Belge ou Flamands et Wallons. 1870. 26 и слѣд. — Бёккъ говоритъ, что средства, которыми французское правительство пользуется для офранцуженія Эльзаса не похожи на тѣ, которыя употребляло датское противъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ. Датское правительство хотѣло „оданить“ смѣшанные округа посредствомъ посланныхъ датчанъ, а въ нѣмецкихъ округахъ Франціи, хотя на высшія должности и назначаются по возможности французы національнаго направленія (National-Franzosen), но какъ орудіе для исполненія своихъ плановъ служатъ имъ сами нѣмцы. Они доставляютъ составъ народныхъ учителей, которые теперь всѣ способны давать образованіе на французскомъ языкѣ; даже въ высшемъ (педагогическомъ) персоналѣ двѣ пятыхъ именъ нѣмецкаго происхожденія, и вообще утверждаютъ, что именно члены (страсбургской) академіи съ нѣмецкими именами принадлежатъ къ самымъ ревностнымъ распространителямъ французскаго языка.—Если мы обратимъ вниманіе на то, что не только не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь значительной колонизаціи изъ Франціи въ Эльзасъ, но что, наоборотъ, эта провинція шлетъ давно уже избытокъ населенія во Францію, Алжиръ и Америку, что въ послѣднее время до 100.000 нѣмцевъ изъ Германіи, привлекаемые, какъ говоритъ Бёккъ, французской свободой промысловъ (Gewerbefreiheit) жило въ Эльзасѣ, что французскій языкъ сильно распространился въ Люксембургѣ (Бёккъ, 388),—то выведемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло болѣе съ самоофранцуженіемъ, чѣмъ съ распространеніемъ французскаго элемента мѣрами государственнаго централизма и даже колонизаціи, какъ на востокѣ Пруссіи.

боды!» Но, несмотря на всѣ старанія центральнаго правительства, несмотря на помощь представителей мѣстной интеллигенціи, не только не удалось уничтожить нѣмецкій и фламандскій языкъ въ населеніи не-французскихъ департаментовъ Франціи, но въ послѣднее время произошло явно обратное движеніе въ интеллигенціи этихъ департаментовъ, а именно, забота о сохраненіи и развитіи народныхъ языковъ. Стремленіе это выразилось въ основаніи газетъ и библіотекъ фламандскихъ и нѣмецкихъ, и, замѣчательно, что просвѣщенные люди во Франціи, преимущественно изъ французовъ же, не только не сопротивлялись этому движенію, но, какъ, напр., основатель «лиги образованія», Жанъ Масе, помогали ему. Самъ Наполеонъ III, посѣтивъ въ 1867 году Эльзасъ, выразилъ свое сочувствіе «прекрасному нѣмецкому языку» и пожелалъ «выдвиженія его впередъ, какъ языка преподаванія въ прирейнскихъ департаментахъ» [1]). Только благодаря такому прежнему значенію французскаго языка и такой терпимости общества и правительства къ попыткамъ сохраненія и развитія языка народнаго, и объясняется то обстоятельство, что въ Эльзасѣ не было никакого нѣмецкаго сепаратизма, хотя, безъ сомнѣнія, что въ недальнемъ времени языкъ нѣмецкій въ тѣхъ краяхъ получилъ бы и въ силу чисто общественнаго движенія большее и политическое значеніе. Тамъ же, гдѣ французскій языкъ, вводимый административными мѣрами, попадалъ въ край, не столько выигравшій, сколько проигравшій въ политическомъ отношеніи отъ союза съ Франціей, тамъ административное принужденіе, хотя и поддержанное сначала частью мѣстной интеллигенціи, вызвало реакцію въ пользу языка народнаго, напр., въ Голландіи и Бельгіи. Въ послѣдней, по отдѣленіи ея отъ Голландіи, языкъ французскій воспреобладалъ, вопреки конституціи, надъ фламандскимъ; но въ послѣднее время въ Бельгіи произошло сильное движеніе къ уравненію правъ фламандскаго языка съ французскимъ во всѣхъ проявленіяхъ учебной и общественной жизни. Фламандское возрожденіе отразилось въ сѣверныхъ департа-

---

[1]) Объ успѣхахъ германскаго возрожденія подъ французскимъ правленіемъ въ прирейнскихъ департаментахъ, см. Allgemeine Chronik des Volksschulwesens, herausg. v. Wolfram. Altona. 1866, 1868. — Allg. Kirchliche Chronik, hrg. Schulze, 1868.

ментахъ Франціи. Мало того, въ послѣднее время, въ связи съ стремленіемъ провинцій и общинъ французскихъ къ самоуправленію, по всей Франціи началось обращеніе къ мѣстнымъ не только языкамъ (бретонскій, фламандскій), но и нарѣчіямъ (провансальское и др.), и теперь можно фразу Грегуара обернуть такъ: вы ненавидите централизацію, вы стремитесь къ федерализму и потому вспомните о народныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ Италіи, гдѣ тосканское нарѣчіе послужило связующей силой раньше (XV в.), чѣмъ сѣверофранцузское нарѣчіе получило рѣшительное преобладаніе во Франціи (XVII в.), и чѣмъ верхне-нѣмецкій языкъ сталъ классическимъ (собственно съ XVIII в.), но гдѣ теперь началось обратное движеніе въ пользу другихъ народныхъ нарѣчій, которыя начинаютъ дѣятельно изучаться, на коихъ (пьемонтское, миланское, венеціанское, сицилійское) дѣлаются попытки литературной дѣятельности. И дѣйствительно, въ вопросѣ объ элементарномъ народномъ образованіи, о словесномъ судѣ, объ областномъ и общинномъ самоуправленіи необходимо замѣшанъ и вопросъ не только о народныхъ языкахъ, но отчасти и нарѣчіяхъ. Другими словами, чѣмъ болѣе государство становится свободнымъ и потому прочнымъ союзомъ людей для достиженія развитія душевнаго и матеріальнаго, тѣмъ болѣе подходитъ оно къ равноправности языковъ и народностей, въ него входящихъ, въ общественной жизни. Образцомъ такого государства служитъ пока Швейцарія, гдѣ есть три народности,—всѣ три пользуются равными правами. *Тамъ есть и національность государственная, только она не состоитъ въ преобладаніи одной этнографической народности, а въ общемъ всѣмъ тремъ сознаніи, что принадлежность къ единому союзу государственному выгодна и въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ каждому изъ составляющихъ его членовъ.* Гдѣ нѣтъ подобнаго сознанія, а оно не можетъ быть тамъ, гдѣ принимаются административныя мѣры къ доставленію преобладанія какому-то признаку одной этнографической народности, т.-е. гдѣ понятіе о государствѣ смѣшивается съ понятіемъ о народности, тамъ нѣтъ и условія для образованія политической національности, тамъ именно государственное единство ослабляется самими мѣрами, которыя имѣютъ цѣлью усилить и создать его единство.

Обращаясь теперь въ частности къ Царству Польскому, мы и не можемъ не видѣть, что, исключая русскихъ его краевъ около Холма и Сѣдлеца, «обрусеніе» въ немъ имѣетъ весьма малые шансы. Если бы кто и говорилъ, что это «обрусеніе» и не имѣется въ виду, а имѣется въ виду только сближеніе Привислинскаго края съ Русскимъ государствомъ, то, конечно, слова эти можно заподозрить или въ неискренности или въ необдуманности: если такія мѣры, какъ введеніе русскаго языка во всѣ проявленія публичной и учебной жизни въ краѣ Польскомъ не имѣютъ цѣли слитіе поляковъ съ русскими въ одну этнографическую народность, тогда они не имѣютъ вовсе цѣли, потому что изъ простой формы хлопотать очень не стоитъ. Во всякомъ случаѣ важнѣе всего то, что всѣ подобныя мѣры принимаются польской интеллигенціей, какъ мѣры къ обрусенію Польши, и потому, конечно, только усиливаютъ нерасположеніе ея къ намъ. Можно утѣшать себя сколько угодно теоріями о лехитско-варяжскомъ происхожденіи польскихъ высшихъ классовъ, польской литературы и цивилизаціи, но дѣло въ томъ, что эта литература и цивилизація была и есть, что другого культурнаго слоя, кромѣ того, который былъ и есть въ Польшѣ, тамъ, очень просто, не было и нѣтъ. Этотъ же культурный слой, укралъ ли онъ у славянъ языкъ или нѣтъ, а языкомъ связанъ съ тѣмъ польскимъ народомъ, который и мы удостоиваемъ считать славянскимъ. Связь же эта не можетъ ограничиваться однимъ языкомъ. Нѣтъ спора, въ прежней исторіи польской цивилизаціи было много темныхъ сторонъ, которыя отразились и на нынѣшнихъ культурныхъ слояхъ Польши; нельзя не видѣть, что неблагопріятныя обстоятельства (главнымъ образомъ, эмиграція) наложили болѣзненный тонъ на польскую литературу и мысль XIX вѣка; вѣрно и то, что исключительно политическое направленіе умовъ польской интеллигенціи довело, наконецъ, польскую литературу и науку въ послѣднее время до весьма жалкаго состоянія, именно въ то время, когда русская стала шибко развиваться (что недавно признала и польская газета «Kraj»), хотя реакціонно-политическое направленіе «обрусительнаго» періода отразилось неблагопріятно и на русскомъ развитіи. Но дѣло въ томъ, что, при всей болѣзненности прежней польской цивилизаціи и новой литературы со временъ Мицкевича, въ этой цивилизаціи все же есть человѣческія стороны и,

главное, есть стороны, находящія откликъ во всемъ польскомъ народѣ; въ новой литературѣ польской дѣйствовали люди съ большими талантами и одушевленіемъ, отчего она не можетъ утратить обаянія на народъ польскій. Къ тому же всякія стѣсненія только увеличиваютъ привязанность ко всему родному, безъ различія темнаго отъ свѣтлаго, и нѣтъ сомнѣнія, что печальное политическое состояніе Польши въ послѣднее столѣтіе способствовало усиленію въ польскомъ обществѣ темныхъ сторонъ прежней цивилизаціи до ультрамонтанства и аристократизма включительно, а во всякомъ случаѣ препятствовало развитію въ этомъ обществѣ духа критики. Для послѣдняго надо спокойствіе, а можетъ ли оно развиться при постоянномъ страхѣ за свою народность? Поэтому всякаго рода мѣры, не оправдываемыя самою настоятельною и очевидною государственною потребностью, а изобрѣтаемыя въ кабинетахъ теоретическими послѣдователями своеобразно понятой идеи о единствѣ государства,—мѣры, имѣющія цѣлью сообщеніе Польскому краю русской оболочки, не только дальше поверхности не идутъ, но возбуждаютъ въ образованномъ обществѣ польскомъ чувства, діаметрально противоположныя государственному единству. Затѣя воспитать польское общество внѣ всякаго вліянія историческихъ традицій, польской литературы, будетъ всегда химерической затѣей, которая вдобавокъ затрудняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что польская народность въ Австріи уже ничѣмъ не можетъ быть остановлена въ своемъ развитіи, научномъ, литературномъ и политическомъ, потому что федеральная Австрія не имѣетъ никакихъ силъ противъ поляковъ въ Галиціи. Въ виду этого скажите же, выгодно ли для единства Россійской имперіи, если поляки привислинскіе будутъ тянуть нравственно къ Кракову?

Если же бы Галиція вошла въ сферу нѣмецкаго вліянія, что случится, если Австріи не удастся устроиться на федеративныхъ началахъ, тогда, конечно, польская народность можетъ получить поддержку только въ силу интриги дипломатической, съ цѣлью оторванія Царства Польскаго отъ Россіи и потомъ, конечно, германизаціи его. Но, скажутъ, — и есть такіе, которые это говорили и говорятъ, — вы толкуете только о высшихъ классахъ польскихъ, а какое намъ дѣло до этого шляхто-папистскаго элемента? Наша сила въ польскомъ народѣ, а этотъ не враждебенъ намъ вовсе и можетъ слиться

совершенно съ русскимъ. Въ отвѣтъ на это надо сказать, что слой населенія въ Польшѣ, который сознаетъ себя польскимъ и потому уже станетъ обижаться всякими мѣрами къ обрусенію его, не ограничивается шляхтой, а обнимаетъ почти все городское населеніе. Что же до народа, то такъ какъ замѣна въ его быту языка польскаго русскимъ потребовала бы чрезвычайныхъ усилій и со стороны его самого, то совершенно естественно, что по мѣрѣ образованія, хотя бы и даннаго въ полурусскихъ школахъ, онъ только станетъ постепенно увеличивать токъ культурный въ населеніи, которое чувствуетъ себя въ національномъ смыслѣ польскимъ, а потому, если съ нашей стороны будутъ продолжаться попытки къ обрусенію поляковъ, то образованіе народа въ Польшѣ, хотя бы и съ нашей помощью, будетъ только увеличивать число элемента, раздражаемаго нашими мѣропріятіями. Такія фразы, какъ «создать новую породу людей», «создать новый культурный слой», легко говорить, на дѣлѣ же новая порода органически связывается со старою. Грамотный польскій простолюдинъ станетъ читать все-таки польскія, а не русскія книжки, да мы и не можемъ же сочинить особую русскую литературу для поляковъ; а польская литература, польскія книжки писались, пишутся и будутъ писаться тѣмъ существующимъ уже польскимъ культурнымъ слоемъ, который всего менѣе можетъ сочувствовать уничтоженію польской національности. Поэтому намъ надо, чтобы въ этомъ слоѣ явилась завязь партіи, которая видѣла бы пользу въ союзѣ съ Россіей; къ этой только партіи и можетъ пристават подниманющійся изъ надѣленнаго нами землей культурный слой польскаго крестьянства и постепенно создавать «новую породу польскихъ людей» дружественныхъ Россіи. Но подобной завязи (если не считать ничтожнаго числа голосовъ въ польской публицистикѣ, да и то за границей: одинъ студентъ въ Берлинѣ, державшій рѣчь въ прошломъ году, одинъ публицистъ въ Галиціи и авторъ одной брошюры въ Парижѣ, писанной передъ войною: La France, la Prusse et la Russie) въ нашемъ «Привислинскомъ краѣ» что-то не замѣчается. А между тѣмъ она могла бы уже образоваться даже съ 1864 года, если бы мы остались вѣрны принятой тогда системѣ не обрусенія Польши, а возрожденія ея посредствомъ устройства массъ народа и образованія на національныхъ языкахъ.

Достойно вниманія, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ борьба народностей, среди народности центробѣжной успѣли образоваться партіи, которыя тянутъ къ народности центростремительной: такъ, у хорватовъ, сербовъ, словиновъ, угорскихъ русскихъ есть мадьяроны, такъ поражаемые нашими публицистами; даже въ Галиціи, гдѣ централистическую силу представляютъ поляки, далеко не обладающіе политическимъ тактомъ, все же есть хоть небольшой кружокъ русскихъ, не уклоняющійся отъ соглашенія съ ними; мало того, даже національныя партіи славянской и румынской оппозицій въ Венгріи вовсе не ставятъ цѣлью отдѣленіе отъ мадьяръ, во что бы то ни стало (любопытно, что и партія мадьяроновъ образовалась въ Венгріи не во время политическаго преобладанія мадьяръ, а въ то время, когда австрійское централистическое правительство подавляло мадьяровъ), а желаютъ только болѣе удобной для своихъ народностей организаціи союза съ мадьярскимъ государствомъ и народомъ. Только у насъ въ Польшѣ нѣтъ ничего похожаго на «русскую партію». До тѣхъ же поръ, пока такая партія не образуется, мы всегда будемъ держаться въ Польшѣ только бюрократіей и войскомъ. Все говоритъ въ пользу того, что система обрусенія Польши только препятствуетъ образованію такой партіи и будетъ способствовать только тому, что, по мѣрѣ усиленія теперешняго оппозиціоннаго слоя приливомъ богатѣющихъ и образующихся людей изъ сельскаго класса, будетъ расти сила этого оппозиціоннаго слоя. Отъ людей, которые имѣли случай видѣть ходъ дѣлъ въ Польшѣ не изъ прекрасной дали кабинетовъ, часто приходится слышать слова въ родѣ слѣдующихъ: «Ну, вотъ мы надѣлили крестьянъ въ Польшѣ землею, подняли ихъ благосостояніе и тѣмъ пока усмирили мятежъ», но результатомъ того, что мы «создали польскій народъ», выйдетъ то, что черезъ 10—15 лѣтъ можетъ быть новое возстаніе, только въ немъ приметъ участіе уже и весь «призванный нами къ жизни польскій народъ». Если это случится, черезъ 10, 15, 20 или болѣе лѣтъ, въ этомъ не будетъ ничего противоестественнаго, несогласнаго съ законами исторіи, а потому политикъ не можетъ не сообразовать своихъ мѣропріятій съ такимъ естественнымъ явленіемъ. Теперь представляется вопросъ: выгодно ли будетъ Русскому государству усмирять войскомъ не только шляхту и мѣщанство, но и сельское населеніе?

А пока дойдетъ дѣло до такого положенія вещей, что, конечно, случится не сегодня и не завтра, является вопросъ: если раньше того какое-либо пограничное государство введетъ свои войска въ Царство Польское и изъявитъ желаніе, говоря языкомъ нѣмецкихъ ученыхъ и публицистовъ, «принять подъ свое покровительство польскую народность, которой угрожаетъ обрусеніе», не будутъ ли оборонительныя дѣйствія нашихъ военныхъ силъ парализованы самымъ рѣшительнымъ образомъ? Намъ кажется, что если бы въ Польшу ввела свои войска Германія, и если бы передъ тѣмъ въ польскомъ обществѣ не распространилось убѣжденіе, что Россія не имѣетъ цѣли обезнародить поляковъ, то удержать послѣднихъ отъ помощи нѣмцамъ могло бы только убѣжденіе, что Германія со временемъ дѣйствительно обезнародила бы поляковъ, тогда какъ Россія никогда не успѣетъ въ этомъ. Все дѣло, значитъ, сводится на то только, насколько дальновидны будутъ поляки, насколько холодный расчетъ и вѣра въ будущее станутъ у нихъ выше настоящаго горячаго нерасположенія къ Русскому государству. Если бы въ союзѣ съ Германіей къ берегамъ Вислы явилась и Австрія, и поляки могли надѣяться, что въ случаѣ пораженія Россіи берега Вислы достанутся Австріи, тогда и сомнѣнія быть не можетъ, что послѣдняя задержка поляковъ стать противъ насъ пала бы: отъ нея осталось бы только сомнѣніе, основанное на предыдущихъ примѣрахъ изъ исторіи прусской политики, въ томъ, чтобы Пруссія безкорыстно затѣяла «освобожденіе Польши», и чтобъ она согласилась на присоединеніе всего Царства Польскаго къ Австріи. Безъ всякаго сомнѣнія совмѣстное завоеваніе царства Польскаго Австріей и Пруссіей, при помощи польскаго возстанія, повело бы по меньшей мѣрѣ къ новому «раздѣлу Польши», послѣ котораго вопросъ объ окончательной германизаціи, съ присоединеніемъ къ Германіи частей, доставшихся Австріи по раздѣлу, было бы только вопросомъ времени.

Повторяемъ, всѣхъ страховъ, о которыхъ мы говоримъ, можетъ-быть, и не будетъ. На отклоненіе ихъ возможности имѣетъ сильное вліяніе распространяющееся во Франціи убѣжденіе въ необходимости сближенія съ Россіей и славянствомъ. Но страхи, о возможности которыхъ мы говоримъ, существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Мы основываемся на толкахъ нѣмецкихъ публицистовъ и ученыхъ, равно какъ на

естественныхъ географическихъ данныхъ и историческомъ стремленіи народа германскаго на Востокъ. Уже одной возможности достаточно для того, чтобы публицистика страны, на рѣшеніе судьбы которой спекулируетъ хотя бы и часть только публицистики сосѣдняго народа, обратила вниманіе на возможную бѣду и указала средства или хоть подняла вопросъ о средствахъ къ предотвращенію этой опасности. Съ своей стороны мы считаемъ нравственной обязанностью передъ родиной указать на замыслы, сильно питаемые въ нѣмецкой литературѣ на Царство Польское, и высказать, что облегченіемъ къ исполненію этихъ замысловъ можетъ служить распространеніе между поляками убѣжденія, что Россія, правительство и общество стремятся къ обрусенію Польши и къ уничтоженію польской народности. Это же убѣжденіе выведено поляками изъ образа мыслей, высказываемаго нѣкоторыми весьма вліятельными органами нашей печати о мѣрахъ къ обезпеченію единства Русскаго государства и изъ нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время сообразно этому образу мыслей.

Въ виду важности послѣдствій мѣръ, имѣющихъ цѣлью обрусеніе Польши, и для произнесенія критической оцѣнки этихъ мѣръ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, чѣмъ вызваны эти мѣры и тотъ порядокъ идей, на которомъ онѣ основаны, какъ взошли эти идеи въ наше общество, и не была ли поставлена другая система отношеній къ Царству Польскому и къ польской народности, которая представляла болѣе гарантіи для достиженія успѣшнаго результата въ огражденіи единства государства отъ польскаго сепаратизма?

IV.

Польскій вопросъ въ послѣднее время породилъ у насъ большую литературу, но надо сказать, что литература эта состоитъ почти вся изъ передовыхъ статей въ газетахъ, корреспонденцій лицъ, недавно заѣхавшихъ въ Западный край и въ Польшу, довольно сомнительнаго таланта романистовъ, въ родѣ г. Крестовскаго, со вчерашняго дня познакомившихся съ польскимъ вопросомъ, историческихъ трудовъ импровизованныхъ историковъ въ родѣ покойнаго Ратча, кое-какихъ отрывочныхъ

выдержекъ изъ слѣдственныхъ бумагъ, въ родѣ статей, помѣщаемыхъ иногда въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Серьезныхъ историческихъ трудовъ, ни большого количества актовъ, ни записокъ дѣятелей, издавна слѣдившихъ за польскимъ вопросомъ, до сихъ поръ у насъ не появилось. Довольно характерно, что и сами публицисты, которые сдѣлали свою славу преслѣдованіемъ польской интриги, открыли ее уже во время самаго мятежа, прежде же занимались «открытіемъ Англіи» (и едва ли не съ бо̀льшимъ успѣхомъ); что вообще бо̀льшая часть трактующихъ о польскомъ вопросѣ принадлежитъ къ числу импровизаторовъ и новыхъ дѣятелей, весьма рѣдко мѣстныхъ жителей краевъ, бывшихъ ареною дѣйствій «польской интриги»; что въ послѣднее время многіе, которые принялись за обсужденіе польскаго вопроса и даже за борьбу съ «польской интригой» ранѣе взрыва 1862—1863 и особенно ранѣе изобрѣтенія теоріи обрусенія польскаго и, что еще страннѣе, русскаго края, вовсе сошли со сцены и замолкли. Нисколько немудрено поэтому, что польскій вопросъ вовсе у насъ не былъ изслѣдованъ серьезно и безпристрастно, что большинство литературныхъ сужденій о немъ, принадлежа или новичкамъ-публицистамъ, корреспондентамъ и романистамъ, или импровизованнымъ дѣятелямъ, которые вмѣстѣ стали и собственными бардами и исторіографами, всего меньше можетъ пролить истинный свѣтъ на вопросъ. Господствующія о польскомъ вопросѣ въ послѣднее время мнѣнія могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: «польской интригой» поставленъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи, у которой она хочетъ отнять всю западную, европейскую половину; обладая громадною ловкостью, эта интрига съ самаго раздѣла Польши (виленскіе исторіографы идутъ даже до временъ Ягелло) умѣла парализовать всѣ лучшія начинанія нашего правительства, морочить общество, входя въ сношенія и даже порождая самые противообщественные у насъ элементы (панургово стадо), не говоря уже о нашихъ внѣшнихъ врагахъ, и постепенно «ополячивать» Западный край. Передъ возстаніемъ 1862—1863 гг. польской интригѣ удалось отравить всѣ проявленія нашей общественной жизни, пріобрѣсти вліяніе въ «высшихъ сферахъ», завладѣть всею либеральной журналистикой, породить нашъ такъ называемый нигилизмъ, сепаратизмъ со всѣми ихъ вредоносными послѣдствіями. Въ

виду этихъ дѣйствительно страшныхъ требованій «польской интриги» и особенно въ виду ея страшныхъ успѣховъ, дѣйствительно были бы необходимы противъ нея чрезвычайныя мѣры, и если бы оказалось, что существованіе Россіи не можетъ быть ограждено иначе, какъ посредствомъ уничтоженія польской народности, то чувство самосохраненія заставило бы русскій народъ справедливо приняться за эту трудную и непривлекательную работу. Но дѣло въ томъ, что въ изложенныхъ представленіяхъ о польскомъ вопросѣ и «польской интригѣ» правда сильно подмѣшана фантазіями, вдобавокъ раздутыми самолюбіемъ «спасителей отечества», пугающихъ насъ преувеличенными страхами.

Дѣйствительно, передъ 1862—1863 гг. почти всѣ польскіе дѣятели и почти вся польская интеллигенція поставила вопросъ о возстановленіи Польши въ союзѣ съ Литвою до Днѣпра и Двины и даже дальше, до границъ Витебской и Могилевской губерній. Размѣры требованій были большіе, но еще изъ этого не слѣдуетъ, чтобы самыя требованія были такъ серьезны и страшны, чтобы вызвать столь серьезныя и долговременныя чрезвычайныя мѣры, какъ тѣ, которыя принимаются, а особенно требуются нашими «спасителями отечества» съ 1863 года. Если поляки дошли до такихъ требованій, если имъ удалось ополячить въ извѣстной степени западный край (и въ особенности успѣшно, по всеобщему сознанію, именно со времени раздѣла Польши), то это случилось вовсе не вслѣдствіе особенныхъ усилій и искусства польской интриги, а вслѣдствіе нашихъ же собственныхъ старыхъ порядковъ. Не нашъ ли, въ самомъ дѣлѣ, старый порядокъ укрѣпилъ власть польскаго пана надъ русскимъ крестьяниномъ; не нашъ ли опять старый порядокъ роздалъ польскимъ вельможамъ,— напр., Браницкимъ,— въ крѣпость вольное населеніе даже городовъ, какъ, напр., Бѣлая-Церковь? Не въ силу ли этого порядка погибли въ Литвѣ и Бѣлоруссіи сохранившіеся съ XVI—XVII вѣковъ, при всѣхъ гоненіяхъ поляковъ, зародыши русскаго католицизма и русскаго кальвинизма, и дѣло дошло до того, что католикъ и кальвинистъ тамъ стали синонимами поляка? Польская ли интрига запрещала католическимъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языкѣ? Польская ли интрига лишала въ недавнее время позволенія ввести въ Россію, десять лѣтъ тому назадъ напечатанный въ Берлинѣ пере-

водъ съ еврейскаго на русскій языкъ Пятокнижія Моисеева? Если въ чемъ-либо состояла польская интрига въ данныхъ случаяхъ, которые мы еще не всѣ перебрали, то не въ чемъ другомъ, какъ въ искусномъ пользованіи и въ послѣдовательномъ проведеніи тѣхъ началъ политики, которыя господствовали еще недавно во всей Россіи и почитались для нея единственно пригодными и благодѣтельными. Въ самое послѣднее время всѣ попытки къ извращенію въ невыгодномъ для русскаго народа и государства смыслѣ хода крестьянскаго дѣла въ Западномъ краѣ, всѣ эти порожденные польской интригой «виленскіе проекты» развѣ не ближайшимъ образомъ родственны съ тѣмъ, охватившимъ извѣстные слои нашего общества во всей Россіи, движеніемъ къ возстановленію хотя въ какой бы то ни было степени крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ,— движеніемъ, котораго органомъ была блаженной памяти «Вѣсть», старавшаяся подвести свои крѣпостническія поползновенія подъ начала рескрипта 13 мая 1866 года? То обезземеливаніе крестьянъ въ Западномъ краѣ передъ 1863 годомъ, которое производили тамъ польскіе мировые посредники, и которое, будучи увѣнчано успѣхомъ, поставило бы дѣйствительно наше государство въ довольно затруднительное, если не опасное положеніе, развѣ оно не шло параллельно съ подобными же стремленіями къ устроенію нашихъ сельскихъ поземельныхъ началъ на англійскій манеръ, къ истинному будто бы «освобожденію крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ», — стремленіями, которыхъ органами были «Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣтопись», дававшіе пріютъ гг. П. Бланку, Скарятину и т. п.? Если польскимъ мировымъ посредникамъ удавались ихъ замыслы нарушить Положеніе 19 февраля 1861 года, то не облегчалась ли и даже не обусловливалась ли эта удача безгласностью нашей печати, среди которой громко провозглашались только клики публицистовъ, громившихъ «благодѣтелей изъ чужого кармана», «демократничающихъ чиновниковъ, которые становятся между землевладѣльцами и крестьянами», и т. п. кликовъ, которыми полонъ былъ органъ, именовавшій себя и до сихъ поръ именующій себя представителемъ здравомыслящаго большинства русскаго образованнаго общества и ставящій себѣ въ особенную заслугу обличеніе польской интриги?..

Подобнаго рода вопросы можно бы продолжить для желающихъ до безконечности. Всѣ они сводятся къ главному пункту, что, такъ какъ прежній нашъ общественный строй былъ основанъ на крѣпостномъ правѣ, то не нужно было особенной интриги для того, чтобы дать преобладаніе въ Западномъ краѣ *польскому* дворянству надъ *русскимъ* народомъ, равно какъ этому дворянству, а затѣмъ и самимъ вліятельнымъ русскимъ людямъ, увѣриться, что край, въ которомъ дворянство польское — польскій. А если это такъ, то какъ бы сильна ни была увѣренность польскихъ помѣщиковъ въ ихъ правѣ на Западную Россію, для парализованія этой увѣренности не было и нѣтъ надобности прибѣгать ни къ какимъ другимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, кромѣ тѣхъ, которыя ведутъ къ освобожденію русскаго населенія отъ юридической и экономической зависимости отъ не-русскихъ слоевъ, къ его просвѣщенію, къ облегченію его жизни и обезпеченію его собственности и личности общиннымъ и земскимъ самоуправленіемъ и хорошимъ судомъ. Что же касается до нравственной пропаганды русской народности, то здѣсь дѣйствительнымъ средствомъ можетъ оказаться только самодѣятельность общества въ печати, въ церкви, такъ что здѣсь двигать обрусеніе можетъ также только освобожденіе мысли и слова русскаго общества отъ излишней опеки и стѣсненій. Организовавъ сельскій бытъ и поземельныя отношенія русскихъ массъ, устроивъ широкую систему русскаго народнаго образованія, освободивъ печать и церковную жизнь отъ произвола и опеки, русское государство можетъ смѣло сказать, что оно игнорируетъ не-русскіе слои населенія въ западно-русскомъ классѣ, и смѣло ждать, пока тамъ нежелающіе признавать очевидныхъ истинъ и живущіе фантазіями, а не реальностью, отрезвятся. Послѣ обыкновенной и общей со всей Россіей гражданской организаціи Западнаго края на началахъ, которыя легли въ основу преобразованій новаго времени, польскій вопросъ въ Западномъ краѣ перестанетъ существовать, какъ что-либо серьезное, и станетъ во всякомъ случаѣ менѣе серьезнымъ, чѣмъ, напр., еврейскій вопросъ, потому что хоть никто изъ евреевъ и не кричалъ о присоединеніи Западнаго края къ Палестинѣ, но зато многіе говорили и убѣждены, что этотъ-то край и есть новая Обѣтованная земля, да и самыхъ евреевъ тамъ больше, чѣмъ поляковъ. Разъ же вытѣсненный изъ Западнаго края, поль-

скій вопросъ перестаетъ быть «вопросомъ о существованіи Россіи, какъ европейскаго государства», а сводится на вопросъ о бо̀льшихъ или меньшихъ правахъ на областную автономію края, имѣющаго 2—3 тысячи кв. м., а безъ русскихъ и литовскихъ частей Царства Польскаго и того меньше, въ государствѣ, занимающемъ болѣе 400,000 кв. м., и о правахъ на національную жизнь и развитіе племени въ $3^1/_2$ милліона въ виду болѣе 50.000.000 русскаго племени. Вопросъ польскій, въ виду всего того, становится совершенно ничтожнымъ, теряетъ свои грозные размѣры, которые одни только и могли оправдывать необходимость чрезвычайныхъ мѣропріятій.

Если главный узелъ польскаго вопроса находится не въ Польшѣ, а въ Западномъ краѣ, и если государство, съ своей стороны, разсѣкаетъ (оно уже и сдѣлало главное) его освобожденіемъ массъ русскаго народа отъ юридической и экономической зависимости отъ польскаго шляхетства, то вопросъ о культурной реакціи полонизму въ тѣхъ мѣстахъ рѣшается присутствіемъ и поведеніемъ тамошнихъ не-польскихъ культурныхъ слоевъ общества. Публицисты и исторіографы, разсуждавшіе въ послѣднее время «о польской интригѣ» и «обрусеніи» въ Западномъ краѣ, представляютъ этотъ край очень уже опутаннымъ польской интригой, очень уже лишеннымъ русскихъ общественныхъ элементовъ, а эти элементы — лишенными духа иниціативы, такъ что иного вывода изъ ихъ разсужденій и повѣствованій быть не можетъ, какъ мысль о необходимости постоянно полицейски-административными мѣрами давить всѣ проявленія польской культуры, насаждать *такими же мѣрами* русскую и даже чистить самую народность русскаго населенія въ тѣхъ краяхъ. Такой характеръ разсужденій нашихъ публицистовъ и исторіографовъ о Западномъ краѣ объясняется характеромъ самихъ писателей, которые или не жили въ краѣ, пока ихъ туда не вызвали крупные оклады жалованья, или же занимались отрытіемъ въ Россіи англійскихъ джентри и лордовъ (шляхты и магнатовъ), въ то время, когда въ Западномъ краѣ мѣстные русскіе люди на свой страхъ и по своей иниціативѣ начинали культурную и общественную борьбу съ полонизмомъ и возрожденіе національнаго самосознанія въ народныхъ массахъ. Понятно, что, прибывъ въ край или взглянувъ на него только тогда, когда самымъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ пред-

ставляется только казакъ, жандармъ или квартальный, записывающій имена пѣвшихъ въ костелѣ польскіе гимны, дамъ, носящихъ трауръ, пановъ, разговаривающихъ по-польски за игрою на билліардѣ, исторіографы, корреспонденты и публицисты не обрѣли въ Западномъ краѣ другихъ представителей русской культуры, кромѣ этого казака, жандарма и квартальнаго; описанію ихъ подвиговъ, ихъ страданій отъ польской интриги посвящены были въ «Современной Лѣтописи», «Виленскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Голосѣ», столбцы и страницы; безъ этихъ подвиговъ, по понятіямъ названныхъ изданій, пропала бы и пропадетъ русская культура въ Западномъ краѣ. Между тѣмъ,— а это особенно важно и для будущности возрожденія національнаго самосознанія въ Западной Руси,— реакція полонизму въ тѣхъ краяхъ началась сама собою по общественной иниціативѣ, началась людьми и направленіями, возникшими на мѣстной народной почвѣ, и притомъ въ то время, когда польскіе элементы въ краѣ не только не считались революціонными, а, напротивъ, охранительными, и когда поэтому именно русскіе народные элементы и направленія въ краѣ Западномъ считались революціонными.

Русскій народъ въ Западномъ краѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ малорусской и бѣлорусской вѣтвямъ русскаго племени. Издавна обѣ эти вѣтви имѣли своими культурными центрами Кіевъ и Вильну. Культурная роль Кіева извѣстна каждому, но не надо забывать, что и Вильна до самаго присоединенія къ Россіи была центромъ, напр., православно-русской, уніатско-русской и даже католическо-русской печати. Отсталость кіевской духовной академіи, которую еще Ломоносовъ совѣтовалъ превратить въ университетъ, ослабила культурное значеніе Кіева для Юго-Западнаго края, до котораго русская народная культура могла доходить только изъ столичныхъ да изъ Харьковскаго университета. Въ то же время Кременецкій лицей вліялъ, какъ центръ польской культуры. Въ литовско-бѣлорусскомъ округѣ дѣло стояло еще неблагопріятнѣе: подъ бокомъ у Вильны не было даже такого университета, какъ Харьковскій, въ Вильнѣ не было даже духовной академіи, а былъ польскій университетъ. Университетъ этотъ былъ закрытъ наконецъ, равно какъ и Кременецкій лицей; вмѣсто нихъ былъ открытъ «для поляковъ» (какъ тогда говорили офиціально) университетъ въ Кіевѣ, и этотъ

университетъ сталъ опорою русской культуры въ краѣ, гдѣ могли воспитываться мѣстные русскіе элементы, которые, расходясь по разнымъ должностямъ, особенно въ видѣ учителей въ гимназіи и училища, несли эту культуру въ край и способствовали пробужденію въ обществѣ и, насколько это было возможно, въ массахъ народа національнаго русскаго самосознанія. Прочтите брошюру проф. Шульгина «Юго-Западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе», и вы увидите, что передъ возстаніемъ 1862—1863 г. молодежь Кіевскаго университета даже раньше пожилыхъ мѣстныхъ людей, а особенно раньше представителей общества въ другихъ краяхъ Россіи, разгадала цѣль польскихъ стремленій; она первая стала имъ противодѣйствовать, чѣмъ могла. Первый патріотическій русскій адресъ, протестовавшій противъ ученія, что Западный край — польскій, былъ поданъ въ 1861 году кіевскими студентами, т.-е. за $1^1/_2$ года до того, когда подача адресовъ въ такомъ родѣ стала модной во всей Россіи. Кіевскіе студенты, поддерживаемые нѣкоторыми профессорами (главнымъ образомъ, г. Павловымъ) открыли въ противодѣйствіе польскимъ школамъ, которыя тогда устраивались по всему Юго-Западному краю и руководились тайнымъ польскимъ школьнымъ обществомъ (о которомъ была нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщена статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), воскресныя школы — первыя воскресныя школы въ Россіи. За кіевскими школами послѣдовали такія же по всѣмъ почти городамъ Юго-Западнаго края, гдѣ были гимназіи и дворянскія училища (прогимназіи). Оканчивая университетъ и становясь общественными дѣятелями, бывшіе кіевскіе студенты несли съ собою народное русское направленіе по краю. Всѣ такіе факты показываютъ, что такая мѣра, какъ учрежденіе университета, гораздо больше вліяетъ на развитіе народнаго духа, чѣмъ всякія репрессаліи,— истина банальная, но, къ несчастію, забываемая многими патріотами, разсуждающими объ обрусеніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если бы, вмѣсто того, чтобы закрывать университетъ въ Вильнѣ, его преобразовали въ русскій, то этотъ университетъ оказалъ бы такое же самое вліяніе на край Сѣверо-Западный, какое кіевскій имѣлъ на Юго-Западный. Сравните, напр., въ изданныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія замѣчаніяхъ на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мнѣнія учителей и директоровъ

гимназій кіевскаго и виленскаго учебныхъ округовъ, поданныя въ 1861 и 1862 годахъ. Въ первыхъ вы видите вполнѣ ясное народное русское самосознаніе, во-вторыхъ вы видите или не менѣе ясно высказываемыя польскія мнѣнія, которымъ изрѣдка противопоставляются русскіе, но болѣе чиновническіе, нежели народные аргументы. Когда первые говорятъ о мѣстной исторіи, традиціяхъ, народной рѣчи, какъ основахъ народнаго образованія, то разумѣютъ подъ этимъ русскую (малорусскую) исторію, традиціи, рѣчь, на которую именно указываютъ какъ на элементъ, на который надо опереться въ борьбѣ съ поляками. Между тѣмъ въ виленскихъ гимназіяхъ подъ словомъ «мѣстный», «народный» разумѣютъ польскій, подъ который, если кто вспомнитъ объ немъ, подводятъ и бѣлорусскій. Гимназіи виленскаго учебнаго округа были наполнены учителями-поляками, и очень естественно: гдѣ было учиться русскимъ уроженцамъ края? Надо было ѣхать въ Кіевъ или въ Петербургъ, что не такъ стѣсняло поляковъ, элементъ болѣе богатый въ краѣ. Зато, когда послѣ 1863 года русская администрація задумала наполнить виленскія гимназіи русскими учителями, она должна была набирать кого попало, потому что, не говоря уже о хорошихъ, а просто университетски подготовленныхъ учителей, и во всѣхъ краяхъ Россіи скорѣе недостатокъ, чѣмъ изобиліе. Будь же впередъ Виленскимъ университетомъ подготовлено извѣстное число русскихъ учителей изъ мѣстныхъ уроженцевъ, не было бы надобности и въ поголовномъ изгнаніи польскихъ учителей, потому что мѣра такая, какъ всякая поголовщина, во-первыхъ, несправедлива, а во-вторыхъ, надо сознаться, что между поляками, вслѣдствіе давнихъ педагогическихъ традицій, особенно между пожилыми, очень много хорошихъ педагоговъ; собственно же польское непедагогическое вліяніе такихъ учителей было бы парализовано достаточно сильнымъ процентомъ русскихъ учителей, которые, зная край, его духъ и традиціи могли бы оказывать болѣе умѣлое противодѣйствіе польской пропагандѣ, чѣмъ импровизованный наборъ педагоговъ-обрусителей. Осмѣливаемся думать, что даже если бы въ Вильнѣ основался польскій университетъ, то и тогда развитіе мѣстнаго русскаго общества было бы болѣе облегчено, чѣмъ при отсутствіи всякаго высшаго учебнаго образованія въ краѣ: вѣдь образовались же лужицко-сербскіе національные кружки

въ нѣмецкомъ Лейпцигскомъ университетѣ, чешскіе и другіе славянскіе—въ Пражскомъ, Бреславльскомъ, Вѣнскомъ. То же самое могло произойти и въ Виленскомъ университетѣ, закрытіе котораго не помѣшало нисколько Вильнѣ играть роль одного изъ центровъ польской литературы и притомъ самаго крайняго шляхетско-католическаго направленія, представляемаго гр. Ржевусскимъ. Теперь же только петербургская духовная академія была мѣстомъ, гдѣ кое-какъ готовились и организовались бѣдныя русскія силы, вызываемыя изъ Сѣверо-Западнаго края [1]).

Но какъ ни поздно началъ свою возбуждающую національное самосознаніе дѣятельность университетъ Кіевскій, какъ ни неблагопріятны были культурныя условія для края Сѣверо-Западнаго, а все-таки въ этихъ краяхъ совершенно самостоятельно возникла реакція полонизму, и мѣстныя русскія силы стали стремиться къ организаціи и культурной борьбѣ съ полонизмомъ на народныхъ началахъ. Эта реакція выразилась въ такъ называемомъ украинофильствѣ и въ бѣлоруссофильствѣ. Довольно близки къ правильной оцѣнкѣ значенія этихъ направленій слова, которыми говоритъ объ нихъ г. Кояловичъ въ своихъ лекціяхъ о Западной Россіи: «Было въ Западной Россіи нѣкоторое время, что тамошніе образованные люди, усвоившіе польскую цивилизацію, пробовали самостоятельно взглянуть на свою сторону. Это было во времена Виленскаго университета, который страшно полонизировалъ западную Россію,—такъ полонизировалъ ее, какъ не полонизировали ее никакія польскія неистовства во времена Польскаго государства, но который по естественному порядку развивалъ также въ немногихъ личностяхъ и *противоположное направленіе*. Вслѣдствіе того въ Западной Россіи начала образовываться небольшая партія польскихъ людей, которые приходили къ сознанію, что и сами они не поляки, а тѣмъ болѣе не польскій народъ ихъ страны. Они задумали возстановить (въ наукѣ) самостоятельность Западной Россіи и основали ее на

---

[1]) Достойно примѣчанія, что, когда недавно поднятъ былъ вопросъ объ основаніи русскаго университета въ Вильнѣ, наши патріотическіе публицисты возстали противъ этой опасной мысли изъ страха, чтобъ университетъ не привлекъ польскую молодежь, и требовали учрежденія православной духовной академіи. Что за постыдное маловѣріе!

слѣдующихъ началахъ. Они взяли старую идею политической независимости Литвы и полагали, что Западная Россія можетъ выработать эту самостоятельность при той же польской цивилизаціи, только съ тою особенностью, что цивилизація эта должна проникать въ Западную Россію свободно, естественно, безъ всякаго насильственнаго подавленія мѣстныхъ народныхъ особенностей. Такъ эта теорія высказывается довольно замѣтно въ трудахъ Даниловича, въ исторіи Литвы Нарбутта и въ сочиненіи Ярошевича «Картина Литвы». Дѣйствительное, прочное изученіе западной Россіи могло начаться только на западно-русской, *народной* почвѣ. Началось оно въ болѣе жизненной части Россіи, въ Малороссіи,—въ той Малороссіи, которая не разъ выносила на своихъ плечахъ все западно-русское дѣло и до сихъ поръ такъ богата силами». Въ другомъ мѣстѣ—«День», 1863 г., № 20—г. Кояловичъ говоритъ, что «въ Западномъ краѣ только и существуютъ самостоятельныя общественныя силы въ Малороссіи, въ группѣ малорусскихъ общественныхъ дѣятелей», что вѣрно, если подъ словомъ «малорусскихъ» разумѣть не исключительно такъ называемыхъ «украйнофиловъ», которые хотя и начали реакцію полонизму въ наукѣ и литературѣ, но не исчерпываютъ всѣхъ силъ, выставленныхъ югомъ Россіи въ общественно-научной борьбѣ съ полонизмомъ, даже, напр., въ Кіевскомъ университетѣ. Здѣсь-то именно и началось серьезное изученіе Западной Россіи. Помогло въ этомъ Малороссіи особенно слѣдующее обстоятельство. Значительная часть малороссійскаго племени находится на восточной сторонѣ Днѣпра. Подъ русскою властью оно могло сохранить всѣ свои силы; въ немъ развивались свободно передовые дѣятели изъ образованнаго сословія. Многіе изъ этихъ передовыхъ дѣятелей (гг. Максимовичъ, Метлинскій, Костомаровъ, Кулишъ) перешли на западную сторону Днѣпра и подняли народное дѣло противъ поляковъ. Они выставили богатыя народныя силы, богатыя народныя преданія, обратились къ исторіи и стали разсказывать великія дѣла Малороссіи, особенно казацкія. Теорія казачества многихъ плѣнила изъ нихъ. Казачество, дѣйствительно, много сдѣлало, но много также имѣло крайнихъ притязаній политическихъ. Нѣкоторые малороссы забывали это, забывали также и то, что казачество малороссійское совершенно отжило свой вѣкъ, и стали запутываться въ разныхъ теоріяхъ о самобыт-

ности Малороссіи. Теоріи ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, сами собою пали бы и посрамлены были бы малороссійскимъ же народомъ; но, къ сожалѣнію, имъ придали особенную важность, удостоили даже признать за ними значеніе политическаго дѣла, и такимъ образомъ создался призракъ такъ называемаго малороссійскаго сепаратизма, который усердно поддержали и раздули въ общественномъ мнѣніи поляки (для нихъ это было очень выгодно). Нельзя не оплакивать, что ему придается искусственное значеніе, и что онъ возводится даже на неподобающую ему степень политической вины и опасности! Это спутываетъ и парализуетъ многихъ лучшихъ малороссійскихъ дѣятелей, которые просто только любятъ свою родину и желали бы содѣйствовать правильному ея развитію... Совершенно напрасно губятся или остаются въ бездѣйствіи прекрасныя силы малороссійскаго племени. Но можно надѣяться, что Малороссія одолѣетъ эти препятствія, покажетъ снова свою силу, которая такъ часто спасала всю Западную Россію и которой ждетъ эта страна и теперь.

Въ преодолѣніи этихъ трудностей и вообще въ изученіи западно-русской жизни должна бы помочь Малороссіи Бѣлоруссія. Но, къ сожалѣнію, безсиліе Бѣлоруссіи выразилось и въ ея литературныхъ дѣлахъ. Въ ней долгое время ничего не являлось [1]). Только случайно или инстинктивно взялись за разработку древнихъ памятниковъ древней западно-русской литературы. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни... До сихъ поръ плохо уяснены древнія русско-славянскія начала жизни и тѣ особенности, какія выработаны восточною и западною половинами русскаго народа, когда онѣ были въ разъединеніи. Оттого русскій человѣкъ часто ставитъ

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести замѣчаніе г. Елагина, котораго статьи, писанныя съ границъ бѣлорусскихъ въ „Днѣ“ 1861 года, особенно статья о Польшѣ и Литвѣ въ № 8, могутъ быть мѣриломъ, какъ ушла назадъ наша печать въ послѣднее время по части пониманія польско-русскаго вопроса, — замѣчаніе о томъ, какъ въ литературныхъ центрахъ въ Москвѣ не понимали необходимости изученія западно-русской исторіи. „Правда,—говоритъ г. Елагинъ,—наконецъ все образованное общество наше открыло, что Литва— Русь но уже тогда, кажется (навѣрно), когда тамъ пѣлъ не бѣлорусскій Шевченко, а Мицкевичъ“. — Прибавимъ, что первый высказавшій мысль, что въ старину было двѣ Руси, и что Литва — Русь, былъ Сенковскій.

въ западной Россіи, какъ основное начало русской жизни то, что есть не болѣе какъ восточно-русская особенность позднѣйшаго происхожденія. Наконецъ чаще всего просто забывается, что одинъ и тотъ же народъ, но раздѣлившійся на двѣ половины и прожившій долго въ этомъ раздѣленіи, не можетъ не выработать различій, которыя должны быть встрѣчаемы снисходительно, и жить себѣ, пока имъ судитъ жить исторія. Какъ много зла происходитъ отъ непониманія этихъ простыхъ вещей, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Недавно въ западную Россію въ одну мѣстность пріѣхалъ на должность мирового посредника одинъ русскій, какъ видно — очень ревностный. Его вездѣ поражала неполнота русскаго элемента въ западной Россіи. Однажды онъ проѣзжаетъ близъ церкви и видитъ подлѣ нея большіе, въ нѣсколько саженъ, кресты. Это — латинское заимствованіе, но такое, которое требуетъ въ отношеніи къ себѣ большой деликатности, потому что очень близко къ православнымъ обычаямъ. Но усердный русскій не такъ смотрѣлъ на дѣло. Онъ собралъ народъ и сказалъ: руби кресты... Такой невѣрный взглядъ на вещи часто сказывается и въ наукѣ и мѣшаетъ изслѣдовать западно-русскую жизнь въ цѣльномъ ея видѣ. Цѣльнаго, живого представленія западно-русской жизни естественно ожидать отъ мѣстной западно-русской литературы...

Г. Кояловичъ говоритъ преимущественно о наукѣ, но его начала сами собою обобщаются и на литературу вообще, съ поэзіей и беллетристикой, и на политику, изъ которой онъ привелъ одинъ, но зато весьма характерный фактъ изъ исторіи сраженія обрусителей съ крестами въ Западномъ краѣ въ 1864 году [1]). Имѣя въ виду преимущественно историческую литературу, г. Кояловичъ и изъ польско-литовской литературы говоритъ только о трудахъ ученыхъ изслѣдователей старины, которые выходили изъ идеи самостоятельнаго слитія (но самостоятельнаго) литовско-русской народности съ польскою. Но на массу образованнаго общества имѣла еще боль-

---

[1]) См. объ этомъ повсемѣстномъ сраженіи въ „Днѣ“ 1864 г., № 49. Любопытно, что многіе изъ крестовъ, не понравившихся чистителямъ русской народности въ Западномъ краѣ, были поставлены крестьянами въ память 19 февраля 1861 г. „День“ вообще помѣщалъ не мало бѣлорусскихъ жалобъ на наѣхавшихъ чистителей русской народности въ Сѣверо-Западномъ краѣ, См. особ. 1864 г., № 29.

шее вліяніе литература художественная, которая возникла въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и западной Украинѣ подъ вліяніемъ такого же порядка идей. Мы разумѣемъ Мицкевича съ послѣдовавшею за нимъ литовской школой до Сырокомли включительно и школу украинскую, — Мальчевскаго, Б. Залѣсскаго, Гощинскаго, Словацкаго, Чайковскаго, Падуру и критика ея М. Грабовскаго. Наиболѣе характерное изъ произведеній этой школы — поэма «Каневскій Замокъ» Северина Гощинскаго (одинъ изъ зачинщиковъ возстанія 1830 года), въ которой передаются въ оригинальной версіи событія гайдамачины. Объ этой поэмѣ вотъ что говоритъ одинъ историкъ польской литературы: «Каневскій замокъ»—не только замѣчательное художественное произведеніе, но и знаменательный фактъ изъ исторіи польскаго общества. Съ такимъ безпристрастіемъ и безучастіемъ можно относиться лишь къ *безвозвратно прошедшему*, къ *окончательно умершему*. Поэма служитъ доказательствомъ того, что составъ общества измѣнился, что противоположности слились и перемѣшались, что «демоны разрушенія и соціальной войны возвратились въ адъ», что шляхетство и гайдамачество присмирѣли въ царствѣ тѣней, въ одной общей могилѣ, а на могилѣ этой играетъ поэтъ на мѣдныхъ струнахъ своей лиры, предсказывая лучшее, болѣе гуманное будущее». Противъ такого отношенія къ украинскимъ преданіямъ, къ борьбѣ украинскаго народа съ польской аристократіей ничего нельзя бы было возразить, если бы только лира поэта не брянчала на могилѣ... крѣпостного состоянія, въ которой погребены были стремленія народа, если бы поэту не представлялось, что слились не противоположности обѣихъ сторонъ, а сгладились только характеристическія черты одной стороны, народной, русской, которая теперь должна была подчиниться шляхетской и польской сторонѣ. А при такой постановкѣ вопроса втягиваніе въ польскую литературу и культуру (то же дѣлалось не только съ преданіями и пѣснями украинскими и бѣлорусскими, но и съ музыкой [1]), съ самымъ языкомъ) традицій и элементовъ народности племенъ

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что мы и до сихъ поръ не имѣемъ для малорусской и бѣлорусской народной музыки ничего похожаго на ту обработку, какую далъ Глинка великорусской, между тѣмъ какъ половина оперы Монюшки построена на украинскихъ мотивахъ.

западно-русскихъ, эксплуатація въ польскомъ духѣ такихъ естественныхъ и прочныхъ въ человѣческомъ сердцѣ инстинктовъ, какъ любовь къ своему краю, къ его природѣ, жителямъ, ихъ пѣснѣ, рѣчи, все это представляло страшную опасность для русскаго дѣла въ западной Руси. Рѣшись дѣйствительно польская аристократія «сгладить соціальныя противоположности», т.-е. уничтожить крѣпостное право надъ народомъ, традиціи котораго она хотѣла втянуть въ себя, и тогда, быть-можетъ, русской культурѣ и государству пришлось бы сказать «прости!» Западному краю. «Къ сожалѣнію или къ счастію, любезный читатель»,— говоря словами Жуковскаго,— аристократіи нигдѣ не хотятъ довести любовь къ пейзанамъ и идилліи, ни романтическій интересъ къ выходящимъ изъ народа «гайдамакамъ» до отреченія отъ такихъ правъ, которыя мѣшаютъ осуществленію идиллій, до мирнаго исполненія тѣхъ программъ, которыя грубо и часто полусознательно создавали себѣ «гайдамаки». А это только и спасло народность Западнаго края отъ превращенія въ мѣстную разновидность польской, какъ это слѣдовало по этнографической и исторической теоріи школъ литовско- и украинско-польской.

Но какъ ни опасно стояло дѣло русско-украинской и литовско-польской народности, именно вслѣдствіе возникновенія въ польской наукѣ и искусствѣ литовской и польской школъ, — отъ дѣйствія Виленскаго университета, Кременецкаго лицея и т. п. польскихъ учебныхъ заведеній, мы нѣсколько разногласимъ съ г. Кояловичемъ, который видитъ только мрачную сторону,— сторону опасности для русской народности во вліяніи этихъ учебныхъ заведеній и порожденныхъ ими направленій. Мы не ждемъ отъ исторіи скачковъ и нарушенія естественнаго хода и въ то же время думаемъ, что если извѣстное дѣло, какъ, напр., дѣло возрожденія русскаго народа въ Западномъ краѣ, согласно съ естественными законами исторіи и правды, оно непремѣнно съ каждымъ шагомъ исторіи культуры будетъ подвигаться впередъ даже тогда, когда бы кто-либо, не сознающій этихъ законовъ, вздумалъ бы тянуть это дѣло назадъ. Мы нисколько не сочтемъ удивительнымъ, что Нарбуттъ сталъ писать исторію Литвы, а не исторію государства Россійскаго, что Мицкевичъ написалъ «Дзяды», а не «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», а Гощинскій «Каневскій замокъ», а не «Юрія Милославскаго» и

«Парашу Сибирячку». Но мы полагаемъ, что обращеніе польскихъ поэтовъ и историковъ отъ Польши къ Литвѣ, Руси, Украйнѣ было уже началомъ «литовскаго и украинскаго сепаратизма»— отъ Польши; обращеніе, хотя и аристократическое еще, къ «хлопу» и его «пѣснѣ» было началомъ того движенія, которое уже и теперь сказывается по временамъ даже послѣ раздраженія событіями 1863 г. и тогдашняго положенія, принятаго народными массами противъ пановъ,— сказывается, особенно среди добродушныхъ пановъ Бѣлоруссіи и Литвы вопросомъ: да какіе мы поляки? что намъ Польша? Еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, — шагъ научный, художественный, политическій, — и аристократія Западнаго края, разъ отвернувшая лицо свое отъ Варшавы къ родной Литвѣ, Бѣлоруссіи, Подоліи, Волыни, Украинѣ, должна разорвать послѣднюю связь съ языкомъ и традиціями этой Варшавы. Шагъ трудный, — мы и не ждемъ его скоро, — но и къ нему уже начали замѣчаться приготовленія, хотя очень маленькія, въ томъ, напр.: уже давно Ходаковскій собралъ чисто народныя украинскія пѣсни, а Жегота Паули и Вацловъ съ Омека и напечатали ихъ, несмотря на то, что въ пѣсняхъ этихъ народъ относится къ полякамъ вовсе не съ пріязнью, что Падура сталъ писать стихи уже по-украински; въ томъ, что среди польской молодежи передъ 1863 годомъ появился надѣлавшій страшнаго шуму и возбудившій ярость шляхетской печати кружокъ *хлопомановъ*, правда переведшійся на двухъ-трехъ человѣкъ. А все это сводится къ тому, что отчаиваться за народное русское дѣло въ Западномъ краѣ и надѣяться на спасеніе его только военнымъ положеніемъ и полицейской опекой нечего, если даже въ томъ, что представляло для насъ опасность, было зерно оборота въ нашу пользу. За насъ въ этомъ краѣ природа, земля и воздухъ, за насъ народный характеръ, который сохранила эта природа среди потрясеній, которымъ подобныя едва ли испыталъ на себѣ другой народъ въ Европѣ,— потрясеній отъ половцевъ, татаръ, турокъ, поляковъ, венгровъ и собственныхъ ошибокъ и неразвитости, наперекоръ которымъ народъ, едва ли имѣя и 25 лѣтъ спокойныхъ, то и дѣло бѣгая отъ Карпатъ до Дона и обратно, сохранилъ языкъ, нравы, стремленія отъ Мономаха до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго до Гонты, отъ Гонты до сихъ поръ.

Довѣримся же естественному ходу исторіи, дѣлая посредствомъ внѣшнихъ мѣропріятій то, что только и можно дѣлать ими успѣшно: пресѣченіе революціонныхъ попытокъ и разсѣченіе узловъ соціальныхъ; а затѣмъ, для окончательнаго обрусенія края призовемъ на помощь свободу слова, науку, искусство, и дѣло русской народности не только не пропадетъ, но пойдетъ успѣшнѣе. Не будемъ малодушно бояться, что всѣмъ этимъ воспользуются поляки. Пусть только дадутъ и они волю своей естественной любви къ своему краю, они сдѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ къ сближенію съ нимъ и съ народомъ, поднимется и сдѣлаетъ нѣсколько и народъ Западнаго края и центровъ Россіи; изъ всѣхъ этихъ направленій силъ естественныхъ выйдетъ свободно та діагональ силъ, которая выразитъ собою не мѣстную и узкую, но дѣйствительно общую русскую народность, которой мы въ правѣ ожидать съ тѣхъ поръ, какъ «Московское государство» превратилось силою исторіи въ «Россійскую имперію», принявъ въ себя Бѣлую и Малую Русь и Литву съ сидящимъ въ нихъ и довольно естественно развившимся полонизмомъ. Тогда, быть-можетъ, и бывшіе поляки въ Западномъ краѣ послужатъ не орудіемъ сепаратизма, а звеномъ соединенія между Россіей и настоящей Польшей и родственнымъ съ нею католическимъ западнымъ славянствомъ. Широка перспектива и гордо бьется сердце, смотря на нее еще пока «яко зерцаломъ въ гаданіи!». Не будемъ же помрачать этой гордости, этого гаданія маловѣріемъ и прибѣганіемъ къ ненужнымъ и вреднымъ репрессаліямъ и опекѣ!

Впрочемъ, это — дѣло будущаго. Вернемся къ прошедшему, на которомъ мы и основываемъ наши гаданія о будущемъ. Мы сказали, что при всемъ томъ, что литовское и украинское направленіе въ польской литературѣ, наукѣ и искусствѣ заключало въ себѣ начало поворота культурныхъ слоевъ Западнаго края отъ Польши къ родинѣ и къ народу все-таки русскому, въ этомъ поворотѣ была и страшная опасность воспринятія и, слѣдовательно, поглощенія польской культурой элементовъ народности русскаго населенія въ Западномъ краѣ. Опасность эта не могла быть устранена ничѣмъ другимъ, какъ обработкой и пробужденіемъ мѣстныхъ же народныхъ элементовъ и традицій, но въ болѣе близкомъ къ народу духѣ, слѣдовательно, и въ болѣе русскомъ. Должно было возник-

нуть русское украинофильство, русское бѣлоруссофильство, *русская хлопоманія*. И — новое доказательство, что за насъ сама исторія работаетъ, на зло нашему невниманію и непониманію — она явилась именно тогда, когда край Западный былъ забытъ русскимъ обществомъ, въ центрахъ, притянувшихъ къ себѣ всю русскую культурную и общественную жизнь, — явилась, не только не помогаемая центрами и правительствомъ, но скорѣе преслѣдуемая ими. Вслѣдъ за открытіемъ Харьковскаго университета, именно тогда, когда дѣятельность Мальчевскаго, Залѣсскаго, Гощинскаго, Мицкевича была въ полномъ цвѣту, возникло на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Харьковѣ, Полтавѣ, Черниговѣ то направленіе, которое потомъ названо было украинофильскимъ и которое поляки назвали «хлопоманіей», усмотрѣвъ въ немъ болѣе соціальное, чѣмъ національное значеніе (что, въ свою очередь, показываетъ, что и польскія стремленія въ Западномъ краѣ имѣютъ тоже болѣе соціальное, чѣмъ національное значеніе, а потому на соціальной аренѣ должны быть и парализованы). Тамъ сдѣланы были попытки воспроизведенія жизни народа, живущаго по обѣ стороны Днѣпра на языкѣ этого народа, а не на томъ, на которомъ воспроизводили ее Мальчевскій, Залѣсскій и др., тамъ изданы были (гг. Цертелевымъ, Лукашевичемъ) памятники народной украинской и галицкой словесности, которые представляли народную исторію Украины не въ той формѣ, въ какой представляли ее писатели польской украинской школы. Вмѣстѣ съ переходомъ гг. Максимовича, Костомарова, Метлинскаго, Кулиша на правый берегъ Днѣпра, въ Кіевъ, это этнографо-историческое и литературное направленіе перешло и туда. Результатомъ изысканій названныхъ лицъ на новой аренѣ было собраніе новыхъ этнографическихъ и историческихъ данныхъ, которыя представляли исторію отношеній украинскаго народа совершенно наперекоръ идеямъ польско-украинской школы поэтовъ и ученыхъ. Въ одной изъ статей своихъ въ старомъ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Кулишъ разсказываетъ свои отношенія къ одному изъ ученѣйшихъ украинскихъ поляковъ, гр. Свѣдзинскому. Польскій этнографъ и археологъ съ интересомъ собиралъ факты и памятники изъ прошлой исторіи края, съ любопытствомъ слушалъ разсказы молодого украинскаго этнографа и интересовался его наблюденіями (вошедшими потомъ въ его записки о южной Руси, въ которыхъ

особенно важны въ общественно-національномъ отношеніи думы, пѣсни и разсказы о временахъ Хмельницкаго и гайдамачества), самъ передавалъ ему, что нашелъ въ актахъ и что, очевидно, шло противъ польскихъ теорій. Какъ добросовѣстный ученый, онъ не могъ утаивать фактовъ, но не хотѣлъ примириться съ выводомъ, который дѣлали изъ нихъ украинцы, именно, что край ихъ принадлежитъ имъ, а не полякамъ. «Вы—холопы!» (Chlopy jesce) съ запальчивостью говорилъ графъ. Что до другого вліятельнаго представителя польско-украинской науки и литературы, М. Грабовскаго, — впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія при Велепольскомъ,— то и онъ интересовался украинскими розысканіями, но и онъ не хотѣлъ признать ихъ выводовъ. Впослѣдствіи онъ вступилъ въ полемику съ г. Кулишемъ на страницахъ «Записокъ о южной Руси» (1855 г.) о значеніи гайдамацкой войны съ поляками. Это былъ первый ученый споръ украинца съ поляком о народности Юго-Западнаго края и о значеніи народной исторіи его. М. Грабовскій и въ своей замѣткѣ въ «Запискахъ» и потомъ въ статьѣ «О Литвѣ и западныхъ губерніяхъ» въ «Днѣ» за 1861 годъ, №№ 15 и 16, высказывался, что не только гайдамачина, но и возстаніе Хмельницкаго есть «явный разбой и ничего больше» (une évidente jacquerie).

Къ кіевскимъ украинофиламъ изъ Петербурга отозвался Шевченко — единственный русскій поэтъ, рожденный въ Юго-Западномъ краѣ, давшемъ такъ много даровитыхъ дѣятелей польской литературѣ. Думы, пѣсни и анекдоты, изданные гг. Максимовичемъ, Метлинскимъ, Кулишемъ и Костомаровымъ, монографіи послѣдняго, пѣсни Шевченка, показали, что въ прошломъ Украины были не одни только «демоны разрушенія», и въ то же время, что «демоны соціальной вражды далеко не ушли въ адъ». Послѣ Шевченка стали рѣшительною невозможностью идиллическія или байроническія отношенія къ украинской жизни и прошлому a la Мальчевскій или Гощинскій. Онъ, можно сказать, убилъ польско-украинскую школу, которая нѣсколько позже потерпѣла довольно рѣзкое осужденіе въ критикѣ г. Кулиша, помѣщенной въ «Основѣ». Когда польской публикѣ сталъ извѣстенъ Шевченко, въ критикѣ и публицистикѣ польской произошло большое замѣшательство. «Газета Народова» въ 1862 году замѣтила (въ статьѣ Ukraina, Wolyn i Podol), что было бы смѣшно и пред-

ставить, чтобъ образованному міру «вмѣсто Мицкевича пѣлъ Шевченко!» Г. Совинскій въ «Biblioteka Warzawska» (1862 г., № 1) назыьалъ поэзію Шевченка поэзіей «племенной ненависти», иронизировалъ, что она произошла оттого, что помѣщикъ когда-то наказалъ Шевченка въ дѣтствѣ за то, что онъ чуть не сжегъ дома и т. п.; «Тарасову Ночь» называлъ «канибальской эпопеей»; въ «Гайдамакахъ» видѣлъ опоэтизированіе «ножа, головни, смѣси водки съ кровью» и т. д. Другой польскій журналъ «Dziennik Literacki» (1862, № 83) помѣстилъ «Путевыя замѣтки» одного поляка, ѣздившаго по Украинѣ. Путешественникъ передаетъ, что на правомъ берегу Днѣпра народъ, на вопросъ, какъ далеко простирается Польша, отвѣчаетъ: до Кіева. Авторъ по этому поводу разсуждаетъ, что сочиненія Шевченка не выражаютъ духа украинскаго народа, что у Шевченка всюду сквозитъ завистливый духъ, который поселился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ лакейчикомъ у московскаго шляхтича-нѣмца, а потомъ у П. Флёрковскаго. Между тѣмъ этотъ, замѣтивъ въ немъ способности, отдалъ его въ науку въ Петербургъ и оставилъ его тамъ, какъ свободнаго человѣка, для дальнѣйшаго образованія» (это писалось въ то время, когда уже была извѣстна автобіографія Шевченка, напечатанная въ 1860 г. въ «Народномъ Чтеніи»). Иногда польская печать пускалась на чисто-дѣтскія выдумки: такъ, въ одномъ варшавскомъ изданіи, уже послѣ смерти Шевченка, было напечатано, что Шевченко былъ уніатъ, а въ одномъ галицкомъ (тоже по смерти Шевченка), что украинскій поэтъ поселился у какого-то графа Дзялынскаго, который по великодушію оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа, что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе и, въ порывѣ благодарности, «все, что написалъ противъ поляковъ, вымаралъ и передѣлалъ» («Основа», 1861 г., № 4, стр. 55). Не очень давно «Dziennik Poznansky» (въ 1866 г.) заявилъ тоже, что Шевченко въ послѣдніе годы раскаялся въ своихъ писаніяхъ и заботился о примиреніи съ собою поляковъ, — нелѣпость, которую повторили тотчасъ же «Московскія Вѣдомости». Но долго играть на такія темы, какъ г. Совинскій, а особенно лгать, какъ галицкія и познанскія газеты, нельзя. Правда и поэтическій талантъ всегда берутъ свое. Въ недавнее время (въ 1865 г.) въ Львовѣ вышла кни-

жечка «Тарасъ Шевченко, жизнь и сочиненія его», написанная по-польски, хотя врядъ ли природнымъ полякомъ, барономъ Гвидо Батталіа (Taras Szewczenko, zycie i pisma jego. Napisal Gwido baron Battaglia. Lwòw. 1865). Въ этой книжкѣ довольно толково сведены свѣдѣнія о жизни Шевченка, разобраны въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи съ жизнью поэта, его произведенія и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ изображена борьба украинцевъ съ поляками, оцѣнены совершенно безпристрастно: «то не была племенная ненависть,— говоритъ г. Батталіа о сюжетѣ «Тарасовой Ночи», — то была оборона вѣры и вольности». Брошюрка г. Батталіа возбудила вниманіе къ украинскому народному поэту и за предѣлами славянской публики: какой-то Георгъ Обристъ издалъ въ прошломъ году, по-нѣмецки, очеркъ жизни Шевченка съ введеніемъ объ украинскихъ народныхъ пѣсняхъ, изъ коихъ многія переведены давно уже Фр. Боденштедтъ, переводчикомъ Лермонтова и Пушкина (Die poetische Ukraine. Stuttgart. 1845), и съ приложеніемъ перевода отрывковъ изъ Шевченка. (Taras Grigoriewicz Szewczenko, ein kleinrussischer Dichter, v. Georg Obrist. Czernowitz. 1870). Брошюра и переводъ Обриста не чужды промаховъ, изъ коихъ во многіе впалъ авторъ, слѣдуя польскимъ поэтамъ, изображавшимъ гайдамачину, особенно Чайковскому (Садыкъ-Паша), но въ общемъ значеніе Шевченка и отношенія малороссіянъ къ полякамъ поняты вѣрно, да и различія между великороссіянами и малороссами не преувеличены, какъ это часто теперь дѣлается въ западно-европейской печати, желающей, назло Россіи, указать на раздвоеніе самаго русскаго племени. Для того, чтобы закончить полезное вліяніе произведеній Шевченка въ спорѣ между русскими и поляками за обладаніе Западнымъ краемъ, слѣдовало бы желать появленія перевода ихъ въ болѣе полномъ видѣ на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ, особенно на французскомъ, чтобы парализовать вліяніе переводовъ, напр., Словацкаго и Чайковскаго, дающихъ европейской публикѣ совершенно ложное представленіе украинской народной жизни въ прошломъ и настоящемъ.

То, что произвелъ Шевченко поэтическими произведеніями, продолжали учеными трудами и публицистическими статьями гг. Костомаровъ и Кулишъ. Благодаря плодовитости и таланту г. Костомарова, благодаря многосторонности его трудовъ, его

называютъ иногда главою украинофиловъ и часто укоряютъ въ особенной злобѣ къ Московскому государству и къ великоруссамъ и въ сепаратическихъ украинскихъ идеяхъ. Даже въ нѣмецкой статьѣ о работахъ въ Россіи по исторіи, помѣщенной нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Historische Zeitschrift», г. Костомаровъ названъ «ревностнымъ приверженцемъ чертъ украинскаго казачества и особеннымъ врагомъ Московскаго государства, которое подчинило себѣ это казачество». Намъ кажется, что г. Костомарова отнюдь нельзя назвать украинофиломъ, а скорѣе всего «украинскимъ славянофиломъ» какъ есть «московскіе славянофилы». Начавъ, между прочимъ, очень хорошими украинскими стихами и недурными драмами, и притомъ стихами не исключительно о сюжетахъ простонародныхъ и спеціально украинскихъ, г. Костомаровъ оставилъ этотъ родъ литературы и его языкъ, которымъ могъ бы легко оказывать вліяніе на развитіе спеціальной украинской литературы. Обладая несомнѣннымъ талантомъ бытописателя, г. Костомаровъ могъ бы легко составлять даже монографіи по южно-русской исторіи на малорусскомъ языкѣ, — что опять могло бы сильно подвинуть малорусскую литературу. Но его идеи и талантъ, очевидно, потянули его на болѣе широкую арену, и онъ обратился къ тому языку, которымъ могъ вліять на весь русскій міръ. Оставаясь исключительно въ сферѣ украинской исторіи, г. Костомаровъ вышелъ бы болѣе даровитымъ и современнымъ Бантышемъ-Каменскимъ, а вышедши съ украинскими и древне-кіевскими идеалами на разработку исторіи Россіи вообще, г. Костомаровъ получилъ обширное вліяніе на все русское общественное развитіе, поскольку оно связано съ изученіемъ родной исторіи; и если бы даже не всѣ выводы и идеи г. Костомарова остались окончательно принятыми наукой, то произведенное имъ движеніе въ ученомъ мірѣ и обществѣ останется далеко не скоропреходящимъ и не безплоднымъ. Г. Костомарова, по вліянію на представленія о русской исторіи, можно сравнить до нѣкоторой степени съ Гоголемъ. Какъ Гоголь, лирикъ и добродушный насмѣшникъ, пока стоитъ на украинской почвѣ, — становится рѣзкимъ юмористомъ и обличителемъ, когда переходитъ на спеціальную великорусскую или общерусскую (созданный государствомъ міръ помѣщиковъ и чиновниковъ) почву,—такъ и г. Костомаровъ рѣзокъ въ обличеніи темныхъ сторонъ Москов-

скаго государства и въ разрушеніи его миѳовъ, льстящихъ народному и племенному самомнѣнію. Онъ не замыкается въ спеціально-малорусскую исторію и ея идеалы, онъ хочетъ постичь смыслъ и значеніе взаимодѣйствія двухъ русскихъ народностей, онъ, какъ и московскіе славянофилы, хочетъ выработать народную точку зрѣнія на всю русскую исторію; но между тѣмъ, какъ тѣ ищутъ славянорусскихъ идеаловъ въ древней московской Руси, г. Костомаровъ идетъ еще дальше въ древность, въ Русь до-татарскую, кіевско-новгородскую. И такъ какъ эта Русь жила общеевропейскою жизнью, то въ немъ и нѣтъ той вражды къ Западу, той противоположности съ западничествомъ, которая свойственна славянофиламъ московскимъ. А такъ какъ идеалы г. Костомарова не столько украинскіе (казацкіе), сколько кіево-новгородскіе, такъ какъ онъ въ своей, вызвавшей столько перуновъ и обвиненій, статьѣ «Двѣ русскія народности» доказывалъ именно органическую необходимость для обоихъ русскихъ племенъ союза и взаимодѣйствія и призналъ великое всеславянское значеніе государственныхъ способностей великорусскаго племени, то его скорѣе можно причесть къ историкамъ наиболѣе чуждымъ областного патріотизма, наиболѣе обще-русскимъ (хотя все-таки, конечно, не чуждымъ и спеціальныхъ малороссійскихъ симпатій) — потому что, при всѣхъ толкахъ о землѣ русской, у московскихъ славянофиловъ все-таки замѣтна областная, великорусская подкладка, — откуда ихъ ненависть и къ Петербургу, первому общерусскому городу, столицѣ государства, принявшаго въ себя обѣ Руси, восточную и западную. Что касается украинской словесности спеціально, то г. Костомаровъ высказался какъ за настоятельное дѣло за составленіе и изданіе книгъ для элементарнагоо образованія народа, что, конечно, не то, что самостоятельная и всесторонняя украинская словесность. Характеристично, что даже самого Шевченка г. Костомаровъ въ замѣчательной статьѣ «Воспоминанія о двухъ малярахъ» («Основа», 1862 года, № 4), считаетъ вовсе не исключительно украинскимъ поэтомъ, а общерусскимъ, поэтомъ стремленія русскаго народа къ волѣ, правдѣ и наукѣ, который если писалъ по-украински и связывалъ свои думы съ украинскими традиціями,—словомъ, возникъ на украинской почвѣ, то потому, что здѣсь народъ жилъ болѣе свободной жизнью и здѣсь осталось болѣе памяти о старой свободѣ. Этотъ выходъ

г. Костомарова изъ спеціальнаго украинофильства къ украинскому, или, лучше, кіевскому славянофильству (исторія того кирилло-меѳодіевскаго братства, которое было поводомъ къ высылкѣ г. Костомарова и др., къ сожалѣнію, до сихъ поръ не разъяснена) явленіе очень характерное: оно показываетъ слабость спеціальнаго украинофильства и въ то же время культурное значеніе южно-русскаго славянофильства, которое должно расти по мѣрѣ изученія древней русской исторіи въ связи съ изученіемъ русской народности, параллельно съ исторіей западныхъ славянъ, съ которыми юго-западная Русь всегда находилась въ ближайшихъ отношеніяхъ, къ народности которыхъ, по быту и языку, южно-русскій народъ такъ явно близокъ.

Что касается до политическаго значенія трудовъ г. Костомарова по отношенію къ полякамъ, то и оно находится въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что историкъ борьбы украинскаго народа съ поляками—не только южно-русскій патріотъ, но и южно-русскій славянофилъ. Какъ таковой, онъ вовсе не врагъ поляковъ на ихъ землѣ, не врагъ католицизма въ принципѣ, не врагъ даже культуры, которая заходила въ XVI и XVII вѣкахъ на югъ Россіи чрезъ Польшу и здѣсь принимала русскій характеръ. Онъ врагъ только шляхетскихъ насилій надъ человѣкомъ и народностью. Казачество онъ цѣнитъ потому, что видитъ въ немъ стремленіе къ равноправію и свободѣ. Какъ только это казачество само начинаетъ переходить въ шляхту, историкъ вмѣстѣ съ народомъ лишаетъ его симпатій и не соблазняется стремленіемъ къ политической свободѣ и самоуправленію, которое оно выказало въ гадяцкихъ статьяхъ. Таковы идеи, сквозящія изъ монографій объ Уніи, казачествѣ XVI и XVII вѣковъ, Б. Хмельницкомъ, Виговскомъ. Польскимъ критикамъ должно было быть досадно, что со стороны политическихъ идей прицѣпиться къ этимъ монографіямъ было не къ чему, а потому они стали доказывать, что историкъ извращаетъ факты. Другими своими монографіями (Двѣ народности, Черты народной южно-русской исторіи) г. Костомаровъ возстановлялъ непрерывность историческихъ и политическихъ традицій между Украиной казацкой и Русью Владимира Мономаха, тогда какъ по польской исторической теоріи, южная Русь XVI и XVII вѣковъ, это — нѣчто особое, новое, образовавшееся подъ польскимъ вліяніемъ; самое каза-

чество — частію польское насажденіе для обороны границъ, частію бѣглые польскіе хлопы, вообще «лайдаки», взбунтовавшіеся противъ законной власти. Въ довершеніе г. Костомаровъ (гетманъ Иванъ Свирговскій) указываетъ, что эти «лайдаки» представляли національную русскую политику, несогласную съ польскою и во внѣшнихъ отношеніяхъ. По польскимъ теоріямъ набѣги казаковъ на Турцію происходили только изъ-за желанія пограбить, — по г. Костомарову же, казаки украинскіе въ XVI вѣкѣ проявили стремленіе въ союзѣ съ христіанами турецкими, особенно румунами, низвергнуть силу турокъ, что не было понято недальновидною и робкою польскою политикою. Такимъ образомъ «лайдаки» XVI и XVII вв. на свой страхъ начинали ту русскую историческую миссію, за которую взялась Русская имперія послѣ присоединенія Малороссіи, съ XVIII в.; такъ въ отношеніи національномъ и соціальномъ «лайдакъ» Б. Хмельницкій провозгласилъ программу, которая не выполнена и до сихъ поръ, а именно — «выбить изъ неволи и соединить весь русскій народъ до Львова».

Польская критика не могла стерпѣть безъ яростныхъ возраженій появленія монографій г. Костомарова. Споръ начался съ самаго появленія Б. Хмельницкаго полемикой, которую велъ г. Падалица въ «Виленскомъ Курьерѣ», а г. Костомаровъ въ «Современникѣ» за 1860 г. (декабрь), а потомъ въ «Основѣ» въ 1861 и 1862 гг. Г. Костомаровъ перешелъ изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе статьей «Отвѣтъ на выходки газеты (краковской) «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» и явился противникомъ польскихъ историко-этнографическихъ теорій и защитникомъ единства русскаго племени. Польская газета и французскій журналъ высказали положенія изъ начинавшей тогда циркулировать по Европѣ (сначала по-французски, а теперь, какъ мы видѣли по примѣру Бёкка, и по-нѣмецки, хотя нѣмцы вообще болѣе свѣдущи по части исторіи и этнографіи чужихъ народовъ, чѣмъ французы) теоріи Духинскаго. Такъ какъ этотъ послѣдній подписывается на своихъ книгахъ «Духинскій изъ Кіева», то отвѣтъ именно украинскаго историка имѣлъ значеніе какъ бы приговора эксперта. Статья г. Костомарова имѣетъ весьма характерный эпиграфъ, взятый изъ словъ Хмельницкаго: «На що вы, ляхи, принесли намъ ці цяцьки? Маете собі свою

Польщу, а намъ наша Украина останется!» «Часъ» заявилъ, что «русскіе не знаютъ, что такое Русь. Русь не есть Россія, а Польша; Россія — страна не славянская, а русскіе сами не знаютъ, что они такое». Г. Костомаровъ въ отвѣтъ на эти слова приводитъ свѣдѣнія о языкѣ, исторіи и колонизаціи, которыя должны доказать, что «великоруссы — не финны, а славяне». Далѣе г. Костомаровъ опровергаетъ слѣдующее положеніе «Часа»: «Исторія означила, что нужно для народонаселенія между Одеромъ, Двиною и Днѣпромъ. Народонаселеніе это, соединенное равенствомъ правъ, не нарушающимъ никакой сущности (?), и свободою, которая есть душа ушляхетненія, могла бы создать прекрасное и ядреное тѣло, которое бы отодвинуло Россію къ XVI в.». Затѣмъ историкъ обращается къ статьѣ Paul de Saint Vincent (можетъ-быть, Викентій Поль, галицко-польскій писатель, котораго тоже надо причислить къ польско-украинской школѣ) «La Poésie Oukraïnienne». Польско-французскій авторъ выходитъ тоже изъ положенія, что украинцы и поляки — одинъ народъ. «Нашествіе варяговъ, а потомъ татаръ, — говоритъ онъ, — разорвало ихъ между собою, но въ XIV вѣкѣ совершилось соединеніе безъ борьбы, безъ потрясеній, безъ войнъ. Между тѣмъ еще въ концѣ XII в. одна вѣтвь княжескаго варяжскаго рода, властвовавшаго надъ Русью до присоединенія ея къ Польшѣ, основала на востокѣ монархію, извѣстную подъ именемъ Московіи. Москвитяне народъ уральскаго, а не славянскаго племени, а потому совершенно отличны отъ русскихъ (малороссовъ) и по происхожденію, и по нравамъ, и по обычаямъ, и по преданіямъ и, наконецъ, по религіи, вопреки тѣмъ, которые хотятъ ложно доказать ихъ религіозное единство. Русскій народъ въ Украинѣ и въ южной Руси вообще всегда стремился къ уніи съ католицизмомъ и всегда признавалъ главенство папы. Напротивъ, москвитяне, какъ народъ азіатскій, упорно отвергали всякое примиреніе съ Римомъ. Московскіе государи насильственно и несправедливо присвоили своему народу названіе русскаго. Это сдѣлала Екатерина II. Она побудила ученыхъ принять свои выдумки насчетъ происхожденія москвитянъ; такимъ образомъ москвитяне стали называться русскими». Показавъ ложь подобнаго рода мыслей, г. Костомаровъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Пусть отстанутъ поляки отъ ребяческихъ замашекъ забрасывать международную вражду, въ надеждѣ разложить

наше русское отечество... Не разложилось оно политически въ междоусобіяхъ земель и князей, не разложилось оно духовно подъ татарскимъ, литовскимъ и польскимъ владычествомъ, не разложится оно и отъ выстрѣловъ ультрамонтанскихъ газетъ и журналовъ, задаваемыхъ намъ изъ-за такихъ плохихъ *гуляй-городинъ*. Исторія, очевидно, ведетъ къ сближенію, съ сознательному сродству и соединенію всѣхъ славянскихъ племенъ, а никакъ не къ разложенію. Кто противъ исторіи — противъ того исторія. Противъ такого рожна трудно прати».

Полемика, которую велъ г. Костомаровъ и другіе писатели его направленія съ поляками, отзывалась въ Юго-Западномъ краѣ, преимущественно на молодежи украинскаго происхожденія и, хотя въ ограниченной степени, польскаго. Въ это-то время и образовалось у поляковъ выраженіе «хлопоманія» для характеристики того движенія, которое стремилось къ возбужденію народнаго самосознанія въ населеніи Юго-Западнаго края, которое доказывало, что характеръ края опредѣляется не національностью пановъ и землевладѣльцевъ, а крестьянъ, хлоповъ. Уже въ 1860 году въ одномъ изъ немногочисленныхъ №№ газеты «Slowo» (въ Петербургѣ) Іос. Огризко сказалъ нѣсколько обличительныхъ словъ противъ «хлопоманіи». Въ 1862 году въ «Tygodnik Poznanski» (№ 36) было помѣщено письмо изъ Кіева, дѣлающее обзоръ малорусской литературы, подписанное г. Андреемъ Яновичемъ. Г. Яновичъ говоритъ, что въ малорусскомъ литературномъ движеніи принимаютъ участіе преимущественно уроженцы лѣваго берега Украины. «Но правобочная Украина,— говоритъ корреспондентъ,— не беретъ участія въ немъ, потому что образованные люди никакъ не могутъ участвовать въ тенденціяхъ, кружащихъ по лѣвобережной Украинѣ. Къ тому же многихъ пугаетъ, если не всѣхъ читателей, гражданка (кулишевка), которою печатаютъ малорусскія сочиненія, не допуская вовсе латинской азбуки, или хоть бы и гражданки, но измѣненной подбавкой латинскихъ письменъ (!?). Русско-малороссійскій журналъ «Основа» отличается пристрастіемъ и стремится, главнымъ образомъ, сдѣлать шляхту ненавистною народу, возбуждаетъ реакцію важнѣйшихъ нашихъ писателей, побуждаетъ читающее общество тяжко призадумываться надъ исторической правдой и полемикой и производитъ вліяніе на выработку или перемѣну убѣжденій въ нѣкоторыхъ единичныхъ лицахъ, которыя увле-

каются противоестественнымъ теченіемъ». Движеніе это пошло наперекоръ стремленію пановъ провести, посредствомъ тайныхъ и явныхъ школокъ при панскихъ дворахъ и костелахъ, посредствомъ букварей и молитвенниковъ, то польскихъ, то бѣлорусскихъ и малорусскихъ, но польскимъ шрифтомъ, провести и въ народъ сознаніе, что онъ принадлежитъ къ польской народности. Противъ этихъ букварей особенно стала напечатанная г. Кулишемъ украинская «Граматка» кирилловскимъ шрифтомъ и съ отрывками изъ народныхъ историческихъ пѣсенъ.

Быть или не быть, этотъ вопросъ уже не въ формѣ ученаго трактата, а въ формѣ политической, поставленъ былъ въ «Основѣ» передъ польской шляхтой Западнаго края въ статьяхъ гг. Антоновича и Кулиша. Г. Антоновичъ отвѣчалъ на нѣсколько полемическихъ статей г. Падалицы, воевавшаго въ то время въ «Библіотекѣ Варшавской» и «Виленскомъ Курьерѣ» съ г. Костомаровымъ, съ Кіевскою Археографическою Комиссіей и г. Антоновичемъ. Послѣдняго г. Падалица назвалъ «перевертнемъ». «Да, г. Падалица, — отвѣчалъ г. Антоновичъ, — вы правы! Я дѣйствительно «перевертень»; но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ» не имѣетъ само по себѣ смысла, что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ, иначе слово это лишено смысла, это — пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ Южно-Русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то поки-

нутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за кровь и потъ платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того, наконецъ, чтобъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ. Конечно, я рѣшился на первое, потому что, сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше шляхетскихъ своихъ привычекъ и мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были вѣдь свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о коліивщинѣ. Послѣ этого оставалось, конечно, или отречься отъ своей совѣсти или оставить ваше общество: я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь,

что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я готовъ все раздѣлить съ ними. Надѣюсь также, что со временемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго на Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! Я — *перевертень* и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я бы гордился въ Америкѣ, если бы сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, если бы, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла» («Основа», 1862 г., № 1, 94—95).

Дѣло не ограничилось одною постановкой общихъ вопросовъ. Въ «Основѣ» стали появляться корреспонденціи, обнаруживавшія то затѣи въ родѣ затѣи ополячить народъ посредствомъ польскихъ азбукъ и польскихъ книгъ для чтенія, то указывавшія на злоупотребленія помѣщиковъ при введеніи крестьянской реформы. И если бъ не общій тогда страхъ допускать въ печати фактическій разборъ того, какъ на дѣлѣ вводилось Положеніе 19 февраля, то раскрытіе такихъ злоупотребленій было бы еще энергичнѣе. Какъ слабы оказались поляки въ виду движенія, котораго органомъ была «Основа», доказываетъ то, что они обратились за поддержкою къ (русской же) администраціи, прося у нея защиты отъ замышляемой хлопоманами, коліивщины, соціальной революціи, «такъ легкой на родинѣ Хмельницкаго, величайшаго изъ революціонеровъ». Такъ, еще въ 1858 году, по жалобѣ польскихъ помѣщиковъ, въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ была запрещена «Граматка» Кулиша; такъ, въ 1861 году помѣщики дѣлали представленія о срытіи могилы Шевченка, около которой организовывалась будто бы пропаганда коліивщины («Юго-Зап. Край», стр. 197). Лицо съ такимъ вліяніемъ, какъ М. Грабовскій, писалъ въ 1862 году въ «Днѣ» (1862, №№ 15, 16), что «доводы, приводимые русскими и малорусскими историками противъ нашего польскаго прошлаго, слово въ слово тѣ же самые, къ которымъ прибѣгаютъ соціалисты, коммунисты и т. п., когда нападаютъ на прошлое и настоящее Европы...», что люди, которые говорятъ противъ національной

жизни между сословіями Западнаго края, «радикалы и нивеллеры, которые не останавливаются передъ мыслью изгнать или перерѣзать высшее сословіе». «Волненія на Украинѣ,—говоритъ М. Грабовскій, — которымъ присвоили названіе войнъ Хмельницкаго, были, въ сущности, не что иное, какъ бунты крестьянъ, повторявшіеся въ разное время почти во всѣхъ странахъ. Ничто не отличаетъ ихъ, напримѣръ, отъ бунта Пугачева, развѣ только то, что послѣдній былъ энергически подавленъ генералами Екатерины II, а первые почти что одержали успѣхъ надъ польскимъ правительствомъ, вслѣдствіе содѣйствія не слишкомъ совѣстливыхъ сосѣдей татаръ и московцевъ (Moscovites). Понятно, что современная Малороссія, которая именно этимъ событіямъ обязана своей нѣкотораго рода самостоятельностью, придаетъ имъ громкое названіе войны за независимость. По крайней мѣрѣ она этимъ тѣшитъ свое самолюбіе. Но странно, что подобное мѣстное самообольщеніе перешло и на другихъ. *Правительству слѣдовало бы понять опасность, ему угрожающую.* Мы не безъ основанія смущаемся, когда писатели, съ весьма двусмысленною цѣлью стараются оправдать и выставить героями виновниковъ грабежей и убійствъ, опустошившихъ наши провинціи; точно такъ же, какъ и само правительство, вѣроятно, не осталось бы равнодушно, если бы между сибирскими и татарскими (?) племенами стали прославлять Пугачева»... [1]).

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» уже упомянутый г. Падалица (въ 1862 году, № 82), разсказавъ о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя сдѣлали помѣщики Западнаго края, и о непомѣрности требованій крестьянъ, у коихъ проявляются коммунистическія идеи, говорилъ слѣдующее: «Помѣщики сдѣлали значительныя уступки, они отдали почти половину (!) имущества, и до сихъ поръ многіе изъ нихъ продолжаютъ свои пожертвованія, а многіе пришли даже въ упадокъ безъ надежды поправиться когда-нибудь. Почему же отыскиваются такіе люди, которые все это считаютъ ничѣмъ и подбиваютъ крестьянъ къ мстительности и къ домогательствамъ, превосходящимъ вся-

[1]) Такія же мысли докладывались и европейской публикѣ въ изданной Влад. Мицкевичемъ запискѣ Украинца-поляка (La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un ukrainien), — при чемъ авторъ прямо спрашивалъ, какъ можетъ терпѣть русское правительство злонамѣренную хлопоманско-украинскую партію?

кую справедливость? Мы не одобряемъ въ особенности тѣхъ средствъ и путей, которые избираются пропагандой. Если ужъ противодѣйствовать, то надобно противодѣйствовать открыто и благородно (!). Мы обращаемся въ особенности къ кіевской молодежи и тѣмъ исключительнымъ личностямъ, которыя такъ далеко зашли въ своихъ убѣжденіяхъ, что мы не можемъ измѣрить пропасти, раздѣляющей насъ съ ними. Напоминаемъ имъ, чтобъ они не вели съ нами скрытой борьбы. Она не принесетъ никому чести, въ особенности она недостойна молодого сердца. Долгъ каждаго примирять, сближать и соединять». Въ заграничныхъ польскихъ газетахъ страшилище хлопоманіи представлялось еще съ новыми варіаціями. Такъ, въ 1862 году «Gazeta Narodowa» жаловалась, что возмутители крестьянъ, такъ называемые хлопоманы, во главѣ которыхъ стоятъ Антоновичъ и Ѳаддей Рыльскій, *на глазахъ правительства* подучаютъ народъ къ рѣзнѣ». «Tygodnik Poznansky» (1862 г., № 3) уже передъ самымъ началомъ польскаго возстанія въ Юго-Западномъ краѣ помѣщалъ изъ него корреспонденцію съ слѣдующими строками: «Въ Кіевскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванишева, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московской кликой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда по надъ берегомъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похороны Шевченка, устроенная для него могила, путешествія къ своей Меккѣ малорусскаго народа, введенныя хлопоманами, — все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе».

Нѣкоторые изъ поляковъ дѣлали попытку вступленія въ союзъ съ такъ напугавшей ихъ хлопоманіей. Такъ, самъ г. Падалица говоритъ: «Мы идемъ къ вамъ съ крестомъ свя-

тымъ, подаемъ вамъ руку на вѣчный миръ». Г. Кулишу было прислано письмо, по поводу помѣщенныхъ имъ въ «Основѣ» стихотвореній. Корреспондентъ повторяетъ жалобы, что «Основа» расшевеливаетъ старыя раны, отворачивается отъ союза съ поляками, между тѣмъ какъ уже и народъ примиряется съ польской шляхтой, которая имѣетъ право на землю, гдѣ живетъ, по своимъ заслугамъ, по своей исторіи и образованію, — потому что она въ 30-мъ году билась *«за вашу и нашу вольность»*. Г. Кулишъ отвѣчалъ на это письмо въ «Основѣ» (1862, II), говоря, что поляки не могутъ относиться искренно къ украинскому народу потому, что полякамъ нужны помощники, а украинцамъ не съ чего помогать тѣмъ, чьи интересы прямо противоположны ихъ интересамъ. «Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ», говоритъ г. Кулишъ. «Мы васъ не гонимъ, пока вы насъ не стѣсняете, но желаемъ дѣйствовать у себя дома по собственному усмотрѣнію, т.-е. для себя, для блага своей земли, а не для поддержки перефразированной вами по проекту 3 мая 1791 года но несуществующей системы. А такъ какъ вы безпрестанно проповѣдуете невозможную для насъ съ вами jednosc i równosc, то мы, любя свою націю столько же, сколько и вы свою, напоминаемъ ей, чѣмъ были для насъ ваши предки, что насъ разрознило и чего намъ ожидать отъ осуществленія вашихъ политическихъ и соціальныхъ плановъ. Мы, однимъ словомъ, не признаемъ вашихъ тенденцій полезными для нашего народа и, *для противодѣйствія вамъ*, соединяемъ его въ могучее тѣло единствомъ преданій, чувствъ и убѣжденій. Если вы цѣните благородство нашихъ побужденій, зная все это, то вамъ ничего не остается дѣлать, какъ предоставить насъ самимъ себѣ и полагаться только на свои собственные внутренніе рессурсы, какъ мы полагаемся на свои». Доказательство же, что польская шляхта не перемѣнилась съ XVII вѣка въ тенденціяхъ, украинскій публицистъ видитъ въ тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгли кіевскіе помѣщики для подавленія первой «граматки» на украинскомъ языкѣ, на противодѣйствія распространенію стихотвореній Шевченка и другихъ книгъ для украинскаго народа, на «жидовскую возню, по поводу погребенія тѣла нашего поэта надъ роднымъ Днѣпромъ» и, наконецъ, на презрѣніе самого автора письма къ тѣмъ нѣсколькимъ, которые отреклись отъ родовыхъ польскихъ тенденцій и ко-

торые, по словамъ корреспондента, «замкнули себѣ общество шляхты, и хлопами не стали».

Послѣ такихъ отвѣтовъ тѣмъ паче не оставалось другого орудія противъ хлопоманіи и украинофильства, какъ то, которое употребили кіевскіе помѣщики противъ «граматки». Это орудіе, — доносы администраціи, — оказалось дѣйствительнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ органъ другого тоже не русскаго еще элемента въ Западномъ краѣ, евреевъ, «Сіонъ», въ свою очередь убоявшійся коліивщины, пустилъ въ ходъ тогда, благодаря американской гражданской войнѣ, модное слово «сепаратизмъ», которое подхватилъ «Русскій Вѣстникъ», принявшій сторону «Сіона» въ спорѣ его съ «Основой» изъ-за отношеній евреевъ къ русскому населенію въ Западномъ краѣ. «Московскія Вѣдомости» прибавили скоро къ польскому обвиненію украинофильства въ стремленіи къ соціальной революціи и къ еврейскому въ сепаратизмѣ еще обвиненіе въ союзѣ съ поляками, — съ какими и выступили противъ предпріятія г. Костомарова издать для народа украинскаго Священное Писаніе и книги для элементарнаго образованія на родномъ его нарѣчіи. «День», — который вообще вѣрнѣе другихъ понималъ практическое значеніе украинской литературы, — не ожидая возможности ея широкаго развитія до отдѣленія отъ русской, но видя пользу въ мѣстной южно-русской литературѣ для «домашняго обихода», взялся было защищать г. Костомарова и представляемое имъ движеніе, но потерпѣлъ отъ «Моск. Вѣдомостей» укоръ въ томъ, что «у него двоится въ глазахъ». Хотя «День» (1863 года, № 29) и доказывалъ, что двоится собственно въ глазахъ и мысляхъ самихъ редакторовъ «Соврем. Лѣтописи», «Московскихъ Вѣдомостей», тѣмъ не менѣе предпріятіе г. Костомарова было остановлено административнымъ порядкомъ. Во время польскаго возстанія въ Юго-Западномъ краѣ въ 1863 г. народъ украинскій такъ недвусмысленно заявилъ свое нежеланіе итти на какой-либо союзъ съ польской шляхтой, что побудило правительство прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и учредить повѣрку уставныхъ грамотъ, для чего была учреждена комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Галагана. Какъ можно судить изъ неполныхъ, впрочемъ, разоблаченій «Дня» и «Кіевлянина», польской партіи удалось убѣдить тогдашняго генералъ-губернатора Анненкова, а этотъ старался передать и

выше убѣжденіе въ томъ, что истинную опасность революціонную представляютъ не поляки, которыхъ въ краѣ горсть, а украинофилы, которые дѣйствуютъ на народъ, такъ быстро поднявшійся при первомъ случаѣ, съ намѣреніемъ повторить событія XVII и XVIII вѣковъ, и что поэтому мѣры въ родѣ повѣрки грамотъ, особенно комиссіей, во главѣ которой стоитъ имя, встрѣчающееся и въ лѣтописяхъ малороссійскаго казачества, весьма опасны для государства. «День» (1863 г., № 37) говорилъ: «Мы положительно знаемъ, что полякамъ удалось возбудить въ кіевской администраціи совершенно неосновательной страхъ «украинофильства». Нѣкоторые изъ кіевскихъ администраторовъ съ важностью говорили, что «украинофильскій» вопросъ важнѣе польскаго, и ихъ опасенія нашли себѣ отголосокъ даже и въ русской литературѣ. Поляки этому очень рады и подсмѣиваются теперь надъ малороссами, поддразниваютъ ихъ и стараются имъ внушить, что *Москва* всегда будетъ врагомъ свободнаго развитія ихъ мѣстныхъ и племенныхъ особенностей, любовь къ которымъ, какъ извѣстно, доходитъ у малороссовъ до самоотверженія и восторженности». Кстати же случилась какая-то глупость въ Полтавской губерніи да галицкія газеты «Слово» и «Мета», ссылаясь на статьи русскихъ газетъ, громившихъ украинофильство, и на раздражительныя корреспонденціи слишкомъ уже «восторженныхъ малороссовъ», стали печатать статьи противъ «несытыхъ московскихъ централистовъ». Маневръ удался, хотя, къ счастію, не до конца, касательно крестьянскаго дѣла по крайней мѣрѣ [1]). Хотя комиссія г. Галагана была найдена

---

[1]) Вотъ, между прочимъ, что писалъ г. Чижовъ въ „Днѣ“ за 1864 годъ, № 12: „Овладѣвъ крестьянскимъ вопросомъ и мировыми учрежденіями, какъ самымъ дѣйствительнымъ и сильнымъ оружіемъ въ области гражданской, польская шляхта нашла себѣ едва ли не сильнѣйшее оружіе нравственное въ умѣньи напугать мѣстныхъ распорядителей украинофильствомъ и сепаратизмомъ. Главнѣйшею цѣлью ихъ было то, чтобы во что бы то ни стало навлечь подозрѣніе на всѣхъ малороссіянъ, искренно и горячо любящихъ свою родину и неразлучно съ этою любовью, по дѣдовскимъ преданіямъ, питающихъ ненависть къ всегдашнимъ врагамъ ея и утѣснителямъ — ляхамъ. Заикнись кто-нибудь о любви къ Малороссіи, о прекрасной Украинѣ, на первый разъ онъ тотчасъ же отмѣчается *украинофиломъ* и потомъ, мало-по-малу, его жалуютъ въ *хохломаны*, т.-е. окрашиваютъ въ самый красный цвѣтъ Юго-Западнаго края. При помощи галиційскаго журнала „Меты“ и при *безсознательномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ нашихъ газетъ*, этотъ маневръ имъ удался

лишней (что подало поводъ писать въ «Газетѣ Народовой», что правительство напало на украинскій заговоръ, — что «въ Полтавѣ открытъ складъ оружія, Потоцкій (?) разстрѣлянъ, Пащенко (?) посаженъ въ кіевскую крѣпость, а Галаганъ отставленъ отъ кіевскаго центральнаго сельскаго комитета» («Слово», 1864 г., № 73), но сущность дѣла ея возложена была на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, — новаго (ген. Безака). Часть русской печати, «День» и потомъ «С.-Пб. Вѣдомости» энергически поддержали дѣятельность новой администраціи по крестьянскому дѣлу въ Юго-Западномъ краѣ. Поляки перенесли свои жалобы въ петербургскую «Вѣсть», которая скоро заставила и «Московскія Вѣдомости» вступиться за крестьянское дѣло въ Западномъ краѣ, хотя онѣ первоначально защищали крупную собственность въ Россіи, доказывая, что крестьянское самоуправленіе въ Россіи не имѣетъ смысла (1863 г., № 188), перепечатывали изъ польской газеты «Polka» тезисы въ родѣ того, что «прежде мужикъ имѣлъ хоть иногда защиту въ хорошемъ помѣщикѣ, теперь же онъ брошенъ въ жертву администраціи (1863 г. № 177), доказывали пользу для крестьянъ вотчиной полиціи и розогъ, присуждаемыхъ высшими классами (1864 г., № 101), а потому безмолвствовали въ то время, когда «День» велъ полемику съ польскими и русскими «охранителями» въ «Вѣсти», или полемизировали о всѣхъ перечисленныхъ мысляхъ съ г. Самаринымъ и Аксаковымъ (см. «День» 1864 года № 35 и слѣд.). Недавно и сама редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и ея корреспондентъ кн. Мещерскій заявили, обличая наново проявив-

какъ нельзя лучше. Безъ такой удачи не пановать бы никакъ такъ долго мировымъ посредникамъ изъ поляковъ во всемъ юго-западномъ краѣ и не усилиться бы никакъ до завладѣнія всѣмъ краемъ польской партіей въ Подольской губерніи". Что до послѣдней, то любопытно, что когда тамошнее дворянство и въ томъ числѣ нѣсколько русскихъ подали адресъ о присоединеніи губерніи къ управляемой кн. Велепольскимъ Польшѣ, даже г. Аксаковъ спрашивалъ злорадно г. Костомарова, извѣстно ли ему, что подольскіе дворяне (въ письмѣ къ г-ну Аксакову) мотивировали свой поступокъ „любовью къ малорусскому народу". Между тѣмъ, будучи преданы суду сената, нѣкоторые изъ подольскихъ предводителей дворянства на судѣ объявили, что они желали присоединенія къ Ц. Польскому, между прочимъ, потому, что тамошняя администрація энергичнѣе оградила бы ихъ отъ гайдамацкихъ замысловъ хлопомановъ, чѣмъ кіевская, — слабая или потворствующая хлопоманіи.

шійся «консерватизмъ» польской партіи, что и въ прошломъ этой партіи преловко удалось направить гоненія отъ себя на призракъ украинскаго «сепаратизма». Другими словами, — редакція призналась сама, что и она попала въ число «тонкоруннѣйшихъ овецъ Панургова стада», вздумавъ обвинять въ союзѣ съ поляками тѣхъ самыхъ лицъ, которыя вступили въ споръ съ послѣдними о Юго-Западной Руси и защищали права тамошняго народа на землю, когда редакція «Русскаго Вѣстника» разсказывала о выгодахъ для Россіи англійскаго безземельнаго освобожденія крестьянъ да переписывалась нѣжными письмами на польскомъ языкѣ съ г. Киркоромъ, который тогда доказывалъ, что Бѣлоруссія заселена какою-то славянокравскою націею, — разновидностью поляковъ, — и что образованіе въ ней надо вести на польскомъ языкѣ, какъ на мѣстномъ народномъ, когда даже несравненно болѣе чуткій къ интересамъ народности и народа въ Россіи г. Аксаковъ печаталъ въ своемъ «Парусѣ» письмо «изъ Польши», подъ которымъ было подписано «Житомиръ» («Парусъ», 1859, II). Въ довершеніе юмора судьбы надъ пониманіемъ хода явленій русской жизни года полтора назадъ въ «Revue des deux Mondes» явилась статья о Галиціи, гдѣ повторяются опять всѣ нелѣпости статьи «Paul de St. Vincent» о туранствѣ великоруссовъ и о тожествѣ поляковъ съ малороссами, и ссылаются въ подтвержденіе на тѣ преслѣдованія, какія терпѣли украинофилы отъ генералъ-губернатора Анненкова, который-де устранилъ отъ каѳедры въ Кіевѣ г. Костомарова... Такое бываетъ только съ русскими дѣлами!

V.

Обратимся къ разсмотрѣнію народной реакціи полонизму въ краѣ Сѣверо-Западномъ. Край тотъ заселенъ племенемъ литовскимъ и бѣлорусскимъ. Что до Литвы въ собственномъ смыслѣ, жмудиновъ и т. п., объ ней, во-первыхъ, всѣ мы имѣемъ весьма смутное понятіе. Поляки доказывали, что литовскій народъ совершенно уже подчинился польской цивилизаціи. Какъ видно изъ примѣра Мицкевича (Конрадъ Валенродъ, разныя лирическія стихотворенія, баллады и пр.), поляки и здѣсь даже стали присвоивать народныя преданія, патріотизмъ и любовь къ краю. Дѣйствительно, между поля-

ками и литовцами существуетъ крѣпкая связь — религія, а литовскій народъ глубоко религіозенъ. Вслѣдствіе этого въ 1862—1863 году тамъ, гдѣ въ литовскомъ селѣ былъ священникъ-полякъ, тамъ и повстанцы находили большую поддержку въ народѣ. Между тѣмъ и въ литовскомъ народѣ показались уже зародыши народнаго сознанія,— сознанія, что литвины—не поляки и, мало того, что интересы литовскаго народа, какъ народа, противоположны интересамъ поляковъ, какъ шляхты.

Весьма характерно, что и здѣсь, какъ и въ остзейскомъ краѣ, подобное сознаніе сопровождалось сознаніемъ и третьяго принципа, а именно, что союзъ съ Русскимъ государствомъ поможетъ литовскому народу, какъ народу и какъ народности, высвободиться отъ давленія польской шляхты и полонизма. Неясными намеками, но подобныя идеи высказались въ книжкѣ литовскихъ стихотвореній, представленной въ Вильнѣ государю во время его проѣзда въ 1858 году. Въ одной статьѣ своей въ 1863 году («Русскій Инв.» 1863 года, № 166. «Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?»), г. Гильфердингъ говоритъ: «Мы получили на-дняхъ письмо отъ одного природнаго литвина, католика по вѣроисповѣданію, но крѣпко любящаго свою литовскую народность. Онъ, между прочимъ, выставляетъ всю несообразность того явленія, что «Виленскій Вѣстникъ», официальный органъ Россіи въ Литвѣ, издается по-русски и по-польски. Если Россія считаетъ нужнымъ сообщать распоряженія правительства и другія извѣстія населенію Литвы не на одномъ только русскомъ языкѣ, такъ какъ онъ для многихъ туземцевъ непонятенъ, то справедливость требуетъ, по мнѣнію нашего корреспондента, чтобы въ официальномъ органѣ подлѣ русскаго языка былъ поставленъ литовскій, но не польскій, ибо, во-первыхъ, литовскій языкъ есть языкъ массы тамошняго населенія, за исключеніемъ бѣлоруссовъ, для которыхъ польскій переводъ русской рѣчи, очевидно, не нуженъ; а во-вторыхъ, если кто въ Литвѣ не понимаетъ по-русски, такъ это именно литвины, а отнюдь не поляки, которые, какъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію и получившіе большее или меньшее образованіе, всѣ достаточно понимаютъ по-русски». (NB. Теперь, значитъ, съ тѣхъ поръ, какъ польскій языкъ исчезъ изъ «Вилен. Вѣстника», положеніе дѣлъ не измѣнилось. Литвины остаются въ полномъ невѣдѣніи о русской государственной

жизни). Въ другой своей статьѣ («День», 1864 г., № 8) г. Гильфердингъ приводитъ отрывокъ изъ другого письма литовца, писаннаго въ 1862 году, въ коемъ высказаны такія же національныя идеи. Русскимъ обществомъ ровно ничего не сдѣлано для поддержки такого движенія. Послѣ возстанія 1863 года иные отнеслись очень неблагосклонно къ литвинамъ, именно какъ къ католикамъ. Весьма любопытно, что два года назадъ, на мѣстѣ, та партія, которая готова была повернуть въ пользу поляковъ ходъ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ то же время, полагая, вѣрно, что это покажется очень «русскимъ», не безъ ревности занималась закрытіемъ католическихъ церквей въ чисто литовскомъ католическомъ округѣ, — что, конечно, не могло не оскорбить до глубины души религіозныхъ литвиновъ. Другіе, откопавъ въ лѣтописяхъ, что литовцы во времена Миндовговъ, Гедиминовъ и Витольдовъ легко братались съ русскими и усвоивали православіе и русскую цивилизацію, рѣшили безъ дальнѣйшихъ колебаній, что литовцы тоже почти русскіе, забывая, что литовцы и въ прежнее время также легко подпадали польскому вліянію и что, какъ бы тамъ это ни произошло, а теперь между литвинами и поляками образовалась связь религіозная, русское же вліяніе у литвиновъ вытѣснено.

Безпристрастное размышленіе надъ такимъ положеніемъ дѣлъ въ Литвѣ и вообще въ Западномъ краѣ приводитъ къ необходимости принятія Русскимъ государствомъ и обществомъ той программы, которая сквозила въ книжечкѣ виленскихъ стихотвореній и въ письмахъ литовцевъ къ г. Гильфердингу, т.-е. къ помощи соціальному и національному возрожденію литовской народности. Первый шагъ къ тому — должно быть раздѣленіе въ литовскихъ округахъ католицизма отъ полонизма. Всѣ виды сколько-нибудь искусственной православной пропаганды вызовутъ только реакцію у литвиновъ; въ то же время мысль, что можно теперь же среди населенія, которое ни слова не понимаетъ по-русски, замѣнить польскій католицизмъ русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго реальнаго основанія; эта мысль можетъ возникнуть въ кабинетѣ теоретика, государственнаго централиста, и какъ всѣ такія мысли поражаются реальнымъ ходомъ исторіи со временъ какого-нибудь Іосифа II, такъ будетъ и съ той мыслью. Для раздѣленія литовскаго католицизма отъ полонизма необходимо, конечно,

образованіе мѣстныхъ священниковъ изъ мѣстныхъ литовскихъ слоевъ населенія, а такъ какъ это населеніе въ массѣ крестьянское, то тѣмъ паче будетъ достигнуто раздѣленіе интересовъ литовскаго католицизма отъ польскаго шляхетства. Трудно предполагать, чтобы легко могло пойти народное образованіе у литвиновъ по-русски; можно бы было, конечно, ввести для печатанія литовскихъ книгъ кирилловскій алфавитъ, можно и должно стараться, чтобы въ литовскихъ школахъ учились и по-русски, но исключительное обученіе на русскомъ языкѣ сильно затруднитъ ходъ образованія народнаго и не достигнетъ своей цѣли. Необходимо имѣть въ виду, что мы живемъ въ вѣкъ возрожденія народностей, что литовская народная литература уже существуетъ, хотя состоитъ преимущественно изъ религіозныхъ книгъ, и что, если бы мы даже выучили литвиновъ въ русскихъ школахъ читать по-русски, то это, въ массѣ, не повело бы дальше знанія русскаго алфавита и обыденныхъ фразъ, а потому литовская народная партія, — а она непремѣнно разрастется, — начнетъ предлагать народу книги литовскія, писанныя, напр., русскимъ алфавитомъ, если захочетъ дѣйствовать практично. Въ то же время употребленіе латинскаго языка въ католическомъ богослуженіи приведетъ къ тому, что хоть часть народа литовскаго будетъ знать и латинскій алфавитъ и будетъ читать писанныя имъ литовскія книжки. И по естественному ходу вещей поляки и фанатическо-католическая партія, — не переставая пугать насъ литовскимъ демократизмомъ и сепаратизмомъ, — непремѣнно начнутъ заготовлять для литовскаго народа книги, въ которыхъ будутъ проводить идеи вражды къ «схизматицкой» и «всепоглощающей Москвѣ».

За подмогою этимъ идеямъ, распространяемымъ фанатическо-католическою партіею, ни въ прошлой исторіи ни въ народныхъ преданіяхъ остановки не будетъ; а между тѣмъ мы могли бы, не горячась объ обрусеніи Литвы, а предоставивъ это дѣло ходу времени и культуры, и заботясь только о привлеченіи взоровъ литвиновъ къ своему краю, своей народности и укрѣпивъ въ нихъ мысль, что краю этому и народности полезна связь съ Россіей и русскимъ народомъ, — могли бы надѣяться, что и народный характеръ, и исторія, и преданія, а главное, интересы, повернутъ литовцевъ отъ Польши къ Руси. Иначе же придется намъ вести мелочную

и всегда неуспѣшную полицейскую и цензурную войну со всѣми проявленіями литовскаго патріотизма, которыя въ нашъ вѣкъ не замедлятъ расшириться.

Литовское національное движеніе имѣетъ еще одну замѣчательную сторону, которой не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упускать изъ виду. И вотъ, именно, эта сторона: на сѣверъ отъ литвиновъ Сѣверо-Западнаго края находятся латыши Остзейскаго, составляющіе вѣтвь того же самаго племени. Отношенія между ними можно сравнить съ отношеніями фламандцевъ и голландцевъ. У латышей встрѣчается большая забота добросовѣстныхъ протестантскихъ пасторовъ-нѣмцевъ о народномъ образованіи и доступности народу слова Божія, а потому реакція нѣмцамъ повела къ національному самосознанію и къ довольно значительной для малаго племени и неблагопріятнаго его соціальнаго положенія литературной дѣятельности. Любопытно, что нѣмцы то хвалятся тѣмъ, что они и начали литературное возрожденіе латышей (какъ и эстовъ), то издѣваются надъ нимъ и, главное, пугаютъ нашу администрацію пока еще демократизмомъ только «младолатышей» и «младо-эстовъ». Словомъ, тутъ та же вѣчная исторія, что и съ польской шляхтой и украинскимъ сепаратизмомъ. По мѣрѣ укрѣпленія латышскаго націонализма, тактика будетъ выставляться еще рѣзче, при чемъ, съ одной стороны, нѣмцы будутъ усиливаться овладѣть къ своей выгодѣ латышскимъ движеніемъ и въ то же время пугать насъ латышскимъ сепаратизмомъ [1]). Но во всякомъ случаѣ по

[1]) Исторія съ г. Бесбардисомъ и т. п. преслѣдованія на „младо-латышскій демократизмъ“ извѣстны. Извѣстно, какъ жалуются рижскіе и другіе остзейскіе корреспонденты нѣмецкихъ изданій на то, что русскіе (то демократы, то администрація, то теперь образовавшееся въ головахъ ихъ чудище altrussische socialdemokratisch-jüngmoskowitische Partei) натравливаютъ на нѣмцевъ латышей. А между тѣмъ Бёккъ въ его замѣчательной книгѣ говоритъ: „Нѣмецкій народъ, который безучастно смотрѣлъ на подавленіе поляковъ въ Литвѣ, видитъ теперь, какъ совершенно послѣдовательно распространяется обрусеніе на самый литовскій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на живущихъ среди литвиновъ нѣмцевъ. Будучи слишкомъ мало распространенъ во всей области литовскаго и латышскаго языка, чтобы считать эти земли нѣмецкими и желать соединенія ихъ съ Германіей, нѣмецкій народъ могъ бы однакожъ служить защитой тѣхъ народовъ, которые были долго ограждаемы нѣмецкой культурой въ Курляндіи и Лифляндіи. Вмѣсто того, чтобы попусту забавляться и носиться съ литовскимъ именемъ „Пруссіи“, лучше бы нѣмцамъ обратить взоры на еще способные къ жизни родственные народы (Brudervölker) этого племени и именно

естественному ходу вещей латышское національное движеніе будетъ расти и должно войти въ соприкосновеніе съ литовскимъ.

Во время послѣдней революціи бельгійской, извѣстно, что фламандцы отпадали отъ Голландіи, какъ по религіозному различію, такъ и потому также, что голландское правительство хотѣло насильно дать преобладаніе голландскому нарѣчію надъ фламандскимъ. Но попавъ потомъ подъ давленіе французскаго элемента валлонцевъ, фламандцы постепенно стали тянуть къ голландскому элементу и теперь фламандское движеніе почти слило свой языкъ съ голландскимъ и усвоило голландское правописаніе. Можно ожидать подобнаго же сближенія латышскаго литературнаго движенія съ литовскимъ, что должно бы имѣть превыгодныя послѣдствія во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и для связи обоихъ племенъ съ Россіей. Во-первыхъ, отъ сношеній съ протестантскими латышами ослабѣлъ бы католическій клерикализмъ литовцевъ, а во-вторыхъ, отъ взаимнаго тяготѣнія латышей и литовцевъ ослаблено было бы нѣмецкое вліяніе на первыхъ, и польское— на вторыхъ. Надо сказать, что и самое административное дѣленіе губерній отъ Вислы до Финскаго залива весьма неблагопріятно для русскихъ и мѣстнонародныхъ интересовъ. Для государства очень невыгодно, чтобы Рига казалась центромъ якобы нѣмецкихъ провинцій и была форпостомъ Кёнигсберга и Берлина, чтобы къ Варшавѣ притягивались литовская Августовская губернія и русскій Холмско-Сѣдлецкій край, чтобы форпостъ этой Варшавы — Вильна притягивала бѣлорусскія провинціи. Поэтому административное раздѣленіе, которое бы отдѣлило русскія земли Царства Польскаго отъ Варшавы и связало ихъ частію съ бѣлорусскими, частію съ юго-западными губерніями, чтобы литовскія земли Царства были, въ

оказать помощь нѣмецкаго народа оставляемому до сихъ поръ безъ вниманія стремленію младо-латышской партіи къ сохраненію и развитію латышской народности, которая совершенно равноправна съ славянскими“ (Der Deutschen Volkszahl) и проч., стр. 64, 65). Любопытно, что г. Гильфердингъ упоминаетъ о ходившей въ 1863 г. идеѣ присоединенія Ковенской губерніи, зерна литовскаго края, къ Остзейскому краю, съ сохраненіемъ statu quo послѣдняго, т.-е. нѣмецкаго языка, какъ офиціальнаго, и остзейскихъ сельскихъ и поземельныхъ отношеній! — Нечего и говорить, что для Россіи и литовскаго племени не такое желательно соединеніе латышскаго края съ литовскимъ.

свою очередь, отдѣлены отъ него, и чтобъ остзейскія губерніи не составляли одного, совершенно искусственнаго цѣлаго, а чтобъ югъ Лифляндіи и Курляндія отдѣлены были къ литовскимъ губерніямъ—было бы полезно какъ для единообразія въ характерѣ административныхъ, судебныхъ и учебныхъ единицъ, такъ и для раздѣленія не русскихъ и въ то же время не народныхъ элементовъ [1]).

Но скажутъ, что такимъ образомъ выйдетъ на сцену «литовскій сепаратизмъ». Мы думаемъ, что при духѣ, который теперь господствуетъ въ Европѣ, національное движеніе среди латышей и литовцевъ, уже и теперь существующее, все равно будетъ расти, и для насъ выгоднѣе помочь его организаціи самимъ или по крайней мѣрѣ держать относительно его благопріятствующій нейтралитетъ, чѣмъ дождаться, чтобъ оно стало орудіемъ дѣйствительно сепаратистическихъ элементовъ, или раздражать это движеніе и тѣмъ только усиливать центробѣжную его сторону. Мы можемъ сослаться на слова г. Гильфердинга, который, какъ ученый, изучавшій внимательно народныя движенія, знаетъ ихъ силу и находитъ къ тому же, что интересы Россіи не только находятся въ противорѣчіи съ принципомъ народности, а, напротивъ, требуютъ безусловнаго его проведенія. Вотъ что говоритъ онъ въ вышеупомянутой статьѣ: «Что касается Жмуди и Литвы въ собственномъ смыслѣ, какъ и латышей Витебской губерніи, то само собою разумѣется, что первоначальное обученіе должно быть производимо на ихъ языкахъ, вполнѣ самостоятельныхъ. Россія, уже признавъ принципъ народности въ западно-русскихъ губерніяхъ, не можетъ не быть вѣрна ему и въ краѣ, обитаемомъ вѣтвями литовскаго племени. Если бы мы стали прежде на эту точку зрѣнія и не предоставляли польскому меньшинству владычества надъ литовскою народностью, то, конечно,

---

[1]) Весь округъ литовско-латышскаго населенія въ Россіи имѣетъ 3.650,000 жителей, изъ коихъ 70% (2.520,000) принадлежатъ къ литовско-латышскому племени (литовцевъ до 1.700,000, латышей до 830,000); въ округѣ этомъ, кромѣ главнаго племени, нѣмцевъ меньше 4% (140—145 т.), евреевъ около 9% (30 т. въ остз. кр., 260 т. въ Литовскомъ), поляковъ отъ 8—9%, русскихъ 9—10%. Такимъ образомъ процентное число нѣмцевъ во всемъ томъ краѣ слабѣе, чѣмъ въ одномъ Остзейскомъ, число поляковъ и евреевъ слабѣе, чѣмъ въ одномъ литовскомъ, а число русскихъ остается почти одинаково при соединеніи какъ и раздѣленіи. — Въ Пруссіи литовскаго племени по Нѣману 147,000.

не удалось бы ксендзамъ и шляхтѣ фанатизировать Литву и Жмудь за Польшу, отъ которой литовская народность такъ долго и такъ много страдала. Постараемся вывести эту убитую Польшей народность изъ омертвѣнія, постараемся открыть ей путь къ образованію на собственномъ языкѣ, къ развитію своего народнаго самосознанія — и мы исполнимъ одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей Россіи въ Западномъ краѣ... Объясняйте литвинамъ законы по-литовски, отстраните тѣ обветшалыя и со времени крестьянской реформы уже ненужныя привилегіи, по которымъ шляхтичъ, т.-е. полякъ, стоитъ выше нешляхтича, т.-е. русскаго и литвина, старайтесь поставить ожидаемыя новыя судебныя и земскія учрежденія такъ, чтобы мѣстное русское и литовское населеніе имѣло въ нихъ голосъ, соотвѣтствующій его дѣйствительному значенію, — словомъ, *слѣдуйте неуклонно, на каждомъ шагу, во всѣхъ подробностяхъ, принципу народности, не* давайте ни въ чемъ преимущества меньшинству надъ большинствомъ, чужому надъ туземнымъ, аристократическому надъ народнымъ: этого требуетъ самая строгая справедливость, самое строгое безпристрастіе, и это разомъ положитъ конецъ неестественному господству польскихъ стихій въ краѣ, не принадлежащемъ польской народности [1]). Впрочемъ, смотря на будущее

---

[1] Упомянутая г. Гильфердингомъ необходимость введенія въ западный край земскихъ учрежденій и судебной реформы наводитъ на важныя размышленія по отношенію къ литовскимъ округамъ. Что литовскіе крестьяне не понимаютъ по-русски, что даже въ школахъ могутъ они только весьма мало выучиться по-русски (да и то забудутъ, выйдя изъ школы) — это несомнѣнно. Что безъ народнаго языка не только словесный судъ, общинное управленіе и даже отчасти областное остается формальностію и чисто бюрократическою, — въ томъ соглашаются даже германизаторы, какъ Бёккъ (Volksprache и т. д., стр. 394). Что же будетъ дѣлать нашъ мировой судья, не понимая ни слова по-литовски, въ краѣ, гдѣ судящіеся и свидѣтели не понимаютъ по-русски? Что будутъ дѣлать гласные отъ литовскихъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ? Примемъ во вниманіе, что польско-шляхетскій элементъ въ Литвѣ и теперь понимаетъ и еще больше овладѣетъ русскимъ языкомъ, и тогда получимъ, что въ гласномъ судѣ и земствѣ этотъ элементъ явится представителемъ и руководителемъ безгласнаго литовскаго населенія. Будетъ ли это къ выгодѣ послѣдняго и Русскаго государства? А будетъ ли выгодно и для народа и для государства оставлять край вѣчно при бюрократическихъ формахъ мѣстнаго хозяйства, суда и управленія? Бѣдѣ могло бы помочь учрежденіе литовско-русскихъ гимназій, семинарій, преподаваніе литовскаго языка въ университетѣ,—С.-Петербургскомъ, напр., пока не откроютъ виленскаго (въ Германіи

подъ реальнымъ угломъ зрѣнія, т.-е. соображаясь съ настоящимъ и прошедшимъ, должно ожидать не только усиленія литовско-латышскаго національнаго движенія, но и того, что намъ не удастся обойтись безъ недоразумѣній, ошибокъ, не обойдется дѣло и безъ интригъ и сплетенъ: пойдутъ въ ходъ жалобы и на сепаратизмъ и на централизмъ и т. п., но въ результатѣ, вѣроятно, все устроится благополучно (если, конечно, тому не помѣшаетъ международная катастрофа), и для литовцевъ и для насъ, и для принципа единства государственнаго и для начала автономіи: интересы массъ населенія литовско-латышскаго края сильно тянутъ къ Русскому государству, русская культура слишкомъ богата, сравнительно съ зарождающеюся литовско-латышской, притомъ же она стала уже и теперь наступать въ эти края. Словомъ, дастъ Богъ, перемелется, — мука будетъ, а до тѣхъ поръ, конечно, безъ путаницы дѣло не обойдется.

Во много разъ яснѣе проявилась реакція полонизму среди бѣлорусскаго населенія. И здѣсь реакція польскимъ тенденціямъ проявилась раньше, чѣмъ въ центрѣ государственной и культурной жизни, чѣмъ въ чисто столичныхъ кругахъ, и здѣсь реакція эта выступила сначала не подъ абстрактнымъ знаменемъ государственнаго патріотизма, а подъ знаменемъ мѣстнаго, племенного патріотизма, — тѣмъ она сильнѣе, значитъ, тѣмъ естественнѣе. Съ конца 1861 года г. Коялович принялъ участіе въ спорѣ, который велся между кіевской археографической комиссіей, г. Костомаровымъ и др. съ одной стороны, и г. Падалицей и др. — съ другой. Въ № 1

послѣ Шлейхера въ нѣкоторыхъ университетахъ преподаютъ литовскій языкъ, ради его филологическаго интереса). Было бы совершенно цѣлесообразно требовать отъ чиновниковъ мѣстнаго управленія и суда доказательства знанія ими литовскаго языка, — только надо облегчить возможность его изученія. Замѣтимъ, что и въ германизаторской Пруссіи, въ гимназіяхъ В. Пруссіи, Познани, части Силезіи преподается польскій языкъ, и чешскій (въ части Силезіи), въ Котбусѣ — лужицко-сербскій. То же надо сказать еще болѣе о духовныхъ семинаріяхъ. Начиная съ брюссельскаго международнаго конгресса 1853 г. изслѣдованіе народныхъ языковъ (langue parlée, language spoken) стало предметомъ общеевропейскаго вниманія. Любопытны будутъ разсужденія объ этомъ предметѣ на ближайшемъ собраніи статистиковъ, которое, какъ извѣстно, будетъ въ Петербургѣ. О важности для насъ литовскаго языка и народности и о трудахъ для нея нѣмцевъ и даже поляковъ см. того же г. Гильфердинга въ „Днѣ“ 1864, № 8.

«Дня» за 1861 годъ (15 октября) явилась статья г. Кояловича «Литва», направленная противъ польскихъ стремленій отожествить Литву съ Польшей. Помѣщая статью эту, редакція московской газеты заявила, что открываетъ свои столбцы обѣимъ спорящимъ сторонамъ. Что до г. Кояловича, то вслѣдъ за этой статьею онъ напечаталъ множество статей и корреспонденцій въ «Днѣ», въ которыхъ, конечно, не выражая и тѣни сколько-нибудь сепаратистическихъ идей, въ то же время высказалъ въ достаточно ясномъ видѣ свое бѣлоруссофильство, которое видно и изъ приведенныхъ выше словъ его. Въ № 8 «Дня» за 1861 годъ появилась статья г. В. Елагина «О Литвѣ и Польшѣ», въ которой авторъ не безъ нѣкотораго (свойственнаго тогда «Дню», только-что обозвавшему все русское развитіе съ Петра «ложью») тумана говоритъ объ отношеніи полонизма къ Россіи, доказываетъ, что полонизмъ есть общественно-культурная, а не государственная сила, что она усилилась въ Западномъ краѣ именно со времени присоединенія его къ Россіи, что, напр., въ присоединенной къ Московскому государству Смоленской области православные смольяне такъ *начали* ненавидѣть *русскихъ*, что до временъ Елисаветы «ни одинъ смоленскій дворянинъ не женился на *русской*». Г. Елагинъ совѣтовалъ «осторожно снимать кору, которая наросла и на литовцахъ, и на полякахъ, и на насъ» (онъ писалъ съ границы бѣлорусской). Г. Елагинъ и редакція «Дня» просили общество подумать о помощи народу бѣлорусскому. Въ томъ же № помѣщена корреспонденція изъ Могилева о польскихъ манифестаціяхъ. Редакція, выразивъ удовольствіе при видѣ первой корреспонденціи изъ Бѣлоруссіи, просила присылать побольше свѣдѣній о положеніи бѣлорусскаго народа, полагая, что и «великорусское общество не останется равнодушнымъ къ участи забытыхъ и забитыхъ братій». Результатомъ запросовъ редакціи о спокойномъ обсужденіи вопроса о Литвѣ явилась, во-первыхъ, уже упомянутая статья М. Грабовскаго, а также два письма изъ Бѣлоруссіи, оба подписанныя «Бѣлоруссъ». Одинъ корреспондентъ, очевидно, мѣстный полякъ, выражался враждебно о Москвѣ, которая «въ *нашей странѣ* построила только крѣпости и остроги, въ *Бобруйскѣ*, *Кіевѣ* и др.». Другой именно задѣвалъ польско-бѣлорусскій патріотизмъ и, приводя слова крестьянъ о причинахъ неудовольствій поляковъ, доказывалъ,

что въ бѣлорусскомъ народѣ не можетъ быть тяготѣнія къ польскимъ интересамъ («День», 1862, № 20). Около этого же времени въ Кіевѣ сталъ выходить журналъ «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи», перешедшій послѣ въ Вильну, подъ редакціей гг. Говорскаго и Эремича, бѣлорусскихъ уроженцевъ, которые помѣщали сначала статьи г. Кулиша «О борьбѣ украинскаго народа съ поляками» и защищали «хлопоманію» отъ польскихъ доносовъ и русскихъ подозрѣній («Что такое хлопоманы?» «В. Ю.-З. Р.», 1862, V), а послѣ напали не только на украинофиловъ, но и на малорусское нарѣчіе, видя въ немъ порчу русскаго языка польскимъ и ставя его по самодѣятельности ниже бѣлорусскаго.

Такимъ образомъ «День» и «Вѣстникъ Западной Руси» стали органами, въ которыхъ находили себѣ выраженіе мнѣнія бѣлоруссофильскія, сводившіяся къ реакціи послѣдняго во имя бѣлорусскаго народа, къ поднятію этого послѣдняго и возбужденію въ немъ національнаго сознанія, съ помощью великорусскаго общества, и къ защитѣ бѣлорусскихъ особенностей отъ слишкомъ ревностной чистки наѣхавшими великорусскими дѣятелями уже послѣ усмиренія возстанія. Особенно замѣчательны были статьи г. Кояловича и анонимныя бѣлорусскія письма, помѣщавшіяся въ «Днѣ» въ теченіе 1863 г. Наиболѣе характерная статья «Встрѣча народности въ Западной Руси съ русскою государственностью и великорусскою народностью. По поводу народныхъ карауловъ въ Западной Россіи». Находясь въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ бѣлорусскими кружками въ Петербургѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ въ то время помышляли-было объ учрежденіи газеты на бѣлорусскомъ нарѣчіи, редакція «Дня» (№ 25, 1863 г.) говорила, что «необходимо, чтобы крестьянинъ понималъ государевъ указъ и внушенія русской власти вполнѣ отчетливо, безъ недоразумѣній, необходимо, чтобы почувствовалъ себя вполнѣ русскимъ, а для того онъ долженъ почувствовать себя прежде всего бѣлоруссомъ: разомъ *вылѣпить изъ него великорусскаго мужика* невозможно, да и нѣтъ надобности. Мы полагаемъ, вслѣдствіе того, что было бы чрезвычайно полезно: преподавать первоначальныя познанія и смыслъ правительственныхъ распоряженій бѣлорусскому крестьянину на бѣлорусскомъ нарѣчіи, учить его читать и писать по-бѣлорусски, а потомъ непремѣнно и по-русски и по церковно-

славянски, что, послѣ бѣлорусской грамоты, ему дастся легко»...

Впрочемъ, всѣ эти бѣлоруссофильскія затѣи кончились ничѣмъ или почти ничѣмъ. Газета не была осуществлена, и по-бѣлорусски только и было напечатано въ 1863 году, правда, управленіемъ виленскаго учебнаго округа, а не частными лицами, «Разсказы на простонародномъ нарѣчіи» да нѣсколько статей въ «Книгѣ для чтенія въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа», да и то статьи эти были поставлены весьма не у мѣста. По смыслу словъ «Дня», вполнѣ согласныхъ съ мнѣніями нашихъ лучшихъ педагоговъ, гг. Водовозова, К. Ушинскаго, Весселя, бар. Корфа, мѣстныя нарѣчія, бѣлорусское и малорусское, должны быть употребляемы при началѣ обученія (когда приходится въ одно время и учить читать и учить понимать), мѣстный элементъ вообще долженъ бы играть роль точки отправленія, затѣмъ долженъ былъ слѣдовать языкъ и элементъ русско-государственный и, наконецъ, церковный, а въ виленской книгѣ для чтенія все было поставлено навыворотъ, и бѣлорусскія статьи были какой-то странной заплатой.

Всѣ дальнѣйшіе попытки и замыслы бѣлоруссофиловъ на нѣчто положительное въ употребленіи бѣлорусскаго нарѣчія въ педагогикѣ и литературѣ разбились о рѣзкія обличенія «Московскихъ Вѣдомостей», направленныя противъ «бѣлорусскаго сепаратизма», хотя далеко не такъ рѣзкія, какъ филиппики противъ «украинскаго сепаратизма», а особенно послѣдовавшее вслѣдъ за статьями «Московскихъ Вѣдомостей» воспрещеніе печатать на западно-русскихъ нарѣчіяхъ статьи педагогическаго и духовнаго содержанія, съ чѣмъ вмѣстѣ провалилась и идея «Дня», и педагоговъ, какъ г. Водовозовъ и др., о составленіи читальниковъ для западно-русскаго населенія, которые бы представляли постепенное восхожденіе отъ мѣстнаго къ обще-русскому и соединеніе мѣстнаго съ общимъ, — идея несравненно болѣе практичная, чѣмъ исключительно малорусское образованіе народа, котораго требовали нѣкоторые изъ украинофиловъ, и чѣмъ обученіе всѣхъ мѣстностей Россіи по однообразной книгѣ для чтенія, въ родѣ «Пчелы», или даже «Родного Слова» г. Ушинскаго или книги г. Водовозова, чего не одобритъ ни одинъ педагогъ, и противъ чего подавали голосъ сами авторы этихъ книгъ, гг. Ушин-

скій и Водовозовъ. Окончательный ударъ практическому примѣненію идей бѣлоруссофиловъ къ народному образованію нанесло распоряженіе Св. Синода, воспрещавшее священникамъ прибѣгать въ проповѣдяхъ къ мѣстнымъ нарѣчіямъ и приказъ заботиться объ очищеніи языка проповѣдей отъ всякихъ провинціализмовъ, какъ унижающихъ достоинство вѣроученія. Мысль объ утилизированіи бѣлорусскаго нарѣчія въ религіозной жизни промелькнула-было во время споровъ объ обрусеніи католицизма въ Западномъ краѣ. «Русскій Вѣстникъ» помѣстилъ, два года назадъ, обстоятельную статью за подписью «Бѣлоруссъ» объ употребленіи русскаго языка въ костелахъ Западнаго края въ прежнія времена. Изъ статьи этой видно, что почти до нынѣшняго вѣка, начиная съ XVI вѣка, выходили въ Вильнѣ и др. городахъ книги проповѣдей, переводы Св. Писанія, сборники духовныхъ стиховъ на мѣстномъ русскомъ (бѣлорусскомъ) языкѣ (то же для малорусскаго дѣлалось въ уніатскомъ Почаевѣ), но что поляки постепенно истребили или отодвинули эти книги и языкъ ихъ на задній планъ и замѣнили польскимъ. Дальнѣйшее употребленіе польскаго языка въ религіозной жизни и поэзіи западно-русскихъ католиковъ не желательно ни для какого русскаго, въ томъ числѣ и для г. «Бѣлорусса», но онъ оставляетъ безъ рѣшенія вопросъ, считаетъ ли онъ полезнымъ и необходимымъ возвращеніе къ прежнему употребленію въ религіозной жизни бѣлорусскихъ католиковъ народнаго языка, хоть какъ переходной степени и въ проповѣди и духовныхъ стихахъ, или же думаетъ обойтись безъ него и прямо перейти къ теперешнему государственно-литературному русскому языку. Впрочемъ, и самый вопросъ объ обрусеніи католицизма какъ-то запутался и затихъ. Но съ поднятіемъ его къ жизни врядъ ли обойдется дѣло, по крайней мѣрѣ въ духовной поэзіи (которую такъ любятъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ) и въ проповѣди, безъ возвращенія, по примѣру прежнихъ временъ, къ мѣстнымъ народнымъ нарѣчіямъ. Католическое духовенство въ Западномъ краѣ, подобно своимъ собратамъ въ другихъ мѣстахъ Европы, изъ духа пропаганды не преминетъ обратиться къ мѣстнымъ нарѣчіямъ для оживленія своей проповѣди и поэзіи; по реакціи официальному русскому языку обратится къ нему и часть польской партіи въ духовенствѣ не безъ задней мысли, что бѣлорусское нарѣчіе — видъ польскаго, а не русскаго, и та-

кимъ образомъ русскій католицизмъ станетъ въ рѣзкое противорѣчіе съ русскимъ православіемъ, которое будетъ держаться старо-славянскаго языка въ богослуженіи и отчасти въ проповѣди и во всякомъ случаѣ избѣгать въ послѣдней мѣстнаго нарѣчія. Это же противорѣчіе, безъ сомнѣнія, вызоветъ извѣстныя затрудненія и путаницы, которыя могутъ уладиться внѣ всякой регламентаціи, отъ коей мы, конечно, не уйдемъ.

Такимъ образомъ бѣлоруссофильство заявило себя на практикѣ не столько съ положительной, сколько съ отрицательной стороны, какъ реакція полонизму, и въ этомъ отношеніи оно имѣетъ и имѣло немаловажное значеніе, особенно въ виду того, что передъ самымъ возстаніемъ въ польскихъ кругахъ стало складываться свое, польское, бѣлоруссофильство, которое стремилось представить реакцію Россіи народнымъ дѣломъ, согласнымъ съ любовью къ краю. Надо, впрочемъ, сказать, что въ русскомъ бѣлоруссофильствѣ была одна черта, которая дѣлала его отчасти и вреднымъ для русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ. Черта эта объясняется тѣмъ, что бѣлорусскіе патріоты въ большинствѣ случаевъ были люди исключительно духовнаго, семинарскаго образованія (результатъ того, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ не было университета). Бѣлоруссофильство въ Вильнѣ выражалось въ послѣдніе годы въ томъ, что наши газеты назвали «клерикализмомъ» Сѣверо-Западнаго края или еще рѣзче — «мрачное сонмище». Разные литературные дѣятели Сѣверо-Западнаго края и лица учебнаго вѣдомства бѣлорусскаго происхожденія отличались вѣрсисповѣдною исключительностью, узкою ненавистью къ католицизму, выражавшеюся и въ препятствіяхъ введенію русскаго языка въ католическое богослуженіе, будто бы того недостойное, будто бы угрожающее русской народности и православію. То же самое высказывалось и по отношенію къ еврейству. Очевидно, что клерикалы бѣлорусскіе смѣшивали понятіе о религіи и народности, во вредъ той и другой. Къ тому же по крайней мѣрѣ редакція «Вѣстника Западной Россіи» доводила племенную и религіозную непріязнь къ ополяченнымъ католическимъ слоямъ населенія Западнаго края до фанатической ненависти къ польской народности и ко всему польскому вообще. Нужно припомнить, что до 1863 года весьма значительная часть даже духовно-педагогическаго

міра въ Сѣверо-Западномъ краѣ была сильно подполячена. Свѣтскій языкъ, салонныя понятія были польскія, а потому, напр., семейства священниковъ, особенно женщины, вообще падкія на свѣтскость, говорили по-польски («День», 1863 г. № 36). Не обходилось дѣло и безъ пѣнія польскихъ революціонныхъ гимновъ прекрасными половинами, польскаго и русскаго происхожденія, и дочерями русскихъ чиновниковъ и даже духовныхъ. «Маленькіе люди» по матеріальному достатку и служебному положенію бѣлоруссы-чиновники и даже священники не разъ принуждены были поддакивать богатому и развитому полонизму, пока не взялъ его въ ежовыя рукавицы ген. Муравьевъ. Но послѣ его крутыхъ мѣръ положеніе дѣлъ перемѣнилось (онъ заставилъ и поляка-редактора «Виленскаго Вѣстника», доказывавшаго прежде необходимость повсемѣстнаго образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ на польскомъ языкѣ, продолжать при немъ изданіе газеты въ другомъ духѣ, да еще такъ, что ген. Муравьевъ остался имъ вполнѣ доволенъ, что потомъ выставлялъ въ свою защиту отъ нападеній г. Каткова его бывшій корреспондентъ). А какъ перемѣнилось положеніе дѣлъ, то не обошлось дѣло и безъ ревности, свойственной неофитству.—«Всѣ мы люди, всѣ человѣки!»—но только неофитская ревность въ преслѣдованіи полонизма и фанатическая ненависть къ католицизму и польской народности вообще не могла не нанести вреда въ особенности въ школьномъ и научномъ дѣлѣ, которое «не терпитъ суеты». Оппозиція же «обрусенію католицизма» изъ православнаго фанатизма прямо уже ведетъ неумѣлаго русскаго патріота «въ панургово стадо». А потому громы, которые изрѣдка пускали «Московскія Вѣдомости» въ «виленскій клерикализмъ» и «бѣлоруссофильство», были далеко не безполезны, хотя и не совсѣмъ послѣдовательны, такъ какъ въ вопросѣ объ организаціи народнаго образованія въ Западномъ краѣ «Московскія Вѣдомости» совершенно поддерживали систему «виленскаго клерикализма» и только въ недавнее время стали высказывать мысли, что дѣло народнаго образованія не можетъ успѣшно итти, будучи исключительно возложено на духовенство [1]).

---

[1]) „День“, конечно, ослѣпленъ былъ еще болѣе. Такъ, корреспондентъ его г. Н. Рычковъ передаетъ слова крестьянъ о томъ, что школа врядъ ли

VI.

Почти одновременно съ бѣлоруссофильствомъ выступило противъ польскихъ притязаній «московское славянофильство», которое съ такимъ же правомъ можетъ быть названо «велико-руссофильствомъ». Мы опасаемся, что это послѣднее названіе не понравится приверженцамъ московскаго славянофильства, которое бы желало, чтобъ его чествовали просто славянофильствомъ даже безъ прибавленія «московскій»—прибавленіе, которое-то именно и даетъ направленію при всѣхъ его всероссійскихъ и всеславянскихъ тенденціяхъ значеніе тоже «областного патріотизма», коли хотите тоже своего рода сепаратизма. Такъ какъ характеръ московскаго славянофильства не остался безъ вліянія на отношеніе его къ польскому вопросу и къ Западно-русскому краю, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи этого характера. Московское славянофильство, конечно, не чуждо всеславянскихъ и всероссійскихъ тенденцій, оно такъ много говоритъ

пойдетъ хорошо въ рукахъ священника: „Гдѣ батюшкѣ учить,—говорили крестьяне въ Козянахъ, Виленской губерніи; онъ покажетъ въ книгѣ рядокъ (строку) и этого довольно на цѣлый день. Знаемъ мы, какъ батюшка учитъ! Если школа будетъ у батюшки безъ *помощника*, мы не отдадимъ дѣтей“. Священникъ толковалъ: „Не ваше дѣло объ этомъ разсуждать: пріѣдутъ начальники, снимутъ съ меня отчетъ“. — „Да вѣдь дѣтки-то наши, — отвѣчали крестьяне,—труды и время пропадутъ!“—По поводу этого характернаго разговора г. Рычковъ выражается, что „крестьяне говорили, вѣроятно, вслѣдствіе совѣщанія съ какимъ-нибудь ксендзомъ или писаремъ“ (?!) и что „подъ помощникомъ, вѣроятно, совѣтники разумѣли поляка (?!), и совершенно (какъ и редакція „Дня“) раздѣляетъ точку зрѣнія священника: „не ваше дѣло разсуждать о вашихъ дѣткахъ!“ — Мы привели этотъ примѣръ, какъ характеризующій образъ отношеній нашихъ дѣятелей и публицистовъ „обрусенія“ къ народу: то превозвышаютъ его, какъ носителя сущности русской народности, и видятъ въ его изреченіяхъ высокую мудрость, давая ей даже политическое значеніе, то, когда это идетъ противъ ихъ теорій, коньковъ, а то и карманныхъ интересовъ, вдругъ мудрость обращается въ тупое слѣдованіе совѣтамъ какого-нибудь ксендза, носитель русской коренной народности — въ ополяченный объектъ мѣропріятій, — и все заканчивается восклицаніемъ: „не ваше дѣло разсуждать!“... хотя бы и о „вашихъ дѣтяхъ“. — Извѣстно, что то, что говорили крестьяне Виленской губерніи, говорилось на множество ладовъ въ земскихъ собраніяхъ, даже какой-нибудь Вятской и Самарской губерніи, куда и духу польскаго ксендза трудно залетѣть.

о любви своей ко всѣмъ славянскимъ племенамъ и, надо отдать ему честь, по временамъ сильно скрѣпляло свое сердце до самыхъ лирическихъ отношеній даже къ католическимъ полякамъ, чехамъ и хорватамъ. Его первый періодическій органъ «Русская Бесѣда» былъ притономъ, въ коемъ выступило и украинофильство въ «Эпилогѣ къ Черной радѣ», г. Кулиша; тутъ же г. Хомяковъ привѣтствовалъ появленіе проповѣдей о. Гречулевича и желаетъ видѣть почаще слово Божіе, излагаемое на мѣстныхъ живыхъ русскихъ нарѣчіяхъ (1857 г.). Въ «Днѣ» Ил. Б—въ (1862 г., № 52), хотя и не безъ ворчанія, встрѣтилъ сочувственно извѣстіе о приготовленіи къ печати Евангелія на малорусскомъ языкѣ и выразилъ готовность «москвичей помочь этому дѣлу для того, чтобы показать, что для нихъ и теперь живо и дѣйственно слово, сказанное ихъ отцами малоруссамъ въ XVII вѣкѣ: «рады умереть за вѣру православную, за нашихъ братьевъ черкасъ!» «День» навлекъ на себя укоры «Московскихъ Вѣдомостей» за посильную защиту предпріятія г. Костомарова издавать для малороссійскаго народа книги для чтенія и обученія на его родномъ языкѣ (1863 г., №№ 27, 29). «День» сталъ органомъ бѣлоруссофильства, защищалъ бѣлоруссовъ (впрочемъ, преимущественно духовенство) отъ слишкомъ ревностныхъ пріемовъ очистителей русскаго элемента въ Западномъ краѣ, наѣхавшихъ изъ Великой Руси, простиралъ свою снисходительность даже до терпимости къ усвоеннымъ въ Бѣлоруссіи католическимъ чертамъ церковной и религіозной жизни. «День» помѣщалъ такія статьи, какъ упомянутая г. Кояловича, о встрѣчѣ западнорусской народности съ великорусской, въ коей бѣлоруссъ-авторъ, сравнивая пробудившееся недавно стремленіе русскихъ племенъ къ единенію съ таковымъ же, произведеннымъ обращеніемъ Хмельницкаго къ Москвѣ, и съ совмѣстными войнами малороссовъ и великоруссовъ съ поляками въ XVII вѣкѣ, считаетъ «небезполезнымъ напомнить давный совѣтъ Ордына-Нащокина, по которому слѣдовало сдерживать всѣ дурныя страсти при встрѣчѣ съ народомъ западно-русскимъ и пріобрѣтать его любовь добрыми и гуманными дѣлами» [1]).

---

[1]) „Передовой человѣкъ своего времени, — говоритъ далѣе г. Кояловичъ объ Ордынъ-Нащокинѣ,—безъ сомнѣнія, понималъ, или чувствовалъ, что долго разъединенныя половины русскаго народа не могли не выработать такихъ

Помѣщеніе такого рода строкъ, какъ выписанныя изъ статьи г. Кояловича, и вышеизложенное отношеніе «Русской Бесѣды» и «Дня» къ украинофильству и бѣлоруссофильству показываютъ, какъ старалось московское славянофильство отнестись къ народнымъ движеніямъ и въ другихъ русскихъ племенахъ. И это отношеніе совершенно естественно: будучи

особенностей, которыя могутъ послужить поводомъ къ разъединенію и враждѣ, если не рѣшиться на подвигъ братской любви и снисхожденія. Къ несчастію, страсти и привычки взяли верхъ надъ дивными совѣтами передового человѣка и страшно попортили дѣло, къ великой радости поляковъ (взаимныя недоразумѣнія Хмельницкаго и московскаго правительства, потомъ усилившіяся при другихъ гетманахъ, что повело къ оставленію программы Хмельницкаго о вольномъ соединеніи всего русскаго народа до Львова, и къ тому, что московское правительство, для того, чтобы подвести подъ общій свой порядокъ упорную Малороссію, предпочло отдать, по Андрусовскому миру, правую половину ея полякамъ). Теперь можетъ случиться то же самое. Въ западно-русскомъ народѣ и теперь есть свои историческія особенности, требующія тѣмъ болѣе гуманнаго отношенія, что надъ ними носится духъ народной воли. Русскимъ людямъ предстоитъ понять это и рѣшиться на тотъ же подвигъ, къ которому призывалъ современниковъ Ордынъ-Нащокинъ. И не думайте, что это—легкій подвигъ, что всѣмъ русскимъ людямъ легко его выполнить. Трудности есть и очень большія. Русскіе люди, находящіеся теперь въ западной Россіи, естественно настроены вездѣ видѣть строгое, обще-русское единство,— а передъ ними вдругъ выступаютъ малороссъ, бѣлоруссъ и тѣмъ болѣе литвинъ. Русскому человѣку поэтому естественно видѣть вездѣ въ западной Россіи поражающую *неполноту* русскаго элемента и рядомъ съ этою неполнотою видѣть что-то совершенно *лишнее, негармонирующее*. Ему, особенно теперь, въ минуты патріотическаго напряженія, не легко можетъ притти въ голову, что въ этомъ, видимо, лишнемъ, негармонирующемъ, сохранилось, можетъ-быть, много древнѣйшихъ формъ старой восточно-славянской жизни. Ему естественнѣе думать, что все [это *наносное, польское,* и подъ вліяніемъ вражды къ полякамъ онъ сочтетъ себя въ правѣ, и въ правѣ видимо законнѣйшемъ, все это измѣнять и уничтожать — возсоздавать русскую полноту въ западно-русскомъ народѣ (авторъ въ выноскѣ говоритъ, что ему много извѣстно подобныхъ неразумій, да говорить было бы долго и тяжело). Онъ, естественно, будетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ тутъ противъ Польши, а между тѣмъ тутъ-то онъ и сойдется съ поляками самымъ ближайшимъ образомъ. Тутъ-то именно онъ покажетъ то аристократическое, шляхетское отношеніе къ крестьянству, хлопству, передъ которымъ все народное должно было уступать и которое навѣки-вѣчные приготовило полякамъ ненависть въ народѣ западной Россіи. А станьте только разъ на этотъ путь, объединяющій васъ въ глазахъ народа съ поляками, и незамѣтно пойдете дальше и сблизитесь совсѣмъ съ поляками, не въ томъ справедливомъ сближеніи, которое всегда желательно, а въ томъ, которое будетъ губить въ западной Россіи народное дѣло—во вредъ вамъ и въ пользу полякамъ".

тоже «хлопоманіей», т.-е. движеніемъ, которое стремится восполнить бездну, раздѣляющую привилегированные классы отъ крестьянства, и видитъ въ послѣднемъ образецъ и основу народности, будучи результатомъ романтизма, т.-е. обращенія къ прошлому, когда и различія классовъ были слабѣе, и народъ имѣлъ много случаевъ, по отсутствію или слабости государственной регламентаціи, проявлять себя самостоятельно, московское славянофильство не могло не уважать и при случаѣ не поддерживать аналогическихъ съ нимъ стремленій и на западныхъ концахъ Россіи и даже въ Польшѣ. Но, оказывая сочувствіе родственнымъ съ собою и исходившимъ изъ одного принципа движеніямъ, не могло также (что еще болѣе естественно) не имѣть пристрастія къ своему ближайшему, а это пристрастіе переходило даже въ исключительность, благодаря качеству тѣхъ элементовъ и тѣхъ традицій, къ которымъ обращалось это направленіе. Московское славянофильство возросло на почвѣ народности великорусской, границы которой почти совпадаютъ съ границами Московскаго государства до $^1/_2$ XVII в., т.-е. до присоединенія къ нему Малороссіи и до очевиднаго появленія того направленія, которое довело до кризиса, называемаго петровской реформой. Проживши же долгое время въ удаленіи отъ остального свѣта, Московское государство выработало достаточную долю самопоклоненія, народной и религіозной исключительности. Московскіе славянофилы видѣли чистый образецъ русскаго и даже славянскаго государства въ этомъ государствѣ XVII в., съ его общественными и религіозно-культурными признаками, а въ великорусскомъ мужичкѣ не только образецъ оторванному петровской реформой отъ народа мѣстному обществу, но и чистый типъ русскаго и славянскаго человѣка. Всѣ остальные виды русскаго человѣка — западные, а тѣмъ паче западнаго славянина, казались московскимъ славянофиламъ порченными, отчасти на такой манеръ, какъ казались православнымъ москвичамъ XVII в. не православными черкасы и бѣлоруссы, а поляки ужъ вовсе чуть не нехристями. Призывая высшіе классы къ единенію съ народомъ, рядясь въ красную рубаху, восхищаясь героями государственной жизни только древне-московскаго государства, московскій славянофилъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ косо на то, что и хохолъ тоже нарядится въ свою вышитую рубаху, начнетъ говорить рѣчью своего про-

стонародья, восхищаться и своею старою исторіей и по свойственной русскому человѣку подозрительности и наклонности искать «подвохи», «бунтовщиковъ» и «антихристовъ», начинаетъ искать, нѣтъ ли тутъ и впрямь польскаго или вообще вражьяго участія. А разъ сошелъ человѣкъ съ дороги довѣрія, начинаются недоразумѣнія, неискренность и т. д. Такая двойственность въ отношеніи московскаго славянофильства къ народному движенію въ западной Руси, особенно къ украинскому (такъ какъ бѣлоруссофильство осталось на ступени покровительствуемаго еще направленія, подобно тому, какимъ было украинофильство еще во время «Русской Бесѣды» и старыхъ славянофиловъ (С. и К. Аксаковыхъ, Хомякова), не осталось безъ вліянія на ходъ дѣлъ въ Западномъ краѣ; а еще большія послѣдствія имѣли отношенія московскаго славянофильства къ полякамъ и евреямъ въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ.

Пререканія между московскимъ славянофильствомъ и украинофильствомъ начались изъ-за чисто ученаго разногласія. Ил. Б—въ помѣстилъ въ «Днѣ» замѣтку противъ статьи г. Костомарова «Двѣ русскія народности» подъ названіемъ «Корень русской народности», въ коей не только оспаривалъ теорію г. Костомарова о южно-русскомъ происхожденіи Новгорода, которая, конечно, очень можетъ подлежать спору, но въ то же время въ видѣ revanche'a съ излишкомъ противопоставилъ ей теорію, ужъ вовсе ни на чемъ не основанную, развѣ на областномъ самомнѣніи, что новгородцы были великорусскимъ племенемъ, широко распространеннымъ до Бѣлозера и Смоленска, сосредоточеннымъ и организованнымъ сравнительно съ разъединенными и неспособными къ общественному развитію племенами южными, къ которымъ сѣверяне принесли гражданственность и которыхъ съ полнымъ правомъ «примучивали», если тѣ обнаруживали упорство въ нежеланіи подчиниться высшей гражданственности. Послѣ нѣсколько горячаго отвѣта г. Костомарова, г. И. Б—въ уже началъ вторую свою статью словами: «г. Костомаровъ, — тотъ самый, который *постоянно проповѣдуетъ о близости южно-русскаго народа къ польскому* по основамъ народнаго характера, о перевѣсѣ въ насъ, сѣверноруссахъ, финскаго и татарскаго начала надъ славянскимъ и т. д.». Съ этихъ поръ дальнѣйшая критика славянофильскихъ органовъ противъ сочиненій г. Косто-

марова (исключая разбора «Сѣверноруссскихъ Народоправствъ» г. Гильфердинга) утратила совершенно научный характеръ, и славянофильскій органъ, наконецъ, дошелъ до выраженія, будто г. Костомаровъ каждымъ своимъ сочиненіемъ хочетъ только доказать, что «великоруссы — канальи!»..

Также плачевно кончились и пререканія между украинофилами и московскими славянофилами и по вопросу о малорусской литературѣ. По мѣрѣ того какъ развивалось малорусское движеніе, въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ нашихъ поднялся вопросъ о необходимости и предѣлахъ развитія литературы малорусской. Нѣкоторые изъ украинофиловъ доказывали, хотя и не всегда ясно, что на почвѣ малорусской народной рѣчи можетъ и должна развиться полная и всесторонняя литература, такая же, какъ теперешняя русская, развившаяся на почвѣ языка великорусскаго. Во имя правъ каждаго народа на свободу развитія своей индивидуальности, украинофилы этого рода требовали права свободнаго развитія новообразующейся литературы, признанія за языкомъ этой литературы офиціальнаго значенія, употребленія въ казенныхъ школахъ. Другіе же признавали всякую попытку писать нарѣчіемъ, уклоняющимся отъ общепринятаго въ литературѣ, за, по меньшей мѣрѣ, смѣшную, а то и опасную попытку злонамѣренныхъ людей. «День» сталъ было въ этомъ вопросѣ на самую вѣрную и практичную точку: въ статьѣ г. В. Ламанскаго (1861 г., № 2) въ примѣчаніи къ письму г. Кулиша (1861 г., № 7) и въ статьѣ редакціи въ № 20 — «День» высказалъ свои понятія объ этомъ вопросѣ. Г. Ламанскій, по вопросу, на какомъ языкѣ писать галицкимъ русинамъ, высказалъ два положенія: 1) что наши малороссіяне не могутъ отбросить русскаго литературнаго языка, 2) что русины не могутъ оставить своего нарѣчія безъ литературной обработки. «Признаемся, — говоритъ г. Ламанскій, — мысль о возможности особой малорусской литературы (а не мѣстной словесности) представляется намъ величайшею нелѣпостью. Эта литература возможна только при условіяхъ самыхъ невообразимыхъ. Такъ, напримѣръ, надо убѣдить всѣхъ мыслящихъ малороссіянъ въ ея необходимости, надо имъ позабыть употребленіе русскаго языка, перестать читать русскія книги, надо образовать цѣлыя поколѣнія малороссіянъ въ невѣдѣніи русскаго языка и литературы! Безъ этихъ условій

самостоятельная украинская литература немыслима. По-нашему, одинаково нелѣпо, роптать ли на судьбу и обижаться такимъ выводомъ, или гордиться имъ и видѣть въ этомъ обстоятельствѣ умственное превосходство великоруссовъ надъ малороссіянами. Но если невозможна самостотельная литература малорусская, то возможна и полезна литературная обработка нарѣчія малорусскаго, рядомъ съ общерусскимъ языкомъ, особая *малорусская словесность*, рядомъ съ русскою литературою, съ русскою наукою и образованностью». (Редакція замѣтила въ выноскѣ: «для домашняго обихода». Вспомнимъ статью Хомякова въ «Р. Бесѣдѣ», съ искреннею радостью привѣтствовавшаго появленіе малороссійскихъ проповѣдей Гречулевича). Въ № 20 1862 года редакція «Дня», сославшись на свои слова въ № 7, между прочимъ, говоритъ: «Мы уже выразили свое искреннѣйшее желаніе полнѣйшей, безпрепятственной свободы развитія малорусской народной литературы. Мы не думаемъ, чтобъ это развитіе когда-нибудь раздвоило *русскій* литературный языкъ,— языкъ образованнаго *общества* всей русскй земли, безъ различія малоруссовъ и великоруссовъ, но мы никогда не посовѣтовали бы ни Шевченку ни М. Вовчку писать—первому свои великолѣпные стихи, а второму—украинскія повѣсти на языкѣ обще-литературномъ, а не простонародномъ — малорусскомъ». Въ силу своего убѣжденія въ пользѣ малорусской литературы для «домашняго обихода», редакторъ «Дня» выражалъ сочувствіе и предпріятію г. Костомарова издать на малорусскомъ языкѣ Евангеліе и книги элементарнаго научнаго содержанія для народнаго чтенія.

Такое умѣренное и чисто на практическихъ началахъ основанное воззрѣніе редакціи «Дня» весьма не далеко было отъ понятій и большинства малороссійскаго общества и самого г. Костомарова (см. статью его объ учебникахъ для народнаго чтенія въ «Основѣ» и письмо къ редактору «Дня» въ 1863 г., №№ 27, 29). Впрочемъ, какъ бы ни думали ни мечтали разные украинскіе писатели, а для дѣла важно было бы то, что, за самыми ничтожными исключеніями, украинское нарѣчіе употреблялось литературно только для беллетристики изъ народной жизни (такимъ образомъ, въ русской литературѣ образовался отдѣлъ народной беллетристики и поэзіи малорусской, подобно тому, какъ комедіи и драмы Островскаго, нѣкоторыя стихотворенія и поэмы Некрасова, гр. Ал. Толстого, разсказы

Успенскаго и др. образовали отдѣлъ великорусскій) и въ изданіяхъ для народнаго элементарнаго чтенія и предварительнаго обученія (подобно тому, какъ въ русской педагогической литературѣ изданія, какъ «Родное Слово» г. Ушинскаго и др. изданія гг. Семенова, Водовозова внесли въ доброй дозѣ народный великорусскій языкъ и его произведенія въ педагогику даже высшихъ классовъ общества). Какъ выразился г. Ламанскій, и гг. Костомаровъ и Кулишъ писали свои ученые и политическіе труды, Шевченко — свой дневникъ на общерусскомъ языкѣ, и на практикѣ малорусская литература дальше литературы для «домашняго обихода» не шла и, конечно, не пошла бы.

Спокойное и долговременное выдерживаніе такого практичнаго и умѣреннаго воззрѣнія на малорусскій литературный вопросъ принесло бы огромную пользу русскому литературному и общественному развитію и народному образованію. Въ особенности оно было бы благотворно по своему вліянію на Галицію, изъ-за которой прежде всего и поднялся споръ въ нашей публицистикѣ. Въ Галиціи дѣйствительно вопросъ объ украинской словесности представляетъ не малую практическую важность. Тамъ украинская словесность, появившись преимущественно съ 1861 года, произвела большое впечатлѣніе. Тамъ польско-украинская литературная школа имѣла еще больше вліянія, чѣмъ въ нашей правобережной Украинѣ; тамъ выходили книги, брошюры, статьи, какъ, напримѣръ, извѣстнаго историка польскаго Генриха Шмидта—«Нѣсколько безпристрастныхъ словъ о вопросѣ русскомъ» (Kilka słów bezstronnych o kwestii Rusinskïej), какъ, напримѣръ, корреспонденція изъ Львова въ №№ 304—310 «Варшавской Газеты» какъ статья, присланная изъ Галиціи въ «Библіотеку Варшавскую» (1861 г., декабрь) Феликсомъ Жоховскимъ о языкѣ русиновъ, — статьи, брошюры и книги, въ которыхъ доказывалось на разные лады, что «русинъ и мазуръ — разновидности поляка по рѣчи, характеру, исторіи».

Противъ этой польской литературы и публицистики, начиная съ 1848 года, выдвинулась русинская народная партія, русинская литература. Но, по несчастію, — быть-можетъ, по оторванности отъ народа галицкихъ семинаристовъ прежняго времени, — литература эта не представила ни одного таланта, кромѣ Маркіана Шашкевича, который, по своему стре-

мленію стать на почву народныхъ пѣсенъ, можетъ быть почитаемъ основателемъ галицкаго украинофильства (хоть теоретически онъ объ этомъ, можетъ-быть, и не думалъ). Литература эта состояла или изъ сухихъ, хотя и ученыхъ, статей по исторіи и археологіи Галицко-Володимерской Руси, изъ которыхъ иныя, напримѣръ, исторія Львова, Зубрицкаго, даже были писаны по-польски, или изъ писанныхъ польско-русинско-ломоносовскимъ языкомъ одъ въ честь австрійскихъ императоровъ, львовскихъ митрополитовъ. Наиболѣе плодовитый литераторъ предпослѣдней эпохи Галиціи, Б. Дѣдицкій, попытавшій свои силы и въ эпическомъ родѣ, написалъ тѣмъ же мѣшаннымъ языкомъ поэмы «Буй Туръ Всеволодъ», «Сонъ Князя Льва», «Конюшій», одно названіе которыхъ показываетъ, что для противопоставленія польско-украинской школѣ и польскимъ идеямъ галицко-русская литература не нашла противопоставить ничего живѣе, какъ вычитанныя изъ лѣтописей удѣльнаго періода имена и традиціи великокняженія. Наша общерусская литература была почти невѣдома въ Галиціи да, несмотря на все сдѣланное и написанное въ послѣднее время, мало вѣдома и до сихъ поръ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, и именно благодаря ея главному достоинству, *реальности*, эта литература мало можетъ вліять въ Галиціи потому, что реальное-то положеніе послѣдней рѣзко отличается отъ нашей общественной жизни. Если чѣмъ могла бы вліять тамъ наша литература, — и это вліяніе въ высшей степени желательно, — такъ это не столько своимъ содержаніемъ, сколько направленіемъ, пріемами, — именно своею реальностью, ибо во многихъ отношеніяхъ галицкія литературныя понятія и до сихъ поръ соотвѣтствуютъ нашимъ еще допушкинскаго и даже до-карамзинскаго періода.

Среди такихъ-то обстоятельствъ въ 1861 — 1863 гг. появились въ Галиціи произведенія украинской словесности съ ихъ рѣзкимъ народнымъ, противопольскимъ направленіемъ, съ ихъ во всякомъ случаѣ живымъ языкомъ, а главное, — съ ихъ именно простонароднымъ, реальнымъ направленіемъ. То, что казалось бѣднымъ и мелкимъ у насъ, эта, какъ выразился одинъ остроумецъ, десяти-фунтовая литература, оказалась богатою для Галиціи. Къ тому же въ дѣятеляхъ этой литературы, Шевченкѣ, М. Вовчко, Кулишѣ, Стороженкѣ и др., никто не станетъ отрицать таланта сравнительно и съ извѣст-

ными у насъ беллетристами, а о галицкихъ и говорить нечего. Въ 1861 — 1862 гг. въ Галиціи появился только одинъ дѣйствительно высоко-талантливый поэтъ, Федьковичъ, судьба котораго аналогична съ Шевченковой: Федьковичъ тоже простолюдинъ, по счастію, избѣжавшій семинарскаго и польскаго вліянія, которому подпадали другіе галицкіе литераторы, дѣти духовныхъ, воспитывавшіеся въ городахъ, гдѣ польская рѣчь до сихъ поръ преобладаетъ, уроженецъ Буковины, гдѣ по мѣстамъ русскій народный языкъ беретъ даже перевѣсъ надъ молдавскимъ, онъ попалъ въ солдаты, занесенъ былъ судьбою въ Италію, тамъ у Манженты и Сольферино вспомнилъ свою далекую родину, ея простыя пѣсни и запѣлъ не «по былинамъ стараго времени», а попросту о разлукѣ съ матерью, о долѣ солдата, о горной родинѣ, о ея мужицкихъ и разбойничьихъ преданіяхъ и во многомъ изумительно сошелся съ Шевченкомъ, которымъ онъ очарованъ, познакомившись съ Кобзаремъ, до потери во многомъ собственной самостоятельности. Изъ предисловія г. Дѣдицкаго къ изданію пѣсенъ Федьковича (Львовъ, 1863) видно, что Шевченко подготовилъ почву для соотвѣтственнаго пріема въ галицкой публикѣ Федьковичу, а изъ статьи журнала «Вечерницы» (Львовъ, 1863) о Шевченкѣ видно, что Федьковичъ, въ свою очередь, облегчилъ ходъ и украинскому поэту въ этой публикѣ, передавъ по-своему его простыя мужицко-казацкія темы. Украинская литература и переводы статей изъ «Основы», писанныхъ на нашемъ обще-литературномъ языкѣ, внесли въ галицкорусскую публику массу свѣтлыхъ, свѣтскихъ идей, повернули ее отъ князя Льва, митрополитовъ,—къ народу, отъ Руговъ и Роксалановъ, — къ обыденнымъ крестьянскимъ нуждамъ, къ *лісамъ* и *посовискамъ*, отъ переводовъ Платона на неимовѣрное нарѣчіе—къ составленію статей для народнаго обученія по естествознанію и т. п. Въ то же время, какъ это ни покажется парадоксомъ тому, кто знакомъ съ галицкою литературою по тому только, что пишется въ нашихъ газетахъ, украинская литература и петербургская «Основа» были первою живою нитью, которая притянула нашихъ оторванныхъ отъ Россіи соплеменниковъ въ сферу русскихъ интересовъ.

У насъ теперь часто пишутъ, что галицкое украинофильство есть орудіе поляковъ и австрійскаго правительства для произведенія раскола въ тамошнихъ русскихъ кружкахъ, для

разрыва галицкихъ русскихъ съ Россіею. И это отчасти вѣрно, но только для послѣдняго времени. Но прежде дѣло стояло вовсе не такъ. Дѣло въ томъ, что въ 1848 году, когда австрійское правительство почувствовало нужду опереться на русиновъ, какъ на орудіе для противодѣйствія полякамъ, оно въ то же время обезпокоилось, какъ бы и это орудіе, усилившись съ его помощью, не ушло изъ рукъ его. — «Что вы за народъ?» спрашивалъ австрійскій нѣмецъ—намѣстникъ депутатовъ отъ русской рады въ 1849 году. Тѣ отвѣчали: «Мы рутены, австрійскіе русины (русинъ — русскій — Ruthenus; русинъ назывался русскимъ въ договорахъ Олега, а Rutheni называли старые европейскіе писатели всѣхъ русскихъ, въ томъ числѣ и москвичей), жители королевства галицко-владимирскаго (Königreich Galizia und Lodomerien), утѣсненные когда-то поляками и облагодѣтельствованные монархами австрійскими, которые съ Іосифа II дали намъ постепенно права человѣческаго существованія между народами (послѣднее было и вполнѣ вѣрно)». Въ качествѣ такого спеціальнаго австрійско-рутенскаго народа, галицкіе русскіе и пользовались покровительствомъ австрійско-нѣмецкаго правительства Баха, Шмерлинга и т. п., которые дѣлали изъ нашихъ соплеменниковъ орудіе для укомплектованія централистической партіи и для подавленія славянско-федералистическихъ стремленій. Для этого ad hoc изобрѣтеннаго народа признана была и достойная его литература, преимущественно уніатско-церковная, съ славяно-польско-украинскимъ языкомъ и латинско-нѣмецкой конструкціей, со старокирилловской азбукой, которую бросить, и то не совсѣмъ, рѣшились галицкіе писатели только послѣ объявленія въ Австріи конституціи въ 1867 году. Для спеціальнаго австрійско-рутенскаго народа учрежденъ былъ и официальный журналъ въ Вѣнѣ «Вѣденскій Вѣстникъ», существовавшій до 1866 года. И вдругъ въ 1861—1862 гг. оказывается, что австро-рутенскій народъ есть часть болѣе чѣмъ 15-милліоннаго племени малороссійскаго, котораго болѣе 12 милл. живетъ за предѣлами Австріи, что тамъ это племя на свой страхъ вступило давно уже въ борьбу съ поляками, успѣло было выбиться изъ ихъ неволи и добровольно, хотя съ подобающими обстоятельствамъ условіями, соединилось съ племенемъ, давшимъ основу для могущественной Россійской имперіи. Что въ этой имперіи, въ столицѣ, выходитъ журналъ

и сосредоточены силы интеллигенціи цѣлаго племени, котораго галичане — часть, и что къ этому органу и этому центру тянутъ и галицко-австрійскіе рутены. Теперь австрійской бюрократіи, постоянно дрожащей за вѣрность управляемыхъ ею народовъ, доставляетъ непріятное чувство, когда она слышитъ о существованіи въ Галиціи партіи, которая считаетъ галицко-русскій народъ частью пятидесятимилліоннаго народа русскаго, и, наоборотъ, эта бюрократія утѣшается, что другая галицкая партія считаетъ народъ свой частью 15—16-милліоннаго народа малорусскаго, и притомъ частью, которая наслаждается свободою развитія своей народности, въ то время, когда остальная бо̀льшая часть этого народа стонетъ подъ властію «ненасытнаго московскаго централизма». Но какъ тамъ ни верти, а все-таки австрійскіе рутены — часть, а не цѣлое; бо̀льшая часть этого цѣлаго все-таки находится въ Россіи, а потому австрійская бюрократія, какъ и поляки, никогда до конца не можетъ быть спокойна въ виду распространенія въ Галиціи украинофильства, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, такъ и вовсе была недовольна этимъ распространеніемъ. Мы уже приводили отзывы польскихъ галицкихъ газетъ о Шевченкѣ, «Основѣ», хлопоманіи и т. п. Когда львовское «Слово» и «Вечерницы» стали перепечатывать и переводить статьи изъ «Основы», хотя еще сохраняя старое правописаніе (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несогласное съ малорусскою кулишевской, но отличающееся также и отъ правописанія русскаго), — «Вѣденскій Вѣстникъ» сталъ предостерегать львовскихъ литераторовъ отъ «украинскаго болота» и совѣтовалъ имъ итти прежней дорогой и заботиться о развитіи австрійско-русской литературы на старыхъ церковно-рутенскихъ началахъ («Вѣденскій Вѣстникъ», 1863, № 56). До какой мелочности доходила тогда польско-австрійская подозрительность, видно изъ слѣдующей замѣтки въ «Словѣ» (1865 г., № 65): «Въ новѣйшихъ часахъ положено особенную вагу на способъ писанія прилагательнаго русскій и досмотрѣно въ *русько̂мъ* одинъ екстремъ — украйноманію, а въ *русско̂мъ* другой екстремъ — великоруссоманію». Только *русскій* считалось патріотичнымъ съ австрійской точки зрѣнія, ибо значило галицко-русскій и не означало сепаратизма ни въ сторону Украины ни въ сторону Москвы.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что спокойная критика крайностей и утопій нашего украинофильства и правиль-

ная оцѣнка значенія украинскаго литературнаго движенія оберегли бы и Галицію отъ раздѣленія въ ея немногочисленной русской интеллигенціи, и она постепенно вошла бы въ общеніе съ нашими сначала малорусскими (преимущественно праваго берега Днѣпра), а потомъ и общерусскими интересами, литературными и общественными. Но когда полемика противъ крайностей украинофильства перешла въ раздражительное отрицаніе цѣлаго направленія, когда заподозриванія привели къ извѣстнымъ административнымъ мѣрамъ и запрещеніямъ, то такое положеніе дѣлъ не могло не отразиться болѣзненно и въ Галиціи, тѣмъ болѣе, что тамошніе литераторы все-таки не знали во всѣхъ подробностяхъ положенія дѣлъ у насъ, судили по частнымъ фразамъ, по письмамъ горячихъ и не всегда обдумывавшихъ свои слова корреспондентовъ изъ Украины; безъ всякаго сомнѣнія, не обошлось дѣло и безъ сплетенъ польскихъ корреспондентовъ изъ той партіи, которая въ Россіи старалась натравить правительство на украинофиловъ, а въ Галиціи указывала на «несытый централизмъ туранской Москвы». Съ 1863 года дѣйствительно поляки стали въ Галиціи представлять себя готовыми поддержать украинофильство, хотя всякій разъ опыты союза ихъ, поляковъ, съ «истинною Русью, отдѣляющею себя отъ Москвы», кончались ссорой, какъ, напр., было въ исторіи съ театромъ русскимъ. То же надо сказать и объ отношеніи къ украинофильству бюрократическо-австрійской партіи, которую представляютъ въ послѣдніе годы митрополиты львовскіе. Укажемъ весьма характерный примѣръ изъ недавнихъ временъ. Въ настоящемъ году въ Вѣнѣ приготовленъ былъ переводъ молитвъ на галицко-малорусскомъ украинскомъ народномъ языкѣ, написанный принятою у галицкихъ украинофиловъ кулишевской орѳографіей. И что же? Переводъ этотъ признанъ былъ митрополитомъ галицкимъ и клиромъ его не только недостойнымъ печати, но даже подлежащимъ уничтоженію, и вовсе не въ интересахъ общерусской духовной литературы, а именно въ интересахъ австрійско-рутенской, которую уніатская коллегія именуетъ на сей разъ малороссійской, какъ она «издавна передана».

Неблагорасположеніе польскихъ и клерикально-бюрократическихъ кружковъ въ Галиціи къ украинофильству вытекаетъ изъ совершенно естественнаго источника,— изъ пониманія, что

направленіе, которое такъ или иначе, но говоритъ о самостоятельности галицко-русскаго народа и тянетъ его къ сближенію съ внѣ-австрійскимъ и внѣ-уніатскимъ народомъ нашей Малороссіи, не можетъ не угрожать какъ польскимъ, такъ и уніатскимъ и австрійскимъ интересамъ. Но совершенно естественно также, что, когда въ нашихъ вліятельныхъ органахъ печати поднялись гоненія на «украинскій сепаратизмъ», въ то время, когда и въ Австріи стали косо смотрѣть на «украинское болото», а поляки кричали противъ перенесенія «хлопоманіи» въ Галицію, — и поляки, а потомъ отчасти и австрійская бюрократія взяли, хотя больше на словахъ, подъ свое покровительство это украинофильство и получили возможность вящшаго замученія воды и безъ того въ не очень крѣпкихъ нравственно литературно-общественныхъ кругахъ Галичины, гдѣ перемѣна мѣстопребыванія въ партіяхъ чрезъ годъ-полгода — вещь вовсе не диковинная. Единственная тогда политическая газета въ русской Галиціи «Слово», которая даже нѣсколько обижалась употребленіемъ кулишевки нашими украинофилами и была довольна тѣмъ, что «Современная Лѣтопись» похвалила галицкихъ литераторовъ за то, что они «не передразниваютъ народнаго говора» и пишутъ языкомъ, болѣе понятнымъ въ Москвѣ, чѣмъ языкъ нашихъ украинскихъ литераторовъ, стала наполняться статьями, враждебными «Москвѣ», т.-е. «московскимъ централамъ, завзятымъ противникамъ малоруссовъ, Каткову, Аксакову, Говорскому (см., напр., «Слово» 1863 года, №№ 64, 66, 68 — Борьба Малой Руси съ централизмомъ московскимъ; 1864 года, №№ 26, 27, 28 — Быти ли намъ общерусскими или малорусскими? 1865 года, №№ 34, 42, 43, 46 — Великорусчизна въ Польшѣ и т. д.). Если не совсѣмъ вѣрны были извѣстія корреспондентовъ нашихъ газетъ, то вѣрно было, что и «Слово» стало печатать рѣзкости противъ, напр., ген. Муравьева и политики нашего правительства и стало ставить отношенія его къ Малороссіи на одну доску съ польскими [1]).

---

[1]) См., напр., „Слово“ 1863 года, №№ 28, 29, или 1864 года, № 66, длинную статью: „Цивилизація Запада и Москвы по отношенію къ славянамъ вообще и Малой Руси въ особенности“; а въ ней слѣдующія слова: „Москва иде тою дорогою, якою ишла Польща. Польща замыкала руски школы, Москва не даетъ ихъ заводить. Польща заводила школы польски, Москва заводитъ на Малоруси московски. Польща Русь латинизоровала, Москва ю московитъ и т. д.».

Нуженъ былъ цѣлый рядъ горькихъ разочарованій для галицкой Руси, нужно было назначеніе гр. Бейста канцлеромъ имперіи, а гр. Голуховскаго вторичнымъ намѣстникомъ Галиціи, нужно было отнятіе у галицкихъ русскихъ и тѣхъ скудныхъ правъ, которыя даны были имъ централистическимъ правительствомъ Баха, Шмерлинга, чтобы повернуть хоть часть интеллигенціи галицкой къ Россіи. Поворотъ этотъ совершилъ г. Дѣдицкій въ «Словѣ» въ 1866 году; но чтобы получить поддержку московскихъ кружковъ, которые (см. «День» 1864 г., № 19) называли его «польскимъ союзникомъ», онъ пожелалъ, конечно, понравиться имъ наидѣйствительнѣе, высказавши то, что, по его мнѣнію, должно было какъ разъ подойти къ понятіямъ «московскихъ централовъ», а потому объявилъ, что «на Руси одинъ языкъ, а только два выговора», и выдалъ брошюрку: «Въ одинъ часъ малорусину выучиться по-великорусски». Поворотъ оказался удачнымъ въ разсужденіи поправленія репутаціи въ Москвѣ, но въ Галичинѣ онъ многимъ показался слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ. Отъ партіи «Слова» отдѣлилась партія «народовцёвъ» или «украинофилобъ», и пошелъ печальнѣйшій споръ о томъ, какова будетъ общеславянская литература, да на какой языкъ надо переводить Платона, какого количества русскаго народа есть часть галицкій народъ, — 16-милліоннаго или 50-милліоннаго. Обѣ стороны прибѣгаютъ къ ужаснѣйшей брани, зовутъ другъ друга «запроданцями»: однихъ «московскими», другихъ «польскими» и т. д. Одни и тѣ же лица сегодня появляются въ органахъ «московскихъ», завтра — у «народовцевъ». Вмѣшательство нашей журналистики и корреспондентовъ, имѣющихъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о галицкой жизни и литературѣ, пріобрѣтенныя en passant, только подливаетъ масла въ огонь. Само собою разумѣется, что и поляки не дремлютъ. И происходитъ путаница и чепуха невообразимыя, тѣмъ болѣе печальныя, что, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ «Дня» (1864 года, № 19), большинство галицко-русской публики (духовенство) совершенно нейтрально къ крайнимъ спорамъ, а попросту любитъ свою народность и желаетъ ея освобожденія отъ польскаго давленія и развитія изъ родныхъ началъ. О народѣ и говорить нечего! Ему нужны «лісы и посовиска», да грамота и скорѣйшее просвѣщеніе. Любопытно, что обѣ галицко-русскія партіи согласны между собою насчетъ

того, что для народнаго чтенія надо издавать книги и газеты на народномъ языкѣ, т.-е. галицко-малорусскомъ, и даже «Слово» выразилось, что оно не можетъ допустить мысли, чтобъ и гг. Аксаковъ и Катковъ не соглашались съ этимъ и чтобъ въ Россіи нельзя было печатать такихъ книгъ и журналовъ. Такимъ образомъ въ самомъ настоятельномъ для галицко-малорусскаго народа вопросѣ объ партіи согласны между собою, а разногласятъ только изъ-за далекихъ вопросовъ или изъ-за формальныхъ, въ родѣ правописанія. Да какъ разногласятъ! Что называется, до зарѣзу! Въ Чехіи, напр., «младочехи» и «старо-чехи» спорятъ тоже (иногда изъ-за вопроса о Россіи, которую до 1868 года младо-чехи ругательски-ругали), не обходится дѣло безъ сплетенъ, и даже весьма грязныхъ, которыя, напр., этимъ лѣтомъ повели къ скандальнѣйшимъ процессамъ. Но когда дойдетъ дѣло до дѣла, напр., до выборовъ, комитеты обѣихъ партій устанавливаютъ соглашеніе, и партіи держатся согласно. У галичанъ и тѣни нѣтъ подобнаго политическаго такта.

Вотъ тутъ-то, мы полагаемъ, и могла бы оказать вліяніе наша печать, если бы она серьезно и безъ пристрастій на чисто практической почвѣ разбирала сущность галицко-русскихъ интересовъ. Мы не сомнѣваемся, что если бы наша печать, напр., хоть московскіе славянофилы, выдержали свой прежній практическій взглядъ на значеніе украинской словесности и книгъ для малорусскаго народа на его языкѣ, если бы снято было запрещеніе печатать эти книги, — запрещеніе, вызванное сначала польскими доносами, а потомъ криками «Московскихъ Вѣдомостей» объ украинскомъ сепаратизмѣ, то это отразилось бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ и на Галицію, притянувъ къ намъ именно большинство ея публики, нейтральное къ спорамъ литературныхъ кружковъ.

Но наши славянофилы именно и не выдержали своего умѣреннаго и практичнаго воззрѣнія на спорный вопросъ и именно потому, что они были не столько славянофилы и руссофилы (такого направленія еще ждетъ наше общество, и, можетъ-быть, оно выработается изъ разныхъ направленій и послѣ разныхъ пробъ и неудачъ), сколько московскіе славянофилы, т.-е великоруссофилы. Московскіе славянофилы оказа-

лись неискренними въ своей поддержкѣ умѣренному украинскому движенію и, что еще хуже, сами не вѣрили въ силу того общерусскаго направленія, которое они защищали въ противоположность крайнему украинскому.

VII.

Если «московскіе» славянофилы обнаружили неискренность и недовѣріе даже къ умѣренному украинскому движенію и зашли по этому вопросу въ *cercle vicieux*, то тѣмъ труднѣе было имъ справиться съ отношеніями къ польско-католическимъ кругамъ Западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ. Причина того и другого явленія какъ нельзя болѣе понятна. Московскіе славянофилы не могутъ не чувствовать, что у нихъ у самихъ нѣтъ почвы подъ ногами для защиты общерусскихъ тенденцій, такъ какъ они собственно отстаиваютъ такое же начало, какъ и самые крайніе украинофилы. И дѣйствительно, московское славянофильство, при всей своей враждѣ съ крайнимъ украинофильствомъ, само является ничѣмъ инымъ, какъ такою же «хлопоманіей», такимъ же «сепаратизмомъ» и, пожалуй, еще болѣе крайнимъ, чѣмъ самое крайнее украинофильство. Оно видѣло не только корень, но и исключительнаго представителя русской и даже славянской народности въ великорусскомъ крестьянствѣ, а идеальное государство—въ московскомъ государствѣ XVII вѣка, когда и бояринъ и царь мало отличались, по нравственному облику, отъ этого крестьянства. Всего того, что совершено въ Россіи послѣ Петра, московскіе славянофилы знать не хотѣли за русское, все это почитали они испорченнымъ западничествомъ. «Ложь! всюду ложь!» восклицалъ органъ московскихъ славянофиловъ «День»: «ложь въ обществѣ, ложь въ литературѣ!» И послѣ этого не странно ли было, когда этотъ же «День» защищалъ отъ украинофиловъ языкъ этого *лже-общества*, эту *лже-литературу?* Тѣ, которые хотятъ искать всецѣло народныхъ идеаловъ въ крестьянствѣ и въ XVII вѣкѣ, должны согласиться съ тѣмъ, что крестьянство у насъ въ дѣйствительности есть и малорусское, и бѣлорусское, и великорусское; и что въ XVII вѣкѣ не было Россіи, а была Великая, Малая и Бѣлая Русь. Общерусскимъ обществомъ у насъ слѣдуетъ назы-

вать именно общество, которое образовалось, начиная только съ XVIII вѣка, въ петербургскій періодъ, и прежде всего въ Петербургѣ, который и былъ первымъ общерусскимъ городомъ и такимъ остается по преимуществу и до сихъ поръ. Отрицая же петербургскій періодъ со всѣми его произведеніями, кляня Петербургъ, проповѣдуя возвратъ къ крестьянству и къ XVII вѣку, московскіе славянофилы, очевидно, сами впали въ сепаратизмъ и открывали дорогу другимъ; московскіе славянофилы знать не хотѣли, что съ XVIII вѣка народились въ Великой Руси *европейцы*, которые могутъ чрезъ то не переставать быть великоруссами, — что жъ тутъ удивительнаго, что крайніе украинофилы знать не хотѣли, что съ того же XVIII вѣка народились и *русскіе* въ Малороссіи, которые преудобно могутъ быть русскими, не переставая быть малороссами. Признать же XVIII вѣкъ органическимъ явленіемъ въ русской исторіи, признать Россійскую имперію, съ ея не только Малою и Бѣлою Русью, но и Литвой и Польшей, балтійскимъ краемъ и Финляндіей, съ уніатствомъ, католицизмомъ, протестантствомъ всѣхъ толковъ и еврействомъ, высшею формою государства, чѣмъ Московское царство, знавшее только великоруссовъ и инородцевъ, православныхъ и басурманъ... это значило бы отречься отъ самыхъ завѣтныхъ ученій московскаго славянофильства. Правда, что это значило стать на такую высоту, съ которой только и можно побивать на голову всѣ сепаратизмы и съ полной вѣрой въ успѣхъ звать Россію къ исполненію ея призванія среди славянскихъ и неславянскихъ, разнонарѣчныхъ, разноязычныхъ и разновѣрныхъ племенъ отъ Адріатики и до Кавказа,— призванія, о коемъ такъ много говорили и московскіе славянофилы. Но вышедши съ кличемъ объ этомъ призваніи и имѣя идеалы позади себя и въ одной русской области, московскіе славянофилы сами же всегда боялись призываемаго ими будущаго.

При своемъ «московскомъ сепаратизмѣ», при всей «великорусской хлопоманіи» они, понятно, не могли съ должнымъ безпристрастіемъ и широтою мысли побивать увлеченія украинофильства и отстаивать спокойно общерусскіе интересы. Разъ потерявши самообладаніе, славянофилы (если судить по словамъ печатнаго ихъ органа) не выдержали и своего прежняго отношенія къ дѣятельности украинофиловъ и къ малороссійской словесности, навлекшаго на нихъ укоры

«Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ, что «у этихъ господъ двоится въ глазахъ». Мало-по-малу и они присоединились къ голосу тѣхъ, кто утверждалъ, что все украинское движеніе и у насъ и въ Галиціи есть дѣло «польской интриги». Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, уже высказывалась «Москва». Что касается до Галиціи, то, какъ мы видѣли, такимъ отношеніемъ къ дѣлу выдающихся людей національной русской партіи дѣйствительно воспользовалась отчасти польская интрига. Нетерпимость и обвиненія, посылаемыя изъ Москвы галицкимъ «народовцамъ», повредили отчасти нашему славянофильству и у другихъ славянъ, особенно у молодой сербской партіи, представляемой Омладиной. Что касается до Россіи, то и тутъ произошло замедленіе въ народномъ образованіи, чрезъ дискредитированіе предпріятія г. Костомарова; въ Западномъ краѣ реакція полонизму не приняла болѣе живыхъ, народныхъ формъ; много скромныхъ дѣятелей были тоже лишены довѣрія, много интригановъ пользовалось обвиненіемъ въ сепаратизмѣ для нечистыхъ цѣлей, накладывая на людей, которые виноваты были только въ любви къ своей родинѣ и народу, черные оттѣнки отъ «малороссофила» до «сепаратиста», многіе патріоты задавались работой чистить и русить русское отъ временъ Кія, Щека и Хорива... Словомъ, много учинилось путаницы, потери силъ и промедленія въ юго-западной Руси, и «польская интрига» дѣйствительно могла торжествовать при видѣ того, какъ русскія силы поѣдали другъ друга.

Говоримъ все это вовсе не въ судъ и не во осужденіе кого-либо лично. Всѣ грѣшны были понемногу. Да, должно-быть, иначе не могло быть, какъ было!

Впрочемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ польско-католическимъ кругамъ Западнаго края и къ полякамъ въ Польшѣ московское славянофильство, при всемъ своемъ увлеченіи, оказалось, однако, далеко не безъ заслугъ предъ русскимъ обществомъ въ разъясненіи вопроса о Западномъ краѣ и Польшѣ и высказало не мало здравыхъ мыслей, которыя, слѣдуетъ думать, упали не совсѣмъ на каменистую почву. Если наша статья попадетъ въ руки и поляку, то мы сочтемъ и ее не безполезной, такъ какъ въ ней полякъ найдетъ слова, которыя мы извлечемъ изъ старой уже теперь газеты,— слова, изъ которыхъ полякъ увидитъ, что и люди крайней русско-

національной партіи вовсе не объявляли войны quand-même польской народности, а старались, елико можно было, отнестись терпимѣе даже къ крайнимъ польскимъ требованіямъ и въ трудную минуту народнаго раздраженія находили въ душѣ своей слова въ защиту тѣхъ правъ польскаго народа, которыя казались имъ неотъемлемыми.

Написавъ на знамени своемъ «славянство», «народность», московскіе славянофилы не могли, конечно, не признавать и за поляками права на народное развитіе. Будучи удалены отъ Польши и, подобно всѣмъ русскимъ, плохо зная ходъ дѣлъ въ Польшѣ, намѣренія и составъ революціонныхъ польскихъ партій, славянофилы сначала относились вовсе не враждебно даже и къ польскимъ революціонерамъ, подобно многимъ русскимъ людямъ, особенно жителямъ столицъ. Есть люди, которые теперь во всякомъ, кто не кричалъ и не кричитъ о враждѣ къ полякамъ, видятъ «овцу Панургова стада» или злостнаго врага Россіи, и какъ часто именно эти-то крикуны и оказываются тѣми же самыми лицами, которыя когда-то кричали и за поляковъ или служили тѣмъ интересамъ, которые могли быть на руку только полякамъ и притомъ самой именно «шляхто-іезуитской» партіи! Теперь, конечно, яснѣе видно значеніе послѣдняго польскаго возстанія, хотя многіе ли ясно понимаютъ его! Теперь, напр., будь я полякъ и крайній польскій патріотъ, только хладнокровно смотрящій на вещи, я бы благословлялъ небо, что послѣднее возстаніе не удалось и въ то же время помѣшало (какъ видно и изъ отвѣтныхъ депешъ нашего канцлера) завершенію системы М. Велепольскаго конституціей для Царства Польскаго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Польша могла бы оказаться представительнымъ государствомъ, въ соединеніи ли съ Россіей или безъ того, но съ преобладаніемъ въ представительствѣ аристократіи, которая, что бы тамъ ни говорили въ своихъ прокламаціяхъ демократы а la Мѣрославскій, никогда бы не потерпѣла ничего подобнаго тому устройству сельскаго сословія въ Польшѣ, которое введено было въ 1864 году «московскимъ» правительствомъ. А обезпеченіе массъ народа — это такое пріобрѣтеніе для страны и народности, ради котораго стоитъ и много пострадать.

Но въ 1860—1861 гг. къ начинавшемуся польскому движенію многіе относились въ Россіи не такъ, какъ послѣ. Тому

помогала и самая сложность польскаго движенія, въ коемъ нѣкоторыя стороны были общи съ тогдашнимъ направленіемъ и русскаго общества. Теперь чаще всего встрѣчаешься съ мнѣніемъ, что польское движеніе было исключительно аристократическимъ и даже было вызвано неудовольствіемъ пановъ Западнаго края эманципаціей крестьянъ и опасеніемъ пановъ въ Царствѣ Польскомъ, какъ бы принципы этой эманципаціи не перешли въ царство, т.-е. какъ бы русское правительство не озаботилось и тамъ введеніемъ крестьянскаго надѣла. Въ такомъ мнѣніи есть доля правды; еще болѣе вѣрно, впрочемъ, предположеніе, что при успѣхѣ возстанія главная правительственная сила попала бы въ Польшѣ въ руки пановъ, или, если демократіи, то въ родѣ той, которая заявила свои политическіе таланты въ парижской коммунѣ. Но нельзя же отрицать, что была въ польскомъ движеніи и не-аристократическая сторона. Наконецъ, независимо отъ чисто національной стороны, въ польскомъ движеніи была политическая, т.-е. та, которая отразилась тогда и на русскомъ обществѣ и нашла себѣ выраженіе даже въ патріотическихъ адресахъ, которые стали подаваться у насъ послѣ вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ въ польскій вопросъ, и въ статьяхъ журналовъ по поводу этихъ адресовъ, какъ, напримѣръ, «Русскомъ Вѣстникѣ», который въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшей?» совѣтовалъ потопить польскую оппозицію въ земскомъ соборѣ всей Россійской имперіи, хотя и имѣющемъ только совѣщательное значеніе, какъ и соборы въ древней Руси.

Этимъ объясняется, почему въ свое время многіе въ Россіи относились далеко не враждебно къ польскому движенію, преимущественно тѣ, которые были удалены отъ Западнаго края разстояніемъ и малымъ знакомствомъ съ нимъ. Къ числу такихъ, по меньшей мѣрѣ, не враждебныхъ сначала къ польскому движенію, надо отнести и московскихъ славянофиловъ. Болѣе рѣзко, чѣмъ вначалѣ заявленныя притязанія поляковъ и на Западный край, особенно на Кіевъ, вызвали національную реакцію, на которую, конечно, откликнулись и славянофилы и, конечно, болѣе чутко, чѣмъ другія направленія въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ внутренней Россіи и столицъ. Вотъ нѣсколько словъ изъ обращенія «Дня» къ полякамъ по поводу состоявшейся въ Городнѣ демонстраціи, долженствовавшей свидѣтельствовать о возобновленіи уніи

Литвы и Руси (съ Смоленскомъ и Черниговомъ) съ Польшей: «Кіевъ, Волынь, Черниговъ, Смоленскъ!!!», восклицаетъ московская газета. «Безумные поляки! Какъ спѣшите вы проиграть ваше дѣло! Какъ торопитесь вы затушить всякую *искру сочувствія, которую могла бы зажечь въ единоплеменныхъ вамъ братьяхъ ваша любовь къ родинѣ!.. Мы оставались чужды доселѣ вашей тяжбѣ съ правительствами*, но вы хотите возобновить международную тяжбу и воскресить вражду, которую *состраданіе къ вамъ* начинало изглаживать въ сердцахъ нашихъ! Несчастные, несчастные, безумiемъ, какъ Божьей карой, пораженные поляки!..» [1]).

Въ то время, когда началась уже литературная полемика по вопросу о Западномъ краѣ, когда уже въ Варшавѣ и очень запахло революціоннымъ духомъ, «День» помѣстилъ статью о значеніи той медленности, какую наше правительство выказываетъ въ подавленіи польскихъ манифестацій и той малой настойчивости, которую обнаруживаетъ наше общественное мнѣніе въ требованіи со стороны правительства строгихъ репрессалій. «Нѣмецкія газеты, говорилъ «День», исполнены самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ Россіи за слабость ея дѣйствій относительно Польши. Онѣ требуютъ отъ насъ той неразборчивой *энергіи*, которую проявилъ бы, безъ сомнѣнія, нѣмецъ, если бъ находился на нашемъ мѣстѣ. Къ энергіи зла Россія неспособна. Но этого еще мало: если бъ мы и вздумали ее прояьить, она, къ счастію, никогда не принесла бы намъ тѣхъ вкусныхъ плодовъ, какіе приноситъ другимъ: *вкушать* ихъ не даетъ намъ наша собственная общественная совѣсть. Не мало у насъ силы матеріальной: предъ могуществомъ, опирающимся на 60 милліоновъ народонаселенія, безсиленъ 5-милліонный народъ; но такова важность нравственнаго начала справедливости для такого нравственнаго народа, каковъ русскій, что для этой матеріальной силы, при всемъ ея могуществѣ, *необходимо сознаніе безусловной своей нравственной правоты*... Въ Пруссіи едва ли найдете хоть одного пруссака, котораго совѣсть сколько бы нибудь смущалась отношеніями Пруссіи къ Познани, въ которой германизація, по свидѣтельству самихъ поляковъ, съ искусствомъ необыкновеннымъ, *не русскимъ*, почти пересилила польскую народность... Если

---

[1]) 1861 г., № 2-й.

австріецъ и пруссакъ не надѣлены совѣстью довольно чуткою, чтобъ съ нравственной точки зрѣнія вполнѣ вѣрно оцѣнить, въ какомъ отношеніи къ нимъ находится польская народность, — то мы можемъ похвалиться особенною милостію Божіею въ томъ смыслѣ, что намъ надо чувствовать всякую малѣйшую неправду и, слѣдовательно, ту ея долю, какую историческій жребій могъ присудить намъ въ отношеніи къ Польшѣ»...

Разсматривая вопросъ польскій съ точки зрѣнія «правды воли народной», славянофильскій журналъ находитъ претензіи поляковъ на землю малороссовъ, червонороссовъ, бѣлороссовъ противными нравственному праву, — правамъ и обязанностямъ народа русскаго. Но «тѣ же нравственныя основы», говоритъ онъ, «права и обязанности существуютъ, разумѣется, и для грека по отношенію къ Іоническимъ островамъ, и *для поляка* по отношенію къ тѣмъ польскимъ областямъ, гдѣ народъ польскаго происхожденія или говоритъ по-польски, исповѣдуетъ католическую религію и вообще не отдѣляетъ себя и своей исторической судьбы отъ своихъ польскихъ братій. Осуждая со всею рѣзкостью правды притязанія поляковъ на Смоленскъ и Кіевъ, мы погрѣшили бы противъ логическаго смысла, если бъ стали осуждать законность ихъ патріотизма въ отношеніи къ Познани, Кракову и Варшавѣ». Въ силу такихъ убѣжденій, славянофильскій журналъ почиталъ за главное дѣло «добиться правды отъ поляковъ», узнать, чего они хотятъ, и посредствомъ братскаго обмѣна мыслей сойтись на общемъ, взаимныя права гарантирующемъ рѣшеніи. Вѣруя въ то, что непреложный ходъ исторіи приведетъ къ полнѣйшему и тѣснѣйшему, искреннему соединенію славянской Польши съ славянской же Россіей, «День» спрашивалъ: «не лучше ли, въ виду такого неизбѣжнаго историческаго рѣшенія, предупредить все, что грозитъ намъ бѣдой, враждой и раздоромъ, и добровольно, сознательно, *покаясь взаимно въ историческихъ грѣхахъ своихъ*, соединиться вмѣстѣ братскимъ, тѣснымъ союзомъ противъ *общихъ* враговъ — нашихъ и всего славянства» [1])?

Высказанныхъ въ этихъ словахъ началъ «День» держался и во время польскаго возстанія и тотчасъ послѣ его усмире-

---

[1]) „День“, 1862, № 6.

нія, несмотря на то, что, исключая присланнаго однимъ полякомъ стихотворенія о славянскомъ братствѣ, на его миролюбивыя слова не послѣдовало со стороны поляковъ ни одного симпатическаго звука и въ то же время ни слова, которое бы знаменовало уступку по вопросу о Западномъ краѣ. Вся разница того, что «День» говорилъ послѣ начала кровопролитій и до него, заключалась лишь въ томъ, что теперь «День» требовалъ прежде всего усмиренія мятежа, но все-таки настаивалъ на необходимости узнать мнѣніе польскаго народа и отрицалъ всякое покушеніе на польскую народность въ чисто-польскомъ краѣ, требуя тамъ свободной арены для ея развитія, между прочимъ, для того, чтобы было куда удалиться упрямому полонизму и изъ Западнаго края,— словомъ, указывалъ необходимость для Россіи иного рѣшенія польскаго вопроса, чѣмъ въ Австріи и Пруссіи [1]).

Когда напоръ депешъ западно-европейскихъ державъ былъ съ успѣхомъ отраженъ нашимъ канцлеромъ, когда сдѣлалось явнымъ, что войны изъ-за Польши не будетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ослабѣвать и возстаніе, «День», повторяя свои мысли о неприкосновенности польской народности на польской землѣ и о сохраненіи автономіи этой земли, прибавилъ и новую мысль о необходимости «выдвинуть въ Польшѣ и новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма — простого народа, крестьянскаго населенія» (№ 29), или, какъ объяснилъ нѣсколько спустя «День»,— «надѣлить польское крестьянство политическими правами» (№ 36). Такой-то, пополненный народомъ Польши, «День» и желалъ услышать голосъ, вмѣстѣ съ голосомъ собора земли русской по вопросу о томъ, «что намъ дѣлать съ Польшей?».

Что касается Западнаго края, то здѣсь, начиная еще съ статьи г. Елагина, славянофильскій органъ призналъ неумѣстность польскихъ притязаній и вредъ польскаго преобладанія, допущеннаго Россіей со времени присоединенія края. Славянофилы взывали къ обществу русскому, а не къ правительству, для нравственной реакціи полонизму. «День» даже выразился, что нѣтъ врага опаснѣе чиновническаго усердія (1862, № 22). «День» обращался и къ самимъ польскимъ слоямъ западно-русскаго общества, напоминая имъ, чѣмъ были ихъ отцы,

---

[1]) То же, 1862, №№ 6, 27; 1863, 17, 18, 19, 29, 32, 34, 35, 36; 1864, 13.

указывая и имъ на необходимость обратиться къ народу и искупить ту историческую неправду, которую совершали цѣлыя поколѣнія оторвавшихся отъ народа и давившихъ его пановъ.

Очевидно, что «День» затрогивалъ такого рода струны, которыя могли находить отзывъ хоть въ немногихъ свѣжихъ головахъ и послѣдовательно благородныхъ сердцахъ польскаго общества въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ. И, однакожъ, отзывъ этотъ былъ весьма незначителенъ, почти ничтоженъ. Тому причиной было, конечно, прежде всего ослѣпленіе польскихъ руководящихъ слоевъ и ихъ невниманіе и незнаніе того, что говоритъ и чѣмъ живетъ русское общество; но тому причиной былъ и органическій порокъ московскаго славянофильства. Поставивъ себѣ идеалъ назади, въ московскомъ государствѣ XVII в., славянофилы отождествили понятіе *русскій* съ понятіемъ *православный*, а потому полякъ и для нихъ сталъ однозначнымъ съ католикомъ, а католицизмъ однозначнымъ съ іезуитизмомъ. «Не можетъ быть мира между русскимъ народомъ, русскимъ государствомъ — и латинствомъ!», восклицала не разъ партія, которая въ «Посланіи къ сербамъ» увѣщавала ихъ считать католика отступникомъ отъ славянства.

Могли ли послѣ этого находить отзывъ клики изъ Москвы о братствѣ славянъ въ душѣ хотя бы самаго умѣреннаго поляка, который, однакожъ, былъ такимъ же искреннимъ католикомъ, какъ московскіе славянофилы православными? Не могли ли, наоборотъ, клики и фразы славянофильства, будучи вырваны изъ его органа враждебною намъ партіей въ польскомъ обществѣ и именно революціонной и іезуитской партіей, служить доказательствомъ, что между «Москвою» и полякомъ не можетъ быть мира и союза? Немало вредило миру и фатальное заблужденіе славянофильства, что цивилизація Запада гнила и противна русскому народу, фатальное раздѣленіе цивилизаціи на западную и восточную, тогда какъ на самомъ дѣлѣ существуетъ одна цивилизація, которая, конечно, принимаетъ оболочки отъ мѣста и народа (а еще болѣе отъ времени и историческаго возраста народовъ) и является въ видѣ англійской, нѣмецкой, французской, русской, греческой, но отнюдь не западной или восточной. «Польша отпала въ латинство! Польша — звено Запада, а не славянскаго Востока, Польша отравлена, Польша — ядъ!» —

вотъ какъ crescendo шли славянофилы, которые даже необходимость сохраненія автономіи Польши доказывали оригинальнымъ образомъ, говоря, что «слить Польшу съ Россіей — значитъ принять *ядъ* внутрь, отравиться Польшей». И это выраженіе, названное редакціей «Дня» счастливымъ, принадлежитъ еще тому самому публицисту, В. А. Елагину, который такъ недавно спрашивалъ М. Грабовскаго: «неужели невозможно братское сожительство поляковъ и русскихъ даже въ Литвѣ и Бѣлоруссіи?»

Если принципіальное смѣшеніе понятія *славянинъ* и *православный*, *католицизмъ* и *ультрамонтанство* и *іезуитизмъ* было вредно по отношенію къ Польшѣ, то по отношенію къ Западному краю эта синонимика, усиленная еще смѣшеніемъ понятія *русскій* и *православный*, еще болѣе принесла гибельныхъ послѣдствій. Нѣтъ спора, что de facto тамъ было дѣло такъ: русскаго въ послѣднее время тамъ только и осталось, что православные да уніаты, да и то даже послѣдніе стали полячиться, но именно это и произошло отъ долговременнаго господства бюрократической системы религіозной жизни и именно понятія, дѣлавшаго *русскій* синонимомъ православнаго. Благодаря именно этому смѣшенію понятій и этой системѣ и вышло странное явленіе, что существовавшіе и во время польскаго господства надъ Литвою зародыши русскаго католицизма и русскаго протестантизма заглохли подъ владычествомъ русскаго государства, и именно въ послѣднее время въ западной Россіи католикъ, кальвинистъ стали синонимами поляка, и нѣкогда дѣйствовавшіе за одно съ православными дисседенты стали польскими патріотами и врагами русскаго государства. А славянофилы возводили такой печальный фактъ въ принципъ! Въ странный кругъ мыслей попали славянофилы въ «Днѣ» и потомъ въ «Москвѣ», когда начали ратовать противъ бюрократической регламентаціи церковной жизни и въ пользу раздѣленія области церкви и государства и возводили въ принципъ послѣдствіе этой регламентаціи, послѣдствіе самаго свирѣпаго смѣшенія понятій о вѣрѣ и государствѣ и народности. Провозглашая «свободу духа», славянофилы заявили, что еврей не можетъ считаться братомъ русскаго (а гражданскія права еще, скрѣпя сердце, славянофилы соглашались признать за евреями), смѣясь надъ тѣмъ, что у насъ государство заботится не только о томъ, право-

вѣрно ли кто вѣруетъ во Христа, но и правовѣрно ли кто отрицается отъ Христа, славянофилы все-таки доказывали, что на челѣ даже католика лежитъ знакъ, свидѣтельствующій о томъ, что онъ не братъ русскому. Православный, русскій, по ихъ словамъ, не долженъ гнать католиковъ и вообще иновѣрцевъ, но пусть и послѣдніе знаютъ, что на нихъ лежитъ печать отверженія отъ народа русскаго. Такія мысли высказывались въ «Днѣ» и въ «Москвѣ», когда поднялся вопросъ объ «обрусеніи», или по крайней мѣрѣ о «расположеніи» католицизма, и разнѣмечиваніи протестантизма и еврейства въ Западномъ краѣ.

Еще можно было понять, какъ эти мысли совмѣщаются съ проповѣдью «свободной жизни духа» и «духа свободной жизни», пока славянофилы говорили о предоставленіи усвоенія католиками, протестантами и евреями русской рѣчи, какъ признака принадлежности къ русской народности и полнаго отреченія отъ сепаративныхъ стремленій въ русскомъ государствѣ, —на волю самимъ иновѣрцамъ, не возлагая этой трудной жизненной реформы на моментальныя бюрократическія мѣропріятія; но главный тормозъ обрусенію иновѣрія и были именно бюрократическія мѣропріятія: запрещали иновѣрнымъ священникамъ проповѣдь на русскомъ языкѣ, удерживали 10 лѣтъ отъ ввоза изъ-за границы переводъ Пятикнижія на русскій языкъ съ еврейскаго и для евреевъ, и даже (incredibile memoratu!) подвергли его цензурѣ Святѣйшаго Синода. Но когда «Москва» говорила: «не снимайте съ католицизма польской оболочки, не дѣлайте его русскимъ, не давайте ему проскользнуть въ русское общество въ псевдо-русской оболочкѣ! Не гоните католиковъ въ Западномъ краѣ, но не снимайте съ нихъ печати отверженія отъ русскаго народа!» — то просвѣщенный человѣкъ, особенно изъ иновѣрцевъ, могъ только пожать плечами въ знакъ недоумѣнія. Да и это недоумѣніе могло переходить просто въ смѣхъ или негодованіе, когда встрѣчалось въ славянофильскомъ органѣ пренаивное мнѣніе, что «если бъ всѣ евреи приняли христіанство, тогда бъ и еврейскаго вопроса не было!» Всеконечно! Да въ томъ-то все и дѣло, что у насъ есть еврейскій, католическій, протестантскій и вообще вопросъ объ иновѣріяхъ, да еще въ томъ, что у насъ въ Западномъ краѣ католикъ говоритъ по-польски, а еврей и протестантъ по-нѣмецки, — въ то

время, какъ православный народъ говоритъ по-русски и государство наше — русское.

Въ такіе-то глухіе концы попадали московскіе славянофилы по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ вопросомъ о Польшѣ и западѣ Россіи, въ силу своего старовѣрства. Но все-таки они изъ первыхъ и чутко откликивались на всѣ жизненные вопросы о тамошнемъ строѣ, и, что особенно важно, несмотря на ихъ ошибки и односторонности, на ихъ идеализмъ и туманность многихъ совѣтовъ, ни одинъ живой интересъ русскаго народа и государства не былъ ими упущенъ, и не потерпѣлъ бы существенно, если бы общество довѣрилось ихъ руководству. То же надо сказать и объ украинофильствѣ и бѣлоруссофильствѣ, которыя имѣютъ сильныя и слабыя стороны общія съ славянофильствомъ.

Мы нарочно остановились на этихъ русскихъ народныхъ направленіяхъ по отношенію къ полякамъ и Польшѣ, потому что общество наше успѣло уже подзабыть недавно-прошлое и, главное, слишкомъ наслушалось исторіографовъ и публицистовъ новѣйшей формаціи, создавшихъ миѳъ о безмѣрно-глупомъ «Панурговомъ стадѣ» съ одной стороны, т.-е. всей русской интеллигенціи, исключая самихъ исторіографовъ и публицистовъ, разрабатывающихъ этотъ миѳъ, и благоговѣйно внемлющихъ имъ, и о всесильной «польско-іезуитской интригѣ» съ другой стороны, которая можетъ опутать всѣхъ и вся, кромѣ опять-таки прозорливыхъ исторіографовъ и публицистовъ новѣйшей формаціи и пасомаго ими догадливаго стада. Этотъ миѳъ о Панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣетъ огромныя практическія послѣдствія: если наше общество заявило себя только какъ стадо, а польская интрига точно всесильна, тогда польско-русскій вопросъ представляетъ нѣчто дѣйствительно страшное, требующее вѣчныхъ репрессалій, направленныхъ въ сторону польской интриги и вѣчнаго руководительства въ сторону Панургова стада, — словомъ, мѣръ чрезвычайныхъ и въ то же время постоянныхъ.

Неутѣшительность подобной перспективы еще увеличивается отъ простого вопроса: если мы показали только свойства Панургова стада, а поляки засвидѣтельствовали таланты интриги, то кто же поручится за то, что и сами прозорливые руководители наши и энергическіе охранители не попадутъ

въ число тонкорунныйшихъ овецъ Панургова стада и интрига не извлечетъ изъ нихъ тѣмъ большей для себя выгоды, что руководители облечены репутаціей прозорливости, а охранители вооружены энергіею и широкими полномочіями для ея приложенія? Да, — вопрошаетъ испуганный читатель, — sed quis custodiet ipsos custodes? — но кто же охранитъ самихъ охранителей?

Вѣрно и несомнѣнно одно, что вся эта сказка о Панурговомъ стадѣ и польской интригѣ имѣла и имѣетъ важныя для насъ практическія послѣдствія: изъ-за этого миѳа наше общественное развитіе потерпѣло и потерпитъ остановку; мы дожили до того, что приходилось спрашивать: да кто жъ, помилуйте, наконецъ, не «сознательное, или безсознательное орудіе польской интриги?» Эта «интрига» примѣшивается у насъ всюду: и къ вопросу о желѣзныхъ дорогахъ и даже къ спору о классическомъ и реальномъ образованіи; мы не можемъ ввести земства, новаго суда, открыть поземельнаго банка, словомъ, шагу ступить, безъ того, чтобы не спросить боязливо: а что, какъ этимъ всѣмъ да завладѣетъ польская интрига? Мы дожили, наконецъ, до того, что вотъ теперь дѣйствительная, да еще заграничная интрига спекулируетъ на нашу боязнь, что тѣ же самые нѣмецкіе политики и публицисты, которые упрекали насъ за слабость къ польской интригѣ, а потомъ обзывали варварами за строгость, теперь думаютъ употребить нашу боязнь, какъ орудіе противъ ненавистнаго имъ австрійскаго федерализма, который намъ можетъ быть только полезенъ. И чтобы быть послѣдовательными (да кстати, чтобъ оправдать нами же на себя взведенную репутацію барановъ), намъ остается только подставить свою шею и подъ это новое руководительство и постараться поддержать предпринятое гр. Бейстомъ и кн. Бисмаркомъ прижатіе къ стѣнѣ нашихъ соплеменниковъ.

И что же, если оказывается, что сказаніе о Панурговомъ стадѣ есть только миѳъ, пузырь, раздутый въ гору людьми частью своекорыстными, частью самообольщенными? Тогда, во-первыхъ, выйдетъ, что для пораженія польской интриги не требуется особенныхъ ухищреній, а только предоставленіе общества и народа естественному ходу развитія впередъ; тогда руководительство, вмѣсто своего направленія на подавленіе интриги и спасеніе отъ сѣтей ея и самихъ руководителей,

обращается ни къ чему другому, какъ къ помощи естественному и самостоятельному развитію народа и общества: вмѣсто военнаго положенія, контрибуцій, обязательныхъ продажъ имѣній, усиленныхъ высылокъ изъ края, сокращенія числа слушателей въ университетахъ, разгона цѣлыхъ десятковъ учениковъ въ гимназіяхъ, усиленной передѣлки народнаго языка и быта, субсидій и цензуры для журналовъ, замедленія и искаженій во введеніи земства, суда и проч. и проч., понадобится только поднятіе благосостоянія массъ, поднятіе ихъ, а равно и выше стоящихъ, въ просвѣщеніи, улучшеніе матеріальнаго богатства края, свобода печати, возможно широкое раскрытіе дверей школъ, довѣріе къ общественной и личной иниціативѣ, скорѣйшее введеніе полезныхъ реформъ и проч. и проч. Словомъ, разъ когда падетъ миѳъ о Панургомъ стадѣ и разъяснится, что польская интрига и есть не что иное, какъ порядокъ, задерживающій развитіе народа и краевъ, естественно предназначенныхъ къ единству и союзу съ Россіей, то окажется, что спасеніе единства государства вовсе не требуетъ тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, ни такой трудной работы, какъ уничтоженія цѣлой народности, а достигается не чѣмъ инымъ, какъ только внесеніемъ свободы свѣта и благосостоянія въ жизнь тѣхъ краевъ, за сепаратизмъ которыхъ мы такъ боимся.

VIII.

Мы остановились на украинофильствѣ, бѣлоруссофильствѣ и московскомъ славянофильствѣ именно потому, что эти направленія, такъ сказать, стихійныя, а потому и естественныя, что они вытекаютъ изъ непосредственнаго чувства болѣе, чѣмъ изъ холоднаго расчета. И если, что, мы надѣемся, подтверждается сдѣланными выписками, эти направленія заранѣе уже, а особенно въ 1860—1862 гг. разоблачили польскія притязанія на Западно-русскій край, побили ихъ логически на томъ же полѣ, на которомъ опирали и поляки свои патріотическія стремленія, т.-е. на полѣ исторіи и правъ народа и народностей; если, несмотря на увлеченія и односторонности, эти стихійныя направленія не пошли противъ ни одного существеннаго интереса русскаго народа и госу-

дарства, не уступили ни пяди русской земли враждебнымъ стремленіямъ; если два изъ этихъ направленій наиболѣе рано и энергически выступили противъ польскихъ притязаній, и притомъ такъ, что поляки, для борьбы съ ними, не нашли другого средства, какъ прибѣгнуть подъ защиту русской же администраціи, то это всего нагляднѣе показываетъ всю несостоятельность миѳа о Панурговомъ стадѣ и слабость матеріальную и нравственную полонизма въ Западномъ краѣ, предоставленнаго собственнымъ силамъ. Эти обстоятельства даютъ намъ полное право предполагать, что если бы теперь же край этотъ былъ признанъ совершенно находящимся въ нормальномъ положеніи, если бы въ немъ было введено земство, гласный судъ, безцензурная печать, то полонизмъ былъ бы тѣмъ скорѣе подавленъ, и во всякомъ случаѣ не могъ бы произвести ничего опаснаго, а только бы еще болѣе убѣдился въ своей несостоятельности. Предположеніе это мы дѣлаемъ на основаніи только отношеній мѣстныхъ, болѣе стихійныхъ направленій къ полонизму и фактовъ изъ времени 1860—1863 гг. Нужно же имѣть въ виду, что съ тѣхъ поръ много измѣнилось именно въ интересахъ русскаго народа и его единства, и это измѣненіе произошло частью и потому, что многое, задѣтое только въ общихъ чертахъ вышеупомянутыми народными направленіями, въ силу дальнѣйшихъ обстоятельствъ развито было полнѣе, другое же, что больше входило въ область иллюзіи, было разбито жизнью.

Придавая немаловажное историческое значеніе тому, что на защиту русскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ выступили народныя направленія, какъ украинофильство, бѣлоруссофильство и московское славянофильство или великоруссофильство, мы не станемъ, однако, преувеличивать ихъ значеніе, даже въ прошломъ. Это были все-таки, главнымъ образомъ, ученолитературныя направленія. Г. Антоновичъ, отвѣчая на намекъ г. Падалицы о затѣваемой украинофилами коліивщинѣ, выражался, что настоящій Гонта будетъ вооруженъ не ножомъ, а перомъ или рѣчью на трибунѣ; г. Аксаковъ думалъ предупредить взрывъ польской революціи и остановить начавшіяся манифестаціи литературнымъ обмѣномъ мыслей съ польскими учеными и публицистами. Какъ начало культурной борьбы съ поляками, эти направленія были очень важны и могли особенно принести пользу именно въ сферѣ дѣйствія литера-

туры и науки, въ школѣ, въ университетѣ. Общественная же и политическая сторона вопроса двигаема была этими литературными направленіями мало и затронута была лишь въ общихъ чертахъ. Къ тому же украинофилы и бѣлоруссофилы были, что называется, «люди маленькіе»; первые вдобавокъ и замолкли и сошли со сцены въ самую горячую пору, заподозрѣнные въ служеніи полякамъ, вторые же были еще малочисленнѣе и, если высказывались, то болѣе подъ покровительствомъ великоруссофиловъ. Послѣдніе держались долго и говорили громко, но не могли попасть на практическую почву.

Уже когда ясны стали стремленія польскихъ слоевъ населенія въ Западномъ краѣ и польскихъ революціонеровъ въ царствѣ, московскіе славянофилы все еще толковали: «неудивительно, что поляки отрицаютъ русскую народность, если и у насъ слабо чувство народности» и т. д., съ обычными восклицаніями противъ петровской реформы и западничества. Если они и предлагали мѣры, то тоже въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ и формахъ. Таково, напр., выраженіе: «надо узнать голосъ самой Польши, польскаго народа», и самое предложеніе: «призвать къ политической жизни польскій народъ». Значило ли это необходимость созвать чины, парламентъ польскій, произвести ли поголовную подачу голосовъ въ Польшѣ по вопросу, какую форму политическаго быта она желаетъ имѣть? Что плебисцитъ есть самаго дурного тона комедія, изъ изобрѣтенныхъ на «гниломъ Западѣ», противъ этого, конечно, славянофилы спорить не станутъ; что при степени образованія, на которомъ стоитъ, а особенно стояла тогда масса польскаго народа, эта комедія была бы еще глупѣе въ Польшѣ, чѣмъ въ Савойѣ и Ниццѣ, — это тоже болѣе, чѣмъ вѣрно. Въ то же время все похожее на польскій парламентъ въ 1863 году выразило бы только мнѣніе революціонныхъ элементовъ въ Польшѣ, а никакъ не всего народа, а особенно не представляло бы его интересовъ, это тоже, какъ нельзя болѣе, вѣроятно.

Поэтому совѣты славянофиловъ во многомъ оказывались непрактичны, даже если оставить въ сторонѣ, что обращеніе къ чему-либо похожему на suffrage universel вовсе не въ нашихъ нравахъ. Да, главное, что эти совѣты и были весьма неясны. А между тѣмъ возстаніе шло и надо было дѣйство-

вать. Передъ большинствомъ общества было въ преданіи одно средство: военная диктатура. О ней-то и стали кричать, особенно съ тѣхъ поръ какъ показалось, что другая система, испробованная въ Польшѣ послѣ смерти Паскевича, не вела ни къ чему доброму. Собственно это была вовсе не система дѣйствій, а просто отступленіе. Мы, т.-е. диктатура, все отступала, а на мѣсто ея становилось то, что было въ Польшѣ и Западномъ краѣ наверху, а наверху была аристократія да революціонеры; и край, конечно, не умиротворялся, и притязанія революціонеровъ все росли въ ущербъ народу русскому и безъ всякой перспективы выгоды народу польскому. Эту систему почему-то принято въ нашей печати называть системой «либерализма и гуманности» и выводить на семъ основаніи несовмѣстимость «либерализма и гуманности» или, какъ нѣкоторые патріотическіе публицисты выражались для вящшей силы, «перезрѣлаго гуманизма и недозрѣлаго либерализма»,— въ нашей политикѣ въ Польшѣ и Западномъ краѣ.

Собственно говоря, мы еще ни разу не попробовали ни въ Западномъ краѣ, ни въ Польшѣ *системы* либерализма и гуманности, ибо тамъ еще ни разу не были собраны представители всѣхъ слоевъ населенія для рѣшенія мѣстныхъ земскихъ дѣлъ, не введенъ былъ гласный судъ съ присяжными, не была освобождена печать, гарантирована частная дѣятельность отъ произвола, а подобныя мѣры только и составляютъ признаки системы гуманнаго либерализма. Въ Польшѣ и Западномъ краѣ только и была принята одна *мѣра* либеральнаго свойства, а именно — освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ, — и нельзя сказать, чтобъ она принесла дурные политическіе результаты. То же, что при маркизѣ Велепольскомъ въ царствѣ, или въ 1860—1863 гг. въ Западномъ краѣ, всѣ почти служебныя мѣста были заняты поляками да что панамъ въ Западномъ краѣ дозволялось отнимать у крестьянъ земли, досѣкать ихъ до якобы добровольнаго соглашенія, а въ царствѣ интриговать противъ распространенія на него принциповъ Положенія 19 февраля 1861 года, даже и въ такой несовершенной формѣ, какъ въ Западномъ краѣ, да повсюду возбуждать преслѣдованія администраціи противъ лицъ, идущихъ въ разрѣзъ съ олигархическими интересами,— все это, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ либерализмомъ и гуманностью. Это тоже система диктатуры и бюрократіи, только отданной на

службу польскимъ революціонерамъ бѣлой партіи. А между тѣмъ у насъ прежде только и знали (да многіе ли знаютъ иное и теперь?), что эти два вида диктатуры и бюрократіи: одна давила все, и свое и чужое, другая позволяла и помогала давить свое и могущее стать своимъ. Понятно, что такіе люди, какъ славянофилы, гнушались однимъ, видѣли вредъ другого. А къ чему прибѣгнуть, хорошенько не сознавали, отчего и дали обогнать себя и выхватить предводительство въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, кто пришелъ хоть и позже, да зато выкликнулъ безъ дальней думы и покрѣпче нехитрый, но удобопонятный принципъ, выраженный словами: «чтобы словъ не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить»...

Все дѣло могло бы кончиться просто усмиреніемъ, казнями, ссылками и военнымъ положеніемъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Надо сказать, что «бѣлому жонду» такой исходъ не былъ бы очень и противенъ. Ему не очень-то были любезны фанатическіе мѣщане, стрѣлявшіе въ нашихъ намѣстниковъ, ни повстанцы, рыскавшіе по лѣсамъ, ни демократствующій Мѣрославскій съ Гарибальди въ перспективѣ; всѣмъ этимъ бѣлые пользовались только какъ средствомъ запугать правительство да и получить себѣ побольше уступокъ. Серьезнаго же возстанія, да еще подъ предводительствомъ красныхъ, «бѣлые» могли даже бояться самымъ серьезнымъ образомъ. Когда возстаніе, благодаря нетерпѣнію красныхъ, таки вспыхнуло сильнѣе и было подавлено, «бѣлымъ» было совершенно безразлично, сколько повстанцевъ сошлютъ или повѣсятъ лишь бы соціальное положеніе края осталось прежнее. А временную диктатуру, конечно, надо было перетерпѣть, а потомъ постараться прибрать въ руки: «бѣлымъ» же всегда первое и второе удается легче. Что новая эра диктатуры не только не принесла бы пользы ни народу ни государству, а только усилила бы вредъ, нанесенный прежнею, что, при сохраненіи реальной силы у «бѣлыхъ», только увеличились бы сепаратистическія стремленія въ царствѣ и прогрессивная полонизація Западнаго края, въ этомъ мы, судя по примѣрамъ прошлаго, не имѣемъ основанія сомнѣваться.

Къ счастію — и вотъ еще одно доказательство, до чего не хитрая вещь польскій вопросъ у насъ, — за насъ работаетъ сама исторія, даже когда мы вовсе не имѣемъ опредѣленной системы дѣйствій. Самъ ходъ событій толкнулъ насъ на новую

дорогу къ разрѣшенію польскаго вопроса, а помогло перейти на эту дорогу въ значительной степени то, что патріотическими исторіографами нашими выставлено за одно изъ явныхъ проявленій руководительства въ нашемъ обществѣ польской интриги и что дѣйствительно оказалось не безъ грѣха. Сразу покажется парадоксомъ, а при внимательномъ всматриваніи въ дѣло оказывается дѣйствительнымъ то, что если извѣстная часть русскаго общества пристала дѣятельно къ союзу съ польской революціей, то это послужило къ лучшему исходу мѣропріятій, послѣдовавшихъ за мятежомъ. Постараемся объяснить это положеніе, насколько возможно. И если намъ удастся доказать, что даже при патологическихъ отклоненіяхъ русской общественной мысли и иниціативы, она не только не послужила къ существенному ущербу интересовъ народа и государства, но въ пользу ихъ, хотя бы нѣсколько и косвенно, то тѣмъ паче окажется, что успѣшное разрѣшеніе трудностей польскаго вопроса можетъ быть почитаемо вполнѣ не труднымъ и предоставлено естественному ходу развитія русской мысли и общества.

Замѣчательно, что самая дѣйствительная и самая важная изъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время къ скрѣпленію единства нашихъ западныхъ окраинъ, исключая Остзейской, съ государствомъ есть въ то же время мѣра, которая связана съ самымъ существеннымъ изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ въ настоящее царствованіе наше правительство и общество, а именно освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ. Эти основныя начала Положенія 19 февраля составляютъ тотъ пунктъ, около коего группируются всѣ наши общественныя направленія съ самаго 1858 г., когда способы устройства сельскаго состоянія стали у насъ предметомъ разработки, когда отношеніями къ этимъ началамъ опредѣлились всѣ симпатіи и антипатіи въ нашемъ обществѣ; около этихъ пунктовъ сосредоточивалась и сосредоточивается вся серьезная сторона борьбы за «обрусеніе» въ Западномъ краѣ съ самаго времени составленія инвентарей и до сихъ поръ.

Различія въ отношеніяхъ разныхъ направленій нашего общества къ этому вопросу сказались еще тогда, когда еще не было произнесено не только слово «освобожденіе» крестьянъ, но и «улучшеніе быта», и проявились, повидимому, по поводу

чисто историческаго и даже археологическаго вопроса въ спорѣ о сельской общинѣ въ Россіи; при этомъ славянофилы съ своей «Русской Бесѣдой» взяли сторону общины, и тогдашній органъ тогдашнихъ западниковъ, «Русскій Вѣстникъ», сталъ противъ признанія общины естественно возникшимъ и соотвѣтственнымъ нуждамъ русскаго народа учрежденіемъ. Уже съ самаго начала видно было, что подъ общиной обѣ стороны разумѣютъ даже не общинное только владѣніе землей, а вообще экономическую и полицейскую самостоятельность крестьянскаго міра — громады [1]).

Достойно вниманія, что голосъ изъ юго-западной Руси, которую сами славянофилы готовы были считать не чисто русской, и гдѣ дѣйствительно община давно уже не существуетъ въ видѣ общиннаго землевладѣнія, получилъ тогда рѣшающее значеніе въ спорѣ объ историческомъ происхожденіи экономической и полицейско-судебной независимости нашей сельской общины; а также и то, что сторону славянофиловъ принялъ, сводя вопросъ еще болѣе съ археологической почвы на современную экономическую, журналъ, который потомъ представлялъ въ себѣ наиболѣе рѣзкую форму западничества, — если только прилично теперь употреблять это обветшалое и всегда имѣвшее мало смысла выраженіе, — журналъ, который, по словамъ виленскихъ исторіографовъ и московскихъ публицистовъ, сталъ самымъ послушнымъ и явнымъ орудіемъ польской интриги, а именно «Современникъ». Когда вопросъ о надѣлѣ крестьянъ землею и объ устройствѣ сельскаго управленія, — съ сохраненіемъ ли въ какомъ бы то ни было видѣ вотчинной полиціи за помѣщиками или съ организаціей самостоятельной крестьянской общины, — сталъ предметомъ разсужденій въ редакціонныхъ по крестьянскому дѣлу комитетахъ и въ печати, разница въ направленіяхъ нашихъ въ обществѣ и печати стала еще рѣзче. Отселѣ и всѣ раздоры, не затихшіе и до сихъ поръ и объемлющіе всѣ послѣдующіе. «Русская Бесѣда» съ «Сельскимъ Благоустройствомъ» и потомъ «День», «Современникъ» стали за надѣлъ крестьянъ землею и противъ вотчинной полиціи помѣщиковъ, — «Русскій Вѣстникъ» съ «Современной Лѣтописью» и потомъ «Мо-

---

[1]) См. особенно статью г. Иванишева, члена Кіевской археографической комиссіи, въ „Русской Бесѣдѣ“, 1857, о древней общинѣ въ юго-западной Руси.

сковскія Вѣдомости» съ своими учеными и публицистами (гг. Ржевскій, Бланкъ, Безобразовъ, Скарятинъ и т. д.) ратовали «за освобожденіе крестьянъ отъ прикрѣпленія къ землѣ и отъ палки пьянаго волостного старшины». До какой степени стремленія этой послѣдней нашей общественной партіи сходились съ польскими, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сопоставленія.

Въ центральномъ редакціонномъ комитетѣ депутаты отъ западныхъ губерній, поддерживаемые и нѣкоторыми русскими, подали слѣдующее заявленіе (24 марта 1860 г.): «Мы съ трудомъ можемъ себѣ вообразить нынѣшнее крѣпостное населеніе въ Россіи, распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то республикъ съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое между тѣмъ не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходкѣ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ. Мы опасаемся, что устраненіе консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія введетъ въ русскую жизнь такой крайній демократическій принципъ, который несовмѣстенъ съ сильною правительственною властью и отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ» и т. д.

Выше мы привели нѣсколько строкъ въ такомъ же духѣ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», а вотъ что писала та же газета уже въ 1864 г., т.-е. послѣ польскаго возстанія, во время котораго она стяжала себѣ славу единственнаго патріотическаго изданія и спасителя отечества: «Землевладѣльцы— естественные защитники свободнаго сельскаго люда, представители его интересовъ, надежные хранители земскаго мира. А есть либералы, которые все еще думаютъ, что крестьянамъ лучше оставаться подъ палкою выборнаго старшины или старосты, подъ расправою мірской сходки или подъ филантропическою опекою наѣзжаго (ср. польское выраженіе najazd для означенія мирового института) оффиціала... Наши прогрессисты, изъ нелѣпыхъ опасеній вторичнаго пришествія крѣпостного права и подъ вліяніемъ смутныхъ идей демо-

кратическаго соціализма, рады навѣки закрѣпостить крестьянъ въ общинномъ землевладѣніи, въ круговой порукѣ, подъ деспотизмомъ мірской сходки и такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія» [1]). Если бы тутъ шла рѣчь только о такой или иной формѣ организаціи крестьянскаго землевладѣнія и самоуправленія, то былъ бы другой вопросъ, но проповѣдь противъ самаго принципа крестьянской общины, заявленія въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ, агитація въ пользу освобожденія крестьянъ на англійскій (или, что то же, на остзейскій и польскій) манеръ, какъ нельзя болѣе совпадала съ цѣлями польскихъ пановъ свергнуть съ себя иго инвентарей, рѣшить вопросъ о надѣлѣ крестьянъ по добровольному будто бы соглашенію, т.-е. дать какъ можно меньшій надѣлъ или вовсе не дать, наконецъ, удержать административную власть надъ крестьянами [2]).

---

[1]) „Москов. Вѣд.“, 1864, № 51.

[2]) До чего нехитрая вещь весь вопросъ о нашихъ окраинахъ и въ чемъ собственно состоитъ вся суть „польской“ и нѣмецкой интриги, можно видѣть и изъ того, что уже давно и нѣмецкими политиками выражалось неудовольствіе противъ основныхъ началъ нашей крестьянской реформы. Такъ, еще въ декабрѣ 1857 г., т.-е. при первой вѣсти о рескриптахъ 20 ноября 1857 г., открывшихъ въ Россіи работы по крестьянскому вопросу, „Кельнская газета“ въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ „Russland und Deutschland“ говорила: „Вникая въ духъ и стремленіе русскихъ публицистовъ въ послѣднее время, мы убѣждаемся, что ихъ главная особенность состоитъ въ возмущеніи славянскаго высокомѣрія (slavische Uebermuth) противъ умственнаго превосходства нѣмцевъ. Изъ всѣхъ племенъ, составляющихъ іафетическое человѣчество, ни одно не лишено такъ вполнѣ всякаго смысла политическаго устройства, переходящаго за предѣлы тихой общинной жизни, какъ славяне. Ихъ государственный строй сохранялся только благотворнымъ вліяніемъ германизма. Безъ нѣмецкой партіи, т.-е. безъ тѣхъ *значительныхъ* людей, которые прикладываютъ къ русскимъ дѣламъ мѣрило германскаго образованія, Россія потерялась бы въ безконечной путаницѣ. А потому вы, гг. русскіе, не очень торопитесь изгнаніемъ нѣмецкихъ элементовъ. Какъ бы не пришлось потомъ горько раскаиваться въ этомъ, подобно той шведской журнальной черни, говорившей, что нѣмцы годны только въ дворники, кельнеры и слуги. Если теперь сбудется освобожденіе крестьянъ, то оно только и можетъ совершиться на *нѣмецкихъ* основаніяхъ и съ той осторожностью, съ которой Александръ I привелъ въ дѣйствіе свой проектъ въ остзейскихъ губерніяхъ“. Читая такіе совѣты, и понимаешь вѣрность словъ, сказанныхъ „Times“ въ 1863 г., что *старо-русская* партія въ Россіи и *нѣмецкая* все равно, „хоть теперь и кричатъ такъ много въ Европѣ о томъ, что „старо-русская партія“ хочетъ уничтожить все нѣмецкое и польское, не гнушаясь для этого и соціализмомъ молодой русской партіи“. И вообще въ западно-европейской печати теперь сложился миѳъ о „русской“

Партія, защищавшая принципъ поземельнаго надѣла крестьянъ, имѣла различные оттѣнки до самаго радикальнаго, который почиталъ необходимымъ дать надѣлъ безплатно, хотя вполнѣ отчетливо эта послѣдняя идея и не была высказана кѣмъ-либо изъ болѣе извѣстныхъ въ литературѣ и обществѣ лицъ. Во главѣ наиболѣе радикальныхъ и страстныхъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла стоялъ А. Герценъ. Когда обнародовано было Положеніе 19 февраля, имъ остались недовольны и многіе изъ рѣшительныхъ враговъ крестьянскаго надѣла и поклонниковъ англійскаго и остзейскаго способа освобожденія крестьянъ, равно какъ многіе изъ поборниковъ идеи крестьянскаго надѣла елико возможно на болѣе легкихъ для крестьянъ условіяхъ. Крестьяне, въ свою очередь, исходя изъ начала: «мы ваши, а земля наша», недовѣрчиво смотрѣли на объявляемую волю, дожидая «новой воли», «слушного часу» и т. п. Изъ желанія однихъ какъ можно меньше дать земли и какъ можно подороже, изъ недовѣрія другихъ вытекали недоразумѣнія, въ особенности естественныя при новизнѣ дѣла; а при томъ страхѣ, который у насъ тогда питали къ «пробужденію льва», т.-е. освобожденію милліоновъ закрѣпленныхъ крестьянъ, эти недоразумѣнія вели за собою иногда кровавыя послѣдствія. Разумѣется, что болѣе крайніе послѣдователи идеи надѣла крестьянъ землею видѣли въ жертвахъ этихъ не-

---

партіи, которой приписываются самыя противоположныя черты. Миѳъ этотъ отражается и въ Россіи и соотвѣтствуетъ той неопредѣленности общественныхъ понятій, которая произошла вслѣдствіе неосвѣщаемаго историческимъ изученіемъ и критикой напластованія одно на одно нашихъ общественныхъ направленій. При историческомъ же и критическомъ пересмотрѣ нашей общественной жизни за 10—12 лѣтъ и оказывается, что именно „старо-русская“ партія, если разумѣть подъ этимъ терминомъ, что и слѣдуетъ, партію, желающую замедленія и урѣзыванія широты реформъ настоящаго царствованія, есть, конечно, въ то же время и „нѣмецкая и польская партія“,—выводъ историческій, поучительный въ то же время и для настоящаго и будущаго. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ часть публицистовъ нашего, такъ называемаго, охранительнаго (что и есть дословно—стараго) направленія выдѣлилась изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ такъ называемую партію „Вѣсти“, выводъ этотъ сталъ самъ собою напрашиваться въ головахъ мыслящихъ людей и произвелъ благотворное вліяніе и на самыя „Московскія Вѣдомости“. Дальнѣйшій ходъ событій, а особенно историческое изученіе недавно-прошедшаго, долженъ повести еще къ нѣсколько иному распредѣленію общественныхъ партій — и, быть-можетъ, предохранитъ насъ отъ множества недоразумѣній, въ коихъ „своя своихъ не познаша“.

доразумѣній мучениковъ симпатичной имъ идеи и, увлекаясь чувствомъ негодованія, допускали срываться съ устъ своихъ фразы гнѣва и угрозы или, лучше сказать, вѣры въ грядущее «народное отмщеніе». Къ этому неудовольствію присоединялось уже упомянутое, довольно распространенное тогда движеніе къ представительнымъ политическимъ формамъ, раздѣляемое тогда и многими поборниками безземельнаго освобожденія крестьянъ, недовольными Положеніемъ 19 февраля съ «бѣлой» точки зрѣнія. Конечно, каждая изъ недовольныхъ сторонъ думала, что представительное правленіе послужитъ въ пользу ея идей, хотя, конечно, наиболѣе шансовъ успѣха при немъ было бы на сторонѣ «бѣлыхъ».

Такимъ образомъ явилась идея о возможности переворота въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, о необходимости агитаціи къ тому, породившая прокламаціи «Великоруссъ», начало общества «Земля и Воля» и т. п. Было совершенно естественно, что польскіе революціонеры обратили вниманіе на эти революціонные элементы въ Россіи, а эти послѣдніе—на поляковъ. Общность предмета неудовольствія напередъ связала оба элемента. Наши красные были въ существѣ дѣла болѣе соціальной, чѣмъ политической партіей, и субъективно считали такими же и польскихъ дѣятелей, чему много помогало, конечно, отсутствіе гласности и темность польскихъ требованій. Правда, и самыхъ усердныхъ между нашими красными смущалъ вопросъ о Западномъ краѣ, но такъ какъ они почти исключительно были именно великоруссы и притомъ жители столицъ, то объ этомъ краѣ имѣли смутныя свѣдѣнія, подобно, впрочемъ, большинству тогдашняго великорусскаго и столичнаго общества, а потому и успокоивались резономъ, что населенію Западнаго края слѣдуетъ предоставить самому рѣшить свою судьбу.

Такими-то обстоятельствами и соображеніями объясняется, почему нѣсколько студентовъ и молодыхъ офицеровъ совмѣстно съ поляками издавали летучіе листки, почему нѣкоторые рѣшались подговаривать солдатъ не стрѣлять въ повстанцевъ, а два-три человѣка рѣшились и присоединиться къ повстанцамъ. Вотъ собственно реальное основаніе для миѳа о Панургомъ стадѣ. Собственно число дѣйствительныхъ союзниковъ польскаго возстанія въ нашемъ обществѣ было до того ничтожно, что придавать этимъ единицамъ какое бы то ни

было серьезное значеніе было бы явной натяжкой. Серьезнаго во всей этой исторіи союза польскихъ революціонеровъ съ нашими только и есть, что, такъ какъ наши «красные» были только крайнимъ побѣгомъ дѣйствительно серьезнаго направленія въ нашемъ обществѣ, а именно стремленія къ надѣлу крестьянъ землею, то и польскіе революціонеры,—«красные» болѣе или менѣе искренно, а «бѣлые», конечно, съ задней мыслью,—поставлены были въ необходимость, чтобы привлечь къ себѣ хоть нѣсколько человѣкъ изъ русскаго общества, заявить, что и они признаютъ русскій принципъ надѣленія крестьянъ землею. Вотъ чѣмъ объясняется происхожденіе золотыхъ грамотъ. А такъ какъ суть всего дѣла о Западномъ краѣ и Польшѣ именно и заключается въ надѣлахъ крестьянъ землею и полномъ освобожденіи ихъ отъ помѣщиковъ, такъ какъ поляки, даже демократы, всегда имѣли въ виду болѣе политическую и національную цѣль, чѣмъ соціальную и экономическую, всегда забывали въ своихъ либеральныхъ мечтаніяхъ народъ,—то едва ли не вѣрнѣе будетъ сказать, что не столько наши «красные» попались на удочку польской интриги, сколько эта послѣдняя зацѣпилась за крайній уголъ направленія, которое привело къ самой существенной изъ реформъ, усилившихъ Россію, и къ самой дѣйствительной мѣрѣ къ скрѣпленію ея связи съ окраинами.

Мы даже рѣшаемся сказать, что наши «красные», которые подавали руку союза польскимъ революціонерамъ, оказывались гораздо менѣе вредными, чѣмъ наши «бѣлые», агитировавшіе заодно съ поляками противъ надѣла крестьянъ землею и въ пользу вотчинной полиціи помѣщиковъ: въ первомъ случаѣ оболочка факта, участіе въ революціи или въ ея приготовленіи, была, конечно, преступна, но преступленіе это объясняется только ошибкой и незнаніемъ, идея же, лежавшая подъ преступной и революціонной оболочкой была самая охранительная, самая сообразная съ дѣйствительными интересами русскаго государства. Во второмъ случаѣ цѣль была, повидимому, самая благонамѣренная, самая охранительная, но если бъ она была достигнута, русскій народъ и государство въ Западномъ краѣ поставлены бы были въ самое невыгодное положеніе. При этомъ все-таки не мѣшаетъ имѣть въ виду и то смягчающее обстоятельство, что самые красные изъ русскихъ, сочувствовавшихъ полякамъ, въ существѣ дѣла не

уступали ни пяди русской земли послѣднимъ, такъ какъ они предоставляли рѣшеніе вопроса о принадлежности Западнаго края населенію. Населеніе и рѣшило этотъ вопросъ, правда, не такъ, какъ наивно думали наши «красные» и какъ имъ обѣщали устроить рѣшеніе поляки, т.-е. не посредствомъ suffrage universel на французскій манеръ, а тѣмъ, что стали вязать повстанцевъ и доставлять ихъ властямъ со всѣми ихъ золотыми грамотами, чрезъ что рѣшеніе не измѣнило ни своей сущности ни убѣдительности. А благодаря именно этому рѣшенію на будущее время не предвидится въ нашей молодежи и обществѣ Великой Руси и столицъ (о мѣстной западно-русской и говорить нечего) повтореніе того сочувствія русскихъ, сознававшихъ себя демократами, въ столь олигархическомъ дѣлѣ, какъ польское дѣло въ Западномъ краѣ, даже и въ томъ скромномъ размѣрѣ, въ какомъ это соучастіе проявилось въ 1862—1863 гг. Вовсе не рѣдкость, что люди, которые въ прежнее время, по ошибочному помѣщенію симпатій, относились съ сочувствіемъ къ польскому возстанію, потомъ, когда дѣло разъяснилось, стали тѣмъ болѣе усердными дѣятелями на западѣ Россіи по крестьянскому дѣлу, народному образованію и т. п. И если что-либо вызываетъ нерасположеніе въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ къ такъ называемому «обрусенію», такъ это мелочныя репрессаліи, направленныя въ сферу личной жизни, т.-е. вещи совершенно ненужныя для сущности дѣла, да перенесеніе «обрусенія» въ области вовсе не русскія, т.-е. такія, гдѣ оно и не имѣетъ шансовъ успѣха. Такимъ образомъ и тутъ миѳъ о Панурговомъ стадѣ и о всемогущей польской интригѣ оказывается преувеличеннымъ и ложно представляющимъ дѣло и его значеніе, а страхи, сопряженные съ этимъ миѳомъ, неосновательными.

IX.

То, что происходило въ меньшихъ размѣрахъ и менѣе ясныхъ формахъ въ отношеніяхъ между польскими агитаторами и разными кружками и лицами въ Россіи, проявилось нагляднѣе съ кружкомъ нашихъ эмигрантовъ за границей, особенно съ самою выдающеюся между ними личностью, Герценомъ. Теперь пора бы уже, кажется, наступить спокойной

и безпристрастной оцѣнкѣ его роли въ исторіи нашего общества за послѣднее пятнадцатилѣтіе, и въ томъ числѣ его отношеній къ польскому вопросу, для чего его собственные мемуары и статьи доставляютъ значительное количество матеріала. Конечно, въ настоящей статьѣ мы не возьмемъ на себя ни оцѣнку дѣятельности Герцена вообще, ни сколько-нибудь подробный очеркъ его участія въ польскомъ возстаніи. Мы только коснемся отношеній Герцена и его теорій къ вопросу о Западномъ краѣ, Польшѣ, славянству и Германіи, составляющему главный предметъ нашей статьи.

Мы уже потому не можемъ миновать Герцена, что въ толкахъ нѣмецкой печати его имя постоянно приводится, какъ имя одного изъ отцовъ той ужасной, по понятіямъ этой печати, партіи, «русской» партіи, которая угрожаетъ полякамъ и нѣмцамъ и всей европейской культурѣ. Еще при жизни своей Герценъ былъ предметомъ ожесточенной ненависти нѣмецкой печати отъ Kreuz-Zeitung и Allgemeine-Zeitung до листковъ Карла Маркса и другихъ нѣмецкихъ эмигрантовъ демократической и соціальной партій, которые даже заявляли, что Герценъ—агентъ русскаго правительства. И нужно сказать, что и злое перо Герцена ничто и никого не рисовало съ такою безпощадною ѣдкостью, какъ нѣмецкія противорѣчія, нѣмецкую исключительность, нѣмецкихъ Umwälzungsmänner.

Нѣмецкія отношенія къ другимъ народамъ и особенно къ Россіи и славянству Герценъ изображалъ въ слѣдующемъ видѣ: «Страшное противорѣчіе въ характерѣ нѣмцевъ: всѣ они на словахъ, въ теоріи, космополиты и въ то же время отъ безвыходно-жалкаго положенія ихъ отечества что ли, исполнены самымъ раздражительнымъ, самымъ исключительнымъ и худо скрывающимъ свои притязанія патріотизмомъ. Они готовы принять всемірную республику, стереть границы междугосударственныя, но чтобъ Тріестъ и Данцигъ принадлежали Германіи. Развѣ воинственный конвентъ, собиравшійся въ Павловской церкви во Франкфуртѣ и состоявшій изъ добрыхъ и мирныхъ профессоровъ, лѣкарей, теологовъ, фармацевтовъ и философовъ, не рукоплескалъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ) австрійскимъ солдатамъ въ Ломбардіи: развѣ онъ хотѣлъ дать ходъ рекламаціямъ познанскихъ поляковъ? Въ Инспрукѣ есть итальянская пушка, ее городу подарили студенты, ходившіе волонтерами бить ломбардовъ, и

завоевавшіе этотъ трофей подъ начальствомъ своего профессора. Старикъ Арндтъ писалъ стихи въ альбомъ Радецкаго. Первое свободное слово, сказанное послѣ вѣковъ политическаго молчанія, въ революціонной Германіи 1848 года было не въ пользу, а противъ притѣсненныхъ и слабыхъ народностей. И не замѣчательно ли, что умѣренно-чопорная «Аусбургская Газета» перещеголяла дикій языкъ «Таймса», требовавшаго крови и убійствъ въ Индіи, хладнокровно говоря, что это не люди, что индѣйцевъ надобно истреблять гуртомъ, «для того, чтобы поколѣнія и поколѣнія помнили и разсказывали бы съ ужасомъ дѣтямъ, что значитъ не принимать образованія»... «Есть ограниченные умы и узкія народныя ненависти: они ненавидятъ, не разсуждая. «Возьмите,— писалъ Герценъ одному поляку,— возьмите (чтобъ не говорить о своихъ) статьи нѣмецкихъ демократовъ, кичащихся своимъ космополитизмомъ и вглядитесь въ ихъ злую ненависть не только ко всему русскому, но ко всему славянскому... Если бъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ-нибудь желаніемъ... я бы это понялъ. Совсѣмъ не то. Такъ, какъ средневѣковые люди ненавидѣли евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ только удвоиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, заклепанныхъ умовъ. По счастію, на этотъ разъ они имѣютъ дѣло не съ разсѣяннымъ и бѣднымъ племенемъ, а съ частью свѣта». Кто слѣдилъ за нѣмецкими голосами въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ Германія изъ безвыходно-жалкаго политическаго состоянія поднялась на высоту давно неслыханнаго военнаго могущества, тотъ не можетъ не согласиться, что характеристика Герцена не потеряла своей вѣрности: теперь нѣмецкіе публицисты еще болѣе неумолимы къ племенамъ, которыя «не хотятъ принимать образованія», т.-е. эксплуатаціи ихъ культуртрегерами, хотя бы и въ видѣ Струсберга, еще болѣе ненавидятъ Россію, которая представляется имъ въ одно время и Alt-Russland и Jung-Russland... По смерти Герцена вѣнская «Presse» говорила о немъ: «его сочиненія были книгою откровенія для московскихъ фанатиковъ, для староруссовъ (Altrussen), которые вмѣстѣ съ Аксаковымъ и Фадѣевымъ (генералу этому видимо везетъ на извѣстность въ Австріи и Германіи больше, чѣмъ въ Россіи) хотятъ подчинить Европу игу славянства, а также и для молодоруссовъ (Jungrussen), которые смотрятъ на коммунизмъ

славянской сельской общины, какъ на исходный пунктъ великой соціальной революціи въ будущемъ».

Самъ Герценъ говорилъ, что онъ сталъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ западникамъ, особенно тѣмъ московскимъ западникамъ, которыхъ онъ называлъ «нѣмецкими русскими» и изъ круга которыхъ вышло изданіе, называемое въ Европѣ, особенно въ Германіи, органомъ старо-русской партіи. Онъ былъ не только славянофилъ, но и панславистъ. Не представляя непремѣнно той или другой формы всеславянскаго союза, хотя и отдавая предпочтеніе федераціи, Герценъ вѣровалъ въ этотъ союзъ и желалъ союза славянъ съ Россіей, главнымъ образомъ, «для *нерусскаго* славянскаго міра», для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, они не были бы взяты врасплохъ. На свой оригинальный ладъ Герценъ тоже писалъ о гнилости «Стараго міра», въ которомъ крѣпкимъ считалъ только духъ сомнѣнія и критики, и о томъ, что Россія и Америка, двѣ молодыя части свѣта, могутъ, если не обновить «старый міръ», какъ нѣкогда обновили романскую древность германцы, то, по крайней мѣрѣ, благодаря реальному направленію характеровъ своего населенія, благодаря огромнымъ пространствамъ земли, могутъ иначе и лучше разрѣшить труднѣйшую изъ всѣхъ общественныхъ задачъ, экономическое устройство массъ, —эту основу и всякаго спокойнаго прогрессивнаго развитія политическаго и культурнаго.

Вотъ почему Герценъ придавалъ такое большое значеніе великорусской сельской общинѣ, о коей разсказывалъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, во множествѣ брошюръ и статей. Главная идея, которой онъ фанатически былъ преданъ, это была идея надѣла крестьянъ землею. Сравнительно съ этой темой онъ считалъ всѣ прочіе политическіе вопросы, особенно для русскаго, только за такіе, о коихъ интересно послушать, но отъ которыхъ все-таки надо итти къ «своимъ дѣламъ», т.-е. «къ освобожденію крестьянъ съ землею». Изъ собственно политическихъ вопросовъ, Герценъ ставилъ рядомъ съ этимъ только свободу печати. Такимъ образомъ, несмотря на свою страстность и свой соціалистическій идеализмъ, Герценъ, въ отношеніяхъ къ практическимъ требованіямъ отъ русской жизни, былъ весьма умѣренный человѣкъ. При всей своей рѣзкости въ выраженіяхъ, Герценъ собственно былъ весьма

мало похожъ на практическаго революціонера. Никто болѣе ѣдко, чѣмъ онъ, не изображалъ всей пустоты и формалистики европейскихъ революціонныхъ круговъ, кромѣ итальянскихъ, никто такъ зло не смѣялся надъ «столбниками 1793 года», какъ Герценъ. Когда дошла до Лондона вѣсть о надѣлавшей столько переполоху у насъ «Молодой Россіи», Герценъ увидѣлъ въ ней только юношеское произведеніе и выражался такъ: «Молодая Россія» кажется намъ двойной ошибкой. Во-первыхъ *она вовсе не русская:* это одна изъ варіацій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политическо-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію... Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной мысли, а сложнымъ процессомъ эмбріологіи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мыслъ Загада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ не нужна была римско-спартанская риторика, которою они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ, — это не понимать ни дѣла ни народа, это неуваженіе ни къ нему ни къ народу. Ну есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны?»

Такимъ образомъ по основнымъ своимъ идеямъ, Герценъ всего менѣе имѣлъ общаго съ польскимъ революціонизмомъ. Съ Польшей его связывало славянофильство, т.-е. Польшѣ онъ желалъ такого же возрожденія «хлопства», въ возможность котораго онъ вѣрилъ для Россіи. Собственно всѣ отношенія его къ полякамъ до 1861 года были случайны и приводили его, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ, напримѣръ, къ Ворцелю, только къ сознанію разности его началъ, которыя ему казались русскими, съ польскими. Популярность, которую онъ пріобрѣлъ своей агитаціей именно въ предѣлахъ тѣхъ началъ, которыя считалъ Герценъ наиболѣе существенными для Россіи, разумѣется, обратила на него вниманіе и поляковъ.

Въ 1859 году, по поводу вышедшей въ Парижѣ брошюры «Alexander Herzen i Wolna Rossijska Drukarnia w Londynie», Герценъ написалъ рядъ писемъ подъ заглавіемъ: «Россія и Польша». Въ этихъ письмахъ русскій эмигрантъ напоминаетъ полякамъ объ историческихъ заслугахъ Россіи, о которыхъ

никто не хочетъ знать на Западѣ, указываетъ на самое существенное дѣло русское, т.-е. освобожденіе крестьянъ съ землею, смѣется надъ «религіей демократіи», по коей надо непремѣнно презирать монархію, хотя бы она и дѣлала доброе дѣло, и переходитъ потомъ къ Польшѣ. Выразивъ убѣжденіе, что Польша должна быть свободна, онъ въ то же время полагаетъ, что и для своей и для всеславянской выгоды болѣе, чѣмъ для Россіи, лучше было бы Польшѣ оставаться въ союзѣ съ Россіей, что, впрочемъ, раньше или позже и наступило бы, если бы Польша теперь и отдѣлилась бы временно отъ Россіи. Самый трудный вопросъ между Россіей и Польшей при соединеніи ли ихъ или раздѣленіи — это, по Герцену, вопросъ о границахъ. «Русскій языкъ, крестьянскій бытъ и православная вѣра»,— вотъ, по его мнѣнію, признаки, по которымъ опредѣляется граница польскаго отъ русскаго. А впрочемъ, онъ этотъ вопросъ предоставляетъ на рѣшеніе самому населенію Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны и, судя по примѣрамъ прошлаго, полагаетъ, что выборъ населенія скорѣе упадетъ на сторону Россіи, особенно если Россія освободитъ крестьянъ съ землею. Такова сущность писемъ Герцена, которыя, кромѣ того, отличались и другими обычными этому писателю мыслями и особенностями. Письма эти вызвали полемическіе отвѣты въ видѣ статей и писемъ эмигрантовъ и проживающихъ на родинѣ поляковъ. Отвѣты были довольно рѣзки, такъ что Герценъ и не печаталъ ихъ. Эти отвѣты и еще нѣсколько статей дали поводъ къ новымъ статьямъ о томъ же сюжетѣ.

Сказать по правдѣ, перечитывая письма Герцена и сравнивая его слова съ приводимыми по мѣстамъ выдержками изъ писемъ его корреспондентовъ, невольно улыбаешься. Онъ имъ говоритъ свои любимыя темы о Западѣ и Россіи и Америкѣ, о надѣлѣ крестьянъ землею, о самоопредѣленіи народовъ и народа, а они твердятъ о преимущественныхъ заслугахъ католицизма для цивилизаціи передъ православіемъ; о томъ, что коли дворянство католическое и польское, то и край долженъ считаться польскимъ; о томъ, что и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ вовсе не такая важная вещь, какъ думаетъ Герценъ, а только шагъ экономическій — не болѣе; что русскіе — смѣсь туранцевъ и славянъ — должны оставить старославянскіе элементы въ союзѣ съ Польшей и т. п. Герценъ

имѣлъ терпѣніе отвѣчать на всѣ эти аргументы и, надо сознаться, не оставилъ ни одного изъ нихъ безъ возраженія, указавъ даже на то, что поляки весьма мало думали о западномъ славянствѣ сравнительно съ «туранскими» русскими. Ладу, такимъ образомъ, у Герцена съ польскими дѣятелями и корреспондентами было мало. Даже во время польскаго возстанія, Герценъ писалъ, что поляки требуютъ много, что Кіевъ такой же русскій городъ, какъ и Москва, и т. п.

И, однакожъ, Герценъ, когда начались польскія манифестаціи, началъ открыто выражать имъ сочувствіе и поощрялъ офицерскій кружокъ въ Польшѣ, желавшій присоединиться къ полякамъ, и даже призналъ законнымъ польское движеніе въ Западномъ краѣ. Такое поведеніе, послѣ того, что писалъ Герценъ, кажется тѣмъ болѣе непростительнымъ, что онъ же самъ, говоря о смерти офицера Потебни, приставшаго къ полякамъ, замѣтилъ, что юноша этотъ самъ чувствовалъ «рознь въ постановкѣ общественныхъ вопросовъ», что Герценъ неоднократно высказывалъ недовѣріе къ европейской дипломатіи, которая только подстрекаетъ поляковъ, а вовсе не думаетъ дѣятельно помогать имъ. Въ своихъ посмертныхъ запискахъ, Герценъ самъ спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ участвовалъ въ дѣлѣ, въ успѣхъ котораго заранѣе не вѣрилъ. Такъ какъ характеристика Герцена не составляетъ предмета настоящей статьи, то мы и не займемся рѣшеніемъ этого вопроса, а обратимъ вниманіе на тѣ условія, которыя должны были предложить нашей эмиграціи польскіе революціонеры и которыя находятся въ полной противоположности съ тѣмъ, что писали поляки въ нашихъ газетахъ, во французскихъ, въ прежнихъ письмахъ къ самому Герцену.

Центральный польскій комитетъ въ Варшавѣ писалъ Герцену, что «основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ право крестьянъ на землю, обработываемую ими и полную самоправность всякаго народа располагать своею судьбою». Комитетъ обѣщалъ крестьянамъ надѣлъ за выкупъ, который внесетъ помѣщикамъ народное правительство по окончаніи возстанія. Касательно Литвы и Украйны, польскій комитетъ, провозглашая возстановленіе Польши въ прежнихъ ея границахъ, «оставлялъ народамъ въ нихъ обитающимъ, т.-е. литвинамъ и русинамъ, полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею или распорядиться собою

согласно ихъ собственной волѣ». Поднятіе же возстанія и въ приднѣпровскихъ областяхъ, комитетъ объяснялъ только протестомъ противъ произвольнаго раздѣла Польши.

Наивность и софистика этихъ аргументовъ теперь очевидны. Мы думаемъ, что Герценъ и его русскіе единомышленники не замѣтили ея только потому, что не имѣли никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ въ Западномъ краѣ [1]), и все-таки не отрѣшились отъ той революціонной фразеологіи и мистики, надъ которой такъ смѣялся Герценъ. Что народъ въ Западномъ краѣ не пошелъ за комитетомъ, хотя тотъ и предлагалъ ему землю будто бы даромъ, вышло совершенно естественно: народъ видѣлъ, что этотъ подарокъ находится въ полномъ противорѣчіи съ ежедневнымъ поведеніемъ помѣщиковъ; наконецъ, не трудно было сообразить, что подарки отъ невѣдомаго и слабаго комитета не имѣютъ прочности. Народъ предпочелъ или «завоевать себѣ землю», какъ говорили крестьяне въ Юго-Западномъ краѣ или получить ее отъ такого правительства, сила котораго не подлежала сомнѣнію. Еще болѣе наивно было предоставленіе народамъ, населяющимъ Западный край, опредѣлить свою судьбу. И тутъ это опредѣленіе состоялось не въ той формѣ, въ какой думали увидѣть это рѣшеніе польскіе демократы и Герценъ, но все-таки состоялось въ духѣ, согласномъ съ естественными условіями дѣла, которыя понималъ, какъ видно, очень хорошо и Герценъ, когда писалъ свои первыя письма о Россіи и Польшѣ: народъ не пошелъ за поляками, а противъ, потому что знать не зналъ всей революціонной и политической формалистики, не понималъ ничего въ вопросахъ о федераціи, а зналъ свое дѣло, свою крестьянскую нужду, и не видѣлъ никогда отъ поляковъ ничего, кромѣ утѣсненія, и пошелъ не за нихъ, а противъ нихъ. Въ самой Польшѣ народъ какъ былъ пассивенъ, такъ и остался. Словомъ, коли хотите, произошло то же, чего хотѣлъ

[1]) Вотъ курьезный образчикъ, въ какомъ видѣ доходили изъ этого края извѣстія до Лондона: „Колоколъ“ спрашивалъ: правда ли, что братья Рыльскіе, студенты Кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу Васильчикова, что они обращаются *по-братски* со своими крестьянами? — Ср. выше *жалобы* гг. Падалицы и Грабовскаго на то, что русское правительство терпитъ, какъ кіевская молодежь проповѣдуетъ коммунизмъ и демократическія идеи крестьянамъ, и показанія галицко-польскихъ газетъ, что Рыльскій, въ числѣ другихъ измѣнниковъ польской идеѣ, агитируетъ подъ покровительствомъ московскаго правительства въ пользу гайдамачины.

и Герценъ и комитетъ: произошелъ suffrage universel, только безъ урнъ, а сообразно естественнымъ (эмбріоническимъ) условіямъ, въ какихъ было дѣло: подача голосовъ совершилась организаціей сельской стражи въ Западномъ краѣ, пассивностью народа въ Польшѣ, пускай даже кое-гдѣ и грабежомъ: вѣдь и пассивность, и самый грабежъ, и даже подкупъ, тоже дѣйствія подачи голосовъ, за *statu quo*.

Мы думаемъ поэтому, что польское возстаніе было закончено самымъ наилучшимъ образомъ, какимъ могло кончиться при тѣхъ условіяхъ, при какихъ оно происходило, ибо, если бы, напр., вмѣшались европейскія державы, то при слабости политическаго развитія народа въ Польшѣ, и при враждебности къ полякамъ населенія въ Западномъ краѣ, особенно въ Юго-Западномъ, дѣло могло кончиться гораздо хуже. При томъ образѣ мыслей объ устройствѣ крестьянскаго населенія, какой заявили на практикѣ и въ проектахъ польскіе помѣщики,— въ случаѣ успѣха польскаго возстанія могла произойти или ужасная гражданская война или новое притѣсненіе крестьянъ, которое стало бы ничуть не легкимъ отъ того, что оно было бы установлено конституціоннымъ польскимъ сеймомъ. Словомъ, и польскіе революціонеры и Герценъ съ его единомышленниками одинаково ошиблись и одинаково запутали другъ друга, съ тою разницей, что поляки запутали Герцена въ свою форму, а сами зацѣпились за его идею. Идея же эта, которой Герценъ былъ хоть и крайній, но искренній служитель, была идея не искусственная и не чужая, а выработанная русскимъ обществомъ, хотя и не безъ вліяній европейскихъ, но изъ естественныхъ условій русской земли, а именно, *идея о надѣлѣ крестьянъ землею и объ опредѣленіи національности территорій по характеру большинства (сельскаго) народонаселенія*.

Такимъ образомъ и въ самомъ фактѣ союза русскихъ эмигрантовъ и агитаторовъ съ польскими мы позволяемъ себѣ видѣть, что русское общество далеко не проявило исключительно уступчивости и «бараньей» покорности, а скорѣе, наоборотъ, больше устойчивости, чѣмъ польское, конечно, если смотрѣть на сущность дѣла, а не на формы. Весьма важно, что рѣшительный наклонъ въ русскую сторону, указаніе практическаго выхода изъ польскаго вопроса, — при тѣхъ затрудненіяхъ, колебаніяхъ, противорѣчіяхъ, которыя тогда были видны не

только въ сужденіяхъ общества, но и актахъ правительства, данъ былъ опять-таки естественной русской силой, т.-е. русскимъ народомъ Западнаго края. Такъ какъ приготовленія поляковъ къ возстанію совпали со введеніемъ уставныхъ грамотъ, при чемъ помѣщики Западнаго края старались, елико возможно, урѣзать количество надѣла крестьянскаго, то крестьяне, по своей логикѣ, свели вмѣстѣ и недовольство помѣщиковъ крестьянской свободой и приготовленія къ возстанію. Кто лучше помнилъ возстаніе 1830 года и былъ поэнергичнѣе, тѣ рѣшились связать знаменитый *слушный часъ* съ возстаніемъ и стали готовиться, такъ сказать, къ контръ-революціи.

Это особенно имѣло мѣсто въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ съ конца 1862 года участились жалобы польскихъ помѣщиковъ и писателей на неповиновеніе крестьянъ и на происки будто бы бунтующей ихъ украинофильской партіи и гдѣ администрація открывала даже слѣды заготовленія крестьянами пикъ. Жалобы эти имѣли послѣдствіемъ, между прочимъ, то, что, напр., въ Кіевской губерніи какъ разъ въ концѣ апрѣля, наканунѣ взрыва возстанія, былъ командированъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія для объѣзда волостей и для внушенія крестьянамъ духа повиновенія мировымъ посредникамъ-полякамъ, съ правомъ требовать въ случаѣ надобности вооруженную силу, т.-е. отвлекать ее отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ будутъ собираться повстанцы, и употреблять ее на наказаніе тѣхъ крестьянъ, которые перевяжутъ повстанцевъ. Среди менѣе активнаго населенія Сѣверо-Западнаго края и духъ реакціи народа революціонерамъ былъ слабѣе, но все-таки проявлялся.

Среди такихъ обстоятельствъ назначенъ былъ въ Вильну ген. Муравьевъ. Судя по напутствовавшимъ его толкамъ, можно думать, что ген. Муравьевъ сначала не имѣлъ въ виду другой системы дѣйствій, кромѣ репрессалій. Ген. Муравьевъ, какъ извѣстно, былъ далекъ отъ мысли объ уступкахъ крестьянству и, напротивъ, былъ всегда противникъ идеи надѣла крестьянъ землею. Вотъ потому-то именно и важно, что и такой человѣкъ увидѣлъ недостаточность однихъ репрессалій, производимыхъ полиціей и войскомъ, какъ бы онѣ свирѣпы ни были, а обратилъ вниманіе на настроеніе народа; «крестьянскій надѣлъ—крестьянамъ»—вотъ былъ лозунгъ, тогда носившійся надъ краемъ, — лозунгъ, который обстоятельства и на-

строеніе народа декретировали даже и польскому подземному правительству и которому должны были показывать готовность уступить и польскіе паны, такъ интриговавшіе противъ инвентарныхъ правилъ. Ген. Муравьеву достаточно было только быть умнымъ человѣкомъ, чтобы понять необходимость опереться на народъ. Мѣры, какъ образованіе сельской стражи, прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и обязательный выкупъ, перемѣна состава мировыхъ посредниковъ, повѣрка прежнихъ уставныхъ грамотъ — слѣдовали одна за другою, увлекая одна другую.

Что касается до Юго-Западнаго края, то здѣсь администрація не только не помогала народной реакціи, но даже всѣми мѣрами сдерживала ее,— опасаясь, съ голоса поляковъ, повторенія казачины и гайдамачины. Весьма любопытно, что самъ г. Кояловичъ, въ статьѣ по поводу указа объ учрежденіи сельской стражи, не безъ опасеній смотрѣлъ на Юго-Западный край, хотя онъ постоянно и говорилъ, что энергія малорусской части западной Россіи всегда оживляла и болѣе пассивную Бѣлоруссію и спасала русское дѣло во всей западной Руси. Но стража была учреждена и здѣсь. Слабое и кратковременное польское возстаніе было усмирено гораздо больше крестьянами, чѣмъ войсками. Изданная кіевскими профессорами брошюра «Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи» говоритъ, что «дѣятельность войскъ во время возстанія состояла, главнымъ образомъ, въ охраненіи поляковъ отъ народа». «Скажите только слово,— говорилъ одинъ крестьянинъ кіевскому губернатору, представляя плѣнныхъ повстанцевъ,— и черезъ неділлю и за 1000 карбованцівъ ні одного ляха не найдете». «А! каково хлопы-то расходились!» говорили послѣ усмиренія возстанія поляки и не-поляки извѣстнаго закала преимущественно лицамъ власть имѣющимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попробовали даже арестовывать крестьянъ, обвиняя ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ, за то, что они арестовывали повстанцевъ. Кіевская администрація хотѣла вести дѣло по-старому, т.-е. наказать участвовавшихъ въ мятежѣ: кого слѣдуетъ, сослать, другихъ повѣсить, но отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ оставить безъ перемѣны. Виленскія мѣры, какъ прекращеніе обязательныхъ отношеній, обязательный выкупъ, пересмотръ грамотъ, въ Юго-Западномъ краѣ долго не вводились. Админи-

страція выставляла на видъ опасность этихъ мѣръ въ виду настроенія народа и, какъ мы говорили, указывала на этотъ народъ и на руководящихъ будто бы его украинофиловъ, какъ на гораздо болѣе опасный революціонный элементъ, чѣмъ поляки. Но въ виду принятыхъ въ Вильнѣ мѣръ и въ виду настроенія народа, говорившаго тамъ и сямъ: «мы себѣ землю завоевали», — странное положеніе, придуманное генераломъ Анненковымъ вмѣстѣ съ польскими предводителями дворянства, не могло удержаться, — и виленскія мѣры стали вводиться и въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ указанъ былъ путь къ выходу изъ польскаго вопроса. Едва опредѣлилось настроеніе народа въ Западномъ краѣ, и печати и администраціи дѣло стало яснѣе, и, конечно, болѣе образованные элементы общества могли развить въ цѣлую систему то, что только какъ желаніе и общее положеніе высказываемо было народомъ. Создать эту систему было не трудно, такъ какъ въ обществѣ была уже въ ходу основная идея: устройство сельскаго состоянія съ признаніемъ крестьянской земли собственностью крестьянъ и съ общиннымъ самоуправленіемъ.

Нужно отдать честь бѣлоруссофиламъ и славянофиламъ, что они энергичнѣе другихъ ухватились за эту мысль въ примѣненіи къ польскому вопросу и такимъ образомъ дали реальную оболочку прежнимъ болѣе туманнымъ разглагольствіямъ о призваніи «къ политической жизни» народа въ Польшѣ и Западномъ краѣ. Г. Кояловичъ, г. Аксаковъ стали писать въ пользу освобожденія народа въ Западномъ краѣ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, указывать на несправедливости въ дѣятельности польскаго состава мировыхъ учрежденій, доказывать необходимость распространенія мѣръ по крестьянскому дѣлу, принятыхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и на Юго-Западный край. Г. Гильфердингъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» развивалъ мысль о необходимости противодѣйствовать польскимъ революціонерамъ неуклоннымъ примѣненіемъ къ Западному краю и Польшѣ принципа, на который неправильно ссылаются сами революціонеры: принципа народности и народа. Система «усмиренія мятежа» замѣнялась, такимъ образомъ, системою «освобожденія народа литовскаго и русскаго отъ польской аристократіи» и «созданія народа въ Польшѣ, издавна подавленнаго аристократіей». Надо.

впрочемъ, сознаться, что и прежняя система «усмиренія» шла и принимала размѣры довольно грозные и широкіе, доходя, напр., до запрещенія говорить на улицахъ въ Западномъ краѣ по-польски. Бѣлоруссофиламъ и славянофиламъ можно сдѣлать упрекъ, что они, указывая на правую, гуманную сторону политики въ Западномъ краѣ и Польшѣ, мало обращали вниманія на развитіе рядомъ съ нею и совершенно несущественныхъ, однакожъ довольно насильственныхъ мѣропріятій, и, мало того, еще усложняли дѣло реорганизаціи края примѣсью религіозной нетерпимости и тѣмъ смѣшеніемъ понятій о религіи и національности, о которомъ мы говорили выше. Эта-то примѣсь насилія и религіозной нетерпимости, проявлявшаяся сначала преимущественно въ Вильнѣ, а оттуда, вмѣстѣ и съ полезными мѣрами, все больше и больше распространявшаяся и въ Кіевъ и даже въ Варшаву, и была причиною, почему многіе изъ элементовъ русскаго общества относились не только безъ симпатіи, но и безъ должнаго пониманія къ заключенію политики нашей въ Западномъ краѣ и Польшѣ, а также почему въ составъ дѣятелей въ этихъ краяхъ проскочило такое значительное число «ташкентцевъ» и членовъ «мрачнаго сонмища». Все это чрезвычайно печально, но все это — результатъ условій и нашего прошлаго и положенія нашей печати и общества.

Во всякомъ случаѣ хорошо и то, что періодъ нашего общественнаго движенія съ 1856 г. и до 1863 года,— тотъ именно періодъ, который догадливые виленскіе исторіографы и московскіе миѳологи, публицисты и романисты, такъ предупредительно называютъ періодомъ господства «польской интриги», временемъ «Панургова стада», «потѣшнымъ временемъ на Руси» и т. п.— этотъ именно періодъ создалъ идеи, которыя могли быть примѣнены и къ охраненію единства государства,— идеи, какихъ не имѣли прежніе усмирители, какъ Новосильцовъ, Паскевичъ, какія проявлялись изъ-подъ тяжести военно-полицейскаго диктаторства у ген. Бибикова, но не могли создать ничего прочнѣе и лучше, какъ инвентарныя правила, оказавшіяся годными только какъ подкладка для позднѣйшаго. Эти-то идеи, — народа и народности, — не только помогли сохранить единство государства во время польскаго революціоннаго движенія, но и совмѣстить это сохраненіе съ поступомъ его впередъ. И даже, — странное на первый разъ

дѣло! — этотъ поступъ впередъ шелъ послѣ 1863 года подъ давленіемъ военной диктатуры въ Западномъ краѣ и Польшѣ гораздо скорѣе и сильнѣе, чѣмъ въ остальной, «коренной» Россіи, въ которой завладѣли кормиломъ умовъ миѳологи-охранители, начавшіе свое спасеніе Россіи съ защиты «англійскаго» способа освобожденія крестьянъ и вотчинной полиціи на остзейскій манеръ. Несмотря на то, что польское возстаніе еще болѣе усилило значеніе «охранителей» и что идеи ихъ теоретически господствовали и въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ, практическая сила обстоятельствъ требовала здѣсь не реакціи, а движенія впередъ, — и оно шло, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, часто подъ самой непривлекательной оболочкой, а еще чаще въ самомъ непривлекательномъ сосѣдствѣ, но шло! И притомъ тѣ начала политики, какія были провозглашены въ 1863—1864 годахъ относительно Западнаго края и Польши, а именно, освобожденіе русскаго и литовскаго народа отъ несправедливаго преобладанія польскаго меньшинства и призваніе къ жизни издавна задавленнаго польскаго народа, могли дѣйствительно одушевлять многихъ русскихъ и привлечь ихъ въ чужой край не ради только увеличенныхъ окладовъ жалованья и служебныхъ привилегій. Лицу, которое руководило преобразовательною дѣятельностію въ Польшѣ, приписываютъ слова: «Поступайте такъ, чтобы черезъ много лѣтъ, когда бы даже и не было русскихъ въ Польшѣ, у здѣшняго народа сохранилась память о томъ, что когда-то русскій царь прислалъ въ Польшу русскихъ людей и съ ними свободу и благосостояніе народа». О русскихъ областяхъ Западнаго края и говорить нечего: болѣе благородной задачи русскій патріотъ не могъ найти себѣ, какъ работать на освобожденіе здѣсь русскаго народа. Рядомъ съ тѣми понятными и высокими цѣлями, которыя заданы были русскимъ реорганизаторамъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ, всѣ репрессаліи могли казаться временными и несущественными контръ-репрессаліями, которыя по рутинѣ повторяются неизбѣжно при всякомъ возстаніи, но которыя остаются въ сторонѣ отъ главной сути дѣла.

Апогеемъ этого новаго отношенія русскаго общества къ дѣламъ не только Западнаго края, но и Польши, были мѣры, изданныя для Польши 19 февраля 1864 года, по устройству поземельныхъ отношеній крестьянъ и сельскому устройству,

и скоро послѣдовавшій рескриптъ объ организаціи учебнаго дѣла въ Польшѣ. Послѣднее дѣло наиближе касается національнаго чувства и вообще духовной жизни народа, а потому на немъ всего яснѣе и отражается нравственная сторона отношеній правительства къ населенію. Исходныя начала рескрипта 1864 года заключаются въ слѣдующихъ словахъ: «Задача Россіи по отношенію къ Царству Польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія»... «Не позволяя *ни себѣ ни кому бы то ни было*, говорилъ 3-й пунктъ рескрипта, превращать разсадники науки для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ царствѣ и возвышая въ немъ уровень преподаванія». Въ силу этихъ началъ рескриптъ предоставляетъ польскому юношеству возможность учиться на польскомъ языкѣ, но въ то же время полагалъ, что какъ «населеніе царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ», то «каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства», и каждой народности предоставлено право на свои отдѣльныя училища. «Въ школахъ общихъ, особенно низшихъ, обученіе, по словамъ рескрипта, должно быть производимо на природномъ языкѣ большинства населенія, т.-е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей».

Какъ отнеслись ко всему этому новому положенію вещей «московскіе» славянофилы?

X.

Въ виду мѣръ, изданныхъ нашимъ правительствомъ для Польши въ 1864 году и поставившихъ русское общество въ совершенно новыя отношенія и къ Западному краю и къ Польшѣ, — органъ «московскихъ» славянофиловъ, «День» [1]), выразилъ всего энергичнѣе чувства лучшей части нашего

[1]) 1864, № 9.

общества и вмѣстѣ далъ оцѣнку историческаго значенія главнѣйшей изъ тѣхъ мѣръ, а именно по устройству крестьянъ.

«Развитію *польской* народности,— говорилъ «День»,—положено на-дняхъ *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши... Если Россія въ 1815 году, по собственному сознанію поляковъ, воскресила имя Польши, уже обреченное забвенію, уже исчезнувшее съ географическихъ картъ Европы; если 50 лѣтъ тому назадъ знаменитый Костюшко съ горячею благодарностью привѣтствовалъ императора Александра I названіемъ воскресителя, то Россія въ настоящее время имѣетъ не менѣе права на признательность польскихъ «патріотовъ», хотя теперь и отказываетъ ей въ этомъ правѣ недальновидность современнаго польскаго патріотизма, хотя признательность «патріотовъ» вовсе, вѣроятно, и не входила въ соображенія русскаго правительства при изданіи извѣстныхъ указовъ. Не только имя польскаго народа воскрешаетъ теперь Россія, но расчищая отъ наносныхъ слоевъ непочатые, глубоко сокрытые въ почвѣ свѣжіе родники польскаго народнаго духа, упрочиваетъ самое бытіе польской народности, которому безумная, выродившаяся польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибелью и смертью, не одною вещественною, но и духовною»... «Мы надѣемся, что новыя дѣйствія правительства русскаго, несмотря даже на возможныя ошибки, не только не сдѣлаютъ Россію солидарною съ Австріей и Пруссіей, но со временемъ, въ отдаленныхъ своихъ послѣдствіяхъ, освободятъ ее отъ всякой солидарности въ польскомъ дѣлѣ съ нашими нѣмецкими сосѣдями. Мы вѣримъ, что намъ никогда не удастся тотъ способъ политики, которымъ такъ послѣдовательно руководилась Пруссія въ онѣмеченіи Познани, и что окончательнымъ результатомъ мѣръ, принимаемыхъ Россіею въ Польшѣ будетъ не уничтоженіе въ Польшѣ польской народности, какъ хотятъ думать нѣкоторые, но возрожденіе польской народности въ правильномъ и стройномъ развитіи чрезъ призваніе къ жизни трехъ съ половиною милліоновъ польскихъ крестьянъ, польскою шляхтою заживо погребенныхъ, но, къ счастію Польши, еще не задохнувшихся въ своемъ политическомъ гробѣ».

Увлекаясь мыслью въ будущее, славянофильскій журналъ говоритъ: «Крестьянское освобожденіе 19 февраля — это наша

всенародная, всемірно-историческая проповѣдь, это наше знамя, то знамя, которое мы можемъ высоко предносить передъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ-быть, во всѣ ближайшія къ намъ и по преимуществу славянскія страны»...

Мѣры, принятыя для большинства населенія въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ и разложеніе старой Польши, — Польши 1772 года, посредствомъ послѣдовательно проведеннаго принципа народности, произвели огромное впечатлѣніе и за границей. Польская эмиграціонная литература и враждебная Россіи журналистика западно-европейская испустили крикъ отчаянія: они чувствовали, что почва уходила изъ-подъ ногъ ихъ, что мѣрами своими въ духѣ народа и народности Россія становится въ положеніе, которое уже не допускаетъ возможности толковать объ обветшалыхъ трактатахъ и писать депеши, въ родѣ тѣхъ, какія сочиняли въ началѣ 1863 года дипломаты всѣхъ европейскихъ дворовъ и на которыя нашъ канцлеръ, стоя на почвѣ трактатовъ и дипломатическихъ преданій, отвѣчалъ все же не такъ отрицательно, какъ могъ бы отвѣтить теперь. И дѣйствительно, теперь ни одно дипломатическое перо не пошевельнулось написать что-либо подобное тому, что такъ еще недавно писалось съ полнымъ апломбомъ. И польская и европейская, враждебная Россіи, печать закричала о томъ, что наше правительство само—«первый революціонеръ»; нѣмецкая печать, которая прежде, опасаясь за Познань, поощряла насъ къ строгимъ мѣрамъ и упрекала за слабость къ повстанцамъ, съ тѣхъ-то поръ и начала съ видимымъ удовольствіемъ говорить противъ «варварства Муравьева» и вмѣстѣ противъ «русскаго соціализма». Не скажемъ, чтобы въ крикахъ не было страховъ за Галицію и даже за Познань. Но брать подъ свое покровительство поляковъ нѣмецкая печать еще не очень рѣшалась,—да и не для чего было, такъ какъ наше правительство признало польскую народность неприкосновенною въ Польшѣ, въ ея реальныхъ этнографическихъ границахъ. Изъ общаго крика неудовольствія польской журналистики противъ новыхъ мѣропріятій нашего правительства въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ, въ 1863 и 1864 годахъ выдавались два голоса съ бо́льшею оригинальностью: первый говорилъ, что правительство наше вырвало изъ рукъ самихъ поляковъ полезныя и справедливыя

мѣры, что оно дѣлаетъ только то, что обѣщалъ самъ революціонный комитетъ польскій; другой,— что правительство наше принимаетъ мѣры въ пользу польскаго и литовскаго народа для того, чтобы отвесть его отъ польскихъ традицій, разорвать съ аристократіей и тѣмъ положить начало обезнароживанію поляковъ и литовцевъ, за которымъ послѣдуетъ и обрусеніе ихъ. «День» возразилъ на обѣ мысли довольно резонно: на первую—тѣмъ, что для дѣла все равно, кто дѣлаетъ, лишь бы было сдѣлано, на вторую,— что только дальнѣйшій ходъ исторіи покажетъ послѣдствія поднятія коренного польскаго народа, которыя, по всей вѣроятности, поведутъ къ новому, болѣе совершенному поднятію и польской народности, хотя бы временно сдѣланы были попытки достигнуть и другихъ цѣлей.

Для того, чтобы судить, дѣйствительно ли поляки сами были бы въ состояніи такъ примѣнить къ Польшѣ принципъ народности и такъ устроить крестьянство въ странѣ отъ Днѣпра до Просны, какъ это сдѣлано распоряженіями нашего правительства,— нужно имѣть нѣсколько больше данныхъ о внутреннемъ мірѣ, понятіяхъ и степени искренности ихъ у польскихъ патріотовъ и польскаго общества вообще. Судя, впрочемъ, по тому, что писалось и пишется польскою печатью, и что дѣлалось и дѣлается въ Галиціи, гдѣ полякамъ досталось въ руки правительство края,— мы имѣемъ больше основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, чѣмъ положительно. Впрочемъ, предположеніе, что въ польскомъ обществѣ есть элементы, способные, если не дать силу государственнаго закона, то искренно усвоить идею народности и устройства страны на началахъ равноправія и на прочномъ фундаментѣ экономической и общинной независимости массъ,— это предположеніе мы не считаемъ вовсе обиднымъ для русскаго правительства и общества, ни существованіе такихъ поляковъ опаснымъ для государства нашего. Существованіе такихъ людей являлись бы совершенно естественно возникшимъ фактомъ.

Мы видѣли, какъ естественно у самихъ поляковъ развился бѣло-русско-литовскій и украинскій патріотизмъ, и видѣли, что какъ ни опасенъ могъ быть для насъ исходъ этихъ новыхъ направленій, все-таки это было началомъ раскола въ польскомъ обществѣ, въ XVIII вѣкѣ совершенно однотонномъ. Возникновеніе въ польскомъ обществѣ демократическаго напра-

вленія, хотя выражающагося и до сихъ поръ или въ довольно дикой формѣ, близкой къ старопольской шляхетской демократіи, или въ совершенно непригодной для Польши и Россіи формѣ парижскаго коммунизма и «столбничества по образцамъ 1793 года», все-таки было вторымъ шагомъ впередъ къ разложенію старыхъ католическихъ и шляхетскихъ идеаловъ Польши. Возникновеніе русскаго украинофильства, бѣлоруссофильства, славянофильства заставило поляковъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ провозгласить права народности и въ Западномъ краѣ, хотя и со всевозможными ограниченіями. Мы видимъ послѣдствія этого признанія, напримѣръ, въ Галиціи, гдѣ все-таки теперь не то говорятъ поляки, что говорили еще въ 1861—1862 годахъ. Возникновеніе въ Россіи сильнаго народнаго направленія, которое не только говорило о «народности», какъ основѣ русскаго государства (оставляя народъ крѣпостнымъ), но и пожелало экономическаго и соціальнаго прогресса огромнаго большинства народа, — народа по преимуществу, — на началахъ поземельной и общинной самостоятельности, побудило, по крайней мѣрѣ, часть и, по крайней мѣрѣ, въ прокламаціяхъ, и демократовъ польскихъ выйти изъ той фразеологіи, которой они предавались въ эмиграціи, на реальную почву надѣла крестьянъ землею. Такимъ образомъ исторія еще разъ дала перевѣсъ тому, для кого важнѣе было примѣненіе принципа народности и народа, и кому оно легче было сдѣлать, кто способнѣе былъ стать на почву реальныхъ интересовъ. Намъ легче усвоить принципъ народности, чѣмъ полякамъ, ибо при самомъ крайнемъ его примѣненіи, мы теряемъ ничтожную область за Вислой, гдѣ мы и не живемъ иначе, какъ въ видѣ войска и чиновниковъ, тогда какъ поляки теряютъ огромную полосу почти отъ Вислы до Днѣпра, гдѣ они, хотя какъ землевладѣльцы только, но все-таки живутъ; намъ легче стать и на народную почву, ибо въ Западномъ краѣ къ нашей національности принадлежитъ почти только сельское населеніе; наконецъ, у насъ удобнѣе было выработаться болѣе реальному, соціально-экономическому направленію политической мысли, потому что мы члены крѣпкаго и единаго національнаго государства, и задача наша только устроить его получше извнутри.

Все это только можетъ прибавить вѣру нашу въ себя и еще разъ доказываетъ, что за насъ сила естественная и что

мы можемъ, съ полною вѣрой въ успѣхъ, ожидать еще новаго движенія поляковъ въ сторону идеи народности и народа и совмѣстной съ нами работы надъ устройствомъ земли и народа на пространствѣ отъ Днѣпра до Вислы. И если точно среди поляковъ есть люди, которые искренно провозглашали начала, легшія въ основу мѣръ по устройству сельскаго состоянія и народнаго образованія, принятыхъ въ 1863—1864 гг., тѣмъ болѣе прочно можетъ быть положеніе наше въ Западномъ краѣ и Польшѣ, если мы привлечемъ этихъ людей на общую работу съ нами. Судя по всему, такихъ людей не должно было быть много, но зато мы должны помочь имъ сформироваться и собраться.

Врядъ ли возможно сомнѣніе, чтобы послѣдовательное и неуклонное проведеніе и развитіе началъ рескриптовъ и указовъ 1864 года не повело къ образованію «новой породы» поляковъ въ Польшѣ, «русской партіи»,— не такой русской, какая была устраиваема въ XVIII в. деньгами и раздачей земель между польскими магнатами, а такой, которая соединила бы любовь къ своему краю и народу съ твердымъ убѣжденіемъ, что для этого края и народа наиболѣе выгоденъ союзъ съ Россіей и съ народомъ. Вѣря въ могучесть естественныхъ законовъ исторіи, мы вполнѣ убѣждены, что такая партія и образуется раньше или позже, если, конечно, не воспослѣдуетъ международная катастрофа, которая оторветъ у насъ Царство Польское къ ущербу интересовъ Россіи, славянства и самихъ поляковъ. Невѣроятнаго въ возможности этой катастрофы нѣтъ: настоящая статья, по крайности, можетъ убѣдить читателя, что о возможности его въ Германіи говорятъ, хотя, конечно, *авось* дѣло обойдется и счастливѣе!

Нельзя, впрочемъ, не видѣть, что послѣ 1864 года со стороны нашего общества сдѣлано было много, что должно было помѣшать образованію среди поляковъ такой «русской» партіи, о какой мы говорили, и черезъ то, между прочимъ, въ значительной степени облегчена и возможность той катастрофы, о коей мечтаютъ многіе нѣмецкіе ученые, публицисты и политики, и которая, если бъ удалась, то, конечно, не могла бы быть непріятна и нѣмецкимъ правительствамъ. А случилось это оттого, что постепенно съ 1865 года наше отношеніе къ Польшѣ стало измѣняться: вмѣсто разложенія старой Польши посредствомъ принципа народности и возстановленія корен-

ного польскаго народа въ его этнографическихъ предѣлахъ, мы стали желать сначала административнаго объединенія Польши съ имперіей, обращенія Польши въ Привислинскій край, а затѣмъ обрусенія ея. Какъ время 1863—1865 гг. знаменуется въ исторіи Западнаго края и Польши мѣрами по устройству крестьянъ и общинъ, учрежденіемъ училищъ по національностямъ, хотя и съ достаточнымъ преподаваніемъ русскаго языка,— такъ время съ 1865 года знаменуется соединеніемъ разныхъ административныхъ и правительственныхъ учрежденій Царства Польскаго съ министерствами и учрежденіями Россіи, введеніемъ русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ въ Польшѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ до самыхъ элементарныхъ, открытіемъ университета съ полнымъ исключеніемъ польскаго языка изъ преподаванія. Очень можетъ быть, что правительство наше и не имѣетъ въ виду «обрусенія» поляковъ, но мѣры эти самими поляками и, что еще важнѣе, самими русскими истолковываются въ такомъ смыслѣ. Не только въ заграничной печати, польской и другихъ языковъ, но въ самихъ вліятельныхъ русскихъ изданіяхъ говорится, что Россія должна принять цѣлью и образцомъ политики къ Польшѣ ту, которую имѣло французское правительство въ отношеніи къ Эльзасу, нѣмецкое — къ Познани; а что цѣль прусской политики въ Познани состоитъ въ германизаціи ея, въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться.

Вѣрные цѣли всей нашей статьи — говорить не о правительствахъ, а объ обществахъ, не столько о мѣропріятіяхъ, сколько объ общественномъ настроеніи, которое, если не упреждаетъ мѣропріятій, указывая имъ цѣль и вызывая ихъ, то вліяетъ на ихъ исполненіе и накладываетъ на нихъ свой характеръ, мы и на этотъ разъ не будемъ говорить много о мѣропріятіяхъ въ Польшѣ съ 1865 года, а обратимся къ общественному настроенію, которое, несомнѣнно, вліяло на установленіе характера нашихъ отношеній къ Польшѣ. Собственно мѣропріятія сами по себѣ могутъ и не имѣть въ виду уничтоженія народности польской. Что касается до такъ называемаго административнаго объединенія Польши съ Россіей, то нужно быть особеннымъ спеціалистомъ по административнымъ вопросамъ, чтобъ оцѣнить въ подробностяхъ удобства его или неудобства. Если разсматривать его съ политической стороны, то оно можетъ имѣть обоюдоострое значеніе. У насъ очень

часто принимаютъ это соединеніе за коррективъ системы такъ называемой автономіи Польши при маркизѣ Велепольскомъ. Говорятъ, что система маркиза Велепольскаго, наполнивъ польскія присутственныя мѣста польскими чиновниками, подчиненными польскимъ министерствамъ и учрежденіямъ, сдѣлала государственную власть безсильною въ виду возстанія. Насколько возможность повторенія возстанія можетъ быть предупреждена исключительно русскими чиновниками въ Польшѣ, само по себѣ составляетъ еще вопросъ. Къ тому же и до сихъ поръ большинство, и большинство значительное, чиновниковъ въ Польшѣ — поляки, и иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ чиновникахъ, и особенно въ хорошихъ, нуждается и сама Россія. Если эти чиновники подчинены центральной власти, сидящей не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ, то они такъ же удобно, или еще удобнѣе, если бы захотѣли, могутъ парализовать распоряженія и дѣйствія правительственной власти, какъ если бъ органы ея находились и въ Варшавѣ. Въ послѣднее время въ газетѣ, которая стоитъ за обрусеніе Польши, уже нѣсколько разъ говорилось откровенно, что съ упраздненіемъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій въ Варшавѣ, число русскихъ дѣятелей въ царствѣ уменьшается и оно все болѣе отдается въ вѣдѣніе мѣстнаго чиновничества.

Со стороны благоустройственно-административной сосредоточеніе управленія дѣлами Польши въ Петербургѣ можетъ повести за собою общеизвѣстныя невыгоды централизаціи, хотя невыгоды эти могутъ существовать и при централизаціи не около Петербурга, а около Варшавы. Вообще сущность вопроса о централизаціи, бюрократизмѣ и децентрализаціи и самоуправленіи заключается не въ томъ, гдѣ будетъ центръ и какъ великъ территоріально округъ, ему подчиненный, а въ томъ, какъ великъ кругъ дѣйствій общинныхъ, городскихъ и областныхъ земскихъ учрежденій и ихъ самостоятельность въ виду центрально-административныхъ лицъ и вѣдомствъ, гдѣ бъ они ни помѣщались. Излишняя же централизація и бюрократизмъ съ ихъ вредными послѣдствіями могутъ такъ же удобно развиться и существовать въ маленькомъ, какъ и большомъ, государствѣ, при близкомъ, какъ и далекомъ, центрѣ. И, наоборотъ, дѣйствительное самоуправленіе можетъ существовать и развиться и при томъ, если область не будетъ

имѣть виднаго признака общей для всѣхъ ея частей автономіи въ формѣ центральныхъ въ ней учрежденій. Очевидно, что вопросъ объ автономическомъ или бюрократическомъ управленіи Польшею зависитъ болѣе отъ введенія, напр., земскихъ учрежденій, выборнаго суда и т. п., чѣмъ отъ превращенія варшавскихъ административныхъ учрежденій въ подчиненныя петербургскимъ.

Но такъ какъ въ Польшѣ не было еще введено ничего похожаго на нашъ выборный мировой судъ, ни на земскія учрежденія, то вопросъ о дѣйствительной автономіи края или централизаціи оставался открытымъ. Судя по всему, у насъ придаютъ административному подчиненію Польши петербургскимъ министерствамъ болѣе теоретическое, тенденціозное значеніе, нежели практическое: въ немъ болѣе видятъ напоминаніе полякамъ, что Польша такая же составная часть русскаго государства, какъ Владимирская или Херсонская губернія. «такое же царство, какъ и Казанское и Астраханское»,— не больше. Въ свою очередь и поляки придаютъ большое значеніе всякаго рода видимостямъ, которыя связаны съ теоретическимъ представленіемъ о царствѣ (королевствѣ) польскомъ, чѣмъ и объясняется, почему и въ заграничной и въ нашей печати иногда поднимаются толки объ уничтоженіи намѣстничества въ Варшавѣ, о выключеніи изъ краткаго титула словъ «царь польскій» и т. п. Отъ такого теоретическаго отношенія къ дѣлу административнаго устройства Польши, и русскими и поляками не обращается вниманія на разработку практическихъ сторонъ вопроса: а именно, означаетъ ли присутствіе намѣстника и др. дѣйствительную, выгодную для края автономію и, наоборотъ, какія удобства или неудобства имѣетъ централизація управленія царствомъ петербургскими министерствами.

Такимъ образомъ съ реальной стороны взятыя, административныя реформы въ Царствѣ Польскомъ сами по себѣ болѣе или менѣе безразличны и получаютъ свой цвѣтъ только отъ того воззрѣнія на политическія цѣли, которыхъ ими желаютъ достигнуть. Русская печать своими толками даетъ основаніе приписывать этимъ реформамъ цѣль — обрусеніе поляковъ. особенно въ виду употребленія русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ не только высшихъ, но и низшихъ инстанцій. Во всякомъ же случаѣ, преимущественное вниманіе къ админи-

стративному подчиненію Польши петербургскимъ учрежденіямъ, проводимому часто болѣе для теоретической послѣдовательности, чѣмъ изъ практической нужды, напр., въ дѣлѣ польскаго банка, отвлекаетъ вниманіе отъ такихъ дѣлъ, какъ судебная реформа, организація мѣстныхъ земскихъ учрежденій, которыя только и могутъ создать истинную автономію населенія Царства Польскаго, не имѣя претензій на политическое значеніе. Припомнимъ, что судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ стояла на точкѣ замерзанія и что отсутствіе въ Царствѣ и въ западныхъ губерніяхъ суда и земства на тѣхъ самыхъ началахъ, на какихъ они устроены въ Россіи, составляетъ самый странный «сепаратизмъ» этихъ областей. Но таковы уже неизбѣжныя послѣдствія системы, основанной на недовѣріи къ своимъ силамъ и лучшимъ инстинктамъ населеній, и сопряженнаго съ этимъ недовѣріемъ бюрократизма, что, придавъ разъ въ дѣлѣ объединенія краевъ государства преимущественное значеніе бюрократіи, приходится или для единства останавливать развитіе коренныхъ земель государства, чтобы не давать прецедента окраинамъ или создавать и удерживать на окраинахъ порядокъ, признанный непригоднымъ для коренныхъ земель.

Гораздо болѣе опредѣленный цвѣтъ и цѣль имѣетъ организація учебной части въ Царствѣ Польскомъ съ 1866 года и устройство русскаго университета въ Варшавѣ. Постепенно, даже до элементарныхъ школъ, преподаваніе все болѣе переходило отъ мѣстныхъ языковъ къ русскому, который теперь почти исключительно употребляется въ школахъ польскихъ. Чтобы,— особенно въ низшихъ школахъ и классахъ,— этимъ облегчалось обученіе, этого, конечно, никто не станетъ утверждать. Что это обрусеніе школъ можетъ имѣть и свои полезныя стороны, — это, говоря безпристрастно, трудно отрицать: при постоянныхъ сношеніяхъ Россіи съ Польшей, русскій языкъ необходимъ многимъ изъ жителей послѣдней. Преимущественно необходимъ онъ, конечно, высшимъ классамъ, которые по торговымъ ли, по служебнымъ, ученымъ дѣламъ выходятъ въ своей дѣятельности за предѣлы чисто мѣстныхъ интересовъ. Конечно также, что бѣдному мѣщанину или крестьянину затрата времени на русскій, хоть и близкій, но все-таки не родной языкъ, особенно замедленіе, которое онъ

потерпитъ, будучи поставленъ въ необходимость въ одно время и учиться читать, и пріобрѣсть элементарныя свѣдѣнія, и учиться чужому языку, врядъ ли окупится реальною прибылью. Поэтому, даже если бы польскій языкъ не представлялъ вовсе болѣе или менѣе развитой литературы, и тогда кругъ мѣстныхъ интересовъ населенія естественнѣе бы удовлетворялся обученіемъ на родномъ языкѣ, чѣмъ на чужомъ. Очевидно, что защитники идеи обрусенія школъ въ Польшѣ имѣютъ въ виду не столько педагогическія и ученыя удобства или неудобства преподаванія на польскомъ языкѣ, не столько идею о необходимости знанія жителямъ Польши русскаго языка,— потому что послѣднее можетъ быть достигнуто преподаваніемъ русскаго языка и преподаваніемъ на этомъ языкѣ нѣсколькихъ изъ важныхъ предметовъ, особенно въ высшихъ классахъ гимназій и въ университетѣ, а вовсе не требуетъ исключительнаго преподаванія на русскомъ языкѣ,— сколько послѣдовательное проведеніе идеи о господствѣ государственнаго языка. По словамъ пропагандистовъ этой идеи, господство, и даже исключительное, государственнаго языка вовсе можетъ не имѣть цѣли уничтоженія мѣстной народности, устранить употребленіе и развитіе мѣстнаго языка изъ жизни и литературы,— но общій языкъ есть только проявленіе идеи единства государства, орудіе для воспитанія обществъ и на окраинахъ въ мысли, что и они граждане именно этого, а не другого государства.

Во всемъ этомъ есть много противорѣчій. Во-первыхъ, весьма возможно (и исторія постоянно даетъ тому подтвержденіе въ Австріи, Венгріи, Бельгіи, самой Франціи), что вытѣсненіе роднаго языка населенія изъ публичной, официальной жизни поведетъ къ воспитанію населенія въ совершенно противоположныхъ чувствахъ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду воспитать въ нихъ. Ирландія, и усвоивши англійскій языкъ, ненавидитъ Англію; эльзасцы, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, мало симпатизируютъ Германіи; наконецъ, въ послѣднемъ польскомъ возстаніи, многіе изъ вожаковъ повстанцевъ отлично умѣли говорить по-русски. Во-вторыхъ, если ужъ быть послѣдовательнымъ въ преслѣдованіи объединенія государства посредствомъ общаго публичнаго языка, то зачѣмъ же останавливаться передъ мыслію о совершенномъ уничтоженіи мѣстнаго языка и мѣстной народности; отрицать эту по-

слѣднюю цѣль — значитъ или быть непослѣдовательнымъ или неискреннимъ. А и то и другое ведетъ за собою вредныя политическія послѣдствія. Если мы допускаемъ употребленіе и даже развитіе какого-нибудь языка въ частной, семейной жизни, въ церкви, въ литературѣ художественной и научной, то мы допускаемъ ему обнимать самыя задушевныя, самыя близкія и кровныя человѣку сферы сердца и ума, и не естественно ли, что человѣкъ потребуетъ признанія за этимъ языкомъ и другихъ правъ въ жизни, а не встрѣтивъ удовлетворенія этому требованію, не можетъ относиться къ государственной власти иначе, какъ съ враждою, тайною или явною. Устраненіе извѣстнаго языка изъ всѣхъ сферъ публичной жизни, изъ школьнаго и ученаго преподаванія не можетъ имѣть другихъ послѣдствій и цѣли, какъ стѣсненіе его развитія, стѣсненіе развитія на немъ литературы, преимущественно ученой и педагогической, отученіе населенія отъ мышленія на этомъ языкѣ, но чувство вражды при этомъ не истребляется, а становится только болѣе и болѣе дикимъ и фанатичнымъ.

Теперь спрашивается,— отложивъ даже въ сторону вопросъ о справедливости и о томъ, точно ли государственныя пользы требуютъ такого результата и нельзя ли скрѣпить государственное единство и безъ него,— спрашивается, обладаетъ ли государство вообще, а наше въ Польшѣ въ особенности, всѣми средствами для достиженія иного результата, въ виду того, что употребленіе польскаго языка въ жизни, въ церкви, въ литературѣ все-таки останется неприкосновеннымъ, а слѣдовательно, можетъ постоянно поддерживать жизнь въ конкуррентѣ государственнаго языка? Если разъ существуетъ жизнь въ мѣстномъ языкѣ, если на немъ все-таки существуетъ литература, которая по-своему говоритъ уму и сердцу населенія, то чѣмъ больше мы будемъ устранять этотъ языкъ изъ сферъ государственной жизни, тѣмъ болѣе онъ станетъ предметомъ работъ въ частной жизни и литературѣ, и государство должно пойти въ чрезвычайно странную съ нравственной стороны работу, чтобъ уничтожить и это развитіе конкуррента своего языка. Возьмемъ примѣръ изъ отношеній славянскихъ нарѣчій къ нѣмецкому тамъ, гдѣ государство нѣмецкое и долговременно, и вовсе недвусмысленно боролось,— даже мечомъ,— съ славянскими народностями. Такъ, саксонское прави-

тельство боролось прежде огнемъ и мечомъ, потомъ штрафами и т. п. мѣрами съ народностью и языкомъ полабскихъ сербовъ, отъ которыхъ теперь остались только лужицкіе сербы въ числѣ съ небольшимъ 150 тысячъ. Борьба шла довольно успѣшно при помощи меча и другихъ средневѣковыхъ средствъ; но вотъ наступили времена религіознаго одушевленія въ вѣкъ реформаціи: явились проповѣдники Лютерова ученія на сербскомъ языкѣ. Что жъ было дѣлать нѣмецкому государству? Стѣснять проповѣдь сербскую, въ то время когда оно поощряло проповѣдь того же ученія нѣмецкую? Тогда бы католики стали проповѣдовать по-сербски и тѣмъ отбили бы сердца сербовъ отъ новаго ученія. Случилось такъ, что и католики и протестанты стали проповѣдывать по-сербски, переводить на языкъ сербовъ священное писаніе,— и мало-по-малу языкъ этотъ получилъ полное признаніе въ церковной жизни,— и нѣмецкое государство, и прусское, и саксонское не сочли себя въ правѣ и въ состояніи исключить его изъ духовныхъ семинарій. Государство задалось мыслью о скорѣйшемъ и поголовномъ обученіи народа, и въ виду педагогическихъ соображеній не могло не допустить и въ народныя школы и въ учительскія семинаріи того же языка. Въ судѣ, въ гимназіяхъ, нѣмецкія правительства не хотятъ знать сербскаго языка, въ лейпцигскомъ университетѣ каѳедру сербскаго языка превратили въ каѳедру славянскихъ, литовскихъ и финскихъ языковъ, въ коихъ сербскій совершенно потерялся; вообще окончательная германизація «вендовъ» есть предметъ желаній и нѣмецкаго общества и правительствъ. Пока существовала цензура, старались всѣми мѣрами стѣснить образованіе и ходъ сербскихъ журналовъ, пока тяготѣлъ полицейскій гнетъ надъ всей Германіей, тѣснили и сербскія литературныя общества. Но, наконецъ, Германія получила болѣе свободный уставъ о печати, обществахъ, ремеслахъ, сходкахъ, и всѣмъ этимъ воспользовалась горсть лужичанъ для развитія своего языка и укрѣпленія своей народности, которая по меньшей мѣрѣ не убываетъ (если вѣрить нѣмецкимъ статистикамъ даже, не говоря о сербскихъ). Дошло до того, что чины «Лаузица», т.-е. нѣмецкіе же помѣщики, не могли отказать въ пособіи на изданіе словаря лужицко-сербскаго нарѣчія.

Но, скажутъ, лужицкіе сербы хорошіе подданные саксонскаго и прусскаго государства,— и именно потому, что они

видятъ неуклонно проводимую систему государственнаго единства въ преобладаніи государственнаго языка. Все, что можно сказать о вѣрности лужичанъ государству, это только то, что они считаютъ себя обязанными вѣрностью *своимъ* государямъ, но нѣмецкіе патріоты они плохіе, хотя, по своей малочисленности, и должны держать себя смирно. А плохіе они патріоты нѣмецкіе именно потому, что видятъ всюду желаніе германизировать ихъ. Вы думаете, что если сербъ, услышавъ проповѣдь на своемъ языкѣ, прочитавъ на немъ же книгу и газету, придетъ въ судъ, гдѣ съ нимъ говорятъ не иначе, какъ по-нѣмецки, въ гимназію, гдѣ исключительно господствуетъ нѣмецкій языкъ, хотя бы большинство было сербы, онъ питаетъ нѣжныя чувства къ германскому государству и отечеству? Ничуть не бывало. И въ послѣднюю войну сербскія изданія, какъ и другія славянскія, весьма недвусмысленно, хотя и довольно осторожно, выражали свое сочувствіе французамъ. И лужичане далеко не чужды идей панславизма. А вѣдь они — островъ среди нѣмцевъ, и при томъ островъ ничтожный матеріально. Ихъ нельзя и сравнивать съ поляками.

Если съ славянами, находящимися подъ властію Германіи (въ Лужицѣ, Силезіи, Познани), нѣмцамъ все еще приходится вести борьбу, хотя они прежде приготовили себѣ торжество варварскими насиліями, отнятіемъ земельной собственности, и до сихъ поръ имѣютъ себѣ поддержку въ колонизаціи, если, несмотря на всѣ мѣры государственной централизаціи, несмотря на давнее введеніе нѣмецкаго языка въ школы и суды, нѣмцамъ не удалось ни подавить славянскій элементъ даже въ маленькой Лужицѣ, ни превратить поляковъ и лужичанъ въ хорошихъ германскихъ патріотовъ; если каждый шагъ впередъ Германіи по части религіозной, гражданской, политической давалъ только новыя орудія для борьбы славянскому, негосударственному элементу,— то тѣмъ менѣе можемъ мы надѣяться сдѣлать изъ поляковъ русскихъ, патріотовъ россійскаго государства, если будемъ дѣйствовать по примѣру прусскаго государства. Судя, по крайней мѣрѣ, по тому, что пишутъ изъ нашей Польши въ заграничныя газеты (другого источника для узнанія истиннаго настроенія въ Польшѣ нѣтъ, такъ какъ въ ней печать еще менѣе свободна, чѣмъ въ Россіи, — хотя, конечно, и заграничная польская печать не очень надежный источникъ), можно видѣть, что мѣры къ обрусенію

польскихъ школъ принимаются именно какъ мѣры къ обрусенію поляковъ, а потому далеко не увеличиваютъ къ намъ симпатіи въ Польшѣ.

Надо сознаться, что теперь польская литература научная, художественная и педагогическая находится далеко не въ блистательномъ положеніи, благодаря долговременной исключительной затратѣ умственныхъ силъ польскихъ на политическую агитацію и благодаря извращенію даже талантливыхъ натуръ эмиграціей. Что учебники русскіе теперь лучше польскихъ, это болѣе чѣмъ явно, и вообще нѣкоторые поляки, напр., недавно «Kraj», признаютъ что они сильно отстали во многомъ, а мы много успѣли. Такое положеніе нашей литературы, особенно въ виду того, что мы, какъ нація 50-милліонная, можемъ всегда содержать болѣе обширную литературу, чѣмъ поляки (наша, напр., переводная литература и теперь безконечно превосходитъ всѣ такія же у другихъ славянъ и должна естественно у нихъ распространяться), могло бы быть чрезвычайно выгодно для распространенія ея среди поляковъ и постепенно сдѣлало бы русскій языкъ между-славянскимъ, но насильственное его введеніе, съ исключеніемъ польскаго, и при томъ въ сферы, гдѣ польскій могъ бы удовлетворять потребностямъ населенія, естественно вызываетъ противъ него реакцію и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы онъ былъ полезенъ и необходимъ. То ослабленіе политической мечтательности, которое замѣчается у поляковъ, особенно послѣ пораженія Франціи, призывы къ занятіямъ народнымъ образованіемъ, разработкою отечественной науки, какія часто теперь встрѣчаются въ польскихъ изданіяхъ, преобразованія въ благопріятномъ для поляковъ духѣ университетовъ Краковскаго и Львовскаго, знаменуютъ начало научнаго и литературнаго возрожденія польскаго языка, которое не замедлитъ отразиться реакціей русскому языку въ Царствѣ Польскомъ. При полномъ отсутствіи польскихъ каѳедръ въ Варшавѣ, польскихъ ученыхъ обществъ, Краковъ и Львовъ станутъ учеными центрами, которые будутъ притягивать болѣе даровитыхъ и независимыхъ людей изъ Варшавы и нашей Польши, а врядъ ли это будетъ способствовать усиленію связи Польши съ Россіей, а не дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ. На сколько-нибудь значительную колонизацію изъ Россіи въ Царство Польское, въ родѣ той, которая (вмѣстѣ съ еврейскимъ элемен-

томъ) всего дѣйствительнѣе помогала и помогаетъ германизаціи Познани, мы разсчитывать не можемъ: Польша гуще населена и въ промышленномъ отношеніи развита больше Россіи. Зачѣмъ же безъ нужды задавать себѣ задачу невозможную, думая обрусить Польшу одними чиновниками, однимъ обязательнымъ употребленіемъ русскаго языка въ администраціи и школѣ?

Всѣ эти соображенія до того элементарны, что приходятъ въ голову всякому неослѣпленному доктринаризмомъ человѣку. Ссылаемся на слова писателя, котораго врядъ ли кто заподозритъ въ принадлежности къ «Панургову стаду» и въ равнодушіи къ скрѣпленію единства Россіи, г. Погодина. Вотъ что пишетъ онъ въ своей запискѣ о славянскихъ народахъ: «Самая дѣйствительная мѣра примирить поляковъ съ нами (ибо они все еще ненавидятъ насъ) есть покровительство ихъ языку, литературѣ, исторіи (я говорю о Царствѣ Польскомъ) и, наоборотъ, ничто такъ не питаетъ злобы, какъ мѣры противоположныя. Языку польскому въ учебныхъ заведеніяхъ Царства надо учить наравнѣ съ русскимъ. Если мы будемъ учить ему недостаточно, то поляки будутъ доучиваться ему дома съ бо̀льшимъ рвеніемъ и успѣхомъ, какъ то бываетъ со всякимъ запрещеннымъ плодомъ, и мы не только не достигнемъ своей цѣли, но еще болѣе отдалимся отъ нея и сверхъ того будемъ вооружать тайныхъ враговъ. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь языкъ есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить такъ же нельзя, какъ лишить его одного изъ пяти чувствъ, данныхъ Богомъ. Языкъ есть такой же природный неотъемлемый органъ, какъ и прочіе, только драгоцѣннѣйшій для человѣка, потому что тѣсно связанъ съ его разумною душою. Тѣмъ болѣе должно сказать это объ языкѣ развитомъ, историческомъ, литературномъ. Австрійцы подаютъ въ этомъ случаѣ поучительный примѣръ: чего достигли, уничтожая систематически въ теченіе вѣковъ славянскія нарѣчія? Увеличили ихъ силу, содѣйствовали ихъ развитію, приготовили своими плотинами такіе водопады, которые готовятся поглотить ихъ самихъ. Нѣкоторыя славянскія племена забыли свой языкъ, это правда, но гдѣ это случилось? По краямъ, гдѣ чужое племя подавляло ихъ своимъ количествомъ, гдѣ языкъ былъ еще въ младенчествѣ»...

Невозможность задачи, которую мы на себя взяли въ послѣднее время по отношенію къ Польшѣ, противоположность

ея съ тою, которую мы провозгласили въ 1864 г., чувствуется и самими русскими дѣятелями въ Польшѣ. Корреспонденціи оттуда въ послѣднее время уже не имѣютъ такого одушевленнаго и даже нѣсколько торжественнаго характера, какъ прежде. Напротивъ, очень часто встрѣчаешь жалобы, что дѣло подвигается плохо. Иногда эти жалобы оканчиваются: «нѣтъ, мы не имѣемъ той настойчивости, что у пруссаковъ!» А если не имѣемъ, можно сказать, такъ зачѣмъ же и браться за прусскія задачи? Да притомъ же наши обстоятельства и прусскія вовсе не похожи: пруссаки не имѣютъ между Познанью и нѣмецкими землями краевъ аналогичныхъ съ нашимъ западнымъ, который одинъ требуетъ много работы, если не для обрусенія, то для располячиванія, который требуетъ приложенія принципа національности; пруссаки — нѣмцы, которые положили призваніемъ своимъ, какъ можно больше поглотить славянъ, мы же сами славяне, и сами себѣ, — и другіе славяне намъ, — навязываемъ другую миссію по отношенію къ славянству. Именно во имя этой миссіи и прибыли русскіе дѣятели въ Польшу, и вдругъ поставлены въ необходимость вздыхать объ отсутствіи въ нихъ «прусскихъ» свойствъ. Дѣятели сами чувствуютъ всю неловкость своего положенія, и, повѣрьте, большинство думаетъ только, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ своего служебнаго положенія и вернуться во-свояси, гдѣ каждый чувствуетъ себя гораздо ловче, чѣмъ въ Польшѣ.

Словомъ, духу, вѣры въ себя и въ успѣхъ дѣла, у русскихъ дѣятелей въ Польшѣ нѣтъ, а безъ духу, безъ вѣры, что же за работа? Врядъ ли поэтому изъ всей хлопотни объ обрусеніи Польши выйдетъ какая-либо польза, кромѣ того, что дѣйствительно многіе поляки выучатся по-русски, что при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ облегчитъ имъ возможность узнать Россію и стремленія русскаго общества, а потому и возможность взаимнаго улаживанія modus vivendi, но только именно при другихъ благопріятныхъ условіяхъ, т.-е. если и мы обнаружимъ желаніе познакомиться поближе съ польскимъ внутреннимъ міромъ и отношеніемъ своимъ къ полякамъ ослабимъ въ нихъ ту антипатію или, по крайности, замкнутость, которая существуетъ до сихъ поръ и которая усиливается мыслью, будто мы желаемъ совершенной гибели польской народности.

XI.

Какъ реформы по крестьянскому дѣлу и другія мѣры къ реорганизаціи Западнаго края и Польши въ 1863 и 1864 гг. приняты были подъ вліяніемъ, хотя и косвеннымъ, общественнаго движенія нашего съ 1859—1863 гг. и въ томъ числѣ подъ болѣе прямымъ вліяніемъ идей славянофильскаго направленія, такъ нынѣшнее положеніе наше въ Царствѣ Польскомъ и въ самомъ Западномъ краѣ есть результатъ другой волны общественнаго движенія, которая проявила значительную силу съ 1862 года, и подъ вліяніемъ событій 1863—1866 гг. получила было преобладающее значеніе въ нашемъ обществѣ. Органомъ этого направленія общественнаго движенія были «Московскія Вѣдомости» съ непосредственно связанными съ ними изданіями («Русскій Вѣстникъ» и «Современная Лѣтопись») и тѣми, которыя постепенно примыкали къ ихъ тріумфальному шествію, какъ, напр., «Голосъ», «Биржевыя Вѣдомости», которыя въ 1863 году пѣли далеко не въ униссонъ съ «Московскими Вѣдомостями». Чтобъ опредѣлить значеніе этого направленія или, если хотите, партіи, надо опредѣлить, въ чемъ состоитъ сущность ея стремленій. Это не такъ-то легко, потому что съ теченіемъ времени органъ этого направленія перемѣнилъ убѣжденія по весьма существеннымъ вопросамъ, существенно противорѣчилъ себѣ въ одно и то же время, по дорогѣ принялъ много частныхъ положеній, которыя мало гармонируютъ съ общими идеями изданія и особенно прежде высказанными. Такъ, извѣстно, что «Московскія Вѣдомости» были органомъ, желавшимъ безземельнаго надѣла крестьянъ, вотчинной полиціи помѣщиковъ, непосредственнаго участія крупныхъ поземельныхъ собственниковъ въ земствѣ, и потомъ явились ярыми противниками примѣненія всѣхъ этихъ началъ въ Западномъ краѣ и, вступивъ въ полемику съ послѣдовательными своими сотрудниками, образовавшими «Вѣсть», которая называла еще въ 1866 году г. Каткова «царемъ русской политической печати», стали съ нѣкоторой рѣзкостью отзываться о примѣненіи ея тенденцій не только къ Западному краю, находившемуся въ исключительныхъ условіяхъ, но и къ остальной Россіи. И въ то же самое

почти время «Московскія Вѣдомости» вдругъ дѣлаютъ быстрый поворотъ къ старымъ своимъ идеаламъ и защищаютъ требованія бессарабскихъ помѣщиковъ, направленныя къ тому, чтобы въ ихъ пользу допущены были изъятія изъ примѣненія ко всей Россіи (кромѣ остзейскихъ провинцій) принциповъ крестьянской реформы 19 февраля 1861 года.

Посвятивъ не мало труда на агитацію противъ началъ этой реформы и въ пользу возможно болѣе односторонняго ихъ примѣненія, «Московскія Вѣдомости» ставятъ теперь на одну доску «бѣлыхъ» и «красныхъ» ея противниковъ, т.-е. недовольныхъ ея общими началами, и относящихся критически къ ихъ примѣненію и къ исполненію реформы, себя же поставляютъ въ томъ центрѣ, который представляетъ то, что есть въ государствѣ просвѣщеннаго, здраво-консервативнаго и разумно-прогрессивнаго. Пріобрѣвъ извѣстность въ мірѣ весельчаковъ юмористической полемикой съ славянофильствомъ, ведя съ послѣднимъ полемику по всѣмъ вопросамъ культурнымъ, общественнымъ и политическимъ еще весьма недавно, «Московскія Вѣдомости» въ послѣднее время даютъ пріютъ тѣмъ самымъ писателямъ, съ которыми еще очень недавно вели самые ожесточенные споры (г. Юр. Самаринъ и др.) и даже заслуживаютъ отъ нѣмецкой печати названіе славянофильскаго органа,— названіе, отъ котораго онѣ и отказываются и нѣтъ. Слѣдуетъ прибавить, что московскіе публицисты, стяжавшіе себѣ такіе лавры въ борьбѣ съ нигилизмомъ и безшабашнымъ отрицаніемъ, сами по весьма многимъ вопросамъ отличаются тоже своего рода нигилизмомъ; они ругаютъ отрицаніе, но не говорятъ, что же они защищаютъ: прошу, напр., опредѣлить философскія убѣжденія ученой редакціи, ихъ идеалы семейной жизни, ихъ понятія о положеніи женщинъ, женскомъ образованіи, хотя бы вы, прочитавъ ихъ филиппики противъ нигилизма, и убѣдились, что такъ называемые нигилисты говорятъ вздоръ.

Къ тому же, хотя московскіе публицисты еще очень недавно указывали на неспособность къ серьезному мышленію въ нашемъ даже высшемъ обществѣ и въ общественныхъ дѣятеляхъ, каковы прокуроры и судьи, но почти всякій разъ, когда имъ самимъ приходится выйти изъ сферы частныхъ порицаній, жалобъ и т. п. въ сферу систематическаго изложенія общихъ положеній, политическаго profession de foi,

они путаются и противорѣчатъ сами себѣ на каждомъ шагу. Возьмите, напр., разсужденія «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» о государствѣ и національности. Тутъ найдете положенія, что «границы государства пишетъ не лексиконъ и грамматика, а мечъ», и то, что государство крѣпко только національностью, что одинъ лексиконъ и одна грамматика должны господствовать всюду въ предѣлахъ, отведенныхъ мечомъ, и тутъ же, что государство не преслѣдуетъ народности этнографической, а имѣетъ цѣлью установленіе народности политической и т. д. и т. д. Благодаря именно противорѣчіямъ въ разныя времена и даже въ одно время, благодаря болѣе отрицательному, нежели положительному характеру своихъ статей, вмѣстѣ съ всегдашней страстностью своихъ нападеній, упомянутые публицисты и пріобрѣли и поддерживаютъ свою популярность среди людей, которые недостаточно навыкли къ разложенію слушаемыхъ мыслей на составныя части и къ возведенію ихъ къ общимъ началамъ.

Но благодаря этимъ свойствамъ и весьма затруднительно отвѣчать на вопросъ: съ какимъ образомъ мыслей, съ какою системою и партіей мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ? Понятно, почему иностранцы, которые со вчерашняго дня знаютъ наши дѣла и плохо слѣдятъ за ихъ послѣдовательнымъ ходомъ, говорятъ то о «старорусской», то о «молодорусской» партіи, которой «Московскія Вѣдомости» служатъ представителемъ, называютъ этотъ органъ и органомъ «русскаго абсолютизма» и «русской демократіи» и «славянофильства» и «ультраруссизма» и т. д. Преподнесенные редакціей своимъ читателямъ, съ приличнымъ комментаріемъ, отзывы иностранной печати способствуютъ еще болѣе къ затемнѣнію вопроса о томъ, каковы же въ сущности основныя идеи партіи, которой органомъ служитъ упомянутый журналъ и газета.

Отвѣчать на этотъ вопросъ можно только, взглянувъ на источникъ, откуда пошло направленіе московскаго журнала, разложивъ всѣ наслоенія и всѣ перемѣны, которыя съ теченіемъ времени принимало это направленіе, и найдя общую нить, которая проходитъ черезъ всѣ эти наслоенія и перемѣны. Лица, дававшія и дающія главный тонъ московскому журналу и газетѣ, вышли изъ той части нашихъ западниковъ, которые нѣкогда восхищались всѣми сторонами такъ на-

зываемой реформы Петра Великаго до бритья бородъ и урѣзки полъ включительно, которые провозглашали (даже устами Бѣлинскаго), что Турція выше сербовъ и болгаръ, ибо Турція — «государство», а сербы и болгары — «племена», что «нечего плакать, если австрійскій жандармъ является въ Штиріи представителемъ цивилизаціи» и т. д. Это доктринеры «государственности», на образованіе которыхъ пошла и гегеліанско-прусская философія и преданія конвента, и отечественныя, преимущественно московскія преданія и инстинкты, и бюрократическая боязнь общественной и народной иниціативы. Все для «государства» и елико можно посредствомъ бюрократіи,— вотъ девизъ такого рода доктринеровъ, которыхъ не мало въ Европѣ, и которые принимаютъ видъ то болѣе аристократическая боязнь общественной и народной иниціативы. являются то монархистами, то имперіалистами, то конституціоналистами, то республиканцами, но всегда остаются *централистами* и бюрократами. Такого рода люди имѣютъ свой raison d'être, свои заслуги, но исключительное преобладаніе ихъ всюду приводитъ государства къ разстройству или застою.

Что до нашихъ западниковъ-государственниковъ, то ихъ цвѣтъ проявился уже во время эмбріоническаго состоянія русскаго либерализма и политической мысли, въ спорѣ съ славянофилами, особенно изъ-за общины. Являясь представителями идей свѣта сравнительно съ славянофилами по вопросамъ культурнымъ, наши московскіе западники отставали отъ славянофиловъ въ человѣчности отношеній къ народу, который они представляли только матеріаломъ, изъ коего государственная власть можетъ вылѣпливать, что ей угодно. Въ прошедшемъ Россіи они слѣдили съ любовью только за развитіемъ государственнаго централизма, и всѣ упорствовавшіе безусловно подчиниться этому централизму элементы не удостоивались ими иного названія, какъ противообщественные элементы, хотя бы они представляли зачатки другихъ, лучшихъ общественныхъ стремленій и формъ, которыя со временемъ стали бы предметомъ заботъ и самого государства, какъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскомъ. Какъ противообщественныя стремленія, отрицались и проявленія неудовольствія народа закрѣпленіемъ крестьянъ и сопротивленіе русскаго народа въ западной Руси давленію польскаго государства. Когда поднята была рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, одинъ изъ самыхъ

вліятельныхъ ученыхъ и публицистовъ этого направленія указывалъ, какъ на важнѣйшую сторону дѣла, что государство, которое прежде, въ видахъ облегченія своихъ задачъ, отдало часть населенія подъ власть другой, теперь нуждается въ томъ, чтобы поставить въ непосредственную отъ себя зависимость эту часть населенія. Но какъ всякій видъ самостоятельности населенія казался опаснымъ доктринерамъ государственности, то они полагали, что при освобожденіи крестьянъ надо возможно болѣе поставить ихъ въ зависимость все-таки отъ помѣщика, сохранивъ за послѣднимъ всю землю и соединивъ экономическое преобладаніе помѣщика съ перенесеніемъ на него значенія чиновника государственнаго, т.-е. вотчиннаго полицейскаго начальника.

Такимъ образомъ теоретики государственности явили и въ этомъ вопросѣ свое постоянное качество: консерватизмъ, но не тотъ консерватизмъ, который состоитъ въ охраненіи хорошихъ явленій, выработанныхъ жизнью, хотя бы въ виду и лучшихъ, но еще будущихъ, а консерватизмъ трусости, т.-е. желаніе сохранить, елико возможно, существующее, только потому, что оно уже существуетъ, а не по убѣжденію, что оно и должно существовать. Такого рода трусость мысли передъ новыми явленіями, какъ извѣстно, не исключаетъ отчаянной храбрости въ выборѣ аргументовъ и средствъ для защиты status quo,— черта, которую мы усматриваемъ во всей дѣятельности нашихъ московскихъ западниковъ. Когда заговорили о земствѣ, многіе изъ защитниковъ англійскаго освобожденія крестьянъ безъ земли и вообще аристократическихъ идеаловъ, которые, совмѣстно съ московскими западниками, боролись противъ надѣловъ крестьянскихъ, противъ «демократизма миробыхъ посредниковъ и бюрократическихъ благодѣтелей изъ чужого кармана», высказывались въ пользу возможно широкихъ правъ земскихъ, хотя и аристократическихъ, собраній. Но московскіе западники, которые хлопотали о томъ, чтобъ облечь помѣщика властью станового пристава и исправника, чтобы дать крупнымъ собственникамъ непосредственное участіе въ земскихъ собраніяхъ, въ то же время очень озабочивались, какъ бы органы государства, губернаторы, не оказались безсильны передъ земствомъ. Во время обсужденія этихъ вопросовъ о надѣлѣ, сельскомъ благоустройствѣ, московскіе западники стали въ рѣзкое полемическое отношеніе

со всѣми болѣе «народными» направленіями, какъ съ московскимъ славянофильствомъ, такъ и съ петербургскимъ западничествомъ (если уже употреблять это выраженіе), а когда крайніе побѣги славянофильскаго и западническаго демократизма сошлись и стали принимать агитаціонный и революціонный оттѣнокъ, то московскіе аристократически-бюрократическіе государственники взяли на себя инціативу охраненія государства отъ «петербургской революціи», воспользовавшись особенно минутою петербургскихъ пожаровъ.

До извѣстной степени, кромѣ ненависти ко всѣмъ проявленіямъ направленія, поставившаго исходною точкою своихъ политическихъ теорій примѣненіе къ Россіи надѣла крестьянъ землею и общинное самоуправленіе, въ выступѣ московскихъ западниковъ на охрану отечества отъ «петербургской революціи» играли роль и тонкія соображенія: думалось, выступимъ, какъ охранительное начало, и такимъ образомъ приблизимся къ кормилу, управляющему общественною жизнью, поразимъ крайности и покажемъ свою способность вести отечество по пути умѣреннаго прогресса, покажемъ умѣренность и усердіе и предупредимъ реакцію. Соображенія похвальныя, жаль только, что почти всегда въ результатѣ выходитъ, что именно тѣ, кто желаетъ предупредить реакцію пораженіемъ крайнихъ направленій, именно усердіемъ и излишнимъ крикомъ противъ крайностей раздуваютъ муху въ слона и служатъ самымъ прямымъ образомъ реакціи, въ которую сами первые ударяются, испугавшись крайностей этой новой жизни. Такъ было и съ нашими московскими западниками, которые подъ вліяніемъ страха совершенно ничтожныхъ проявленій «петербургской революціи» 1862 г. и въ жару излишняго усердія заговорили такое, чего не говорилъ никто изъ самыхъ свирѣпыхъ обожателей до-петровской Руси.

Кампанія московскихъ англомановъ противъ «петербургской революціи» привлекла къ нимъ сочувствіе всѣхъ враговъ новыхъ реформъ и ихъ духа изъ міра чиновничьяго и помѣщичьяго, который былъ нѣсколько огорченъ помѣщеніемъ обличительныхъ разсказовъ въ московскомъ журналѣ,— того міра, который, за неимѣніемъ другого, пробовалъ было остановить свои симпатіи даже на «Современникѣ» единственно изъ-за того, что онъ освистываетъ «весь нашъ прогрессъ и нашу гласность» и «не увлекается Громекой», по-

ражавшимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «полицію» и «полицію внѣ полиціи». Борьба «Московскихъ Вѣдомостей» съ «петербургской революціей» и открытымъ около этого времени «нигилизмомъ» привела подъ ихъ знамена и всѣхъ поклонниковъ идей «Маяка», которые пробовали пристроиться и къ славянофильству и которымъ только юмористическая репутація, пріобрѣтенная вслѣдствіе ранне-временнаго выступа на проповѣдь г. Аскоченскаго, препятствовала открыто признать своимъ органомъ «Домашнюю Бесѣду». Такимъ образомъ журналъ и газета московскихъ западниковъ стали органомъ *старорусской партіи*, — партіи консервативной, въ томъ смыслѣ, о какомъ мы говорили выше,—партіи, желавшей сохраненія въ Россіи положенія, бывшаго до возвѣщенныхъ въ настоящее царствованіе реформъ. Въ качествѣ органа такого рода партіи выступили «Московскія Вѣдомости» и противъ польской революціи, не столько потому, что она была польская, сколько потому, что она была революція и выступала отчасти въ связи съ пораженною въ 1862 г. «петербургскою революціей», а также потому, что эта новая и гораздо болѣе реальная революція давала поводъ къ новой рѣшительной кампаніи противъ всѣхъ проявленій и корней старой, и новый случай занять видное положеніе у руководительства общественными дѣлами.

Еще очень не задолго до 1863 года, публицисты партіи московскихъ западниковъ излагали идеи объ освобожденіи крестьянъ и сельскомъ устройствѣ, о народѣ и дворянствѣ совершенно въ духѣ и въ интересахъ польскихъ помѣщиковъ Западнаго края. Къ русской народности они вообще не показывали большой нѣжности, къ крестьянству, источнику «противообщественныхъ элементовъ» и предмету заботъ «непрошенныхъ благодѣтелей изъ чужого кармана», — тоже. Въ то время, когда славянофилы проливали слезы надъ распространеніемъ западнаго духа полонизма въ Западномъ краѣ и жалѣли о слабости культурнаго отпора русскаго общества полонизму, московскіе западники сохраняли полное молчаніе объ этихъ вещахъ: они ихъ игнорировали. Только революціонныя манифестаціи и потомъ революція польская и притомъ въ связи съ аналогическими русскими явленіями обратила на себя ихъ вниманіе. Ихъ оскорбило революціонное покушеніе на государственную цѣлость имперіи, а какъ вмѣшательство

европейскихъ правительствъ въ наше внутреннее дѣло оскорбило и весьма многихъ людей и другихъ направленій въ нашемъ обществѣ, то болѣе энергически выразившій реакцію польской революціи органъ сталъ и органомъ большинства русскаго общества.

Вообще исторія патріотической реакціи нашей противъ польскаго возстанія 1863 года, завершившаго собою періодъ нашей общественной жизни съ 1856 года, такъ потрясшій всѣ старыя основы русскаго общественнаго строя, есть предметъ весьма интересный, который остановитъ вниманіе будущаго историка Россіи. Для него, между прочимъ, очень будетъ интересно изслѣдованіе различныхъ мотивовъ и соображеній, по которымъ различные слои и элементы населенія Россіи (крестьяне въ Западномъ краѣ, великорусское простонародье, русское купечество и даже евреи, раскольники признанные и непризнанные до тѣхъ поръ офиціально, помѣщики разныхъ оттѣнковъ, отъ просто недовольныхъ новшествами, до мечтавшихъ о конституціи, чиновники тоже разныхъ оттѣнковъ и т. п.) высказывали порицаніе польскому возстанію и выражали, на дѣлѣ или на словахъ, готовность ему противодѣйствовать. Всѣ почти изъ недовольныхъ, по какимъ бы то ни было видамъ, польскимъ возстаніемъ, кто только зналъ о существованіи журналистики, смотрѣли на «Московскія Вѣдомости», какъ на свой органъ, такъ какъ изъ трехъ частныхъ изданій, наиболѣе громко выражавшихъ патріотическія чувства, «St.-Petersburger Zeitung» г. Мейера писалась по нѣмецки, а «День» двоился въ отношеніяхъ къ полякамъ и къ мѣрамъ, какія надо принять противъ возстанія, да и былъ неудобенъ по своей еженедѣльной формѣ и, кромѣ того, отталкивалъ многихъ своимъ радикализмомъ въ пользу «мужика», хотя бы то и русскаго. Что же говорили «Московскія Вѣдомости» отъ имени всѣхъ столь различныхъ людей и по столь различнымъ мотивамъ возмущенныхъ польской революціей? Они требовали скорѣйшаго и энергичнѣйшаго подавленія революціи. Вопросъ, что же дѣлать дальше съ Польшей и поляками, оставался въ тѣни. Объ этомъ думали разно, разумѣется, кто задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Публицисты «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» задали себѣ, конечно, этотъ вопросъ. Сначала они отвѣчали на него сообразно своимъ постояннымъ идеямъ о го-

сударствѣ и сообразно господствовавшимъ въ то время во многихъ русскихъ кругахъ (польскихъ тѣмъ паче) стремленіяхъ. Въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшей» [1]), московскіе публицисты изложили самый абсолютный и централистическій, и въ то же время самый матеріалистическій взглядъ на государство: границы территоріи государства отмѣчаются, говорили они, мечомъ и кровью. Вездѣ внутри этихъ границъ можетъ господствовать только одно право, одно законоположеніе. Поэтому управленіе Польшей не должно ничѣмъ отличаться отъ управленія другими частями имперіи. Тогда въ высшихъ сферахъ ходила мысль объ умиротвореніи Польши дарованіемъ ей представительнаго правленія. Публицисты «Русскаго Вѣстника» заявили, что въ такомъ случаѣ представительныя учрежденія должны быть распространены и на всю Россію, — мысль, которая проглядывала и въ разсужденіяхъ другихъ изданій и даже въ патріотическихъ заявленіяхъ. Но и въ такомъ случаѣ представители Польши могутъ собраться только въ собраніи депутатовъ всѣхъ остальныхъ земель имперіи. Такой проектъ и былъ то, что рекомендовала Россіи «Liberté», именно «потопленіе Польши въ свободѣ», т.-е. собственно не въ свободѣ, а въ централистическомъ парламентаризмѣ, въ родѣ того, какъ Познань потоплена въ рейхстагѣ германскомъ, какъ нѣмецкіе конституціоналисты-бюрократы и централисты въ родѣ Гербста и Гискры топили въ вѣнскомъ рейхсратѣ чеховъ и другихъ цислейтанскихъ ненѣмцевъ. Что намъ дѣлать съ Польшей, на случай, если польскіе депутаты не пойдутъ въ нашъ проектированный въ Москвѣ рейхстагъ, какъ чехи, и оставятъ свою декларацію или что станутъ дѣлать польскіе депутаты у насъ, если они, какъ познанскіе, пойдутъ въ рейхстагъ, но будутъ тамъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ,— этого вопроса наши централисты не предложили себѣ. Вѣрные постоянному и вѣчному своему страху передъ всякимъ новымъ явленіемъ и всегдашней своей заботѣ о сколько возможномъ сохраненіи status quo въ Россіи, наши доктора Гербсты постарались за то о томъ, какъ бы проектированный парламентаризмъ имѣлъ какъ можно менѣе правъ, и для того они вспомнили, чего прежде съ ними не случалось, и о древней Руси и русскихъ преданіяхъ

---

[1]) „Р. В.“, 1863, май.

(пріемъ, встрѣченный не безъ злорадной ироніи славянофилами, которые поздравляли московскихъ западниковъ и англомановъ съ открытіемъ Россіи) и пожелали, чтобы по правамъ и дѣйствіямъ новое русское представительное собраніе не отклонялось отъ древнихъ земскихъ соборовъ московскаго государства.

При существованіи такихъ соборовъ, въ которыхъ приняли бы участіе и депутаты отъ Польши, т.-е. въ буквальномъ смыслѣ парламентовъ — говорилъ, поляки могли бы, по проекту московскихъ публицистовъ, жить преблагополучно и какъ граждане государства и даже какъ народность. «Русскій Вѣстникъ» тогда еще довольствовался только парламентской централизаціей и говорилъ о Польшѣ и польской народности такъ: «Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ для Россіи и для Польши образомъ, если Польша откажется отъ тѣхъ притязаній, которыхъ ни въ какой мѣрѣ ни подъ какимъ видомъ Россія допустить не можетъ. Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ только посредствомъ полнаго соединенія Польши съ Россіей въ государственномъ отношеніи. Россія можетъ дать Польшѣ болѣе или менѣе близкіе виды на такое управленіе, которое вполнѣ удовлетворитъ всѣмъ законнымъ видамъ ея народонаселенія и далѣе которыхъ не могутъ простираться виды европейскихъ державъ, которымъ угодно теперь заниматься судьбою Польши. Польскій край можетъ имѣть свое мѣстное самоуправленіе, быть обезпеченнымъ во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ интересахъ своихъ, сохранять свой языкъ и свои обычаи. Но децентрализованная, сколько возможно, въ административномъ отношеніи, Польша должна быть крѣпкою частью Россіи въ политическомъ отношеніи. Что же касается до политическаго представительства, то, въ соединеніи съ Россіей, Польша можетъ имѣть его не иначе, какъ въ томъ духѣ и смыслѣ, которые выработались исторіей Россіи, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской и русской исторіи» [1]).

---

[1]) Какъ еще неполно было открытіе Россіи московскими западниками, видно изъ того, что, помѣщая въ томъ же № статью „Польша“ изъ „Quarterly Review“, редакція вездѣ, гдѣ была несогласна съ нею, заявила свое мнѣніе въ выноскѣ, въ особенности ударяя на то, что намъ надо брать примѣръ съ (тогдашней) Австріи и Пруссіи въ политикѣ по отношенію къ Польшѣ, а

Какъ и слѣдовало быть по естественному ходу вещей, — и въ томъ, особенно для польскаго простого народа, большого горя и нѣтъ, — мысль объ умиротвореніи Польши посредствомъ завершенія системы маркиза Велепольскаго представительными учрежденіями въ Польшѣ, была оставлена. Вмѣстѣ съ тѣмъ была оставлена мысль и о русскомъ земскомъ соборѣ. Московскіе публицисты занялись разработкой другихъ средствъ объединенія Польши съ Россіей и постепенно развили систему мыслей объ административной централизаціи, а потомъ и о примѣненіи централизма и къ языку и народности въ Польшѣ, въ совершенное противорѣчіе съ только что выписанными выше словами ихъ, но въ совершенной послѣдовательности съ ихъ бюрократическими понятіями о народѣ и государствѣ. Между тѣмъ какъ событія заставили нашу администрацію раскрыть, по отношенію къ Царству Польскому и Западному краю, всю силу системы диктатуры и репрессалій и вмѣстѣ съ тѣмъ повели ее на путь реорганизаціи общественнаго строя въ Западномъ краѣ и Польшѣ на началахъ народности и на поднятіи правъ и экономическаго положенія массъ народа, работа, которой смыслъ такъ хорошо разъясняли нашему обществу славянофилы, особенно петербургскіе, какъ и. Гильфердингъ, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» могли говорить съ сочувствіемъ изъ всѣхъ мѣръ нашей администраціи въ 1863 — 1864 годахъ только о репрессаліяхъ, которыя, конечно, содѣйствовали усмиренію возстанія, но вовсе не были рядомъ мѣръ къ реорганизаціи края, такой, которая бы сдѣлала невозможнымъ на будущее время повтореніе возстанія, а слѣдовательно, и самихъ репрессалій, всегда и для всякаго печальныхъ и всегда тормозящихъ развитіе и тѣхъ частей государства, на которыя онѣ непосредственно и не распространяются.

слѣдующихъ словъ и не говорила: „за исключеніемъ двухъ религіозныхъ движеній 1768-го и 1789-го годовъ, возбужденныхъ, говорятъ, самою Екатериной, грубыя массы простолюдиновъ, изъ которыхъ собственно состоялъ польскій народъ, не обнаруживали ни малѣйшаго признака радости или горя“ при раздѣлахъ Польши. Редакція не замѣтила, что эти „религіозныя“ движенія были дѣломъ не польскаго, а русскаго населенія въ юго-западной Руси и выражали именно „горе грубой массы простолюдиновъ“ быть подъ властію польскихъ пановъ и католическихъ ксендзовъ-фанатиковъ.

Но какъ могли «Московскія Вѣдомости» одобрять мѣры нашего правительства по крестьянскому дѣлу въ Западномъ краѣ и Польшѣ, когда онѣ еще продолжали вести войну противъ примѣненія къ остальной Россіи даже великорусскаго Положенія 19 февраля 1861 года и называли его, въ спорѣ съ г. Ю. Самаринымъ, славянофильско-соціалистическимъ Положеніемъ, хватая г. Самарина на словѣ *наше* Положеніе? «Московскимъ Вѣдомостямъ» оставалось хвалить замѣну мировыхъ посредниковъ-поляковъ, какъ вообще всѣхъ чиновниковъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, русскими, но и только: объ остальныхъ, самыхъ существенныхъ, вещахъ въ дѣятельности тамъ правительства по устройству сельскаго населенія «Московскимъ Вѣдомостямъ» оставалось только молчать. Зато они съ усердіемъ говорили о тѣхъ мѣрахъ къ реорганизаціи западной Россіи, которыя подходили подъ ихъ основной бюрократически-аристократическій идеалъ государства. Въ Западномъ краѣ и даже въ Польшѣ онѣ хлопотали о замѣнѣ польскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ русскими, ставя на второй планъ вопросъ, въ какія же отношенія станутъ эти чиновники и особенно эти помѣщики къ коренному населенію, хотя бы и русскому? Понятно, почему «охранительные русскіе элементы» въ Западномъ краѣ, которые собирались на выгодныхъ условіяхъ пріобрѣсти имѣнія въ Западномъ краѣ и которые потомъ въ «Вѣсти» сначала жаловались, что ихъ не «лелѣютъ въ ополяченномъ краѣ», а наконецъ вошли въ открытый союзъ съ поляками въ борьбѣ съ «босоногими патріотами», съ «коммунизмомъ мировыхъ учрежденій» и т. д., почему они еще не разрывали своего союза съ московскими публицистами,— патріотами, но не «носившими фригійской шапки подъ мурмолкой», какъ говорили они о славянофилахъ.

Продолжая полемику съ послѣдними по вопросамъ, связаннымъ съ Положеніемъ 19 февраля, патріоты «Московскихъ Вѣдомостей» вели съ ними и другую по вопросу объ организаціи Польши. Славянофилы гордились тѣмъ, что Александръ I воскресилъ имя Польши, а Александръ II — польскій народъ, всячески старались провести разницу между отношеніями Россіи къ полякамъ и отношеніями къ нимъ Пруссіи. «Московскія Вѣдомости» видѣли главную ошибку въ политикѣ Александра I относительно Польши вовсе не въ томъ, что онъ видѣлъ въ Польшѣ и даже въ западной Россіи только аристокра-

тію, а не народъ. Послѣдній былъ, впрочемъ, пропущенъ и Карамзинымъ, который, говоря противъ мысли Александра I возстановить подъ своею властью Польшу въ границахъ 1772 г., ссылается и на права оружія, вспоминаетъ и Владимира Святого, и Мономаховичей, и Изяславичей, а забылъ только самое главное,— что народъ въ Западномъ краѣ и до сихъ поръ такой же непольскій, а русскій, какимъ былъ еще и до Мономаховичей и Изяславичей. «Московскія же Вѣдомости» напали только на то, что императоръ Александръ I включилъ въ Царство Польское русскій Холмскій край и литовскую Августовскую губернію, допустилъ польскому образованію распространиться по всей области Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края и даже готовъ былъ включить и эти края въ образованное имъ Царство Польское; онѣ осуждали не то, что онъ допустилъ обезземеливаніе крестьянъ въ этомъ Царствѣ, а именно то, что, занявъ въ 1813 году Герцогство Варшавское, преобразовалъ его въ 1815 году въ Царство Польское. Не будь этого «воскресенія имени Польши», присоедини Александръ I Герцогство Варшавское такъ точно, какъ Смоленская губернія была присоединена Алексѣемъ Михайловичемъ или хоть какъ Познань пруссаками, не было бы, по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», и польскаго вопроса: Сѣверо-Западный и Юго-Западный край обрусѣли бы въ такой же мѣрѣ, какъ обрусѣла Смоленская губернія, а Варшавское Герцогство — въ такой, въ какой германизирована Познань.

Называя политику Александра I почему-то славянофильскою, «Московскія Вѣдомости» предостерегали Россію отъ повторенія ея гибельныхъ ошибокъ и совѣтовали исправить ея послѣдствія обращеніемъ къ примѣру не подражавшихъ Александру I, а, напротивъ, предостерегавшихъ его — Австріи и Пруссіи, особенно послѣдней. Въ подражаніе Пруссіи «Московскія Вѣдомости» совѣтовали озаботиться увеличеніемъ русскихъ майоратовъ въ Царствѣ Польскомъ и вообще о привлеченіи туда русскихъ землевладѣльцевъ и укрѣпленіи тамъ, посредствомъ поземельной собственности, русскихъ чиновниковъ, о полной централизаціи управленія Царствомъ Польскимъ, объ исключительномъ употребленіи тамъ русскаго языка въ официальной жизни и въ обученіи, хотя и тутъ московскіе публицисты перешли черезъ нѣсколько ступеней, какъ и по вопросу объ административной централизаціи:

когда обнародованъ былъ рескриптъ о народномъ образованіи въ Польшѣ въ 1864 году, «Московскія Вѣдомости» не возражали противъ обученія на польскомъ, какъ и на другихъ народныхъ языкахъ населенія въ Польшѣ, не говорили, что все преподаваніе въ школахъ и предполагавшейся къ преобразованію въ университетъ варшавской главной школѣ должно итти исключительно на русскомъ языкѣ, а только желали больше правъ русскому языку, какъ языку государственному, въ школахъ Польши, желали, чтобъ и русскія каѳедры существовали въ будущемъ Варшавскомъ университетѣ. Только послѣ, когда совершилась новая реформа въ школахъ Польши и въ Варшавскомъ университетѣ только русскій языкъ и сталъ языкомъ преподаванія, публицисты «Московскихъ Вѣдомостей» нашли всѣ эти отступленія отъ принциповъ рескрипта 1864 г. въ высшей степени политически-мудрыми, но при этомъ все-таки заявляли, что вовсе не идетъ рѣчь объ «обрусеніи» Польши и уничтоженіи польской народности, а только о созданіи «русской государственной національности».

«Московскія Вѣдомости» отправились отъ безспорнаго положенія, что «Россія не Данія», что у нея нельзя безнаказанно покушаться оторвать часть государственной территоріи, что она не можетъ допустить вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, что въ иностранной политикѣ не должно быть рѣчи о польскомъ вопросѣ, какъ нѣтъ ея объ ирландскомъ, эльзасскомъ, познанскомъ, галицко-польскомъ и т. д., что вопросъ польскій есть внутренній вопросъ. Но затѣмъ онѣ провели сравненіе Россіи съ Франціей и Пруссіей далѣе, чѣмъ требовала суть дѣла, и по французскимъ и по прусскимъ образцамъ, а вовсе не изъ реальныхъ условій русской государственной жизни и потребностей русской земли и ея населеній, развили цѣлую систему государственнаго и національнаго централизма. Попробовавъ силу этой системы на польскомъ вопросѣ, «Московскія Вѣдомости» прошли всю Россійскую имперію и всюду усмотрѣли «сепаратизмъ», требующій подавленія, всюду нашли область для перерусенія, дорусенія и обрусенія и притомъ государственными мѣрами. Такъ усмотрѣнъ былъ послѣ польскаго сепаратизмъ литовскій, малорусскій, бѣлорусскій, бессарабскій, грузинскій, армянскій, остзейскій, даже донской и казанскій; даже Финляндія, въ которой шведскій элементъ, хотя и не очень симпатизируетъ Россіи, но дер-

жить себя строго легально и смирно, а финскій считаетъ связь съ Россіей за условіе своего развитія (см. очень интересное и характеристичное письмо финнофила къ славянофиламъ въ «Днѣ» 1863 г.), и гдѣ обрусеніе не имѣетъ вовсе никакихъ поводовъ на введеніе и никакихъ шансовъ на успѣхъ, потерпѣла укоры за свое отдѣльное управленіе. Какая «огромная опека» задавалась этими доктринерами централизма нашему государству и администраціи и обществу средней Россіи, которая одна только, послѣ пробы всѣмъ другимъ частямъ Европейской Россіи, осталась внѣ подозрѣнія въ сепаратизмѣ и не требующей перерусенія! А государственной власти и такъ не мало работы въ столь огромномъ государствѣ и при томъ столь запоздавшемъ съ рѣшеніемъ почти всѣхъ соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ вопросовъ, имѣющемъ столь слабо развитое въ массахъ образованіе; капиталы, люди, образованіе такъ нужны для русскаго общества самого; средняя Россія сама далеко не изобилуетъ избыткомъ ни капиталовъ, ни людей, ни образованія, а между тѣмъ ея населенію говорятъ: встань, иди и руси края, самые отдаленные, земли, часто, и даже почти всегда, гораздо гуще населенныя, въ промышленномъ и культурномъ отношеніи иногда гораздо болѣе развитыя, народности часто очень упорныя.

Дѣйствительно, Россія имѣетъ на окраинахъ населенія не русскія, во многихъ мѣстахъ на этихъ окраинахъ дѣла пришли въ весьма трудное и опасное для государства положеніе и требуютъ мѣръ для болѣе удобнаго исхода, требуютъ зоркаго вниманія со стороны правительства и самодѣятельности со стороны общества. Уже и славянофильская программа: поднимать экономическое состояніе коренныхъ массъ народа на окраинахъ нашихъ, пробуждать въ нихъ національное самосознаніе и такимъ образомъ привязывать ихъ къ русскому государству и народу,—программа, которая указывается намъ самими коренными населеніями окраинъ и потому уже болѣе естественная и легкая, и та требуетъ не мало труда, и та отвлекаетъ общество внутренней Россіи отъ своихъ дѣлъ, требующихъ тоже не малой работы. Но эта программа все-таки естественнѣе, увлекательнѣе, потому что совпадаетъ съ самыми лучшими идеями нашего вѣка, а потому она и легче для исполненія и скорѣе можетъ увлечь общество, поддержать

нравственную силу русскаго дѣятеля на окраинѣ. Другое дѣло механическая теорія государственнаго и національнаго централизма, по которой нужно всюду истреблять сепаратизмъ, все сравнивать, все русить, преимущественно силами чиновничества и администраціи, при полномъ недовѣріи къ мѣстнымъ силамъ и населеніямъ, при страхѣ, какъ бы вмѣсто польскаго сепаратизма не возникъ литовскій или малорусскій, вмѣсто нѣмецкаго — латышскій и эстскій, вмѣсто шведскаго— финскій, или какъ бы различные сепаратизмы не вошли между собою въ сдѣлки, какъ бы сами обрусители не стали безсознательными орудіями какой-нибудь интриги, какъ бы окраины не воспользовались для укрѣпленія своего сепаратизма всякимъ шагомъ впередъ середины государства по части общественнаго развитія и, наоборотъ, какъ бы радикальные пріемы обрусенія окраинъ не распространились и на середину государства! Эта теорія имѣетъ въ себѣ что-то сухое и отталкивающее, работа, ею заданная, приводитъ человѣка, администрацію и общество въ какой-то безконечный лабиринтъ или скорѣе заколдованный лѣсъ, наполненный призраками интриги, крамолы, сепаратизма... И если, наконецъ, окраины могутъ воскликнуть съ озлобленіемъ: да что мы за объектъ для экспериментовъ перерусенія, дорусенія и обрусенія?! — то и самое населеніе центральной Руси можетъ тоже съ отчаяніемъ спросить: да за что же мы поступили въ кабалу обрусенія? Неужто намъ уже и работы нѣтъ, какъ русить, дорусивать и перерусивать окраины, которыя, если сложить вмѣстѣ, то почти сравняются по величинѣ съ нашей землею? Гдѣ же конецъ этой сизифовой работѣ, ради которой мы бросаемъ свои собственныя дѣла и осуждены на замедленіе нашего собственнаго развитія?

До извѣстной степени мы уже дожили до такого отношенія къ вопросу объ окраинахъ: по крайней мѣрѣ, добрая доля русской печати, особенно петербургской (почти всѣ толстые журналы наши, наиболѣе распространенные), отличаются именно такимъ невниманіемъ къ вопросу объ обрусеніи окраинъ и даже явно враждебны ко всякимъ толкамъ объ окраинахъ. Коли хотите, это по настоящему и есть наша *ультрарусская* партія, довольно многочисленная среди образованныхъ людей въ столицахъ и въ Великой Россіи. Этотъ новый родъ «великорусскихъ сепаратистовъ» говоритъ: да Богъ съ ними, съ

этими окраинами и съ этимъ обрусеніемъ; насъ, несомнѣнныхъ русскихъ, на несомнѣнной русской землѣ все-таки 30 — 40 милліоновъ, будемъ заниматься своими дѣлами, а окраины пусть живутъ, какъ хотятъ! Конечно, останься эти «ультрарусскіе» безъ Риги и Варшавы, и чего добраго безъ Вильно и Кіева, они бы почувствовали себя не совсѣмъ ловко, и хорошенько пораздумавъ, они и теперь увидятъ, какъ тѣсно связаны нравственные и экономическіе интересы середины Россіи съ судьбою ея окраинъ и даже отчасти съ судьбою лежащихъ и дальше нашихъ границъ странъ прикарпатскихъ и придунайскихъ. Но этотъ ультрарусскій сепаратизмъ людей середины Россіи совершенно понятенъ и естественъ, какъ реакція направленію, которое заботится такъ неловко объ обрусеніи и перерусеніи племенъ, населяющихъ наши окраины, и печется съ неменьшей ловкостью о славянскихъ, румынскихъ, греческихъ дѣлахъ, видя собственное отечество въ большомъ еще нестроеніи и даже тормозя его устроеніе ьоззваніемъ къ жизни устарѣлыхъ идей и учрежденій.

Что касается до окраинъ самихъ, то въ нерусскихъ слояхъ ихъ населеній, конечно, не укрѣпляется симпатія къ намъ въ виду тѣхъ мѣръ и идей, которыхъ требуютъ и высказываютъ наши обрусители. Судя по жалобамъ бѣлоруссовъ въ свое время въ «Днѣ», можно видѣть, что даже въ русскихъ слояхъ дѣятельность перерусенія и дорусенія не возбуждаетъ большихъ симпатій въ мѣстныхъ образованныхъ людяхъ. Что касается Польши, Литвы, прибалтійскихъ краевъ, Финляндіи и Закавказья, то очень настойчивое проведеніе централизаціи и обрусенія можетъ возбудить, наконецъ, настолько сильное нерасположеніе къ намъ мѣстнаго населенія, что, особенно при не совсѣмъ благопріятныхъ намъ международныхъ обстоятельствахъ, право, положеніе наше, при всемъ численномъ превосходствѣ русскаго племени надъ другими народностями въ имперіи, станетъ не только далеко не пріятнымъ, но и не совсѣмъ безопаснымъ. О Польшѣ можно сказать самымъ положительнымъ образомъ, что отношенія къ намъ тамошняго населенія съ 1863—1864 гг. не только не улучшились, а ухудшились. А въ виду этого и вслѣдствіе сознанія невозможности къ осуществленію задачи, которой мы задались по отношенію къ Польшѣ въ послѣдніе годы, у тамошнихъ русскихъ дѣятелей не могъ не упасть духъ и вѣра въ свое дѣло.

XII.

Указавъ на неизбѣжныя послѣдствія задачи, возложенной нами на себя не вслѣдствіе реальной необходимости, не соотвѣтственно условіямъ нашей общественной и государственной жизни, а единственно вслѣдствіе доктринерства и по совершенно иностраннымъ образцамъ, выскажемъ въ заключеніе собственный нашъ взглядъ на то, какую желательно встрѣтить политику Россіи на окраинахъ.

Россія — не Данія, говорилось у насъ сначала, Россія и не Австрія, заговорили потомъ, въ отвѣтъ на соображенія, которыя заставляли императора Александра I согласиться на устройство отдѣльнаго управленія для Польши и Финляндіи, и въ виду преобразованія Австріи на началахъ дуализма. Все это совершенно вѣрно. Но Россія, надо же сказать, и не Франція и не Пруссія. Даже система диктатуры, господствовавшая въ Польшѣ съ 1831—1856 гг., имѣла гораздо больше резона, чѣмъ обрусеніе Польши, потому что гораздо больше вытекала изъ реальныхъ условій, а не изъ подражанія и доктринерства. «Люди бунтуютъ, люди наклонны бунтовать», думала эта нехитрая система, «надо, значитъ, смотрѣть въ оба, держать наготовѣ кару, и чуть зашевелятся, прихлопнуть!..» Но когда разъ мы задались мыслью, что вѣчно стоять съ поднятой палкой непріятно и неудобно и для насъ, когда сообразили, что полицейская диктатура есть явленіе исключительное, а не нормальное, надо же было изыскать средства реорганизаціи страны и упроченія нашего тамъ сообразно и реальному положенію дѣлъ, и нашимъ силамъ, и потребностямъ самой страны.

Начало такой раціональной, вполнѣ обезпечивающей интересы нашего государства, соотвѣтственной съ нашими средствами и въ то же время вполнѣ согласной съ справедливостью и лучшими и сильнѣйшими идеями нашего вѣка, системѣ реорганизаціи нашихъ окраинъ положено было политикой нашего правительства въ Западномъ краѣ и Польшѣ въ 1863—1864 гг. Система эта, вполнѣ ясно изложенная тогда славянофильскими писателями, состояла въ поднятіи на окраинахъ коренныхъ народностей, въ уваженіи къ каждой корен-

ной народности въ ея предѣлахъ, въ помощи массамъ каждой народности въ экономическомъ и культурномъ отношеніи, — словомъ, въ системѣ привлеченія симпатій всѣхъ массъ населенія на окраинахъ мѣрами, ведущими къ матеріальному и нравственному развитію ихъ сообразно ихъ нуждамъ и характеру Такъ нѣтъ, система эта показалась что-то слишкомъ уже необычной и новой. Надо было поискать уже испытанныхъ путей, и мы пошли за образцами во Францію и въ Пруссію.

А между тѣмъ Россія совсѣмъ не Франція и еще менѣе Пруссія. Начать съ того, что въ одной Европейской Россіи съ Кавказомъ можетъ помѣститься десять Францій и Германій. Если вопросъ о децентрализаціи и самоуправленіи общинъ и областей сталъ насущнымъ вопросомъ для маленькихъ, сравнительно съ Россіей, европейскихъ государствъ, то тѣмъ паче онъ насущенъ для Россіи. Между тѣмъ система обрусенія и дорусенія окраинъ, и при томъ занимающихъ столь большія пространства, какъ Финляндія, прибалтійскія губерніи, Литва, Польша, Кавказъ, не считая западно-русскихъ областей и Бессарабіи, необходимо сопряжена на каждомъ шагу и всюду съ централизаціей и бюрократическимъ управленіемъ, которыя при гораздо меньшихъ пространствахъ, при большей спеціальной подготовкѣ бюрократіи, при большемъ, наконецъ, богатствѣ населеній, доказали уже свою несостоятельность и дороговизну.

Затѣмъ Россія сложилась вовсе не такъ, какъ Франція или Пруссія, и русскія области и народъ находятся не въ тѣхъ этнографическихъ, культурныхъ и численныхъ отношеніяхъ къ нерусскимъ землямъ и населеніямъ окраинъ и прилегающихъ къ нашимъ границамъ областей, въ какихъ находилась Франція къ Эльзасу, Пруссія къ Познани и Силезіи. Во-первыхъ, обѣ эти страны съ старою культурою. Мы видѣли, что французскій языкъ, напр., распространяется самъ собою даже за предѣлы французскаго государства, и въ самомъ Эльзасѣ распространялся при помощи самихъ же эльзасцевъ. Изъ нѣмецкой Пруссіи распространялась на востокъ нѣмецкая колонизація и при томъ самая дѣятельная, городская, уже давно, такъ что, напр., страна отъ Данцига къ Торну, столь важная для соединенія восточной Пруссіи съ западной и Бранденбургомъ, была уже германизирована еще во время су-

ществованія польскаго королевства. Франція передъ Эльзасомъ, Пруссія передъ отобранными у поляковъ землями не имѣютъ такой полосы, какъ нашъ Западный край, не имѣютъ такого наслоенія народностей (изъ коихъ обѣ отличны отъ центральной), какъ мы имѣемъ въ Литвѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Финляндіи, не говоря уже о смѣси народовъ въ Закавказьи. Притомъ же Пруссія имѣетъ себѣ въ поддержку твердое для всякаго нѣмца убѣжденіе, что славянъ надо тѣснить, какъ низшую расу, какъ можно дальше на востокъ (въ Эльзасѣ сами нѣмцы въ прежнее время считали французскую народность за высшую и добровольно усвоили ее). Принявъ подъ свою власть польскія провинціи, Пруссія позаботилась, конечно, ослабить зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, но очень принимать къ сердцу интересы этихъ польскихъ массъ ей было нечего: для нея показалось важнѣе привлечь къ себѣ евреевъ, замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ нѣмецкими, подвинуть впередъ нѣмецкое бюргерство. Гдѣ же мы возьмемъ достаточное число русскихъ землевладѣльцевъ на всѣ окраины? гдѣ наше мѣщанство и купечество, готовое двинуться на западъ? Рѣшимся ли мы позаботиться болѣе объ интересахъ евреевъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ, чѣмъ объ интересахъ коренного тамошняго населенія? Да, наконецъ, точно ли такъ ужъ велики успѣхи Франціи и Пруссіи на ихъ восточныхъ окраинахъ, куда привела Францію ея преслоьутая централизація? Послѣднія рѣчи кн. Бисмарка по польскимъ дѣламъ обличаютъ ничтожность успѣховъ онѣмеченія Познани.

Наше государство иначе складывалось, чѣмъ Франція и Пруссія, и иначе сложилось, иныя имѣетъ задачи, иныхъ требуетъ и средствъ для управленія и объединенія. Главную массу населенія и у насъ составляетъ преобладающее племя, русское, какъ тамъ французское и нѣмецкое. Но русское племя само объединено всего 100 лѣтъ назадъ, общая русская литература, сколько-нибудь живая, можетъ почитаться только съ карамзинскаго времени, т.-е. не имѣетъ отроду и ста лѣтъ; русская народность еще сама продолжаетъ складываться процессомъ ассимиляціи. На пути своего расширенія русское государство приняло въ себя различныя области и племена, изъ коихъ иныя были гуще населены и больше образованы, чѣмъ коренныя; многія добровольно присоедини-

лись къ русскому государству, ища въ немъ защиты отъ чужеземцевъ. Фактъ добровольнаго присоединенія имѣлъ мѣсто даже тамъ, гдѣ было отчасти и завоеваніе, напр., въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и даже въ занятіи Герцогства Варшавскаго. По всѣмъ этимъ причинамъ Россія не могла поступать во многихъ областяхъ, какъ Франція или Пруссія на восточныхъ окраинахъ, т.-е. примѣнять безусловно право завоеванія, а должна была или вступать въ болѣе или менѣе договорныя отношенія или, во всякомъ случаѣ, терпѣть многія изъ частныхъ особенностей общественнаго строя этихъ земель, даже рѣзко отклонявшіяся отъ ея бытового строя. Теперь хорошо громить эти старыя уступки, находить въ нихъ ошибочныя дѣйствія; а посмотрѣли бы мы, какъ бы еще овладѣла Россія столькими окраинами, какъ бы удержала ихъ, не дѣлая уступокъ, не привлекая къ себѣ симпатіи то тѣхъ, то другихъ слоевъ населенія, часто тѣхъ, которые, какъ, напр., поляки въ Западномъ краѣ, нѣмцы въ Остзейскомъ, имѣли и несправедливыя привилегіи. Точно ли бы наши предки показали политическую мудрость, если бы примѣняли ко всѣмъ пріобрѣтаемымъ землямъ безусловное право завоеванія, пріемы Людовика XIV, Конвента и прусскихъ Фридриховъ?

Конечно, должно же наступить время повѣрки старыхъ кондицій и устраненія лишнихъ граней, бо́льшаго объединенія государства, но надо опасаться, чтобы не вырвать и живое вмѣстѣ съ обветшавшимъ, чтобы не смѣшать единство и согласіе съ безразличіемъ и вынужденнымъ безмолвіемъ, скрывающимъ антипатію и озлобленіе.

Да, съ какой стороны ни возьмемъ, Россія — не Пруссія и нечего ей брать у послѣдней уроки политики въ отношеніи къ разнымъ національностямъ. Съ какой стороны ни возьмемъ, вопросъ о децентрализаціи и національностяхъ вовсе не праздный, а весьма существенный вопросъ для Россіи. Конечно, Россія и не Австрія. Австрійскіе дуализмы, федерализмы съ ихъ сложной системой областныхъ намѣстничествъ, министерствъ, делегацій, со множествомъ центровъ, которые могутъ высасывать жизнь изъ областей еще получше самой Вѣны, съ раздѣленіемъ на коронныя области, изъ коихъ въ каждой господствующія партіи могутъ эксплуатировать страну и населеніе, народности давить одна другую, — австрійскіе идеалы устройства областей и народовъ вовсе не примѣнимы

къ Россіи ни въ настоящемъ ни въ будущемъ. Но дѣло въ томъ, что сложность австрійской политической и административной машины и есть результатъ взаимнаго недовѣрія областей и народностей, изъ коихъ каждая хочетъ получить знакъ признанія ея полноправной, каждая боится подавленія ея и эксплуатаціи, и именно для того, чтобы сдѣлать невозможными въ Россіи стремленія, сколько-нибудь похожія на австрійскій федерализмъ, и надо избѣгать излишней централизаціи и усердія къ стиранію всѣхъ мѣстныхъ особенностей населенія нашего обширнаго государства. А за единство, при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ границъ внутри, имѣя болѣе 50 милліоновъ русскаго племени, обезпечивъ симпатію массъ на окраинахъ, бояться нечего. Только бы росла нравственная и матеріальная сила основы русскаго государства, русскаго народа, только бы русскій человѣкъ дѣйствительно приносилъ на окраины порядокъ, благосостояніе и свѣтъ! Такъ и будемъ же заботиться, главнымъ образомъ, о матеріальномъ и нравственномъ развитіи коренного племени и другихъ, *а сія вся приложатся* намъ!

Странность нашего положенія въ Польшѣ и неосуществимость тамъ обрусенія становится еще болѣе очевидною, если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ самомъ Западномъ краѣ мы вовсе не двигаемся впередъ въ послѣдніе годы. А и Польшу прочно занять мы могли бы только изъ Западнаго края. И здѣсь, въ этомъ ужъ по бо́льшей части русскомъ, «только ополяченномъ краѣ», самое существенное, и единственно существенное, сдѣлано въ 1863—1865 годахъ, т.-е. крестьянское дѣло, которое въ послѣдніе годы ползетъ съ удивительной медленностью и даже подвергается страннымъ колебаніямъ. Чтобы довершить тамъ съ нравственной стороны поднятіе коренного русскаго и литовскаго населенія, необходима была широкая система народнаго образованія: для того, чтобы населеніе могло освободиться отъ эксплуатаціи евреевъ, необходимо было ремесленное образованіе; кромѣ того, устройство школъ должно было имѣть въ виду разнообразіе въ религіозномъ отношеніи населенія, преимущественно Сѣверо-Западнаго края и соединить православныхъ, католиковъ, евреевъ въ одинъ русскій народъ, несмотря на религіозныя различія. Между тѣмъ устройство школьной части въ Западномъ краѣ, какъ нарочно, шло наперекоръ всѣмъ этимъ соображеніямъ. И при-

чиною тому была та же реакціонная волна, то же доктринерство, о которомъ мы говорили. Когда, въ 1863 году, открывались школы народныя въ Сѣверо-Западномъ краѣ, заложена была Молодечневская учительская семинарія и Временная Педагогическая Школа въ Кіевѣ, «Московскія Вѣдомости», поддержанныя на этотъ разъ и «Днемъ», агитировали въ пользу, если не исключительнаго, то преимущественнаго предоставленія народнаго образованія не Министерству Народнаго Просвѣщенія, а духовному вѣдомству, поражали «антагонизмъ» этихъ двухъ вѣдомствъ, особенно въ кіевскомъ округѣ, отрицали самую мысль о необходимости школъ для приготовленія особыхъ, кромѣ духовенства, учителей и дожили, наконецъ, до закрытія школы педагогической въ Кіевѣ и до положенія, по которому сельская школа вѣдомства министерства народнаго образованія можетъ быть открыта только съ согласія епархіальнаго начальства. Московскія газеты руководствовались чисто доктринерскими соображеніями: онѣ говорили, что народное образованіе должно быть основано на религіозной и нравственной основѣ, чего никто и не отрицалъ; но никто не можетъ утверждать, чтобъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія не было въ состояніи устроить религіозно-нравственную сторону школъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтское вѣдомство не дало школамъ односторонняго вѣроисповѣднаго характера въ разновѣрномъ краѣ и могло бы лучше устроить учебную часть и особенно ремесленное образованіе, чѣмъ православныя епархіальныя начальства.

«Московскія Вѣдомости», которыя со временемъ спохватились, куда завело насъ отсутствіе спеціально приготовленнаго состава учителей въ особыхъ школахъ, открытію которыхъ онѣ нѣкогда такъ горячо сопротивлялись, замѣтивъ, что Россія отстала по народному образованію даже отъ Турціи, оправдывались, что «прежде, т.-е. въ министерство г. Головнина, была опасность, что нигилизмъ проникнетъ и въ педагогическія школы, теперь же опасность эта миновала». Въ свое время «Московскія Вѣдомости» говорили, что «борьба (!) за школы въ Западномъ краѣ между духовнымъ вѣдомствомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія есть борьба церкви — начала свободы и государства — начала регламентаціи» (!!!). «День» признавалъ несовершенства въ дѣятельности лицъ вѣдомства православнаго исповѣданія, но боялся и учебнаго

вѣдомства, говоря, что одно и другое — зло, но первое — родное, а второе (бюрократія)—заимствованное, нѣмецкое. Если все это, начиная отъ страха нигилизма въ педагогическихъ школахъ, не самое фразерское доктринерство, то мы ужъ и не знаемъ, что же такое фразерство и доктринерство! А между тѣмъ на этихъ пустѣйшихъ фразахъ была основана вся агитація, результатомъ коей было замедленіе въ открытіи школъ, закрытіе на нѣсколько лѣтъ педагогической семинаріи въ Кіевѣ, то, что до 200 тысячъ денегъ, назначенныхъ на народное образованіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставались неизрасходованными и т. п. и вообще все дѣло народнаго образованія, даже элементарнаго (о ремесленномъ и говорить нечего) въ Россіи вообще, а въ Западномъ краѣ, не имѣющемъ земскихъ учрежденій и училищныхъ совѣтовъ, тѣмъ паче, съ 1864 года подвинулось чрезвычайно мало и до сихъ поръ.

Въ этомъ отношеніи мало помогли и новыя положенія, изданныя въ 1869 году, ибо и по этимъ положеніямъ открытіе народной школы обусловлено согласіемъ епархіальнаго начальства, которое во многихъ мѣстахъ просто отказываетъ въ этомъ согласіи, несмотря на приговоры сельскихъ обществъ о желаніи ими имѣть школу и о назначеніи на то особаго сбора. Если же въ Сѣверо-Западномъ краѣ и открыто извѣстное число школъ народныхъ, то онѣ имѣютъ исключительно вѣроисповѣдный характеръ и не могутъ имѣть того сближающаго вліянія, какое такъ необходимо въ томъ краѣ для государственной пользы.

Такимъ образомъ самое существенное дѣло по обрусенію Западнаго края, т.-е. матеріальное и нравственное поднятіе тамошнихъ коренныхъ, по бóльшей части русскихъ слоевъ населенія, съ 1864 года подвинулось мало и, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе стало тормозиться общими неблагопріятными движенію впередъ условіями русской жизни и неосновательными страхами, въ возбужденіи которыхъ наша soi-disant охранительная печать съ 1862 года играла не малую роль.

Эти же страхи, равно какъ и общія правила, регламентирующія жизнь нашихъ провинцій, составляютъ причину, почему русское и благопріятное русскимъ интересамъ общественное мнѣніе на нашихъ окраинахъ, вовсе не организовано. Мы говоримъ объ отсутствіи во всѣхъ ихъ, и даже въ Вильнѣ и Кіевѣ, прочныхъ независимыхъ русскихъ органовъ или (въ

Варшавѣ, Ригѣ и др.) благопріятныхъ Россіи органовъ печати на мѣстныхъ языкахъ. Что главное препятствіе тому подцензурное состояніе провинціальной печати, объ этомъ и говорить нечего. Теперешнія газеты въ Вильнѣ и Кіевѣ получаютъ субсидію и или представляютъ отголосокъ администраціи, или, что еще страннѣе, официальную полувысказанную оппозицію официальному направленію администраціи. Что же, напр., до органовъ въ Остзейскомъ краѣ, которые бы могли на нѣмецкомъ ли, или на эстскомъ и латышскомъ языкахъ распространять въ населеніи идеи болѣе здравыя, чѣмъ тѣ, которыя распространяютъ тамошнія нѣмецкія изданія теперь, то мы видимъ еще болѣе странное явленіе: нашими же руками заставляютъ молчать благопріятствующихъ намъ младо-латышей и младо-эстовъ. Право, вмѣсто всякихъ субсидій и полуофиціальныхъ изданій, слѣдуетъ распространить на всѣ окраины хоть ту степень свободы печати, какая недавно была допущена для Москвы и Петербурга: весьма можетъ быть, что печать въ Кіевѣ, Вильнѣ, Ригѣ, Варшавѣ заговоритъ и не вполнѣ хвалебнымъ голосомъ, не одними словами доктора Панглоса, но зато навѣрно органы коренныхъ населеній всюду станутъ доказывать пользу живой связи окраинъ съ остальною Россіей; если же оппозиція извѣстныхъ слоевъ и станетъ рѣзче и открытою изъ глухой, то и это скорѣе выигрышъ, чѣмъ проигрышъ. Теперь же мы, къ стыду нашему, должны сознаться, что органы печати русской даже въ Сѣверо-Западномъ краѣ живутъ только казенной поддержкой и, слѣдовательно, менѣе прочны, чѣмъ, напр., русскіе органы въ Галиціи подъ гнетомъ польской администраціи и при недовѣріи австрійскаго правительства, что русская печать на окраинахъ есть только увеличеніе расхода на администрацію.

Впрочемъ, мы были бы вовсе несправедливы, если бы указывали только вредныя послѣдствія сильнаго вліянія на Россію и Западный край консервативно-централистическаго доктринерства. Централизмъ, при всѣхъ своихъ темныхъ сторонахъ, все же уравниваетъ права и разъясняетъ ненормальности въ родѣ тѣхъ, что русскій человѣкъ потому только, что онъ русскій, не имѣетъ, напр., всей полноты правъ въ Остзейскомъ краѣ или въ Финляндіи, тогда какъ тамошній гражданинъ всюду въ Россіи пользуется правами, одинаковыми съ русскимъ. Кромѣ того, государственное доктринерство чуждо

узкости вѣроисповѣдной. «Московскимъ Вѣдомостямъ» надо поставить въ положительную заслугу, что онѣ, погорячившись въ свой пай на такія темы, какъ закрытіе костеловъ, предоставленіе образованія народнаго православному духовенству, рано спохватились, что вѣроисповѣдная узкость политики находится въ прямой противоположности съ интересами государства и агитировали противъ смѣшенія понятій «русскій» и «православный», указывали, что государство должно имѣть въ виду, чтобы и католикъ, и протестантъ, и еврей въ Россіи чувствовали себя и считались русскими. «Московскія Вѣдомости» поддерживали введеніе преподаванія католическаго богословія въ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ, дѣйствовали въ пользу снятія запрещенія иновѣрцамъ употреблять въ проповѣди и богослуженіи русскій языкъ, указывали на странность такого явленія, что православный Синодъ цензуровалъ русскій переводъ Пятикнижія для евреевъ, котораго десять лѣтъ наша цензура не допускала въ Россію изъ Берлина и т. д.

Правда, на этихъ вопросахъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» пришлось столкнуться съ ими же отчасти поддержаннымъ «виленскимъ клерикализмомъ», къ сожалѣнію, имѣющимъ корни не въ одной только Вильнѣ, и этому клерикализму удалось повліять на составленіе до того сложной процедуры введенія русскаго языка въ богослуженіе иновѣрцевъ (т.-е. собственно пока католиковъ, потому что у протестантовъ даже въ гимназіяхъ богословіе всюду въ Западномъ краѣ читается по-нѣмецки), какой не могла бы выдумать сама по себѣ самая хитрая «польская интрига». Правда и то, что съ признаніемъ русскаго католицизма мы попадаемъ въ новое противорѣчіе съ исключеніемъ католиковъ изъ службы въ Западномъ краѣ, съ ограниченіемъ числа студентовъ-католиковъ въ университетахъ, — мѣра неизвѣстно для чего и для кого выгодная, но только не для обрусенія и не для искорененія у католиковъ Западнаго края ложныхъ понятій историческихъ и иныхъ, — и вообще ограниченіемъ имущественныхъ и личныхъ правъ всѣхъ католиковъ безъ изъятія (кромѣ, конечно, иностранныхъ подданныхъ).

Такимъ образомъ за немногими исключеніями, почти по всѣмъ пунктамъ политики относительно Западнаго края мы видимъ въ послѣднее время или замедленіе, или заколдован-

ные круги и глухіе концы. Если о положеніи нашемъ въ Польшѣ въ послѣдніе годы можно сказать, что мы потеряли почву и вѣру въ себя, взявшись за невозможную къ выполненію задачу, то въ Западномъ краѣ мы потеряли всякую руководящую нить дѣйствій...

А между тѣмъ, покуда мы такъ запутывались въ собственныхъ противорѣчіяхъ и задавались странными задачами въ Царствѣ Польскомъ и на всѣхъ окраинахъ нашего государства, обстоятельства въ странахъ съ ними пограничныхъ сильно измѣнились не въ нашу пользу и особенно не въ пользу взятыхъ нами на себя на окраинахъ нашихъ задачъ. Хуже всего, что измѣненія эти совершались такъ постепенно, что мы даже не замѣчали ихъ послѣдствій, и на первыхъ порахъ даже еще болѣе укрѣплялись въ мысли о необходимости обрусенія всякихъ племенъ нашихъ и о превосходномъ состояніи нашихъ порядковъ. Воспользовавшись взаимнымъ недовѣріемъ великихъ державъ, послѣдовавшимъ за неудачнымъ дипломатическимъ походомъ противъ насъ изъ-за Польши, воспользовавшись тѣмъ, что мы признали наши интересы относительно Польши солидарными съ прусскими, прусскіе политики задумали не пропустить случая превратить свое государство въ Германскую имперію. Послѣдовала датская война, потомъ австрійская. Результатомъ второй было изгнаніе Австріи изъ Германіи и дуализмъ или, лучше сказать, тройственность въ Австріи. Бейстъ и К° рѣшились основать крѣпость Австріи на трехъ нерасположенныхъ къ Россіи элементахъ: нѣмцахъ, венграхъ и полякахъ, которые всегда были плохими славянами въ политикѣ, а на этотъ разъ, за обѣщанія поддержки противъ Россіи и за предоставленіе ихъ власти русиновъ, согласились поддержать политику Бейста и Андраши. Результатомъ этого было измѣненіе отношеній къ Россіи въ Галиціи и Чехіи и поѣздка чеховъ, галичанъ и др. на выставку въ Москву. Хотя и въ Москвѣ Ригеръ сказалъ рѣчь мало благопріятную тенденціямъ всеобрусенія, но все-таки самый фактъ пріѣзда славянъ и общій тонъ журналистики славянской былъ какъ бы одобреніемъ всего того, что дѣлается у насъ. Мы возликовали и стали глумиться и поражать политику Бейста, Гискры, Андраши и т. п. Удаленіе поляковъ отъ всеславянскаго съѣзда, ихъ споръ съ нѣмцами, ихъ горячее порицаніе Россіи и притѣсненіе русскаго элемента въ Галиціи давали

какъ бы оправданіе и нашему нерасположенію къ ихъ народности и мѣрамъ противъ нея.

Вотъ въ это-то время наши государственники открыли русскихъ за предѣлами русскаго государства и, такъ сказать, въ предѣлахъ польскаго, открыли русскихъ же и другихъ славянъ-соплеменниковъ въ государствѣ нѣмецкомъ — цислейтанскомъ, венгерскомъ — транслейтанскомъ. Изъ болѣе ясной сферы государственнаго централизма они вступали на болѣе шаткое поле національности и славянофильства. Наши государственники, на этотъ разъ попавшіе только въ должность славянофиловъ, стали порицать мѣры къ германизаціи и мадьяризаціи славянъ, полонизаціи русскихъ, полемизировать съ вѣнскими, пестскими, львовскими централизаторами, которые говорили въ пользу своей политики слово въ слово то же самое, что «Московскія Вѣдомости» говорили о русскомъ государствѣ и обрусеніи. Тутъ были всѣ аргументы и о томъ, что мечъ пишетъ границы государства, при чемъ вспоминали мечъ Казиміра Великаго, св. Стефана, Карла Великаго и даже Виндишгреца, и о томъ, что Австрія живетъ и держится только нѣмецкою народностью и нѣмецкою культурою и т. п.

Противъ всего этого съ точки зрѣнія обрусенія можно было возразить, что численныя отношенія нѣмцевъ, мадьяръ, поляковъ сравнительно съ числомъ чеховъ, хорватовъ, русиновъ и др. меньше, чѣмъ отношеніе числа русскихъ въ центрѣ государства сравнительно съ числомъ нерусскихъ на окраинахъ. Но на это можно было отвѣтить вопросомъ: съ какой же цифры отношеній господствующей народности къ другимъ начинается право на подавленіе послѣднихъ? Нужно сказать и то, что германизаторы, мадьяризаторы и полонизаторы и сами отчасти чувствовали, что численныя отношенія ихъ народностей къ тѣмъ, надъ которыми они собирались утвердить свое господство, а также условія австрійскаго государственнаго строя, дающія возможность организаціи отпора и со стороны давимой народности, не позволяютъ имъ быть такъ радикальными въ ученіи о государственной народности, какъ были радикальны наши теоретики. Даже русины въ Галиціи все же сохранили свои народныя школы, свои гимназіи и каѳедры въ университетѣ. О чехахъ и особенно хорватахъ и говорить нечего. А между тѣмъ наши публицисты-проповѣдники теоріи государственной народности и обрусенія надрыва-

лись въ пораженіи германизаторовъ, полонизаторовъ и мадьяризаторовъ. Противорѣчіе стало до того явнымъ, что о немъ, наконецъ, заговорили и въ Россіи.

Событія 1866 г. обратили бо́льшее вниманіе нашего общества на Пруссію и Балтійское море. Была усмотрѣна интрига нѣмецко-остзейская, еще хитрѣйшая и злѣйшая, чѣмъ польская. Интрига эта, оказалось, можетъ быть подавлена только обрусеніемъ и примѣненіемъ къ Прибалтійскому краю ученія о государственной національности и просто ученія о національности. Тѣ же самыя лица, которыя тѣшились наименованіемъ Польши словами «Привислинскій край», стали съ особеннымъ удовольствіемъ замѣнять географическій терминъ, хотя и нѣмецкій, остзейскія губерніи, словами «Эсто-латышскій край», терминомъ національнымъ.

Событія 1870 года еще иначе повернули положеніе дѣлъ на нашихъ границахъ. Вмѣсто далекой отъ насъ Франціи, первою военною державою въ Западной Европѣ оказалась сосѣдняя съ нами Германская имперія. Во Франціи поняли ошибку, сдѣланную въ 1863 году вмѣшательствомъ въ наши отношенія къ полякамъ и постояннымъ покровительствомъ польскимъ иллюзіямъ и польской эмиграціи. Хотя среди поляковъ и стали раздаваться голоса, что гегемонія Пруссіи въ Европѣ опасна и для польской народности, и что послѣдней надо бросить несбыточныя мечты и заняться существенными дѣлами, войти въ союзъ съ другими славянами и примириться съ Россіей, но зато въ нѣмецкой печати стали ужъ совсѣмъ явно говорить о необходимости подвинуть границы Россіи къ востоку и взять Польшу подъ покровительство Германіи, — рѣчи, которыя въ устахъ разсудительныхъ сосѣдей нашихъ звучатъ нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ въ устахъ сангвиническихъ французовъ, такъ затруднявшихся въ 1863 году опредѣлить, гдѣ это та Samogitie, въ которой можно сдѣлать десантъ на помощь польскому возстанію. Въ то же время, австрійское правительство начало дѣлать послѣднюю попытку консолидировать свое государство, давъ славянскимъ народамъ права, въ которыхъ имъ отказывали централисты. Нѣмецкіе и мадьярскіе централисты въ Австріи, всѣ, которые и въ Германіи съ ранняго дѣтства привыкли мечтать о завершеніи германскаго Drang nach Osten, чувствуютъ, что если укрѣпится въ Австріи федерализмъ, если славянская Австрія вступитъ въ близкія

отношенія съ Россіей, если поляки исцѣлятся отъ своихъ иллюзій, если русское вліяніе вновь утвердится на Балканскомъ полуостровѣ, тогда конецъ этому Drang nach Osten, и вотъ давай одною рукою поощрять иллюзіи поляковъ, писать проповѣди о необходимости оборонить ихъ отъ Россіи, отвлекать ихъ отъ союза съ славянами, а другою пугать Россію федерализмомъ и усиленіемъ польской народности при автономіи Галиціи. Въ то же время какъ Россія и Польша связываются новыми желѣзными дорогами одна съ другою, Австрія и Пруссія дѣлаютъ то же самое. Словомъ, составляется и составился совершенно новый порядокъ вещей, за нами смотрятъ зорко, нашимъ именемъ и симпатіями спекулируютъ самымъ явнымъ и разнообразнымъ способомъ, мы вводимся въ совершенно новыя отношенія. А между тѣмъ и въ Польшѣ, и въ Западномъ краѣ, и въ Остзейскомъ мы стоимъ съ противорѣчіями разныхъ системъ дѣйствій и, еще хуже, безъ всякой системы отъ апатіи и разочарованія, отъ потери руководящей нити дѣйствій... Да, novus nascitur ordo! И нужно намъ и вино новое и мѣхи новые!..

Однако, скажетъ читатель, чуть ли вы не рекомендуете совершенно старые мѣхи и вино. Совѣтуете ли вы вернуться къ системѣ Александра I и Чарторыйскаго или маркиза Велепольскаго? Должны ли мы вызвать изъ Польши русскихъ чиновниковъ, учителей, профессоровъ, предоставить Польшу полякамъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣть и ополяченіе русскихъ и литвиновъ не только въ Холмѣ и Сувалкахъ, но и подальше, и черезъ нѣсколько времени вновь увидѣть повтореніе 1830 и 1863 годовъ съ возстаніемъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ и у самаго Кіева?

Мы можемъ отвѣчать, во-первыхъ, что возвращеніе къ системѣ Александра I и маркиза Велепольскаго уже потому невозможно, что освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ въ Литвѣ и Польшѣ проводитъ рѣзкую разницу между положеніемъ этихъ краевъ до 1863 года и теперь.

Во-вторыхъ, мы даже думаемъ, что и до сихъ поръ еще не исправлена самая капитальная ошибка системы Александра I, а именно литовскія земли за Нѣманомъ и русскія за Бугомъ не отдѣлены отъ Варшавы.

Въ-третьихъ, мы понимаемъ хорошо, что правительственныя системы не могутъ мѣняться такъ же легко, какъ почтовыя лошади; мы видимъ, что въ Польшѣ нѣтъ вовсе или, по крайности, не видно достаточно крѣпкаго и достаточно благоразумнаго элемента, съ которымъ бы можно было трактовать объ устройствѣ края, которому бы можно было передать хоть часть бремени управленія этимъ краемъ. Но въ то же время мы полагаемъ, что постепенно изъ одной системы можетъ органически выработаться другая: вѣдь и нынѣшняя система управленія въ Польшѣ не родилась же, какъ Минерва, а вышла изъ системы 1864 года, существенно съ нею несходной; мы полагаемъ, что нѣтъ основаній отчаиваться въ возможности образованія въ Польшѣ партіи здраво-патріотической, народной, и въ то же время не враждебной союзу съ Россіей, и считаемъ необходимымъ не отрѣзывать возможности образованія подобной партіи радикальнымъ отрицаніемъ правъ польской народности. Не принимая на себя смѣлости писать цѣлую систему управленія Польшей и Западнымъ краемъ, мы позволяемъ себѣ высказать, что именно завершеніе объединенія этихъ краевъ съ Россіей, при поступательномъ движеніи самой коренной Россіи, помогло бы и постепенной выработкѣ другой, болѣе обѣщающей успѣха системы дѣйствій относительно этихъ западныхъ окраинъ: распространеніе на всѣ западныя окраины земскихъ учрежденій, судебной и городской реформы, какъ они утверждены въ остальной Россіи, снятіе граней, дѣлящихъ теперь населенія имперіи по религіямъ, освобожденіе печати и частной иниціативы на окраинахъ и, наконецъ, побольше простору и свѣта въ серединѣ страны, какъ и на краяхъ, — вотъ средства, которыя позволятъ совмѣстить единство государства съ развитіемъ на окраинахъ того, что имѣетъ право на развитіе.

Въ-четвертыхъ, скажемъ мы, въ настоящей статьѣ мы не столько предлагаемъ, сколько излагаемъ и докладываемъ, не столько имѣемъ въ виду правительственную дѣятельность, сколько общественное мнѣніе и настроенія. Въ виду путаницы понятій о нашихъ окраинахъ, въ виду лжи и забвенія, въ виду спекуляцій на наше незнаніе, спекуляцій внутреннихъ и внѣшнихъ, мы считали необходимымъ, насколько могли, напомнить обществу нашему, что дѣлалось на нашихъ западныхъ окраинахъ, что вело въ немъ народное дѣло впередъ и

что назадъ; показать, какова была связь хода дѣлъ въ нихъ съ ходомъ дѣлъ внутри Россіи и за границей, какъ пользовались и сбираются пользоваться нашимъ положеніемъ иноземцы. И если читатель, пробѣжавъ нашу статью, убѣдится въ важности и необходимости вниманія — и критическаго вниманія къ дѣламъ Западнаго края и Польши, то мы сочтемъ свой трудъ не напраснымъ. Да, на этихъ окраинахъ замѣшаны весьма важные интересы, завязались важные узлы. Для распутанія ихъ необходима большая бдительность, большая ловкость и много работы. Положеніе тѣмъ труднѣе, что для распутыванія всѣхъ узловъ надо много времени, а между тѣмъ теперь событія идутъ быстро и въ дѣла нашихъ окраинъ какъ будто просовывается посторонняя рука. И на эту руку мы считали также долгомъ обратить вниманіе общества. Мы не говоримъ: вотъ-вотъ отнимутъ у Россіи добрый кусокъ территоріи! Этого можетъ и не случиться, хотя можетъ и случиться. Мы хотимъ только сказать: надо беречься и всматриваться, все ли у насъ благополучно на западныхъ окраинахъ, памятуя при этомъ, что только «береженаго и Богъ бережетъ».

Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ*).

По новымъ матеріаламъ для Юго-Западнаго края.

Лѣтъ шесть тому назадъ Императорское Русское Географическое Общество отправило члена своего г. Чубинскаго въ экспедицію въ нашъ Юго-Западный край съ цѣлью этнографическаго и статистическаго описанія этого края. Г. Чубинскому удалось собрать множество разнаго рода матеріаловъ, получить отъ другихъ собирателей какъ собранія матеріаловъ, такъ и цѣлыя статьи и монографіи. Теперь это обширное собраніе издается Географическимъ Обществомъ подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя дѣйствительнымъ членомъ П. П. Чубинскимъ». Пока съ 1872 по 1874 годъ вышли: первый выпускъ перваго тома (вѣрованія и суевѣрія); томъ третій (народный дневникъ); томъ пятый (пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя); томъ шестой (народные юридическіе обычаи, по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ), и первая половина седьмого тома (евреи и поляки). Каждый изъ этихъ томовъ имѣетъ немалое научное значеніе по своему матеріалу, но послѣдній томъ имѣетъ и общественный и политическій интересъ, почему мы и намѣреваемся поговорить о немъ нѣсколько подробно. Это необходимо въ виду того, въ особенности, что седьмой томъ изслѣдованій г. Чубинскаго, при всемъ своемъ публицистическомъ характерѣ, будучи частію многотомнаго и въ маломъ числѣ экземпляровъ изданнаго собранія, осужденъ на малое распространеніе въ публикѣ.

---

*) Статья эта была первоначально напечатана въ *„Вѣстникѣ Европы“*, 1875 г., іюль, за полной подписью автора.

Прим. ред.

I.

Евреи и поляки въ нашихъ западныхъ губерніяхъ представляютъ не только народности, но вѣроисповѣданія и сословія: буржуазію и аристократію. Это обстоятельство не только усложняетъ всѣ явленія какъ религіозной, такъ и національной и сословной жизни этихъ губерній, но и затрудняетъ научное изслѣдованіе и выводы обо всѣхъ этихъ явленіяхъ. А то обстоятельство, что евреи и поляки въ Западномъ краѣ принадлежатъ къ классамъ общества, которые представляютъ такъ называемые культурные слои общества, требуетъ совсѣмъ другихъ способовъ изслѣдованія, чѣмъ такъ называемое этнографическое изслѣдованіе, обращаемое преимущественно на простонародье. Между тѣмъ какъ въ послѣднемъ случаѣ изслѣдованіе производится, главнымъ образомъ, черезъ опросъ, въ первомъ для успѣха дѣла надо не столько собирать данныя для характеристики быта, воззрѣній и т. п. проявленій жизни, сколько наблюдать ихъ выраженіе въ собраніяхъ, учрежденіяхъ, въ печати. И если почему-либо такого рода публичное проявленіе жизни этихъ сословій не имѣетъ мѣста, то, конечно, задача изслѣдованія ихъ жизни сильно затрудняется, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ почти нельзя приложить метода опроса, да если бъ и можно было, то далеко не всегда можно надѣяться получить правдивый отвѣтъ.

Въ тѣсномъ же смыслѣ статистическія данныя и объ этихъ сословіяхъ, какъ на этотъ разъ и о крестьянскомъ, могутъ быть собраны не столько экстренною, короткое время дѣйствующею, экспедиціею, сколько хорошо устроенными постоянными статистическими учрежденіями. Вотъ почему, по необходимости, свѣдѣнія бытовыя и числовыя, сообщаемыя г. Чубинскимъ и его сотрудникомъ, о евреяхъ и полякахъ Юго-Западнаго края не могутъ быть ни полны ни даже вполнѣ точны. Что касается до евреевъ, то этнографическій очеркъ и очеркъ юридическихъ обычаевъ, основанныхъ на моисеево-талмудическомъ правѣ, составленные для собранія г. Чубинскаго г. Полинковскимъ, а также его приложеніе: «Объ общественномъ уравненіи евреевъ Юго-Западнаго края», во всякомъ случаѣ, интересны и полезны даже въ практическомъ отношеніи для

всякаго, живущаго въ этомъ краѣ. Статистическій же очеркъ еврейскаго населенія, его промышленности и т. п. заключаетъ въ себѣ только приблизительно вѣрныя данныя и расчеты, часто, видимо, писанные отъ руки, такъ какъ данныя эти основаны на донесеніяхъ полицейскихъ, а послѣднія однодневныя переписи въ разныхъ городахъ показали, какъ мало можно полагаться на нашихъ полицейскихъ статистиковъ. Признаемся, насъ нѣсколько удивляетъ та рѣшительность, съ которою г. Чубинскій опредѣляетъ, хотя и приблизительно, не только число евреевъ, занимающихся каждымъ отдѣльнымъ промысломъ, но даже количество дохода, ими отъ того получаемаго [1]); только доходъ нищихъ-евреевъ, которыхъ г. Чубинскій насчиталъ 20.000 душъ, онъ затруднился опредѣлить. Приведемъ во всякомъ случаѣ числовыя данныя объ евреяхъ и о другихъ народностяхъ Юго-Западнаго края, какія выставлены г. Чубинскимъ на основаніи какъ полицейскихъ свѣдѣній, такъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходскихъ списковъ. Всего въ трехъ губерніяхъ:

Малороссовъ.	4.850.000	(83,63%)
Евреевъ.	750.000	(12,94%)
Поляковъ.	91.000	(1,57%)
Великороссовъ.	50.000	(0,86%)
Нѣмцевъ	33.000	(0,55%)
Молдаванъ	12.000	(0,18%)
Чеховъ	7.000	(0,11%)
Прочихъ европейцевъ .	1.000	(0,02%)
Цыганъ.	1.000 (?)	
Караимовъ	450	
Татаръ.	300	
	5.795.750	

Въ поясненіе числа поляковъ, малороссовъ и великороссовъ, здѣсь приведеннаго, слѣдуетъ сказать, что г. Чубинскій не всѣхъ католиковъ края считаетъ поляками. Католиковъ, по приходскимъ спискамъ, въ трехъ губерніяхъ 389.100 душъ (по полицейскимъ—412.000 душъ). Изъ нихъ дворянъ 67.366, мѣщанъ 62.987, однодворцевъ 132.511, крестьянъ 126.236 (въ Кіевской губерніи 1.248, въ Подольской 94.641, въ Волынской 30.347). Принимая во вниманіе, что мѣщане, а особенно,

[1]) Любопытные могутъ ее найти въ VII т. „Трудовъ“, на стр. 209.

однодворцы и крестьяне-католики бытомъ бо́льшею частію мало отличаются отъ односсословныхъ съ ними православныхъ, г. Чубинскій только однихъ дворянъ-католиковъ, 67.336, цѣликомъ считаетъ за поляковъ, изъ остальныхъ же поляками считаетъ мѣщанъ: 6.400, однодворцевъ 13.200, крестьянъ 5.060, всего 91.000. Къ великоруссамъ г. Чубинскій относитъ, кромѣ всѣхъ раскольниковъ и старообрядцевъ (около 25.000), еще значительную часть русскихъ чиновниковъ, землевладѣльцевъ, купцовъ въ г. Кіевѣ; всего постоянно живущихъ великоруссовъ получается 50.000, а съ солдатами и прихожими рабочими до 100.000. Расчетъ этотъ во всякомъ случаѣ остается на отвѣтственности г. Чубинскаго. Количество земли у польскихъ и русскихъ помѣщиковъ и русскихъ (малорусскихъ) крестьянъ г. Чубинскій разсчитываетъ такъ: у помѣщиковъ польскихъ 6.000.000 десятинъ (на 6.000 семействъ), у русскихъ до 1.500.000 (на 1.000 семействъ); у крестьянъ 4.000.000 (на 3.070.000 душъ обоего пола или 700.000 семействъ). Стоимость поземельной собственности у польскихъ помѣщиковъ г. Чубинскій опредѣляетъ въ 180.000.000 рублей, у русскихъ 45.000.000 рублей; годовой доходъ польскихъ помѣщиковъ до 30.000.000, т.-е. до 5.000 рублей на семью; доходъ евреевъ 36.200.000, т.-е. 290 руб. на семью (изъ 6 душъ).

Самою слабою частью очерка объ евреяхъ представляется начало, въ которомъ г. Чубинскій касается общихъ сторонъ «еврейскаго вопроса», указываетъ причины возникновенія его и касается средствъ разрѣшенія его и такъ называемой эмансипаціи евреевъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи серьезнѣе многихъ другихъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что три только губерніи заключаютъ въ себѣ 750.000 евреевъ. У насъ не мало политиковъ, которые всѣ такъ называемыя «язвы еврейства» въ Западномъ краѣ объясняютъ коварствомъ или небреженіемъ польскаго правительства, которое всякими привилегіями накликало сюда евреевъ, поработившихъ потомъ этотъ край себѣ въ экономическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое. Ему соотвѣтствуютъ и практическія мѣры, тоже довольно простыя, которыя рекомендуются политиками такого рода: репрессаліи противъ евреевъ, вѣроисповѣдныя привилегіи православнымъ купцамъ и предпринимателямъ, особенно переселяющимся изъ внутреннихъ, «нетронутыхъ еврействомъ» губерній. Польша, конечно, не безъ вины. Но чѣмъ, спраши-

вается, виновата старая Польша въ томъ, что въ лѣвобережной Малороссіи, такъ или иначе, но освободившейся отъ евреевъ въ XVII в. и въ которой еще въ началѣ XIX вѣка въ такомъ городѣ, какъ Лубны, былъ только одинъ еврей-купецъ, теперь евреи «забираютъ въ руки» всю экономическую жизнь края? При чемъ тутъ Польша, если то же мы видимъ и въ Новороссіи, въ этомъ богатомъ краѣ, который былъ огражденъ отъ варваровъ энергической колонизаціей малорусскаго мужика, только затѣмъ, чтобы стать областью, гдѣ еврей господствуетъ надъ этимъ мужикомъ? Если всѣ невыгодныя стороны поселенія евреевъ въ западной Руси происходили отъ враждебнаго православно-русскимъ массамъ католическо-польскаго государства, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что русское государство, не дозволяя евреямъ селиться въ Великороссіи, способствовало сосредоточенію ихъ въ Западномъ краѣ и въ южной Россіи? Очевидно, что причинъ, почему еврейство является такимъ вредно-эксплуататорскимъ элементомъ въ юго-западной Руси, надо искать глубже и для освобожденія тамошнихъ массъ отъ еврейской эксплуатаціи надо проектировать болѣе дѣйствительныя мѣры, чѣмъ репрессаліи надъ евреями и переселеніе въ этотъ край русскихъ «кулаковъ».Такъ какъ теперь вѣра въ репрессаліи, вмѣстѣ съ вѣроисповѣдною узостью, сильно ослабѣла, то этимъ объясняются тѣ колебанія и въ общественномъ мнѣніи и въ самихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно евреевъ, въ родѣ, напр., недавняго закона о недозволеніи евреямъ содержать шинки въ селахъ, парализованнаго тотчасъ же послѣ изданія отсрочкой его исполненія до 1 января 1875 г., т.-е. созданіемъ срока, въ теченіе коего евреи, конечно, приняли мѣры къ тому, чтобы вести торгъ водкою подъ чужимъ именемъ.

Объявляя еврейскій вопросъ въ Россіи важнымъ и требующимъ спокойнаго изученія для его разрѣшенія и обѣщая, вѣроятно, во второмъ выпускѣ VII тома, изложить свой проектъ мѣръ по этому вопросу, г. Чубинскій считаетъ необходимымъ предпослать этнографическимъ и статистическимъ даннымъ объ евреяхъ свой общій взглядъ на еврейскій вопросъ. Нельзя сказать, чтобы взглядъ этотъ отличался прежде всего ясностью и если мы остановимся на немъ, то только въ виду того, что такими же неясностями отличаются обыкновенно всѣ разсужденія объ еврейскомъ вопросѣ въ нашей печати. Справедливо го-

воря, что евреи представляютъ въ краѣ элементъ, эксплуатирующій трудъ крестьянина, и не менѣе справедливо отвѣчая евреямъ-публицистамъ, что всѣ невыгодныя стороны еврейскаго вопроса не устранятся одной «эмансипаціей евреевъ» (мы прибавимъ, особенно такою, о какой у насъ только и говорятъ, т.-е. только уравненіемъ въ правахъ съ христіанами), г. Чубинскій, однакожъ, говоритъ:

«Нѣльзя пренебрегать интересами христіанскаго рабочаго населенія, эксплуатируемаго евреями. Получивъ въ данное время всѣ права, евреи подавятъ крестьянина, и онъ, освобожденный отъ юридическаго рабства, попадетъ въ рабство экономическое.

«Нельзя забывать тѣхъ враждебныхъ чувствъ, съ которыми населеніе относится къ евреямъ (?!).

«Нельзя забывать тѣхъ печальныхъ явленій народной мести, которыя ознаменовали собою вторую половину прошлаго столѣтія (?!).

«Не надо забывать, что гонимый еврей дѣйствовалъ вмѣстѣ съ паномъ по отношенію къ крестьянину.

«Не надо забывать, что крестьянинъ еще первое десятилѣтіе пользуется свободой, а цѣлые вѣка испытывалъ гораздо бо́льшія бѣдствія, чѣмъ евреи».

Положимъ, все это и еще другое многое нельзя и не надо забывать, да все жъ таки, что дѣлать съ евреями? Г. Чубинскій все вышеписанное сказалъ, кажется, въ подтвержденіе дальнѣйшей мысли, что «слѣдуетъ стремиться къ равноправности евреевъ, но въ этомъ должна быть извѣстная (?) постепенность». Но какая постепенность? Постепенность ли предоставленія евреямъ правъ одного за другимъ, или постепенность въ предоставленіи извѣстныхъ правъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ, въ родѣ того, какъ это и дѣлалось до сихъ поръ? Въ томъ и другомъ случаѣ, будетъ ли предупреждена эксплуатація евреями христіанскаго рабочаго населенія, если евреи, какъ говоритъ и г. Чубинскій, и теперь, не будучи уравнены въ правахъ съ христіанами, все равно эксплуатируютъ этихъ послѣднихъ. Размышленіе надъ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ приводитъ къ такому выводу, что ни постепенность эмансипаціи евреевъ ни ограниченіе правъ ихъ не поможетъ бѣдѣ. Еврейство, въ этомъ смыслѣ, есть извѣстная, патологическая, положимъ, но все же естественная функ-

ція, которая не можетъ быть устранена, пока не будутъ устранены условія, ее производящія; устраните «жидковъ» и «жидовъ»— евреевъ, будутъ «жидки» и «жиды» другого вѣроисповѣданія. Быть-можетъ, даже существованіе въ Западномъ краѣ «жидовъ», отличныхъ отъ массы языкомъ и вѣрою, имѣетъ и свои выгодныя стороны, потому что не даетъ уснуть общественной мысли и толкаетъ ее къ изслѣдованію экономической жизни и къ отысканію средствъ врачеванія ея болѣзней.

Сколько мы понимаемъ сущность еврейскаго вопроса въ Западномъ краѣ, онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія стороны: a) евреи представляютъ тамъ элементъ, не производящій цѣнностей; болѣе или менѣе всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію купцовъ; b) этихъ купцовъ слишкомъ много, а потому содержаніе ихъ слишкомъ дорого обходится рабочимъ классамъ; c) эти купцы выдѣляются изъ массы, какъ болѣе обособленная и болѣе солидарная корпорація, благодаря тому, что они вмѣстѣ и сословіе, и нація, и вѣроисповѣдное общество почему относительно евреевъ мы замѣчаемъ то явленіе, что чѣмъ гдѣ ихъ больше, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники; это явленіе противно закону конкуренціи, но объясняется тѣмъ, что принужденные охранять свое существованіе тѣмъ больше, чѣмъ ихъ больше, они тѣмъ крѣпче держатся другъ за друга и производятъ стачку [1]); d) евреи, кромѣ того, представляютъ особое общество, въ которомъ, въ свою очередь, есть эксплуатируемые и эксплуатирующіе, и такъ какъ это общество связано отсталою религіозною цивилизаціею, то въ немъ способы для эксплуатаціи однихъ другими легче; e) евреи, наконецъ,

[1]) Между прочимъ, подтвержденіе сказанному можно видѣть изъ сравненія цѣнъ на предметы крестьянскаго производства и потребленія въ Малороссіи на лѣвомъ и правомъ берегу Днѣпра, какое мы находимъ въ статьѣ г. Волкова „О сельскихъ ярмаркахъ и о значеніи ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности“, напечатанной въ I томѣ „Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла Императ. Русскаго Географич. Общ.“ (Кіев., 1874), особ. стр. 278. Глиняные кувшины, которые у крестьянъ (производителей) продаются въ Борисполѣ по 8 коп., у евреевъ, въ Хвостовѣ, 15 к., сапоги въ Б.—4—5 р., въ Хв.—5—6 р. и т. д. Цифры эти поучительны въ виду довольно распространеннаго мнѣнія, что еврейская конкуренція способствуетъ пониженію цѣнъ. Это было бы такъ, если бы евреи сами работали, а не скупали и продавали предметы, сработанные крестьянами.

представляютъ классъ людей, исповѣдующихъ религію, которая, по старымъ понятіямъ объ отношеніи церкви и государства, считалась и считается низшею, едва терпимою, чѣмъ и объясняются первоначальныя ограниченія ихъ гражданскихъ правъ. Всѣ эти стороны еврейскаго вопроса находятся въ связи между собою; такъ, напримѣръ, долговременное презрѣніе евреевъ христіанами усилило солидарность ихъ между собою, обособленность отъ другихъ, породило у нихъ убѣжденіе въ полной правотѣ всякаго рода эксплуатаціи христіанъ и т. п. Но тѣмъ не менѣе каждая сторона еврейскаго вопроса имѣетъ и самостоятельное значеніе, и каждая для своего устраненія требуетъ особыхъ мѣръ и притомъ проводимыхъ такъ, чтобы одна мѣра не мѣшала другой. Между тѣмъ мы видимъ издавна смѣшеніе понятій о разныхъ сторонахъ еврейскаго вопроса, какъ у друзей, такъ и у враговъ еврейства. Защитники еврейской эмансипаціи, напримѣръ, готовы совершенно отрицать тѣ стороны вопроса, которыя мы отмѣтили буквами a, b, c, d. Наша такъ называемая «либеральная еврейская пресса», органы «образованныхъ евреевъ», «прогрессистовъ», представляетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытное явленіе: она только и говоритъ о притѣсненіяхъ евреевъ со стороны христіанъ и вовсе не примѣняетъ критики къ своимъ, исключая только жалобъ, и то косвенныхъ, на своихъ «старовѣровъ», закоренѣлыхъ въ дѣлѣ исполненія внѣшнихъ обрядовъ. Въ предпослѣднее время эти прогрессисты выставляли, какъ предметъ своей заботливости, сближеніе евреевъ съ русскими, «обрусеніе» евреевъ, хотя еще недавно они выставляли, какъ особый признакъ еврейскаго прогресса, замѣну такъ называемаго «жаргона» литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ въ проповѣди и разговорѣ,— стремленіе, далеко не прекратившееся въ самой Одессѣ, этомъ центрѣ еврейскаго прогресса. Страннымъ образомъ прогрессивная партія еврейская не говоритъ даже о томъ, что весь нынѣшній паразитный бытъ евреевъ не ведетъ даже къ довольству массы еврейской, которая въ существѣ дѣла бѣдствуетъ страшно и служитъ только орудіемъ для обогащенія «еврейскихъ тузовъ», и что эти послѣдніе въ сущности даже и не желаютъ полнаго уравненія правъ евреевъ съ христіанами, даже, напримѣръ, предоставленія всѣмъ евреямъ права жить по всей Россіи, потому что тотъ бѣднякъ-еврей, который обираетъ бѣлорусса-мужика, такъ какъ ему почти

ничего не остается дѣлать другого, нуженъ для того, чтобы богатый еврей-подрядчикъ нанялъ подешевле рабочаго и т. п. Такимъ образомъ эта, якобы прогрессивная, еврейская партія не представляетъ собою ничего прогрессивнаго, критическаго, ни съ общей ни съ частной еврейской точки зрѣнія: у ней не видно пониманія интересовъ массы ни христіанской ни еврейской, а потому она не можетъ указать вѣрныхъ средствъ для рѣшенія еврейскаго вопроса.

Но и у противниковъ эмансипаціи евреевъ замѣтна односторонность или, лучше, неумѣніе различать разныя стороны еврейскаго вопроса. Еще въ средніе вѣка жаловались на способы торга еврейскаго, но не за эти способы гнали евреевъ, а потому гоненія не только не уничтожали «жидовства» въ евреяхъ, а усиливали его. Теперь не средніе вѣка, но время кантонистовъ-евреевъ не далеко. И теперь есть цѣлый рядъ ограниченій правъ еврейскихъ, который вовсе не уменьшаетъ эксплуатаціи евреями христіанскихъ массъ, а служитъ только остаткомъ средневѣковыхъ предразсудковъ противъ евреевъ. Таково, напримѣръ, запрещеніе имъ жить въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ извѣстныхъ краяхъ, полезное только купцамъ великорусскимъ, наслѣдникамъ тѣхъ «торговыхъ людей», которые не хотѣли допущенія въ московское царство не только евреевъ, но и англичанъ, голландцевъ и т. п. Кому, напримѣръ, кромѣ мелкихъ чиновъ полиціи, принесло пользу недавнее переселеніе евреевъ изъ *однихъ* кварталовъ Кіева въ *другіе?* Извѣстная часть даже либеральной прессы радуется запрещенію евреямъ содержать шинки въ селахъ, но это запрещеніе основано на недозволеніи евреямъ покупать дома въ селахъ въ Западномъ краѣ, а это послѣднее, сосредоточивая евреевъ въ мѣстечкахъ, поддерживаетъ ихъ замкнутость, ихъ отчужденность отъ русскаго населенія, которая считается вреднымъ явленіемъ. Всѣ толкуютъ объ этой замкнутости, о трудности для русскаго племени ассимилировать такую массу евреевъ, и однакожъ наши брачные законы, наши конфессіональныя школы и такое же веденіе метрическихъ книгъ, все ведетъ къ тому, чтобы удержать замкнутость еврейства. По принципамъ нашей системы отношеній между церковью и государствомъ, мы должны или сами «блюсти, правовѣрно ли евреи отрицаются отъ Христа», заводить спеціально-еврейскія школы, гдѣ директоры-христіане рѣшаютъ вопросы о «трефъ»

и «кошеръ» и т. д., или же, взимая съ евреевъ подати, не давать имъ школъ, какія имъ нравятся, не держать еврейскаго законоучителя въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы говоримъ о равноправности, о вѣротерпимости, о необходимости слить евреевъ съ христіанами, а присяга, къ которой приводятъ евреевъ въ судѣ, заключаетъ въ себѣ оскорбительное недовѣріе къ евреямъ, равно, какъ и желаніе многихъ изъять метрическія книги изъ вѣдѣнія однихъ только раввиновъ. Мы съ такою постепенностью стремимся къ эмансипаціи евреевъ, что, не избавляя юго-западной Россіи отъ бремени еврейства какъ разъ въ то время, когда она переходитъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, дѣлаемъ Великороссію сопричастною только благу имѣть еврейскихъ концессіонеровъ, банкировъ, адвокатовъ и т. д. и т. д.

Очевидно, что выходъ изъ еврейскаго вопроса, выгодный для *большинства* и христіанъ и евреевъ, возможенъ только при послѣдовательномъ проведеніи мѣръ, вызываемыхъ каждою стороною еврейскаго вопроса. Въ вопросѣ этомъ, какъ мы видѣли, заключается нѣсколько вопросовъ: объ эмансипаціи производительныхъ классовъ въ юго-западной Руси отъ слишкомъ большого числа посредниковъ-купцовъ, объ эмансипаціи еврейской массы отъ предразсудковъ и отъ эксплуатаціи ихъ своими цадиками, богачами, наконецъ, объ эмансипаціи евреевъ отъ неравноправности ихъ съ христіанами. Первое требуетъ цѣлаго ряда дѣйствій для поднятія народнаго образованія и воспитанія въ народѣ самодѣятельности, организаціи народнаго кредита и т. п. Послѣднее, конечно, требуетъ только двухъ-трехъ законодательныхъ мѣръ. Второе было бы отчасти слѣдствіемъ перваго, такъ какъ еврейская масса, увидѣвъ, что пожива на счетъ крестьянъ стала труднѣе, обратилась бы къ производительному труду; для полнаго же своего завершенія, равно какъ и для достиженія цѣли всѣхъ желаній по еврейскому вопросу, для полнаго слитія евреевъ съ христіанами потребовалась бы и эмансипація самихъ христіанъ отъ остатковъ средневѣковыхъ формъ общественной жизни; и такъ какъ и первая и вторая цѣль, конечно, вещи трудно осуществимыя, то мы не сомнѣваемся, что еврейскій вопросъ въ самыхъ его серьезныхъ сторонахъ останется у насъ въ томъ же положеніи, какъ и теперь, до тѣхъ поръ, когда настанетъ время, которое прошло уже для другихъ

европейскихъ странъ — время уравненія правъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, т.-е. осуществится самая легкая изъ всѣхъ мѣръ по еврейскому вопросу. Тогда, конечно, евреи въ Западномъ краѣ станутъ въ такое же преобладающее положеніе, въ какомъ они находятся въ Галиціи, и тогда только станетъ яснымъ для всѣхъ, куда собственно должны были направить свои труды тѣ, кто, исходя изъ заботъ о рабочихъ классахъ, плакался на эмансипацію евреевъ и желалъ хоть постепенности въ ея проведеніи.

Если же тогда будетъ еще труднѣе, чѣмъ теперь, противодѣйствовать еврейскому паразитству въ юго-западной Россіи, которая, повторяемъ, именно теперь, при переходѣ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, попадаетъ въ руки евреевъ, несмотря ни на какіе палліативы противъ нихъ, то въ этомъ сильно будутъ виноваты тѣ малодогадливые друзья рабочихъ христіанскихъ массъ въ этомъ краѣ, которые опасались еврейской эмансипаціи и видѣли спасеніе въ палліативныхъ репрессаліяхъ противъ евреевъ. Тѣ, которые, слушая сѣтованія мѣстной интеллигенціи, были на сторонѣ всякихъ ограниченій правъ евреевъ, противныхъ общему духу новѣйшей политики нашего правительства, могли бы гораздо больше послужить дѣлу ослабленія еврейскаго паразитства, если бы направили свою энергію на устройство школъ народныхъ, которыя въ Юго-Западномъ краѣ стоятъ десять лѣтъ на точкѣ замерзанія, на организацію сельскаго кредита въ Западномъ краѣ, гдѣ нѣтъ ни земства ни комитета о кустарной промышленности и т. п. Если бы друзья русскаго народа въ Западномъ краѣ порѣшили для себя безповоротно, теоретически, вопросъ о гражданской равноправности евреевъ съ христіанами, они бы выяснили, что, напр., податная реформа гораздо больше облегчила бы оброкъ, который платитъ теперь крестьянинъ «жиду», чѣмъ всякія стѣсненія правъ еврея на торгъ; что, напр., наблюденіе за тѣмъ, чтобы «жиды» на базарѣ и на дорогахъ среди бѣлаго дня не хватали съ возовъ крестьянскихъ продуктовъ (сцены, какія можно видѣть при существованіи даже мирового суда), гораздо болѣе радикальная мѣра для разрѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ такія мѣропріятія, какъ перегонъ евреевъ изъ однихъ кварталовъ Кіева въ другіе, — мѣра, которую привѣтствовала мѣстная печать, или же придирки къ одеждѣ, къ свадебнымъ процессіямъ евреевъ, а осо-

бенно недопущеніе евреевъ къ такимъ профессіямъ, какъ акушерство, и много другихъ мелочей и стѣсненій, которыми особенно богата Волынская губернія.

По всей вѣроятности, и изслѣдованіе г. Чубинскаго было бы полнѣе касательно евреевъ въ Юго-Западномъ краѣ, если бы ему были теоретически ясны всѣ стороны еврейскаго вопроса. Въ настоящемъ своемъ видѣ, за исключеніемъ этнографическаго и юридическаго очерка г. Полинковскаго, собственно экономическая и статистическая часть статьи объ евреяхъ въ «Матеріалахъ» экспедиціи г. Чубинскаго довольно неполна. Впрочемъ, мы охотно соглашаемся, что бѣглая и разносторонняя экспедиція одного человѣка и не могла собрать много свѣдѣній о деталяхъ экономическихъ отношеній евреевъ съ разными классами христіанъ. Тутъ необходимы спеціальныя наблюденія въ родѣ тѣхъ, какія напечатаны въ вышеупомянутой статьѣ г. Волкова, матеріалы для которой тоже отчасти доставлены г. Чубинскимъ. Такихъ наблюденій мы въ правѣ ожидать отъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества.

II.

Еще болѣе неполонъ въ VII т. «Матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ» отдѣлъ: «Поляки Юго-Западнаго края» [1]). Съ статистическою частію этого отдѣла мы уже нѣсколько знакомы. Въ этнографическомъ отношеніи было бы интересно имѣть данныя о бытѣ католической шляхты и крестьянъ Волынской и Подольской губерній, въ которой есть нѣсколько селъ такъ называемыхъ мазурскихъ, т.-е. чистыхъ поляковъ, переселенныхъ изъ Царства Польскаго. Но этихъ данныхъ вовсе нѣтъ въ «Матеріалахъ». Одни утвержденія, что католическая шляхта и крестьяне мало или вовсе не отличаются бытомъ отъ православныхъ, кажутся намъ голослов-

---

1) Очеркъ этотъ (стр. 216—291) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Введеніе; 2) Краткій историческій очеркъ ополяченія Юго-Западнаго края; 3) Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ; 4) Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; 5) Особенности литературы и языка; 6) Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненіе въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; 7) Статистическія данныя о католикахъ въ томъ числѣ о полякахъ Юго-Западнаго края.—Все это на 85 страницахъ.

ными. Въ очеркѣ быта бѣлоруссовъ, составленномъ для «Этнографическаго Сборника» г. Киркоромъ, приведены примѣры языка шляхты и крестьянъ-католиковъ, изъ коихъ видно, что языкъ этотъ достаточно полонизованъ. Желательно было бы имѣть такіе же примѣры и изъ малорусской области. Интересно бы было имѣть образцы пѣсенъ изъ колоній мазурскихъ въ Подольской губерніи, а также образцы пѣсенъ, какія поетъ шляхта католическая. Три этнографическіе очерка (3—5), принадлежащіе г. Михальчуку, заключаютъ мѣстами интересныя данныя, но переданныя кратко и бѣгло, а кромѣ того, въ этихъ, и безъ того короткихъ, очеркахъ тратится много мѣста на общія мѣста всѣхъ нашихъ разговоровъ о полякахъ: о прошломъ Польши, объ ультрамонтанствѣ и т. п. Изъ такихъ общихъ мѣстъ состоитъ почти весь очеркъ «Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ», въ которомъ авторъ только мимоходомъ разсказываетъ такія интересныя вещи, какъ, напримѣръ, существованіе въ Волыни и Подоліи смѣшанныхъ цеховыхъ братствъ изъ католиковъ и православныхъ, которыя являются въ полномъ составѣ въ костелъ и въ церковь на праздники, или что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные ходятъ *на отпусты* въ костелы и поклоняются католическимъ чудотворнымъ иконамъ (въ Бердичевѣ, Брацлавѣ, Летичевѣ, Любарѣ, Тарнорудѣ и др.); не понимая латинскаго богослуженія и польской проповѣди, православные слушаютъ съ удовольствіемъ религіозную музыку и смотрятъ эффектные обряды. Авторъ затрогиваетъ такіе факты по поводу вопроса о введеніи русскаго языка въ католическое богослуженіе, мѣра, которая способствовала бы демократизаціи католицизма въ Юго-Западномъ краѣ, но которой противится теперешнее католическое духовенство въ этомъ краѣ, такъ какъ для него католицизмъ неразрывно связанъ съ полонизмомъ и латынью, исключая немногихъ, какъ говоритъ г. Михальчукъ, «тонкихъ политиковъ католицизма, которые благосклонно смотрятъ на эту мѣру, хотя и прикидываются ея противниками; они думаютъ, что эта мѣра упрочитъ за ними низшіе классы католическаго населенія и даже повліяетъ на православныхъ крестьянъ и мѣщанъ». Послѣдняго, какъ извѣстно, опасаются и многіе «тонкіе политики» со стороны православной, почему, между прочимъ, «обрусеніе католицизма», о которомъ такъ много было говорено нѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается медленно.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ вызываетъ много другихъ, довольно трудныхъ при нашей наклонности къ регламентаціи всѣхъ жизненныхъ явленій: напримѣръ, вопросъ о проповѣди католической и православной, изъ коихъ послѣдняя, какъ извѣстно, обставлена цензурными формальностями и коей вмѣнено въ обязанность избѣгать всего простонароднаго, областного, вопросъ о духовныхъ стихахъ (которые играютъ важную роль въ католическихъ обрядахъ, какъ отпусты, рожанцы и т. п.). Въ XVII—XVIII вв. въ Западной Руси и уніаты, и католики, и протестанты, а не одни православные старались писать, говорить и пѣть о религіозныхъ предметахъ на мѣстномъ языкѣ русскаго населенія. Послѣ же паденія Польши только православное стало считаться русскимъ, и, кромѣ того, жизненныя проявленія самаго православія подверглись строгой регламентаціи. Соотвѣтственно этому, католицизмъ еще болѣе удалился отъ руссизма, чѣмъ это было въ Польскомъ государствѣ даже въ XVIII в. Но тѣмъ не менѣе народная жизнь не скоро поддается регламентаціи, а потому въ Западномъ краѣ должно быть немало проявленій и близости православія и католицизма съ мѣстнымъ народнымъ элементомъ и близости ихъ между собою. Проявленія эти должны играть роль зародышей лучшаго порядка въ будущемъ.

Вотъ почему, въ ожиданіи того времени, когда свобода религіозной жизни дастъ энергическій толчокъ желанному процессу располяченія и расшляхетчиванія религіозности Западнаго края, интересно было бы болѣе подробное изслѣдованіе всякихъ проявленій религіозной жизни и взаимнаго соотношенія различныхъ ея элементовъ въ этомъ краѣ, чѣмъ то, которое находимъ въ очеркѣ г. Михальчука.

Другая интересная сторона положенія польскаго католицизма въ Юго-Западномъ краѣ представляется тоже мимоходомъ разсказаннымъ въ этомъ очеркѣ фактомъ о томъ, какъ въ Кіевѣ появился въ 40-хъ годахъ, подъ вліяніемъ философскаго направленія въ русской литературѣ, альманахъ «Gwiazda». Сколько разъ было говорено, что католическій романтизмъ — опора сепаратистическихъ тенденцій польской шляхты, а потому, казалось бы, враждебное этому романтизму изданіе должно было быть поддержано съ нашей стороны. Между тѣмъ изданіе «Gwiazdy» было прекращено благодаря инсинуаціямъ ультра-католической партіи, группировавшейся вокругъ редак-

ціи «Tygodnika Petersburgskiego». Характерно, что редакторы «Gwiazdy», желая прикрыть анти-іезуитское направленіе своего изданія, назначили выручку съ него на постройку костёла. Но не менѣе характерно и самое прекращеніе изданія, которое подрывало основу враждебнаго Россіи направленія, прекращеніе, происшедшее по инсинуаціямъ изданія ультракатолическаго, которое считалось за самое благонамѣренное. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ догадливости нашего бѣлаго «Панургова стада», котораго и существованія не подозрѣваютъ тѣ, кто такъ много кричитъ о томъ, будто вся критическая русская мысль есть дитя «польской интриги».

Самыя интересныя главы въ очеркѣ о полякахъ: глава о нравахъ, обычаяхъ, семейномъ и общественномъ бытѣ, и глава объ особенностяхъ литературы и языка. Большая часть первой наполнена описаніемъ, такъ сказать, польской «обломовщины» недавняго времени, — описаніе, которое, конечно, очень строго къ польской шляхтѣ, и автору котораго, для справедливости оцѣнки польской шляхты, мы предложили бы только вспомнить о бытѣ русской интеллигенціи, описанной Гоголемъ, Тургеневымъ, Писемскимъ и т. д. Но, кромѣ того, обѣ главы заключаютъ въ себѣ указаніе данныхъ, по которымъ мы можемъ судить о томъ процессѣ, о которомъ у насъ совсѣмъ почти не имѣютъ понятія и никогда не говорятъ, когда зайдетъ рѣчь о жизни Западнаго края. Какъ извѣстно, наши публицисты воображаютъ, что они открыли русскій характеръ этого края только въ 1863 г., и понятія не имѣютъ о томъ, что цѣлое тридцатилѣтіе до того польскій элементъ въ Юго-Западномъ краѣ постепенно все больше поддавался вліянію русскихъ массъ края, и что тотъ же процессъ, хотя въ меньшей степени, пропорціонально бо́льшей пассивности бѣлорусской народности Сѣверо-Западнаго края, замѣчается и въ этомъ послѣднемъ.

Уже въ XVIII в. большая часть дворянства въ Юго-Западномъ краѣ была оторвана отъ народа въ силу сословныхъ привилегій и предразсудковъ. Недавно разобранная въ «Вѣстникѣ Европы» переписка Браницкаго съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ не показываетъ со стороны польскаго правительства и польскихъ государственныхъ людей и тѣни пониманія причинъ, почему народъ шелъ въ гайдамаки. Ничтожный количественно кружокъ Костюшки, усвоившій идеи XVIII в., не

можетъ быть принимаемъ въ соображеніе. Характерно, что во время присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи еще были въ немъ остатки православнаго дворянства, но ниоткуда не видно, чтобъ и оно понимало нужды и раздѣляло интересы православнаго народа. Послѣднимъ въ этомъ отношеніи былъ Данило Братковскій, дворянинъ брацлавскаго воеводства, казненный шляхетскимъ судомъ за то, что шелъ въ крестьянскомъ платьѣ поднять, вмѣстѣ съ казакомъ Семеномъ Паліемъ, православно-крестьянское возстаніе. Это былъ послѣдній русско-народный шляхтичъ и первый хлопоманъ въ правобережной Украинѣ [1]). Существовавшее еще въ 1775 году на Волыни и въ Подоліи дворянство православное успѣло стать католическимъ и вполнѣ польскимъ уже по присоединеніи этого края къ Россіи. Г. Юзефовичъ, котораго г. Чубинскій цитируетъ какъ авторитетъ, говоритъ по этому поводу: «нѣтъ сомнѣнія, что національная политика Екатерины Великой оберегла бы эти остатки, какъ добрый запасъ обратнаго обрусенія возвращеннаго Россіи края; но извѣстно, что, по кончинѣ мудрой государыни, ея политика по польскому вопросу испытала крутой поворотъ и уступила мѣсто формальному офиціальному признанію польской національности въ нашихъ западныхъ областяхъ, послѣ чего этимъ остаткамъ ничего не предстояло болѣе, какъ подчиниться началамъ, признаннымъ законно господствующими верховною властію самой Россіи». Въ такихъ историческихъ объясненіяхъ прошлаго, основанныхъ на поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ, лежитъ источникъ, къ сожалѣнію, довольно распространенныхъ у насъ ложныхъ идей и плановъ о мѣропріятіяхъ въ настоящемъ. Екатерининская политика относительно «губерній, отъ Польши возвращенныхъ», именно и была причиною, почему польскій элементъ въ нихъ, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, сталъ крѣпче подъ властію Россіи, чѣмъ былъ прежде, подъ властію Польши. Не въ томъ дѣло, что Екатерина II титуловала эти губерніи отъ Польши возвращенными, а Павелъ I и Александръ I смотрѣли на нихъ по временамъ, какъ на несправедливо похищенныя, а въ томъ, что и Екатерина II не видѣла тутъ народа, а только шляхту, что она подкрѣпила

---

[1]) Объ немъ см. у г. Вл. Антоновича: „Послѣднія времена казачества на правомъ берегу Днѣпра“. Кіевъ, 1867.

россійской дворянской грамотой власть польской шляхты надъ русскими хлопами, раздала немало прежде вольныхъ селъ, и даже мѣстечекъ (изъ коихъ, напримѣръ, Бѣлая Церковь имѣла даже магдебургское право) польскимъ вельможамъ, съ цѣлью привлечь ихъ къ новому порядку вещей. Множество показаній современниковъ какъ нѣмецкихъ, такъ и польскихъ, свидѣтельствуютъ, что польскіе паны въ областяхъ, доставшихся Россіи въ концѣ XVIII в., были чрезвычайно довольны русскими порядками и хвалились ими передъ своими собратами, доставшимися Пруссіи и Австріи, которыхъ правительства, болѣе вѣрныя духу XVIII в., сейчасъ же наложили руку на феодальныя привилегіи шляхты надъ народомъ польскимъ и русскимъ (въ Галиціи).

Какъ будто нарочно, чтобы выставить неосновательность разсужденій г. Юзефовича, г. Чубинскій ставитъ рядомъ съ ними выписку изъ статьи г. Антоновича «О крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1799 гг.»: «Въ 1792 году Южно-Русскій край былъ возвращенъ Россіи, и шляхетскій порядокъ долженъ былъ уложиться въ новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время оказалось, что формы эти не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, къ которымъ стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени подготовляли его осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ крестьянами, простиравшуюся въ Рѣчи Посполитой до «права меча», но зато экономическое ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на сильно организованную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи оберегался законъ и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой [1]). Хитрость и уловки въ отношеніи къ крестьянамъ (г. Антоновичъ въ своемъ изслѣдованіи изобразилъ систему льготъ крестьянамъ со стороны пановъ въ прежнее время, въ виду возможности побѣговъ крестьянскихъ на Запорожье, а такъ же такихъ движеній, какъ «уманьская рѣзня») сдѣлались лишни, явились средства удержать ихъ отъ побѣговъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и приман-

[1]) Мы должны, впрочемъ, прибавить, что и „право меча“ достаточно вознаграждалось правомъ отдать крестьянина въ солдаты, сослать въ Сибирь, а равно возможностью, при подкупной администраціи, состоявшей на добрую долю изъ своего брата, прикрыть и самое убійство крестьянина.

камъ, какъ было прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (съ 1796 г.) и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; напротивъ того, помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственныя записи и повсемѣстно отнимаютъ у крестьянъ землю. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное владѣніе, гдѣ права на поземельную собственность утверждались болѣе прочно, владѣльцы прибѣгаютъ нерѣдко къ перегону жителей цѣлыми селами и мѣстечками на новыя мѣста жительства, для того, чтобы разорвать ихъ связь и уничтожить всякое воспоминаніе о правахъ на нее... Шляхта, опираясь на покровительство, оказанное ей русскимъ правительствомъ, наконецъ, сломила долго сопротивлявшійся народъ и дождалась полнаго торжества».

Въ этомъ процессѣ, который называется «ополяченіемъ» западной Руси, не было, такимъ образомъ, никакой «польской интриги» (объяснять общественныя явленія такими deus ex machina это значитъ показывать слабость своего историческаго образованія); это былъ естественный процессъ, совершавшійся въ силу идей, которыя господствовали въ извѣстное время всюду. По этимъ идеямъ только паны считались за политическую націю, паны же всячески старались отдалиться отъ народа; что же мудренаго, что польскій панъ старался говорить по-латыни, что за нимъ шелъ панъ русскій, который говорилъ по-польски, какъ потомъ онъ и другіе говорили по-французски, что даже прежнее русское правительство, заставъ въ Западномъ краѣ большинство пановъ польскихъ, внутри себя искренно считало край этотъ польскимъ? Что мудренаго, что государство, которое само было основано тогда на крѣпостномъ правѣ, поддержало, а не ослабило власть польскихъ пановъ надъ русскимъ хлопомъ? Одинъ офиціальный руссизмъ правительства Екатерины II былъ ничтоженъ въ своемъ вліяніи противъ такого сильнаго средства къ ополяченію края, какъ крѣпостное право и дворянская грамота. Что же мудренаго, что и самый руссизмъ этотъ скоро подался, что бывшіе еще въ XVIII в. дворяне православные продолжали сливаться съ польскими, что само духовенство православное, даже въ самое послѣднее время, говорило въ семьяхъ по-польски, въ силу того, что Великоруссія далеко, по-русски говорятъ только хлопы, а окрестные паны, т.-е. единственные «порядочные люди»—поляки? Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что

именно послѣ присоединенія Западнаго края, въ концѣ прошедшаго вѣка, къ Россійской имперіи, въ немъ исчезаетъ постепенно русскій католицизмъ, русское протестантство, даже русское уніатство, и все не-хлопское, даже то, что прежде, какъ кальвинисты, враждовало съ польскимъ государствомъ, становится само польскимъ и начинаетъ стремиться къ возстановленію Польши.

III.

Несмотря, однако, на всѣ уступки правительства Александра I польско-дворянскому элементу въ Западномъ краѣ, гуманныя идеи этого правительства все же стали примѣняться сколько-нибудь систематически и къ западной Руси, и уже одно прекращеніе съ того времени раздачи крестьянъ помѣщикамъ слѣдуетъ считать за болѣе сильную преграду дальнѣйшему ополяченію края, чѣмъ всѣ предыдущія поверхностныя мѣры. Со временъ Александра I Западный край начинаетъ покрываться учебными заведеніями, пускай сначала польскими (такъ какъ эти заведенія основывались помѣщиками), а потомъ уже русскими, тѣмъ не менѣе эти заведенія свидѣтельствовали о проникновеніи въ извѣстные слои такихъ идей, которыя постепенно разложили старые феодальные идеалы. Подъ вліяніемъ новыхъ идей начинается, какъ на польской сторонѣ, такъ и на русской, постепенно растущая реакція въ пользу «хлопа» въ западной Руси, а потомъ и въ пользу народности этого хлопа.

Какъ мы сказали, VII томъ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Чубинскимъ, заключаетъ хотя короткій, но интересный, особенно при полномъ почти незнакомствѣ нашей публики съ этимъ предметомъ, очеркъ того вліянія, какое производилъ въ теченіе XIX в. мѣстный народный элементъ на польское общество, литературу, языкъ, искусство, однимъ словомъ, исторію пробужденія вниманія польской шляхты Юго-Западнаго края къ мѣстной русской народности. Поляки Юго-Западнаго края считали, конечно, эту народность разновидностью польской, какъ вообще всю эту землю частію Польши, но дѣло въ томъ, что они стали постепенно изучать ее, изображать въ повѣстяхъ, разумѣется, по-сво-

ему, возбуждать, тоже по-своему, симпатію къ хлопу. На стр. 251—257 этого тома читатель найдетъ перечень польскихъ поэтовъ и романистовъ, которые брали сюжеты изъ исторіи и народнаго быта Украины (Богданъ Залѣсскій, Северинъ Гощинскій, Крашевскій, Корженёвскій, М. Грабовскій, Чайковскій и др.); поэтовъ, которые даже стали писать по-малорусски (Падура, Осташевскій, Бонковичъ и др.); издателей этнографическихъ и музыкальныхъ сборниковъ малорусскихъ пѣсенъ (Вацлавъ зъ Олеска, Жегота Паули, Новосельскій, Руликовскій, Коципанскій) [1]; композиторовъ, которые разработывали украинскія мелодіи, какъ, напр., самъ Монюшко; историковъ и археологовъ, какъ, напр., Чарноцкій, Бѣлевскій, Пржездецкій, и т. п.; филологовъ, какъ Лозинскій, который издалъ первую въ Галиціи малорусскую грамматику (у насъ первую и единственную издалъ Павловскій въ 1818 г.). На стр. 257—270 читатель найдетъ матеріалъ для заключенія о вліяніи малорусскаго языка не только на разговорный языкъ поляковъ Юго-Западнаго края, но и на литературный польскій. Это можетъ удивить читателя, который наслышался толковъ нашей печати объ ополяченіи самихъ малороссовъ и ихъ языка. Но самый выводъ объ этомъ ополяченіи основанъ частію на томъ, что польскій языкъ, впрочемъ, въ основѣ столько же отличный въ одномъ и сходный въ другомъ съ малорусскимъ, какъ и съ великорусскимъ, черезъ литературу усвоилъ много малорусскихъ словъ, которыя кажутся польскими, когда встрѣчаютъ ихъ въ рѣчи малоруссa. Какъ можно замѣтить изъ вышесдѣланнаго перечня писателей польско-украинской школы, многіе изъ нихъ принадлежатъ къ первокласснымъ польскимъ писателямъ, а потому странно бы было, если бы они не внесли украинскаго элемента въ польскій литературный языкъ, что, впрочемъ, началось еще въ XVI—XVII вв., со временъ такихъ писателей, какъ Шимоновичъ и Зиморовичъ, галичанъ. О вліяніи хлопской малорусской рѣчи на языкъ польскихъ пановъ Юго-Западнаго края

[1]) Въ числѣ этихъ собирателей былъ и Ходаковскій (Чарноцкій), котораго сборникъ пѣсенъ купилъ по его смерти М. А. Максимовичъ. Это едва ли не первый страстный археологъ и этнографъ южно-русскій между поляками и русскими. Уже въ началѣ XIX в. онъ сталъ (въ польскихъ журналахъ) говорить о древностяхъ, преданіяхъ и поэзіи южно-русской. Ходаковскій заслуживалъ бы біографіи.

свидѣтельствуетъ изданный въ Краковѣ въ 1870 г. г. Кремеромъ «Slowniczek prowincyonalizmów Podolskich». Г. Михальчукъ выбралъ изъ этого лексикончика слова малорусскія и напечаталъ въ VII т. «Матеріаловъ» г. Чубинскаго.

Такая реакція среди самихъ поляковъ въ пользу «хлопскаго» элемента не осталась въ одной только области литературы, а переходила и въ жизнь: на стр. 246—248 того же тома «Матеріаловъ» находимъ, къ сожалѣнію, слишкомъ короткія, указанія на такія явленія въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края, какъ балагульство, казакофильство, пуризмъ и хлопоманія. Первое г. Михальчукъ характеризуетъ такъ: «главные догматы балагульства — цинизмъ и шутовство. Это былъ въ грубой, уродливой формѣ протестъ противъ аристократизма, французоманіи, свѣтскихъ приличій. Балагулы отличались оригинальностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и простотою костюма, а подчасъ и его неряшествомъ; преимущественно носили одежду народную, малорусскую, съ нѣкоторыми измѣненіями и добавленіями, иногда для своеобразнаго шику испачкавъ ее преизрядно; пренебрегали принятыми условіями жизни. Гарцованіе на коняхъ, скачки, необузданный кутежъ, даже пьянство въ кабакахъ съ крестьянами и панибратство съ ними (хотя съ своими крестьянами балагулы обращались хуже другихъ пановъ), развратъ, сквернословіе, а въ особенности циническіе анекдоты, охоты съ попойками — вотъ содержаніе жизни балагуловъ [1])... Балагульщина вызвала въ польскомъ обществѣ и литературѣ двоякое къ ней отношеніе. М. Чайковскій, въ повѣсти «Анна», и г. Ржевускій, въ «Мѣшанинахъ обычаёвыхъ» Яроша Бейлы, относились къ этому явленію съ безпощадною критикой; въ этомъ сошелся казакофилъ съ аристократомъ. («Мѣшанины» Ржевускаго вызвали апологію балагульства въ брошюрѣ Януарія Филипповича «Pomieszanie Jarosza Bejly»). Съ другой стороны, ьліятельный

[1]) Аналогическія балагульству явленія были и въ малорусскомъ и великорусскомъ обществѣ; въ первомъ, напр., процвѣтавшій въ 40-е годы въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ кружокъ: „общество мочемордія“, во второмъ типы, въ родѣ Каратаева, Чертопханова, Веретьева. При всѣхъ антипатичныхъ для теперешняго взгляда чертахъ своихъ такія явленія показываютъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе вырваться изъ обыденной, ставшей слишкомъ узкой, рамки жизни. „То кровь кипѣла, то былъ избытокъ силъ“, не находившихъ себѣ приложенія по разнымъ причинамъ.

казакофилъ Ш... и представитель эмигрировавшей аристократіи, Адамъ Чарторыйскій относились сочувственно къ балагульщинѣ. Первый имѣлъ въ виду возрожденіе казачины, но уже польско-католической, а второй видѣлъ въ спартанскихъ (?) привычкахъ балагуловъ средство, воспитывающее людей для инсуррекціи».

«Казакофильская литература внесла въ балагульщину оттѣнокъ политическій; подъ вліяніемъ ея балагульство преобразилось; хотя разгулъ и другія привычки оставались, но оно явилось уже менѣе циничнымъ и болѣе тендеціознымъ». Тутъ не мѣсто много говорить о причинахъ рожденія казакофильства въ польскомъ обществѣ: довольно указать на то, что одно романтическое обращеніе къ старинѣ, обнявшее всѣ европейскія общества въ началѣ XIX в., должно было натолкнуть польскихъ романтиковъ и байронистовъ въ юго-западной Руси на казачество. Въ этомъ послѣднемъ польскіе романтики останавливались преимущественно на XVI в., когда во главѣ казаковъ стояли магнаты (Лянцкоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе, Зборовскіе и т. п.) и когда силы казаковъ вмѣстѣ съ магнатскими направлялись на борьбу съ турками. Въ XVII вѣкъ казачества, когда оно вступило въ борьбу съ магнатствомъ, неохотно заглядывали польскіе казакофилы...»

«Въ 30 годы,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Михальчукъ (стр. 256),—въ мѣстной шляхтѣ особенно рѣзко проявилось казакофильство. Польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали въ этомъ даже украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ казакофиловъ, несмотря на то, что этотъ корифей сражался за ихъ же традиціи. Но тѣмъ не менѣе казакофильство было модой. Казацкія пѣсни распѣвались съ особою любовью; балагульство приняло казацкій характеръ. Барыни нерѣдко любили наряжаться въ малорусскіе костюмы, аристократическій дворъ одного изъ Ржевускихъ (воспѣтаго въ поэмѣ Мицкевича «Farys») совсѣмъ было оказачился, разумѣется, въ смыслѣ казако-польскомъ: у него, въ качествѣ бандуриста, распѣвалъ думы Тымко Падура. Въ 1830 г. волынскій отрядъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго (отца), имѣлъ казацкій характеръ. Чайковскій, послѣ неудачи возстанія въ 1830 году, образовалъ въ Турціи нѣчто въ родѣ казацкой Сѣчи изъ разнаго сброда.

На Чайковскомъ можно отчасти видѣть какъ то, какія, во всякомъ случаѣ, добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское казакофильство, такъ и то, что за сумбуръ и винегретъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею казачества и страху передъ тѣмъ, чтобъ узнать ее такою, какою она была, потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель Чайковскій составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о казацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею казаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выйти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-Пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи казацкой традиціи на службу Польшѣ, о томъ, чтобы Польша стала во главѣ славянщины, а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись казачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго «Nemolaka» (Biblioteka Pisarzy polskich. Tom 65, Lipsk, 1873), въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными, полно раздраженія противъ поляковъ, которые во время войны «сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ, Господи, отъ славянщины, отъ казачины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго». Самъ Чайковскій, кажется, не видѣлъ логическихъ послѣдствій казакофильства, которое у него оставалось чисто военно-національнымъ, шляхетскимъ.

Между тѣмъ время шло, вліяніе западныхъ идей 40-хъ годовъ, такъ или иначе, отражалось и на польскомъ обществѣ, университетъ кіевскій дѣйствовалъ на него тоже. Въ университетской польской молодежи казакофильство пошло еще одною ступенью дальше. Въ средѣ этой молодежи, уже въ 50-ые годы, въ концѣ, возникла секта такъ называемыхъ пуристовъ. «Догматы этого кружка,— говоритъ г. Михальчукъ,— серьезныя отношенія къ наукѣ, строгая нравственность, доходящая до цѣломудрія, и философское направленіе». Мы считаемъ необходимымъ прибавить, что иные между пуристами не чужды

были демократическаго католицизма, а весьма многіе пуризмъ видѣли не только въ цѣломудріи и простотѣ жизни и одежды (часто изъ верблюжьяго волоса), но и въ отдѣленіи отъ русскихъ. «Существованіе этой секты было непродолжительное, но она все-таки произвела свое вліяніе».

Подъ вліяніемъ ея, съ одной стороны, казакофильство превращается въ такъ называемую хлопоманію, а съ другой — въ литературѣ возникаетъ безпощадная критика на господствующіе нравы; таковы корреспонденціи г. Савинскаго въ «Виленскомъ Курьерѣ» и его же сатиры, сатиры и комедіи Ап. Корженевскаго. Хлопоманія отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческо-панскія традиціи хлопоманы осмѣивали и называли «мошродзѣйствомъ» (отъ Moscie panie dobrodzieju, произносимаго скороговоркою). Польскіе хлопоманы сознавали историческія неправды Польши, по отношенію къ Украинѣ; они сознавали, что народъ — не «быдло», что нужно уважать его личность, заботиться объ его образованіи на его родномъ языкѣ. Большинство, впрочемъ, считало необходимымъ, чтобы алфавитъ былъ принятъ польскій, но незначительное меньшинство допускало даже употребленіе русскаго алфавита. Хлопоманы сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. Уже изъ-за алфавита въ средѣ ея происходили ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначили собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства. Этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившихся украинофиловъ вскорѣ началъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ, католика. За выдѣленіемъ изъ кружка хлопомановъ самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ. Мало

того, иные, какъ, напр., г. Савинскій, отрекались отъ прежняго направленія и явились яростными обличителями хлопоманіи.

Такъ, повидимому, безслѣдно кончилось движеніе, начатое писателями польско-украинской и казакофильской школы. Не было ли и это совершенно случайнымъ движеніемъ, прихотью фантазіи нѣсколькихъ поэтовъ? Или, быть-можетъ, такова уже легкомысленная и непостоянная натура поляковъ, что они не могутъ долго предаваться одному направленію? Ни то ни другое. А то, что польско-шляхетское общество Юго-Западнаго края, отправившись отъ украинскаго романтизма, казакофильства, дошло до такого пункта, что, дальше идя, должно было отречься совсѣмъ отъ Польши, а это такого рода переломъ, который не можетъ скоро совершиться даже въ наиболѣе передовыхъ слояхъ общества. А тутъ еще польско-украинское общество, идя ступенеобразно отъ Варшавы къ Кіеву, отъ Лянцкоронскихъ къ Гонтамъ, мало того, что не могло вычеркнуть совсѣмъ изъ памяти своей Хмельницкаго, но еще встрѣтилось въ русскомъ обществѣ съ послѣдствіями акта, совершеннаго этимъ Хмельницкимъ, присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Пока поляки переходили отъ балагульства къ хлопоманіи, отъ чисто феодальныхъ идей къ раціональнымъ, подобный же переходъ совершался въ разныхъ сферахъ русскаго общества того времени, отъ правительственныхъ до крайнихъ частныхъ. Когда государственные люди временъ Екатерины II присоединяли провинцію за провинціей отъ Польши, они всего менѣе думали о національности; то, что при этомъ иногда вспоминалось наслѣдіе Владимира Святого и т. п., не имѣло реальной силы: вѣдь и Марія-Терезія присоединяла Галицію по родству венгерскихъ королей съ Даниломъ Галицкимъ. Державы, раздѣлившія Польшу, присоединяли къ себѣ ея части такъ, что, напримѣръ, Россія взяла, между прочимъ, чистую Жмудь, а уступила Австріи — Червонную Русь. Даже Карамзинъ, возставая противъ плана Александра I расширить Царство Польское до предѣловъ 1772 г., вспоминалъ о Владимирѣ Святомъ и уходилъ въ сѣдую древность, но ни слова не говорилъ о томъ, что и теперь на Волыни и Украинѣ народъ — русскій. Только мало-по-малу русское общество сдѣлало открытіе, что губерніи Западнаго края — русскія и, въ настоящее время, въ большинствѣ сво-

его населенія. Этому открытію помогло возстаніе поляковъ въ 1830 г.

Съ тѣхъ поръ, въ 30-е и 40-е годы принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобы придать краю русскій видъ и въ офиціальной жизни. Мѣры эти, впрочемъ, носили на себѣ слѣды гораздо болѣе системы офиціальной народности, нежели дѣйствительной, о коей не могло быть рѣчи, такъ какъ русская масса народа въ краѣ все еще продолжала быть тогда крѣпостною. Наши государственные люди того времени смѣшивали систему репрессалій противъ поляковъ съ системой реорганизаціи края въ духѣ русскомъ, да и эту послѣднюю понимали, конечно, не иначе, какъ въ формахъ, отвѣчавшихъ тогдашнимъ общимъ формамъ нашей общественной жизни. Вотъ почему большая часть мѣръ, тогда принятыхъ для обрусенія Западнаго края, привели къ весьма ничтожнымъ послѣдствіямъ. Много польскихъ учрежденій для образованія было закрыто, но вмѣсто нихъ далеко не было открыто столько же русскихъ: такъ, не говоря о среднихъ и низшихъ школахъ, вмѣсто виленскаго университета и кременецкаго лицея, открытъ одинъ только кіевскій университетъ (характерно, что все-таки, какъ говорилось тогда, *для поляковъ*), да и тотъ скоро былъ закрытъ (въ 1839) и едва-едва не окончательно. Въ 1849 г. число студентовъ и въ Кіевѣ было ограничено комплектомъ, а вообще же въ то время податныя сословія не могли вовсе поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, между тѣмъ какъ въ Западномъ краѣ только эти сословія и были русскія. Въ VII томѣ «Матеріаловъ» г. Чубинскаго (стр. 225—230) приведена выдержка изъ записки г. Воронина, чиновника по особымъ порученіямъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, представляющая умную критику мѣръ, принятыхъ въ Юго-Западномъ краѣ послѣ возстанія 1830 г. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ воспроизвести эту выписку всю, а она сильно сбавляетъ цѣну тѣмъ диѳирамбамъ, какіе часто слышатся со стороны поверхностныхъ патріотовъ въ пользу кіевской администраціи 40-хъ годовъ. Въ это время выборная дворянская администрація и земскій судъ были замѣнены коронными, введенъ въ дѣйствіе русскій сводъ законовъ вмѣсто литовскаго статута (надо замѣтить, что этотъ статутъ практиковался въ послѣднее время не въ древне-русскомъ оригиналѣ, а въ польскомъ переводѣ, и о существо-

ваніи перваго не знало огромное большинство какъ польскаго, такъ и русскаго общества), но дѣла отъ того не пошли лучше. «Чиновничья орда, — говоритъ г. Воронинъ, — имѣвшая непосредственное отношеніе къ народу, набиралась изъ послѣднихъ осадковъ нашей бюрократіи или изъ бѣдной и необразованной польской же шляхты. Преобразованіе судопроизводства не принесло никакой пользы отправленію правосудія въ краѣ. Судъ сталъ производиться на русскомъ языкѣ, по русскимъ законамъ; но злоупотребленія отъ того не уменьшились, а увеличились. Изъ публичнаго и гласнаго, какимъ былъ судъ по литовскому статуту, онъ сдѣлался закрытымъ, канцелярскимъ судомъ»... Законъ о бракахъ ставитъ сильную преграду къ распространенію въ краѣ католичества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ г. Воронинъ, «и польской національности», но мы думаемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ и русской, такъ какъ самъ г. Воронинъ говоритъ, что «въ высшемъ сословіи совершенно прекратились брачные союзы католиковъ и православныхъ, а въ низшихъ они начали встрѣчать сильное противодѣйствіе со стороны ксендзовъ [1])». Въ пользу православнаго духовенства была установлена барщина, которая тяжело легла на крестьянъ, на которыхъ падали и тѣ поборы, какія взимало правительство съ польскихъ пановъ. «Всякая жалоба крестьянъ на несправедливость и жестокость обращенія пана признавалась ослушностію, неповиновеніемъ и бунтомъ, и влекла за собою еще большее угнетеніе. Полицейскіе, *да и другіе чиновники*, являвшіеся для разбора жалобъ крестьянъ на своихъ пановъ, всегда были на сторонѣ послѣднихъ, и потому народъ привыкъ считать ихъ подкупленными слугами пановъ, какими они въ дѣйствительности и бывали. Возникшее въ 1847 г. въ Галиціи крестьянское движеніе дало поводъ правительству къ попыткѣ ограниченія произвола дворянства въ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Въ 1847 году торжественно были обнародованы инвентарныя правила. Они возбудили въ народѣ преждевременныя надежды на свободу

[1]) Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что такіе законы раздражаютъ людей извѣстной религіи и, вообще, сливая вѣроисповѣданіе съ національностью, порождаютъ цѣлый рядъ препятствій къ тому слитію разнообразныхъ элементовъ въ одну національность, какое было цѣлью политики въ отношеніи къ Западному краю и въ прежнее время.

и, подавая поводъ къ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, горько обманули ожидавшихъ крестьянъ. Правила эти составлены были тѣми самыми панами, на угнетеніе которыми они безпрестанно жаловались, и не принесли никакого облегченія крестьянамъ, а сдѣлались только неизсякаемымъ рудникомъ доходовъ полиціи и уздою, которою сдерживалась въ политическихъ видахъ польская заносчивость. Положеніе крестьянъ съ изданіемъ правилъ измѣнилось не къ лучшему, а къ худшему: введенныя правилами два рода барщины — тяглой и пѣшей — сдѣлали невыгоднымъ для помѣщиковъ удерживать разрядъ плуговыхъ крестьянъ, а для послѣднихъ тяглую барщину, слѣдствіемъ чего было уменьшеніе рабочаго крестьянскаго скота и замѣтное обѣднѣніе крестьянъ».

IV.

Такимъ образомъ система официальной русской народности вовсе не дѣлала ничего положительнаго, существеннаго для русскаго народа въ Западномъ краѣ, а мѣры вѣроисповѣдныя, исходившія изъ этой системы, должны были способствовать болѣе тѣсному союзу между католицизмомъ и полонизмомъ, вся же система вмѣстѣ, раздражая польско-католическій элементъ, должна была возбуждать въ немъ тенденціи польскаго централизма и парализовать дѣйствіе того процесса *украинскаго сепаратизма отъ Польши* и движенія отъ панства (польскаго и католическаго) къ хлопству (русскому и православному), какой явно замѣчался въ шляхетскомъ обществѣ Юго-Западнаго края въ теченіе XIX вѣка. Но въ тридцатые — пятидесятые годы въ русскомъ обществѣ, подъ наружнымъ дѣйствіемъ системы официальной народности, шло также движеніе народно-культурное, анти-феодальное, въ двухъ существенныхъ направленіяхъ: въ такъ называемыхъ западничествѣ и славянофильствѣ, московскомъ великоруссофильствѣ, и харьковско-кіевскомъ украинофильствѣ. Въ то же время, подъ вліяніемъ различныхъ новыхъ культурныхъ теченій, и сама система государственнаго централизма все больше обращала вниманіе на массы народа. Разсказываютъ, что разъ, когда одинъ польскій помѣщикъ

на офиціальномъ пріемѣ у кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова обратился къ нему по-французски, то Бибиковъ пригласилъ его говорить по-русски. «Я не могу по-русски», отвѣчалъ помѣщикъ. «А какъ же вы говорите съ крестьянами?» — «По-хлопску», отвѣтилъ панъ. «Ну, то говорите со мной по-хлопску, я такой же русскій, какъ и ваши крестьяне», сказалъ генералъ-губернаторъ. Панъ, очевидно, былъ не изъ бойкихъ и плохо говорилъ по-хлопски. Онъ могъ бы въ свою очередь озадачить генералъ-губернатора, замѣтивши, что крестьяне его хоть и русскіе, а все-таки хлопы, да и генералъ-губернаторъ врядъ ли долго выдержалъ бы разговоръ «по-хлопску». Очевидно, что для Бибикова его фраза была только ловкимъ *bon-mot*, какими онъ любилъ смущать польскихъ пановъ; характерно тутъ развѣ то, что жизнь въ Юго-Западномъ краѣ вызываетъ такія *bon-mot*. Но были въ русскомъ обществѣ уже и въ 40-е годы люди, для которыхъ такія фразы были вопросомъ жизни для Россіи.

Такіе люди были и между западниками, и между великорусофилами, и украинофилами, вообще занимавшими по идеямъ середину между тѣми и другими. По отношенію къ Западному краю и Польшѣ имѣютъ особенное значеніе два послѣднія направленія въ русскомъ обществѣ. При всемъ томъ, что наше западничество, которое бы лучше назвать русскимъ гуманизмомъ, представляетъ и до сихъ поръ большинство культурныхъ силъ Россіи, главный факторъ ея прогресса, литературнаго и общественнаго, оно въ чистомъ своемъ видѣ не выступало никогда активно въ вопросахъ, касающихся западныхъ краевъ, по столичному незнанію и по петербургско-великорусскому провинціализму. Гуманизмъ западниковъ старыхъ и новыхъ оскорблялся тѣмъ нетерпимымъ характеромъ, съ какимъ проявлялась всегда русская реакція полонизму, и не видѣлъ такой же нетерпимости на польской сторонѣ. Выросшіе все-таки на почвѣ народности крѣпкой и обезпеченной, безпрепятственно могущей предаваться рѣшенію космополитическихъ, чисто-общественныхъ вопросовъ, русскіе западники смотрѣли съ сожалѣніемъ на людей, толкующихъ о Западномъ краѣ, и не знали, что тамъ классы—народности, а потому тамъ всякій общественный вопросъ осложняется вопросомъ національнымъ. Гораздо больше другихъ русскихъ общественныхъ направленій столкнулись съ польскимъ вопро-

сомъ въ Западномъ краѣ славянофилы московскіе и кіевскіе, или украинофилы [1]).

Всѣ эти направленія въ русскомъ обществѣ 40—60-хъ годовъ выработали и приготовили общество къ ихъ принятію тѣ принципы, которые послужили опорою для обновленія Россіи послѣ 1856 г. Эти принципы не могли не повліять и на реакцію польскому элементу въ Западномъ краѣ послѣ 1863 г. Эта реакція, конечно, въ значительной степени продолжала итти по колеѣ старой; многое изъ старыхъ началъ до-реформенной Россіи, что было уже оставлено во внутреннихъ краяхъ, возродилось, благодаря реакціи польскому возстанію, и самъ Западный край остался на полдорогѣ въ дѣлѣ реформъ. Возродившіяся идеи офиціальной народности на этотъ разъ соединились съ идеями національно-государственнаго централизма на прусскій ладъ, которыя принесла съ собою часть западниковъ-гегеліанцевъ, присоединившаяся къ реакціи, польскому движенію, и образовали политическую доктрину весьма смѣшаннаго и противорѣчиваго по многимъ вопросамъ свойства (напр., по вопросу: католики Западнаго края — русскіе ли?). Но во всякомъ случаѣ теперь уже государственная дѣятельность въ Западномъ краѣ въ пользу русской народности имѣетъ подъ ногами такую почву, какъ освобожденіе крестьянъ, и борьба государства съ сепаратизмомъ польской шляхты послѣ 1863 г. сопровождается не только разрушительными мѣрами и репрессаліями, или такими мѣрами, какъ водвореніе крупнаго русскаго землевладѣнія посредствомъ запрещенія католикамъ покупки земель [2]), но и такими, какъ повѣрка уставныхъ грамотъ. Подобными мѣрами, совершенными въ силу принципа, на которомъ основана всероссійская реформа 19 февраля, достигнуто, что политическая сила польско-шляхетскаго элемента въ Западномъ краѣ можетъ

---

[1]) „Съ русскимъ украинофильствомъ не слѣдуетъ смѣшивать, — говоритъ г. Михальчукъ,— русское же казакофильство, которое находило себѣ немногихъ послѣдователей большею частью въ числѣ малорусскихъ аристократовъ. Это послѣднее, впрочемъ, недолго существовало и вскорѣ погибло безвозвратно". Сатиру на него представляетъ стихотвореніе Шевченка: „Потомокъ гетмана дурного" и проч., „Кобзарь", изд. 1867 г.

[2]) Въ литовскихъ губерніяхъ въ силу этой, навѣянной русскими пруссаками, мѣры, земли переходятъ въ руки дѣйствительныхъ и замаскированныхъ до времени пруссаковъ.

считаться сломанною навсегда, особенно въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ народъ самъ, раньше и энергичнѣе администраціи, заявилъ себя противъ этого элемента. Дальнѣйшее укрѣпленіе послѣдствій органическихъ мѣръ въ пользу русскихъ массъ Западнаго края требуетъ дальнѣйшихъ реформъ: земства, суда, освобожденія провинціальной печати, бо́льшаго вниманія къ народному образованію, вѣротерпимости и т. п.

Но въ Западномъ краѣ все-таки продолжаетъ существовать довольно крупный процентъ шляхетско-польскаго элемента, желать устранить который сразу съ государственной точки зрѣнія — было бы нелѣпостью (какъ признали и публицисты, вызвавшіе запрещеніе полякамъ покупать имѣнія), съ точки зрѣнія раціональной — дѣломъ весьма неблизкаго будущаго. Думать о возможности передѣлки его національности посредствомъ внѣшнихъ полицейскихъ мѣръ могутъ только люди, серьезно никогда не думавшіе объ общественныхъ переломахъ. Хотя мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшее держаніе Западнаго края въ «исключительномъ положеніи» въ силу того, что онъ находится, благодаря польскому характеру большинства его дворянства, въ ненормальномъ состояніи (мы, впрочемъ, тѣмъ не менѣе не сомнѣваемся, что Западный край и вообще русско-польскій вопросъ не выйдетъ изъ своего теперешняго глухого конца, пока все наше общество не выйдетъ изъ теперешняго застоя), но все-таки развитіе его будетъ тормозиться, пока такъ или иначе не ассимилируется польское шляхетство съ русскимъ «хлопствомъ» края.

Мы видѣли, что въ теченіе XIX вѣка въ польскомъ обществѣ Юго-Западнаго края замѣчалось движеніе къ такой ассимиляціи, но мы видѣли, что оно кончилось, повидимому, ничѣмъ. Теперь въ этомъ обществѣ не слышно ни о казакофильствѣ ни тѣмъ менѣе о хлопоманіи, да и эта послѣдняя встрѣтила въ польскомъ обществѣ гораздо бо́льшую реакцію, чѣмъ та, какую обыкновенно встрѣчаютъ даже самыя крайнія демократическія направленія. Тому причина, сказали мы, та, что польское общественное движеніе встрѣтилось, наконецъ, съ русскимъ, и между ними возникла борьба за обладаніе не только краемъ Юго-Западнымъ, но и самыми стихіями его народности, усвоить которую, не отрываясь отъ Польши, хотѣли бы передовые слои шляхетскаго общества. Стремясь, вмѣсто разрушенной исторіею унитарной Польши, возстановить

федеративную Польшу, Литву и Русь, какъ стали звать поляки то Малороссію, то и всю Западную Русь въ отличіе отъ Россіи — Москвы, передовые шляхтичи Юго-Западнаго края встрѣтились съ русскими, которые дѣлали то же совершенно независимо, и принимая эту Русь или за отдѣльную народность или за часть все-русской, но только не польской народности.

Изъ Харькова, Полтавы, потомъ изъ Кіева стали выходить труды художественные, этнографическіе, историческіе, которые тоже говорили о Руси, объ Украинѣ, которую звали еще и *Малороссія*, о степяхъ, казакахъ, поселянахъ, но не только не по польски, но даже съ довольно враждебнымъ къ польскому элементу отношеніемъ, и такъ какъ авторамъ этихъ трудовъ было естественно ближе все украинское, то не мудрено, что скоро количественно и качественно ихъ произведенія оказались численнѣе, вѣрнѣе польско-украинскихъ. Вслѣдъ за изданіемъ пѣсенъ малороссійскихъ Цертелевымъ (1819) и грамматики малороссійскаго нарѣчія Павловскимъ (1818), пошли изданія малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827, 1834, 1849), Срезневскаго (1833—1838), Лукашевича (1836), Метлинскаго (1854), Кулиша (1855—1856), Костомарова (1859), которыя затмили прежнія польско-украинскія изданія. Археографическая комиссія въ Кіевѣ и въ Петербургѣ, г. Бодянскій въ Москвѣ издали акты и мемуары малорусскихъ хронистовъ XVII—XVIII вв.; малоруссы-историки, отъ Бантыша до г. Костомарова, стали изслѣдовать такія стороны польско-русской исторіи, о которыхъ полякамъ трудно говорить спокойно передъ чужими. Беллетристы отъ Котляревскаго и Квитки до Кулиша и Марка Вовчка представили картины изъ народнаго быта и исторіи Украины, которыя, по меньшей мѣрѣ, не уступая въ художественности картинамъ Крашевскихъ, Чайковскихъ и т. п., превосходили ихъ правдивостью. Въ довершеніе, въ этой не-польской, но несомнѣнно украинской литературѣ появился писатель-хлопъ, Шевченко, и совершенно не въ духѣ Гощинскаго, Грабовскаго, Чайковскаго изобразилъ отношенія украинскаго казачества къ полякамъ. Передъ дѣйствительно народнымъ языкомъ этого хлопа-поэта жалокъ оказался языкъ піиты-нахлѣбника Падуры и т. п. Рядомъ съ этою чисто-украинскою литературою и обще-русская литература дала рядъ произведеній, какъ «Полтава» Пушкина, «Вечера» и

«Тарасъ Бульба» Гоголя, которыя съ такимъ же правомъ могли назваться украинскими, какъ и произведенія Залѣсскихъ, Гощинскихъ и т. п., но опять не имѣли въ себѣ ничего польскаго. «Энеида» Котляревскаго и «Пѣсни» Максимовича попадаютъ въ руки галичанина Марк. Шашкевича и полагаютъ начало русской литературѣ въ Галиціи. Во всѣхъ концахъ русскаго міра начинается рѣчь о Руси, объ Украинѣ, о казакахъ, независимо отъ поляковъ; параллельно съ тѣмъ въ Кіевѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, во Львовѣ говорятъ и о славянщинѣ, и опять независимо отъ поляковъ. А народъ украинскій, несмотря на то, что его старались изобразить такъ идилличнымъ, такъ готовымъ служить панамъ, при всякомъ случаѣ показываетъ весьма недвусмысленную антипатію шляхты. Было отчего призадуматься, а потомъ воскликнуть: «сохрани насъ, Боже, отъ славянщины, отъ казачины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго».

Русское украинское движеніе долгое время не было замѣчаемо поляками или смѣшиваемо было, вообще, съ офиціально-православною литературою, противъ которой поляки были застрахованы достаточно твердыми для польскаго общества аргументами. Но уже въ 50-е годы нельзя было не замѣтить, что польская шляхта встрѣчается съ направленіемъ, которое грозитъ отнять у нея ореолъ оппозиціи и либерализма, вырвать изъ-подъ ногъ почву народности и земскаго патріотизма. Мѣстомъ, гдѣ впервые встрѣтилось русско-украинское и польско-украинское направленіе былъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, Кіевъ. Здѣсь же въ 40-е годы бывалъ часто польскій археологъ и этнографъ Свидзинскій, а въ 50-е годы жилъ повѣствователь и критикъ польско-украинской школы Мих. Грабовскій, впослѣдствіи членъ правительства Велепольскаго; здѣсь же съ 40-хъ годовъ дѣйствовала комиссія для разбора древнихъ актовъ, основанная по идеѣ М. А. Максимовича, и въ 1844—1846 гг. существовало «Кирилло-Меѳодіевское братство», къ коему принадлежали Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко и др.

Мы не станемъ тутъ говорить о значеніи украинофильства въ ряду другихъ движеній въ русскомъ обществѣ, ни въ подробностяхъ характеризовать отношеніе этого движенія, а также другихъ, къ польскому; о томъ и другомъ было немало говорено въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ же

изданіи [1]). Мы говоримъ теперь о польскомъ, а не о русскомъ обществѣ, и имѣемъ въ виду только выяснить, почему свелось почти до нуля движеніе польско-украинской шляхты къ сближенію съ русско-украинскою народностью. Для нашей задачи мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать два-три указанія на столкновеніе между польскимъ и русскимъ украинофильствомъ. То мнѣніе, будто такъ называемое украинофильство явилось подъ польскимъ вліяніемъ и было даже покровительствуемо польскими патріотами, какъ «орудіе польской интриги»,— мнѣніе, которое не разъ высказывалось въ нашей печати, не заслуживаетъ даже быть опровергаемо. Довольно припомнить, что первые малорусскіе писатели и ученые родились на лѣвомъ берегу Днѣпра и воспитались большею частію далеко отъ всякаго польскаго вліянія, въ Полтавѣ, Харьковѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ, и что до сихъ поръ главная масса литераторовъ, этнографовъ и ученыхъ малорусскихъ почти исключительно состоитъ изъ лѣво-бережныхъ уроженцевъ [2]). Если иные изъ нихъ и дѣйствовали по временамъ на правомъ берегу, гдѣ они встрѣчались съ польскимъ населеніемъ, то они являлись туда съ совершенно готовымъ міровоззрѣніемъ, при которомъ обыкновенно приходили въ весьма острый разладъ съ польскими стремленіями, гораздо даже болѣе острый разладъ, чѣмъ тотъ, какой могъ бы развиться у нихъ, если бы они оставались на лѣвомъ берегу, вдали отъ этихъ стремленій [3]).

Разладъ этотъ обусловливается цѣлымъ ходомъ развитія украинскаго движенія въ XIX вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ Малороссія присоединилась къ московскому государству отъ Польши, вслѣдствіе не одного національнаго сродства. Казаки, главные

---

[1]) См.,между прочимъ „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“ А. Н. Пыпина, печатавшіяся первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“.

[2]) Таковы Котляревскій, Цертлевъ, Павловскій, Квитка, Гребенка, Бодянскій, Метлинскій, Максимовичъ, Лукашевичъ, Костомаровъ, Кулишъ, Марко Вовчокъ, Стороженко, Номисъ и т. д.

[3]) Недавно во львовскомъ журналѣ „Правда“ напечатана была біографія по всему видно, добраго человѣка, но весьма незначительнаго малорусскаго поэта В. С. Кулика. Тамъ, между прочимъ, разсказывается о той симпатіи, какую вызывало въ Куликѣ начало польскаго движенія 1861 — 1863 гг., какъ удивлялись многіе на лѣвомъ берегу тому жару, съ какимъ кіевская университетская молодежь спорила съ поляками.

дѣятели въ этомъ присоединеніи, надѣялись этимъ обезпечить свои права и привилегіи, поспольство избавиться отъ панства и жидовъ; всѣ вмѣстѣ желали видѣть обезпеченною вѣру православную, но само духовенство кіевское косо смотрѣло на подчиненіе Малороссіи Москвѣ, не желая подчиняться московскому патріарху. Національная реакція полонизму и вообще національное начало, хотя и проявлялось при этомъ, но вообще играло весьма слабую роль. Къ великоруссамъ въ Малороссіи Хмельницкаго не было ни симпатій ни антипатій собственно національнаго свойства. Знакомство съ боярами и ратными людьми московскими, которые смотрѣли на малороссовъ, какъ на нечисто православныхъ, не замедлило возбудить антипатіи, противъ которыхъ, однакожъ, дѣйствовало религіозное тяготѣніе и монархизмъ, весьма скоро привившійся среди малорусской религіозной интеллигенціи, уже и подъ польскими королями гораздо больше роялистической, чѣмъ поляки. «Шатанія» казаковъ малорусскихъ отъ Виговскаго до Мазепы, ихъ попытки возвратиться подъ польское подданство не имѣли въ себѣ никакихъ слѣдовъ національныхъ стремленій и вполнѣ объясняются борьбою казацкаго порядка съ московскими государственными стремленіями. Послѣднія восторжествовали, между прочимъ, благодаря тому, что старшина казацкая стремилась сложиться по образцу польской шляхты и великорусскихъ дворянъ въ рабовладѣльческое или, вообще, привилегированное сословіе, а потому народъ въ Малороссіи оставался равнодушенъ къ сепаратистическимъ стремленіямъ казацкой старшины. Послѣ Мазепы уже не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было сепаратизмѣ старшины малорусской, ни о ея тяготѣніи къ умиравшей тогда Польшѣ. Еще старые звуки объ автономіи гетманской продолжали иногда доноситься изъ Малороссіи въ Петербургъ въ видѣ всеподданнѣйшихъ прошеній, но старшина больше заботилась объ уравненіи правъ ея съ правами дворянъ великорусскихъ, что и было исполнено. Не только о Польшѣ, какъ о государствѣ союзномъ, но и о право-бережной Украинѣ вообще забыли и думать на Украинѣ лѣво-бережной, которая одна сохранила офиціальное имя Малороссіи. Почти такъ же слабы были въ XVII вѣкѣ и такъ же еще болѣе ослабѣли въ XVIII вѣкѣ и литературно-автономныя стремленія въ Малороссіи. Въ XVI вѣкѣ, когда на югѣ Россіи замѣчаются явленія своего рода возрожденія (renaissance), по-

нятіе о языкѣ русскомъ на югѣ, какъ и въ Москвѣ, не выдѣлилось ясно изъ понятія о языкѣ церковно-славянскомъ, хотя и были люди, какъ, напр., переводчики Пересопницкаго евангелія, которые называли этотъ послѣдній «мовою болгарскою», съ коей надо было перевести Священное Писаніе на «языкъ рускій» для «лѣпшаго выразумѣнія». Православная реакція, возбужденная уніею и поддержанная казаками, задержала на Украинѣ процессъ освобожденія народнаго малорусскаго языка отъ церковно-славянскаго, а союзъ съ православною Москвою, гдѣ такъ же точно народный великорусскій языкъ не выдѣлился въ сознаніи книжныхъ людей отъ церковно-славянскаго, потянулъ на сѣверъ немало литературныхъ силъ малорусскихъ, которымъ, при тогдашнихъ понятіяхъ о литературномъ языкѣ, немного было нужно перемѣнять свой стиль, чтобы дѣйствовать на сѣверѣ. Почти до половины XVIII вѣка на Украинѣ продолжала существовать своеобразная литература мемуаровъ, лѣтописей, драмъ, комедій, поученій, академическихъ лекцій съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ мѣстнаго народнаго элемента въ языкѣ, но безъ яснаго сознанія отличій его отъ церковнаго или отъ того, тоже смѣшаннаго, литературнаго языка, какой сталъ вырабатываться на сѣверѣ и къ которому тамъ стали прилагать названіе русскаго, какимъ первоначально звали свой литературный языкъ малороссы XVII вѣка; малороссы продолжали звать его такъ еще и въ XVIII вѣкѣ, между тѣмъ какъ и въ великорусской передѣлкѣ грамматики М. Смотрицкаго уже появился терминъ «малорусскій языкъ» въ примѣненіи къ тому языку, для коего первоначально написана была эта грамматика. Со временъ Ломоносова великорусскій элементъ въ литературномъ языкѣ сталъ все больше расти, и этотъ языкъ, исходя изъ государственнаго центра и будучи органомъ новой русско-европейской культуры, сталъ преобладать и у образованныхъ малороссовъ, производя здѣсь разрывъ съ церковною славянщиною. Одновременно съ тѣмъ, реакція классицизму, обнявшая наше общество съ конца XVIII вѣка, и сентиментализмъ и романтизмъ вели за собою запросъ на юморъ, на народныя сцены, на идиллію въ поэзіи. Отвѣтомъ на этотъ запросъ на югѣ были произведенія Котляревскаго, Гоголя-отца, Гулака-Артемовскаго, Квитки и др. начинателей наивнаго литературнаго украинофильства. Параллельно этому шло изученіе прошлаго въ исторіи, а вмѣстѣ съ

этимъ и обще-европейскій либерализмъ и смутно бродившія вначалѣ славянскія стремленія. Историки нашли въ прошломъ Малороссіи достойное интереса, либеральные романтики — достойное воспѣванія. Явилась исторія Малой Россіи Бантыша. Люди оппозиціи находили въ прошломъ Малороссіи зародыши строя, къ которому они стремились въ силу новыхъ европейскихъ идей; это прошлое показалось имъ лучше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ: Наливайки, Мазепы, Полуботки сіяли въ ореолѣ, заимствованномъ изъ чтенія Тита-Ливія. А такъ какъ на настоящее они смотрѣли глазами Тацита, то понятно, что та легкая племенная насмѣшка надъ «москалями», которая унаслѣдована у Котляревскаго, обоихъ Гоголей (см. «Вечера»), Квитки, племенныя ссоры XVII вѣка стали острѣе. На «москалей», «московскіе порядки» стали смотрѣть, какъ на губителей «воли казако-украинскаго народа». Собственно слово «народъ» тутъ ставилось по обычаю, а подъ нимъ разумѣлись только казаки или, еще чаще, старшина. Любопытный памятникъ такого, уже съ политическимъ оттѣнкомъ, украинофильства представляетъ появившаяся въ 20-хъ годахъ и быстро распространившаяся въ рукописяхъ «Исторія Руссовъ», приписанная Конисскому. Что она не могла принадлежать Конисскому, это, при теперешнемъ состояніи исторической критики, нечего доказывать. Уже по ея очень новому, литературно-русскому языку она, несомнѣнно, принадлежитъ XIX столѣтію. Но кто былъ ея авторомъ? Теперь это загадка, заняться рѣшеніемъ которой было бы интересно, пока еще время не ушло и есть надежда добраться до вѣрнаго рѣшенія. Много слѣдовъ указываетъ на происхожденіе «Исторіи Руссовъ» среди тѣхъ кружковъ изъ черниговскихъ и сѣверо-полтавскихъ потомковъ малороссійской старшины, которые болѣе или менѣе вяжутся и съ кружкомъ князя Рѣпнина, бывшаго вице-короля саксонскаго и малороссійскаго генералъ-губернатора. Не представляя теперь почти никакого интереса, какъ лѣтопись, «Исторія Руссовъ» любопытна, какъ политическій памфлетъ, написанный съ большимъ талантомъ. Къ антипатіи, какою отличаются малорусскія лѣтописи конца XVII вѣка противъ поляковъ, «Исторія Руссовъ» прибавила ѣдкую насмѣшку, направленную и противъ московско-петербургскихъ порядковъ; въ ней нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ роялизма и клерикальной точки зрѣнія старыхъ казацкихъ лѣтописей и хроникъ. Понятно,

почему она такъ долго ходила въ рукописяхъ. Она была напечатана только въ 1846 г., уже въ то время, когда роль ея была собственно окончена, когда порожденное и ею новое направленіе въ украинофильствѣ переросло идеи этого памфлета.

Это то направленіе, котораго поэтическимъ выразителемъ явился Шевченко. Оно приняло въ себя много сентиментальнаго романтизма, оно зачерпнуло и броженія тогдашнихъ умовъ и патріотизма «Исторіи Руссовъ», но осложнилось загнѣздившимся на югѣ Руси еще съ первыхъ временъ Харьковскаго университета, со временъ Каразина и Северина Потоцкаго, славянофильствомъ, а также соціальными идеями 40-хъ годовъ, которыя такъ пришлись по мужицкой натурѣ и памяти Шевченка. Когда, послѣ періода романтическаго отношенія къ традиціямъ и народной жизни украинской, у Шевченка наступилъ періодъ историческо-политическаго самосознанія, онъ сталъ на точку зрѣнія «Исторіи Руссовъ», при чемъ образы исторіи Украины дали у него перевѣсъ антипольскому направленію надъ анти-московскимъ. На двѣ-три ядовитыя фразы, направленныя противъ Москвы, у Шевченка мы видимъ нѣсколько поэмъ, въ которыхъ, съ явнымъ сочувствіемъ въ одну сторону, описывается борьба украинскихъ казаковъ съ поляками. Но для украинскаго поэта не замедлилъ наступить переломъ, который сталъ поперекъ его исключительно національнымъ тенденціямъ и образамъ. Переломъ этотъ совершился подъ вліяніемъ болѣе глубокаго вдумыванія въ жизнь, вдумыванія, толкаемаго крестьянскимъ происхожденіемъ поэта, а также подъ вліяніемъ того южно-русскаго славянофильства и тѣхъ идей 40-хъ годовъ, въ струю которыхъ попалъ Шевченко. Они заставили его написать стихотвореніе къ Б. З., въ коемъ особенно замѣчательны слѣдующія слова:

От так-то ляше, друже, брате,
Неситиі ксіондзи, магнати,
Нас розлучіли, розвели, и проч.

Вмѣсто картинъ прошлаго Украины, поэтъ сталъ рисовать картины обще-русскаго до-реформеннаго порядка; самое это прошлое показалось ему полнымъ зародышей настоящаго бѣдственнаго положенія народа, и онъ ѣдко осмѣивалъ казакофильство поклонниковъ «Исторіи Руссовъ», особенно между «потомками гетьмановъ дурныхъ». Эти насмѣшки, это отноше-

ніе къ гетманщинѣ нанесли смертельный ударъ исключительному національнизму и сепаратизму, во имя историческаго строя и традицій среди украинофильства.

Когда, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, они вновь заговорили, на этотъ разъ поддержанные болѣе свободною печатью во всей Россіи и юношествомъ южно-русскимъ, то уже объ исключительномъ національнизмѣ и особенно объ историческомъ сепаратизмѣ почти не было рѣчи. Если въ 60-е годы прошумѣла среди украинофильства струя антипатій къ полякамъ и слабѣйшая анти-московская, то она была, главнымъ образомъ, реакціей противъ тѣхъ препятствій и вражды, какую встрѣтили основныя стремленія тогдашнихъ украинофиловъ, т.-е. стремленія въ духѣ мѣры освобожденія крестьянъ, образованія народа на его языкѣ, обработки литературы малорусской. Съ 1857 по 1863 г. прошумѣлъ въ польской и русской литературѣ споръ между малорусскими и польскими писателями о народности право-бережной Украины и Галиччины, взаимные перекоры изъ-за «хлопоманіи». Послѣ 1863 г. польская народность оказалась далеко, въ наступательномъ положеніи даже за Вислою, а потому споры эти затихли, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые русскіе патріоты попробовали и само украинофильство, открывшее перестрѣлку съ поляками по вопросу о народности Западной Руси, изображать, какъ порожденіе польской интриги. Въ 1861—1864 гг. прошумѣлъ въ нашей и галицкой печати споръ о самостоятельности и границахъ малорусской литературы сравнительно съ русскою, которую нѣкоторые украинофилы признавали только великорусскою. При этомъ не обошлось безъ укоровъ въ политическомъ сепаратизмѣ съ одной стороны, безъ раздраженія и сепаратистическихъ выходокъ съ другой. Но и этотъ споръ скоро затихъ. Когда, съ конца 60-хъ годовъ, украинское направленіе вновь появилось въ печати, — въ наукѣ, въ публицистикѣ и беллетристикѣ, — оно явилось не только безъ прежняго раздражительнаго отношенія къ полякамъ и великоруссамъ, но и раздвоенное и по вопросу объ автономіи, даже литературной. Въ то время, когда одни, — преимущественно, нѣкоторые беллетристы и поэты, воспитывавшіеся въ эпоху полемики по вопросу о малорусской народности и выступившіе на литературное поприще въ Галиціи, — продолжаютъ относиться ко всей русской литературѣ, какъ къ великорусской, другіе отли-

чаютъ спеціально-великорусскій элементъ въ нашей новой литературѣ отъ обще-русскаго и признаютъ русскую литературу дѣйствительно обще-русскою, по крайней мѣрѣ, для русскихъ нашей имперіи. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей прежняго украинофильства, Н. И. Костомаровъ, который въ 60-е годы взялся было за изданіе книгъ для народнаго чтенія и Священнаго Писанія на малорусскомъ языкѣ. Въ своей статьѣ о малорусской литературѣ, помѣщенной въ изданіи г. Гербеля «Поэзія славянъ», г. Костомаровъ говоритъ:

«Если было сочтено умѣстнымъ переводить Священное Писаніе съ церковно-славянскаго на русскій, то тѣмъ же самымъ казалось вполнѣ умѣстнымъ перевести его по-малорусски, потому что на русскомъ языкѣ для малоросса оно менѣе понятно, чѣмъ на славяно-церковномъ. Никто не думалъ, что первоначальное образованіе, полученное малоруссами на своемъ природномъ языкѣ, могло изгнать и устранить изъ Малороссіи языкъ обще-русскій: напротивъ, существовала увѣренность, что, получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія на своемъ нарѣчіи, малороссъ съ бо́льшею охотою пожелаетъ читать по-русски и скорѣе научится русскому языку, пріобрѣвши уже до этого нѣкоторую подготовку и развитіе».

Такимъ образомъ наблюденіе надъ ходомъ общественно-культурнаго движенія въ Малороссіи, со временъ Мазепы до нашихъ дней, показываетъ постепенное ослабленіе здѣсь стремленій политическо-національной исключительности и постепенное усиленіе стремленій соціально-культурныхъ въ формахъ народныхъ и въ гармоніи съ подобными стремленіями сѣверно-русскими. Вотъ это-то движеніе, сложившись, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра и совершенно независимо отъ движеній въ польскомъ и польско-украинскомъ обществѣ, встрѣтилось съ польскимъ украинизмомъ какъ разъ въ то время, когда въ русскомъ украинизмѣ замѣтно совершался кризисъ въ послѣднемъ изъ вышеозначенныхъ направленій. Разумѣется, что эта встрѣча польскаго и русскаго украинофильства не могла быть очень симпатичною, по противоположности ихъ основныхъ стремленій, при нѣкоторомъ сходствѣ наружномъ, дѣлавшемъ тѣмъ болѣе непріятнымъ взаимный сюрпризъ при встрѣчѣ.

Кажется, въ первый разъ оба эти движенія встрѣтились литературно въ полемикѣ между Мих. Грабовскимъ и Кулишемъ, мирно помѣстившейся въ одной книгѣ во II томѣ изданныхъ г. Кулишемъ «Записокъ о Южной Руси» (1857 г.). Полемика эта произошла по поводу открытаго г. Судіенкомъ универсала Острянина отъ 1638 г., рисующаго польскія притѣсненія въ Малороссіи, и озаглавлена: «О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ». Грабовскій объясняетъ всѣ малорусскія возстанія (даже Хмельницкаго) частными обидами, нанесенными своевольными жолнерами тому или другому казаку малорусскому (см. особенно стр. 313), и т. п. причинами. Слѣдующія слова Грабовскаго особенно характерны: «что ни говори, а украинскія смуты были не что иное, какъ войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война». Грабовскій недоволенъ, что историки описываютъ съ удовольствіемъ «изгнаніе ляховъ изъ Украины, какъ будто украинцы въ самомъ дѣлѣ прогнали прочь чужеземцевъ и отняли у нихъ то, что еще вчера принадлежало имъ самимъ, тогда какъ на дѣлѣ выходитъ, что поднятая казаками къ возстанію чернь, вслѣдъ за ненавистными ей жолнерами, прогнала и своихъ родныхъ пановъ и что она грабила и отнимала у нихъ ихъ несомнѣнную собственность. Въ ея глазахъ ляхами, недоляшками и ополячившимися панами были не только военные люди Рѣчи Посполитой, не только необузданные своевольники и буяны, но и всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія и у кого было что заграбить». Естественно послѣ этого, что вся польская шляхта воспламенилась мщеніемъ за своихъ собратій изъ южно-русскихъ провинцій, и что Вишневецкіе и Кисѣли называли войско Хмельницкаго «взбунтовавшимися мужиками» (стр. 317). Мы не станемъ слѣдить за аргументаціей г. Кулиша, которую не трудно угадать напередъ, а выпишемъ только заключительныя слова его отвѣта (стр. 327): «Двѣ совершенно противоположныя (между прочимъ, и по соціальнымъ стремленіямъ) національности столкнулись на почвѣ, занятой польской политической системой и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло на пользу человѣчества, доказали, наконецъ, другъ другу, кажется, слишкомъ ясно свою несовмѣстимость. И потому да будетъ миръ костямъ Острожскихъ, Вишневецкихъ и Кисѣлей, которые у поляковъ

прослыли русскими патріотами и о которыхъ современныя лѣтописи наши говорятъ, что они плакали по своимъ имѣніямъ на Украинѣ! Они принесли свою пользу въ общей дѣятельности Рѣчи Посполитой польской, а ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ заблужденіями цѣлаго сословія, къ которому они принадлежали, способствовали первому послѣ татарщины и, какъ мы вѣруемъ, не напрасному шагу русскаго племени къ истинному самосознанію и самодѣятельности».

Для перваго раза, кажется, съ обѣихъ сторонъ было сказано довольно ясно. Компромисса трудно было ожидать, пока кто-нибудь не уступилъ бы весьма существеннаго. Спустя нѣсколько лѣтъ тотъ же г. Кулишъ напечаталъ въ «Основѣ» мнѣніе о корифеяхъ польско-украинской школы поэзіи и беллетристики, въ коемъ отрицалъ совершенно правду и народный украинскій элементъ въ ихъ произведеніяхъ. Еще передъ тѣмъ по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова произошла полемика между нимъ и г. Падалицею, начатая въ «Современникѣ» и продолжавшаяся въ «Основѣ». Въ это же время возвратившійся изъ ссылки Шевченко обратилъ на себя общее вниманіе; явилось новое изданіе его сочиненій, съ которыми только въ это время серьезно стали знакомиться поляки. Достойный доброй памяти и у русскихъ, польскій поэтъ Сырокомля (Кондратовичъ), человѣкъ съ искренними симпатіями къ хлопству и одинъ изъ немногихъ бѣлоруссофиловъ, перевелъ нѣсколько пьесъ Шевченка (1861); другія («Гайдамаки» и «Наймичка») перевелъ уже упомянутый нами г. Савинскій, написавшій и Studya nad literaturą ukrainską. Шевченко испугалъ польскую прессу. Самъ Сырокомля не рѣшился перевесть «Тарасову ночь» и «Гайдамаковъ», объявивъ въ предисловіи къ своему переводу «Кобзаря», что Шевченко, писавши эти пьесы, омокалъ перо свое въ кровь. «Bibliotеka Warszawska» (1862, № 1) назвала поэзію Шевченка «крикомъ вороньяго горла», объясняла его злость къ полякамъ тѣмъ, что, когда онъ былъ мальчикомъ, «панъ его побилъ за то, что онъ чуть не сжегъ дома» и т. п. Какъ извѣстно каждому, большинство польскаго дворянства, желая искренно отдѣленія Польши съ западными губерніями отъ Россіи, не жаловало демократической фразеологіи своей молодежи, а тѣмъ больше косилось оно на хлопомановъ. Когда же нѣсколько изъ по-

слѣднихъ появилось со статьями на страницахъ «Основы», поляки-отцы вообразили, что потеряютъ сыновей своихъ, которые отрекутся отъ Польши для Украины. Хлопоманія и украинофильство стали казаться имъ не только гайдамачествомъ, но еще и интригою схизматицкой Москвы [1]). Дѣйствительное освобожденіе крестьянъ со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, между прочимъ, съ недовѣріемъ, какое показывали крестьяне даже помѣщикамъ-либераламъ и народолюбцамъ, вездѣ, и въ великой и въ малой Россіи, сильно поохладило въ нѣкоторыхъ слояхъ симпатіи къ народу ради народности, а отношеніе крестьянъ къ шляхтѣ во время возстанія 1863 г. было такого рода, что должно было добить всякія идиллическія симпатіи польско-украинскихъ романтиковъ къ «пейзанамъ». Страхъ новой хмельнищины, коліивщины убилъ польское украинофильство.

Спустя немного, ограниченія малорусской литературы, вызванныя инкриминаціями тѣхъ нашихъ изданій, которыя неожиданнымъ образомъ произвели русскихъ украинофиловъ въ союзниковъ поляковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повторили всѣ доносы польской прессы на хлопомановъ, вызвали у нѣкоторыхъ русиновъ и поляковъ въ Галиціи фразы объ общемъ союзѣ Польши и «Руси» противъ туранской Москвы, но эти фразы, послѣ всего случившагося, говорились съ кислой миной и не только не вели ни къ чему, но тотчасъ же смѣня-

[1]) Въ дополненіе къ выпискамъ изъ польскихъ газетъ 1862—1863 (первымъ выступило противъ хлопомановъ „Slovo“ въ 1859 г.), приведеннымъ въ статьѣ „Восточная политика Германіи“, можно указать на книгу, изданную Влад. Мицкевичемъ въ 1863 г. „La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Oukraïnien“ etc. Тутъ „un Oukraïnien“ жалуется на руссомановъ, называя ихъ: „les roussomanes ou les russiens, des jeunes gens de toutes classes, des hommes sans fortune, des esprits faux et des demi-savants“, которые нападаютъ на польскую шляхту во множествѣ издаваемыхъ ими книжекъ. „Un recueil de différentes poésies telle que Kobzar, Haïdamaki, Chata, Narodni Opovidanné, Azbuki, Gramatki etc. forme une enorme batterie, dirigé contre les seigneurs ou, pour dire la verité, contre les plus riches seulement. L'organe qui concentre toutes les idées d'un communisme déstructeur et d'un faux socialisme, c'est l'*Osnowa*, qui sort de Pétersbourg. Ce journal est plus nuisible aux polonais que *Dzien* (de Moscou), à cause d'une certaine nobilité et du choix circonspect de ses rédacteurs. Ces écrits trouvent un timide et faible écho dans le *Slovo* de Leopol, mais le dernier journal mérite à peine qu'on fasse mention de lui...“ (24, 25). Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ говоритъ, что правительство поощряетъ этихъ руссомановъ.

лись жалобами, что малорусское движеніе въ Россіи и въ Галиціи есть «авангардъ Москвы для послѣдняго, самаго жестокаго раздѣла Польши» [1]). Недавно краковская газета «Kraj», разсматривая отношенія «Польши и Руси» съ горечью говорила о томъ, «чего хотѣла кіевская (польская) молодежь для русскаго (малорусскаго) народа и чѣмъ онъ заплатилъ въ 1863 г. за эти благія намѣренія». При такомъ настроеніи прежнія отношенія польской литературы къ украинскому элементу стали надолго невозможны.

Между тѣмъ и русское украинофильство почти совсѣмъ сошло со сцены, не успѣвъ выработать и высказать цѣльнаго, систематическаго міровоззрѣнія на текущіе вопросы внутренней и внѣшней политики, даже на польскій вопросъ, по которому оно выступило было, какъ застрѣльщикъ съ русской стороны [2]). Во время разгара польскаго возстанія и послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ въ Западномъ краѣ, уже не существовало спеціальнаго малороссійскаго органа въ Петербургѣ. Провинціальная же печать у насъ вовсе не можетъ считаться серьезною, по своему подначальному положенію. Въ 1863—1866 гг., когда у насъ наиболѣе активно занимались только русскимъ вопросомъ, передовое мѣсто въ русской политической прессѣ въ глазахъ поляковъ занимали органы московскаго славянофильства («День», «Москва») и того смѣшаннаго, больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго направленія, которое характеризуетъ «Московскія Вѣдомости». «День» старался было установить на польскій вопросъ славяно-

---

[1]) Еще недавно польская печать въ Галиціи, обсуждая вопросъ, какой органъ желателенъ для русиновъ въ Галиціи, выражалась о стремленіяхъ тамошнихъ „молодыхъ“ такимъ образомъ: „Молодая Русь портитъ кредитъ себѣ у практичныхъ людей своими мечтами объ Украинѣ и казачинѣ“ (Gaz. Narod. 1874, 52).

[2]) Какъ благосклонны были въ началѣ 60-хъ годовъ къ шляхетскому элементу люди, которые потомъ пріобрѣли себѣ было извѣстность, какъ его противники въ Юго-Западномъ краѣ, можно видѣть на примѣрѣ г. В. Шульгина (Исторія Кіевскаго университета, 1861 г., стр. 9 и слѣд.), потомъ редактора „Кіевлянина“, и г. М. Юзефовича („Объясненіе отъ предсѣдателя кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ“, 1861, стр. VIII), потомъ крупнаго публициста въ „Кіевлянинѣ“, корреспондента „Моск. Вѣд.“ и проч. Какъ мало знакома была съ Западною Русью столичная печать, можно видѣть по тому, что въ „Парусѣ“ И. С. Аксакова (1859, 2) было помѣщено „Письмо изъ Польши“ съ помѣткою „Житомиръ“.

русскую, отличную отъ прусской, точку зрѣнія, держаться народныхъ, а не административно-централистическихъ началъ, не смѣшивалъ славянство съ православіемъ, а русское вообще съ великорусскимъ, а потому и не имѣлъ вліянія на поляковъ. Да къ тому, во время возстанія ничто, кромѣ безусловнаго оправданія всѣхъ, самыхъ агрессивныхъ польскихъ требованій, не могло имѣть сочувствія среди поляковъ. По окончаніи же возстанія органъ московскаго славянофильства совершенно почти перешелъ къ тѣмъ прусскимъ началамъ, которыя представляли единственно послѣдовательное въ доктринахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и которыя, конечно, не могли найти себѣ пути къ умамъ самыхъ умѣренныхъ поляковъ. Событія 1866 г., славянскій съѣздъ, союзъ русской ретроградной партіи съ польскою («Вѣсть» и т. п.), наконецъ, событія 1870—1871 гг. произвели совершенное потемнѣніе въ воззрѣніяхъ московскихъ изданій на польскій вопросъ. «Бесѣда» (1871—1873) покушалась было опять установить славянорусскую, отличную отъ прусской, точку зрѣнія на этотъ вопросъ, но это намѣреніе, равно какъ и стремленіе редакціи «очистить» славянофильское направленіе отъ постороннихъ примѣсей, не удалось по внутреннимъ отношеніямъ въ кружкахъ славянофильскихъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ. По временамъ изъ тѣхъ круговъ, которые примыкаютъ тѣснѣе къ «западникамъ» 40—50 годовъ, слышатся нѣсколько новые голоса по польскому вопросу, далекіе отъ прежняго равнодушія или безусловнаго раздѣленія польскихъ тенденцій, а равно и отъ нетерпимости московскихъ публицистовъ 1863—1866 гг., но ихъ не настолько много, чтобъ они могли произвести замѣтное вліяніе на русское и польское общество. Новое органическое и созидательное міровоззрѣніе на русско-польскія отношенія можетъ выработаться только при систематическомъ изученіи жизни какъ Польши, такъ и Литвы и западно-русскихъ краевъ, а это станетъ возможнымъ только при существованіи серьезныхъ и свободныхъ органовъ печати въ Варшавѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и т. п.

Говоря, въ предѣлахъ нашего предмета, только о Юго-Западномъ краѣ, приходится сознаться, что въ тамошнемъ польскомъ элементѣ мы имѣемъ дѣло съ племенемъ во всякомъ случаѣ не малочисленнымъ и весьма даровитымъ, что видно, напр., изъ того большого числа дѣятелей, какое далъ

польской литературѣ этотъ край съ конца XVIII вѣка [1]). Въ послѣдніе годы право-бережная Украина не производитъ никого и ничего и для польской культуры. Очевидно, что тамошніе поляки переживаютъ кризисъ. Обстоятельства поставили передъ ними дилемму: или быть пассивными свидѣтелями хода жизни, или подвинуть симпатіи ближе къ дѣятельности русскаго общества, такъ какъ край, въ коемъ они могутъ дѣйствовать, очевидно, часть русскаго, а не польскаго міра. Въ пассивномъ положеніи никакое общество долго оставаться не можетъ, не осуждая себя на разложеніе, на то, что жизненные вопросы будутъ рѣшаться безъ него. Для того, чтобы помочь свѣжимъ силамъ польскаго общества въ Юго-Западномъ краѣ выйти изъ теперешняго ненормальнаго состоянія, надо, чтобы съ русской стороны образовалось и энергически проявило себя направленіе, которое бы, оставаясь русскимъ и будучи непремѣнно народнымъ, въ то же время давало мѣсто естественнымъ чувствамъ кровной связи съ краемъ и увлекало молодые умы широтою общественныхъ и культурныхъ стремленій. Такое направленіе, несомнѣнно, совершитъ то, чего преждевременно страшились польско-католическіе кружки Юго-Западнаго края еще въ 1860—1863 гг., а именно отниметъ у нихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы въ современномъ русскомъ обществѣ не было вовсе элементовъ для такого направленія: зародыши его существовали и въ прежнихъ движеніяхъ русской мысли, въ западничествѣ, въ московскомъ славянофильствѣ, въ украинофильствѣ. Но для того, чтобъ русская мысль подѣйствовала на поляковъ Западнаго края, необходимо, чтобъ извѣстные нравственные элементы сложились въ систему и концентрировались въ направленіе, которое бы избрало своимъ центромъ мѣсто столько же

---

[1]) Соотвѣтственно этому немалое число дѣятелей русской культурѣ дала лѣво-бережная Украина; такъ, изъ одной Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка вышли Херасковъ, Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, Гоголь, Котляревскій, Максимовичъ, Бодянскій, Метлинскій, Остроградскій и немало ученыхъ, профессоровъ въ разныхъ русскихъ университетахъ. Замѣчательно, что послѣ Гоголя совсѣмъ не являются въ обще-русской беллетристикѣ украинцы, и что украинскій бытъ у насъ или вовсе не воспроизводится въ беллетристикѣ или воспроизводится по-малорусски. Право-бережная Украина только и дала въ послѣднее время крупнаго литератора—Шевченка.

русское, сколько и непосредственно прилегающее къ Западному краю, или въ немъ самомъ лежащее.

Въ настоящее время мы прежде всего не имѣемъ вовсе никакихъ данныхъ для того, чтобы сколько-нибудь вѣрно судить о томъ, чѣмъ морально живетъ польское общество вообще, а особенно въ западныхъ краяхъ. Вотъ почему намъ по меньшей мѣрѣ странно видѣть смѣло выраженными многія изъ тѣхъ заключеній, какія встрѣчаемъ въ главахъ очерка о полякахъ Юго-Западнаго края въ «Матеріалахъ» г. Чубинскаго: «Католицизмъ въ Юго-Западномъ краѣ», и особенно коротенькая, но громко названная глава: «Коренныя причины антагонизма съ великоруссами (?) и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанья». Тутъ, кромѣ недостаточности данныхъ для заключеній, встрѣчаемся еще съ отсутствіемъ всякаго положительнаго метода для ихъ составленія. Мы бы не говорили объ этомъ, если бы это не были обычныя у насъ особенности разсужденій о полякахъ. Такъ, мы встрѣчаемъ тутъ и либеральный укоръ польскому обществу въ его крайнемъ католицизмѣ, и приговоръ, что польское общество не цѣнитъ женщину, какъ человѣка, не расположено къ идеѣ женской эмансипаціи и т. п. Антагонизмъ поляковъ и русскихъ объясняется кряду и соперничествомъ за преобладаніе въ славянскомъ мірѣ, и тѣмъ, что русская культура антипатична польскому обществу, помимо политическаго даже антагонизма. «Русское интеллигентное общество было всегда демократическимъ. Въ нашей литературѣ сильно развито критическое направленіе, самообличеніе и стремленіе стряхнуть съ себя всякій романтизмъ. Не даромъ Россія называется мужицкимъ государствомъ, ея интеллигенція ближе къ народу, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ обществѣ» (стр. 270).

Авторъ этихъ строкъ, очевидно, не задалъ себѣ вопросовъ: «Кѣмъ называется? Что должно разумѣть подъ словомъ интеллигентное общество? Кто въ Россіи сочувствуетъ эмансипаціи женщинъ, всѣ или нѣкоторые? Кто чуждъ религіознаго фанатизма?» и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ не объяснилъ этого читателямъ. Къ тому же онъ, очевидно, забылъ, что нѣсколько листковъ выше онъ говорилъ такія фразы: «демократизмъ повстанцевъ» (стр. 249), «безпощадная критика (пуристовъ) на господствующіе нравы» (стр. 248) и т. п. Для того, чтобъ сравнивать двѣ вещи, нужно, чтобъ онѣ были

однородны. Такъ и сравненіе русскаго и польскаго общества можетъ быть только тогда поучительно, когда мы не забудемъ того, что и то и другое распадается на извѣстные слои, между коими и надо производить сравненіе, а равно и обстоятельствъ развитія того и другого. Надо сравнивать не польскаго магната съ какимъ-нибудь Бѣлинскимъ и т. д., а магната съ вельможей, ксендза съ священникомъ, шляхтича съ помѣщикомъ, студента со студентомъ и т. п. Разница, конечно, найдется, но не такая качественная, какая получается у г. Чубинскаго. Окажется, мы думаемъ, только то, что въ польскомъ обществѣ всѣ консервативные и реакціонные элементы болѣе сознательны, болѣе сплочены, чѣмъ въ нашемъ, а прогрессивные болѣе разсѣяны, и при этомъ тѣ и другіе болѣе направлены на національные, чѣмъ на общественные вопросы. А большая часть этой разницы, при сличеніи условій развитія польскаго общества и русскаго объяснится тѣмъ, что Россія самостоятельное государство, что русская народность обезпечена, а польская нѣтъ. Разсѣянность польскаго прогрессивнаго элемента, его слабѣйшее дѣйствіе на общество объясняется, между прочимъ, эмиграціей; меньшая степень разлада между «отцами» и «дѣтьми» въ Польшѣ общимъ давленіемъ извнѣ и т. п. При такихъ сравненіяхъ нельзя упускать изъ виду и того, что надо сравнивать явленія, происходящія въ одно время, потому что для каждой эпохи придется дѣлать особые выводы. Въ такомъ случаѣ, точнымъ, а не произвольнымъ, сравнительнымъ методомъ, произведенное изслѣдованіе надъ польскимъ обществомъ можетъ дѣйствительно привести къ уясненію практическихъ мѣръ по отношенію къ нему; но наши публицисты и даже изслѣдователи, какъ въ свою очередь и польскіе, обыкновенно поступаютъ иначе. Вотъ, напримѣръ, въ послѣднее время часто въ нашей печати поляки похваляются тѣмъ, что они начинаютъ «отрезвляться отъ увлеченій 1863 г. и безпристрастнѣе оцѣнивать Россію»— это все вѣрно, но при этомъ вовсе не задаются мыслью о томъ, однимъ ли только полякамъ слѣдуетъ отрезвляться и не замѣчается ли «признаковъ отрезвленія» и у насъ? И въ книгѣ г. Чубинскаго говорится объ «измѣненіи быта (т.-е. настроенія) поляковъ со времени неудачи повстанія», а особенно со времени событій 1870—1871 гг. Книга г. Чубинскаго говоритъ, напримѣръ, о томъ, что «поляки Юго-Западнаго края совер-

шенно незнакомы съ русскими, какъ съ культурнымъ народомъ. Для нихъ русская интеллигенція являлась въ видѣ чиновника или офицера. Литературы русской они и не знали и относились къ ней съ пренебреженіемъ. Вообще въ мнѣніяхъ поляковъ русскіе не обладаютъ умомъ и знаніемъ. Даже студенты университета ограничивались только обязательными для нихъ руководствами. Въ ихъ библіотекахъ не было ни одной русской книги. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что до 40 годовъ наша литература была бѣдна, журнальная дѣятельность была не обширна. Хорошихъ научныхъ руководствъ почти не было, было очень мало даже переводныхъ ученыхъ сочиненій... Только съ 40 годовъ, а въ особенности съ 1855 г. русская журналистика и наука получили широкое развитіе и далеко опередили польскую литературу. И съ этого времени начинается нѣкоторый поворотъ въ польскомъ обществѣ» (стр. 272).

Въ этихъ словахъ, дѣло не обошлось, однако, безъ преувеличенія; заключенія также невѣрны отъ отсутствія сравненія или отъ невниманія къ тому, о какомъ собственно времени идетъ дѣло; наконецъ, есть и противорѣчія. Говоря не абсолютно, а сравнительно, едва ли поляки не больше знаютъ русскую литературу, чѣмъ мы польскую; о языкѣ ужъ и говорить нечего. Переводовъ съ польскаго у насъ очень мало, а до послѣдняго времени, напримѣръ, Мицкевича, не говоря уже, напримѣръ, о Красинскомъ, совершенно почти не переводили у насъ, между тѣмъ важнѣйшія произведенія русскихъ поэтовъ довольно скоро послѣ появленія ихъ въ оригиналѣ переводились и по нѣскольку разъ часто знаменитѣйшими польскими поэтами [1]). До 1830 года вообще существовали

[1]) Вотъ указаніе польскихъ переводовъ нѣкоторыхъ изъ произведеній русскихъ писателей; изъ Пушкина, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, переведенныхъ Мицкевичемъ, Одынцемъ, Ходзькомъ, Сабовскимъ и т. п. „Кавказскій плѣнникъ“ переведенъ Н. Ф. Жабой въ 1828 г.; „Бахчисарайскій фонтанъ“—три раза (между 1828 и 1832); „Братья разбойники“ и „Цыгане“—въ Варшавѣ въ 1842 г. и другой разъ въ Вильнѣ; „Евгеній Онѣгинъ“—въ Вильнѣ въ 1847 г.; „Скупой Рыцарь“, „Мѣдный Всадникъ“ и т. д. Изъ Лермонтова—лирическія стихотворенія переводили Сырокомля, Ленартовичъ, Сабовскій и др.; кромѣ того, переведены „Герой нашего времени“ (1844), „Мцыри“ (Сырокомля, 1853), „Демонъ“ (1860), „Хаджи-Абрекъ“ (1855) и т. д.; Грибоѣдова отрывки „Горя отъ ума“ въ польскомъ переводѣ съ рукописи явились въ печати (1830) раньше, чѣмъ вся пьеса была напечатана по-русски

довольно близкія отношенія между литературно-общественными дѣятелями польскими и русскими, а пока былъ Виленскій университетъ, то проявлялось и научное общеніе: Лелевель, напримѣръ, написалъ критику на исторію Карамзина, и дѣльную критику, по времени; въ Вильнѣ вышелъ (въ сокращеніи польскомъ), скоро послѣ выхода въ Харьковѣ, «Обзоръ русскихъ древностей» Успенскаго и т. п. Послѣ 1830 года польское общество точно больше удалилось отъ русскаго, но не настолько все-таки, чтобы совсѣмъ перестать слѣдить за русскою литературою. Какъ можно видѣть изъ списка переводовъ на польскій языкъ съ русскаго, поляки слѣдили за русской литературой не довольно систематично; но то же слѣдуетъ сказать и о русскихъ. Русская литература и критика въ 40 годы пошла вглубь русскаго общества, стала принимать весьма серьезный характеръ, но въ то же время имѣла часто весьма домашній характеръ. Какъ только сфера литературы, науки, публицистики русской расширилась, то, какъ говоритъ и г. Чубинскій, и поляки стали обращать на нее больше вниманія. Тутъ, значитъ, не произошло никакого поворота у поляковъ, а произошло только увеличеніе важности того явленія, на которое мы желаемъ, чтобы поляки обращали вниманіе. А то, что же удивительнаго, если поляки не обращали вниманія, напримѣръ, на русскую переводную литературу, если таковой, по сознанію и г. Чубинскаго, вовсе почти не было? До послѣдняго времени условія нашей печати дѣлали невозможнымъ появленіе въ русскихъ переводахъ сочиненій передовыхъ въ ту эпоху историковъ и политиковъ Европы: Гизо, Маколея, Шлоссера, Гервинуса, Луи-Блана, Мишле и т. п.; цѣлыя области наукъ, какъ, напримѣръ, политическая экономія, были сплошь почти недоступны нашей литературѣ; до сихъ поръ ей мало или вовсе недоступны многія сочиненія по исторіи религій, по византійской исторіи

(1833), а въ 1859 г. явился полный переводъ. Крылова басенъ есть два перевода: полный (1852) и избранныя басни (пер. Глинскимъ, авторомъ „Bajarza Polskiego“, въ 1861—1862). Марлинскаго почти всѣ важнѣйшія вещи переведены въ 30—40-е годы. Даже мало пріятный полякамъ „Юрій Милославскій“ переведенъ давно на польскій и т. д. и т. д. Красинскаго „Небожественная комедія“ переведена была въ самое послѣднее время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, когда интересъ къ ней долженъ былъ сильно испариться у самихъ поляковъ: то же надо сказать о „Мазепѣ“ Словацкаго.

и даже по восточнымъ древностямъ. Переводами же классиковъ, которые тоже притихли въ Россіи послѣ Александровскаго времени, а равно и переводами образцовыхъ поэтическихъ произведеній европейской поэзіи (Данте, Тассъ, Аріостъ, Камоэнсъ и т. д.), польская литература была богаче нашей. Въ послѣднее время русская переводная литература, особенно научная, стала расширяться и слѣдить за крупными новостями въ Западной Европѣ, и она стала находить себѣ публику въ польской молодежи. Не подлежитъ сомнѣнію, что та энергія, какую во многихъ мѣстахъ обнаруживаютъ въ послѣдніе два-три года поляки по части переводной литературы (особенно въ Варшавѣ), объясняется, между прочимъ, и сознаніемъ необходимости конкурировать въ умахъ молодежи съ русской литературою. Пока еще русская переводная литература стоитъ впереди польской по научному отдѣлу: но если почему-либо притихнетъ то стремленіе русской печати слѣдить за важнѣйшими явленіями въ области европейской мысли, которое въ послѣднее время замѣтно въ ней, то поляки, при возможности печатать безпрепятственно книги въ Краковѣ, Львовѣ, Познани, конечно, обгонятъ насъ. Практическіе выводы изъ сказаннаго сдѣлать не трудно: нужно и намъ не впадать въ грѣхъ, въ коемъ обвиняемъ поляковъ, а главное, нужно прежде всего заботиться о расширеніи нашей культуры и литературы, тогда поляки перестанутъ игнорировать ее. Для того же, чтобы наша культура повліяла на ассимиляцію поляковъ Западнаго края съ русскими, нужно, чтобы въ тамошнихъ центрахъ было побольше условій и простора для самодѣятельности русскаго общества. Два-три серьезныхъ независимыхъ журнала въ Кіевѣ, Вильнѣ, университетъ въ послѣднемъ городѣ, повліяютъ больше, чѣмъ всѣ репрессаліи и укоры полякамъ, зачѣмъ они не хотятъ знать насъ, русскихъ, какъ культурный народъ.

Русскіе въ Галиціи*).

Литературныя и политическія замѣтки.

Не безъ колебаній приступаемъ мы къ передачѣ результатовъ нашихъ наблюденій надъ нѣкоторыми сторонами общественной и литературной жизни у галицкихъ русскихъ, не безъ опасеній за интересъ нашего предмета для читателей. Несмотря на громкіе толки нѣкоторыхъ кружковъ, кружковъ у насъ и въ Австріи, о «единствѣ» славяно-русскихъ интересовъ, а можетъ-быть, именно благодаря этимъ толкамъ, въ значительной части нашего образованнаго общества, и едва ли не въ большинствѣ его, существуетъ, говоря словами одного

---

*) Эта статья была первоначально напечатана въ *„Вѣстникѣ Европы"*, 1873 г. январь и февраль, и подписана псевдонимомъ М. Т-овъ. „Русскими въ Галиціи" въ этой и въ слѣдующихъ статьяхъ авторъ называетъ галицкихъ русиновъ или украинцевъ, т.-е. ту часть украинскаго народа, которая живетъ въ Галиціи; то же наименованіе „русскихъ" онъ примѣняетъ и къ русинамъ или украинцамъ, живущимъ на Буковинѣ и въ Венгріи. Конечно, такая терминологія очень неудобна, такъ какъ она создаетъ путаницу. Въ свое время она была вызвана цензурными условіями; авторъ долженъ былъ жертвовать нѣкоторой опредѣленностью выраженій для того, чтобы имѣть возможность печатно высказывать и распространять свои идеи. Когда авторъ, живя за границей, получилъ возможность выражать свои взгляды вполнѣ свободно, онъ самъ настаивалъ на томъ, что терминъ „украинцы", какъ наиболѣе всеобъемлющій, больше всего подходитъ ко всѣмъ частямъ такъ называемаго малорусскаго народа. (Ср. М. Драгомановъ, „Собраніе политическихъ сочиненій", т. II, Парижъ, 1906, стр. 593 и сл. „Страхи украинскаго сепаратизма". Эта статья будетъ перепечатана въ IV томѣ предлагаемаго изданія.) Перепечатывая здѣсь статьи автора, появлявшіяся въ подцензурныхъ изданіяхъ, мы, конечно, не можемъ замѣнять сбивчивой и неясной терминологіи ихъ болѣе точной и опредѣленной. Эту неправильную терминологію надо отнести къ извѣстному колориту, который накладывала историческая эпоха на всѣ литературныя произведенія, принадлежавшія къ ней. Устранить этотъ колоритъ невозможно, да и не слѣдуетъ.

Прим. ред.

изъ пропагандистовъ у насъ панславистскихъ идей, Гильфердинга, «ледяная холодность» къ славянскимъ дѣламъ, которая по временамъ прорывается рѣшительнымъ отвращеніемъ не только отъ разсужденій о славянскомъ единствѣ, но и отъ всякаго рода разговоровъ о «нашихъ западныхъ братьяхъ», даже столь близкихъ, какъ галичане. Говоря вообще, мы сами мало что можемъ сказать противъ этой «холодности» и противъ этого отвращенія. Дѣла западныхъ славянъ не представляютъ для насъ того общечеловѣческаго интереса, какой имѣетъ жизнь великихъ передовыхъ народовъ Европы, а въ то же время дѣла эти — не наши домашнія дѣла, какъ бы ни близки были этнографически съ нами нѣкоторые изъ этихъ славянъ. Вовсе не потому, чтобъ у насъ было слабо чувство народности, а потому именно, что мы очень русскіе, т.-е. очень неравнодушны къ нашимъ русскимъ, домашнимъ дѣламъ, которыя требуютъ особенно внимательной работы, общество наше на дѣлѣ не только равнодушно къ дѣламъ западныхъ братьевъ нашихъ, по расѣ, а не по внутреннимъ задачамъ, но даже не очень и жалуетъ толки объ этихъ послѣднихъ, такъ какъ эти толки сводятся сейчасъ же на разсужденія о «нашемъ славянскомъ призваніи», исполненіе котораго должно бы было отвлечь насъ далеко отъ нашихъ существенныхъ домашнихъ задачъ. Къ тому же толки объ этихъ славянскихъ призваніяхъ и задачахъ возникли было у насъ и усилились вновь не въ очень-то благопріятныя для нашего внутренняго развитія минуты, и слишкомъ часто и слишкомъ удобно совмѣщаются у насъ съ неособенно благопріятными для этого развитія тенденціями. Благодаря, съ одной стороны, искусственности у насъ «славянскихъ тенденцій», а съ другой, благодаря упомянутому сейчасъ «совмѣщенію» ихъ, всѣ такіе толки о славянскихъ дѣлахъ и разсказы о нашихъ западныхъ братьяхъ въ нашей печати какъ исходящіе отъ нашихъ писателей, такъ и отъ западныхъ корреспондентовъ, не имѣютъ своимъ послѣдствіемъ даже фактическаго ознакомленія нашего общества съ дѣлами славянства, какъ они есть, такъ какъ эти писанія по бóльшей части состоятъ изъ общихъ фразъ или отрывочныхъ фактовъ, сопровождаемыхъ возгласами и односторонними комментаріями.

Вотъ хоть бы и сопредѣльная намъ Галиція: съ самаго 1867 года, со временъ извѣстнаго славянскаго съѣзда, у насъ

напечатано не мало корреспонденцій, передовыхъ статей и даже полъ-книги объ этой ближайшей намъ по географіи и этнографіи австрійско-славянской землѣ. Но почти все напечатанное представляетъ только варіаціи двухъ-трехъ фразъ въ такомъ родѣ: «вотъ, молъ, несчастные соплеменники наши, оторванная плоть отъ плоти нашей, кость отъ кости нашей, страждутъ подъ польско-нѣмецкимъ гнетомъ именно потому, что они оторваны отъ насъ; будь они съ нами, ничего подобнаго бы не было, и они, несчастные, чувствуютъ это, завидуютъ нашему положенію, а потому рвутся къ слитію съ нами, кромѣ нѣсколькихъ измѣнниковъ народу русскому, купленныхъ или отуманенныхъ коварною польскою интригою». Никакихъ фактическихъ данныхъ ни о положеніи ни о настроеніи народа въ Галиціи, о степени умственнаго развитія тамошней интеллигенціи, о внутреннемъ вѣсѣ тѣхъ круговъ, которые простираютъ оттуда къ намъ длани, ни тѣхъ, которые отворачиваются отъ насъ, въ такихъ разсказахъ не найдете. Не найдете также строгаго взвѣшиванія своихъ словъ и у тѣхъ, которые обращаются къ галичанамъ съ обнадеживаніями, точно для того, чтобы подать помощь сосѣдямъ, и даже передвинуть границу государства, достаточно только одного почерка пера и притомъ совершенно частнаго лица. Такимъ образомъ разговоры о нашихъ соплеменникахъ, продолжающіеся вотъ уже добрыхъ пять-шесть лѣтъ, если не болѣе, до сихъ поръ не дали намъ даже фактическаго знакомства съ Галиціей и вообще не произвели другого практическаго результата, кромѣ эмиграціи къ намъ на разныя служебныя мѣста нѣсколькихъ лицъ изъ Галиціи. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно сказать, что, исключая Холмскаго края, куда эмигрировало нѣсколько духовныхъ галицкихъ, оказавшихся болѣе полезными тамъ, чѣмъ сильно ополяченные туземные уніатскіе священники, эмиграція изъ Галиціи не увеличила симпатій нашего образованнаго общества къ нашимъ заграничнымъ соплеменникамъ. По всѣмъ этимъ причинамъ мы совершенно понимаемъ не совсѣмъ благосклонное отношеніе русскаго читателя къ толкамъ объ этихъ соплеменникахъ.

И однакожъ мы рѣшаемся говорить о нихъ, но предварительно предупредивъ читателя, что не будемъ ни кавалерски относиться къ государственнымъ границамъ, ни обнадеживать, ни устрашать кого-либо, не будемъ увлекаться фразами о

русско-славянскомъ единствѣ, а постараемся, насколько возможно, передать фактами политическое и литературное положеніе Галиціи, и въ критикѣ тамошнихъ дѣлъ держаться не столько субъективныхъ взглядовъ, сколько оцѣнки ихъ съ точки зрѣнія тамошнихъ интересовъ, т.-е. интересовъ тамошняго народа. Мы убѣждены, что совершенно игнорировать жизнь страны, которая прилегаетъ къ нашимъ границамъ, съ которою мы уже связаны одною прямою желѣзной дорогой и скоро свяжемся другою, не совсѣмъ резонно. Къ тому же, мало того, что масса народа въ этой странѣ принадлежитъ къ одной народной группѣ съ нашею, дѣла Галиціи находятся въ нѣкоторомъ соотношеніи и съ нашими домашними дѣлами, такъ какъ страна эта, населенная русскими, поляками и евреями, представляетъ въ миніатюрѣ наши западныя губерніи и Царство Польское. Отъ этого въ Галиціи мы можемъ наблюдать дѣйствіе многихъ тѣхъ же самыхъ общественныхъ элементовъ, что и у насъ, хотя и съ нѣкоторыми варіаціями. Впрочемъ, эти варіаціи дѣлаютъ тѣмъ болѣе интересными наблюденія надъ Галиціей, такъ какъ даютъ возможность по сравненію оцѣнивать значеніе многихъ нашихъ домашнихъ элементовъ и силъ, и изучить вліяніе ихъ на положеніе нашихъ обширныхъ областей на западъ отъ Днѣпра, въ которыхъ, несомнѣнно, замѣшаны наши весьма важные народные и государственные интересы.

У насъ принято жаловаться на безпомощное положеніе братьевъ нашихъ подъ давленіемъ «польской интриги» и тѣмъ самымъ косвенно призывать наше общество, и чуть не правительство, столь, по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, блистательно борющихся съ этой интригой у себя дома, приняться за борьбу съ нею и за предѣлами государства нашего, но въ предѣлахъ все нашего же русскаго племени. И дѣйствительно, въ положеніи нашихъ соплеменниковъ, галицкихъ русиновъ или «рускихъ», какъ они себя называютъ, есть много печальнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Австріи установилась конституціонная система, русины все больше и больше лишаются заботъ центральнаго правительства, а мѣстное правительство почти всецѣло переходитъ въ руки поляковъ, при чемъ желательное для всего славянства въ Австріи и одобряемое и нашими «печальниками» галицко-русскаго народа торжество федеративной системы въ Австріи, т.-е. автономіи такъ назы-

ваемыхъ «коронныхъ земель» ея, должно еще болѣе отдать русиновъ подъ политическое господство поляковъ. Но въ то же время, если нынѣшняя конституціонная система въ Австріи и тѣ формы, къ которымъ она можетъ перейти въ ближайшемъ будущемъ, и мало благопріятствуютъ русинамъ политически-административными путями, то та же система, расширивъ поле частной и общественной дѣятельности, даетъ русинамъ для борьбы за свою народность такія могущественныя орудія, какихъ, напр., мы въ Западномъ краѣ имѣть не можемъ. Вслѣдствіе этого въ то время, какъ мы можемъ по справедливости гордиться въ Западномъ краѣ устройствомъ поземельныхъ отношеній между русскими крестьянами и польскими помѣщиками, болѣе выгоднымъ для первыхъ, чѣмъ введенное послѣ 1848 г. въ Галиціи, хотя перевѣсъ результатовъ нашихъ мѣръ, сравнительно съ австрійскими, и ослабляется нашей все еще старой податной системой, но зато у насъ русскій театръ существуетъ даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Кіевъ и Вильна, только благодаря казенной субсидіи, на какую мы завели въ этихъ мѣстахъ и русскія газеты, между тѣмъ въ Галиціи, интеллигенція которой не отличается матеріальнымъ богатствомъ, уже давно существуетъ русскій театръ, десять періодическихъ изданій почти исключительно общественными средствами. Наконецъ послѣ 1863 г. у насъ замѣтили, что именно подъ нашею государственною властію — послѣ сопряженнаго съ такими трудами и (какъ показываетъ напечатанная недавно въ «Вѣстникѣ Европы» статья о. Морошкина) съ такимъ давленіемъ на духовныя лица и даже на народныя массы, упраздненія уніи въ 1839 г. въ предѣлахъ западныхъ губерній, — оставшаяся въ губерніяхъ Царства Польскаго унія приняла почти окончательно католическій и польскій характеръ; тогда наше правительство оказалось въ необходимости вызывать изъ той же Галиціи уніатскихъ духовныхъ съ національно-русскимъ направленіемъ и съ стремленіями охранять «чистоту восточнаго обряда», духовныхъ, которые успѣли образоваться именно въ Австріи даже подъ господствомъ системы, коей характернымъ выразителемъ былъ конкордатъ Баха съ папскимъ дворомъ. Оттуда же выписывались въ первые годы послѣ 1863 и учителя и учебники для русско-уніатскаго населенія Царства Польскаго. И много бы мы могли привести фактовъ, показывающихъ, что общественная борьба за освобожденіе ко-

ренной національности отъ преобладанія польскаго меньшинства идетъ въ предоставленной, повидимому, всецѣло политически-административной власти поляковъ Галиціи гораздо успѣшнѣе, чѣмъ у насъ въ Западномъ краѣ, и во всякомъ случаѣ стоитъ не такъ безнадежно, какъ часто говорятъ о томъ наши публицисты и корреспонденты. Если же съ развитіемъ конституціоннаго порядка въ Австріи политическое значеніе русиновъ, чрезъ вліяніе на представительство мѣстное (сеймъ Галиціи) и центральное (вѣнскій рейхстагъ), вмѣсто того, чтобъ усиливаться, уменьшалось, то этому причина не столько какая-то органическая вражда нѣмецко-мадьярской партіи, заправляющей политикой въ Австріи съ 1866 г., къ русскому племени, какъ объ этомъ часто пишутъ у насъ, сколько собственная политическая неспособность и неразвитость тѣхъ кружковъ, которые представляли въ политикѣ и литературѣ галицко-русскій народъ съ 1848 года.

I.

Очень много пришлось бы намъ писать, если бы мы захотѣли передать вполнѣ исторію русинскаго національнаго движенія съ 1848 г. до сихъ поръ, а потому мы только ограничимся самыми крупными фактами изъ литературнаго движенія среди русиновъ, чтобы сдѣлать понятнымъ читателю ихъ нынѣшнее политическое положеніе и нынѣшнія стремленія въ русинскомъ обществѣ.

У поляковъ долго было въ ходу выраженіе, что «русиновъ выдумалъ», въ 1848 г., гр. Стадіонъ, намѣстникъ въ Галиціи, для парализованія польскихъ либерально-революціонныхъ стремленій. Это выраженіе въ послѣдніе годы стало смѣняться мнѣніемъ, будто русиновъ выдумала уже «московско-православная (схизматицкая) интрига» для того, чтобъ опять протиснуться въ послѣдній остатокъ либеральной Польши и погубить Австрію, а съ нею чуть не всю западную цивилизацію [1]). Читатель долженъ вспомнить, что у польскихъ публи-

[1]) Ссылаемся на любую галицко-польскую газету 1861—1866 гг. и на весьма характерный романъ Захарьясевича „Святый Юръ“ (Swiety jur). Романъ этотъ для Галиціи то же самое, что наши „Маревы“ и „Панурговы стада“ для Россіи.

цистовъ и политиковъ «схизма» и «московскіе рубли» играютъ такую же роль, какъ у нашихъ «польская интрига», а мы замѣтимъ по этому поводу, что благо тѣмъ, кто способенъ довольствоваться такими отмычками ко всякимъ труднымъ общественнымъ вопросамъ! Легко тому на свѣтѣ... писать передовыя статьи, романы, произносить рѣчи и даже писать циркуляры! Жаль только, что обществамъ и народамъ приходится нести отвѣтственность за ту путаницу и остановку въ дѣйствительномъ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, которая бываетъ послѣдствіемъ долговременной игры въ такія легкія объясненія... Но, это въ сторону! Конечно, русиновъ выдумалъ не графъ Стадіонъ, но ему пришло въ голову выдвинуть на политическую арену кружки галицко-русскихъ духовныхъ и литераторовъ, которые уже и передъ тѣмъ не чужды были національныхъ идей и стремленій, навѣянныхъ такъ называемымъ славянскимъ возрожденіемъ, да только сами хорошо не могли формулировать своихъ идей, а особенно своихъ практическихъ стремленій. Кромѣ духовныхъ, которые по-сьоему были привержены къ своей двуликой церкви, и у которыхъ бродила яснѣе другихъ развѣ только идея сохраненія и очищенія по старымъ книгамъ открытаго ими «восточнаго обряда», русинскіе патріоты были стихотворцы, не знавшіе даже на какомъ языкѣ имъ писать: на томъ ли, на какомъ писались вирши и духовныя сочиненія въ Малороссіи и Литвѣ въ XVII—XVIII вв., и который съ грѣхомъ пополамъ, принимая все больше польскіе, латинскіе и нѣмецкіе элементы, а иногда и заблудившіеся «россійскіе», дожилъ до послѣднихъ дней въ духовныхъ семинаріяхъ Галичины; на «россійскомъ» ли, на которомъ доходили до Галичины столь прекрасныя для ея литераторовъ оды Ломоносова, Державина и т. д.; или на малороссійскомъ, на которомъ забрели въ Галицію думы, изданныя Максимовичемъ, стихи Метлинскаго, повѣсти Квитки и который былъ такъ сходенъ съ народно-галицкимъ (х л о п с к и м ъ), что г. Максимовичъ, коего правописаніе принималось галицкими литераторами, совѣтовалъ галицкимъ литераторамъ именно этимъ языкомъ и писать ихъ произведенія. Немногочисленные филологи и археологи галицкіе составляли также немалую относительно часть мѣстной русской интеллигенціи. Они находили въ старыхъ книгахъ русскій народъ, русскую исторію и языкъ, да только затруднялись

найти все это въ современности, ибо видѣли у себя русскаго только, какъ говорили поляки, «поповъ и хлоповъ», и подобно полякамъ стыдились признать «хлоповъ» за настоящій русскій народъ, а рѣчь ихъ за тотъ искомый русскій языкъ; а потому, когда они затѣвали писать «русскую грамматику» подъ стать другимъ грамматикамъ, извѣстнымъ въ школьно-ученомъ мірѣ, то заносили туда всякаго рода формы, отъ церковно-славянскихъ включительно, но всего менѣе хлопскія. А когда эти филологи или археологи хотѣли подѣлиться своими трудами съ публикой, то писали или по-нѣмецки, или по-польски, или изрѣдка «по-россійски». Въ послѣднемъ не было ничего и страннаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда авторы преслѣдовали исключительно научныя цѣли и по необходимости должны были искать себѣ публики за предѣлами своего народа. Но дѣло въ томъ, что тѣ, которые начинали въ Галиціи русское возрожденіе, до того сами были отрознены отъ народа, что и на будущее время не допускали мысли о литературѣ для народа и сами съ презрѣніемъ относились къ нему, какъ къ хлопамъ. Исключеніе составлялъ развѣ Маркіанъ Шашкевичъ (1811—1843), который не только собиралъ народныя пѣсни и подражалъ имъ, но и думалъ о воспитаніи народа, переводилъ на его рѣчь евангелія и своею приверженностью къ «хлопамъ» возбудилъ даже неудовольствіе многихъ собственныхъ земляковъ. Но Шашкевичъ рано умеръ, многое изъ его писаній и переводовъ, въ томъ числѣ евангелія, осталось въ рукописяхъ, да и ему самому не приходила въ голову возможность политической дѣятельности, опиравшейся на массу народа; даже и онъ сочинилъ оду на смерть императора Франца I, при которомъ господствовала вреднѣйшая для народовъ всѣхъ австрійскихъ національностей государственная система: «Печаль по смерти его величества блаж. пам. Цѣсаря намъ щастливо пановавшаго Франца I». А вотъ какъ относился къ народу одинъ изъ часто прославляемыхъ и у насъ дѣятелей недавней галицко-русской литературы историкъ Денисъ Зубрицкій, человѣкъ, дѣйствительно, трудолюбивый и ученый. Сначала онъ написалъ исторію Львова по-польски, а потомъ исторію княжества Галицко-Володимирскаго по-русски или, какъ говорятъ въ Галиціи, «по-россійски», и вотъ что говорилъ онъ уже въ 1855 г.: «Есть мрачные иступленники или

скорѣе низкіе невѣжды, въ лѣнѣ доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка, употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному и разговору собственныхъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галицкой черни. Странное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтиря». Въ приведенныхъ словахъ мы считаемъ характерными, особенно, подчеркнутыя. Что уваженія къ народу въ нихъ немного, этого, намъ кажется, разъяснять нечего, и ясно, что такое отношеніе къ народу приводило за собою и презрѣніе къ его рѣчи. Безъ опоры на живой народъ возможны археологія и даже, пожалуй, стихотворство (ибо пишутъ же стихи и языкомъ умершихъ народовъ), но невозможны живая поэзія и беллетристика, а еще меньше народно-политическая дѣятельность.

Понятно поэтому, что когда люди, относившіеся къ народу, какъ Зубрицкій, вызваны были событіями 1848 года на политическую сцену, то сдѣлали не много для народа, а потому, наконецъ, остались вовсе безъ опоры передъ новыми дуновеніями въ официальныхъ сферахъ. Самое существенное, и едва ли не единственно-существенное, сдѣланное для народа въ Галиціи послѣ 1848 г., было прекращеніе оставшихся послѣ мѣръ Іосифа II видовъ крѣпостной зависимости русинскихъ крестьянъ отъ польскихъ помѣщиковъ; но это дѣло было совершено исключительно центральнымъ правительствомъ безъ всякой не только практической, но и теоретической помощи и участія русинской интеллигенціи: и до сихъ поръ въ галицко-русской литературѣ нѣтъ и одного сочиненія не только такого, которое бы приготовило общество къ эмансипаціи крестьянъ, но даже и историко-статистическаго обозрѣнія мѣръ по крестьянскому дѣлу и его теперешняго состоянія. Да и вообще до самаго послѣдняго времени, за самыми ничтожными исключеніями, представители галицко-русской интеллигенціи практическими соціальными вопросами народной жизни не занимались. Въ длинный періодъ времени съ 1848 до 1866 г., когда центральное правительство заявило намѣренія покровительствовать русинамъ, представители этихъ по-

слѣднихъ ничего почти не дѣлали, какъ только заявили свою преданность правительству и поддерживали его во что бы то ни стало по всѣмъ вопросамъ въ сеймѣ галицкомъ и вѣнскомъ (съ 1861 г.). Представители же эти были по бо́льшей части духовные, которые одно время даже публично высказывали, что они-то именно и составляютъ «народъ» русинскій, а не «хлопы». Если были ясно сознанныя стремленія у тогдашнихъ галицкихъ духовныхъ, особенно у главы ихъ, львовскаго митрополита барона Киръ-Яхимовича, такъ это намѣреніе возстановить «чистоту восточнаго обряда», что считалось равносильнымъ возстановленію русской народности, и съ этою цѣлью воспитаніе въ такомъ духѣ кандидатовъ на духовныя мѣста и обезпеченіе положенія духовныхъ въ экономическомъ отношеніи съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ въ бо́льшую независимость отъ помѣщиковъ-поляковъ. Нельзя отрицать, что съ формальной и отрицательной стороны дѣятельность митрополита Яхимовича и духовно-уніатской, такъ называемой «святоюрской» партіи (отъ монастыря святого Юрія) имѣла извѣстную заслугу для идеи русской народности въ Галиціи, но заслуга эта была формальная и отрицательная: политическіе кружки въ Австріи привыкли знать, что есть въ Галиціи, кромѣ польскаго, элементъ русскій, а духовенство уніатское, въ теченіе извѣстнаго времени подбираемое въ одномъ духѣ, составило первыя организованныя кадры русинскаго національнаго направленія. Но очень ошибаются галицкіе и наши хвалители тѣхъ временъ, когда святоюрская партія существовала, какъ довольно многочисленное, единое и нераздѣльное тѣло, если не видятъ всей недостаточности и односторонности ея дѣятельности, которыя и привели, наконецъ, къ раздѣленіямъ и къ настоящей политической ничтожности этой партіи. Сосредоточивъ все свое вниманіе на дѣлахъ церковныхъ, не имѣя другого компаса политическаго, кромѣ желанія дѣйствовать во всемъ наперекоръ полякамъ и въ рабскомъ повиновеніи центральному правительству, святоюрская партія не приготовила себѣ никакой крѣпкой опоры въ краѣ, ни въ народѣ, ни даже въ слояхъ, ближе стоявшихъ къ духовенству. Не говоря о политикѣ, даже литература и школа, которыя всецѣло были въ рукахъ святоюрцевъ, не далеко подвинулись во время ихъ процвѣтанія. Съ помощью правительства и правительственныхъ кружковъ, т.-е. слу-

жакъ даже изъ поляковъ, какъ гр. Голуховскій, были заведены въ Львовѣ въ 1849 г. русинскій клубъ съ библіотекой и пр., «Народный Домъ» и общество «Руска Матица», которыхъ цѣлью было объявлено развитіе русинской литературы и образованія. «Матица» стала издавать «Науковый Сборникъ» и «Галицкую Зорю», но оба изданія, кромѣ нѣсколькихъ археологическихъ и этнографическихъ статей не дали ничего сколько-нибудь живого и интереснаго, и, чѣмъ дальше, выходили все рѣже, пока и вовсе прекратились. Для народнаго же образованія въ собственномъ смыслѣ «Матица» не сдѣлала вовсе ничего, несмотря на то, что имѣетъ капиталъ въ 20 тысячъ гульденовъ. Не очень больше сдѣлано было ею и по части составленія учебниковъ для среднихъ школъ и для университетскаго курса, хотя въ Львовскомъ университетѣ были учреждены три русскія каѳедры, и самимъ императоромъ было обѣщано расширить участіе русскаго языка въ преподаваніи въ этомъ, какъ сказалъ императоръ, «русскомъ» университетѣ.

Мы, впрочемъ, не думаемъ обвинять личности святоюрцевъ за безплодность ихъ дѣятельности; самая главная причина этой безплодности было малое число людей русской интеллигенціи и при этомъ числѣ тѣ качества, какія могли выработаться при исключительно семинарскомъ образованіи. 1860 годъ принесъ было нѣкоторое оживленіе въ святоюрскую партію, вслѣдствіе провозглашенія конституціи въ Австріи. Святоюрскіе правящіе круги почувствовали необходимость учрежденія постояннаго періодическаго органа на русинскомъ языкѣ и основали газету «Слово», выходящую три раза въ недѣлю Но люди, которые были такъ долго послушнымъ орудіемъ реакціонно-абсолютистской бюрократіи нѣмецкой, не могли оказаться искусными политиками въ той сложной конституціонной борьбѣ, которая завязалась съ тѣхъ поръ въ Австріи. Когда только заявлено было правительствомъ намѣреніе созвать парламентъ имперскій, и еще не извѣстно было, какой статутъ получитъ Галиція, а уже святоюрцы составили адресъ о довѣріи (Vertraungsadresse) къ министерству Шмерлинга, съ которымъ депутація галицкихъ духовныхъ отправилась въ Вѣну. Тамъ она принимала участіе въ выработкѣ статута галицкаго сейма, въ которомъ избирательный законъ составленъ такъ, что русины всегда останутся въ меньшин-

ствѣ [1]). А такъ какъ святоюрскіе политики не приготовили почвы для политической силы своей, даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе давалъ имъ избирательный законъ, то и могли держаться даже въ сеймѣ львовскомъ только пока того хотѣла администрація, всегда имѣющая въ Австріи большое вліяніе на выборы. А въ первые годы послѣ 1860 года администрація австрійская поддерживала святоюрцевъ такимъ образомъ, что русины имѣли обыкновенно до 40 депутатовъ, бо́льшею частію священниковъ, которые составляли очень часто больше трети наличныхъ депутатовъ на львовскомъ сеймѣ и хотя не могли, не вступая въ соглашеніе съ другими партіями, ничего существеннаго сдѣлать для своего народа, зато могли служить сильнымъ тормозомъ для стремленій польскихъ депутатовъ и, посылая 10—12 членовъ въ вѣнскій рейхсратъ, могли доставлять довольно чувствительный контингентъ для нѣмецко-

---

[1]) Въ галицкомъ сеймѣ, кромѣ 9-ти членовъ, или назначаемыхъ, или такихъ, которые имѣютъ голоса по ихъ должностямъ въ краѣ (Virilstimmen), положено быть 141 депутату, изъ коихъ крупные поземельные собственники выбираютъ 44, города и торговыя камеры—23, сельскія общины—74. Такимъ образомъ число депутатовъ отъ крупныхъ собственниковъ относится къ общему числу, какъ 1 : 3, а къ числу депутатовъ отъ селъ, — какъ 1 : $1^3/_4$. Между тѣмъ, по счетамъ 1861 г., крупные поземельные собственники платили всего 1.254.695 гульд. податей, а общины, — 3.293.431, т.-е. подати крупныхъ землевладѣльцевъ относились къ податямъ общинъ, какъ 1 : $2^3/_4$; слѣдовательно, если даже не брать за основу представительства число населенія, а разсчитать число голосовъ по австрійской системѣ представительства интересовъ, то на 44 депутата отъ крупныхъ собственниковъ села должны были посылать 99 депутатовъ. Города, въ которыхъ русины тоже мало имѣютъ силы, принадлежа развѣ къ бѣдному мѣщанству, но въ которыхъ сильны поляки и особенно евреи, тоже посылаютъ слишкомъ много депутатовъ пропорціонально несомой ими тяжести налоговъ: города платили въ 1861 году только 574.000 гульд. налоговъ, изъ коихъ высшіе налоги, т.-е. платимые тѣми, которые и имѣютъ участіе въ выборахъ (на послѣднихъ выборахъ въ Львовѣ голосовало только съ небольшимъ 3.000 человѣкъ, тогда какъ въ городѣ 70.000 жителей), составляли только 233.000 гульд., такъ что, если взять даже отношеніе общей цифры налоговъ, платимыхъ городами, къ налогамъ всего края, то и тогда торгово-ремесленныя корпораціи и города не должны бы посылать болѣе $^1/_9$ числа всѣхъ депутатовъ, т.-е. 16, а не 23. Очевидно, что справедливость требовала бы и иного распредѣленія налоговъ и иного распредѣленія представительства въ пользу сельскихъ классовъ. Очевидно также, что одобреніе дѣйствующаго избирательнаго статута въ Галиціи русинскими клерикальными вождями въ 1861 г., вознагражденныхъ Шмерлингомъ за поддержку мѣстами въ сеймѣ львовскомъ и въ палатѣ господъ, есть непростительная оплошность и забвеніе интересовъ народа.

централистической партіи. Прибавимъ, что послѣдняя имѣла помощь и въ 12—13 членахъ изъ русинскаго высшаго духовенства въ палатѣ господъ. Для того, чтобъ оттѣнить всю политическую неспособность святоюрскихъ клерикаловъ, нужно замѣтить, что въ первыхъ собраніяхъ галицкаго сейма было немало депутатовъ изъ сельскихъ жителей западной, польской части Галиціи, а сельскіе классы и здѣсь не очень-то были проникнуты офиціальнымъ польскимъ патріотизмомъ, въ нихъ еще далеко не угасли тѣ чувства, которыя выразились въ знаменитой рѣзнѣ 1846 г., замѣтьте, произведенной не въ русинскихъ округахъ, а въ чисто польскихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы русинскіе политики обратились сразу къ вопросамъ элементарнымъ, къ экономіи, школамъ и т. п., то могли бы встрѣтить поддержку и въ польскихъ крестьянахъ. Но такіе вопросы считались святоюрцами слишкомъ уже хлопскими, и они не только не встрѣтили сочувствія у польскихъ поселянъ, но не вызвали серьезнаго къ себѣ вниманія и у своихъ. И въ Львовѣ и въ Вѣнѣ святоюрцы занимались только оппозиціей quand même полякамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и венграмъ, наконецъ, и самимъ чехамъ, когда и эти высказались противъ Шмерлинговской конституціи, т.-е. всѣмъ разнообразнымъ конституціонно-федеральнымъ партіямъ въ Австріи, что, конечно, вовсе не вязалось съ тѣми славянофильскими идеями, которыя стали проникать и въ Галицію. Мы бы, впрочемъ, не слишкомъ строго судили дѣятельность святоюрцевъ, если бы эта помощь ихъ нѣмецко-бюрократическому и потомъ буржуазно-централистическому элементу не оказывалась совершенно платоническою. Мы очень хорошо видимъ, что въ Австріи, преимущественно между славянами, всѣ разговоры о единствѣ, систематичности и даже, увы, о честности и согласіи дѣйствій съ либерализмомъ, суть не что иное, какъ фразы, а въ существѣ дѣла каждое племя хватается за всякій случай, за всякую партію, лишь бы добыть себѣ что-нибудь [1]). Но дѣло въ томъ, что святоюрцы развѣ нѣкоторые добыли себѣ мѣста, а своему народу не добыли ничего своею услужливостію бюрократіи и нѣмцамъ.

---

1) Припомнимъ, какъ недавно далматинцы оставили, за обѣщанія нѣсколькихъ уступокъ, лагерь „staatsrechtlichen Opposition“, послѣ паденія Гогенвартова министерства.

Мы не станемъ, конечно, подобно полякамъ, укорять русинскихъ политиковъ 1861 г. за ихъ оппозицію полякамъ въ принципѣ; борьба русиновъ съ поляками до извѣстной степени есть явленіе совершенно естественное, такъ какъ въ Восточной Галиціи поляки составляютъ элементъ привилегированный, а русины — подавленный. Но слѣпую оппозицію полякамъ во что бы то ни стало, равно какъ слѣпую вѣру и службу нѣмецко-централистическому элементу не можемъ не назвать проявленіемъ политической неспособности, неумѣнія стать въ независимое положеніе. За нашъ приговоръ громко говоритъ безплодность тогдашней парламентской дѣятельности русинскихъ политиковъ. Напуганные относительно немалымъ числомъ русинскихъ депутатовъ въ сеймѣ, а равно и ихъ видимымъ почетомъ у центральнаго правительства, поляки готовы были на уступки русинамъ. По крайней мѣрѣ въ 1861 году при обсужденіи вопроса объ устраненіи изъ администраціи Галиціи нѣмецкаго языка поляки по предложенію князя Юрія Любомірскаго подали голоса за то, чтобы онъ замѣненъ былъ не только польскимъ, но и русинскимъ. Кромѣ того депутаты поляки уговорились съ русинами, что изъ послѣднихъ выберутъ депутатами въ Вѣну тѣхъ, кого сами русины захотятъ. Очевидно, что, составляй русинскіе депутаты партію людей, понимающихъ народные интересы, ставящихъ ихъ выше личныхъ и, главное, способныхъ независимо держаться, они бы могли, заявивъ прямо свои принципы и цѣли, входить въ компромиссы по частнымъ вопросамъ съ различными партіями какъ въ сеймѣ, такъ и въ имперской думѣ, добиваться шагъ за шагомъ расширенія правъ своего народа. Но русинскіе депутаты слишкомъ привыкли служить и прислуживаться, а потому безраздѣльно предались бюрократическо-нѣмецкой партіи, избравъ вмѣсто парламентскаго пути систему адресовъ и петицій прямо министерству. Перечень нѣкоторыхъ вопросовъ, о которыхъ въ богатый адресоподаніемъ періодъ 1861—1863 гг. подавали прошенія русинскіе депутаты правительству г. Шмерлинга, и сопоставленіе прошеній съ результатами ихъ покажутъ нагляднѣе справедливость нашей оцѣнки политическихъ талантовъ русинскихъ политиковъ. Количество петицій о предметахъ народныхъ нуждъ въ числѣ другихъ, поданныхъ русскими депутатами въ 1861—1863 гг., весьма неве-

лико; настойчивость ходатайствъ о такихъ нуждахъ еще меньше, результаты же ходатайствъ у центральнаго правительства равны нулю. Такъ въ 1861 г. русскіе депутаты замѣтили, что рѣшеніе вопроса о сервитутахъ (выпасахъ, лѣсахъ, водопояхъ и т. п.) совершено было вовсе не въ пользу крестьянъ, т.-е. большинства русскаго народа въ то время, когда администрація нѣмецкая, казалось, такъ покровительствовала русинамъ, и когда политическіе вожди послѣднихъ возлагали все упованіе на цесарскую администрацію. Поэтому въ 1861 г. русинскіе депутаты послали петицію въ Вѣну о пересмотрѣ вопроса о сервитутахъ, но петиція не имѣла вовсе никакихъ послѣдствій, такъ что мы въ правѣ думать, что результаты были бы лучше, если бы русинскіе политики, обобщивъ вопросъ, сумѣли перетянуть на свою сторону въ этомъ дѣлѣ польскихъ крестьянскихъ депутатовъ. Въ томъ же году русины просили о переводѣ на русскій языкъ законовъ, но получили отвѣтъ Шмерлинга, что съ этимъ дѣломъ надо подождать, такъ какъ у правительства нѣтъ теперь средствъ на изданіе подобнаго перевода. Такимъ образомъ у Шмерлинга, которому русины вотировали безусловное довѣріе, не нашлось для нихъ какой-нибудь тысячи гульденовъ. Очевидно, что не стоило расходиться съ поляками, которые предложили ввести въ отправленіе публичной жизни края вмѣсто нѣмецкаго языка русинскій и польскій, чтобы получить такой отвѣтъ. Просьбы о предоставленіи русинамъ гимназій оставлялись тоже безъ удовлетворенія. Даже не удовлетворена была просьба объ увеличеніи жалованья священникамъ. Только просьба о предоставленіи печатанія и продажи первоначальныхъ учебныхъ книгъ институту Ставропигіальному была удовлетворена хотя и послѣ Шмерлинга, но, какъ всякая монополія, эта уступка полезна не столько обществу и народу, сколько самой лаврѣ Ставропигіальной. Между просьбами, которыя правительство обѣщало удовлетворить и тѣмъ водило за собою русинскихъ политиковъ-клерикаловъ, большое количество занимаютъ такія, какъ, напр., объ установленіи епископіи въ Станиславовѣ, о постройкѣ дома капитула въ Львовѣ, объ учрежденіи инфулатуры при клирахъ въ Львовѣ, о предоставленіи митрополиту званія тайнаго совѣтника, объ увеличеніи жалованья львовскому владыкѣ и т. д. Но самый главный вопросъ, изъ-за котораго русинскіе депутаты пролили

столько поту и чернилъ при писаніи адресовъ и петицій къ императору съ 1861 по 1871 г., былъ вопросъ объ административномъ и политическомъ раздѣленіи искусственно сложенной грамотой, которою въ 1772 г. Станиславъ-Августъ отрекся въ пользу Австріи отъ земель, составляющихъ нынѣ Галицію, имперской области, называемой теперь на офиціальномъ языкѣ: Королевство Галиція и Влодимирія (Lodomerien) съ великимъ княжествомъ Краковомъ. Дѣйствительно, Галиція русская, восточная, т.-е. Галиція собственно, не только отличается этнографически отъ западной, т.-е. польской, но даже Марія-Терезія въ свое время объявила притязаніе на Галицію, какъ королева Венгріи, по родству старинныхъ королей Венгріи съ князьями-королями русскаго Галича, т.-е. Галиціи собственно. Въ 1848 г. послѣ уничтоженія тогдашней кратковременно существовавшей конституціи австрійской Галиція и была раздѣлена, но уже съ 1850 года министерство вновь стало соединять обѣ области, и по октябрьскому диплому 1860 г. и Шмерлинговой конституціи 1861 г., составленной съ согласія и одобренія и галицкихъ политиковъ, Галиція признана одною имперскою землею съ Краковомъ. Измѣнить это соединеніе теперь уже корона не могла своею властію безъ согласія палатъ, такъ какъ теперь конституціи земель уже не могутъ быть октроированы, какъ было въ 1860 и 1861. Очевидно, что галицкіе политики оказались крѣпки заднимъ умомъ. Не знаемъ, въ какой степени можно приписывать Шмерлингу маккіавелизмъ, но, установляя съ согласія и поляковъ и русиновъ въ 1861 г. единство Галиціи, онъ прекрасно послужилъ интересамъ централизма: раздѣленные русины и поляки занялись бы, каждый народъ своими дѣлами и, конечно, скоро дошли бы до идей федеральныхъ; соединенные они грызутся между собою, и, боясь господства поляковъ, русины подавали голоса за централистовъ, а за господство надъ русинами то же самое сдѣлали въ 1867 г. и поляки. Разумѣется, что, какъ элементъ аристократическій, поляки все-таки успѣваютъ больше получить и отъ федералистическихъ и отъ централистическихъ силъ въ Вѣнѣ, а русины всегда остаются въ накладѣ, какъ бы вѣрно ни служили вѣнскимъ бюрократамъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ австрійское правительство не имѣетъ уже никакого права раздѣлять Галицію; ни корона, ни самый рейхсратъ не рѣшится на такое дѣло, которое сдѣлаетъ изъ

поляковъ непримиримыхъ враговъ той и другого. Поэтому русинамъ до времени гораздо практичнѣе было бы и не поднимать этого вопроса, а оставалось только путемъ политической борьбы на почвѣ существующихъ установленій добиваться огражденія своихъ національныхъ интересовъ и главное приготовлять свой народъ къ сознательному и твердому участію въ политической жизни. Со временемъ, имѣя за себя весь свой народъ, можно будетъ подумать и о раздѣлѣ Галиціи.

Былъ еще одинъ резонъ въ 1861—1863 гг., по которому австрійская бюрократія не очень-то наклонна была дѣлить Галицію, такъ чтобы въ одной половинѣ ея русскій элементъ оказался господствующимъ. Резонъ этотъ не только не исчезъ, но съ нѣкоторыми варіаціями еще усилился съ тѣхъ поръ. Австрійская бюрократія боится родства Галиціи съ Россіей, потому что близорукіе централисты-государственники въ Европѣ никакъ не могутъ взять въ толкъ, что національность тогда только есть условіе для государственнаго сепаратизма, когда населеніе извѣстной національности терпитъ ущербъ въ своихъ политическихъ правахъ или стѣсненіе своего духовнаго и національнаго развитія въ извѣстномъ государственномъ тѣлѣ. А казалось бы, если кому слѣдуетъ вполнѣ понимать это дѣло, такъ австрійцамъ, которые видятъ по сосѣдству у себя Италію и Швейцарію, видятъ, напримѣръ, что Венеція ушла отъ Австріи къ королевству Виктора-Эммануила, а Тессинскій кантонъ въ Швейцаріи (тоже итальянскій) и не думалъ присоединяться къ Италіи изъ-за одного только этнографическаго сродства, какъ и Женевскій кантонъ къ Франціи и т. д. Что же, спрашивается, это значитъ?

Несмотря на то, что со временъ Іосифа II австрійское правительство умѣренно покровительствовало русское духовенство въ Галиціи, оно всегда съ недовѣріемъ смотрѣло на попытки свѣтскаго образованія и литературы въ Галиціи (ниже мы приведемъ примѣры, что такъ смотрѣли на эти попытки и многіе среди самаго духовенства русскаго въ Галиціи). При Францѣ I печатаніе русскихъ книгъ въ Галиціи было до извѣстной степени staatsgefährlich. Въ бурныя времена 1848—1849 года пришлось бюрократіи поневолѣ «выдумать русиновъ», но передъ нею тотчасъ же сталъ страшный вопросъ: «а что, если русины (Ruthenen) есть не что иное, какъ

русскіе (Russen)?» Еще въ 1867 году гр. Бейстъ выразился весьма оригинально: «Wenn die Ruthenen Russen wären, so müsste ich es bedauern», точно народы обязаны справляться у австрійскихъ министровъ, чѣмъ имъ быть, чтобы не опечалить ихъ высокопревосходительства! На вопросъ австрійской администраціи: что такое «рутены», тогдашніе представители галицкой интеллигенціи сознательно отвѣчать не могли, потому что сами они не знали своего народа да никогда о немъ серьезно не думали. По воспитанію, по языку, на которомъ думали, старые галицкіе литераторы, руководившіе въ 1848 г. «Головной руской Радой» въ Львовѣ, были, собственно говоря, поляки и нѣмцы, а вовсе не русскіе. Мы выше видѣли уже, что Зубрицкій писалъ сначала по-польски, по-польски же писалъ грамматикъ Лозинскій, а другой священникъ Левицкій въ книжкѣ, написанной по-польски о русской литературѣ въ Галиціи (Listy tyczące się pismiennictwa rnskiego w Galicyi. W. Przemysln, w drukarni biscupiej obržądku grzecko-katolickiego, 1843), даже жаловался на попытки Шашкевича, Головацкаго и Вагилевича писать по-народно-русскому, защищая попольски церковное письмо, какъ «стародавнее, принятое 50 милліонами», и хвалилъ начальство за то, что оно не позволило явиться альманаху упомянутыхъ литераторовъ «Русалки Днѣстровой» (1837), въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ ее «тріумвиратъ», а между тѣмъ по общему признанію всѣхъ, писавшихъ сколько-нибудь серьезно о литературѣ русской въ Галиціи, именно съ этой «Русалки» и начинается русское возрожденіе въ этой области. Изъ лицъ, которыя потомъ играли видную роль въ литературѣ и политикѣ въ Галиціи, г. Дѣдицкій потерпѣлъ даже правительственную кару за участіе въ польскихъ революціонныхъ попыткахъ; гг. Наумовичъ и Бѣлоусъ — первый очень талантливый ораторъ, издатель многихъ популярныхъ журнальцевъ и брошюръ, теперь издающій чисто-народнымъ нарѣчіемъ ежемѣсячный популярный журналъ «Наука», гдѣ, между прочимъ, печатаетъ свою автобіографію; второй былъ послѣ директоромъ гимназіи въ Коломіи, гдѣ завелъ было русскую типографію и имѣлъ большое вліяніе на русское общество, для парализованія котораго послѣ 1867 г. переведенъ въ чисто-польскій край въ Западной Галиціи, — оба до 1848 г. считали себя поляками, какъ говорилось тогда: «gente Rutheni, natione Poloni». Передъ

1848 г. русинскіе духовные и литераторы семинарскаго образованія на свой народъ смотрѣли, какъ на хлоповъ, знали о себѣ ясно только, что они люди «грецко-католицкаго обряду» и въ этомъ смыслѣ русины, то-есть не поляки; слыхали, что и въ Россіи живутъ люди того же обряду, съ тѣмъ же церковнымъ языкомъ; слыхали, что въ Россіи есть и литература россійская, изъ коей, кромѣ Ломоносова и Державина и т. п., они и ничего не знали да и понять не могли; слыхали, что въ Россіи есть зачатки и малороссійской литературы; читали въ классификаціяхъ народовъ и у славянскихъ филологовъ, что галицкіе русины относятся къ племени русскому, а въ немъ къ вѣтви малорусской, но чѣмъ отличается одна вѣтвь отъ другихъ, чѣмъ даже отличается языкъ русскій отъ языка, употребляемаго въ церквахъ въ Россіи и Галиціи, того не могли опредѣлить не только заурядные духовные въ Галиціи, но даже и тѣ, кто писалъ тамъ грамматики языка «русскаго», «малорусскаго», «русинскаго», и т. д., грамматики, по филологическимъ идеямъ и пріемамъ не отличающіяся отъ издѣлій XVII вѣка. Довольно и такого примѣра, что въ нѣмецкой, изданной въ 1837 году, грамматикѣ галицко-русскаго языка (Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galizien) Левицкій приводилъ въ примѣръ малорусской рѣчи стихи Державина!

И вотъ, людей съ такими неясными понятіями трусливая и педантическая австрійская администрація настойчиво спрашиваетъ въ 1848 г.: «что вы за народъ»? Они знаютъ только одно: «wir sind die Ruthenen!» да еще то, что австрійское правительство боится Россіи, а потому прибавляютъ: «wir sind aber keine Russen». А замѣтимъ, что въ старой ученой латинской терминологіи очень часто и русскихъ называли Rutheni sive Russi, равно какъ и слово русинъ издавна въ Россіи употреблялось въ равномъ смыслѣ, какъ и русскій, и есть только южно-русская или, если хотите, старо-русская форма названія народа отъ слова русь, какъ и русскій, похожая на турчинъ, сербинъ, нѣмчинъ, гречинъ, татаринъ и т. д. Болѣе знакомые съ славянскою филолого-этнографическою терминологіею, не забывшіе воспоминаній «тріумвирата» Шашкевича и изрѣдка находившіеся въ сношеніяхъ съ нашими малорусскими филологами, напримѣръ, г. Максимовичемъ, добавили къ слову «die Ruthe-

nen» еще и статистическія данныя, что, молъ, этотъ народъ въ количествѣ 15 милліоновъ живетъ тамъ-то и тамъ-то въ Австріи и Россіи; кстати же, дебютъ въ политикѣ, да еще въ виду столь претенціознаго народа, какъ польскіе патріоты, благодаря такому счету географическому и статистическому, становился внушительнѣе. Такимъ образомъ сложился въ одно время и внушительный и на первое время совершенно успокоительный для австрійской бюрократіи отвѣтъ русинскихъ патріотовъ «Головной руской Рады»: Мы — русины, самостоятельное славянское племя, отличное отъ поляковъ и русскихъ [1]). Но подъ этими словами не лежало никакихъ ясныхъ представленій ни о русскихъ, ни о малороссахъ, ни о самомъ галицкомъ народѣ, чтобы дальнѣйшая литературная и политическая дѣятельность была направлена къ сознательнымъ цѣлямъ и была ограждена отъ qui pro quo, скачковъ и недоразумѣній. Если формула галицкихъ патріотовъ 1848 года имѣла какую-нибудь цѣну и пользу, то только отрицательную: «мы не поляки», это одно только и было ясно. А прибавка: «мы часть племени малорусскаго», усиливала значеніе этой отрицательной формулы, составляя отвѣтъ тѣмъ полякамъ и псевдорусинамъ, какъ, напримѣръ, гг. Добжанскій, Костецкій и др., которые собрали противъ «Головной руской Рады» свою «Раду русскую», провозгласившую, что галицкая Русь издревле не разъ входила въ составъ польскаго государства (поляки любятъ говорить, что Владимиръ Св. отнялъ было временно «чермную Русь» отъ Польши), и укрѣплена за нимъ въ XIV в.

---

[1]) Вотъ подлинныя слова изъ записки „Головной Рады“ отъ 31 іюня 1848 г. (Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien, zur Aufklärung ihrer Verhältnisse): „Obwohl gleich den Polen dem grossen Slaven-Stamme angehörig, sind die Ruthenen von den Polen durch Sprache, Schrift, Gewohnheiten, Gebräuche und den kirchlichen Ritus verschieden; sie bewohnen einen der fruchtbarsten Landstriche Europas, denn sie sind in gegenwärtigen Süd-Russland, Sudost-Polen, Galizien und Nord-Ungarn verbreitet und zählen 15 Millionen Seelen“. Въ запискѣ отъ 21 августа 1848 г. („Darstellung der gegenwärtigen Zustände in Galizien“) говорится: „Das ruthenische Volk bildet für sich eine eigene Nation, so wie die Russen, Czechen, Kroaten, Bulgaren, Polen und andere slavische Volksstämme“; а въ запискѣ, посланной сейму императорскому 25 августа 1848 г., та же мысль высказана даже въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ: „Würde man auch die Geschichte vertilgen, alle Bücher und Schriften verbrennen, es lässt sich dennoch ein grosses Volk von 15 Millionen Seelen, dessen Theil wir $2^1/_2$ M. sind, mit blossen Worten nicht wegdemonstriren“.

окончательно, и что русинъ, руснякъ и т. п. названія народныя въ Галиціи составляютъ только разновидность поляка (gente ruthenica, natione polonica), какъ мазуры. Ссылка на малороссіянъ и признаніе, что галичане составляютъ часть послѣднихъ, была полезна, какъ отвѣтъ на эти теоріи, такъ какъ, во-первыхъ, малороссіяне сами свергли съ себя польскую власть, а во-вторыхъ, живутъ и въ такихъ земляхъ, которыя не только никогда не принадлежали Польшѣ, но даже не входили въ составъ столь часто поминаемаго поляками, но столь же мало понимаемаго ими, такъ называемаго «вольнаго союза Польши, Литвы и Руси», какъ, напримѣръ, малороссіяне въ губерніяхъ, образовавшихся изъ Слободской Украины, и въ краяхъ черноморскихъ.

Но во всѣхъ этихъ переговорахъ и объясненіяхъ съ правительствомъ австрійскимъ и поляками на тему: «что такое русины галицкіе?» лежалъ одинъ существенный порокъ — это связываніе вопроса о національности русиновъ съ внѣшними политическими отношеніями, отчего на будущее время не только государственные вопросы, какъ дѣло устройства области Галиціи, но и всѣ чисто домашнія дѣла галицкихъ русиновъ, ихъ литература, даже самое письмо, ихъ этнографическія идеи, все это получило значеніе политическихъ вопросовъ, въ которые позволяли себѣ вмѣшиваться политическія и даже административныя власти. Пишетъ человѣкъ гражданкой, — staatsgefährlich на одинъ манеръ; пишетъ другой «кулишевкой», — staatsgefährlich на другой манеръ; говоритъ одинъ, что онъ «русскій», — москофильство; говоритъ другой, что онъ «руській», — украинофильство; читаетъ Пушкина — измѣнникъ; читаетъ Шевченка — революціонеръ; почитаетъ земляковъ Владимира Св. — «схизматикъ» и, слѣдовательно, опять измѣнникъ и революціонеръ; почитаетъ Казиміра Великаго и Мицкевича — полонофилъ и, слѣдовательно, революціонеръ на другой манеръ и т. д. И вотъ надо русинамъ на всякіе случаи сочинить официальныя формулы: на грамматику, исторію, этнографію, официальные эстетическіе вкусы, научныя положенія и т. д., и сочинять эти формулы и программы будетъ имъ бюрократія, ничего основательно въ такихъ вещахъ незнающая и мѣняющаяся сообразно дуновеніямъ вѣтровъ. Произошло же это смѣшеніе областей внутреннихъ и нравственныхъ, домашне-галицкихъ вопросовъ съ областью внѣш-

ней политики и администраціи оттого, что русинскіе вожди сразу пустились толковать съ людьми чужими по національности и съ государственными властями и учрежденіями о такомъ совершенно домашнемъ вопросѣ, какъ то—кто они такіе, а не заявили сразу и прямо, что объ этомъ, молъ, намъ самимъ знать, постороннимъ же людямъ и государственнымъ властямъ и собраніямъ довольно и того, что мы вѣрные подданные государственныхъ законовъ и намѣреваемся впредь заботиться о своихъ дѣлахъ и своемъ нравственномъ и національномъ развитіи на почвѣ этихъ законовъ и т. д. Быть-можетъ, и даже навѣрное, приведенныя выше объясненія русинскихъ вожаковъ съ намѣстниками, министрами, рейхсратами на тему, кто они такіе, были и неизбѣжны при тѣхъ условіяхъ, при какихъ были «выдуманы русины»; объясненія эти происходили, конечно, частію оттого, что русинскіе вожди сами не знали хорошенько, кто они такіе, и сами не освоились съ мыслью, что они существуютъ, какъ нѣчто несомнѣнное и потому не требующее объясненій своихъ правъ на существованіе; частію отъ слабости, при которой, если бы русины сразу не заявили себя весьма скромными просителями, то правительство не только не помогло бы имъ стать на ноги, но еще сильно бы мѣшало. Все это такъ, но все это мало предвѣщало добра въ будущемъ, и мало дѣлаетъ чести проницательности русинскихъ вождей всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ то обстоятельство, что они до сихъ поръ еще не стали на такую независимую точку зрѣнія, чтобъ устранить всякій политическій элементъ изъ обсужденій вопроса, кто они такіе, и отдѣлить свои литературные и научные вопросы и мнѣнія отъ политическихъ и административныхъ.

Какъ бы то ни было, а на первый разъ въ 1848 году русинами данъ былъ отвѣтъ австрійскому правительству во всѣхъ отношеніяхъ, повидимому, удовлетворительный; «die Ruthenen» назывались «das treuste Volk, die Tiroler des Ostens»; русинскіе поэты «плели вѣнки на главу Габсбурговъ», и даже въ 1859 году такой даровитый поэтъ, какъ г. Федьковичъ, Шевченко галицко-буковинскій, воспѣвалъ воинство, стремившееся въ «буйную Италію съ французомъ, сардомъ воевать». Австрійское правительство точно «облагодѣтельствовало» галицко-русскій народъ, уничтоживъ остатки крѣпостного права, но очень умѣренно, оно далеко не обидѣло и помѣщиковъ (въ

Восточной Галиціи — поляковъ), оставивъ за ними сервитуты, право продажи водки (пропинацію). Открыто было нѣсколько школъ русскихъ, которыя, сообразно тогда царившему въ Австріи клерикализму, попали въ руки духовенства, чѣмъ, конечно, галицкіе патріоты остались вполнѣ довольны; предусмотрительная администрація признала официальнымъ шрифтомъ для русскихъ школъ и литературы церковный, потому что проникшая было изъ Россіи, черезъ Котляревскаго и Максимовича, гражданка казалась австрійскому начальству, какъ и русинско-уніатскому, впрочемъ, подозрительною. Этимъ церковнымъ шрифтомъ, или хоть правописаніемъ пошла писаться новая русинская литература [1]). Галицкіе литераторы начали писать, какъ ни попало, переводя свои мысли съ нѣмецкой и латинской семинарщины, съ польскаго на языкъ, который каждый изъ нихъ могъ называть русскимъ, русинскимъ, малороссійскимъ, галицко-русскимъ и т. д., смотря по вкусамъ и симпатіямъ, но который ни на какой живой человѣческій языкъ не былъ похожъ. Въ галицкихъ изданіяхъ — «Науковый Сборникъ», «Заря Галицка», «Семейная Библіотека», по недостатку своего матеріала, стали перепечатывать статьи, стихи и разсказы, напечатанные въ Россіи. Этнографическое сродство, память о формулѣ 1848 г. и о Шашкевичѣ, котораго имя начали чтить, какъ отца литературы (всякой благопристойной литературѣ подобаетъ имѣть свой культъ), совѣты г. Максимовича, все это было причиною того, что перепечатывалось большею частію малорусское; но случай и московскія славянофильскія идеи, заходившія, впрочемъ, больше всего косвеннымъ путемъ черезъ Прагу, заносили въ галицкія изданія и стихи Хомякова, а вмѣстѣ съ ними и «Мичмана Поцѣлуева», «Солдата Перфильева» и т. п. Сколько-нибудь сознательнаго выбора ни изъ русской ни изъ малорусской литературы галицкіе литераторы сдѣлать были не въ состояніи. Одинъ изъ нихъ, болѣе наклонный къ народному элементу, говорилъ еще въ 1848 году въ собраніи

---

[1]) Въ народныхъ школахъ Галиціи и до сихъ поръ употребляется этотъ церковный шрифтъ, а поляки и до сихъ поръ иногда поднимаютъ даже на сеймѣ рѣчь, что „гражданка“ не должна имѣть мѣста въ Галиціи, ибо она символъ „омосковленія“, какъ изобрѣтеніе Петра Великаго; русинскіе же литераторы, желая обѣлить несчастную „гражданку“, разыскиваютъ ее въ изданіяхъ кіевскихъ и венеціанскихъ до Петра Великаго.

«Матицы» о Шевченкѣ, но вообще этотъ послѣдній раньше 1862—1863 гг. въ Галиціи былъ неизвѣстенъ: слишкомъ онъ былъ «хлопскій» да и вовсе неудобный для «восточнаго Тироля» писатель. Что въ русской литературѣ 40—50 годовъ можно было выбрать тоже что-либо получше «Мичмана Поцѣлуева», само собою разумѣется. Но русской литературы и до сихъ поръ не знаютъ въ Галиціи, а старые ея литераторы, тѣ и вовсе не могли понять интересовъ русской литературы послѣ гоголевскаго періода, потому что именно съ половины 40 годовъ она стала сильно отличаться «хлопствомъ». Какъ случайны были отношенія галицкихъ издателей и литераторовъ къ русской и малорусской литературѣ, видно изъ того, что издатель «Семейной Библіотеки» (1855—1856) г. Шеховичъ печаталъ у себя разсказъ Основьяненка «Сердешна Оксана» въ русскомъ переводѣ. Г. Шеховичъ теперь пишетъ по-польски и вернулся въ число тѣхъ, которые считаютъ себя «gente ruthenica, natione polonica», а потому галицкіе малороссофилы въ такомъ поведеніи его усматриваютъ коварныя цѣли — помѣшать развитію національной литературы въ Галиціи. Вѣрнѣе всего, что г. Шеховичъ печаталъ, что ему попадалось: по-малорусски, такъ по-малорусски, по-русски, такъ по-русски; тогда вѣдь, кромѣ що и что, якъ и какъ, галицкимъ литераторамъ разница между русскими языками была непонятна: для нихъ все равно читать и писать на какомъ бы то ни было русскомъ языкѣ было навѣрное мукою. Разумѣется, имъ хотѣлось сейчасъ же сравнять свою литературу по чину съ польскою. О народномъ образованіи, о гимназическомъ даже, они не думали: вѣдь для народа довольно и псалтыря, какъ говорилъ Зубрицкій, а гимназіи тогда были нѣмецкія, и правительство Баха, конечно, не думало заводить другихъ, святоюрскіе же политики не смѣли итти противъ министерства. Галицкимъ литераторамъ осталось писать статьи — «росправы» филологическія, философическія, историческія, памфлеты политическо-національные, и, конечно, не «по-хлопски» же ихъ писать. Если кто не могъ вынести муки переводить свою мысль на дѣланный языкъ, тотъ брался за нѣмецкій или даже опять за польскій. У иныхъ явилась мысль обратиться прямо къ русскому, но одинъ Зубрицкій логично пошелъ по этой дорогѣ и написалъ «Исторію Галицко-Русскаго княжества» (1852—1855) довольно хорошо по-русски. Въ частной и семей-

ной жизни вновь, послѣ короткаго періода національнаго броженія, всецѣло воцарился польскій языкъ и польская литература.

Австрійская бюрократія, часть духовенства уніатскаго скоро начали безпокойно смотрѣть и на это развитіе свѣтской литературы въ Галиціи и на ту долю связи ея съ Россіей, какая проявлялась въ перепечаткахъ даже съ малороссійскаго. Разумѣется, что поляки не преминули раздуть подозрительность австрійской бюрократіи, и фраза, бывшая тогда въ ходу у поляковъ, что «русинъ можетъ быть только или полякомъ или москалемъ», стала рано дѣйствовать на австрійскую бюрократію. Офиціальный журналъ, заведенный правительствомъ для русиновъ при вѣнской уніатской семинаріи, «Вѣденскій Вѣстникъ», началъ проводить мысль объ особенномъ народѣ рутенскомъ, отдѣльномъ и отъ малоруссовъ, а не только отъ русскихъ. Правительство уже въ 1850 г. уничтожило политическое раздѣленіе Галиціи, а въ 1859 г. уже былъ назначенъ намѣстникомъ въ Львовъ гр. Голуховскій, который хоть и былъ помощникомъ гр. Стадіона, изобрѣтателя русиновъ, но все-таки не былъ чуждъ польскихъ національныхъ тенденцій. Гр. Голуховскій задумалъ было устранить въ Галиціи не только «гражданку», которая стала тамъ распространяться съ тѣми приспособленіями къ южно-русскому языку, которыя, на основѣ старокіевскаго правописанія, ввелъ г. Максимовичъ, но и кирилловскую азбуку вообще, замѣнивъ ее латинскою азбукою на польско-чешскій манеръ. Этотъ трудъ раздѣлялъ съ гр. Голуховскимъ чехъ профессоръ Иричекъ, тогда чиновникъ въ министерствѣ, потомъ членъ министерства гр. Гогенварта. Вообще чеховъ тогда было много въ Галиціи между чиновниками и педагогами: они сначала помогали германизаціи Галиціи, а потомъ стали помогать полонизаціи. Впрочемъ, благодаря оппозиціи литераторовъ, особенно духовенства галицкаго, кириллица была спасена, но «гражданка» утвердилась въ Галиціи только послѣ конституціи 1861 года.

1860—1863 гг. были годами, когда «новая» Россія, послѣ начала реформъ, обратила на себя большое вниманіе за границей. Между прочимъ, въ то время однимъ изъ проявленій «новой» Россіи было довольно сильное возбужденіе малорусской исторіографіи (по-русски) и беллетристики (по-малорусски). Это возбужденіе отразилось и на Галиціи, куда про-

никли съ этого времени печатаемыя отдѣльно въ петербургской «Основѣ» статьи, стихи, разсказы Костомарова, Шевченка, Кулиша, М. Вовчка и т. д. съ ихъ свѣтскимъ духомъ, съ рѣзкимъ демократическимъ и потому противупольскимъ и мало благопріятнымъ бюрократизму духомъ. Основанная въ 1861 г. на деньги святоюрцевъ и печатаемая въ ставропигіальной типографіи, газета «Слово» стала явно высказывать украинофильскія идеи, перепечатывать статьи изъ «Основы», хотя и съ передѣлками на обычный языкъ галицкой литературы, и даже высказываться симпатично за борьбу малороссіянъ съ уніею. Противъ личности редактора «Слова» г. Дѣдицкаго былъ возбужденъ даже судебный процессъ за рѣзкія выраженія о римскомъ католицизмѣ. Основанная младшимъ поколѣніемъ литераторовъ галицкихъ еженедѣльная газета «Вечерницы» шла еще дальше въ этомъ направленіи. Изъ тогдашнихъ польскихъ газетъ въ Галиціи можно сдѣлать много выдержекъ, показывающихъ, какъ жаловались поляки на эту украинскую хлопоманію, будто бы поощряемую московскими рублями для погубленія поляковъ на Украинѣ и даже въ Галиціи, на московскую «схизму», подъ видомъ украинизма распространяемую въ Галиціи. Начавшіеся еще раньше доносы на русиновъ изъ Львова въ Вѣну теперь еще болѣе усилились: вѣнской администраціи доносили, что «die ruthenische Litteratur hat die staatsgefährliche Richtung angenommen». «Вѣденскій Вѣстникъ» предостерегалъ галицкихъ литераторовъ отъ «украинскаго болота» и еще настоятельнѣе сталъ развивать, въ противность малороссійской формулѣ «головной рады» 1848 г., ученіе объ особенной трехмилліонной галицкорусской народности, которой не только административныя, но и этнографическія границы лежатъ на р. Збручѣ, отдѣляющей Галицію отъ нашей Подоліи, — національности, которая не имѣетъ ничего общаго съ украинцами, всегда сопротивлявшимися уніи и обнаруживавшими непокорный демократическій духъ. Дѣла стали такъ, что украинское ли, «общерусское» ли, «великорусское» ли направленіе принимала галицкая литература, все равно она казалась полякамъ «москалофильскою» и «схизматицкою», а австрійской бюрократіи «сепаратистическою», staatsgefährlich. Австрійская бюрократія стала бояться, какъ бы «восточные тирольцы» не стали «восточными венеціанцами».

II.

Вотъ по какимъ именно причинамъ австрійская бюрократія не очень-то была расположена удовлетворять такія требованія русинскихъ политиковъ, какъ требованіе административнаго раздѣла Галиціи, а разработкой вопросовъ болѣе частныхъ, ближе касавшихся народной жизни, эти политики не занимались. Такъ простояли дѣла на одномъ мѣстѣ до самаго 1866 г., несмотря на то, что Шмерлингъ столько разъ обѣщалъ, что «die politische Theilung Galiziens wird den Ruthenen als eine reife Frucht in den Schoss fallen». Уже министерство Белькреди, при его федерализмѣ, оказалось наклоннымъ уступить польскимъ автономнымъ требованіямъ, а послѣ пораженія Австріи при Садовой и централистически-конституціонная партія въ Вѣнѣ увидѣла необходимость уступить полякамъ. На жалобы русиновъ въ Вѣнѣ отвѣчали, и при Белькреди и при Бейстѣ, или общими фразами, или совѣтомъ стараться провести свои требованія законнымъ путемъ чрезъ мѣстный сеймъ. Послѣдній совѣтъ былъ и не безъ резона, да только бѣда въ томъ, что прочное положеніе въ мѣстномъ сеймѣ пріобрѣтается прочнымъ положеніемъ и вліяніемъ среди народа, а клерикалы русинскіе о немъ-то и не позаботились. Вторичное назначеніе графа Голуховскаго намѣстникомъ въ Галиціи въ 1866 г. обозначило, что правительство лишаетъ русинскую партію административной поддержки, и съ тѣхъ поръ число русинскихъ депутатовъ въ львовскомъ сеймѣ все уменьшалось, а искуснымъ подборомъ выборныхъ въ имперскій сеймъ число русиновъ въ этомъ послѣднемъ свелось почти на нуль (на два, на три!). Гербстъ прямо сказалъ полякамъ: «wir haben ihnen die Ruthenen geopfert». Русинскимъ политикамъ осталось, кромѣ безплоднаго средства частныхъ протестовъ, адресовъ императору, еще поискать другого средства, чтобы поддержать свои требованія. Такимъ средствомъ было выбрано заявленіе въ газетѣ «Слово», что русины составляютъ часть однороднаго великаго народа русскаго, имѣющаго въ Россіи отличное національное правительство, могущественную литературу и національно-настроенное общество, которыя, то-есть и правительство и общество, не оставятъ безпомощными своихъ братьевъ въ Австріи, отданныхъ

на притѣсненіе полякамъ, венграмъ и нѣмцамъ. Такъ какъ галицкіе публицисты прежде всего археологи и филологи, то и новый политическій маневръ они тоже облекли въ археолого-филологическую форму. Они стали писать брошюры, доказывающія полное тожество всѣхъ племенъ русскихъ въ древности и ихъ нарѣчій теперь, ненужность всякихъ попытокъ писанія на другомъ русскомъ нарѣчіи, кромѣ того, какое принято въ литературѣ въ Россіи, и которое, по ихъ словамъ, совершенно сходно съ ихъ собственнымъ. Языкъ, которымъ говорятъ въ Россіи, высказалъ одинъ галицкій публицистъ въ журналѣ «Боянъ», есть нашъ галицкій литературный языкъ! Всякаго, кто бы держался другого мнѣнія или даже хоть бы другого правописанія, галицкіе публицисты партіи «Слова» обзывали измѣнникомъ русскому народу, польскимъ запроданцемъ и т. п.

Это было какъ разъ во время разгара въ нашихъ журналахъ извѣстнаго сорта криковъ о сепаратизмѣ, польской интригѣ, обрусеніи, славянскихъ братьяхъ и т. п., а потому столь быстрый поворотъ тѣхъ самыхъ людей, которые еще за нѣсколько мѣсяцевъ писали сами статьи противъ «несытаго московскаго централизма, угрожающаго существованію Австріи, подъ покровомъ которой вольно развиваются всякія народности», столь быстрый и рѣшительный поворотъ не только такихъ людей, какъ редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій, но и такихъ, какъ г. Климковичъ, редакторъ «Меты», злонамѣреннѣйшаго, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», органа сепаратистовъ украинскихъ, на стезю «обрусенія», не могъ не быть привѣтствуемъ нашими обрусительными публицистами. А поворотъ былъ полный: г. Дѣдицкій издалъ брошюру: «Въ одинъ часъ малоруссину выучитись по-великорусски», и въ ней доказывалъ, въ противность прежнимъ заявленіямъ своимъ и грамматикѣ одного изъ главныхъ руководителей «Матицы» и «Рады русской», г. Головацкаго, что Русь галицкая, угорская, кіевская, московская, тобольская и проч., во всѣхъ отношеніяхъ одна и та же Русь, а г. Климковичъ сталъ издавать съ г. Ловчакомъ въ Вѣнѣ журналъ «Славянская Заря», въ коей не только напечаталъ открытое отреченіе отъ своей прежней литературной дѣятельности, въ статьѣ: «Быти ли малорусскому (литературному) вопросу», но и рекомендовалъ всѣмъ славянамъ австрійскимъ писать тѣмъ языкомъ, какимъ

обыкновенно пишутъ въ Россіи, и въ какомъ сама редакція «Зари» была не совсѣмъ тверда. Концертъ вышелъ умилительный. Австрійскіе русины писали жалобы нашимъ публицистамъ, расхваливали насъ, ругали Австрію, а наши утѣшали ихъ обѣщаніемъ близкой помощи.

Благоразумный человѣкъ среди русской публики могъ находить порицанія и похвалы очень преувеличенными, надежды слишкомъ пылкими, а обѣщанія слишкомъ легкомысленными, или хотя легковѣсными (вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, редакторы нашихъ газетъ не могли же объявить войны Австріи, ни даже объявить графу Голуховскому выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ). Но самый умѣренный человѣкъ у насъ могъ почувствовать нѣкоторое удовольствіе при видѣ того, какъ наши австрійскіе соплеменники желаютъ подкрѣпиться нашими духовными плодами на борьбу за свою народность, для своего нравственнаго развитія, или хоть при видѣ того, что они обнаруживаютъ охоту ознакомиться съ нами, нашей литературой и языкомъ ея. Что жъ, пусть выучатся ему хоть въ $^1/_4$ часа, коли могутъ, пусть пишутъ на немъ, только бы писали дѣло, только бы изъ всего этого вышелъ прокъ и для насъ, а особливо для нихъ.

Для насъ никакого проку изъ признанія галицкими патріотами единства русской литературы не вышло. Кто изъ васъ, читатели, знаетъ въ эту минуту хоть пять строкъ, принадлежащихъ перу галицкаго писателя, которыя могли быть причислены къ произведеніямъ сколько-нибудь обогащающимъ нашу литературу? Несмотря на всѣ рекламы и искусственную поддержку, которую дѣлали наши извѣстные органы и кружки всѣмъ этимъ «Словамъ», «Боянамъ», «Страхопудамъ», «Зарямъ», они не могли найти себѣ въ Россіи и пяти добровольныхъ подписчиковъ. Нѣсколько галицкихъ литераторовъ переселились къ намъ въ послѣднее время, что надѣлало немало шуму въ газетахъ нашихъ и австрійскихъ (въ галицкихъ газетахъ еще спеціально надѣлало шуму возведеніе одного изъ нихъ въ высокій чинъ, такъ какъ въ отношеніи къ чинамъ и орденамъ наши галицкіе братья совершенные нѣмцы и австрійцы), но это переселеніе людей, бывшихъ иногда у себя и очень замѣтными, не произвело ровно никакого вліянія на нашу науку и литературу. О нихъ у насъ врядъ ли много людей и помнятъ, да и они сами не очень-то часто на-

поминаютъ о себѣ. Подобная безрезультатность для нашей литературы обращенія къ намъ нѣсколькихъ галицкихъ патріотовъ клерикальнаго и полуклерикальнаго направленія совершенно естественна: чтобъ понять ее, читатель, не видавшій самъ галицкихъ журналовъ и книгъ, долженъ вообразить себѣ, что вдругъ бы воскресъ Симеонъ Полоцкій и пожелалъ написать что-либо интересное для читателей любого нашего журнала, хоть бы самого «Русскаго Вѣстника»... Разумѣется, что такой новѣйшій Симеонъ Полоцкій самъ, подумавъ нѣсколько серьезно, началъ бы съ того, что ничего бы не написалъ, или если бы и написалъ, то не нашелъ бы много читателей. Одинъ изъ галицкихъ литераторовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ представилъ въ петербургскую дирекцію театровъ драму «Роксоляна», заявивъ даже, что не имѣетъ въ виду никакихъ выгодъ, а хочетъ только, чтобъ его пьеса была представлена на сценѣ въ Россіи, въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Разумѣется, что дирекція нашла «Роксоляну» невозможною для постановки и даже сама редакція «Современной Лѣтописи Московскихъ Вѣдомостей» повторила подобное мнѣніе, несмотря на то, что въ это время она предавалась самымъ нѣжнымъ объясненіямъ и объятіямъ съ тѣми кружками въ Галиціи, гдѣ возникла «Роксоляна», которая, замѣтимъ, въ свое время давалась въ Галиціи съ превеликимъ успѣхомъ, восхвалялась въ «Словѣ» и даже вызвала бурю въ польскихъ газетахъ изъ-за того, что авторъ выставилъ русинкою, а не полькою, героиню, плѣнную галичанку, ставшую въ плѣну въ Турціи султаншею. А вѣдь собственно говоря всѣ писанія политическія и даже ученыя всѣхъ этихъ господъ, простиравшихъ свои длани къ Россіи, были въ своемъ родѣ «Роксоляна». Гдѣ жъ имъ возбудить интересъ, а тѣмъ болѣе прибавить богатство литературы у насъ, когда мы, хоть и не Богъ знаетъ, какъ далеко ушли, а все-таки воспитались на Гоголѣ, читали лучшія вещи изъ европейскихъ литературъ то въ переводѣ, то въ подлинникѣ.

Не больше пользы принесло это братаніе галицкихъ святоюрцевъ съ нашими охранительными публицистами и для самихъ галичанъ. Начать съ того, что оно не дало даже тѣхъ послѣдствій, какія можно было бы ожидать всего скорѣе отъ этого братанія, а именно, ознакомленія галичанъ съ нашей литературой и обществомъ, которое она выражаетъ. Здѣсь

опять просимъ читателя вообразить себѣ, что Симеону Полоцкому пришлось бы писать корреспонденціи изъ нынѣшней Россіи, выбирать передовыя статьи изъ русскихъ газетъ для перепечатки въ галицкія, книги для чтенія въ Галиціи и т. п., и затѣмъ вообразить себѣ, какое понятіе можно бы было составить о Россіи и русской литературѣ подъ руководствомъ такого истолкователя. Шовинистическія статьи «Голоса», реакціонныя завыванія «Московскихъ Вѣдомостей», культурно-историческіе афоризмы г. Погодина, компиляціи съ приправами, на сей часъ требуемыми на Толкучемъ рынкѣ русской литературы, въ родѣ «Чеха Яна Гуса изъ Гусинца» какого-то Бильбасова, — вотъ чѣмъ кормили галицкую публику тѣ, кто взялся представить ей образцы литературы и мысли русской. Здѣсь кстати напомнимъ одинъ достовѣрный случай разговора русскаго съ однимъ сербомъ, который спрашивалъ, есть ли въ Россіи свѣтская литература, потому что ни сербскіе руссофилы ни наши славянофилы о другихъ произведеніяхъ русской литературы, кромѣ духовныхъ, сербской публикѣ не говорили. Со времени этого разговора прошло уже лѣтъ съ десять; съ тѣхъ поръ сами московскіе славянофилы значительно «разшишковались», а все-таки и до сихъ поръ, напримѣръ, славянскій благотворительный комитетъ въ своихъ посылкахъ книгъ русскихъ западнымъ братьямъ руководится тенденціями, довольно отзывающимися духомъ своихъ прародителей, а иногда беретъ для распространенія у братьевъ такой литературный хламъ, который у насъ никто не читаетъ и который авторы, соскучившись держать у себя въ складахъ, жертвуютъ славянскому комитету. Отъ этого наши западные братья собственно о настоящей русской литературѣ понятія не имѣютъ: имя г. Погодина, напримѣръ, всѣ знаютъ у нашихъ братьевъ, а о Бѣлинскомъ никогда не слыхали, ужъ о Добролюбовѣ и ему подобныхъ говорить нечего. Между тѣмъ самый предрасположенный къ г. Погодину человѣкъ долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что имя Бѣлинскаго надо поставить рядомъ съ именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и т. п. людей, не будь которыхъ, видъ русской литературы и общества, слѣдовательно, былъ бы какой-то иной, тогда какъ безъ г. Погодина... не было бы развѣ «норманскаго періода въ русской исторіи». Мудрено ли поэтому, что, напримѣръ, даже чешскіе либералы удивляются, какъ это русскій

могъ написать «Дымъ»; а у славянъ высказываются мнѣнія, будто всѣ, кто критически относится къ русской дѣйствительности и кто находитъ, что намъ, прежде чѣмъ «учить и спасать другихъ», надо самимъ поучиться многому и спастись отъ многаго, нигилисты, т.-е. нѣмцы (!) и враги русскаго народа, а тѣмъ кружкамъ у славянъ и у нѣмцевъ, которые враждебны сближенію славянъ съ Россіей, чтобъ напугать свою публику послѣднею, чтобъ выставить, что въ Россіи только и высказываются что шовинистическія да ретроградныя мысли, стоитъ только указать на тѣ самыя произведенія, которыя выставляютъ на видъ наши же славяноревнители и руководимые ими кружки у нашихъ западныхъ братьевъ.

Но это еще полъ-горя, что братаніе извѣстной партіи среди галицкихъ патріотовъ съ нашими шовинистами не привело за собою даже ясныхъ представленій о насъ въ Галиціи, самая главная бѣда, и именно съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народа въ Галиціи, это — то, что вслѣдствіе, такъ сказать, эмиграціоннаго настроенія умовъ галицкихъ патріотовъ политическое положеніе русскаго вопроса въ Галиціи сильно ухудшилось, да не улучшилось и положеніе самихъ патріотовъ, кромѣ развѣ личнаго положенія тѣхъ, которые перебрались на служебныя мѣста въ Россію. Прежде всего въ этихъ обращеніяхъ взоровъ галицкихъ патріотовъ на Россію было всегда своего рода двуличіе или, по меньшей мѣрѣ, не было прямоты и послѣдовательности. А въ политической и національной борьбѣ обращеніе за помощью внѣ границъ извѣстнаго государства тогда только и приноситъ пользу, когда оно совершается открыто и послѣдовательно, и когда, конечно, за границею есть сила дѣйствительно способная и готовая доставить торжество элементу, обращающемуся къ ней за помощью и съ надеждами. Въ такомъ родѣ было, напр., отношеніе Венеціи къ Австріи и Италіи къ Венеціи: венеціанцы прямо высказали нежеланіе быть въ Австріи и, благодаря нескрываемой поддержкѣ Италіи, могли выносить тотъ застой всякаго рода положительной дѣятельности, нравственной и матеріальной, который неизбѣжно сопровождаетъ состояніе протеста и отрицанія, а особенно физической или нравственной эмиграціи. Но такъ называемые галицкіе «москвофилы» не имѣли въ прошломъ никакихъ ни Маниныхъ ни Маццини, они вышли изъ «treuste Volk» и никогда не переставали пи-

сать въ Вѣну самыя усердныя вѣрноподданническія заявленія на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ заявляли, что русскій народъ въ Галиціи ждетъ блага только отъ Цесаря изъ Вѣны. А въ то же время въ своихъ изданіяхъ какъ въ «Словѣ», такъ и въ популярныхъ «Листахъ до громадъ» галицкіе литераторы говорили о Россіи, какъ о единственномъ государствѣ, гдѣ русскій народъ можетъ пользоваться тѣмъ чуть не райскимъ состояніемъ, коимъ теперь уже пользуется населеніе Россіи, о русскомъ государѣ, какъ о единственномъ царѣ всего русскаго народа и т. д. [1]).

Еще въ 1848 г. несчастнымъ образомъ вопросъ о національности, языкѣ и литературѣ галичанъ получилъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ политическое значеніе и связался съ вопросомъ о вѣрноподданствѣ. Поэтому вышеупомянутое заявленіе «Слова» и «Листовъ до громадъ» о единствѣ русской народности и литературы отъ Карпатъ до Амура имѣло тоже политическое значеніе, въ особенности благодаря весьма прозрачнымъ намекамъ, которыми всегда сопровождались подобныя заявленія. Еще болѣе политическій характеръ придали этимъ заявленіямъ слова г. Наумовича въ сеймѣ, гдѣ этотъ очень усердный дѣятель и весьма талантливый ораторъ выразился въ такомъ смыслѣ: мы оставались вѣрны формулѣ 1848 г. о нашей народности и работали усердно надъ развитіемъ литературы исключительно на народныхъ началахъ, но за это намъ заплатили отданіемъ насъ полякамъ, а поляки не хотятъ признавать нашу народность, теперь мы должны перемѣнить свои взгляды на свою народность и литературу и искать себѣ опоры въ 60-милліонномъ русскомъ народѣ. Нѣ-

---

[1]) До чего привычка къ низкопоклонству предъ централистическими элементами въ Австріи укоренилась въ святоюрскихъ кружкахъ,—видно изъ слѣдующаго недавняго факта: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ праздновалось въ Австріи совершеннолѣтіе дочери императора Гизели. Корпораціи разныхъ національностей воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ заявитъ свою преданность династіи, — отдѣляя ее отъ министерствъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ свои національныя стремленія. Конечно, каждая народность писала адресы на своемъ языкѣ. Въ Галиціи представители корпорацій такъ называемой молодой или народной партіи, — о которой ниже, — „Русской Бесіды“ и „Просвіты“, „Торбана“, „Дружескаго Лихваря“ послали адресы по-русски и по-нѣмецки, а институтъ ставропигіальный — комиссіи „Народнаго Дому“, „Русской Матицы“, „Русской Рады“—только по-нѣмецки. И это послѣ всѣхъ заявленій, что отъ „Запада“ и „нѣмцевъ“ не ждать русскому народу добра.

которые изъ вліятельныхъ въ русинскихъ обществахъ лицъ, какъ-то: совѣтникъ судебной палаты въ Галиціи и вице-президентъ сейма г. Лавровскій и крылошанинъ Павликовъ, которыхъ мы еще будемъ имѣть случай называть далѣе, хотѣли протестовать противъ отреченія своихъ товарищей отъ формулы «Головной русской Рады» 1848 г. и обратились къ номинату-епископу Куземскому. Это былъ тотъ самый Куземскій, котораго потомъ назначили уніатскимъ епископомъ къ намъ въ Холмъ, гдѣ онъ и восхвалялся нашими и галицкими изданіями, какъ ревностный очиститель уніи отъ ультрамонтанскихъ элементовъ, а потомъ вдругъ по какимъ-то неразъясненнымъ причинамъ (иностранныя газеты говорили, что будто бы вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ Римомъ, гдѣ онъ жаловался на насильственныя дѣйствія нашего правительства) оставилъ Россію и теперь представленъ митрополитомъ львовскимъ Сембратовичемъ, извѣстнымъ ультрамонтаномъ, въ кандидаты на должность викарія львовскаго архіепископства. Этого-то Куземскаго и просили собрать тогда «Головную Раду» для протеста. Въ Вѣнѣ поняли заявленія «Слова» и г. Наумовича, какъ вызовъ Австріи. Гр. Бейстъ говорилъ: «Будь дѣйствительно русины русскіе, мнѣ было бы это очень прискорбно (?!). Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, а потому правительство должно видѣть въ новѣйшихъ манифестаціяхъ русиновъ враждебное Австріи направленіе и не можетъ поддерживать ихъ. Мой совѣтъ былъ бы — вернуться на старый путь, честно вернуться (umkehren, ehrlich umkehren), если только точно они принимаютъ близко къ сердцу благо своего народа». «Головную Раду» въ виду важности положенія собрать было необходимо для того, чтобъ или отвергнуть формулу провозглашенную въ газетѣ, которая служитъ органомъ института ставропигіальнаго, «Матицы» и «Народнаго Дому», или утвердить ее, или же объявить, что всякаго рода мнѣнія русиновъ о своей этнографической народности и литературѣ не имѣютъ ничего общаго съ политикой и вопросомъ объ ихъ отношеніяхъ къ Австріи. Въ томъ или другомъ случаѣ дѣло было бы ведено ясно и четко, но въ томъ-то и бѣда, что политики-крылошане не хотѣли ясности, разъ потому, что все-таки мало чувствовали ее въ своихъ головахъ, а въ другой — потому, что ясность помѣшала бы имъ вести двойную или тройную игру въ Вѣнѣ у нѣмцевъ, въ Львовѣ — у поляковъ и въ

Россіи — у нашихъ славянофиловъ и обрусителей, которыхъ тогда считали за границею партіей, руководящей даже и правительствомъ нашимъ. Вотъ почему номинатъ Куземскій отвѣчалъ, что по поводу заявленій частныхъ мнѣній журналистовъ не стоитъ собирать «Головной Рады». Подобное двуличіе въ поведеніи галицкихъ политиковъ было столько же разсчитанное, сколько и естественное, потому что не могли же они не видѣть хоть по временамъ, когда туманъ газетныхъ фразъ нѣсколько разсѣивался, что Россія вовсе не такъ относится къ Галиціи, какъ Италія къ Венеціи, что и галицкій народъ вовсе не такъ настроенъ, какъ венеціанскій, что и общество у насъ весьма холодно къ галицкимъ соплеменникамъ, будучи слишкомъ занято своими домашними дѣлами, и что, слѣдовательно, суть борьбы за народность русскую въ Галиціи должна быть ведена на внутреннемъ полѣ, внутренними средствами, въ условіяхъ австрійскаго политическаго строя, а не заграничнаго, и что поэтому разрывать вовсе съ Австріей нельзя было. Но не практичнѣе ли было вовсе и не кричать о помощи извнѣ, если на нее мала была надежда, и заниматься своимъ дѣломъ, — дѣломъ поднятія нравственной и матеріальной силы своего народа? При этомъ каждый могъ имѣть объ этнографическихъ отношеніяхъ русскаго народа такое мнѣніе, какое вытекало изъ научныхъ познаній и изслѣдованій каждаго, и развивать литературу сообразно этимъ идеямъ этнографическимъ и филологическимъ и своимъ литературнымъ вкусамъ.

Теперь же это новое связываніе вопроса о народности и литературѣ галицко-русской съ политикой, и при этомъ неискренность и двойственность поведенія русинскихъ литераторовъ и политиковъ послѣ 1866—1867 гг., навлекли на русиновъ и, главное, на невинный ни въ чемъ народъ всѣ невыгодныя послѣдствія оппозиціи и не дали ни одной выгоды, какую ведетъ за собою откровенная оппозиція, которую уважаютъ и боятся, и съ которой потому по необходимости считаются и договариваются. Центральное правительство не только предоставило вопросъ объ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ галицкому сейму, но даже, какъ выразился графъ Бейстъ, сейму этому, то-есть польскому большинству его, предоставлено было рѣшить, насколько русины имѣютъ право быть признаны и существовать въ Галиціи (ob und wiefern die

Ruthenen in Galizien zu bestehen haben). Поляки, конечно, не поцеремонились съ русинами и не только всюду, гдѣ можно было, насадили администраторами поляковъ, ввели польскій языкъ въ администрацію, въ судъ, отвергли права русинскаго языка въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ онъ былъ признанъ прежде, но и чрезъ школьный совѣтъ налегли тяжелою рукою и на тѣ школы, въ какихъ еще оставался признаннымъ русскій языкъ. Центральное правительство давало согласіе на всѣ вредныя русинамъ опредѣленія львовскаго сейма. Затѣмъ, двуличіе, о которомъ мы говорили, имѣло весьма вредное нравственное вліяніе на личности и характеры въ русинскомъ обществѣ, старомъ и молодомъ, а особенно, когда послѣ усиленія поляковъ въ сеймѣ оно превратилось у нѣкоторыхъ въ триличіе, такъ какъ въ центральныхъ кружкахъ вѣнскихъ не покинули вовсе пріема по временамъ стращать поляковъ русинами, а поляки по временамъ заявляли, что не прочь сдѣлать уступки и русинамъ, только бъ они не дружили ни съ «Москвою» ни съ нѣмцами.

Уже и прежняя конституціонная практика австрійскихъ народовъ не способствовала развитію честности и гражданскаго мужества, особенно у русиновъ, а теперь состояніе слабости, дезорганизаціи и раздѣленій въ русинскомъ обществѣ открывало дорогу всякаго рода виляніямъ и эквилибристикѣ, эксплуатаціи въ пользу личныхъ интересовъ, запутанности общественныхъ дѣлъ и т. п. Въ этихъ эквилибристическихъ упражненіяхъ и въ ловлѣ рыбы въ мутной водѣ особенно отличались именно тѣ кружки, изъ прежней болѣе компактной святоюрской партіи, которые прежней политикой покорности успѣли выдвинуться впередъ, и во главѣ ихъ наслѣдникъ Яхимовича, митрополитъ Литвиновичъ. Сообразно двумъ непріятнымъ для польской и нѣмецкой бюрократіи призракамъ, революціонно-гайдамацкаго украинофильства и сепаратистическаго москвофильства, митрополитъ и его приближенные заявляли высшимъ сферамъ, что только они могутъ удерживать спокойствіе въ краѣ и принадлежность его къ монархіи Габсбурговъ. Парламентская казуистика и обрядность: подача адресовъ, воздержаніе отъ голосованія, выходъ изъ залы засѣданій и т. п., — вотъ чѣмъ наполнялась дѣятельность политическихъ кружковъ русинскихъ, съ 1866 г. особенно приближенныхъ къ митрополиту, которыхъ стали

звать «политиками». Черезъ нѣсколько лѣтъ Литвиновичъ умеръ, каѳедра митрополитская оставалась нѣкоторое время вакантною, каѳедра перемышльскаго епископа — тоже, и святоюрская партія, въ которой замѣчалась уже и прежде деморализація и раздѣленіе, теперь осталась даже безъ видимыхъ главъ. Между тѣмъ въ Вѣнѣ, очевидно, шансы поляковъ все поднимались: кто бы ни взялъ верхъ, централисты ли, или федералисты, въ томъ и другомъ случаѣ поляки должны были получить требуемыя ими уступки; русины же оказывались слишкомъ слабы, чтобы съ ними договаривались не только нѣмцы, но и сами чехи. Съ другой стороны, становилось очевиднымъ, что и на Россію надѣяться было нечего. Она и не думала вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи, и, кромѣ передовыхъ статей въ газетахъ да нѣсколькихъ сотенъ рублей кое-кому изъ галицкихъ ораторовъ и редакціи «Слова», присланныхъ славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, изъ Россіи ничего въ Галицію не являлось. Одни думали, что Россія холодна потому, что и галичане еще не довольно усердны въ заявленіи своей преданности, что «Слово» еще слишкомъ робко усвоиваетъ русскій литературный языкъ, и требовали въ петербургскихъ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» радикальнаго разрыва какъ съ австрійскими властями, такъ и съ тѣмъ литературнымъ языкомъ, какой употреблялся все-таки въ святоюрскихъ изданіяхъ, и иногда даже наивно назывался настоящимъ литературнымъ языкомъ, употребляющимся въ Россіи. Не знаемъ, какія бы практическія послѣдствія повело бы за собою усвоеніе такой радикальной политики, много ли бы людей пошло за такою программой, много ли бы читателей въ Галиціи нашла литература, языкомъ и духомъ не отличающаяся отъ петербургской и московской, но несомнѣнно, что и такая программа политическая и писаніе въ Львовѣ живымъ языкомъ, какимъ говоримъ и пишемъ мы въ Россіи, были бы, какъ говорится, «что-нибудь», такая программа была бы, по крайней мѣрѣ, понятной. Но дѣло въ томъ, что для такой программы у святоюрцевъ нѣтъ ни характера ни умѣнья: пишутъ же они не только у себя, но даже и къ намъ: «поздравьте», вмѣсто «пожелайте здоровья» и т. д. Гдѣ жъ имъ издавать газеты такимъ же языкомъ, какъ «Голосъ» или «Московскія Вѣдомости»? Наконецъ еще одинъ сортъ людей, среди святоюрцевъ, видя, что поляки все растутъ

въ силѣ, что, напр., даже министромъ-президентомъ сталъ полякъ графъ Потоцкій, и что полякамъ одинаково не нравится ни «москвофильство» ни «украинофильство» (народовство), послѣдовательно проведенные, надумались возвратиться къ пропагандируемой прежде «Вѣденскимъ Вѣстникомъ» строго «рутенской» программѣ, вытекавшей изъ идеи, что галичане не часть 15-милліоннаго племени малорусскаго, какъ объявила въ 1848 году «Рада русская», въ своемъ посланіи къ имперскому сейму отъ 25 августа, не часть 60-милліоннаго однороднаго народа русскаго, какъ говорило съ 1866 года «Слово», а особый 3-милліонный народъ «рутены». Къ этой программѣ и прежде и теперь наибольшую наклонность имѣли строгіе клерикалы-уніаты и то, что называется въ Галиціи «политики», т.-е. собственно флюгера, и нельзя не видѣть, что «рутенская» программа представляетъ наиболѣе шансовъ для хорошихъ отношеній съ предержащими властями, каковы бы они ни были. Высшее духовенство въ Галиціи, т.-е. крылошане (клиръ), архимандриты, самъ митрополитъ (по смерти Литвиновича — теперь Сембратовичъ) больше всего имѣютъ наклонности къ такого рода «политической» и «рутенской» программѣ. Теперь они хлопочутъ объ основаніи журнала съ рутенско-клерикальнымъ направленіемъ подъ названіемъ «Святый Юрій».

Разумѣется, что такого рода раздѣленія и колебанія въ рядахъ руководящихъ галицко-русской политикой лицъ не способствуютъ успѣху галицко-русскаго народа на политическомъ поприщѣ. Приведемъ для характеристики тамошнихъ нравовъ и отношеній наивный разсказъ одного изъ самыхъ старыхъ и усердныхъ дѣятелей духовенства галицкаго о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ 1868 г. въ Прагу и что изъ этого вышло.

«Насъ, — говоритъ отецъ Качала, — «Слово» зоветъ мягкими русинами, а себя — твердыми; насъ упрекаютъ въ томъ, что мы полономаны! Удивительное дѣло съ этимъ полономанствомъ, — потому что поляки меня, напр., зовутъ москалемъ!» И далѣе онъ разсказываетъ, какъ лишился деканства за поѣздку въ Прагу на съѣздъ славянскій, по поводу заложенія театра чешскаго, — съѣздъ, который польская печать выставляла, какъ «московскую агитацію» въ Австріи. «Пришедши, по пріѣздѣ въ Львовъ, въ «Бесѣду русскую»,

во Львовѣ, — разсказываетъ г. Качала, — спрашиваю высокопреподобнаго крылошанина Кульчицкаго: «кого посылаете въ Прагу?» — потому что это дѣло меня интересовало. Высокопреподобный крылошанинъ Кульчицкій говоритъ: «Да кого жъ и для чего? Развѣ у насъ есть знаменитые люди? Тамъ будутъ князья и графы, а мы развѣ хотѣли бы засвидѣтельствовать нашу мизерію да нищету?» Вижу, что нечего и слушать такія рѣчи, потому что развѣ мы виноваты и развѣ намъ слѣдуетъ стыдиться своей нищеты? Не сказавши ни слова, оборачиваюсь въ другую сторону, а услыхавши, что выборъ представителя порученъ редактору «Слова», возвращаюсь опять въ «Бесѣду». Тутъ начали уже и деньги собирать на дорогу. Редакторъ, г. Дѣдицкій, спрашиваетъ и меня, дамъ ли я что-нибудь. Отвѣчаю: «кого жъ посылаете?» «Кого жъ, — говоритъ, — Павлевича, онъ и въ Москвѣ былъ, знакомъ съ чехами, такъ скорѣе справится и съ порученіемъ». Такое извѣстіе меня поразило. Спросилъ я еще разъ: «неужели нѣтъ никого больше, кто бы могъ представлять русиновъ?» [1]) и вышелъ самъ изъ «Бесѣды». Павлевича, думаю, который во время послѣдней польской революціи принималъ въ ней не совсѣмъ почетное участіе, который (затѣмъ), по возвращеніи изъ Москвы, уже почти отказывается говорить погалицко-русски, и такого-то человѣка галицкая Русь высылаетъ, какъ своего представителя! На другой день прихожу въ редакцію «Слова» и начинаю доказывать, что не Павлевичъ, а кто-нибудь изъ приглашенныхъ долженъ ѣхать. А приглашенными были: высокопреподобные крылошане, номинатъ Куземскій, историкъ Петрушевичъ и редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій. Если два первые не хотятъ, можетъ-быть, ради высшихъ соображеній, то вы, говорю редактору, должны ѣхать. Дѣдицкій, подумавши такъ и сякъ, говоритъ мнѣ: «поѣзжайте вы!» Отвѣчаю: «я не приглашенъ». Дѣдицкій: «если вы поѣдете, и я поѣду». Я говорю: «я не имѣю позволенія и не время хлопотать объ немъ; но если бы ѣхать, такъ теперь же, потому что посмотрѣть бы (въ Прагѣ) и выставку хозяйственную, которая будетъ передъ заложеніемъ театра».

[1]) Г. Качала, кажется, и до сихъ поръ не догадался, что дѣло тутъ не въ князьяхъ и графахъ и не въ томъ, что г. Павлевичъ „дастъ себѣ раду“, какъ человѣкъ бывалый въ дорогахъ, а именно въ томъ, что люди покрупнѣе боялись ѣхать, а кто поѣхалъ, какъ увидимъ дальше, боялись говорить.

Дѣдицкій: «я пойду къ высокопреподобному крылошанину Куземскому и позволеніе вамъ выхлопочу». Отвѣчаю: «подумаю» — и пошелъ въ городъ. Думаю такъ: позволенія не имѣю, поѣздка не останется тайною. Желать позволенія? Но послѣ того, что писали польскія газеты о сборѣ славянъ, митрополитъ Спиридонъ никогда не позволитъ. Ѣхать противъ запрещенія — такъ лучше безъ позволенія. Какая же, думаю, дальше будетъ мнѣ кара? Прихода у меня не отнимутъ, если что и отнимутъ, такъ развѣ деканство (благочиніе) къ великой радости поляковъ. Послѣ такого рѣшенія приходитъ Дѣдицкій и извѣщаетъ, что говорилъ съ высокопреподобнымъ крылошаниномъ офиціаломъ Куземскимъ, и что этотъ очень радъ моей готовности ѣхать... Въ Прагѣ къ торжественному обѣду на 500 человѣкъ пришелъ я нѣсколько позже другихъ. Сѣлъ у стола, гдѣ уже сидѣли Дѣдицкій и Павлевичъ съ русскими. Г. Дѣдицкій говоритъ мнѣ: «спрашивали насъ чехи, будетъ ли кто изъ насъ говорить. Мы уже условились съ проф. Ламанскимъ, и онъ будетъ говорить и именемъ галицкихъ русиновъ». Я говорю: «вы сдѣлали счетъ безъ хозяина, ибо я при этомъ не былъ. Развѣ политично, если уже мы здѣсь находимся, чтобы великоруссъ говорилъ и именемъ австрійскихъ русиновъ?» Послѣ этого приходятъ ко мнѣ чехи съ вопросомъ: хочу ли я говорить? Видно, что чехи сами не считали приличнымъ, чтобы на соборѣ славянъ, гдѣ каждая народность говорила своимъ языкомъ, чтобы Малая Русь отрекалась отъ слова и давала себя представлять великоруссамъ. Подумавши такъ, я просилъ записать меня на очередь слова. Настали рѣчи. Начало сдѣлали чехи, за ними иные представители народностей. Изъ русскихъ первый говорилъ Ламанскій, и сказалъ, между прочимъ, что говоритъ не только именемъ русскихъ въ Россіи, но и русскихъ въ Австріи. На эти слова Дѣдицкій и Павлевичъ поклонились въ знакъ того, что и они согласны на то».

Какъ видимъ, гг. Дѣдицкій и Павлевичъ разсудили преосновательно: поклонъ во всякомъ случаѣ ведетъ за собою меньше отвѣтственности, чѣмъ рѣчь, притомъ же, какъ бы они и говорили: такимъ жаргономъ, какимъ пишутъ? — но вѣдь дѣло было бы не въ Галиціи, гдѣ никто не знаетъ нашего литературнаго языка и гдѣ легко выдать всякій жаргонъ за чистый русскій. Итакъ, говоритъ своимъ жаргономъ

передъ русскими изъ Россіи значило бы показать и имъ и другимъ славянамъ всю легковѣсность заявленій о литературномъ единствѣ Галиціи съ Россіею, говорить же такимъ языкомъ, какъ г. Ламанскій и другіе «россіяне», гг. Дѣдицкій и Павлевичъ не умѣютъ, потому что иначе они бы не писали такъ, какъ пишутъ въ «Словѣ». Что же вышло, однако, дальше?

«Когда приближалась очередь ко мнѣ, — продолжаетъ г. Качала, — Дѣдицкій и Павлевичъ стали все больше непокойны, и, наконецъ, оба выходятъ изъ залы. Приглашенный говоритъ, я сказалъ, примѣрно, такъ: «Позвольте, господа, и мнѣ, какъ русину, говорить вамъ на р у с к о м ъ языкѣ. На приглашеніе ваше мы прибыли, милые братья, чтобы вмѣстѣ съ вами присутствовать при торжествѣ, которое — не только торжество чешское, но торжество вмѣстѣ съ тѣмъ и славянское, — прибыли, чтобы показать, что мы умѣемъ цѣнить заслуги чеховъ для славянства. Потому что, по правдѣ, если теперь во всей славянщинѣ всѣ славяне знаютъ, кто они такіе, какъ сами по себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ славянскимъ племенамъ, такъ это заслуга вашихъ великихъ мужей, которые неутомимо работали надъ тѣмъ, чтобы славянскіе потоки и рѣки направить къ одному великому морю. Въ единствѣ наша сила, но въ единствѣ братскомъ, основанномъ на равноправности, чтобы права и наименьшей народности славянской были уважаемы. Да здравствуютъ чехи, да здравствуютъ славяне, да здравствуетъ славянская взаимность!» Послѣ такихъ словъ Ламанскій посмотрѣлъ на меня веселѣе и чокнулся со мной бокаломъ. Потомъ появились и Дѣдицкій и Павлевичъ. Долженъ я еще прибавить, что чехи говорили мнѣ, что понимали меня лучше, чѣмъ русскихъ изъ Россіи...

«... Прибывши въ Львовъ, спѣшу къ «Народному Дому». Тутъ нѣкоторые господа крылошане смотрятъ на меня, какъ говорится, *съ басу*, и я узнаю, что митрополитъ очень сердитъ на меня и грозитъ большими карами. Видно, что никто не хочетъ со мною слова сказать. Я подумалъ себѣ: и не требую! И на другой день пошелъ самъ къ митрополиту. *Митрополитъ:* Что вы тутъ дѣлаете? — *Я.* Возвращаюсь изъ Праги и пришелъ извиниться. — *М.* Развѣ это правда, что вы были тамъ? — *Я.* Правда. — *М.* Что вы надѣлали? Что скажутъ поляки и Голуховскій? — *Я.* Что скажутъ, не знаю.

но я считалъ это моею обязанностью. — *М.* Кто вамъ далъ позволеніе ѣхать? — *Я.* О позволеніи некогда было хлопотать. — *М.* А вы являлись къ пражскому митрополиту? — *Я.* У меня свой митрополитъ, а другихъ я не знаю. — *М.* Такъ вы не знаете правилъ каноническихъ? А гдѣ вы были съ Божіею службой въ воскресенье и гдѣ на Вознесенье? — *Я.* Въ воскресенье былъ я на службѣ Божіей въ костелѣ, въ Прагѣ, самъ же не служилъ. А на Вознесенье былъ въ дорогѣ. — *М.* Такъ развѣ можно поступать священнику? — *Я.* Лгать я не умѣю смолоду и передъ вашимъ превосходительствомъ не буду. — *М.* А знаете, какое наказаніе ждетъ васъ? — *Я.* Я сдѣлалъ то, что считалъ своею обязанностью, а наказаніе назначитъ дѣло вашего высокопреосвященства. — *М.* Вы зачѣмъ съ рѣчью выступали? Только бы газеты крику больше надѣлали?!.— Разговоръ кончился тѣмъ, что у меня было отнято деканство, чему могли порадоваться многіе поляки.

«Итакъ, львовскіе русины, а особенно наши «твердые», посылаютъ Павлевича представлять галицкихъ русиновъ на сборѣ славянъ. Дѣдицкій и Павлевичъ условливаются съ петербургскимъ профессоромъ великоруссомъ Ламанскимъ, чтобы говорить именемъ галицкихъ русиновъ, а потомъ жалуются, что на нихъ кто-то доноситъ. Я хочу этотъ неполитичный шагъ поправить, и остаюсь наказаннымъ изъ страху, что скажутъ поляки и Голуховскій. А въ довершеніе, меня теперь зовутъ ляхоманомъ!..»

При тѣхъ нравахъ, при тѣхъ отношеніяхъ, какія рисуются въ каждомъ словѣ наивнаго разсказа г. Качалы, мудрено ли, что галицко-русскій народъ не далеко ушелъ въ политикѣ, имѣя такихъ политиковъ руководителями и представителями!

III.

Голько послѣ долгихъ испытаній русины замѣтили, наконецъ, что надеждъ на австрійское центральное правительство возлагать больше нечего, на Россію тѣмъ паче, и тогда между галицкими руководящими людьми стала укрѣпляться идея, что опоры для патріотической дѣятельности надо искать подъ ногами, въ собственномъ краѣ. Эта идея повела къ новымъ исканіямъ путей. не всегда удачнымъ, но мало-по-малу изъ нея

стали вытекать и такія дѣйствія, которыя подаютъ надежду на лучшій исходъ борьбы за русскій народъ и народность въ Галиціи, чѣмъ тѣ, какія мы видѣли до сихъ поръ. Для выхода изъ какого-либо положенія, надо прежде всего сознаніе этого положенія. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ очень важнымъ слова вице-маршала сейма галицкаго, совѣтника г. Лавровскаго, о результатахъ его наблюденій надъ положеніемъ національнаго вопроса въ Чехіи и Галиціи. «Когда въ 1871 г. я былъ въ Прагѣ, то имѣлъ случай разговаривать съ чешскими политическими дѣятелями. Чехи говорили: «Вы, русины, хотите ѣздить на конѣ высокой политики, а русскіе избиратели выбираютъ поляковъ депутатами. До такой степени они не имѣютъ понятія о правахъ своей народности! Въ чемъ же ваша сила? Пока мы, чехи, на народъ нашъ съ увѣренностію не могли разсчитывать, мы не вели оппозиціи противъ нѣмцевъ. Мы просили: дайте намъ школу; а давали намъ одну, — мы требовали другой. Такъ мы добивались разъ одного, другой — другого, и старались прежде всего просвѣтить нашъ народъ. Теперь мы уже сидимъ на конѣ высокой политики, но у насъ чехъ нѣмца въ депутаты не выбираетъ, и бытъ матеріальный у насъ не такой, какъ у васъ. Такъ и вамъ надо стараться силы ваши укрѣпить просвѣщеніемъ народа и поднять его благосостояніе». Въ объясненіе того обстоятельства, что русинскіе крестьяне выбираютъ польскихъ депутатовъ, надо сказать, что съ тѣхъ поръ какъ администрація перестала поддерживать на выборахъ русинскихъ депутатовъ-священниковъ, это явленіе стало неизбѣжнымъ: сами патріотическія газеты русинскія, въ томъ числѣ и «Слово», плачутся, что за бочку водки крестьяне выбираютъ помѣщиковъ (дѣдичей) депутатами (на послѣднихъ выборахъ въ сельскихъ округахъ восточной, т.-е. русинской Галиціи, было выбрано 18 поляковъ-помѣщиковъ), или же такихъ изъ своей среды, которые не имѣютъ ни подготовки ни характера, чтобы держать себя независимо на сеймѣ. Поляки поэтому тамъ, гдѣ не могутъ провести своего кандидата изъ помѣщиковъ, поддерживаютъ такихъ кандидатовъ изъ «хлоповъ» и даже выбираютъ ихъ депутатами въ вѣнскій рейхсратъ, если на какой округъ нѣтъ своего кандидата. Разумѣется, что такіе «хлопы», не понимая нѣмецкаго языка, только то и дѣлаютъ, что получаютъ суточныя деньги. Галицкіе литераторы и политики изъ духов-

ныхъ ужасно злятся поэтому на своихъ «хлоповъ» вообще, т.-е. на свой собственный народъ, честя ихъ подчасъ выраженіями не лучше извѣстнаго «быдла» — польскихъ пановъ. Но надо вспомнить, что въ то время, когда устраивался бытъ крестьянъ, галицкіе духовные были въ большой силѣ «у Цісаря», однакожъ за помѣщиками оставлено не только исключительное владѣніе лѣсами и выпасами, но и право продажи водки (пропинація), т.-е. крестьяне поставлены въ весьма тяжелую зависимость отъ помѣщиковъ. Поздно только спохватились духовные представители галицкаго народа и два раза, правда, подавали петиціи императору, указывающія на невыгоду для русскаго народа разрѣшенія вопроса о выпасахъ, но эти прошенія канули въ архивахъ вѣнскихъ канцелярій, да и вообще, какъ мы видѣли, петицій о такихъ «низкихъ» и «матеріальныхъ, хлопскихъ» вопросахъ было очень мало сравнительно съ адресами, петиціями и т. п., о вопросахъ высокой политики. Если посмотрѣть на избирательные манифесты и рѣчи святоюрскихъ политиковъ тѣхъ временъ, когда они были въ большой силѣ, то не найдете много заботъ о такихъ матеріяхъ, а найдете развѣ аргументы въ родѣ того, что «слѣдуетъ слушаться батюшки», а «поляки не уважаютъ русской вѣры и батюшекъ»; слѣдуетъ слушаться кесаря, а поляки идутъ противъ кесаря, поддерживая враговъ и т. д. Мудрено ли, что крестьянинъ, мало понимающій въ конституціонныхъ вопросахъ, видя, что теперь кесарь назначаетъ поляковъ министрами, намѣстниками и т. д., слушается польскихъ чиновниковъ и, испытавъ мало пользы отъ того, что онъ «слушался батюшки», подаетъ голосъ въ пользу пана за нѣсколько вязанокъ дровъ да за стаканъ водки? Онъ все-таки употребляетъ эти дрова и водку для себя, т.-е. получаетъ хоть что-нибудь. Святоюрцамъ всего менѣе прилично бы было говорить съ презрѣніемъ о «хлопахъ», а лучше постараться привлечь ихъ къ себѣ болѣе дѣйствительными мѣрами, чѣмъ до сихъ поръ; между тѣмъ до сихъ поръ галицко-русскіе патріоты не воспользовались даже всѣми средствами вліянія на народъ, какія имъ даетъ австрійская конституція: такъ, напримѣръ, только недавно обратили они вниманіе на то, что эта конституція даетъ имъ возможность собирать народныя сходки, которыя, напримѣръ, у чеховъ дошли до грандіознаго развитія, и почти на этихъ дняхъ только

собрана была сходка въ Бедриковцахъ, и то крестьянскимъ депутатомъ г. Бейчукомъ, который скоро затѣмъ умеръ, какъ подозрѣваютъ, даже отъ отравы; сходка эта постановила ходатайствовать объ избитомъ уже вопросѣ о раздѣленіи Галиціи, но вмѣстѣ и о пересмотрѣ законовъ о пропинаціи. Но сколько времени упущено и съ 1848 г., и съ 1861, и даже съ 1867 года!

Вотъ это-то ясное сознаніе своего политическаго безсилія и безплодности ѣзды на конѣ высокой политики, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, побудило въ 1870 г. нѣсколькихъ изъ болѣе вліятельныхъ депутатовъ русинскихъ договориться съ поляками объ условіяхъ согласной политики по вопросу объ отношеніяхъ Галиціи къ имперіи. Во главѣ этихъ депутатовъ стали г. Лавровскій, всегда принадлежавшій къ такъ называемымъ политикамъ, или умѣреннымъ, и о. Наумовичъ, который всегда принадлежалъ къ такъ называемымъ «твердымъ» (на поднесеніе ему «бокала» въ знакъ сочувствія за его рѣзкія рѣчи противъ поляковъ и выраженія надеждъ на Россію у насъ собирали въ 1866—1867 гг. деньги). Впрочемъ, Наумовичъ несравненно больше другихъ своихъ собратовъ заботился о народѣ, издавая для него еженедѣльныя газеты, составляя сельско-хозяйственныя статьи и брошюры, хотя и церковною правописью и шрифтомъ, но чистымъ народнымъ языкомъ (и такому человѣку бокалъ хотѣли поднести тѣ самые люди, которые обзывали г. Костомарова орудіемъ польской интриги за намѣреніе печатать тѣмъ же языкомъ книги для народа въ южной Россіи!). Предложеніе гг. Наумовича и Лавровскаго было, впрочемъ, подписано 30 депутатами русскими, т.-е. почти всѣми наличными силами русскими въ львовскомъ сеймѣ. Отъ имени этихъ депутатовъ представилъ г Лавровскій въ 1869 г. цѣлый проектъ условій, на которыхъ русинскіе депутаты соглашаются не протестовать противъ извѣстной «резолюціи» львовскаго сейма объ автономіи Галиціи. Условія эти касаются, главнымъ образомъ, употребленія русскаго языка въ администраціи и судѣ округовъ чисто русинскихъ и смѣшанныхъ (т.-е. такихъ, въ коихъ русиновъ не меньше $^1/_5$), а особливо устройства народнаго образованія на р у с к о м ъ языкѣ. По этому проекту въ школахъ первоначальныхъ языкомъ преподаванія признается языкъ большинства населенія, меньшинству здѣсь, какъ и вообще, предоста-

вляется завести параллельные классы. Во всякомъ случаѣ въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ учитель долженъ знать оба языка, польскій и русскій. Нормальная школа въ Львовѣ должна имѣть языкомъ преподаванія — русскій. Въ Львовѣ должна быть учреждена одна высшая семинарія съ русскимъ языкомъ; въ Станиславовѣ тоже, а пока вездѣ въ провинціяхъ заведутся учительскія семинаріи, приготовительныя школы въ Львовѣ, Бучачѣ и Перемышлѣ будутъ имѣть языкомъ преподаванія языкъ русскій. Изъ гимназій львовская академическая, въ которой и теперь въ низшемъ отдѣленіи преподается по-русски, русскій языкъ долженъ быть введенъ постепенно во всѣхъ классахъ *), а въ гимназіяхъ въ Станиславовѣ, въ Перемышлѣ, Бережанахъ, Самборѣ и Тарнополѣ, въ которыхъ теперь преподается русинамъ только русскій языкъ натурально по-русски, должны были основаться во всѣхъ классахъ два отдѣленія — одно польское, другое русское. Для составленія и одобренія русскихъ учебниковъ должна быть создана особая комиссія, подъ надзоромъ общей «земской школьной рады», изъ одного лица, назначеннаго этой радой, какъ предсѣдателя, изъ профессора русскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ, двухъ членовъ товарищества ученаго «Просвіта», двухъ членовъ товарищества «Галицкая русская Матица» и трехъ членовъ, выбранныхъ предыдущими лицами. Въ университетѣ Львовскомъ оба мѣстные языка признаются равноправными, и теперь же должны быть открыты каѳедры съ русскимъ языкомъ: на юридическомъ факультетѣ по всѣмъ предметамъ, по которымъ требуется экзаменъ на званіе судьи (теперь есть двѣ каѳедры русскія на юридическомъ факультетѣ), на философскомъ: каѳедра русскаго языка и литературы (есть), философіи, классической филологіи, всеобщей исторіи, мѣстной исторіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Для наблюденія за неприкосновенностью правъ русскаго языка долженъ быть выбираемъ непремѣнный членъ изъ русиновъ въ постоянный комитетъ галицкаго сейма **).

---

*) Преподаваніе на украинскомъ языкѣ во всѣхъ классахъ львовской академической гимназіи было введено съ 1874 года. *Прим. ред.*

**) Всѣ факты, изложенные въ этой статьѣ, не простираются далѣе 1872 года. Они рисуютъ культурное состояніе Галицкой Руси или Галицкой Украины крайне низкимъ. Но какъ ни трудна борьба украинскаго народа въ Галиціи

Мы нарочно привели существенныя статьи изъ предложенныхъ русскими депутатами условій, по принятіи которыхъ они соглашались поддерживать извѣстную резолюцію польскаго большинства объ автономіи Галиціи, такъ какъ нѣкоторыя наши изданія, не познакомивъ нашу публику съ самою сущностью этихъ условій, набросили тѣнь на эту попытку соглашенія русиновъ съ поляками только по одному тому, что это — соглашеніе. Нашимъ политиканамъ извѣстнаго сорта за словами «соглашеніе съ поляками» сейчасъ же кажется «польская интрига», и притомъ направленная во вредъ Россіи, а потому они голословно осудили попытку этого соглашенія и свернули ее на украинофиловъ. Точно будто русинамъ нечего и дѣлать, какъ спорить съ поляками, и притомъ платонически, безъ всякой выгоды для себя, какъ было до сихъ поръ, и точно русины живутъ прежде всего не для самихъ себя, а для такой или другой системы, принятой относительно поляковъ въ Россіи? Замѣтимъ при этомъ, что кто желаетъ добра національнымъ стремленіямъ русиновъ въ

за свое культурное существованіе, какъ ни ничтожны культурныя силы галицкихъ украинцевъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе малочисленности украинской интеллигенціи, тѣмъ не менѣе за послѣднія тридцать лѣтъ можно отмѣтить громадный ростъ украинскихъ культурныхъ средствъ въ Галиціи. Въ 1903—4 учебномъ году въ Галиціи было 2.231 украинскихъ народныхъ школъ различныхъ типовъ отъ одноклассныхъ до четырехклассныхъ. Чисто украинскихъ учительскихъ семинарій, существующихъ на областныя или казенныя средства, въ Галиціи нѣтъ, но всѣ учительскія семинаріи въ восточной или украинской Галиціи „двойственны“ (утраквістичні), т.-е. преподаваніе въ нихъ ведется и на польскомъ и на украинскомъ языкахъ. Такихъ учительскихъ семинарій 6 мужскихъ и 2 женскихъ. Кромѣ того, во Львовѣ есть одна частная учительская семинарія съ преподаваніемъ исключительно на украинскомъ языкѣ, созданная украинскимъ „Педагогичним Товариством“. Украинскихъ гимназій въ Галиціи теперь пять. Первая изъ нихъ—Львовская Академическая—реорганизована въ полную украинскую гимназію, какъ было указано выше, въ 1874 г., вторая учреждена въ Перемышлѣ въ 1887 г., третья — въ Коломіи въ 1892 г., четвертая—въ Тернополѣ въ 1898 г. и, наконецъ, пятая—въ Станиславовѣ въ 1905 г. Украинскаго университета въ Галиціи пока еще нѣтъ. Но въ Львовскомъ университетѣ существуетъ восемь украинскихъ каѳедръ — три на историко-филологическомъ факультетѣ, двѣ на юридическомъ и три на теологическомъ. Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ статьи М. Лозинскаго, „Українська школа въ Галичині“ („Нова Громада“, 1906, № 10 и 11). Ср. также М. Грушевскій, „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. С.-Петербургъ 1906 г., гл. XXV.

Прим. ред.

Галиціи, тотъ долженъ всего болѣе остерегаться того, чтобы ихъ отношенія въ Галиціи съ поляками и наши — съ поляками въ Царствѣ Польскомъ были поставлены въ зависимость между собою. У насъ кн. Черкасскій, въ отвѣтъ на рѣчь Ригера въ Москвѣ въ 1867 г., о необходимости примиренія русскихъ съ поляками, сказалъ при рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ москвичей, что исторія рѣшила безповоротно вопросъ о полномъ слитіи Царства Польскаго съ Россіей, но что если поляки хотятъ примиренія съ русскими въ Россіи, такъ пусть начнутъ съ признанія правъ русскихъ въ Галиціи. Въ духѣ этихъ словъ у насъ пишутъ весьма многіе изъ органовъ печати. А между тѣмъ въ этихъ словахъ находится не только рѣзкое противорѣчіе, но и опасное именно для русиновъ сопоставленіе, ибо и поляки могутъ, въ свою очередь, сказать, что не признаютъ правъ послѣднихъ, пока не будутъ признаны права поляковъ въ Россіи, и могутъ не только не соглашаться на такія во всякомъ случаѣ вѣскія уступки, которыя изложены въ вышеприведенномъ проектѣ соглашенія, но даже могутъ предложить привести положеніе русиновъ въ Галиціи въ полное соотвѣтствіе съ положеніемъ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ, замѣнить польскимъ языкомъ русскій языкъ, употребляемый теперь въ народныхъ школахъ въ Восточной Галиціи, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, и уничтожить тѣ три каѳедры русскія, какія есть въ Львовскомъ университетѣ. Къ сожалѣнію, именно поставленіе отношеній поляковъ и русскихъ въ Галиціи въ связь съ отношеніями ихъ въ Россіи имѣло отчасти вліяніе на неуспѣхъ предположеннаго въ 1869 г. соглашенія. Сначала сеймъ львовскій одобрилъ въ принципѣ соглашеніе и, чтобы показать готовность удовлетворить духовныя потребности русиновъ, назначилъ пособіе въ три тысячи гульденовъ театру русскому, въ которомъ отказывалъ въ 1865 г. и, кромѣ того, обществу «Просвіта» 1.000, и журналу «Учитель» 500 гульденовъ. Впрочемъ, вообще изъ поведенія сейма не видно было, чтобъ онъ совершенно былъ убѣжденъ въ необходимости серьезныхъ уступокъ русинамъ. Разсмотрѣніе предложеній русинскихъ депутатовъ было возложено сеймомъ на постоянный комитетъ, которому было поручено составить комиссію изъ компетентныхъ людей, поляковъ и русиновъ. Въ комиссію эту было приглашено 8 поляковъ, депутатовъ сейма, профессоровъ университета и директоровъ училищъ,

и 7 русиновъ: вице-предсѣдатель сейма Ю. Лавровскій, проф. Шараневичъ, крылошанинъ Петрушевичъ, кр. Павликовъ, директоръ Академической гимназіи Ильницкій, учитель Вахнянинъ и докторъ Сушкевичъ.

Скоро оказалось, что ни у поляковъ не было желанія дать серьезныя уступки русинамъ ни у послѣднихъ еще не отпала охота ѣздить на конѣ высокой политики и высокихъ вопросовъ, и, что еще хуже, русины обнаружили крайній недостатокъ того политическаго такта, которымъ, напр., въ такой большой степени владѣютъ чешскія партіи. Мы уже отчасти упоминали о раздѣленіяхъ на партіи между русинами, изъ коихъ выдвигаются наиболѣе ясно различно называемыя двѣ партіи: старыхъ и молодыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, твердыхъ и мягкихъ, святоюрцевъ и народовцевъ, москвофиловъ и украинофиловъ и т. п., и скажемъ дальше объ этомъ еще нѣсколько словъ. А теперь замѣтимъ, что раздраженіе между партіями таково, что «старые» подавали въ 1870 г. голоса за поляковъ, только бы не прошелъ въ сеймъ депутатомъ г. Лавровскій, который въ это время присоединился къ «молодымъ». Когда внесенъ былъ 30 русскими депутатами проектъ соглашенія съ поляками, всѣ партіи, казалось, рѣшились поддержать его единодушно. «Слово», признанное передъ тѣмъ еще разъ органомъ института лавры ставропигіальной, «Русской Матицы» и крылошанъ святого Юрія, говорило о проектѣ въ такихъ словахъ, которыя мы нарочно приведемъ въ подлинникѣ, чтобы наши читатели видѣли на примѣрѣ, какую цѣну надо придавать мнѣніямъ самого «Слова» и покровительствующихъ ему нашихъ газетъ о литературномъ единствѣ Галиціи съ Россіей: «Дуже (очень) ошибаются тіи изъ нашихъ родимцевъ (земляковъ), которыи думаютъ, що выступленіе г. Лавровскаго и Наумовича въ 3-мъ засѣданіи сойма съ предложеніемъ поразумѣніяся съ поляками послѣдувало за выразнымъ препорученіемъ гр. Бейста, и приклоннаго, якъ извѣстно, не только польскому дѣлу, но и польскимъ мечтамъ. На щастье дѣло стоитъ совершенно инакше. Наши руски послы поняли важность нынѣшней ситуаціи, якъ належитъ, и прійшли къ тому заключенію, що отъ цислитанскаго правительства и отъ г. Бейста народъ рускій ніякои защиты надѣятися не можетъ: противно... Мы можемъ имѣти нашу будущность, если не упадемъ подъ ноги

иноплеменникамъ, но яко одинъ мужъ станемъ вразъ съ другими славянскими народами въ защитѣ единоспасительной для Австріи федеративной системы. Потребу поразумѣніяся съ поляками выразила еще Русь подъ днемъ 18 юнія сего года въ своемъ протестѣ въ «Словѣ» противъ празднованія уніи люблинской, но она жадала, чтобы ініціятива выйшла отъ поляковъ. Польскій журналъ «Czas» выразно жалѣе, что ініціятива не выйшла отъ поляковъ... Съ поляками мы уже довольно навраждовалися, и щожь маемъ изъ той вражды? Нѣмцамъ централистамъ мы наслужилися такожъ больше, якъ довольно, бо до омерзѣнія, и якуюжъ надгороду маемъ за нашу вѣрну службу? При поразумѣніи съ поляками, що нынѣ стратимъ? Голый разбою не боится, но зыскати можемъ много, если твердымъ компромисомъ, забезпечивши себѣ права индивидуальности нашой народной, пойдемъ вразъ съ ними и другими славянами противъ равно всѣмъ намъ погубной нѣмецкой централизаціи» («Слово», 1867, № 76).

Черезъ нѣсколько времени «Слово» встревожилось статьями объ этомъ соглашеніи, появившимися въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и «Варшавскомъ Дневникѣ», думая, по обыкновенію заграничной печати, столь вредному и для Россіи и для западныхъ славянъ, что голоса газетъ такого направленія выражаютъ собою мнѣніе не только общества, но и правительства въ Россіи, а оставить надежды на помощь послѣдней все-таки было трудно «Слову», такъ много объ этомъ читавшему и писавшему. Поэтому уже въ № 80 «Слово» заявило, что оно не приняло вѣсть о предложеніи г. Лавровскаго (уже о г. Наумовичѣ не упоминается) съ восторгомъ, а въ № 82 заявило неудовольствіе на малость требованій русскихъ депутатовъ и на рѣчь г. Лавровскаго, которая, по словамъ львовской газеты, «указывала, яко бы русскій (теперь опять съ двумя *с*) народъ въ Галиціи изнемогъ до такой степени, что его существованіе зависитъ только отъ польской милости» и т. д., а черезъ нѣсколько времени «Слово» уже не щадило выраженій противъ комиссіи, назначенной постояннымъ комитетомъ сейма и противъ ея проектовъ. Львовская газета раздѣлила въ это время русиновъ на «твердыхъ» и «мягкихъ», именуя «твердыми» только своихъ, и такъ расклассифицировала русскихъ членовъ упомянутой комиссіи: «три отъявленныхъ украинофила, два середину (?)

держащихъ (Шараневичъ и Лавровскій) и только двое «твердыхъ русиновъ», искреннихъ приверженцевъ Руси коренной»,—(оба упомянутые выше крылошанина); а потомъ и органъ «твердыхъ русиновъ» сталъ представлять и все дѣло соглашенія затѣей «украинофиловъ», несмотря на то, что въ комиссіи всѣ русскіе члены, т.-е. и оба крылошанина подавали голоса за одинаковыя предложенія. Полемика органа столькихъ важныхъ въ Галиціи церковныхъ учрежденій противъ работъ въ комиссіи для соглашенія русиновъ съ поляками, разумѣется, ослабила вѣсъ ея въ глазахъ поляковъ, а ссылки «Слова» на русскія газеты, враждебныя существованію польской народности, давали полякамъ, не желавшимъ искренняго соглашенія съ русинами (желала его только небольшая партія, такъ называемая краковская, и демократы-федералисты, предводимые Смолкой, а не желала партія Земялковскаго, т.-е. бюрократически-аристократическое большинство польскихъ депутатовъ), давали поводъ толковать объ опасности дѣлать русинамъ уступки, которыя поведутъ только къ «омосковленію» Галиціи. Попытка достигнуть соглашенія и между партіями среди русиновъ, иниціативу которой взялъ на себя митрополитъ Сембратовичъ, не привели ни къ чему: сначала обѣ партіи выказали готовность соглашенія, и «молодые русины», которые составляли уже большинство въ «Бесѣдѣ русской», выбрали въ знакъ примиренія въ комитетъ ея нѣсколькихъ членовъ изъ «старыхъ», но скоро старые выключили молодыхъ изъ общества «Русская Рада», въ которомъ составляли большинство.

Не состоялось соглашеніе между молодыми и старыми оттого, что вмѣсто того, чтобы говорить о практическихъ вопросахъ, на которыхъ обѣ стороны могли согласиться въ образѣ дѣйствій, обѣ с е й ч а с ъ ж е подняли все тотъ же злосчастный вопросъ: что такое русины? По приглашенію митрополита, товарищество «Просвіта» отъ имени «молодыхъ» представило записку, въ которой объясняло, что главный корень раздѣленія, существующаго между русинскими партіями, заключается въ томъ, что кружокъ «Слова» отступилъ отъ формулы 1848 г., что русины суть часть 15-милліоннаго малорусскаго племени, и провозгласилъ тожество русиновъ съ великоруссами, въ противность какъ прежнимъ своимъ словамъ, такъ и мнѣніямъ о малорусскомъ языкѣ авторитетовъ филологіи, не только

западно-славянскихъ, какъ Шафарикъ, г. Миклошичъ и др., и малорусскихъ, какъ г. Максимовичъ, и русинскихъ, какъ г. Головацкій, но и самихъ великоруссовъ, какъ г. П. Лавровскій. Представители молодыхъ признавали, такимъ образомъ, раскольниками старыхъ и требовали, для возстановленія мира, возвратиться къ формулѣ 1848 г. Конечно, на такомъ синтетическомъ полѣ соглашенія нигдѣ и никогда не достигаются, а въ Галиціи, гдѣ, собственно говоря, никто хорошенько не знаетъ не только того, что такое Россія вообще, или Великороссія, но даже Малороссія, тѣмъ паче. Русинамъ просто слѣдовало бы обратиться къ своимъ элементарнымъ дѣламъ, въ коихъ они могли бы и помириться. Но это случится развѣ тогда, когда или галичане дойдутъ до окончательнаго излѣченія отъ страсти предпочитать высокія и далекія матеріи низкимъ и близкимъ, или узнаютъ Россію и Малороссію получше, или хоть сознаются, что они вовсе ихъ не знаютъ. Однако до такого состоянія и теперь еще далеко галичанамъ, а нѣсколько времени назадъ было еще дальше, оттого всякаго рода попытки соглашенія между галицкими партіями приводили только къ новымъ раздорамъ. Въ отвѣтъ на программу «Просвіты» партія старыхъ своей офиціальной программы не представила, вѣроятно, потому, что иные считали неполитичнымъ въ Австріи признаться въ солидарности съ филологическими идеями «Слова», другіе же, среди духовныхъ, особенно, сами имѣли больше всего наклонности избѣгать общенія со всякаго рода живыми силами и языками и держаться строго австро-рутенскихъ идей. Дѣло ограничилось только тѣмъ, что «Слово» напало на программу «молодыхъ», обозвавъ ихъ «мягкими» и измѣнниками русскому народу. Да и самъ митрополитъ и его приближенные не очень-то принимали къ сердцу соглашеніе между русскими партіями, изъ коихъ и къ народовцамъ они не имѣли большой симпатіи по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, и обусловили это соглашеніе тѣмъ, чтобъ обѣ партіи признали митрополита политическимъ вождемъ русиновъ, къ чему именно «молодые» русины большой наклонности не имѣли.

Между тѣмъ упомянутая комиссія медленно вырабатывала проектъ соглашенія. Впрочемъ, и комиссія начала работу съ конца, который предвѣщалъ мало добраго, а именно съ теоретическаго вопроса и съ предрѣшенія будущаго, — съ во-

проса, что такое галицкіе русины и въ какихъ отношеніяхъ они должны стоять къ другимъ народамъ. Вопросъ этотъ подняли прежде всего поляки. Если бы русины радикально излѣчились отъ страсти ѣздить на конѣ высокой политики, они должны бы были, въ особенности въ переговорахъ съ чужими, безусловно отказаться отъ всякихъ поползновеній и увлеченій на дорогу политическаго синтеза, а ограничиться политическимъ анализомъ, т.-е. заявленіемъ практическихъ требованій отъ предержащей польской власти, предоставляя себѣ и своему народу употребить тѣ уступки, которыя они должны были получить, какъ они сами вмѣстѣ съ своимъ народомъ сочли бы это для себя выгоднымъ. На вопросъ поляковъ—кто вы такіе по національности — русинскіе политики, если хотѣли оставаться политиками, т.-е. людьми практическими, могли отвѣчать только въ такомъ родѣ: это намъ знать, да вообще людямъ, спеціально занимающимся этнографіей, а для васъ довольно и того, что насъ столько-то и что мы, чувствуя свою разницу отъ васъ, желаемъ себѣ другого положенія, правового, особыхъ средствъ для нашего образованія и т. п., такъ и будемъ говорить о томъ, сколько вы теперь можете уступить намъ этихъ правъ и этихъ средствъ, для того, чтобъ мы не противодѣйствовали вашимъ теперешнимъ стремленіямъ получить автономію для края, населеннаго вами и нами. Но вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ обсужденію практическихъ требованій, изложенныхъ въ программѣ русинскихъ депутатовъ, комиссія занялась теоретическими вопросами. Польскій членъ ея, проф. Кабатъ, предложилъ поставить во главу соглашенія положеніе, что «Галицкая Русь признаетъ себя на будущее время единою и нераздѣльною частію съ Краковомъ». Такъ какъ подобная формула давала поводъ къ толкованіямъ, въ родѣ тѣхъ, какія были въ безусловной силѣ у поляковъ между 1848 и 1853 гг., что русинъ только разновидность поляка, какъ и мазуръ, и что собственно «нѣтъ Руси» (niema Rusi), то очевидно, что русины не могли допустить и мысли о соглашеніи, по принятіи подобной формулы, а потому она почти единогласно (13 противъ 2) была отвергнута комиссіей. Вмѣсто нея принята, 14 голосами противъ одного, формула 1848 г. въ отвѣтъ на вопросъ, что такое русины. А именно, что «народъ р у с к і й признается за особое 15-милліонное племя сла-

вянское, отдѣльное отъ польскаго и московскаго». Въ пользу этой формулы подали голоса не только тѣ члены, которыхъ «Слово» называло украинофилами и середину держащими, но и тѣ, которыхъ оно звало твердыми. Не будемъ говорить о польскихъ членахъ комиссіи (со стороны поляковъ это уже большой прогрессъ съ 1848 г., что у нихъ нашлись люди, которые признали, наконецъ, что Русь въ Галиціи есть нѣчто отдѣльное отъ Польши), но не можемъ не сказать, что русскіе члены ея, какъ внося подобныя формулы, такъ и подавая за нихъ голоса, явили себя филологами и этнографами, но никакъ не историками, а всего менѣе политиками, какими они только и должны были быть въ комиссіи, назначенной не ученымъ обществомъ, а политическимъ учрежденіемъ, какъ постоянный комитетъ львовскаго сейма.

Основаніями для той формулы, служатъ мнѣнія вышепоименованныхъ ученыхъ о самостоятельности малорусскаго языка, коего галицкое нарѣчіе составляетъ одинъ изъ видовъ. Но эти чисто филологическія мнѣнія не ведутъ за собою непремѣнно не только политическихъ, но даже и литературныхъ послѣдствій, потому что не только политическая особность извѣстной части народности отъ ея цѣлаго, но даже и литературная, не зависитъ отъ одной только языковой и бытовой особности ея, видной для спеціалистовъ-филологовъ; особность политическая, и даже литературная, зависитъ, кромѣ этнографическихъ и филологическихъ условій, еще и отъ многихъ другихъ: историческихъ, религіозныхъ, экономическихъ, культурныхъ, а главнымъ образомъ, отъ воли самого народа, проистекающей изъ сознанія, что ему полезно, нужно, пріятно, или какъ бы тамъ ни было, быть въ единствѣ, политическомъ или литературномъ, съ другимъ народомъ, или въ раздѣльности. А въ данномъ случаѣ на вопросъ объ отношеніяхъ (сходствѣ и различіи) галичанъ къ полякамъ и великоруссамъ, малороссовъ къ полякамъ и великоруссамъ, самихъ галичанъ къ остальнымъ малороссамъ, имѣло вліяніе столько условій историческихъ и культурныхъ, что рѣшить всѣ возникающіе въ этихъ отношеніяхъ вопросы только одними филологическими наблюденіями надъ языками поименованныхъ племенъ, нѣтъ никакой возможности.

Начать съ того, что галичане, дѣйствительно, этнографически и филологически вполнѣ составляютъ часть малорус-

скаго племени. Но правовое, бытовое, экономическое, литературное состояніе ихъ такъ отлично отъ состоянія малороссовъ, что если взять галичанъ, какъ они есть, «живьемъ», то они окажутся въ иномъ отношеніи больше похожи на поляковъ, словаковъ и т. д., чѣмъ на нашихъ малороссовъ. Конечно, единство политической жизни галичанъ съ малороссами возможно только или вслѣдствіе трудно-вообразимой международной катастрофы, или какъ результатъ долговременной жизни, которая, можетъ-быть, измѣнитъ и малороссовъ и галичанъ такъ, что они не будутъ похожи на теперешнихъ. О политическихъ отношеніяхъ галичанъ къ великоруссамъ теперь и говорить серьезно нечего, потому что этихъ отношеній не было со временъ Владимірка Хитраго и Ярослава Осьмомысла, — князей, прозвища которыхъ показываютъ, что когда-то и галичане были очень тонкими для своего времени политиками. Для Россіи въ политическомъ отношеніи нѣтъ галичанъ, а есть Австрія, и, кромѣ болтуновъ, никто серьезно не думалъ, чтобы Россія заботилась о томъ, какъ бы присоединить къ себѣ Галицію, а еще менѣе, чтобы и Австрія могла думать присоединить какую-нибудь часть Россіи. Хотя и въ меньшей степени, но то же самое надо сказать и о литературныхъ отношеніяхъ галичанъ, малороссовъ, великороссовъ, поляковъ.

Всѣ вышеназванные наши ученые признаютъ малорусскій языкъ такимъ же совершенно самостоятельнымъ славянскимъ нарѣчіемъ, какъ и великорусское, сербское, польское и т. д., но даже эти самые ученые несогласны касательно практическихъ выводовъ по вопросу о малорусской литературѣ: такъ, самъ г. Максимовичъ, правда, очень давно, выражалъ мнѣніе, что въ Малороссіи попытки писать по-малорусски будутъ всегда искусственными, хотя при этомъ же совѣтовалъ галичанамъ именно писать по-малорусски, потому что для нихъ это существенная основа живой литературы, такъ какъ это единственный для галичанъ живой русскій народный языкъ («Кіевлянинъ», 1841 г., и письмо къ галицкимъ литераторамъ въ 1848 году, напечатанное въ «Галичанинѣ», ч. II, стр. 107); что же до святоюрскаго литературнаго синкретизма, то г. Максимовичъ отзывается о немъ такъ: «Отъ своего отбиваются, а къ великорусскому не пристаютъ и плаваютъ между ними на искусственной серединѣ, весьма неблагопріят-

ной ихъ поэзіи». Г-нъ П. Лавровскій, признавая самостоятельность малорусскаго нарѣчія, однакожъ, принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которые и всѣмъ славянамъ совѣтуютъ принять тотъ литературный языкъ, который галичане называютъ «московскимъ» и т. д. Очевидно, что вопросъ о самостоятельности какой-либо литературы, или близости ея, или даже единства съ другою рѣшается далеко не одними только теоретическими наблюденіями надъ извѣстнымъ нарѣчіемъ, а обусловливается всею совокупностію обстановки народной и общественной жизни, и особенно жизненною потребностію въ извѣстной литературѣ. Такъ, въ Малороссіи языкъ народа всегда былъ болѣе или менѣе такой же, какъ и теперь, но писатели-малоруссы XVI—XVII вѣковъ употребляли церковный и даже польскій и латинскій языки, внося въ свои писанія малороссіанизмы больше невольно; потомъ, начиная съ Дмитрія Ростовскаго, стали переходить отъ церковно-славянскаго къ великорусскому, а потомъ, отъ Богдановича и Капниста, стали писать выработавшимся въ Россіи послѣ Ломоносова на основѣ великорусскаго нарѣчія литературнымъ языкомъ, которымъ писана большая часть и такъ уважаемыхъ галицкими народовцами сочиненій гг. Костомарова, Кулиша и др., потому что публику такого рода сочиненія могутъ найти только будучи написаны на общемъ всему образованному обществу въ Россіи, и потому, что та жизнь, которая описывается въ сочиненіяхъ Капниста, Гоголя и др. подобныхъ писателей-малоруссовъ, употребляетъ для своихъ потребъ этотъ самый языкъ съ небольшими варіаціями по провинціямъ. И только когда жизнь породила новыя задачи и потребности въ литературѣ, а именно, изображенія жизни народной, потребность сближенія высшихъ классовъ съ низшими, потребность проведенія знаній въ народѣ въ самой удобной формѣ, — тогда явились, и сначала безсознательно, а потомъ и болѣе сознательныя попытки писать на малорусскомъ народномъ языкѣ; аналогичныя потребности проявились тогда и въ великорусскомъ обществѣ. Куда дальше поведетъ жизнь вопросъ о сближеніи литературнаго языка съ простонароднымъ въ Сѣверной и Южной Россіи, — посмотримъ; но только онъ рѣшится не одними лишь филологическими законами, а всею совокупностію народной и политической жизни въ Россіи, и скорѣе всего въ пользу преобладанія центростремительной

(русской) силы надъ центробѣжными (великорусской и малорусской).

Что касается до Галиціи, то такъ какъ тамъ, дѣйствительно, языкъ народа есть собственно нарѣчіе малорусскаго языка, то все писанное живымъ малорусскимъ языкомъ въ Россіи, изображающее ли жизнь народа, или передающее общечеловѣческія идеи, или знанія, тамъ принимается, какъ свое, родное: такъ, мы видимъ, что тамъ начало театру, которому поляки потому и отказывали въ субсидіи изъ земскихъ суммъ, что называли его «московскимъ», положили сперва малорусскія пьесы Котляревскаго, Гоголя-отца, Квитки, Ильченки, Кухаренка, которыя и до сихъ поръ составляютъ большинство въ репертуарѣ русскаго театра въ Галиціи; такъ, въ настоящемъ году товарищество «Просвіта» пріобрѣло 500 экземпляровъ изданнаго въ Россіи популярнаго изложенія физической географіи «Де-що про світ Божій» и т. п. Такъ, наоборотъ, все написанное въ Галиціи популярнымъ языкомъ можетъ быть принято легко и въ Малороссіи. Но условія исторіи и быта Галиціи съ XVIII вѣка были настолько не схожи съ жизнью въ Малороссіи, что всѣ отношенія даже въ народѣ, а особенно въ высшихъ классахъ, болѣе тронутыя политическою и общественною исторіей, а не вытекающія только изъ этнографіи, въ Галиціи вовсе не похожи на малороссійскія. А потому и литература галицкая, выражающая эту жизнь болѣе историческихъ слоевъ населенія, гораздо дальше отъ умовъ и интересовъ образованныхъ малороссовъ, чѣмъ та, которая у галичанъ называется россійскою и великорусскою. Не говоря уже о содержаніи, даже языкъ, напримѣръ, самыхъ украинофильскихъ журналовъ галицкихъ образованному малороссіянину подчасъ даже трудно понятенъ, несмотря на то, что галичане пишутъ грамматикой и фонетикой малороссійской, тогда какъ тотъ же малороссіянинъ, конечно, читаетъ, какъ свое и близкое, какой-нибудь «Вѣстникъ Европы» или «Отечественныя Записки», несмотря на то, что эти, какъ говорятъ въ Галиціи, «великорусскіе» или «московскіе» журналы пишутъ грамматикой и фонетикой гораздо ближайшей къ великорусской, чѣмъ къ малорусской.

Вотъ этого-то именно факта и того закона, что литературу дѣлаетъ именно вся совокупность жизни, а не одни только этнографическо-филологическія условія, и не знаютъ галицкіе

украинофилы, а потому, какъ только поднимется у нихъ вопросъ литературный, сейчасъ принимаются говорить во имя 15 милліоновъ русскаго народа, изъ коихъ 12 находятся совсѣмъ не въ тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, въ какихъ живутъ галичане. Въ свою очередь галицкіе «москвофилы», «панрусисты» и наши покровители ихъ, вслѣдствіе невниманія къ тому же закону, въ такихъ случаяхъ поднимаютъ толки о единой литературѣ единаго русскаго народа и языка, ссылаясь на другихъ филологовъ и этнографовъ, которые называютъ галичанъ частію великаго 50—60-милліоннаго русскаго народа. Поэтому они и предлагаютъ имъ развивать единую съ ними литературу, забывая, что если разность условій жизни произвела такую разницу между обществомъ въ Малороссіи и Галичинѣ, то эта разница между галичанами и великоруссами должна быть еще больше, что и дѣйствительно подтверждается тѣмъ, что надъ содержаніемъ и языкомъ писаній гг. Дѣдицкихъ смѣются великоруссы, даже и тѣ, которые печатно похваляютъ панрусскія стремленія «Слова».

Говоря это, мы не думаемъ подобно галицкимъ клерикаламъ присуждать галицкихъ русскихъ навѣки къ участи особаго австро-рутенскаго народа. Намъ эта доктрина о «рутенцяхъ» особенно тѣмъ и противна, что эти клерикалы вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаютъ народъ русинскій на умственное рабство уніатскому духовенству и бюрократіи; мы не отрицаемъ, что существуютъ и теперь точки соприкосновенія нравственныхъ и общественныхъ интересовъ между Галиціей и Малороссіей, и даже всей Россіей, и думаютъ, что количество этихъ связей будетъ со временемъ расти все больше, повинуясь дѣйствію степеней народнаго сродства, т.-е. что Галиція именно черезъ Малороссію все больше придетъ въ связь и со всею Россіей. Мы только считаемъ, на основаніи фактическихъ наблюденій, безъ предвзятыхъ идей, надъ политикой и литературой въ Галиціи, что толки о полномъ единствѣ литературы и политики Галиціи даже съ Малороссіей, а особенно со всею Россіей, пока не основаны на пониманіи практическихъ интересовъ. Это постоянное расширеніе литературнаго вопроса въ Галиціи за ея предѣлы, въ чемъ повинны одинаково и галицкіе москвофилы, и галицкіе украинофилы, и наши ихъ покровители, это обсужденіе литературнаго вопроса галицкаго не на почвѣ реальныхъ потребностей галиц-

каго народа и общества, а на теоретическихъ грамматическихъ соображеніяхъ или дилетантски-политическихъ фразахъ и фантазіяхъ, есть собственно преждевременная ѣзда на «конѣ высшей политики», которая, кромѣ вреда, ничего не можетъ принести галицкому народу и зарождающемуся обществу въ его борьбѣ за сохраненіе и развитіе русской народности въ Галиціи. А между тѣмъ эта безплодная ѣзда на конѣ теоріи и фразъ политическихъ сейчасъ начинается и въ Галиціи, и у насъ, какъ только поднимается какой-либо жизненный вопросъ въ Галиціи, какъ, напримѣръ, вопросъ о соглашеніи съ поляками на условіяхъ уступокъ русинамъ школъ, гимназій и каѳедръ въ университетѣ. Такъ случилось и въ комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія предложеній 30 русскихъ депутатовъ.

Какъ мы видѣли, кромѣ одного польскаго члена, всѣ остальные члены комиссіи, и поляки, и «москвофилы» или «твердые» русины, и «отъявленные украинофилы» или «мягкіе русины», и «средніе» подали голоса за формулу, что русины считаются за народъ особый отъ поляковъ и великоруссовъ, или «москалей». Но скоро оказалось, что самое поднятіе такого теоретическаго вопроса было ошибкой для всѣхъ сторонъ, кромѣ, быть-можетъ, тѣхъ изъ поляковъ, которые только желали затянуть дѣло разсужденіями, а не хотѣли искренняго соглашенія съ русинами. Кружокъ «Слова» обидѣлся противорѣчіями его новымъ этнографическимъ теоріямъ. Онъ выразилъ справедливо сожалѣніе, что комиссія вмѣсто того, чтобъ заняться разборомъ требованій 30 депутатовъ, обратилась сейчасъ же къ опредѣленію разницы между русинами и москалями, и пожаловался довольно безтактно на то, что комиссія не признала галичанъ «коренными русскими», какъ будто малоруссы — прямые потомки тѣхъ «русовъ», которые положили начало и Россіи, не такіе же «коренные русскіе», какъ и москвичи. Поляки начали упрекать русиновъ въ неискренности, указывая на то, что представители партіи святоюрцевъ подаютъ въ сеймѣ и въ комиссіи голоса за проектъ соглашенія между русинами и поляками, а органъ ихъ въ печати ведетъ полемику противъ него. Другіе изъ поляковъ выразили недовольство формулой, которая прямо признала русиновъ народомъ, отдѣльнымъ отъ поляковъ, и говорили, что такимъ образомъ de jure признано раздѣленіе

Галиціи, которому они всегда такъ сопротивлялись, и что, если привести въ исполненіе предложенія комиссіи, которая пошла въ подробностяхъ даже нѣсколько дальше въ пользу русиновъ, чѣмъ предложеніе 30 депутатовъ, тогда это раздѣленіе произойдетъ и de facto.

Опредѣленіе комиссіи, что русины составляютъ отдѣльный народъ и отъ великоруссовъ, нисколько не успокоивало поляковъ, изъ которыхъ многіе говорили въ сеймѣ, что допустить русскій языкъ въ университетъ Львовскій — значитъ открыть въ немъ «московскія каѳедры» (Dziennik Polski), такъ какъ для поляковъ малорусскій ли, великорусскій ли языкъ—равно представляются «московскими» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у поляковъ. Указывая на то, что «Слово» раздѣляетъ мнѣнія, существующія у насъ объ обрусеніи Польши, поляки тѣмъ паче говорили, что уступки русинамъ — шагъ къ уничтоженію поляковъ и въ Галиціи. По поводу опредѣленій комиссіи нѣкоторые польскіе ораторы и часть журналистики (Dziennik Lwowski) возобновили прежнія жалобы на украинофильство галицкое и «хлопоманію» украинофиловъ въ Россіи, и въ опредѣленіи, что галичане — часть малорусскаго народа, усмотрѣли и эту хлопоманію, и сепаратизмъ отъ королевства Галицко-Володимирскаго и Великаго княжества Кракова, а слѣдовательно, и отъ Австріи. Русинскіе ораторы въ сеймѣ пробовали успокоить польскія опасенія доводами, что дѣйствительно языкъ русиновъ близокъ къ тому, которымъ говорятъ въ Россіи и даже пишутъ въ Москвѣ, что послѣднее произошло отъ того, что и самая цивилизація и литература въ Россіи пошла съ юга, изъ Кіева, но что такое сходство не должно служить поводомъ оставлять галицко-русское населеніе безъ образованія на его родномъ языкѣ. Въ заведенной въ 1871 г., съ пособіемъ отъ г. Лавровскаго и, кажется, отъ министерства, газетѣ «Основа», органѣ партіи «политиковъ» и «умѣренныхъ», русинскій публицистъ пробовалъ успокоить поляковъ и австрійскую бюрократію протестомъ противъ того, зачѣмъ называютъ галицкую народную партію «украинцами» и «украинофилами» и тѣмъ «денунціютъ», что они «за Украиной» тянутъ «за Россіей», и предлагалъ, если ужъ такъ, называть галичанъ «малоукраинцами», въ отличіе отъ «великоукраинцевъ», находящихся въ Россіи! Но такія успокоенія помогали мало, такъ

какъ полякамъ очень хорошо извѣстны отношенія къ нимъ украинцевъ и украинофиловъ и прежде и теперь. Даже тѣ изъ польскихъ журналовъ, которые высказывались за соглашеніе съ русинами (какъ, напримѣръ, Kraj), все-таки не становились на прямую и откровенную точку зрѣнія. Не забывая Польши въ предѣлахъ 1772 г., они понимали соглашеніе съ русинами, какъ признаніе и со стороны послѣднихъ этой Польши, а потому, напр., во время съѣзда поляковъ въ Львовѣ въ 1871 г., требовали, чтобъ русины прислали своихъ представителей, для привѣтствія гостей, изъ Познани, Силезіи и т. п. «Основа», правда, помѣстила статью, въ которой въ общихъ выраженіяхъ наговорила вѣжливостей и добрыхъ пожеланій стремленіямъ поляковъ къ національной свободѣ и независимости, но не выразила никакихъ обѣщаній со стороны русиновъ.

Около этого времени вступившее въ должность министерство Гогенварта освѣжило опять надежды поляковъ, которые хотѣли явиться передъ правительствомъ, оппозиціей и познанскими гостями единодушными, и предложили принять участіе въ съѣздѣ и «фракціи Лавровскаго». Но г. Лавровскій и другіе приглашенные на съѣздъ (гг. Ильницкій, Партицкій, Климковичъ, Романчукъ, Вахнянинъ) отвѣчали, что русины — не фракція, а національность, а потому и не примутъ участія ни въ какомъ политическомъ актѣ, пока не будетъ на дѣлѣ признана равноправность обоихъ народовъ въ Галиціи. На съѣздѣ польскомъ никто изъ русиновъ не былъ, если не считать русиномъ г. Костецкаго изъ редакціи «Gazeta Narodowa», который такой же русинъ, какъ и гр. Голуховскій и всякій полякъ родомъ изъ Западной Руси, но по обычаю, установленному на такіе случаи у поляковъ, онъ представлялъ собою олицетвореніе вольнаго союза Руси и Польши. Настоящимъ русинамъ — absentibus было прочитано внушеніе однимъ шлезакомъ (силезцемъ) о томъ, что они должны быть благодарны памяти Казиміра Великаго и Стефана Баторія, а еврей г. Варшаверъ развилъ теорію, что русинъ и мазуръ — это виды поляка. Но все-таки обнаружившееся въ виду съѣзда и министерства Гогенварта оживленіе политическихъ надеждъ у поляковъ заставляло ихъ не раздражать русиновъ, а потому нѣкоторыя польскія газеты не разъ возвращались къ темѣ соглашенія съ русинами. Однако миролюбивыя фразы этихъ газетъ

сопровождались обычными оговорками, искаженіемъ исторіи, а главное, явнымъ недовѣріемъ и чуть не отвращеніемъ отъ русинскаго народа. Польскіе журналы говорили, что поляки готовы уступить «настоящимъ русинамъ», а не «москалямъ», а «Kraj»,— газета, чаще другихъ польскихъ позволяющая себѣ отступать отъ ортодоксіи польско-національныхъ фразъ, хотя и высказывалась за необходимость соглашенія съ русинами, но, обращаясь къ событіямъ 1862—1863 гг., разсказывала небывалыя исторіи, какъ братски относилась польская молодежь къ украинскому народу и какъ этотъ народъ заплатилъ полякамъ неблагодарностью. Конечно, русины, особенно народная партія, очень хорошо понимали всю цѣну подобныхъ фразъ, а потому и не обнаруживали особенной вѣры въ обѣщанія поляковъ сдѣлать уступки русскому элементу, на основаніи предположеній вышеупомянутой комиссіи, особенно послѣ того, какъ центральное правительство признало автономію Галиціи на основаніи извѣстной резолюціи, которую министерство Гогенварта объявило нѣкоторымъ образомъ правительственной программой по галицкому вопросу.

Такимъ образомъ завершеніе переговоровъ о соглашеніи путемъ уступокъ русинамъ, которое должно было бы предшествовать принятію и русинами въ львовскомъ сеймѣ и въ Вѣнѣ резолюціи, отодвигалось въ долгій ящикъ. Отговорки поляковъ, что они не могутъ ничего ни дать ни обѣщать положительнаго, пока не знаютъ навѣрно, что будутъ имѣть сами, не могутъ быть признаны искренними, такъ какъ многія изъ вышеприведенныхъ требованій русиновъ, напр., касающіяся гимназій, не выходятъ изъ предѣловъ компетенціи львовскаго сейма. Между тѣмъ и министерство, не желая ничего дѣлать въ пользу русиновъ безъ поляковъ, не только не предпринимало ничего въ предѣлахъ своей власти, напр., въ университетѣ Львовскомъ, въ которомъ оно могло открывать русскія каѳедры, но даже не приводило въ исполненіе распоряженія своего предшественника о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ половины предметовъ въ смѣшанныхъ учительскихъ семинаріяхъ въ Львовѣ, Тарнополѣ и Станиславовѣ. Поляки вѣрили, что и безъ русиновъ они своего добьются, даже если не отъ федералистическаго министерства графа Гогенварта, то отъ централистической оппозиціи, которая, въ случаѣ паденія гр. Гогенварта, станетъ прави-

тельствомъ. Поэтому они мало интересовались поддержкой русиновъ, политическая сила которыхъ имъ вовсе не была страшна въ виду того, что, какъ мы говорили, на послѣднихъ выборахъ даже въ 16 сельскихъ округахъ Восточной Галиціи были выбраны депутатами помѣщики, т.-е. поляки. Въ виду неискренности поляковъ, даже партія народовцевъ въ Галиціи, которая было признала главою своей г. Лавровскаго и органомъ «Основу», стала выражать свое неудовольствіе на слишкомъ уже «политичное» поведеніе этого журнала, который изъ всѣхъ силъ старался поддержать ладъ между русинами и поляками и увѣрить первыхъ, что огражденіе правъ своей народности они скорѣе получатъ отъ львовскаго сейма, чѣмъ отъ нѣмецкихъ централистовъ и искусственнаго вѣнскаго рейхсрата, составленнаго по конституціи 1867 г. Послѣднее, пожалуй, было высказано и справедливо, если бы были сдѣланы нѣкоторыя оговорки: вѣнскіе централисты дѣйствительно только, что называется, кормили русиновъ обѣщаніями, но вѣдь и львовское польское большинство дѣлало то же самое или, еще хуже, принимало мѣры, особенно черезъ школьный совѣтъ, къ стѣсненію русиновъ. Отказаться отъ надеждъ на вѣнскихъ централистовъ было полезно — одною надеждою на чужія силы меньше, значитъ, все-таки ближе къ мысли, что надѣяться надо только на себя; сосредоточить же борьбу у себя въ краѣ, въ мѣстномъ сеймѣ — полезно въ виду сосредоточенія работы. Однако все-таки для полученія результатовъ усилій патріотическихъ надо усилить свою работу и прійти къ идеѣ, что и тутъ, и въ своемъ краѣ, въ его сеймѣ только тогда получишь уступки, когда пріобрѣтешь силу бóльшую, чѣмъ теперь, когда число русскихъ депутатовъ станетъ больше и т. д. А слѣдовательно, русскій органъ, который звалъ русиновъ бросить надежды на вѣнскихъ централистовъ и не сопротивляться признанію автономіи Галиціи, долженъ былъ выступить съ болѣе энергическою внутреннею программой, меньше политичничать, меньше возлагать надежды на милосердіе польскаго большинства и на весьма сомнительное обращеніе части польской аристократіи изъ Восточной Галиціи къ благосклонному отношенію къ русской народности, къ образованію чего-то въ родѣ «исторической шляхты» чешскаго сейма, — чѣмъ это дѣлала «Основа» и ея патронъ г. Лавровскій. Поэтому болѣе энергическая часть народной

партіи стала неодобрительно относиться къ «Основѣ» и «политикамъ».

Что касается до партіи святоюрской, то она, давно уже высказавши черезъ свой органъ «Слово» полное недовѣріе къ тому, чтобъ автономія Галиціи могла послужить въ пользу русинамъ, теперь при новой перемѣнѣ министерства еще разъ попробовала обратиться непосредственно къ центральной власти. Образовавшееся въ это время политическое общество «Руска Рада» изъ 500 членовъ, отправило депутацію къ министерству Гогенварта съ адресомъ къ палатамъ противъ резолюціи галицкаго сейма объ автономіи Галиціи, какъ «вредной русинскому народу» и (опять-таки!) ослабляющей силу и единство монархіи. Для удовлетворенія русинскаго народа Рада просила: пересмотра конституціи о представительствѣ 1861 года, прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ и закона о національностяхъ. Впрочемъ, кр. Павликовъ, котораго мы видѣли членомъ комиссіи соглашенія, и который теперь стоялъ во главѣ депутаціи «Руской Рады», началъ свою рѣчь графу Гогенварту съ страннаго заявленія, «что русины имѣютъ довѣріе къ министерству и его программѣ (тогда какъ гр. Гогенвартъ выражалъ мнѣніе, что принимаетъ «резолюцію», какъ министерскую программу), и что такъ какъ министерство стоитъ выше партій и желаетъ мира внутренняго и проведенія § 19 конституціи (т.-е. равноправности народностей), то и русская программа гармонируетъ съ стремленіемъ министерства. Гр. Гогенвартъ отвѣчалъ: «меня чрезвычайно радуетъ, что ваша политическая программа, *какъ кажется*, согласна съ нашею (dass Ihr politisches Programm mit unserem in Einklang zu stehen *scheint*), и я былъ бы весьма радъ, если бы могъ увидѣть исполненными ваши желанія». Хотя изъ другихъ министровъ Шефле и прямѣе выразилъ, что министерство желаетъ равноправности всѣхъ народностей, но въ концѣ-концовъ Гогенвартовское и Ричковское (Ричекъ, какъ мы говорили, принималъ участіе въ проектѣ введенія въ Галиціи латинской азбуки вмѣсто кирилловской) *scheint* и *wenn ich könnte* въ реальномъ смыслѣ было равно нулю, ибо, если министерство обѣщало поддерживать автономію Галиціи, на основаніи резолюціи сейма, значитъ, отъ себя не могло ничего сдѣлать въ пользу русиновъ. Этотъ нуль приправлялся, впрочемъ, довольно резоннымъ совѣтомъ: до-

бивайтесь своихъ правъ въ галицкомъ сеймѣ. Но это было то же самое, что русины уже слышали въ свое время отъ федералиста Белькреди и потомъ отъ новоконституціонныхъ централистовъ школы Бейста, которые готовы были кинуть полякамъ автономію, лишь бы отлучить ихъ отъ союза съ остальными славянами.

Пойти противъ министерства Гогенварта — но, во-первыхъ, не въ нравахъ крылошанъ итти противъ властей предержащихъ; во-вторыхъ, это значитъ уже явно измѣнить славянскому знамени, а въ-третьихъ, все равно протестъ слабой партіи ровно ни къ чему не ведетъ. Поэтому, когда начались переговоры гр. Гогенварта съ поляками и чехами, «Слово» объявило, что хотя русины и не ждутъ ничего добраго отъ автономіи Галиціи, но и протестовать больше не будутъ, мемуаровъ и адресовъ ни министерству, ни коронѣ, ни рейхсрату подавать не будутъ, что, молъ, довольно подавалось такихъ адресовъ, но пользы изъ нихъ русинамъ не было. Это значило признаться, что 23 года политической дѣятельности партіи, нѣкогда немалочисленной, равны нулю. Признаніе непріятное, но во всякомъ случаѣ полезное, какъ всякое признаніе факта и отказъ отъ «насъ возвышающихъ обмановъ», хотя бы это признаніе еще и не повело за собою принятія ясной программы, указывающей выходъ изъ настоящаго безотраднаго положенія. Пока, впрочемъ, святоюрская партія держится именно только одной отрицательной стороны упомянутаго признанія; она воздержалась отъ оппозиціи министерству Гогенварта, но пока и не вступала вновь на путь поддержки централистической партіи, взявшей верхъ послѣ паденія этого министерства, потому что и централистическая партія тотчасъ же вступила въ соглашеніе съ поляками, хотя все-таки до сихъ поръ вопросъ объ автономіи Галичины не рѣшенъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ. Изрѣдка нѣмецко-централистическая печать, ворча на слишкомъ большія требованія поляковъ, вспоминаетъ о русинахъ, какъ объ элементѣ, который не очень-то сочувствуетъ польской резолюціи, но это ворчаніе не ведетъ къ практическимъ послѣдствіямъ въ пользу русиновъ.

Мало того, говоря объ элементахъ не-польскихъ въ Галиціи, вѣнская централистическая печать и ораторы рейхсрата упоминаютъ, какъ «народность», угнетаемую поляками, кромѣ

русиновъ, еще и евреевъ. И, дѣйствительно, евреи, чего добраго, дѣйствительно выступятъ послѣ новыхъ выборовъ, какъ новая «народность» въ Галиціи. Политика евреевъ всюду одна и та же: становиться на сторонѣ сильнаго, для того, чтобы въ этомъ союзѣ преслѣдовать свои интересы, которые, по самому существу дѣла, конечно, не могутъ быть интересами извѣстныхъ политическихъ, національныхъ и т. п. теоретическихъ началъ. До сихъ поръ евреи въ Галиціи были на сторонѣ польской аристократіи, господство которой помогало имъ эксплуатировать и народъ русскій, и польскій и самую аристократію. На сторонѣ русиновъ они никогда не были, да и быть не могутъ, такъ какъ русины долго еще будутъ политически слабы и такъ какъ всякая русинская партія, volens-nolens, больше или меньше, но должна быть демократическою, а поднятіе «демоса» есть уменьшеніе возможности эксплуатаціи его евреями. Но мало-по-малу во всѣхъ славянскихъ земляхъ евреи становятся союзниками нѣмецкой партіи, по мѣрѣ того, какъ эта партія становится правительственною, а нѣмецкая партія, конечно, рада принять въ себя ловкое и по-нѣмецки говорящее племя. Поэтому-то галицкіе евреи овладѣваютъ, благодаря гнету польской аристократіи надъ народомъ какъ русскимъ, такъ и польскимъ, и благодаря неразвитости народа — результату этого гнета, твердой позиціей въ Галиціи въ видѣ торговли въ городахъ, шинковъ, арендъ и во многихъ мѣстахъ путемъ покупки земли въ селахъ; а теперь они начинаютъ пользоваться конституціей и положеніемъ своимъ въ Галиціи, чтобы проникнуть и въ сеймъ, и обращаютъ на себя вниманіе политиковъ и публицистовъ нѣмецко-централистической партіи, заключающей уже въ себѣ не мало еврейскаго элемента.

Какъ средство противъ всякаго федерализма, партія централистовъ выдумала прямые выборы въ рейхсратъ. Поляки боятся этихъ прямыхъ выборовъ, опасаясь въ такомъ случаѣ усиленія русиновъ. И дѣйствительно, такъ какъ выборъ депутатовъ въ рейхсратъ не будетъ зависѣть отъ польскаго большинства въ львовскомъ сеймѣ, то число русскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ должно увеличиться. Но чтобъ оно увеличилось на первыхъ порахъ, въ особенности очень значительно, на это вѣроятности мало. Если русскіе крестьяне выбираютъ часто польскихъ пановъ въ львовскій сеймъ, и притомъ, какъ гово-

рять представители обѣихъ русскихъ партій въ Галиціи, подаютъ свои голоса за водку, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они будутъ посылать поляковъ и въ вѣнскій рейхсратъ. Правда, степень политическаго развитія русиновъ можетъ подняться со временемъ, но тогда и въ львовскомъ сеймѣ будетъ другое отношеніе числа и качества русскихъ депутатовъ къ польскимъ. Притомъ же русины, — изъ которыхъ не только «старые», но и «молодые», кажется, слишкомъ много возлагаютъ надежды на прямые выборы, а потому все-таки и на вѣнскихъ централистовъ разныхъ оттѣнковъ, рядомъ съ согласіемъ на прямые выборы, изобрѣтеніе централистовъ, — желаютъ и закона о національностяхъ такого самаго, какой выработали чехи съ гр. Гогенвартомъ для земель богемской короны. Но противъ такого закона не только пойдутъ поляки, но и нѣмцы, потому что не хотятъ его ни для Богеміи съ Моравіей, ни для Штиріи и земель, гдѣ нѣмцы перемѣшаны съ словинцами, ни для южнаго Тироля — итальянскаго. Такимъ образомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, развѣ очень не скоро и рейхсратъ, вышедшій изъ прямыхъ выборовъ, послужитъ русинамъ и другимъ слабымъ народностямъ. Любопытно, что когда въ Галиціи шла послѣдняя избирательная борьба, въ Львовѣ выступилъ кандидатомъ еврей г. Гонигсманъ, бывшій уже депутатомъ Бродъ, и которому совершенно индиферентны интересы и русскихъ и поляковъ. На избирательномъ собраніи г. Гонигсманъ объявилъ, что онъ не будетъ стоять за автономію Галиціи, а будетъ отстаивать прямые выборы въ рейхсратъ. Такою политикою евреи снискиваютъ поддержку централистической партіи и пріобрѣтаютъ голоса и русиновъ; кромѣ того, они, вѣроятно, очень надѣятся на то, что прямые выборы послужатъ имъ на пользу [1]). Выступленіе евреевъ на политическую арену въ Галиціи, несомнѣнно, измѣнитъ до сихъ поръ бывшіе у русиновъ и поляковъ способы постановки политическихъ вопросовъ. Что до русинскаго народа, то это выступленіе, конечно, только усилитъ его политическую придавленность, а потому оно должно еще болѣе заставить русинскихъ политиковъ перемѣнить способъ своей дѣятельности, направивъ ее прямѣе на народъ.

---

[1]) Г. Гонигсманъ получилъ 1.140 голосовъ, полякъ Ясинскій — 1.900; за Гонигсмана голосовали и русины, которыхъ, впрочемъ, между львовскими избирателями мало.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ горькихъ неудачъ и неожиданностей привелъ въ Галиціи только къ обличенію несостоятельности дѣятельности той партіи, которая выдвинута была событіями послѣ 1848 г. Это была клерикальная партія, искавшая опоры себѣ не у себя дома, въ народѣ, а далеко, въ Вѣнѣ или Москвѣ, и смотрѣвшая на политику, не какъ на служеніе народу, а какъ на прислуживаніе бюрократическому правительству. Почти въ такой же степени послѣдніе годы обличили несостоятельность и той болѣе свѣтской и болѣе молодой части галицкихъ политиковъ, преимущественно состоящей изъ чиновниковъ, выдвинувшихся въ вѣкъ гармоніи русиновъ съ вѣнскою бюрократіей,—той части, которая, убѣдившись въ безплодности надеждъ на силы, лежащія внѣ края, и увидѣвши, что въ самой бюрократіи беретъ перевѣсъ польская аристократія, обратилась за опорою для національныхъ стремленій въ свой край, но только возложила надежды не столько на свой народъ и на медленную, но вѣрную работу надъ своимъ народомъ, сколько на уступчивость чужого польско-аристократическаго элемента. Немного выигралъ русскій народъ въ Галиціи отъ ожесточенной борьбы святоюрцевъ съ поляками и ихъ усердной службы передъ вѣнскими централистами, но немного выигралъ онъ и отъ толковъ о соглашеніи съ поляками и уклончивости и лавированія передъ послѣдними министерствами въ Вѣнѣ и польскимъ большинствомъ въ Львовѣ галицкихъ «политиковъ», въ родѣ г. Лавровскаго. Собственно говоря, единственныя реальныя уступки, какихъ добился послѣдній отъ поляковъ въ 1870 г., были упомянутыя выше субсидіи изъ земскихъ суммъ театру русскому и педагогическому обществу «Просвіта» и журналу «Учитель», да постановленіе о передачѣ русинамъ и четырехъ высшихъ классовъ львовской академической гимназіи, которую вотировалъ, по предложенію г. Лавровскаго львовскій сеймъ въ 1871 г., хотя и связалъ ее съ предложеніемъ о закрытіи нѣмецкой гимназіи. Правда, что сознаніе преждевременности ѣзды на конѣ высшей политики, къ которому должны были прійти послѣ 25-лѣтней безплодной политической эквилибристики благоразумнѣйшіе между русинскими дѣятелями, есть во всякомъ случаѣ важное, хотя и дорого купленное пріобрѣтеніе. Правда также, что народныя школы, три каѳедры въ университетѣ, полученныя русинами

за вѣрную службу отъ министерства Баха и Шмерлинга, театръ, основанный въ 1863 на частныя средства съ помощью поляковъ, которые желали, назло «Москвѣ», привлечь на свою сторону русиновъ, но потомъ напали на него какъ на «московскій» и согласились упрочить его существованіе пособіемъ изъ земскихъ суммъ, наконецъ, гимназія въ Львовѣ и русскіе классы въ другихъ гимназіяхъ въ Восточной Галиціи, — все это немаловажныя орудія для борьбы за національность, для развитія народа и для приготовленія лучшей опоры и политической силы, чѣмъ та, которой искали русинскіе политиканы до сихъ поръ. Правда также, что австрійская конституція даетъ и другія средства для работы въ пользу народа и народности, кромѣ борьбы въ сеймѣ и рейхсратѣ, а именно— свободу печати, право сходокъ и образованія ассоціацій,— и мы видимъ именно ту особенную пользу въ парламентскихъ и въ политическихъ неудачахъ галицкихъ политиковъ, что эти неудачи заставили мыслящихъ людей среди галичанъ обратить болѣе серьезное вниманіе на другія орудія борьбы за народность, главнымъ образомъ, на поднятіе умственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа, — орудія, какія бросали имъ то нѣмецкая бюрократія, то польская аристократія, и какія имъ даетъ австрійская конституція. Уже и теперь видно, что взявшись серьезно за эти орудія, русины успѣютъ больше, чѣмъ до сихъ поръ успѣли парламентской и публицистической эквилибристикой, и приготовятъ себѣ болѣе прочную почву и для парламентской дѣятельности.

Впрочемъ, послѣднія вѣсти изъ Галиціи показываютъ, что тамошніе политики не устояли на этомъ намѣреніи удержаться на время отъ активнаго политиканства, какъ то можно было предполагать, судя по разочарованному тону ихъ органовъ печати. Но выступленіе галицкихъ депутатовъ вновь на сцену политическихъ представленій не принесло ничего новаго, а было только конвульсивнымъ или рефлективнымъ движеніемъ по издавна установленному образцу. Въ концѣ-концовъ оно только еще больше обнаружило численную слабость, отсутствіе организаціи и послѣдовательности идей, т.-е., въ суммѣ, политическое ничтожество русинскихъ вождей.

Хотя не только «Основа», но и «Слово» высказали, какъ мы видѣли, полное признаніе безплодности прежняго служенія русиновъ нѣмецкой централистической партіи, однакожъ

вступленіе этой послѣдней, и притомъ именно той, которая и «пожертвовала русиновъ полякамъ», въ управленіе послѣ гр. Гогенварта потянуло опять русинскихъ политиковъ на старую дорогу. Въ теченіе 1872 г. «Руска Рада» вызвала около 300 протестовъ русинскихъ сельскихъ громадъ противъ польской резолюціи, и эту дѣятельность одобрилъ и органъ «молодыхъ» «Правда». Справедливо укоряя органъ г. Лавровскаго «Основу» въ слишкомъ розовыхъ надеждахъ на полякоьъ, она, съ своей стороны, тоже непонятно почему, выразила мнѣніе, что если бъ русины поэнергичнѣе высказали свои требованія въ Вѣнѣ, то «нѣмцы» заставили бы поляковъ уладиться съ русинами, прежде чѣмъ согласились бы принять польскую резолюцію. Между тѣмъ «нѣмцамъ», т.-е. централистамъ, только потому послѣдняя и не совсѣмъ удобна, что можетъ служить прецедентомъ для другихъ земель, и найди они вмѣстѣ съ поляками такую форму, которая, давая полякамъ автономію, не безпокоила бы гегемонію нѣмцевъ въ другихъ краяхъ (что, вѣроятно, и случится), то они и не станутъ упорствовать въ уступкахъ полякамъ, а всего менѣе заботиться о русинахъ. Подачу петицій противъ резолюціи польской русскими громадами можно бы было счесть за небезполезную вещь, не только какъ заявленіе передъ политическимъ міромъ, что въ Галиціи существуютъ не одни поляки, но и какъ возбужденіе политической критики въ русскихъ массахъ, особенно, если бы эта критика направлялась на практическіе вопросы, и если бы политическіе учители русскихъ селянъ, предлагая народу подписывать протесты противъ резолюціи, затрогивали какое-нибудь живое для народа дѣло. Но на самомъ дѣлѣ галицкій селянинъ, присоединяясь къ протесту «Руской Рады», выставлялъ себя только поборникомъ «единства австрійскаго государства», т.-е. принципа, отъ коего ему ни тепло ни холодно, и вопросъ о которомъ ему врядъ ли и ясенъ.

На послѣднихъ засѣданіяхъ галицкаго сейма русинскіе депутаты еще рѣшительнѣе выступили на служеніе правительству централистической нѣмецкой партіи. Они внесли предложеніе о введеніи прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ, т.-е. о томъ, что составляетъ теперь конекъ «вѣрно-конституціонныхъ» нѣмцевъ. Но подъ этимъ предложеніемъ оказалось всего только 25 подписей (въ томъ числѣ митрополита), а

при подачѣ голосовъ противъ 101 польскихъ депутатовъ, голосовавшихъ, конечно, отрицательно, за русинское предложеніе оказалось всего 19, изъ коихъ два принадлежатъ польскимъ крестьянамъ (фактъ, который доказываетъ справедливость нашихъ словъ о возможности союза русинскихъ депутатовъ съ польскими крестьянами, если бы первые выступили съ живыми вопросами), и два, кажется, евреямъ. Когда обсуждался проектъ адреса отъ сейма, долженствовавшій напомнить правительству о резолюціи, однакожъ такъ, чтобы выставленіемъ ясныхъ федеральныхъ началъ не задѣть и нынѣшнее министерство,— большинство русинскихъ депутатовъ удалилось изъ сейма, заявивъ о своемъ нежеланіи принимать участіе въ обсужденіи предложеній, идущихъ противъ единства государства. И на этотъ разъ число этихъ защитниковъ централизма было жалко: изъ залы вышло всего 15 человѣкъ. Какъ ни мало оказалось русиновъ въ послѣднемъ сеймѣ, но и среди этого ничтожнаго числа обнаружились разногласія: къ удалившимся изъ залы сейма централистамъ не присоединились гг. Лавровскій и Качала и нѣсколько человѣкъ изъ крестьянъ, — вѣроятно, изъ числа зависимыхъ отъ поляковъ. Гг. Лавровскій и Качала, впрочемъ, высказались одинаково и противъ централизма своихъ соотечественниковъ, и противъ недостаточно яснаго провозглашенія федеральныхъ идей въ польскомъ адресѣ, который они обвиняли въ противорѣчіи съ адресомъ, поданнымъ при гр. Гогенвартѣ. Г. Лавровскій говорилъ, что Галиція можетъ получить вполнѣ прочную автономію только при «всеобщемъ соглашеніи» всѣхъ земель и народовъ Цислейтаніи; г. Качала развилъ еще подробнѣе славянофильскія идеи о необходимости солидарности всѣхъ славянъ въ Австріи, упрекалъ поляковъ, что они вступаютъ въ союзъ скорѣе съ нѣмецкими централистами, чѣмъ съ славянскою оппозиціей, только бы добиться исключительныхъ правъ себѣ и не давать уступокъ русинамъ, и побуждаютъ черезъ то и русиновъ бросаться въ руки централистовъ, только бы помѣшать неблагопріятной имъ автономіи Галиціи; ораторъ заключилъ мыслью, что централисты не имѣютъ въ виду дать прочныя уступки полякамъ, а только затягиваютъ время, и что только при общемъ федерализмѣ австрійскихъ народовъ можетъ утвердиться и автономія поляковъ въ Галиціи. Съ похвальными мыслями гг. Лавровскаго и Качалы согласился

отчасти изъ польскихъ ораторовъ одинъ только кн. Чарторискій, который упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ отсутствіи принциповъ дѣятельности. Отвѣчая на эти упреки, полякъ г. Зибликевичъ развилъ весьма характерную теорію, которой держится польское большинство сейма: онъ сказалъ, что нѣтъ никакой надобности въ тѣхъ прочныхъ началахъ обще-австрійской политики, которыхъ требуетъ отъ польскихъ депутатовъ кн. Чарторискій, что, главное, добиться своей цѣли, автономіи Галиціи, а этой цѣли можно добиться и безъ союза съ обще-австрійскими федералистами, съ цѣлями коихъ не во всемъ сходятся цѣли поляковъ. Г. Зибликевичъ спросилъ: развѣ вы не возьмете автономіи для Галиціи только потому, что и Чехія и Моравія не получаютъ ея? И (что еще важнѣе) развѣ и теперь (при господствѣ теперешней конституціи) не вся земля полонизирована?

Рѣчь г. Зибликевича, скромный тонъ польскаго адреса, который и прямыхъ выборовъ въ рейхсратъ не допускаетъ только безъ согласія галицкаго сейма,— все это позволяетъ предположить съ достовѣрностію, что изъ новаго служенія русинскихъ представителей нѣмецкимъ централистамъ не выйдетъ никакой пользы для русскаго народа въ Галиціи. Нѣмецкія газеты въ Вѣнѣ, правда, опять вынули изъ старыхъ воспоминаній эпитетъ для русиновъ *die dem Reiche treue ruthenische Bevölkerung*, но, ворча на поляковъ, они все же довольны тѣмъ, что поляки не думаютъ провозглашать федерализма для всей Австріи, и что одинъ изъ главнѣйшихъ представителей польскаго большинства, г. Грохольскій высказался ясно, что онъ никогда не согласится съ совѣтами г. Качалы — отказаться, подобно чехамъ, отъ участія въ нынѣшнемъ рейхсратѣ. Теперь эти газеты обсуждаютъ условія, при которыхъ возможно соглашеніе и новыхъ плановъ централистической партіи съ видами поляковъ по образцу австро-венгерскаго соглашенія 1867 г. Конечно, соглашеніе это не замедлитъ состояться, и «вѣрные русины» еще разъ останутся ни съ чѣмъ. И это будетъ совершенно естественно, потому что кто станетъ входить въ соглашеніе съ 15 человѣками, когда есть возможность согласиться съ 100?

Если изреченіе одного англичанина XVII в.,— что для того, чтобы дѣла пошли лучше, надо, чтобъ они пошли хуже, — имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ политикѣ, то по-

слѣднее собраніе галицкаго сейма должно внушать самыя хорошія ожиданія на улучшеніе дѣлъ нашихъ соплеменниковъ въ Галиціи. Хуже того положенія, которое обнаружило это собраніе, для нашихъ соплеменниковъ уже и выдумать трудно. Мы видѣли, какъ жалко число депутатовъ русинскихъ, выступавшихъ солидарно. Не менѣе жалка и степень такта, ими обнаруженнаго. Выступленіе съ предложеніемъ о прямыхъ выборахъ, то-есть явная услужливость нѣмецко-централистической партіи, есть очевидное противорѣчіе тѣмъ славянофильскимъ идеямъ, которыя высказывались галицкими политиками съ 1866 года, и которыя снискали имъ благорасположеніе и нашихъ славянофиловъ и націоналовъ. Это выступленіе должно вызвать нерасположеніе къ русинамъ всей не очень малочисленной партіи федералистовъ и staatsrechtliche Opposition вообще, а славянъ въ особенности [1]). И эта партія, какъ и нѣмецкіе централисты, не особенно много обнаруживала внимательности къ русинамъ и предпочитала привлечь на свою сторону болѣе сильныхъ поляковъ, но все-таки она хоть изрѣдка да обращала ободрительное слово къ русинамъ, все-таки въ ея принципахъ находится соглашеніе со всѣми краями и народами Австріи, а слѣдовательно, и съ русинами. Теперь же русины сами разрываютъ съ нею, являясь самыми предупредительными слугами ея враговъ. Для польскаго большинства послѣднее предложеніе большинства русинскихъ депутатовъ есть послѣдній и самый удобный предлогъ похоронить весь вопросъ о соглашеніи съ русинами, то-есть отказаться отъ всѣхъ обѣщанныхъ имъ, въ случаѣ полученія Галиціей автономіи, уступокъ. Оговорка оратора русинскаго г. Ковальскаго, что прямые выборы не могутъ быть введены противъ желанія сейма, не послужитъ, конечно, къ смягченію поляковъ, а, какъ всякій признакъ «забѣганія

[1]) Любопытно, что наши славяноревнители, привыкшіе почерпать свѣдѣнія и мнѣнія о Галиціи исключительно изъ „Слова“, продолжаютъ похваливать русинскихъ политиковъ, представляемыхъ этой газетой, и въ то же время не нахвалятся и чехами, которые такъ упорно противятся всякимъ метаморфозамъ централизма. Любопытно также, что наши славяноревнительныя газеты даже и не упомянули о рѣчахъ и предложеніяхъ гг. Лавровскаго и Качалы, такъ какъ эти господа не принадлежатъ къ числу восхваляемыхъ „Словомъ“. А между тѣмъ, если было на послѣднихъ засѣданіяхъ сейма въ Львовѣ что-либо славянофильскаго, такъ это, конечно, рѣчи г. Лавровскаго и, особенно, г. Качалы.

нашимъ и вашимъ», то-есть признакъ отсутствія самоуваженія и силы, можетъ только послужить къ вящшему, если можно, нравственному униженію русинскихъ политиковъ. Послѣднее собраніе львовскаго сейма обнаружило, правда, довольно симпатическое явленіе: это прямо федералистическія и славянофильскія рѣчи гг. Лавровскаго и Качалы, но и эти рѣчи представляютъ болѣе pia desideria, чѣмъ практическія политическія программы, у нихъ нѣтъ подъ ногами никакой почвы. Ихъ рѣчи для того поколѣнія поляковъ, которое правитъ теперь дѣлами въ Галиціи, — гласъ вопіющаго въ пустынѣ; русиновъ же, которые бы согласились съ этою программою въ сеймѣ, кромѣ самихъ двухъ ораторовъ, нѣтъ. Другіе братья-славяне предпочтутъ уговориться скорѣе съ поляками, чѣмъ съ русинами. Славянофильство для славянофильства, братство для братства, федерализмъ для федерализма можетъ занимать двухъ-трехъ дилетантовъ; для того же, чтобы какая-нибудь политическая сила сдѣлала изъ этихъ идей свою программу, надо чтобъ она видѣла въ томъ свою выгоду, — чтобы кто-нибудь вступилъ въ споръ съ другимъ, надо, чтобъ этотъ споръ представлялъ практическій интересъ. Что поляки не обнаруживаютъ желанія во что бы то ни стало разрывать съ вѣнскимъ рейхсратомъ ради одного братства славянскаго, — это совершенно естественно, такъ какъ поляки и безъ того надѣются добиться того, что имъ нужно. Съ другой стороны, если чехи рѣшаются на совершенное отрицаніе централистической конституціи и вѣнскаго рейхсрата и могутъ надѣяться на успѣхъ своей оппозиціи, то, конечно, только потому, что сначала обезпечили за собою большую силу въ своей странѣ, и эта сила ищетъ внѣ себя союзниковъ тоже между сильными и, конечно, русинами интересуется мало, а добившись власти, о нихъ и не вспомнитъ, если они будутъ попрежнему слабы. Вотъ потому-то одного прекраснодушія, однихъ несомнѣнно симпатическихъ рѣчей, каковы послѣднія рѣчи гг. Качалы и Лавровскаго, галичанамъ мало. Будетъ ли въ Австріи и Галиціи централистическая или автономная конституція, русинскимъ политикамъ надо сначала увеличить и организовать силу своего народа, а тогда она претворитъ въ свою пользу всякую конституцію; тогда только можно будетъ серьезно говорить и объ обще-австрійскихъ программахъ и о союзахъ съ другими силами.

Такимъ образомъ послѣдніе годы галицкой политической жизни привели, можно сказать, къ полному банкротству политическихъ вождей русинскаго народа. Количественная ничтожность, отсутствіе принциповъ, непослѣдовательность, отсутствіе такта и дисциплины и въ результатѣ безплодность всѣхъ замысловъ и экспериментовъ — вотъ, что обличило послѣднее время въ положеніи галицко-русскихъ политиковъ. Все это было, впрочемъ, необходимымъ послѣдствіемъ политической неразвитости и культурной отсталости галицко-русскаго общества, и въ этомъ отношеніи, та полнота банкротства галицко-русскихъ политиковъ, которую мы видимъ въ послѣднее время, имѣетъ свои утѣшительныя стороны, какъ всякое обличеніе, какъ бы оно горько и тяжело ни было. Это политическое банкротство должно навести все, что еще или уже есть живого въ галицко-русскомъ обществѣ, на мысли о необходимости вниманія къ другимъ сферамъ и средствамъ патріотической дѣятельности, о необходимости подготовительныхъ работъ къ тому, чтобы съ достоинствомъ выступить на политическую сцену. Къ счастію, тѣ слова разочарованія, какія мы видѣли у представителей разныхъ галицкихъ кружковъ, — разочарованія въ прежнихъ пріемахъ политическихъ, указываютъ на наступленіе въ галицко-русскомъ обществѣ спасительнаго сознанія своего положенія, на наступленіе кризиса. Къ счастію также, австрійскіе государственные порядки, хотя и выработанные не галичанами, при всей ихъ несправедливости въ отношеніи къ русинамъ, даютъ, однакожъ, просторъ для такой дѣятельности галицкихъ патріотовъ, которая обѣщаетъ больше успѣха въ будущемъ, чѣмъ двадцатипятилѣтнее политиканство, безъ опоры въ народѣ, безъ науки и безъ просвѣщенія.

Литературное движеніе въ Галиціи *).

Мы имѣли случай говорить о политическомъ движеніи въ Галиціи [1]). Оно, къ сожалѣнію, сказали мы, сводится на одно «политиканство», такъ какъ не имѣетъ себѣ твердой опоры ни въ народѣ, ни въ наукѣ, ни вообще въ просвѣщеніи. Но есть еще другая сторона дѣла, по которой можно судить о положеніи вещей въ Галиціи; это — движеніе литературное, просвѣтительное, въ которомъ нельзя не видѣть здоровыхъ ростковъ лучшей будущности русскихъ въ Галиціи. Впрочемъ, самый главный союзникъ этого движенія — время, ведущее за собою естественный подростъ людей.

1848 годъ засталъ галичанъ врасплохъ. Кромѣ небольшого числа археологовъ и духовныхъ, воспитанныхъ строго-семи-

---

*) Эта статья впервые была напечатана въ журналѣ *„Вѣстникъ Европы“*, 1873 г., сентябрь и октябрь. Въ своей автобіографіи авторъ сообщаетъ, что въ рукописи она составляла одно цѣлое съ предыдущей статьей, и что раздѣлила эту первоначально единую статью на двѣ редакція „Вѣстн. Евр.“ Кромѣ того, редакція „Вѣстн. Евр.“ присоединила къ ней слѣдующее примѣчаніе:

„Одинъ изъ корреспондентовъ „Голоса“ поторопился нашему автору возразить, — если только брань, гаданія о личности автора и подборъ искусственныхъ фактовъ могутъ быть названы возраженіями. Съ такими противниками, лучшій отвѣтъ на „возраженія“ есть новый трудъ, изъ котораго читатель увидитъ самъ и неосновательность той брани, и неблаговидность гаданій о томъ или другомъ происхожденіи автора, о мѣстѣ его службы и т. д., и, наконецъ, получитъ въ руки факты, не подобранные искусственно въ видахъ мѣстной партіи, а взятые свободно изъ самой жизни народа, впервые пробуждающагося умственно. Авторъ весьма справедливо говоритъ въ настоящей статьѣ, что русская журналистика очень мало занимается Галиціей, и еще справедливѣе прибавляетъ къ этому: „И это, пожалуй, самое лучшее еще съ ея стороны“ — такъ какъ молчать лучше, нежели путать, или, подобно „Голосу“, пѣть съ чужого голоса, служа безсознательнымъ органомъ какой-нибудь мѣстной партіи, и притомъ партіи далеко не лучшаго свойства“.

Прим. ред.

[1]) См. предыдущую статью.

нарски, другихъ дѣятелей русинскихъ не было. Народъ былъ не только безграмотенъ, но и безправенъ. Со времени прекращенія остатковъ крѣпостной зависимости, со времени оживленія торговли и промышленности успѣло образоваться даже среди крестьянъ и мѣщанъ русскихъ хотя небольшое число людей, которыхъ можно назвать зародышемъ національнаго средняго сословія, т.-е. людей, которые имѣютъ настолько достатка, чтобы посылать дѣтей въ среднюю и высшую школу, интересоваться книгой, театромъ на родномъ языкѣ, подать сознательно голосъ на выборахъ. Все больше и больше расплажается число такихъ людей, а каковы бы тамъ они ни были, все-таки свѣтскія школы русинскія, даже полу-польскія и даже чисто-польскія даютъ возможность подрастающей молодежи группироваться между собою и развиваться въ національномъ направленіи, посредствомъ взаимнаго вліянія, чтенія и т. д. Теперь уже при каждой гимназіи, учительской семинаріи мы видимъ кружки русской молодежи, которая готовится къ будущей борьбѣ за народъ и народность. Съ 1848 г. число русской молодежи, получившей свое образованіе не въ училищахъ только ставропигіальной лавры, а въ университетахъ Львовскомъ, какъ онъ ни плохъ, и особенно въ Вѣнскомъ, и въ вѣнскомъ политехникумѣ, растетъ съ каждымъ годомъ. А молодежь, то открыто національнаго направленія, то хотя бы, «страха ради польска», и умѣреннаго и осторожнаго, все больше проникаетъ въ край не только на педагогическія должности, не только въ русскія, но и въ польскія учрежденія, но и въ чиновники администраціи, суда, финансовъ, въ промышленность, въ городскія учрежденія (особенно въ Станиславовѣ и Перемышлѣ), что даетъ имъ вліяніе на назначеніе лицъ въ школы, зависящія отъ городскихъ учрежденій, даже такія, какъ женскія гимназіи, и устраивать полу-легально русскіе курсы для русскихъ учениковъ и учениць въ не чисто русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ старое выраженіе поляковъ, что русины — только «по́пы и хло́пы», все больше теряетъ смыслъ. Volens-nolens, а полякамъ приходится считаться съ этой нарастающей молодежью русской и дѣлать уступки ея національному направленію въ школѣ и жизни: такъ, напр., недавно даже въ Краковскомъ университетѣ должны были допустить экзамены и на русскомъ языкѣ, кромѣ польскаго. Во Львовскомъ уни-

верситетѣ, вслѣдствіе объявленнаго въ прошломъ году министерскаго распоряженія, дозволившаго произнесеніе актовыхъ рѣчей не только по-латыни и по-нѣмецки, но и на мѣстныхъ галицкихъ языкахъ, стоявшій на очереди проф. Огоновскій произнесъ рѣчь о славянскихъ языкахъ и о русинскомъ въ частности, и заключилъ мыслью о необходимости равноправности его съ польскимъ *).

Это численное нарастаніе русинской интеллигенціи и даетъ ей возможность пользоваться тѣми средствами для борьбы въ частной жизни съ польскимъ элементомъ, для самопомощи, какія представляетъ австрійская конституція; а нарастаніе интеллигенціи свѣтской, т.-е. болѣе способной усвоить политическія и культурныя идеи нашего времени, вообще благопріятныя демократически-національнымъ стремленіямъ,—а русинская національная партія фатально должна, чтобы существовать, стать демократическою, — нарастаніе интеллигенціи свѣтской есть залогъ того, что русинское національное возрожденіе на будущее время окажется способнѣе понять свои задачи и средства, чѣмъ ставропигіальные политики 1848 и 1861 гг.

Число депутатовъ русскихъ въ сеймѣ и въ рейхсратѣ въ послѣднее время все уменьшалось. Но зато въ послѣднее же время возрастало какъ количество русскихъ журналовъ (изъ коихъ «Слово», «Основа», «Правда», «Учитель», «Ластівка», «Сіонъ русскій», «Сборникъ Литературный»,— выходятъ въ Львовѣ, а «Рада Руска», «Наука», «Читальня» — въ Коломіи), количество разнаго рода русскихъ ассоціацій, такъ и число членовъ въ издавна уже существующихъ ассоціаціяхъ **).

---

*) Омелянъ Огоновскій (1833—1894) былъ профессоромъ украинскаго языка и украинской литературы въ Львовскомъ университетѣ. Самыя выдающіяся его сочиненія „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache“, 1880, и „Історія літератури руской“ (украинской), которая печаталась въ журналѣ „Зоря“ съ 1886 г. и вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ шести томахъ. Смерть помѣшала автору довести этотъ обширный трудъ до конца. (Объ О. Огоновскомъ см. „Кіевская Старина“, 1894, XII стр. 475—479). *Прим. ред.*

**) Всѣ сообщаемые здѣсь факты относятся къ началу семидесятыхъ годовъ. Теперь общественныя и литературныя силы галицкихъ украинцевъ настолько выросли, что простое перечисленіе ихъ организацій и органовъ не представляло бы интереса. Только относительно украинской прессы считаемъ не лишнимъ упомянуть о томъ, что органъ украинской „національно-демократической партіи“ (прежде „народовой“) ежедневная газета „Діло“ существуетъ

Такъ, кромѣ существующаго съ сороковыхъ годовъ общества «Галицко-руска Матица», которое, впрочемъ, представляется всегда комитетомъ, какъ и «Народный Домъ», и кромѣ ставропигіальнаго института, основалось въ 1870 г. и общество «Руска Рада»; «Руська Бесіда», издавна собирающееся въ «Народномъ Домѣ» общество, считаетъ въ Львовѣ болѣе 100 мѣстныхъ членовъ, несмотря на то, что многіе изъ членовъ старой партіи вышли изъ общества съ тѣхъ поръ, какъ въ комитетѣ его большинство стало принадлежать народной партіи. «Руська Бесіда» имѣетъ читальню въ «Народномъ Домѣ», устраиваетъ музыкально-литературные вечера и комитетъ ея завѣдываетъ русскимъ театромъ. Съ каждымъ годомъ все расширяетъ свою дѣятельность и основываетъ въ меньшихъ городахъ свои агенціи и отдѣленія товарищество «Просвіта», которое устраиваетъ публичныя лекціи и занимается, главнымъ образомъ, составленіемъ и распространеніемъ книгъ для народнаго чтенія и учебниковъ для школъ среднихъ. Въ провинціальныхъ городахъ вездѣ существуютъ болѣе или менѣе организованные русскіе кружки, изъ которыхъ болѣе открытою федералистическою и демократическою программою отличается «Народная Рада» въ Перемышлѣ. Среди учащейся молодежи при Львовскомъ университетѣ существуетъ общество взаимнаго пособія и кредита подъ названіемъ «Дружескій Лихвярь», имѣющее болѣе 100 членовъ, и отдѣлившееся отъ него товарищество студентовъ, держащихся идей «Слова»,

---

уже болѣе четверти столѣтія. На ряду съ „Діломъ“ въ Галиціи уже много лѣтъ издается и другая украинская ежедневная газета „Русланъ“ — партіи „угодовцевъ“, отстаивающей „примиреніе“ съ поляками. Только третья украинская партія въ Галиціи — радикальная не достаточно сильна, чтобы издавать ежедневную газету, и ея газета „Громадский Голос“, которая существуетъ уже двѣнадцатый годъ, выходитъ два раза въ недѣлю. Не меньшіе успѣхи можно отмѣтить и въ галицко-украинской журналистикѣ. Соотвѣтствующій нашимъ толстымъ журналамъ „Літературно-науковий Вістник“ вступилъ уже въ десятый годъ изданія, и теперь его существованіе вполнѣ прочно обезпечено подпиской. Научный журналъ „Записки Наукового товариства ім. Шевченка“ издается уже шестнадцатый годъ. Что же касается еженедѣльныхъ и двухнедѣльныхъ журналовъ, какъ общелитературныхъ, популярныхъ и дѣтскихъ, такъ и спеціальныхъ — юридическихъ, педагогическихъ и профессіональныхъ, то ихъ уже можно насчитывать десятками. Въ противоположность „руско-украінской“ прессѣ москвофильская пресса въ Галиціи не только не развивается, но даже постепенно падаетъ. *Прим. ред.*

«Академическій Кружокъ», имѣющій около 30 членовъ. Въ Вѣнѣ тоже существуетъ два русскихъ товарищества, преимущественно изъ учащейся въ тамошнихъ высшихъ школахъ молодежи: «Січь», партіи «народной», и «Русская Основа», партіи «Слова». Оба товарищества имѣютъ небольшія библіотеки, устраиваютъ сборы въ торжественные дни, чтенія и т. п. съ участіемъ членовъ и другихъ славянскихъ кружковъ. «Січь» имѣла въ послѣдній годъ 39 членовъ; печатнаго отчета о числѣ членовъ и дѣятельности «Русской Основы» мы, къ сожалѣнію, не встрѣчали въ послѣднее время. Почти два года существуетъ въ Львовѣ и русское музыкальное общество «Торбанъ», въ которомъ участвуютъ нѣсколько начинающихъ появляться въ Галиціи русскихъ композиторовъ.

Хотя еще не образовалось русскаго кружка для развитія искусствъ пластическихъ, но уже стали появляться и русскіе живописцы, между которыми выдается г. Устіановичъ, сынъ поэта и патріота галицкаго сороковыхъ годовъ и самъ пишущій стихи. Кромѣ церковныхъ сюжетовъ, г. Устіановичъ пробовалъ свою кисть и въ нѣкоторыхъ картинахъ изъ народной жизни, что показываетъ, что болѣе реальное направленіе въ Галиціи,—такъ еще слабое тамъ,—проникаетъ уже и въ пластическія искусства. Недавно русинская интеллигенція надумалась, наконецъ, учредить товарищество въ средѣ дѣйствительно народной: нѣсколько лицъ партіи «народной» собрали съ небольшимъ 100 гульденовъ, чтобы помочь основанію товарищества рабочихъ русскихъ въ Львовѣ «Побратимъ», зерно которому составили 20 человѣкъ рабочихъ, которые прежде, за неимѣніемъ русскаго товарищества въ такомъ родѣ, принадлежали къ польскому обществу «Gwiazda»; это послѣднее имѣетъ уже около 1.000 членовъ, изъ коихъ, если вѣрить русинскимъ газетамъ, почти половина русскіе. Невѣроятнаго тутъ нѣтъ ничего, такъ какъ хотя мѣщанство въ Львовѣ можно считать почти все уже польскимъ, крестьянство около Львова все-таки русское, и русинскимъ патріотамъ пора уже давно было подумать объ организаціи русскихъ рабочихъ во Львовѣ, если они хотѣли дѣйствительно быть патріотами. Основаніе товарищества «Побратимъ», которое польскія газеты уже успѣли провозгласить «москалофильскимъ» и «православнымъ», т.-е. опаснымъ для Австріи, есть вдвойнѣ пріятное явленіе, потому что, хотя, судя по именамъ лицъ, под-

писавшихъ деньги на основаніе товарищества, и доктора, который изъявилъ охоту лѣчить безплатно членовъ его, наибольшую помощь дѣлу оказала партія народная, но львовскіе патріоты отступили на этотъ разъ отъ обычныхъ своихъ пререканій, и представители партіи «Слова» выказали готовность помочь этому дѣлу: по крайней мѣрѣ, для библіотеки товарищества пожертвовали не только товарищество «Просвіта» (40 книгъ), но и г. Дѣдицкій (23 книжки), «Матица» (32 кн.) и даже «Институтъ Ставропигійскій» расщедрился на книги цѣною на 20 гульденовъ и на обѣщаніе давать по 25 гульденовъ въ мѣсяцъ.

Органъ народной партіи «Правда» привѣтствуетъ проявившуюся въ этомъ случаѣ солидарность галицкихъ партій и желаетъ ей «повторяться почаще, потому что, говоритъ онъ, въ нашихъ дѣлахъ народныхъ есть много точекъ, въ которыхъ русины обоихъ направленій, безъ нарушенія своихъ специфическихъ понятій, могли бы итти рука въ руку и совмѣстно работать надъ поднятіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ народа». Мы рады бы были, если бы въ самомъ дѣлѣ эта въ недавнее время проявившаяся солидарность и это пожеланіе органа одной изъ русинскихъ партій не были только отдѣльнымъ фактомъ и фразой, не имѣющей послѣдствій, а были началомъ обдуманнаго поворота въ политикѣ обѣихъ русинскихъ партій, разногласіе между которыми, по крайней мѣрѣ, между искренними людьми въ обоихъ лагеряхъ, происходитъ очень часто тоже изъ-за слишкомъ высокихъ политиканскихъ матерій, или слишкомъ отдаленныхъ, какъ, напр., одинакова ли Русь галицкая съ московскою, или изъ-за слишкомъ формальныхъ, какъ, напр., правописаніе, а то изъ-за личностей. Оставивши хоть на время всякую ѣзду на конѣ высокой политики, отложивши до болѣе удобныхъ временъ политическій синтезъ, а сосредоточивши вниманіе на работѣ, такъ сказать, аналитической, русинскіе патріоты могли бы дѣйствовать гораздо согласнѣе, и потому гораздо плодотворнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Впрочемъ, приведенныя выше слова «Правды» представляютъ не первый примѣръ, со стороны народовцевъ, призванія своихъ теоретическихъ противниковъ къ согласной дѣятельности среди народа. Еще въ 1871 г., когда поднятъ былъ вопросъ о примиреніи русинскихъ партій и «Слово» раздѣ-

лило русиновъ на «твердыхъ» и «мягкихъ», г. Качала въ своихъ статьяхъ по этому поводу говорилъ: «раздѣленіе между нами произошло изъ-за вопроса объ общерусскомъ литературномъ языкѣ, или даже объ общеславянскомъ... Но людъ нашъ терпитъ отъ жидовскаго лихоимства, отдается въ въ руки панства, упадаетъ матеріально и т. д., а причина тому, что теменъ. Развѣ, напр., Россія можетъ помѣшать умному жиду обманывать темнаго хлопа? Во всякомъ случаѣ, съ Россіей или безъ Россіи, тутъ можетъ помочь только просвѣщеніе. Однакожъ, какъ теперь устраиваются дѣла на политическомъ небосклонѣ, Россія, навѣрно, не придетъ къ намъ на помощь. Умно ли, поэтому, изъ-за какихъ-то неясныхъ надеждъ задерживать просвѣщеніе народа и губить народность? Политика наша единственно должна стремиться къ народному просвѣщенію, которое можетъ быть достигнуто скоро и вѣрно только на основѣ употребляемаго теперь народомъ языка. Додамъ къ этому, что и великорусскій языкъ не утратитъ ничего, а, напротивъ, много можетъ попользоваться, если рядомъ съ нимъ будетъ не только стоять, но и разрабатываться языкъ малорусскій... Цные говорятъ, что языки мало- и великорусскій въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи сойдутся и должны сойтиться. «Зачѣмъ, — говорятъ, — итти двумя дорогами? Лучше сразу писать по-великорусски?» Затѣмъ, что черезъ это задерживается просвѣщеніе, а черезъ то бѣднѣетъ народъ, и земля, эта основа народности, переходитъ тѣмъ временемъ въ чужія руки. Не лучше ли было бы расширять просвѣщеніе на народномъ языкѣ, увеличивать благосостояніе народное и оставить сліяніе языковъ итти его естественнымъ ходомъ, если оно должно наступить: все на свѣтѣ требуетъ своего времени и ходу натуральнаго, иначе обращается во вредъ, а не въ пользу. Дѣлать то, что само должно наступить, т.-е. сливать языки преждевременно и черезъ то оставлять или затруднять просвѣщеніе народное,— поддерживать темноту и губить народъ,— будто это въ интересѣ народной политики, будто къ этому можно относиться равнодушно?!. Мы вовсе не думаемъ бросать перчатку Россіи... мы думаемъ, что и всѣ славяне могли бы принять великорусскій языкъ за дипломатическій между собою, какъ предметъ обязательный въ школахъ, хотя и не могутъ принять его, какъ (исключительный) языкъ преподаванія, какъ правительственный языкъ въ су-

дахъ и администраціи... Иное дѣло интересы общеславянскіе, и иное домашніе и народные интересы каждаго народа... Что до различій въ мнѣніяхъ по галицкому литературному вопросу, то главная разница между такъ называемыми «твердыми» и «мягкими» русинами такова: «твердые» хотятъ прежде всего языка литературнаго (готоваго) и просвѣщенія посредствомъ этого языка; «мягкіе» хотятъ прежде всего просвѣщенія. А такъ какъ оно можетъ расцвѣсти только на народномъ языкѣ, то они и хотятъ, чтобъ оно сообщалось на народномъ языкѣ и чтобъ языкъ этотъ вырабатывался до высшей литературы. Которая сторона имѣетъ передъ собою будущность,— не мое дѣло судить. Но только пора намъ всѣмъ поставить себѣ цѣлью: «просвѣщеніе на основѣ народнаго языка», а остальное предоставить времени и Богу». («Основа», 1871, № 9).

Мы должны, впрочемъ, сказать, что г. Качала нѣсколько идеализируетъ своихъ «мягкихъ», которые, къ сожалѣнію, далеко еще не всѣ пришли къ столь практическимъ идеямъ, какія высказываетъ самъ почтенный г. Качала *). Въ томъ-то и дѣло, что и «мягкіе» тоже заботятся о «литературномъ языкѣ» для высокихъ матерій, для науки и публицистики, и не могутъ, конечно, вовсе оставить заботу эту; потому что хотя самое насущное дѣло галицкихъ патріотовъ должно быть, конечно, народное элементарное образованіе, а слѣдовательно, самое главное дѣло и для галицкой литературы — составле-

*) Стефанъ Качала (1815—1888) былъ виднымъ украинскимъ писателемъ и однимъ изъ самыхъ выдающихся галицко-русинскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей третьей четверти XIX столѣтія. Въ 1848 г. онъ содѣйствовалъ возникновенію политическаго общества „Головна Руска Рада“ и общества научно-литературнаго „Галицко-руска Матица“, а также былъ членомъ основателемъ „Народнаго Дома“. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ однимъ изъ основателей просвѣтительно-издательскаго общества „Просвіта“, для котораго онъ написалъ рядъ популярныхъ книгъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ созданіи и дѣятельности „Товариства ім. Шевченка“ и „Руського товариства педагогичного“, возникшихъ въ семидесятыхъ годахъ, а въ 1885 г. принялъ дѣятельное участіе въ учрежденіи новаго политическаго общества „Народна Рада“. Въ 1889 г. Качала издалъ крупное историческое изслѣдованіе „Polityka „Polaków wzglдem Rusi“, которое было напечатано въ русскомъ переводѣ съ небольшими сокращеніями въ „Кіевской Старинѣ“ въ 1885 г. подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи Юго-Западной Руси“ (О Качалѣ см. „Кіевская Старина“ 1889 г. II стр. 503—506.).

Прим. ред.

ніе элементарныхъ научныхъ книгъ, но все-таки жизнь побуждаетъ хоть нѣкоторыхъ литераторовъ и къ писанію о высшихъ матеріяхъ: надо вѣдь и писать политическія статьи, и читать лекціи въ университетѣ и т. д., а слѣдовательно, надо же имѣть и органъ для выраженія этихъ потребностей жизненныхъ. И вотъ одни совѣтуютъ взять этотъ органъ готовый изъ Россіи, другіе желаютъ развить его на основѣ народнаго галицко-малорусскаго языка. Inde irae!

Но условія для литературы въ Галиціи одни и тѣ же и для «твердыхъ», и для «мягкихъ», и для русскихъ, и для руськихъ. Вѣдь ближайшій народъ говоритъ по-руськи, т.-е. по-малорусски, а источники и пособія для образованія и литературно-ученой работы писаны по-нѣмецки, по-латыни, по-польски, по-древне-русски, по-малорусски, какъ писали въ XVII в., наконецъ, и «по-русски», какъ пишутъ теперь въ Россіи ученые, и малоруссы, и великоруссы, а потому въ ученопублицистическомъ языкѣ галицкихъ литераторовъ обоихъ главныхъ толковъ въ сущности разницы большой нѣтъ. Они пишутъ по бо́льшей части почти одинаково, языкомъ довольно мѣшанымъ (мы не говоримъ о беллетристикѣ и поэзіи молодыхъ галицкихъ писателей, которые въ такихъ случаяхъ пишутъ почти всегда чистымъ народнымъ языкомъ, естественно очень близкимъ къ великорусскому), при чемъ одни воображаютъ, что пишутъ языкомъ «общерусскимъ» или «великорусскимъ», а другіе — что «малорусскимъ», и изъ-за этой болѣе воображаемой, чѣмъ дѣйствительной разницы и ссорятся между собою. Откровенно говоря, впечатлѣніе сколько-нибудь цѣльной и живой рѣчи въ статьяхъ ученыхъ и политическихъ въ галицкихъ журналахъ и до сихъ поръ дѣлаютъ больше всего статьи, очевидно, писанныя украинцами изъ Россіи. Но только, читая эти статьи, чувствуешь, что авторы думали по-русски, т.-е. на томъ языкѣ, на которомъ обыкновенно пишутъ въ Россіи, и языкъ этихъ статей есть по бо́льшей части случаевъ транскрипція (какъ говорятъ лингвисты) малорусской фонетикой словъ этого русскаго языка съ замѣной малорусскими словами спеціально великорусскихъ и иностранныхъ словъ и выраженій (мы говоримъ о лучшихъ примѣрахъ такихъ статей, когда авторы не задавались цѣлью оригинальничать и выковывать слова во что бы то ни стало). И, удивительное дѣло, языкъ этихъ украинскихъ статей, по

сравненію съ писаніемъ галицкихъ литераторовъ, особенно старшихъ возрастомъ, оказывается не только наиболѣе русскимъ (малорусскимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе русскимъ, т.-е. наиболѣе чуждымъ полонизмовъ, германизмовъ, латинизмовъ и т. п. [1]).

Серьезное размышленіе надъ этимъ обстоятельствомъ и вмѣстѣ надъ словами г. Качалы, думаемъ, много помогло бы соглашенію спорящихъ о галицкомъ литературномъ вопросѣ. Соглашеніе это намъ кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что сама редакція «Слова» издаетъ по временамъ «Письма до громадъ», а одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ Галиціи людей изъ старой партіи г. Наумовичъ пишетъ свои сельскіе журналы и брошюры довольно чистымъ галицкимъ народнымъ языкомъ. Даже въ то самое время, когда галицкіе «общеруссы» подняли вопросъ, произведшій столь сильный расколъ въ Галиціи: «быти ли малорусскому литературному вопросу», само «Слово» замѣтило, что, вѣроятно, и въ Россіи и сами гг. Катковъ, Краевскій, Аксаковъ не спорятъ противъ того, чтобъ и въ Малороссіи популярные журналы и книги писались на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ и по самому существенному вопросу между обѣими партіями, на которыя распадается галицкая интеллигенція, различіе и разногласіе не велико. Поэтому по практическимъ вопросамъ соглашеніе между ними было бы весьма возможно (мы говоримъ, конечно, только о тѣхъ, кто искренно любитъ просвѣщеніе и народъ, съ тѣми же, о коихъ нельзя этого сказать, конечно, соглашеніе невозможно), если бы обѣ стороны дѣйствительно одинаково серьезно сознали, какое дѣло, при теперешнемъ положеніи Галиціи, есть болѣе, и какое—менѣе существенное, да если бы не мелочность и личныя самолюбія и не присутствіе въ старой партіи доброй дозы открытыхъ обскурантовъ. Наша журналистика своимъ пристрастнымъ вмѣшательствомъ въ споры галицкихъ партій, своимъ голословнымъ обвиненіемъ одной стороны и при томъ обвиненіемъ

---

[1]) То же слѣдуетъ сказать и о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ галицкихъ писателей младшаго возраста, т.-е., выступавшихъ послѣ 1861-го г., которые основательно изучили народный языкъ и сочиненія нашихъ украинскихъ писателей. Образецъ такого чистаго народнаго и русскаго языка представляетъ, напр., недавно вышедшій выпускъ сочиненія г. Партицкаго о Шевченкѣ („Проводні идеі въ письмахъ Тараса Шевченка“).

весьма обиднымъ, а именно въ сознательной «мягкости» и измѣнѣ народнымъ интересамъ, — пристрастіемъ и обвиненіями, происходящими, думаемъ мы, не столько умышленно, сколько отъ отсутствія фактическаго знакомства какъ съ языкомъ и писаніями, такъ и дѣйствіями обѣихъ галицкихъ партій, — наша журналистика только удаляла галичанъ отъ согласія и терпимости, такъ необходимыхъ для столь немногочисленной тамошней интеллигенціи.

Но пока галицкіе политики все еще не убѣдились въ томъ, что самое главное дѣло у нихъ — это работа не вверху, а внизу, это элементарное образованіе народа. Еще менѣе они способны отказаться отъ мелочного самомнѣнія. Что же касается нашихъ журналовъ, то они или вовсе не занимаются Галиціей, — и это, пожалуй, самое лучшее еще съ ихъ стороны, — или говорятъ о ней только съ голоса одной стороны. Вслѣдствіе всего этого вражда между двумя партіями (съ двумя подпартіями) галицкими доходитъ до самыхъ печальныхъ явленій и послѣдствій. Такъ, иногда «святоюрцы» вотируютъ за поляковъ, лишь бы не прошелъ въ сеймъ, напр., г. Лавровскій; комитетъ «Народнаго Дома», «Матицы» и «Ставропигія» подали императору адресъ понѣмецки, только потому, что кружки народовцевъ написали свои адресы по-руськи. Говорятъ даже, что молодежь, принадлежащая въ Львовѣ къ «Академическому Кружку», демонстративно употребляетъ въ разговорѣ польскій языкъ, чтобъ отличить себя отъ членовъ «Дружескаго Лихваря», говорящихъ «по-хлопски».

Въ одномъ изъ номеровъ галицкаго журнала «Правда» редакція разсказываетъ слѣдующія вещи, въ которыхъ мы не видимъ ничего невѣроятнаго: «Въ 1871 г. мы спрашивали предсѣдателя «Академическаго Кружка» — почему кружокъ не занимается народнымъ просвѣщеніемъ и не пишетъ книжекъ для сельскаго народа? «Мы не будемъ дѣлать этого, — отвѣтилъ голова «кружка»,— потому что не признаемъ языка малорусскаго, по-польски же писать не хотимъ, а по-московски—такъ не знаемъ». Такъ же точно на вопросъ, поставленный двумъ молодымъ членамъ «Русской Рады», почему они говорятъ публично между собою по-польски, мы услышали слѣдующій отвѣтъ: «малорусская рѣчь хлопская, великорусской не знаемъ, такъ и говоримъ цивилизованнымъ языкомъ польскимъ».

Редакція «Правды» обвиняетъ въ подобномъ же употребленіи польской рѣчи въ семьѣ и въ обществѣ по тѣмъ же мотивамъ самого нынѣшняго редактора «Слова». Она жалуется, что въ семьяхъ священниковъ вновь усиливается, изъ желанія «відрізниться від хлопа», такое же забвеніе народнаго русскаго языка, какое было передъ 1860 г., и употребленіе польскаго, если не нѣмецкаго. А желанію отрѣзаться отъ хлопа языкомъ соотвѣтствуетъ презрѣніе и раздѣленіе съ нимъ и въ другихъ отношеніяхъ. Таковы неизбѣжныя послѣдствія тѣхъ раздѣленій, какія существуютъ въ галицко-русскомъ обществѣ, и забвенія, что основой политической силы въ краѣ можетъ быть только «хлопство», что на поднятіе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія этого хлопства должны быть главнымъ образомъ направлены усилія патріотовъ и что слоямъ населенія, стоящимъ нѣсколько выше народнаго, должны быть внушаемы идеи не о раздѣленіи отъ «хлоповъ», но именно о сближеніи съ ними.

Но до сихъ поръ всѣ попытки достигнуть соглашенія между галицкими партіями на такихъ началахъ не приводили къ успѣшному результату. Такъ, между прочимъ, въ 1870 г. была поднята мысль объ основаніи общества «Русская Рада», которое бы руководило политикою русскою въ Львовѣ и въ провинціальныхъ городахъ и въ которомъ бы приняли участіе всѣ русинскіе кружки и партіи. Но едва только большинство членовъ въ Львовѣ оказалось, одно время, изъ «старыхъ» русиновъ, какъ они тотчасъ же выключили изъ общества всѣхъ мало-мальски выдающихся лицъ изъ «молодшихъ», напр., проф. университета Огоновскаго и Шараневича *), доктора правъ Сушкевича, учителей Партицкаго, Вахнянина, самаго талантливаго поэта галицкаго г. Федьковича, котораго сочиненія издалъ впервые съ громкими хвалами г. Дѣдицкій въ 1863 г., и т. п., — людей, которыхъ нельзя же не признать искренними патріотами, не мало трудившимися надъ развитіемъ народнаго духа, и которые не разъ терпѣли нападки

*) Шараневичъ, Исидоръ Ивановичъ (1829—1902), профессоръ русинской исторіи. Наиболѣе выдающіяся его сочиненія: „Стародавніе Галицкіе города“ 1861—1862 гг. „Исторія Галицко-Володимірской Руси“ 1863 г. Подъ его руководствомъ вышелъ въ 1886 г. первый томъ монументальнаго юбилейнаго изданія въ память 300-лѣтняго Львовскаго Ставропигійскѣго Братства.

Прим. ред.

отъ поляковъ за свое народное направленіе. Теперь органъ «молодыхъ», «Правда», высказываетъ похвальныя мысли о соединеніи усилій обѣихъ русинскихъ партій и объявляетъ, что вновь протягиваетъ столько разъ отвергнутую руку примиренія. Но сомнительно, чтобъ и на этотъ разъ примиреніе состоялось, такъ какъ опять «Правда», вмѣсто того, чтобы говорить о соглашеніи по текущимъ практическимъ вопросамъ, предлагаетъ своимъ противникамъ отказаться отъ своего отступничества отъ формулы 1848 г. по вопросу, что такое русины?

I.

Но всмотримся ближе въ сущность разногласій между галицкими партіями и опредѣлимъ характеръ той изъ нихъ, которую мы называли до сихъ поръ разными именами — «молодшей», народной, украинской и т. п., и которая играетъ теперь большую роль въ галицкихъ школахъ, литературѣ, ассоціаціяхъ, подобно тому, какъ «святоюрская» партія играла роль въ политикѣ послѣ 1848 и послѣ 1861 гг. Признаемся, что опредѣленіе существенной разницы между галицкими партіями, даже главнѣйшими, дѣло не очень легкое. Онѣ сами себя и другъ друга зовутъ столь большимъ количествомъ именъ, что оріентироваться среди нихъ не легко: такъ, одни называются «старшими» русинами, «твердыми», москвофилами, панруссистами, святоюрцами, клерикалами и т. д., другіе «молодшими», «мягкими», «украинофилами», даже полонофилами, народовцами и т. д. У насъ чаще всего видятъ разницу между обѣими партіями въ томъ, что одни стремятся къ духовному и даже, какъ весьма прозрачно намекаютъ иногда передовыя статьи и корреспонденціи нѣкоторыхъ газетъ (хотя въ другой разъ и отрицаютъ это), къ политическому сліянію съ Россіей. Другіе, говорятъ, не только не хотятъ этого сліянія, но даже ради вражды къ Россіи готовы на союзъ съ поляками. Нѣкоторые писатели наши, напр., Кельсіевъ въ своей книгѣ «Галичина и Молдавія», даже объясняютъ все происхожденіе партіи «молодшихъ» русиновъ, или народовцевъ, польскими злотыми, совратившими съ пути истиннаго нѣсколько головъ среди молодежи львовской, и

это объясненіе весьма въ ходу въ нашей печати, а равно и въ той части галицкой печати, которая выдумала термины — «твердые» русины и «мягкіе». Недавно въ Галиціи газета «Слово» объяснила происхожденіе новой партіи еще проще — желаніемъ овладѣть учрежденіями и фондами, которые собраны твердыми русинами, а также и ихъ мѣстами.

Но понятно, что кто ищетъ серьезныхъ органическихъ причинъ возникновенія партій въ обществахъ, тотъ не можетъ удовлетвориться подобными объясненіями. «Злотыми», какъ и «рублями», не формируются партіи, а только временно собираются кружки и личности, которые изъ-за злотыхъ же и рублей и разсѣиваются и переходятъ отъ злотыхъ къ рублямъ и наоборотъ. Въ Галиціи есть и такіе любители «злотыхъ» и «рублей», какъ и вездѣ, есть и перебѣжчики изъ партіи въ партію, а равно и въ боковые лагери: нѣмецкій, польскій, русскій. Но эти любители злотыхъ и бѣгуны не составляютъ основы никакой партіи, и если галицкая печать обоихъ лагерей иногда перебрасывается укорами въ полученіи денегъ то отъ поляковъ, то отъ московскаго славянскаго комитета, то на эти укоры можно только смотрѣть съ сожалѣніемъ, если не съ омерзѣніемъ, но не видѣть въ нихъ объясненіе причинъ раздѣленія галицкой интеллигенціи на партіи. Начать съ того, что галицкая интеллигенція раздѣляется именно на партіи: святоюрцы, какъ мы видѣли, относительно не малочисленны; народовцы тоже не случайный сборъ отдѣльныхъ личностей, даже не кружокъ. Съ 1862—1863 гг. число народовцевъ растетъ, такъ что теперь къ нимъ принадлежитъ не мало лицъ среди духовенства, особенно молодого, а въ особенности много лицъ, кончившихъ курсъ въ университетѣ и высшихъ школахъ и занявшихъ мѣста чиновниковъ, учителей гимназій, профессоровъ университета, адвокатовъ, медиковъ и т. п., такъ что, если выдающіяся лица святоюрской партіи преимущественно украшаютъ свои фамиліи прибавкою буквъ *кр.*, т.-е. крылошанинъ, то народовцы имѣютъ преимущественно прибавку *д-ръ* (докторъ) или *проф.* Народовцы основываютъ немалочисленныя ассоціаціи, напр., «Просвіта», постепенно составили большинство въ старомъ уже обществѣ «Руска Бесіда», и можно предвидѣть, что со временемъ, особенно если эмиграція молодежи съ святоюрскими идеями въ Россію будетъ итти такъ, какъ идетъ въ послѣднее время, большая

часть мѣстъ и обществъ, требующихъ высшаго образованія, въ Галиціи будетъ занята людьми, раздѣляющими мнѣнія «народовцевъ». Очевидно, что тутъ не можетъ уже быть рѣчи о нѣсколькихъ лицахъ, молодыхъ фантастахъ, а особенно объ «отуманенныхъ поляками» или ими «подкупленныхъ».

Подобныя фразы теперь уже и въ Галиціи раздаются рѣже, даже въ жару полемики, тѣмъ паче пора бросить ихъ у насъ, гдѣ печать можетъ болѣе безпристрастно обсуждать дѣла хотя и родственной, но все-таки отдѣльной отъ насъ страны. Что народовцы никогда не были измѣнниками своему народу ради поляковъ, что они не пропускали случая, даже когда были малочисленнѣе, протестовать противъ польскаго господства надъ галицкимъ народомъ, это доказывается фактами. Первый журналъ народовцевъ «Вечерницы» въ 1861—1862 гг. уже терпѣлъ укоры отъ польской печати за «гайдамацко-схизматическія идеи», и на предложенія польскихъ журналовъ соединить силы «молодой Руси» съ польскими для революціонной борьбы отвѣчалъ: «Вы насъ не поняли. Борьба, какой вамъ хочется и въ какую вы бы хотѣли втянуть насъ, не найдетъ ни одного воина въ рядахъ молодой Руси». (Ср. «Вечерницы» 1862, № 5, статью «Мы и они». Эта статья вообще очень любопытна для характеристики тогдашнихъ отношеній поляковъ къ малороссіянамъ и галичанамъ, и галичанъ къ полякамъ. Ср. «Вечерницы» 1862, №№ 3—5). Когда послѣ Садовой правительство рѣшилось уступить полякамъ, даже пожертвовавъ имъ русиновъ, то самъ Голуховскій уже не смѣлъ, послѣ столькихъ лѣтъ жизни русинскаго національнаго движенія, выступить съ прежней польской теоріей, что Руси нѣтъ въ Галиціи. Тогда поляки задумали попробовать привлечь на свою сторону «молодую Русь», заявивъ, что они не прочь сдѣлать уступки въ Галиціи «настоящей Руси», но не «Москвѣ». Когда затѣмъ на субсидію административную была основана во Львовѣ газета «Русь», которая пробовала русинскимъ языкомъ и даже признаваемымъ народовцами русинскимъ фонетическимъ правописаніемъ (кулишовкою) проводить идеи уже не о тожествѣ, но о союзѣ русиновъ съ польско-правительственною партіей, народовцы обнародовали брошюру «Письмо народовців руських до редактора политичної часописі «Русь», яко протест и меморіал» (Вѣна, 1867), въ которомъ предлагали редактору «Руси» просто отказаться отъ

принятаго имъ направленія. «Русь» не долго и прожила, а основанный почти въ то же время органъ народовцевъ «Правда» настолько откровенно и критически относился къ польской исключительности и фантазіямъ, что только нарочитая недобросовѣстность и незнаніе могли ставить на одну доску «Русь» и «Правду», какъ то иногда дѣлалось въ нѣкоторыхъ нашихъ изданіяхъ. Народовцы не пропускали случая протестовать противъ идеи сліянія русиновъ и поляковъ и передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Такъ, они издали протестъ противъ празднованія поляками 300-лѣтняго юбилея Люблинской уніи (Protest der ruthenischen Nation gegen die irrthümliche Deutung der sogenannten Lubliner Union als eines rechtlich zu Stande gekommenen Aktes. Lemberg, 1869), противъ распространенія идей Духинскаго во Франціи, которыя, по поводу преобразованія каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Парижѣ, излагались и въ законодательныхъ собраніяхъ въ петиціи Казиміра Делламарра и въ брошюрѣ: «Un peuple européen de 15 millions oublié devant l'histoire. Pétition au sénat de l'Empire, demandant une reforme dans l'enseignement de l'histoire (Paris, 1869). Подобно тому, какъ послѣ брошюры Делламарра: «Un pluriel pour un singulier, et le panslavisme est détruit dans son principe» (Paris, Dentu, 1868), состоялось поддержанное и ораторами оппозиціи измѣненіе каѳедры «славянской литературы» въ каѳедру «славянскихъ литературъ» не съ цѣлью улучшить научную сторону преподаванія, что можетъ быть и произойдетъ помимо воли петиціонистовъ и ораторовъ, но съ цѣлью пораженія «московитскаго панславизма», такъ же точно Делламарръ и друзья его хотѣли новою брошюрою-петиціей достигнуть декрета объ измѣненіи программы преподаванія исторіи такъ, чтобъ исторія всего населенія Западной Россіи, которое авторъ называетъ русинами (les routhenes), излагалась, какъ польская исторія, такъ какъ авторъ считаетъ русиновъ разновидностью поляковъ, всегда хотѣвшей союза съ ними и Римомъ.

И, дѣйствительно, министръ Дюрюи приказалъ учителямъ во Франціи относительно вопроса о Западной Россіи въ исторіи и этнографіи держаться сочиненій Духинскаго *de Kieff*, какъ онъ обыкновенно подписывается. Вотъ противъ этого изложенія Делламарра галицкіе народовцы и издали протестъ въ видѣ письма на имя автора. Мы видѣли отвѣтъ предста-

вителей народовцевъ на приглашеніе принять участіе въ польскомъ съѣздѣ 1871 г. Въ настоящемъ году возобновленіе, послѣ короткаго перерыва, журнала народовцевъ «Правда» было встрѣчено со стороны польской прессы укорами не только въ «схизмѣ», но и въ «гайдамачинѣ»; а критика вредной для русиновъ дѣятельности «школьнаго совѣта» въ Галиціи, стремящагося задержать развитіе русинской педагогической литературы, ополячивать школы народныя, переводить усердныхъ русскихъ педагоговъ въ чисто польскіе округа, даже замѣнять постепенно кирилловскій шрифтъ въ русскихъ учебникахъ польскимъ и т. д., вызвала даже административную конфискацію майскаго № «Правды». Въ этомъ №, отпечатанномъ наново съ выпускомъ словъ, обидѣвшихъ «школьную раду», редакція отъ имени своей партіи отвѣчаетъ на вызовы польскихъ газетъ, чтобы городская дума (большинство которой, конечно, поляки) вмѣшалась въ споръ между «Руской Бесідой» и комитетомъ «Народного Дому» (въ комитетѣ большинство принадлежитъ «старой» партіи, которая, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ въ комитетѣ «Бесіды», желаетъ запретить «Бесіді» собираться въ зданіи Народнаго дома). Органъ русинскихъ народовцевъ говоритъ, что никакихъ вмѣшательствъ даже въ ихъ пользу послѣдніе не потерпятъ: «Вы, господа поляки, говоритъ «Правда», *не тыкайте носа до чужого проса*. Мы (русины) какъ сами между собою поссорились, такъ сами и помиримся, — какъ этого слѣдуетъ надѣяться отъ патріотовъ какъ одной, такъ и другой партіи,— а чужимъ къ намъ нѣтъ дѣла». Статья въ 1-мъ (апрѣль) № «Правды» за этотъ годъ — «Политика чувствъ и политика интересовъ» и особенно горячія и полныя интересныхъ подробностей статьи «Русько-польскі взаеміни въ Галичині», въ №№ за іюль — сентябрь, подвергаютъ рѣзкой критикѣ и нѣмецко-централистическую политику старыхъ святоюрцевъ, перемѣшанную въ послѣдніе годы съ безплоднымъ выпрашиваніемъ помощи у Россіи, и способъ политики «соглашенія съ поляками», предпринятаго въ два послѣдніе года г. Лавровскимъ, и требуетъ для русиновъ независимой политики, имѣющей въ виду только пользы галицко-русскаго народа, опирающейся на просвѣщеніе и поднятіе массы народа, а на все боковое смотрящей только, какъ на средства, не предаваясь безусловно ни одной изъ существующихъ внѣ русинскаго на-

рода силъ и партій. Такія статьи «Правды» вызвали даже укоры отъ органа г. Лавровскаго «Основа», которая прежде очень старалась считаться за органъ «народовцевъ», а теперь стала упрекать «Правду» въ отступничествѣ отъ началъ партіи. Отвѣтомъ на это было опредѣленіе «Просвіты» печатать впредь протоколы свои и объявленія въ «Правдѣ», а не въ «Основѣ», хотя предсѣдателемъ «Просвіты» состоитъ г. Лавровскій.

Такъ же мало справедливо и другое обвиненіе, которое съ 1867 г., со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ, слышится часто не только въ галицкихъ и нашихъ газетахъ, но даже по временамъ и въ славянскихъ, въ родѣ «Zukunft», а именно, что галицкое такъ называемое народное направленіе есть одно изъ покровительствуемыхъ врагами славянскаго движенія, желающими, по слову Бейста, прижать славянъ къ стѣнѣ. Еще въ 1867 г. въ брошюрѣ — «Письмо галицкихъ народовцевъ къ редактору газеты «Русь», высказано слѣдующее вполнѣ свободное отношеніе ко всякаго рода австрійско-нѣмецкимъ централистическимъ партіямъ:

«Не веселыми воспоминаніями наполнено наше почти столѣтнее пребываніе въ Австріи. Присоединенные къ ней на основаніи претензій Угорской короны на галицко-русское княжество, а слѣдовательно, какъ край русскій, мы были почитаемы, какъ и всякая другая польская провинція, и дѣло шляхетской колонизаціи нашей земли велось и подъ Австріей, только въ другой формѣ, т.-е. бюрократично, по-нѣмецки. Если же иногда, какъ, напр., до императора Іосифа, нашему краю давался русскій характеръ, то не надолго. Австрія служила вѣрно аристократическому принципу и, слѣдовательно, полонизированному нашему панскому элементу. Управленіе и школы подчинялись тоже аристократіи и хоть управляли понѣмецки, а частно распространяли полонизацію. Польскій духъ проникъ въ наше чисто русское учрежденіе — семинарію; тутъ сгибла наша родная рѣчь, и чего никогда прежде не было, то сталось подъ управленіемъ австрійскимъ: въ наши священническія семьи проникла польщизна, а если между молодежью семинарскою проявлялась русская мысль, то правительство старалось придушить ее въ интересахъ польскихъ. Когда же, несмотря на то, русскій духъ проявился публично въ 1848 г., то съ того самаго времени и начинается не-

искренняя и двусмысленная политика Австріи относительно русиновъ. Манило насъ австрійское правительство обѣщаніями, которыхъ не исполняло, или, показавъ что-либо на минуту, тотчасъ же прятало; ласкало насъ, когда надо было чѣмъ-нибудь напугать революціонныхъ поляковъ и не дать имъ всего того, чего они желали, а потихоньку-таки вступало въ союзъ съ поляками, хотя бы и во время польской революціи. И депутаціи наши выслушивали и жалобы наши принимали, а таки на погибель нашу давали согласіе на такіе порядки, которые дѣлали поляковъ полновластными господами на нашей землѣ, какъ это случилось съ февральскимъ патентомъ (1861). И только по временамъ правительство выясняло свою мысль, чѣмъ оно хотѣло, чтобъ мы были. Нападеніе правительства австрійскаго на наше стародавнее письмо достаточно объясняетъ его виды. Ласкаючи насъ, оно зорко смотрѣло, не поднимается ли наше око, чтобы поискать, не живетъ ли гдѣ больше нашего народу и роду. Вспомнимъ, какими революціонерами были объявлены мы, народовцы, когда мы, недовольные галицкими литературными плодами, витали думою на Украинѣ. Однимъ словомъ, правительство австрійское хотѣло, чтобъ мы были людьми, которые, кланяясь ему низенько, всю науку принимали только отъ него; хотѣло, чтобъ мы были на утѣху ему «рутенами», способными на все, только не на то, чтобы признать, кто они, понять, что они имѣютъ свои права и что, исполняя свои обязанности передъ имперіей, смѣло могутъ добиваться этихъ правъ. Мы должны были оставаться все народомъ мизерненькимъ, ничтожнымъ, который, высылая тысячи людей безъ сопротивленія на оборону Австріи и неся наравнѣ съ другими тяготы имперіи, доволенъ былъ бы однимъ названіемъ *treue Ruthenen*, доволенъ былъ бы какимъ-нибудь кусочкомъ своего же собственнаго добра, который бы ему кинули, какъ наивысшую милость. У насъ были такіе вожаки, которые вѣрно служили такой правительственной системѣ и въ своей ревности переходили даже за границы ожиданій своихъ «благодѣтелей». Народная партія, заявивши о себѣ формально позже, не имѣетъ ничего общаго съ такою комичною вѣрностію. Выше всего она поставила справедливые интересы народа и его потребности. Господиномъ, дающимъ ей наказы, сталъ народъ, его добро и честь. Поэтому и теперь, когда мы пересчитаемъ всѣ наши

обиды и потребности, смѣло произнесемъ, что никакихъ милостей не просимъ ни у кого, а домогаемся только того, что намъ должно, какъ народу. И весело прощаемся мы, во имя народа, съ названіемъ «вѣрныхъ», — такихъ вѣрныхъ, что готовы служить не благу своего народа и имперіи, а экспериментамъ министровъ. Прежде всего мы — русины, которые любятъ свой народъ и живутъ для блага его... Мы отказываемся рѣшительно отъ «вѣрнаго рутенизма», отказываемся отъ всѣхъ дѣйствій, въ которыхъ наше народное дѣло являлось только службой планамъ министерскимъ, преднамѣреннымъ на погибель и оскорбленіе достоинства нашего народа, какъ и на вредъ государству и на остановку развитія славянщины. Мы—искренніе австрійцы, это правда! Но только наша привязанность къ Австріи не относится ни къ прошлой Австріи, въ которой насъ полонизировали и отрицали, ни къ теперешней, гдѣ насъ обставили такъ польскими порядками, что русской душѣ тяжело и вздохнуть. Мы привязаны къ Австріи ради ея естественнаго призванія, ея истинныхъ интересовъ; мы привязаны къ Австріи такой, какою она должна быть: Австріи, ко всѣмъ народамъ своимъ одинаково справедливой— не нѣмецкой, нѣмецко-мадьярской, не нѣмецко-мадьярско-польской... Поэтому мы ни стадіонисты, ни бахисты, ни голуховщики, ни шмерлингисты, ни белькредисты, ни бейстовцы, мы по-просту «октябристы», т.-е. приверженцы октябрьскаго цезарскаго диплома, въ которомъ *народы* призываются къ великому дѣлу обновленія имперіи на основаніи собственныхъ, хорошо понятыхъ, особыхъ ихъ интересовъ... Мы — крѣпкіе приверженцы принципа федералистическаго въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, разумѣя подъ этимъ федерацію народовъ Австріи, а не федерацію провинцій короны австрійской... Такъ думая, вѣруемъ, что мы работаемъ, какъ добрые славяне, въ несомнѣнномъ интересѣ славянщины. Мы не уступимъ ни волоса изъ этого нашего политическаго исповѣданія, потерпимъ съ другими славянами немного, а потомъ вмѣстѣ съ ними будемъ искать дорогъ, которыя бы привели насъ къ нашей справедливой цѣли».

Послѣ такихъ словъ и послѣ въ такомъ же духѣ писанныхъ статей «Правды», полагаемъ, трудно обвинить галицкихъ народовцевъ въ какой-либо измѣнѣ интересамъ ихъ народа и

славянщины въ Австріи ради польскихъ или нѣмецкихъ милостей. Скорѣе, въ ихъ политическомъ *credo* можно видѣть большой идеализмъ, большую смѣлость для столь все-таки немногочисленной партіи, говорящей во имя небольшого племени, если считать только русинское населеніе въ Австріи, которое надолго только и можетъ служить опорою тамошнимъ партіямъ, — племени, раздѣленнаго между тремя коронными областями (Галиціей, Буковиной, Венгріей), находящагося на невысокой степени матеріальнаго и умственнаго развитія. Скорѣе можно видѣть въ галицкихъ народовцахъ одинъ изъ зародышей, у австрійскихъ народовъ, партіи дѣйствительно будущей Австріи, чѣмъ партію, которая бы была готова прислуживаться и даже полагаться на какую-либо изъ существующихъ и силу имѣющихъ въ Австріи партій, не только централистической, но и федералистической. О прислуживаніи со стороны народовцевъ галицкихъ партіи централистической и говорить нечего, а приведенныя выше слова, что галицкая народная партія желаетъ федерализма не коронныхъ земель, а народовъ въ Австріи, показываетъ разницу между федерализмомъ народной русинской партіи и другими федералистами въ Австріи. Такъ, поляки тоже своего рода федералисты, т.-е. говорятъ объ автономіи Галиціи, но готовы войти въ союзъ съ какими угодно централистическими нѣмецкими элементами, только бы получить автономію для этой коронной земли и въ ней господствовать и надъ искусственно загнанными въ нее русинами. То же надо сказать о буковинскихъ федералистахъ изъ румынской аристократіи, въ родѣ бар. Петрино. Штирійско-нѣмецкіе автономисты соглашаются съ самыми вѣрными централистами въ оппозиціи народнымъ требованіямъ славянъ, хотя готовы, какъ и строгіе централисты, на уступки полякамъ, между прочимъ, для того, чтобъ удалить изъ Цислейтаніи одинъ сильный автономистическій и славянскій элементъ. Чехи, о федерализмѣ которыхъ, равно какъ и о панславизмѣ и особенной любви къ русскому народу, такъ много толкуютъ у насъ и въ Австріи, говорятъ объ автономіи не чешскаго народа, а земель короны чешской, присоединяя къ ней не только Моравію, но и (скорѣе польскую, чѣмъ чешскую) Силезію, и, только бы поляки присоединились къ ихъ оппозиціи противъ вѣнскаго рейхсрата, признаютъ безусловно резолюцію галицкаго сейма, не признающую въ Га-

лиціи другой народности, кромѣ польской. О тирольцахъ, которые федералисты только потому, что они клерикалы, и говорить нечего, да они теперь уже начинаютъ ссориться съ чехами, усматривая у послѣднихъ не только прикрытыя до времени федерализмомъ старокатолическія и даже гусситскія тенденціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже теперь приведеніе въ исполненіе требованій такъ называемой «staatsrechtliche Opposition», т.-е. федерализма коронныхъ земель въ Австріи, раздробивъ силы централистическаго бюрократизма и поставивъ лицомъ къ лицу въ каждой отдѣльной землѣ борющіяся народности, повело бы къ постепенному торжеству федерализма народностей и федерализма демократическаго.

Но сильная доза централизма второй руки, которая присутствуетъ въ тенденціяхъ земскихъ федералистовъ, не малая доза феодализма, клерикализма, ихъ неспѣтость и непослѣдовательность составляютъ причину неуспѣшности борьбы ихъ съ централистами и заставляютъ ожидать сформированія и союза между собою настоящихъ народно-демократически-автономныхъ партій. Быть-можетъ, эта настоящая федерально-народная партія образуется изъ начавшей теперь разлагаться столь многочисленной передъ выступленіемъ на сцену министерства Гогенварта «staatsrechtliche Opposition», а быть-можетъ, она сложится и въ будущемъ выбираемомъ прямыми выборами имперскомъ рейхсратѣ, за идею котораго должны были ухватиться буржуазные централисты теперешняго рейхсрата, чтобы побороть теперешнихъ федералистовъ коронныхъ земель. Во всякомъ случаѣ въ разныхъ мѣстахъ Австріи, у разныхъ народовъ, не исключая и нѣмцевъ, мы видимъ пока еще слабые ростки такой дѣйствительно демократической партіи, которая логически должна прійти и къ равноправію народностей и къ самоуправленію народныхъ областей. Будетъ ли это народовластіе болѣе обезпечено новымъ раздѣленіемъ коронныхъ земель по народностямъ, или общимъ имперскимъ закономъ о народностяхъ и проведеніемъ принципа общиннаго и кантональнаго самоуправленія, это покажетъ будущее, а пока въ интересѣ дѣйствительной свободы и демократизма желательно сформированіе и сознательная дѣятельность этихъ ростковъ будущей народно-автономной Австріи, будетъ ли то въ коронныхъ земляхъ и мѣстныхъ сеймахъ, будетъ ли то въ имперскомъ сеймѣ. Приведенное выше изложеніе политиче-

скихъ идей галицкихъ народовцевъ даетъ намъ право причислить ихъ къ такимъ росткамъ, хотя имъ нельзя не пожелать еще уясненія ихъ началъ и очищенія отъ постороннихъ примѣсей [1]).

Такимъ образомъ мнѣніе, будто разница между партіями у галицкихъ русиновъ состоитъ въ томъ, что одни «твердо» стоятъ за права русскаго народа и славянства, а другіе готовы предать ихъ или хоть уступить полякамъ и нѣмецкимъ централистамъ (мягкіе), совершенно не выдерживаетъ критики. Понятно, что какъ всякая политическая партія, такъ и галицкія обѣ, по временамъ входятъ то въ тѣ, то въ другія отношенія съ поляками и нѣмцами, по временамъ возлагаютъ слишкомъ много надежды на парламентскія комбинаціи съ посторонними элементами; понятно также, что во всякой партіи есть элементы, болѣе наклонные къ такимъ комбинаціямъ, чѣмъ къ твердой самостоятельной дѣятельности, — таковы строго-клерикальные «рутенцы» среди святоюрцевъ и бюрократическіе политики, пристающіе по временамъ, какъ, напр., въ эпоху 1870—1871 гг., къ народовцамъ. Но въ концѣ-концовъ гораздо болѣе старая русинская партія оказывалась слугою нѣмецкихъ противославянскихъ стремленій, а клерикало-рутенцы—слугою польскихъ (а еще болѣе ультрамонтантскихъ, которые такъ связаны съ теперешними польскими) интересовъ, чѣмъ даже политики-полународовцы оказывались

---

[1]) Любопытно вспомнить ту славянскую программу, которую излагалъ почти тридцать лѣтъ тому назадъ Шевченко въ своемъ посланіи къ Шафарику при посылкѣ поэмы „Еретикъ“ (Іоаннъ Гусъ): я помолюся Богу, говорилъ Шевченко,—

Щоб усі славяне стали
Добрими братами
І синами сонця правди
І еретиками
Оттакими, як Констанській
Еретик великій...
Мир мирові (міру) подарують
І славу во віки!..

Очень любопытно сравнить эту программу и эти мечты о славѣ славянской прирожденнаго „народовца“ съ другими славянофильскими мечтами и программами, а особенно — съ поведеніемъ чешскихъ политическихъ вождей во время недавняго празднованія юбилея Гусса, когда они боялись слишкомъ торжественнымъ заявленіемъ сочувствія этому „еретику“ и „демагогу“ обидѣть феодальную и клерикальную партію!

«мягкими» передъ поляками. Да и въ этомъ случаѣ, и даже въ обоихъ названныхъ случаяхъ, беззавѣтная услужливость и мягкость происходили не изъ сознательнаго стремленія измѣнить своему или родственному, — «измѣна» не можетъ порождать политическія партіи, — а изъ той степени политическаго развитія, на которой фатально должны были стоять люди, воспитанные въ австрійско-уніатскихъ семинаріяхъ меттерниховскаго времени.

Не точны и тѣ опредѣленія разницы между галицкими партіями, которыя выражаются словами «панруссисты», «москвофилы», «украинофилы» и т. п., и которыя выставляютъ характеристическими чертами обѣихъ партій ихъ отношенія къ Россіи. И здѣсь мы должны сказать, что такое или иное отношеніе, хотя бы и къ родственному, но все-таки внѣшнему политическому тѣлу, не можетъ составлять основы ни мнѣній ни дѣйствій какой бы то ни было политической или культурной партіи. Такія партіи образуются, раздѣляются и поддерживаются только дѣйствіемъ мѣстныхъ внутреннихъ причинъ. Дѣйствительно, съ 1866 г. журналы старой галицкой партіи высказываютъ мысли объ однородности галицкаго народа съ великорусскимъ, галицкой литературы съ нашей, и восхваляютъ Россію и ея порядки. Народовцы же признаютъ однородность своего народа, по старой формулѣ 1848 г., только съ малороссіянами, называя только южно-русское племя р у с ь к и м ъ, но не съ великоруссами, которыхъ именуютъ р о с с і я н а м и, все, написанное въ Россіи не по-малорусски,—р о с с і й с к и м ъ, то-есть великорусскимъ. Съ 1863 г., со времени запрещенія въ Россіи печатанія малорусскаго перевода евангелія и изгнанія малорусской рѣчи изъ школьнаго преподаванія и объясненія, галицкіе народовцы охотно бранятъ Россію, то-есть, по-ихнему, «Москву», и иногда высказываютъ этнографическія и историческія теоріи не лучше теоріи г. Духинскаго de Kieff. Такъ, не очень давно (въ 1871 г.) въ «Основѣ» печаталась статья, въ коей и борьба Москвы съ Новгородомъ объяснялась ненавистью полутуранскаго «россійскаго» племени къ «русскому», и слова Гильфердинга о томъ, что народное почитаніе свв. Кирилла и Меѳодія было довольно сильно въ древней Руси кіевской, а потомъ заглохло въ Россіи въ московскій періодъ, и что у малороссовъ скорѣе можно ожидать прибивки «славянскихъ» идей, чѣмъ у великороссовъ,

«въ массѣ образованнаго даже общества, относящихся къ славянству съ ледянымъ равнодушіемъ», объяснялись, какъ признаніе самого великорусса въ томъ, что малоруссы гораздо больше славяне, чѣмъ великоруссы и т. д.

Но надо имѣть въ виду, что симпатіи къ Россіи не составляютъ постояннаго признака и старой галицкой партіи, органъ которой, «Слово», въ 1862—1866 гг. не хуже органа народовцевъ, «Меты», бранилъ «несытый централизмъ московскихъ игемоновъ гг. Каткова и Аксакова», и если онъ измѣнилъ направленіе, то, очевидно, болѣе вслѣдствіе сознанія необходимости употребить извѣстный политическій маневръ, чѣмъ вслѣдствіе искренней перемѣны мнѣній о русскихъ порядкахъ; для послѣдняго перемѣна была слишкомъ быстра. Къ тому же изъ общей массы «старыхъ» русиновъ не выдѣлялась, какъ совершенно особая партія, фракція или подпартія вліятельныхъ духовныхъ лицъ, а эти послѣднія особенно пылкими приверженцами Россіи считаться не могутъ. Недавно отъ имени епископа Куземскаго выражено было въ собраніи Ставропигіальнаго института даже неудовольствіе на участіе въ собраніи г. Площанскаго, нынѣшняго редактора «Слова», какъ лица, слишкомъ явно высказывающагося за Россію. А между тѣмъ высшее уніатское духовенство преслѣдуетъ «украинофильскія» тенденціи у молодежи, учащейся въ семинаріяхъ, не одобряетъ ни слишкомъ свѣтскихъ демократическихъ идей народовцевъ ни ихъ стремленій придать бо́льшую жизненность религіозности населенія переводомъ на народный языкъ евангелія и молитвъ, видя у народовцевъ проблески протестантскаго порядка идей [1]). Мы приводимъ ниже выдержку изъ

---

[1]) Говоря „протестантскаго“, мы не имѣемъ въ виду какое-либо офиціальное вѣроисповѣданіе протестантское. Въ нашъ вѣкъ собственно вѣроисповѣдные вопросы не могутъ занимать общественныя партіи, а потому ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду пропагандировать идеи о необходимости перемѣны вѣроисповѣданія, хотя, конечно, болѣе современныя и народныя партіи не могутъ не быть врагами мертвенно-іезуитскихъ идей и элементовъ, которые существуютъ далеко не въ одной только католической церкви. Вотъ нѣсколько строкъ изъ „Письма народовцевъ къ редактору *Руси*“, въ которомъ читатель можетъ видѣть нѣкоторыя черты отношеній народовцевъ къ церковнымъ дѣламъ: „Мы знаемъ, какими польскими формулами римской непогрѣшимости засорена наша церковь; знаемъ, чѣмъ служила польская церковь въ старину, чѣмъ служитъ она у насъ и теперь, то-есть ареною полонизаціи, а потому цѣлью нашею должно быть освобожденіе нашего народа отъ всякихъ такого

одного документа, свидѣтельствующаго объ отвращеніи галицкаго официально-клерикальнаго элемента отъ украинизма,—выдержку, которая покажетъ читателямъ, что причина этого отвращенія лежитъ вовсе не въ симпатіяхъ галицкихъ клерикаловъ къ Россіи. Вообще надо сказать, что какъ заявленіе симпатій и похвалы Россіи, такъ и порицаніе ей со стороны нашихъ «западныхъ братій», не исключая и «галицкихъ единоплеменниковъ», не имѣютъ вовсе серьезнаго значенія по той простой причинѣ, что не коренятся въ основательномъ знакомствѣ съ нами. Наши западные братья имѣютъ оборотный капиталъ знаній и понятій о Россіи не больше того, какой имѣетъ любое западно-европейское общество, французское, нѣмецкое и др. Этотъ капиталъ составился изъ кое-какихъ наблюденій западныхъ путешественниковъ, кое-какихъ выдержекъ изъ русской исторіи, приправленныхъ поверхностными философскими обобщеніями, изъ восклицаній страстныхъ памфлетистовъ, польскихъ преимущественно, и возгласовъ нашихъ патріотовъ, полу-шишковскаго, полу-новославянофильскаго лагеря. Возьмите любую западно-европейскую книгу о Россіи, хотя бы и такую, которой авторъ желалъ бы симпатично отнестись къ ней, вы непремѣнно натолкнетесь на фразы о русскомъ національномъ духѣ, который выйдетъ то, что называютъ въ Европѣ l'esprit vieux-russe, Altrussenthum

---

рода вліяній. Это, впрочемъ, не значитъ, что мы стремимся разорвать съ уніею, какъ говорятъ, стремимся къ сепаратизму, къ „схизмѣ“. Мы догматовъ не трогаемъ. Мы крѣпко держимся за унію, потому что считаемъ ее почвою, на которой можетъ удобнѣе, чѣмъ на другой, развиться церковное самоуправленіе, но наша унія не привязана ни къ Бресту, ни къ Риму, ни къ гробу бл. Іосафата (Кунцевича) такими желѣзными оковами, чтобы мы вѣру нашихъ православныхъ отцовъ и братьевъ нашихъ равняли съ вѣрою въ чорта, или чтобы вѣра дѣлала насъ слѣпыми относительно тѣхъ великихъ и глубокогуманныхъ поученій, какія передала намъ наша исторія. Правда, мы получили эту унію изъ нечистыхъ рукъ, какъ адскую махинацію политическую, но духъ народа нашего, глубоко религіозный и моральный, очистилъ и очиститъ ее еще совсѣмъ, и она еще можетъ имѣть большую будущность. И именно въ интересахъ этой „св. уніи“ необходимо освобожденіе нашей церкви отъ латинства, и не успокоитъ этого нашего стремленія ни кардинальство, приготовленное для какого-нибудь нашего архіерея, ни примасовство, а удовлетвореніе наше лежитъ только въ слѣдующемъ: патріархатъ для русиновъ-уніатовъ, то-есть для австрійско-русскихъ епархій, со всѣми ему принадлежащими правами и прерогативами, а именно, съ правомъ созванія народнаго собора для выбора патріарха и владыкъ“.

и т. д., въ который входитъ безусловное повиновеніе властямъ, религіозная исключительность, виды на Константинополь и т. п. Къ такимъ опредѣленіямъ русскаго національнаго духа въ послѣднее время примѣшиваютъ l'esprit des anciennes communes slaves, или le communisme cosaque, kommunistisch-nihilistische Schwärmerei des verjungerten Altrussenthums, которая видитъ «образецъ соціальной жизни въ дикой коммунѣ старославянской» и т. д. и т. д. Никто изъ пишущихъ такія фразы не хочетъ поискать около себя того же Altrussenthum'a и той же Schwärmerei, не хочетъ подумать, что и въ Россіи есть свои партіи застоя, регресса и прогресса разныхъ оттѣнковъ, какъ и въ любой землѣ въ Европѣ, хотя, конечно, съ мѣстными, болѣе количественными, чѣмъ качественными, варіаціями. Однимъ словомъ, нелѣпая идея о томъ, что Европа раздѣляется на два міра съ особыми законами развитія, не-историческія представленія и крики о такъ называемой «петровской реформѣ», какъ о явленіи небываломъ и противонаціональномъ, а, наконецъ, частныя, то-есть французско-шовинистическія, нѣмецко-колонистскія, польскія и т. п., и вовсе не «западныя» вообще симпатіи и антипатіи мѣшаютъ смотрѣть ясными глазами на русскую дѣйствительность. Надо признаться, что много мѣшаютъ этому простому отношенію къ русской дѣйствительности съ тѣми же пріемами критики, съ какими каждый наблюдатель европейскій относится къ своимъ дѣламъ, также и якобы своеобразная, а по настоящему — переведенная съ нѣмецкаго, хотя и съ «перелицовкою», философія исторіи Запада и Востока нашихъ московскихъ гегеліанцевъ какъ праваго, славянофильскаго, такъ и лѣваго, соціалистическаго, лагеря, такъ какъ отрывочное знакомство западныхъ писателей съ нею только усилило фантастичность представленій западно-европейскихъ о національномъ русскомъ духѣ, о задачахъ русскаго народа и т. п.

И вотъ, сочинивъ такимъ образомъ изъ обрывковъ русской дѣйствительности, преимущественно до 1856 г., и изъ собственнаго воображенія физіономію «русскаго народнаго духа», французы, нѣмцы, чехи, галичане и т. п. начинаютъ то бранить его, то хвалить, то пугаться, то возлагать на него надежды и пугать другихъ, сообразно колебаніямъ въ ихъ собственныхъ земляхъ. Французы, напр., думая, что русскій колоссъ ничѣмъ такъ не занятъ, какъ мыслью поставить одну

свою пяту въ сердцѣ Западной Европы, раздавивъ мимоходомъ Польшу, а другую на Босфоръ, толковали долго о необходимости спасти свободу въ Европѣ отъ гнета этого колосса и начинали свою работу или безразборчивымъ покровительствомъ всякаго рода польскимъ идеямъ, изъ чего, кромѣ вреда для поляковъ въ серьезной сторонѣ ихъ національныхъ стремленій, ничего не вышло, или тѣмъ, что поддерживали рабство турецкое надъ христіанами балканскими, изъ чего опять-таки, кромѣ вреда для самихъ турокъ, ничего не произошло. Потерпѣвъ пораженіе отъ нѣмцевъ, при благопріятномъ для послѣднихъ нейтралитетѣ Россіи, французы вдругъ заговариваютъ о необходимости войти въ союзъ съ «русскими видами»: «что жъ дѣлать, — говорятъ они, — скрѣпя сердце, надо пожертвовать не только Турцію, но и Польшу; теперь мы должны быть французами прежде всего», утверждаютъ они, воображая, что они прежде, когда заботились то о порядкѣ, то о свободѣ во всемъ мірѣ, не были «французами прежде всего», и что русскому колоссу въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ давить поляковъ и забирать Босфоръ. Чехи, которые даже теперь учатся по-русски все по хрестоматіи Челяковскаго, въ которой изъ Пушкина приведено только «Клеветникамъ Россіи» и т. п., и въ которой нѣтъ ни одного отрывка изъ «Ревизора» и т. п., думаютъ, что всѣмъ русскимъ только и снится «сліяніе славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ» и нѣтъ любезнѣе картины «сверканія стальной щетины». Они то пугаютъ нѣмцевъ этой щетиной, какъ дѣлали всегда старочехи, то трепещутъ за свою «вѣковую литературу» и оплакиваютъ гибель Польши, какъ дѣлали младо-чехи до 1867 г., пока и они, чтобы напугать гр. Бейста, пустились въ «москвофильство», и начали и себѣ возлагать надежды на русскій колоссъ.

Такъ же точно поступали и поступаютъ галичане, старые и молодые, потому что и тѣ и другіе знаютъ о Россіи ровно столько, сколько любая редакція французской или нѣмецкой газеты. До 1861 г. галицкая интеллигенція, ища увеличить количественно свою литературу, забирала у насъ «Сердешную Оксану» и «Солдата Перфильева», между 1861 и 1866 гг., считала болѣе всего сообразнымъ съ своими интересами ругать «московскихъ централовъ», ставя въ одну шеренгу не только г. Каткова съ г. Аксаковымъ, но даже рядомъ съ ними

и никому въ Россіи невѣдомаго г. Говорскаго; послѣ 1866 г. одни сочли необходимымъ перейти изъ порицателей «московскаго централизма» въ хвалителей, другіе еще больше ожесточились, но и хвалители и порицатели хвалятъ и порицаютъ не столько дѣйствительныя, сколько созданныя ихъ воображеніемъ явленія. Поэтому и похвалы и порицанія эти имѣютъ не только мало серьезности (хотя, конечно, и порицанія и похвалы имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніе), но и гарантій прочности: и то и другое зависитъ отъ внутреннихъ дѣлъ и интересовъ самихъ галичанъ. Слѣдовательно, если мы хотимъ понять сущность галицкихъ дѣлъ, то должны, оставивъ въ сторонѣ ихъ отношенія къ Россіи, посмотрѣть на отношеніе каждой галицкой партіи къ своимъ внутреннимъ дѣламъ. Не вполнѣ вѣрно также часто высказываемое у насъ сужденіе, что старая галицкая партія имѣетъ то общее съ Россіей, что употребляетъ письмо общее съ нашимъ, тогда какъ молодая, по духу сепаратизма, употребляетъ злонамѣренную кулишовку, о которой, если читать только галицкія корреспонденціи въ наши газеты, можно подумать, что это какой-то неслыханный въ мірѣ алфавитъ, а не та же самая кириллица.

Старые галичане приняли то правописаніе, которымъ, напр., печатается «Слово», вовсе не потому, что оно ихъ соединяетъ съ Россіей, а потому, что оно соединяетъ ихъ съ церковно-славянщиной, и даже не кирилловской, а кіево-галицкой XVII в. Притомъ они приняли его отчасти съ тѣми приспособленіями къ южно-русскому говору, какія были у насъ придуманы г. Максимовичемъ, имѣвшимъ изъ нашихъ филологовъ наиболѣе связей съ галичанами въ сороковые годы, а отчасти съ своими собственными придатками (грамматика Осадца), такъ что даже названіе «историческая» не совсѣмъ идетъ къ этому правописанію. Скорѣе всего слѣдуетъ называться ему «вѣрно-рутенской», сообразно эпохѣ сложенія его и сообразно той мѣшанинѣ, которую должна представлять народность «рутенская» по строгимъ австрійскимъ идеаламъ. Поэтому даже это правописаніе, этотъ якобы символъ связи всѣхъ русскихъ племенъ, почти также отличается отъ той, напр., какою пишемъ мы теперь, какъ и кулишовка (исправленное нѣсколько правописаніе Котляревскаго, слѣдующее малорусскому выговору), и въ то же время не имѣетъ удобствъ, какія имѣетъ для малорусса кулишовка. Гоголь острилъ когда-то,

что вся русская грамматика сосредоточивается на буквѣ *ъ*; вотъ эта-то буква и дѣлаетъ главную разницу «историческаго» правописанія г. Максимовича отъ «фонетическаго» г. Кулиша. Но галицкіе послѣдователи г. Максимовича употребляютъ *ъ* не только тамъ, гдѣ оно исторически существовало въ церковно-славянскомъ и старорусскомъ письмѣ, и гдѣ его южноруссы произносятъ какъ мягкое *і*, но и всюду, гдѣ слышатъ острое *і*, т.-е. пишутъ въ своемъ родѣ тоже фонетически. Такъ, они пишутъ не только «свѣтъ», произнося «світь» (какъ народовцы и пишутъ по кулишовкѣ), но и въ родительномъ падежѣ единственнаго числа и въ именительномъ множественнаго: напр., «сочиненіе г. Метелъ», «приятелъ» и т. п., такъ что въ этомъ случаѣ написанное кулишовкою «г. Метелі», «приятелі» будетъ все-таки понятнѣе великоруссу, который не знакомъ съ другою манерою писанія, чѣмъ та, какою обыкновенно пишутъ въ Россіи, а ужъ, конечно, сразу даже и не великоруссу трудно догадаться, о комъ идетъ дѣло, если онъ встрѣтитъ имя извѣстнаго Ригера, написанное «Рьгеръ», какъ это дѣлается по историческому правописанію въ Галиціи. Мы можемъ увѣрить читателя, что если онъ такимъ же образомъ провѣритъ собственнымъ анализомъ правописаніе, языкъ, культурныя идеи, политическія тенденціи той галицкой партіи, главную характерную черту которой видятъ будто бы въ стремленіи слиться съ Россіей и въ частности съ Великороссіей, то онъ найдетъ тамъ не Россію и не Великороссію, а «Австро-рутенію». Иначе и быть не можетъ при той мѣстной почвѣ, на которой возникли галицко-русскія партіи.

Посмотримъ же, имѣя въ виду эту мѣстную почву, на то, какъ произошла и въ чемъ состоитъ разница между галицкими партіями. Мы видѣли, что бóльшая часть дѣятелей старой партіи выступила на сцену около 1848 г., молодые же появились въ 1861—1863 гг. и сложились въ болѣе плотную партію послѣ 1866 г. Такимъ образомъ разница между людьми этихъ партій лежитъ прежде всего во времени, въ возрастѣ. А разница во времени обусловливаетъ разницу и въ воспитаніи: старые — всѣ воспитанники уніатскихъ семинарій метерниховскихъ временъ и почти всѣ духовные. Между прочимъ, одно изъ характеристическихъ послѣдствій этого воспитанія, въ Вѣнѣ ли, или Львовѣ, должно было быть не

только исчезновеніе уваженія къ народу, т.-е., къ единственному русскому элементу въ Галиціи, но и разученіе единственной русской рѣчи, какая была тамъ, т.-е. народной рѣчи. Мы видѣли, что старые галицкіе литераторы писали больше всего по-нѣмецки или по-польски, если же покушались писать по-русски, то писали по-церковно-славянски съ разными подмѣсями, или по-австро-уніатско-рутенски, а не по-русски. Такимъ образомъ самая характеристическая черта галицкихъ русскихъ литераторовъ стараго времени состояла въ томъ, что они всего менѣе знали какой бы то ни было живой русскій языкъ. Этой чертѣ соотвѣтствуетъ другая, что галицко-русскіе литераторы и духовные, пустившись въ политику, не были въ состояніи представлять живые интересы народа: имъ фатально не оставалось ничего, кромѣ служенія бюрократіи австрійской и интересамъ своего и вообще австрійскаго клира. Младшія поколѣнія не только воспитывались болѣе въ свѣтскомъ духѣ, но все-таки хоть сколько-нибудь пріучались къ русской, хоть мѣшаной рѣчи. Наконецъ они воспитывались въ то время, когда уже идеи о народѣ измѣнились и въ Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и взглядъ на народный языкъ, который они поэтому не только не могли въ такой степени забыть, какъ старшіе, но который, независимо отъ политическихъ идей, а просто вслѣдствіе общихъ европейскому ученому и образованному міру понятій, не могли не счесть основою и для литературнаго языка, орудіемъ для проведенія знаній въ народъ и т. д. А какъ народный языкъ въ Галиціи почти тотъ же, что и въ Малороссіи, то младшія галицкія поколѣнія должны были реально, а не формально, какъ старыя въ 1848 г. признать свою литературу частью южно-русской.

Кромѣ того, какъ ни мала объемомъ сумма книгъ, писанныхъ въ Россіи по-малорусски, но здѣсь младшіе, свѣтскіе галичане нашли именно ту пищу новымъ своимъ потребностямъ, которыхъ не могли удовлетворить «рутенскія» писанія и «рутенскія» общественно-политическія идеи 1848—1861 гг. Какъ въ выборѣ изъ русской литературы послѣ 1848 г. и даже теперь литераторы святоюрскаго лагеря руководились *своими* вкусами, обусловленными *ихъ* степенью развитія, такъ теперь младшія галицкія поколѣнія бросились на украинскую литературу подъ вліяніемъ новыхъ вкусовъ, новой сте-

пени развитія. Если «рутенцы», не переставая, конечно, быть самыми вѣрными австрійцами, выбирали изъ литературы, возникшей въ Россіи, оды Державина, «Мичмана Поцѣлуева», но не «Горе отъ ума», не «Ревизора», не «Кто виноватъ», не «Записки Охотника»; если, несмотря на то, что имя Шевченка дошло уже въ Галицію и въ 1848—1849 гг., его все-таки не перепечатывали и не читали тамъ до 1861 г., то это произошло, конечно, отъ того, что и въ русской литературѣ «рутенцы» могли искать только «рутенское» по идеямъ, слогу и даже языку, что «русской» литературы одинаково не могли они понять, выражалась ли она на языкѣ, которымъ писалъ Гоголь или Искандеръ, или на томъ, на какомъ писалъ Шевченко. Мы полагаемъ, что никто не сочтетъ за парадоксъ, если мы скажемъ, что Шевченко, какъ и Гоголь, и Островскій, и Некрасовъ и т. д., по эпохѣ развитія русскаго общества, къ которому они принадлежатъ, суть русскіе писатели, а Державинъ теперь преудобно можетъ быть названъ «рутенскимъ».

Когда въ недавнее время галицкіе литераторы извѣстнаго лагеря сочли необходимымъ провозгласить единство литературы во всемъ русскомъ мірѣ и потому сочли неизбѣжнымъ перепечатать что-либо изъ новѣйшей литературы въ Россіи, журналъ «Боянъ», провозгласившій приведенное выше курьезное мнѣніе, что «языкъ, которымъ говорятъ въ Россіи, есть галицкій литературный языкъ», услыхавъ, что самымъ талантливымъ изъ дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы писателей въ Россіи считается Тургеневъ, выбралъ для ознакомленія съ нимъ, какъ бы вы думали, что? — разсказъ «Жидъ». Конечно, самъ г. Тургеневъ согласится съ нами, что изъ всѣхъ вещей, когда-либо имъ написанныхъ, «Жидъ»—самое близкое къ «Мичману Поцѣлуеву», а потому наименѣе «русское» и наиболѣе «рутенское» сочиненіе. Мы видѣли, что самое обращеніе къ литературѣ, существующей въ Россіи, отреченіе отъ программы, машинально написанной въ 1848 г., совершили органы «рутенцевъ» послѣ того, какъ бюрократія австрійская явно оттолкнула ихъ отъ себя, и они обратились къ Россіи, не какъ русскіе, а именно, какъ «рутенцы», т.-е. съ надеждами и въ Россіи на бюрократію, съ лестію и въ Россіи той части общества и литературы, которую они считали наиболѣе близкою къ бюрократіи. А когда оказалось, что русское

правительство не расположено вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей, что фразы нашихъ публицистовъ реакціоннаго пошиба о помощи западнымъ братьямъ такъ фразами и остаются, «рутенцамъ» осталось только хлопотать о служебныхъ мѣстахъ въ Россіи, гдѣ они, впрочемъ, не встрѣчаютъ сочувствія ни со стороны «русскаго» общества, ни со стороны представляющей его печати.

Когда, въ противоположность рутенцамъ, нарастающая народная партія обратилась за нравственной пищей въ Россію, она обратилась жадно на Шевченка, Костомарова, Кулиша, М. Вовчка, не только потому, что ихъ сочиненія были написаны наиболѣе понятнымъ для галичанъ языкомъ, но и потому, что они отвѣчали тѣмъ стремленіямъ къ независимости въ политикѣ, тѣмъ понятіямъ о значеніи народныхъ массъ, какія нарождались уже въ головахъ младшаго поколѣнія, — тѣмъ понятіямъ научнымъ, историческимъ и филологическимъ, какія они находили въ аудиторіяхъ болѣе ново-европейскихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ старыя уніатскія семинаріи. Новая малорусская беллетристика и исторіографія была для галичанъ новою европейскою литературой, писанной наиболѣе близкимъ языкомъ для ихъ народа. А такъ какъ малороссійская литература и исторіографія зародились въ Россіи, благодаря ея высшимъ школамъ, которыя все-таки отражаютъ общеевропейскія умственныя движенія, то мы должны сказать, наперекоръ близорукимъ людямъ въ обоихъ лагеряхъ, «москвофильскомъ» и «украинофильскомъ» какъ у насъ, такъ и въ Галиціи, что галицкое украинофильство есть первое и до сихъ поръ самое сильное проявленіе нравственной связи Галиціи съ Россіей. Галицкіе народовцы не потому стали народовцами, что заразились «мечтательными» тенденціями нашихъ украинофиловъ, а потому стали украинофилами, что нашли у послѣднихъ «народныя» (демократическія) идеи. А такъ какъ безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что русинское національное движеніе въ Галиціи можетъ стать прочнымъ, только ставши просвѣтительнымъ и демократическимъ, то въ этомъ проникновеніи въ Галицію украинофильства онъ долженъ усматривать тотъ путь, какимъ должна итти пропаганда идей о нравственной солидарности русскихъ племенъ, для того, чтобы принести пользу народу этихъ племенъ. Если когда-либо эта солидарность установится, то только

путемъ связи прогрессивно-народныхъ движеній въ Галиціи и Россіи, которая можетъ наступить послѣ взаимнаго основательнаго знакомства, а вовсе не посредствомъ того искусственнаго братанія реакціонныхъ и своекорыстныхъ общественныхъ элементовъ, которое до сихъ поръ ничего не дало Галиціи, кромѣ эмигрантовъ, а намъ — кромѣ увеличенія туземнаго гашкентскаго полка еще и наѣзжимъ. Проблески такой солидарности галичанъ не только съ Малороссіей, но и съ Россіей вообще (мы не говоримъ о политикѣ) замѣчаются уже и теперь, и мы укажемъ ихъ ниже; пока же мы обратимся къ обзору дѣятельности молодой или народной партіи въ Галиціи, которую мы и будемъ называть молодой, свѣтской или народной партіей, какъ болѣе точными названіями, чѣмъ другія, и этими названіями мы будемъ отличать ее отъ старой, которая, какіе бы виды ни принимала, въ какіе бы союзы ни входила, но непремѣнно окажется «рутенскою», клерикально-бюрократическою и непремѣнно всюду найдетъ для себя подобныхъ же союзниковъ.

II.

«Народная» партія въ Галиціи (она же и «молодая», «свѣтская») отложила въ сторону политиканство и стала на практическій путь не вдругъ. Еще и теперь ей предстоитъ не мало работы надъ собою, начиная съ языка, чтобы стать и на дѣлѣ народною. Она въ свое время также занималась «высшею политикою», возлагала большія надежды на наше украинофильское движеніе и даже отчасти на польское, а также и на австрійское правительство и на собственныхъ совѣтниковъ и владыкъ. Но въ послѣднее время направленіе «народной партіи» сильно измѣнилось, и она, отказавшись возлагать надежды на международныя катастрофы и начавъ посильно работать надъ поднятіемъ нравственнаго уровня своего народа, оказалась и болѣе благоразумною и болѣе патріотическою. Дѣйствительно, чѣмъ мы далѣе отходимъ отъ 1866 года, тѣмъ болѣе замѣчаемъ упадокъ вкуса у галицкихъ «народовцевъ» ко внѣшне-политическимъ дѣламъ, и большее сосредоточиваніе вниманія на вопросахъ литературно-научныхъ и народномъ образованіи, хотя все еще можно пожелать галиц-

кимъ народовцамъ еще болѣе практическаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ бо́льшей независимости въ провозглашеніи ихъ идей и въ ихъ исполненіи.

Зеркаломъ нравственной жизни галицко-народной партіи служитъ журналъ «Правда», который съ 1866 выходилъ непрерывно до лѣта 1870 г. и потомъ, послѣ перерыва, во время котораго сотрудники его принимали участіе въ «Основѣ», возобновился съ апрѣля прошедшаго года и выходитъ ежемѣсячно небольшими книжками отъ 3 до 4 листовъ печатныхъ, за весьма небольшую плату (4 гульдена въ годъ) съ эпиграфомъ изъ Шевченка: «в своій хаті своя правда і сила і воля». «Правда» познакомила галицкую публику не только со многими напечатанными уже въ Россіи (по-русски и по-малорусски), но и не напечатанными повѣстями малорусскихъ беллетристовъ, преимущественно рисующихъ жизнь народа на югѣ Россіи, которыя имѣютъ для Галиціи значеніе примѣровъ произведеній «натуральной школы», утвержденной въ Россіи Гоголемъ. «Натурализмъ» долженъ и въ Галиціи нанести смертельный ударъ безплодной старинной беллетристикѣ и поэзіи, представляемой виршами, по истинѣ достойными временъ Симеона Полоцкаго, или недалеко отъ нихъ ушедшими поэмами на такія темы, какъ Сонъ Князя Льва, Буй-Туръ Всеволодъ, Конюшій и т. п. [1]). Галицко-русской литературѣ,

---

[1]) Повѣритъ ли читатель, что еще въ 1838 году галицко-русскій литераторъ напечаталъ поэму подъ такимъ заглавіемъ: „Воззрѣніе страшилища въ Пестѣ и Будѣ, наступающаго мѣсяцемъ мартомъ 1838 года во время разлитія Дуная, Симеономъ Θеофил. Лисинецкимъ, Галиціяниномъ, теперь кес. корол. сожителища Вѣденскаго питомцемъ въ Мало-Рускимъ языку (!) изображенное!“ Вотъ куріоза ради начало этой поэмы:

Тутъ прохаживающій удивляю,
На что всюдъ челнки сутъ возставленны?
Но теперь бурю си вспоминаю
Где бували здѣшнѣ оскорбленны.
Буря та! злощастія причина.
Кая, осмъ лѣтъ ужъ, когда бѣсила
Но есть осторожности новина
И расположенія правила.

Пусть читатель возьметъ приведенную въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ г. Пыпина выдержку изъ перваго манифеста галицкой Матицы въ 1849 г.,—и онъ увидитъ тамъ точно такой же якобы малорусскій языкъ, только еще испещренный полонизмами, и вспомнитъ, что́ мы говорили выше о томъ, какъ галицкіе литераторы въ 1848 г. не могли и знать, что́ такое малорусскій и что́ русскій языкъ.—А вотъ выдержка изъ оды къ императору австрійскому, напечатанной въ „Вѣнкѣ русиномъ на обжинки“ И. Головацкаго въ 1849 г.

даже въ лицѣ молодыхъ писателей, много еще нужно труда, чтобъ избавиться отъ стариннаго археологизма (еще недавно одинъ не старый еще писатель напечаталъ драму въ 5 актахъ «Настася», основанную на преданіи изъ исторіи Галицкой Руси изъ второй половины XII вѣка, въ коей князья, бояре, мѣщане говорятъ длиннѣйшія и скучнѣйшія рѣчи), да при этомъ поуменьшить вообще страсть къ стихотворству и морализаціи. Самая малорусская литература изобиліемъ маниловскаго стихокропательства, библейскимъ аллегоризмомъ, часто встрѣчающимся у Шевченка, и его же смѣшеніемъ ораторства съ поэзіей, задерживаетъ отчасти развитіе литературныхъ идей галичанъ въ томъ направленіи, которое она же и внесла въ Галицію, а именно, въ направленіи «живописанія быта», которое одно и можетъ быть теперь существенною задачею поэзіи.

Що же! безсилен задумав я пѣти
Величественни дѣла:
Ох, рад бы я соколом взлетѣти,
Проглянути их числа!

Але годѣ! Не вдась, духу мôй плѣнный,
Ген-ген! пôд солнце сь взнести,
Взрѣти сих дѣл вже бы образ тѣнный,
З пôднебесной высоты.

Не внадила сь бутнôсть, ани пыхота
В *Велич'ства* Вашог Престôл;
С сердечностью побратала сь, простота:
Двора в тôм *Вашог'* роздѣл (?).

Дальше авторъ не только называетъ императора Франца II въ 1849 году „Вы—защита всѣхъ идей!“, но и увѣряетъ, что его „*Имя* радо вопѣют“, между прочимъ и „Таліане“.

Вотъ нѣсколько стиховъ о „Буй-Турѣ Всеволодѣ“ изъ поэмы г. Дѣдицкаго, напечатанной въ 1860 г.:

„Той князь на Руси такъ прославился
Такъ съ ей врагами насильно (!) бился,
И такъ Половцамъ дался во знаки,
Же щебетали о немъ и птаки!“

Не правда ли, невеликъ прогрессъ со времени „Воззрѣнія страшилища“. Замѣтимъ, что въ Галиціи поклонники и противники г. Дѣдицкаго говорятъ, что онъ подражалъ Пушкину (!), а у насъ доктринеры „Русскаго Вѣстника“ и „Современной Лѣтописи“ ставили малорусскимъ писателямъ времени Шевченка и др. въ образецъ галицкихъ литераторовъ съ г. Дѣдицкимъ во главѣ, воображая, что такое виршеплетство можетъ быть названо русской литературой!!

Не мало еще вредитъ торжеству реализма въ литературѣ галичанъ и возрастающее вліяніе нѣмецкое, такъ какъ и въ нѣмецкой литературѣ сильно еще злоупотребляютъ стихотворствомъ, разсужденіями въ стихахъ, а также переложеніемъ лѣтописей въ драмы. Мы думаемъ, что полезное вліяніе на галицкую беллетристику оказало бы основательное изученіе (кромѣ англійскихъ романистовъ) Гоголя, если бы они, по украинофильскому узкоглядію, не смотрѣли на него, какъ на «московскаго» писателя, а также знакомство съ русскою литературою послѣ Гоголя. Во всякомъ случаѣ въ «Правдѣ» было не мало помѣщено разсказовъ изъ народной жизни, представляющихъ уже ясные начатки реальнаго направленія, между которыми выдаются разсказы изъ жизни и преданій буковинскихъ г. Федьковича. Но — увы! — этого нельзя сказать о его драматическихъ опытахъ, въ которыхъ даже иконы разговариваютъ! Кромѣ художественной своей стороны, такого рода разсказы имѣютъ и политическую: они знаменуютъ, что классы интеллигентные все болѣе обращаютъ вниманіе на массу народа.

Еще болѣе видно это вниманіе въ умноженіи въ послѣдніе годы въ Галиціи книгъ для первоначальнаго образованія народнаго и чтенія, религіознаго и свѣтскаго, написанныхъ народнымъ языкомъ. Самую характерную и богатую послѣдствіями новизну въ этомъ родѣ составляютъ переводы Священнаго Писанія и молитвъ на чисто-народный языкъ. Еще Маркіянъ Шашкевичъ работалъ надъ переводомъ евангелій на народный галицкій языкъ, но его работа не только не была напечатана, но даже такъ было куда-то затерялась, что ее насилу разыскали въ настоящемъ году. Въ 1869 г. «Правда» напечатала опытъ перевода «Пятикнижія» Моисея, стихотворный переводъ Іова, который вышелъ въ 1870 г. и отдѣльно, а также и полный стихотворный переводъ Псалтыря. Въ 1871 же году въ Вѣнѣ былъ отпечатанъ южно-русскій переводъ четырехъ евангелистовъ. Тогда же и тамъ же напечатанъ переводъ молитвъ, спеціальнѣе приспособленный къ галицкому народу и галицкому нарѣчію южно-русскаго языка. По поводу этого послѣдняго произошла переписка между духовными властями и переводчиками, столь характерно рисующая отношенія строго-уніатскихъ клерикаловъ къ галицкому украинофильству, или народному направленію, что мы считаемъ необходимымъ привести изъ нея

выдержку въ подтвержденіе сказаннаго нами выше объ этихъ отношеніяхъ.

Переводчикъ «Молитвослова» отправилъ рукопись изданія своего на разсмотрѣніе митрополита, который обѣщалъ одобрить его, если тамъ не будетъ ничего противнаго католической вѣрѣ. Но вмѣсто того ректоръ вѣнской уніатской семинаріи получилъ отъ крылошанина Малиновскаго изъ Львова слѣдующее письмо, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, чтобы дать возможность читателю видѣть, за какой литературный языкъ стоитъ противъ украинскаго клерикальный элементъ въ Галиціи. Вотъ письмо кр. Малиновскаго:

«Высокопріподобный господине! Изъ препорученія ихъ Высокопреосвященьства зволитъ Ваше Впреподобіе завозвати до себе Ивана Пулюя, оукон. богослова и слыш. философіи на оуниверзитетѣ Вѣденскомъ, и заявити ему, изъ ихъ Высокопреосвященьство не тôлько не даютъ имени своего, но также совсемъ не соглашаются, абы написанный нимъ молитовникъ напечатался, и тая рукопись по праву каноническому призначенна достала до оуничтоженія. — I) И. Пулюй покликуеся (ссылается) на 1 Кр. XIV. 18, 19 (1 посл. къ Коринѳ., въ которомъ апостолъ говоритъ, что лучше въ церкви сказать пять словъ понятныхъ всѣмъ, нежели десять тысячъ чужимъ языкомъ) и думае, що такъ званна оукраинщина и кулишôвка суть якимось тайнымъ ключемъ, отворити разумѣніе церковного языка и церковныхъ нашихъ молитовъ и службъ, где властиво святохоронячи нашъ обрядъ потребно филологическихъ и богословскихъ толкованій словъ и положеній [1]). II) Очевисто намѣреніемъ его есть перенести агитацію для оукраинщины и кулишевки на поле церковное, а даючи при славянскомъ текстѣ переводы на такъ званну оукраинщину съ кулишевкою, хоче на тôмъ поставити, щобы вѣрни приняли

[1]) Замѣтимъ, что пока собирались высокомудрые богословы на филологическія и богословскія толкованія словъ и положеній молитвъ и литургіи, даже жены ихъ и вообще семьи патріотовъ русинскихъ ходили въ церкви съ польскими католическими молитвенниками, и сама Ставропигіальная типографія еще въ 1860 году напечатала Канонъ Воскресный съ польскимъ переводомъ. Молитвенникъ изд. г. Пулюя есть первый образецъ польско-русскаго молитвенника въ Галиціи, и высокомудрые богословы, нападая на него за то, что онъ написанъ понятною и простолюдину рѣчью, просто помогаютъ или машинальному стоянію въ церкви, или полонизаціи русиновъ.

звычай по оукраински молитися (напомнимъ, что галицкое народное нарѣчіе самыми ничтожными чертами отличается отъ украинскаго и что въ молитвенникѣ г. Пулюя, который самъ не украинецъ, а галичанинъ, переводъ сдѣланъ примѣнительно къ галицкому нарѣчію, такъ что, очевидно, «оукраинщина» тутъ ни при чемъ, а ихъ высокопреосвященьство просто не хочетъ, чтобъ народъ понималъ молитвы и богослуженіе, и слѣдуетъ просто фарисейской и іезуитской политикѣ), то оуже иде о тое, не тôлько сорвати съ нашою малорускою литературою, но также съ нашими церковными книгами, съведенными на ладъ нашого малорусскаго языка, о кôлько то было возможно, — на корысть оукраинщины и кулишевки, которы суть нововведеніемъ безъ пôдставы якъ оу насъ, такъ на Оукраинѣ (итакъ, ихъ впр-ство не только открыли какую-то «Малороссію», отдѣльную отъ «Оукраины», но даже увѣряютъ, что «Оукраинщина» есть нововведеніе и на «Оукраинѣ»!) и которы еще оу насъ не оправдилися, абы оуже и церковь наша гонила за пустымъ вѣтромъ». Въ III пунктѣ впр. крылошанинъ заботится, какъ бы старовѣры въ Россіи не соблазнились писаніемъ слова Исусъ по кулишовкѣ, хотя они до сихъ поръ не соблазнялись такимъ же писаніемъ у сербовъ; въ IV споритъ о переводѣ г. Пулюемъ нѣсколькихъ словъ, при чемъ въ одномъ случаѣ указываетъ дѣйствительную ошибку, а въ двухъ самъ ошибается. V пунктъ гласитъ такъ: «Що ино есть сваволя на поли мирской литературы, а що ино есть церковна литература: ту оуже повиненъ Иванъ Пулюй оставити власти церковной потребное зараждати, и до толка молитовъ и служеній церковныхъ потребно священника (,) на котораго ординаріатъ спуститися може, що тою роботою совѣсно и працевито займеся, маючи страхъ передъ вѣтренностію и легкомыслностію. — Поручаеся зъ причины того приклада Вашему Впрєподобію наблюдати на тое абы питомци наши въ тамошней семинаріи въ церковны, обрядовы предметы не мѣшали оукраинщины и кулишовки и занималися совѣстно и трудолюбиво литературою церковно-славянскою и малорускою, якъ они изъ давна намъ переданни суть».

Надѣемся, читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы заставили его прочитать десятокъ-другой строкъ, писанныхъ варварскимъ языкомъ, такъ какъ этотъ языкъ и духъ письма впр. крылошанина, его аргументація, покажетъ ему наглядъ-

нѣе, чѣмъ всѣ наши разсужденія и разсказы, нѣкоторыя стороны галицкой жизни. Онъ увидитъ, что въ борьбѣ противъ «оукраинщины» въ Галиціи вовсе не идетъ дѣло о сохраненіи единства развитія литературы и духа всѣхъ частей русскаго племени, и, думаемъ, согласится съ тѣмъ, что стремленія приверженцевъ «оукраинщины» находятся въ гораздо бо́льшемъ согласіи съ стремленіями нашего образованнаго общества и его прогрессивной литературы, чѣмъ идеи значительной части ихъ противниковъ, а слѣдовательно, несмотря на различіе языка, употребляемаго нашей прогрессивной литературой, когда она берется за дѣло народнаго образованія, съ языкомъ галицкой народной партіи (какъ видимъ мы, въ письмѣ впр. крылошанина языкъ тоже не тотъ, какимъ пишемъ мы), дѣйствія этой послѣдней суть выраженія гораздо бо́льшаго единства цѣлей образованныхъ представителей всѣхъ русскихъ племенъ, чѣмъ дѣйствія представителей достойныхъ ордена іезуитовъ впр. крылошанъ, какъ бы они себя ни называли: «рутенцами», «рускими», «малоруссами», или «русскими».

Въ особенности нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ дѣятельности устроившагося въ 1868 г. товарищества «Просвіта». Товарищество это образовалось по примѣру чешской «Матицы», которая по временамъ издаетъ книги для народнаго чтенія въ 18 тысячахъ экземпляровъ. Мысль о необходимости направить литературно-издательскую дѣятельность на приготовленіе преимущественно книгъ для народнаго чтенія и для элементарнаго образованія была поднята г. Качалой, по возвращеніи изъ Праги, гдѣ онъ познакомился нагляднѣе съ дѣятельностью чеховъ, но заявленіе этой мысли въ существующей давно уже «Матицѣ Русской» въ Львовѣ повело только къ раздражительнымъ спорамъ. Тогда явилась у нѣкоторыхъ лицъ, преимущественно «младшей» партіи, мысль объ основаніи особаго съ этою цѣлью общества «Просвіта». Намѣстничество отказалось утвердить проектъ общества, но министерство утвердило. Товарищество начало свою дѣятельность съ большимъ тактомъ и терпимостью, несмотря на то, что съ самаго начала встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ лицъ весьма вызывающее обращеніе. Такъ, напр., два священника въ Львовѣ отказались отслужить въ церквахъ своихъ молебенъ передъ открытіемъ товарищества, и одинъ прямо сказалъ, что у него нѣтъ мѣста въ церкви для «ляхофиловъ», — упрекъ,

безусловно ничѣмъ не заслуженный товариществомъ, котораго устава не захотѣло и утвердить польское намѣстничество. Вѣроятно, это, по галицкимъ обстоятельствамъ очень чувствительное, оскорбленіе подало поводъ краковскому обществу «Oswiata» и львовскому «Przyjaciol oswiaty ludowej» предложить «Просвітѣ» соединить свою дѣятельность съ дѣятельностью польскихъ обществъ. Разумѣется, «Просвіта» отказалась отъ этихъ предложеній, предпочитая сохранять полную самостоятельность, хотя бы и при скудныхъ средствахъ. Съ такимъ же тактомъ новое товарищество отнеслось и къ вопросамъ, раздѣляющимъ между собою русиновъ, и показало для галицкаго общества даже удивительное безпристрастіе, заявивъ, что будетъ употреблять въ изданіяхъ для сельскихъ школъ и первоначальнаго чтенія такъ называемое «историческое» правописаніе, а въ изданіяхъ научныхъ, по желанію авторовъ, историческую или фонетическую. Кромѣ того, «Просвіта» неоднократно заявляла желаніе вести дѣло изданія первоначальныхъ книгъ въ согласіи съ членами партіи «старыхъ» русиновъ, изъ коихъ г. Наумовичъ сначала и принималъ участіе въ изданіяхъ «Просвіты». Однакожъ болѣе никто изъ «старыхъ» не принялъ участія въ этихъ изданіяхъ, и даже въ ихъ собраніяхъ товарищество обзывалось измѣнническимъ. Между тѣмъ оно сдѣлало въ короткое время и съ небольшими средствами столько для первоначальнаго народнаго чтенія и для школъ русскихъ вообще, какъ ни одно изъ старыхъ обществъ, гораздо болѣе богатыхъ, какъ, напр., «Матица» или «Институтъ Ставропигіальный», главная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ имѣетъ русскую типографію, до настоящаго года единственную во Львовѣ. Для сельскаго чтенія «Просвіта» издаетъ, кромѣ календарей, еще небольшіе сборнички подъ названіемъ «Зоря», какихъ съ 1869 г. вышло шесть книжекъ. Книжки эти заключаютъ житія святыхъ, болѣе чтимыхъ въ народѣ (Николая, Пантелеймона), разсказы изъ физической географіи, мѣстной исторіи и географіи, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ животныхъ, объ удобреніи, народныя сказки, стихи и т. п. Можно пожелать бо́льшей систематичности состава книжекъ, по крайней мѣрѣ, бо́льшей послѣдовательности и связи одной съ другою въ статьяхъ научныхъ, меньше благодушества въ литературныхъ, и бо́льшей разборчивости въ выборѣ вещей изъ народной же словес-

ности. Такъ, напр., въ одной изъ книжекъ перепечатаны изъ записокъ о Южной Руси повѣрья «объ умершихъ», разсказанныя очень хорошимъ языкомъ, однакожъ гораздо болѣе умѣстныя въ этнографическомъ, чѣмъ въ педагогическомъ изданіи, потому что все-таки вѣдь это «суевѣрія», хотя бы и «не лишенныя поэзіи», но не вяжущіяся съ разсказами изъ физики и естественной исторіи. Кромѣ календарей и «Зори», «Просвіта» издала не лишенный юмора разсказъ о приключеніяхъ пары крестьянъ на ярмаркѣ и очень любопытную брошюру г. Качалы «Що нас губитъ и що нам помогти може?» о пьянствѣ и пропинаціи. Количество обыкновенно печатаемыхъ «Просвітою» экземпляровъ бываетъ 2—3.000. Товарищество постепенно открываетъ въ провинціальныхъ городахъ свои отдѣленія и агенціи, и въ настоящемъ году уже имѣло 246 членовъ и болѣе 2.600 гульденовъ приходу, да на 4.878 гульденовъ книгъ. Къ этому имуществу, какъ мы видѣли, въ прошломъ году комиссія сейма должна была прибавить и годовую субсидію въ 1.000 гульденовъ. Только библіотека товарищества не можетъ похвалиться богатствомъ, имѣя всего 126 сочиненій. Въ распоряженіе товарищества начинаютъ поступать пожертвованія на литературныя цѣли и на стипендіи учащимся; товарищество открываетъ отъ себя подписку на стипендіи, напр., на стипендію Шевченка. Въ предѣлахъ своего предмета товарищество начинаетъ выступать и въ политикѣ: такъ, въ этомъ году оно подало министерству петицію объ учрежденіи въ Львовскомъ университетѣ каѳедры русской исторіи (будетъ читать въ зимнемъ семестрѣ проф. Шараневичъ), объ учрежденіи третьей инспекціи для народныхъ школъ, спеціально русинскихъ, и объ исполненіи распоряженія министерскаго, о введеніи русскаго языка въ смѣшанныя семинаріи, и семейной комиссіи, о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ V классѣ львовской русской гимназіи. Для введенія въ гимназіи преподаванія на русскомъ языкѣ товарищество «Просвіта» оказало самыя серьезныя услуги. До сихъ поръ всякаго рода министерскія распоряженія и петиціи русинскихъ депутатовъ о введеніи русскаго языка въ гимназіи не могли принести плодовъ по той простой причинѣ, что не было русскихъ учебниковъ, такъ что, если, напр., прежде 1867 г. галицкія гимназіи не были, какъ говорится, такъ ополячены, какъ послѣ этого года, такъ это не столько

потому, что онѣ были русскія, сколько потому, что онѣ были нѣмецкія. Поэтому нечего удивляться, что всякаго рода реклamаціи русиновъ о предоставленіи имъ полныхъ гимназій не могли получать удовлетворенія, пока они не наготовили учебниковъ для этихъ гимназій. Вотъ «Просвіта» и взялась за это дѣло, и выдала сначала Хрестоматіи для упражненій въ русскомъ языкѣ учениковъ I—IV классовъ русской гимназіи и русскихъ ученикovъ въ другихъ (Руска Читанка для низших клас середних школ. Часть I. 1871, ред. Романчука. Часть II. 1871, ред. Партицкаго), и преподаванія исторіи русинской литературы ученикамъ высшихъ классовъ, V—VIII (Руска Читанка для высшои гимназіи, I—III. 1870—1871, ред. Ал. Барвинскаго). Хрестоматіи состоятъ изъ отрывковъ изъ малорусскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго, и галицкихъ, начиная съ Марк. Шашкевича, и изъ народной южно-русской словесности, а Хрестоматіи г. Барвинскаго имѣютъ и историко-критическія примѣчанія о писателяхъ. Эти Хрестоматіи имѣютъ двойное значеніе, такъ какъ въ семействахъ учениковъ, особенно въ селахъ, онѣ часто составляютъ единственное чтеніе особенно для женщинъ. Въ послѣднихъ своихъ собраніяхъ комитетъ «Просвіты» объявилъ, что онъ уже имѣетъ оригинальные и переводные курсы ариѳметики, геометріи, географіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, грамматики отечественной, греческой и нѣмецкой, исторіи всеобщей, частію уже одобренныхъ школьнымъ совѣтомъ (18 книгъ), частію представленныхъ или долженствующихъ быть представленными къ одобренію.

Рядомъ съ изданіями «Просвіты» для сельскаго чтенія надо помянуть изданія, которыя почти всецѣло принадлежатъ одному человѣку, сначала также принимавшему участіе въ изданіяхъ «Просвіты», но теперь, кажется, совершенно удалившемуся отъ общества. Лицо это — г. Наумовичъ, который издаетъ въ маленькомъ городѣ Коломіи народную газету «Русская Рада», выходящую въ мѣсяцъ два раза, нумерами въ 1 небольшой печатный листъ (цѣна 3 гульдена въ годъ), и ежемѣсячный журналъ «Наука» въ 3 печатныхъ листа (цѣна 4 гульдена въ годъ) и, кромѣ того, обѣщаетъ выпустить въ годъ 6 небольшихъ книжечекъ, подъ названіемъ «Читальня» (1 гульденъ 50 крейцеровъ). Такимъ образомъ, въ особенности, если взять во вниманіе, что г. Наумовичъ не разъ уже прини-

мался за изданіе народныхъ журналовъ, надо сказать, что не только никакое другое лицо, но и никакое другое учрежденіе и общество въ Галиціи не работаетъ столько для популярной литературы, какъ г. Наумовичъ, съ которымъ теперь раздѣляетъ труды г. Бѣлоусъ, хотя и находится въ почетномъ изгнаніи, директоръ гимназіи въ чисто-польской Бохнѣ. Вообще г. Наумовичъ — одна изъ самыхъ энергическихъ и талантливыхъ личностей русскаго общества въ Галиціи, и нельзя не найти счастливою его мысль написать свою автобіографію, которую онъ началъ печатать въ «Наукѣ» и съ которою въ свое время можетъ познакомиться и наше общество. Г. Наумовичъ вышелъ изъ бѣдности (какъ и г. Бѣлоусъ), прошелъ черезъ нищету самую крайнюю, живетъ и до сихъ поръ въ бѣдности, какъ сельскій священникъ (только этимъ лѣтомъ онъ получилъ приходъ, который, кажется, обезпечитъ ему безбѣдное существованіе). Но въ теченіе всей своей жизни онъ не переставалъ самымъ усерднымъ образомъ работать, преимущественно на пользу сельскаго люда, какъ священникъ, депутатъ въ сеймѣ, издатель самыхъ разнообразныхъ статей и газетъ, организаторъ хозяйственныхъ обществъ, подаватель совѣтовъ и т. п. И что, признаемся, довольно рѣдко въ краѣ, гдѣ система семинарскаго воспитанія забивала, а не развивала людей, во всемъ, что дѣлалъ и писалъ г. Наумовичъ, видно не только усердіе, но и талантъ, который чувствуется и въ самомъ лицѣ его, весьма интеллигентномъ, и въ языкѣ, которымъ онъ пишетъ. Но именно, въ виду несомнѣнной талантливости, энергіи, горячей любви къ народу и безкорыстія г. Наумовича, становится тѣмъ болѣе досадно за ту школу, которую прошелъ онъ и которая заковала его міросозерцаніе въ узкія рамки семинарщины *).

---

*) Наумовичъ, Іоаннъ Григорьевичъ, род. въ 1826 г., ум. въ 1891 г. Въ 1882 году противъ него былъ возбужденъ процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, окончившійся осужденіемъ его къ 8 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за „смущеніе общественнаго спокойствія“. (См. Драгомановъ, „Собраніе политическихъ сочиненій“, т. II, Парижъ, 1906, стр. 626—638 „Процессъ постыдный во всѣхъ отношеніяхъ“. Эта статья будетъ напечатана въ четвертомъ томѣ нашего изданія). Одновременно его духовное начальство возбудило противъ него обвиненіе въ склонности къ православію, и папа отлучилъ его отъ церкви. Тогда въ 1885 году Наумовичъ присоединился къ православію и переселился въ Кіевъ. Но здѣсь ему, повидимому, пришлось

Философія всѣхъ вышеупомянутыхъ изданій г. Наумовича весьма несложна. Въ религіозномъ и національномъ отношеніи о. Наумовичъ высказывается самымъ отъявленнымъ фанатикомъ: жиды и поляки у него — прежде всего враги русской вѣры, потомъ народности, и, наконецъ, экономическіе эксплуататоры (противъ сего послѣдняго, конечно, никто и спорить не станетъ). Когда начитаешься у г. Наумовича его рѣзкихъ фразъ противъ жидовъ, какъ нехристей, то какъ-то странно становится вдругъ встрѣтить въ извѣстіяхъ его газеты слова: «какіе-то бездушники» зарѣзали семейство еврея-шинкаря такого-то, и затѣмъ восклицаніе: «Господи! чего только не дѣлается на свѣтѣ». Возрастаніе числа преступленій г. Наумовичъ объясняетъ дозволеніемъ торга въ праздничные дни; по его словамъ, въ Англіи оттого и цивилизація и благосостояніе стоятъ высоко, что въ праздничные дни закрыты и лавки и театры и т. п. Онъ объявляетъ даже, что свобода вѣроисповѣданія введена въ Галиціи преждевременно, и чуть ли не желаетъ предоставленія духовенству судебно-распорядительныхъ правъ. Плохое положеніе, въ которомъ теперь находится народъ галицкій, о. Наумовичъ объясняетъ тѣмъ, что «мы правдивыхъ добродѣевъ панъ-отцевъ не слухаемъ», хотя самъ же не разъ говоритъ о такихъ панъ-отцахъ, которые держатъ сторону помѣщиковъ-поляковъ и думаютъ больше о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о русскомъ народѣ и народности. Часто поставляя русскому народу въ примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, г. Наумовичъ на первый планъ выдвигаетъ то обстоятельство, что колонисты, первое дѣло (?), назначаютъ хорошее жалованье пастору. Само собою разумѣется, что о «владыкахъ» и «митрополитѣ» г. Наумовичъ говоритъ, какъ объ истинныхъ святыхъ отцахъ народа, хотя послѣдніе владыки галицкіе въ этомъ отношеніи очень сомнительны. Изданное въ Вѣнѣ евангеліе на народномъ языкѣ не нравится журналу г. Наумовича, который говоритъ, что для такого дѣла надо епископа, что издатели перевода поступаютъ какъ «лютры и кальвины»,

---

пережить глубокое разочарованіе въ идеализируемыхъ имъ Россіи и русскихъ порядкахъ. Сперва онъ былъ назначенъ миссіонеромъ для внутренней миссіи, но затѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ мѣсто деревенскаго священника. Изъ его трудовъ этого періода нужно отмѣтить: „Историческій очеркъ уніи“, Кіевъ, 1889 г., и „Червонная Русь ея прошлое и настоящее“. Кіевъ, 1890 г.
Прим. ред.

а потому переводъ ихъ «цѣлкомъ геретиченъ» и «клятъ», и кто его купилъ, долженъ сжечь и т. д. Въ рѣчи о полякахъ у г. Наумовича видно не только совершенно справедливое негодованіе на непризнаніе ими правъ русскаго народа и народности, но и принципіальное отрицаніе правъ поляковъ и ихъ національныхъ стремленій, доходящее до одобренія нѣмецкой централистической партіи, тѣмъ болѣе страннаго, что самъ же онъ передаетъ факты, какъ не добромъ ложилось на русскій народъ и господство нѣмцевъ въ прежней Австріи. Мы, конечно, не станемъ отрицать, что гражданская борьба и защита русскаго народа въ Галиціи противъ давящихъ его поляковъ и жидовъ составляетъ обязанность русскаго патріота, и что пробужденіе въ тамошнихъ массахъ народнаго и національнаго самосознанія есть первая основа для возбужденія въ народѣ стремленія къ самоорганизаціи съ цѣлью самозащиты. Но только эту гражданскую борьбу надо бы вести, для избѣжанія упрековъ въ такой же несправедливости, въ какой мы обвиняемъ поляковъ и жидовъ, подъ другими, болѣе «человѣческими» знаменами, чѣмъ религіозный и національный фанатизмъ. Этотъ фанатизмъ особенно неудобенъ потому, что вѣдь такъ или иначе, а русскому народу въ Галиціи все же придется вести дѣло и жить съ иновѣрцами и людьми другой національности. Притомъ факты, которые приводятся въ самыхъ же изданіяхъ г. Наумовича, напр., сочувственный его полезной практической дѣятельности адресъ, подписанный и «латинцами», какъ и русскими поселянами и мѣщанами, показываютъ, что согласное житье и работа для народа и человѣка возможна въ Галиціи и для людей разныхъ вѣръ и національностей. А потому, защищая человѣческія права русскаго народа и народности, не лучше ли стараться ослаблять національныя и религіозныя ненависти, чѣмъ усиливать ихъ? Мы понимаемъ также, что при конституціонной борьбѣ необходимо входить въ соглашенія съ разными политическими силами, но нѣтъ никакой надобности, въ конституціонномъ государствѣ, безусловно полагаться на кого бы то ни было, и, наоборотъ, необходимо возбуждать въ народѣ идею самоуваженія и независимости. Поэтому тотъ языкъ, какимъ говорятъ изданія г. Наумовича о вѣнскихъ высокихъ сферахъ, кажется намъ болѣе идолопоклонническимъ, чѣмъ политическимъ; надежды же на нѣмецкіе централисти-

ческіе элементы и министерства пора бы уже давно бросить серьезнымъ галицкимъ патріотамъ, въ особенности такимъ, какъ г. Наумовичъ. Этотъ идолопоклонническій языкъ и эти надежды тѣмъ болѣе странны, чѣмъ чаще въ Австріи мѣняются вѣтры въ высшихъ сферахъ и падаютъ министерства, изъ коихъ каждое навязываетъ и коронѣ свои идеи и планы. Благодаря этому, г. Наумовичу приходится такъ часто противорѣчить себѣ, что посторонній наблюдатель долженъ заподозрить его или въ недогадливости, или въ неискренности, такъ какъ въ одномъ нумерѣ читаемъ, что «найяснѣйшій монарха, нашъ батько, щобы въ здоровлю та щастю панували многая лѣтъ, растягнули свою доброту» и «рады всѣ народы ущастливѣти», для чего и дали нынѣ дѣйствующую конституцію (которая, однакожъ, не очень-то благопріятна русскому народу), а черезъ два-три нумера читаемъ, что «найяснѣйшій монарха хотятъ» утвердить польскую резолюцію, еще болѣе невыгодную для русиновъ.

Отношенія изданій г. Наумовича къ русской народности и землѣ, въ настоящемъ и прошломъ, весьма наивны, равно какъ и его философія русской исторіи, а слѣдовательно, и политическіе идеалы, которые онъ проповѣдуетъ галицкому народу. «Наша земля самая лучшая въ свѣтѣ» — на эту фразу то и дѣло натыкаешься въ изданіяхъ г. Наумовича. Вотъ, напр., начало одной изъ статей «Русской Рады»: «Колись мы були славнымъ народомъ (въ другомъ мѣстѣ «самымъ сильнымъ народомъ въ свѣтѣ») и не було богатшого краю, якъ нашъ русскій край. За нашу пшеничку, за наше житце, за наши волы плыло давными часами золото и срѣбро до насъ зъ цѣлого свѣта. Оу князей нашихъ, оу бояръ (газета г. Наумовича печатается пополамъ церковнымъ шрифтомъ, пополамъ гражданкою) нашихъ були неизмѣреннѝ богатства и люде наши не були бѣднѝ, бо хоть всяко бувало, но каждый русинъ бувъ тогды якъ не купцемъ, то земледѣльцемъ, а земля русска така, що въ свѣтѣ рôвной ей нема. Теперь свѣтъ перевернулся. Тамтѝ народы збогатѣли, а мы збѣднѣли. Чому мы збѣднѣли? Бо земля наша русска оупала подъ Польщу, а Польща знала, що Русь велика и красна, такъ що з нею робити? Треба ю спольщити. И таке зробилося, що наслали на бояръ русскихъ ксендзôвъ, іезуитôвъ... Такъ нашъ русскій нарôдъ теперь не мае своихъ панôвъ, а чужихъ, що не его

языкомъ говорятъ, а брыдятся его языка, що не таки молитвы мовлятъ ôнъ, а свои окремнû, що вразъ з нимъ не идутъ до церкви, вразъ зъ нимъ не святкуютъ свята, що зъ нашого русскаго краю не дивляться на Русь, но на Варшаву, а ради бы, щобы зъ Руси зробилася Польща, що бы русске письмо и русскій языкъ перейшовъ на польскій. Инакше оу другихъ народôвъ, и для того други народы щастливû, бо тамъ и панъ, и мужикъ, и мѣщанинъ, и ремêсникъ все якъ Нѣмцѣ, то Нѣмцѣ, якъ Чехи, то Чехи (?), якъ Италіяне, то Италіяне, якъ Французы, то Французы»... Не думая нисколько отрицать, какъ неблагопріятно для развитія и среди высшихъ классовъ партіи съ общенароднымъ направленіемъ такое національное и религіозное различіе, какое существуетъ между аристократіей и народомъ въ Галиціи, все же нельзя не улыбнуться, читая эти наивныя строки. Какой выводъ, примѣнительно къ политикѣ, можетъ вывести послушный читатель газеты г. Наумовича, а особливо галицкій селянинъ? Тотъ, что для возстановленія утеряннаго рая надо откуда-нибудь набрать пановъ въ Галиціи, которые бы праздновали одно «свято» съ русскимъ народомъ? Только гдѣ жъ ихъ взять? А если негдѣ, то не поискать ли другихъ средствъ для улучшенія положенія народа русскаго, чѣмъ сѣтованія о тѣхъ временахъ, когда русскимъ князьямъ и боярамъ плыло золото, если только точно плыло оно когда-нибудь въ такомъ количествѣ, какъ мерещится г. Наумовичу.

Мы уже говорили, что г. Наумовичъ въ 1867 году присоединился къ тѣмъ изъ «старыхъ» русиновъ, которые сочли политичнымъ, для противодѣйствія усиленію поляковъ въ Галиціи, обратиться къ Россіи. Разумѣется, что въ своихъ изданіяхъ г. Наумовичъ охотно разсказываетъ галицкому народу о Россіи. Но разумѣется, что выборъ предметовъ для этихъ разсказовъ, а равно и общій характеръ отношенія г. Наумовича къ Россіи вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру выписанныхъ выше строкъ. Такъ, г. Наумовичъ объявляетъ, что какъ «великъ русскій народъ, такъ велики и его колокола», и восторженно говоритъ о московскихъ колоколахъ. Такъ какъ Россія имѣетъ и теперь русскихъ бояръ, то она изображается г. Наумовичемъ такими же райскими красками, какъ и древняя галицкая Русь, даже безъ прибавленія словъ: «всяко бываетъ». «Въ Россіи,—по словамъ г. Наумовича,—и вельможи,

и селяне, и солдаты живутъ, какъ братья»; русскую крестьянскую избу г. Наумовичъ описываетъ, какъ нѣчто лучшее, чѣмъ даже сельскіе дома фермеровъ въ Англіи или крестьянъ-собственниковъ въ Норвегіи. «Отъ якбысьте заѣхали въ Россію,— говоритъ одна статья въ «Наукѣ»,— и якбысьте пустилися въ край глубше, то чѣмъ близше до Москвы, тѣмъ богатшій народъ, и села дуже краснû и богатû. Хаты великû, выгоднû, а що деревянни, то теплû, бо тамъ красний край и лѣса достаткомъ и тамъ нема жидôвъ, а вся торговля, всѣ маетки суть въ рукахъ народа. Въ хатахъ въ серединѣ тамъ такъ, якъ у насъ въ паньскихъ покояхъ, особенно суть тамъ прекраснû образа вызолочованû, и каждый, кто вступитъ до хаты, закимъ еще поздоровитъ домашнихъ, на передъ поклоняется образамъ. Що край, то обычай».

Что край, то обычай! скажемъ и мы. У насъ, напр., всякій, кто прочитаетъ эти строки въ журналѣ г. Наумовича, разсмѣется и воскликнетъ: «дай Богъ намъ устами галицкаго писателя медъ пить!» У насъ врядъ ли кто пойметъ, для чего могутъ быть нужны и полезны такого рода описанія, не соотвѣтствующія дѣйствительности нигдѣ, а особенно въ странѣ, гдѣ большинство сельскаго люда живетъ въ курныхъ избахъ.

Если мы прибавимъ къ помянутымъ чертамъ писаній г. Наумовича еще весьма наивное восхваленіе «своихъ», то исчерпаемъ почти всѣ черты «старосвѣтскости» этихъ писаній, общія большинству галицкой литературы. Но если такимъ образомъ философская сторона изданій г. Наумовича въ нашемъ читателѣ, воспитанномъ въ идеяхъ нашего времени, можетъ возбудить только улыбку, а галицкому народу мало даетъ идей, которыхъ бы и онъ самъ не имѣлъ по преданію, мало способна дать твердыя руководящія начала политикѣ народной, то аналитическая сторона писаній г. Наумовича не можетъ не возбуждать интереса и сочувствія, не можетъ не приносить пользы народу. Тѣ сельско-хозяйственныя наставленія (медицина г. Наумовича, впрочемъ, страдаетъ гомеопатіей), разсужденія о шинкахъ, о школахъ, читальняхъ, кассахъ, выборахъ и т. п. практическихъ нуждахъ народа, осмѣяніе и обличеніе пьянства, лѣни и другихъ пороковъ, заѣдающихъ нашего крестьянина, хроника замѣчательныхъ случаевъ въ жизни края и народа,— все это излагается у г. Наумовича живо (можно возразить развѣ противъ злоупотребленія діалоги-

ческой формой) и должно приносить не малую пользу народу. То же надо сказать и о статьяхъ, популяризирующихъ свѣдѣнія изъ географіи, исторіи (гдѣ, впрочемъ, можно бы поменьше говорить о разныхъ князьяхъ и князькахъ) и даже изъ церковной исторіи и житій святыхъ. Отдѣлъ корреспонденціи, въ коей попадаются и поздравительственные стихи, присылаемые г. Наумовичу его подписчиками-крестьянами и мѣщанами, показываетъ, что между издателемъ и его публикою существуетъ живая связь и взаимное сочувствіе, которое облегчается, быть-можетъ, и тѣмъ, что по основнымъ началамъ міровоззрѣнія издатель самъ не очень высоко стоитъ надъ своею публикою. Живости и вліянію журналовъ г. Наумовича способствуетъ живость языка, который у г. Наумовича почти чисто мѣстный народный, чуть кое-гдѣ тронутый церковнославянизмами, полонизмами и латинизмами. Вообще языкъ изданій г. Наумовича, именно по своей близости къ народному,—одна изъ самыхъ русскихъ, чистыхъ и живыхъ рѣчей, какія мы встрѣчаемъ въ галицкой литературѣ. То же надо сказать и о складѣ стихотвореній, принадлежащихъ какъ лично г. Наумовичу (который написалъ даже нѣчто въ родѣ поэмы въ обличеніе пьянства), такъ и его крестьянамъ-корреспондентамъ: эти стихотворенія не Богъ знаетъ какого высокаго поэтическаго значенія, но, по крайней мѣрѣ, они удобопонятны и чужды той мертвечины и реторическаго безобразія, какимъ отличается галицкая лирика и эпика, особенно недавно-прошедшаго времени, благодаря именно своей близости къ народнымъ пѣснямъ и полународнымъ виршамъ. Вообще, какъ въ языкѣ изданій г. Наумовича, такъ и въ пріемахъ стихотвореній его и его сотрудниковъ и корреспондентовъ, видно, что, volens-nolens, сознательно или безсознательно, они подчинились вліянію такъ называемой «хлопоманіи», вліянію Шевченка и другихъ малорусскихъ писателей, благодаря чему на практикѣ г. Наумовичъ и его сотрудники являются «народовцами» и украинофилами, часто даже въ бóльшей степени, чѣмъ тѣ, кто самъ себя причисляетъ къ этому направленію, хотя въ теоріи г. Наумовичъ и принадлежитъ скорѣе къ «старой» клерикальной, чѣмъ къ новой, народной партіи. Фактъ очень любопытный, который показываетъ, какъ практическая дѣятельность для народа и сила естественныхъ законовъ развитія общественнаго и литературнаго, подъ вліяніемъ

демократическихъ идей времени, дѣлаетъ все болѣе и болѣе невозможнымъ для живыхъ людей вѣрность мертвому «рутенизму» старой галицкой партіи, какія бы онъ формулы ни принималъ.

Мы знаемъ, что найдутся у насъ люди, которые именно въ энергіи товарищества «Просвіта», въ какіе-нибудь три года приготовившаго курсы для гимназіи и учительскихъ семинарій,— дѣло, на которое не собрались галицкіе дѣятели стараго поколѣнія съ самаго 1848 г., усмотрятъ основанія къ осужденію этого товарищества. Они скажутъ, что товарищество работаетъ надъ раздѣленіемъ литературы русскихъ племенъ, приготовляя книги не только для элементарнаго образованія и чтенія простолюдиновъ, но и для получающихъ среднее и высшее образованіе,— книги, особыя отъ тѣхъ, какія употребляются у насъ въ Россіи, а по особенному родству народа и языка галицкаго съ нашимъ южно-русскимъ населеніемъ, уготовляетъ, такимъ образомъ, литературный «сепаратизмъ» не только для галицко-русскаго, но и для южно-русскаго населенія вообще. У насъ, кромѣ людей, безусловно неодобряющихъ всякую попытку писать иначе, какъ на господствующемъ въ Россіи литературномъ нарѣчіи, есть и такіе, которые дозволяютъ писать на разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ стихи, повѣсти, пожалуй, даже книги для сельскаго чтенія, но не дальше. Такъ, напр., во время пресловутаго спора о галицкой и украинской словесности, г. Вл. Ламанскій, который вообще не одобряетъ слишкомъ строгаго великорусскаго централизма въ литературѣ, высказался за необходимость и пользу особой малорусской, а особенно галицкой словесности, но въ то же время высказалъ (въ газетѣ «День» 1862 г.), что языкомъ высшаго образованія въ Галиціи «можетъ и долженъ быть только нашъ литературный языкъ».

Чтобъ уяснить себѣ правильную точку зрѣнія на пользу или вредъ дѣятельности галицкихъ писателей по части заготовленія популярныхъ и учебныхъ книгъ, мы должны оставить всякія апріорныя воззрѣнія и посмотрѣть на дѣло прежде всего съ точки зрѣнія интересовъ галицкаго общества и народа въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они находятся теперь. Посмотрѣвъ же на это общество и этотъ народъ, мы прежде всего увидимъ, что въ Галиціи ни народъ ни общество не могутъ относиться къ нашему литературному языку, какъ

къ родному, по той простой причинѣ, что они не участвовали въ выработкѣ его, не слыхали его и не слышатъ въ обыденной жизни. Галиція отдѣлилась отъ насъ раньше, чѣмъ образовался нашъ литературный языкъ, и притомъ преимущественно на подкладкѣ нарѣчія великорусскаго (мы считаемъ основателями литературнаго языка Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина,—Гоголь былъ реформаторомъ направленія нашей литературы, но не учителемъ языка). Въ Европѣ это не единственный примѣръ: голландцы, по ученой этнографической классификаціи, причисляются къ нижне-нѣмецкому племени, однакожъ никто не видитъ ничего неестественнаго въ томъ, что у нихъ въ школахъ учатъ не на нарѣчіи Шиллера и Гёте, на которомъ учатъ въ нижней Германіи. Что массу народа въ Галиціи невозможно съ успѣхомъ учить по книгамъ, по какимъ учатъ во Владимирской губерніи, это въ Галиціи сознаютъ и высказываютъ и тѣ, кто настаиваетъ на необходимости литературнаго единства съ Россіей. Объ этомъ въ Галиціи и не спорятъ. Значитъ, и мы можемъ считать вопросъ о книгахъ на галицкомъ народномъ нарѣчіи для первоначальнаго народнаго образованія и чтенія съ галицкой точки зрѣнія порѣшеннымъ, а другой точки зрѣнія мы не имѣемъ права имѣть на галицкія, все-таки чужія намъ дѣла.

Перейдемъ теперь къ учебникамъ для среднихъ и высшихъ школъ. Изъ примѣровъ, какъ пишутъ даже тѣ галицкіе писатели, которыхъ у насъ и въ Галиціи считаютъ москвофилами, видно, что и въ стоящемъ выше простолюдиновъ обществѣ Галиціи не умѣютъ говорить и писать на нашемъ литературномъ языкѣ, а это уже одно дѣлаетъ тамъ обученіе по нашимъ учебникамъ по меньшей мѣрѣ затруднительнымъ. Къ этому надо прибавить, что мѣстныя обстоятельства, цѣли и уставы школъ у насъ и въ Австріи настолько имѣютъ отличій, что и по содержанію нельзя было бы безъ измѣненій преподавать въ Галиціи по тѣмъ же учебникамъ, по какимъ преподаютъ у насъ. Вѣдь не намъ же составлять учебники для Галиціи, а предоставивъ это дѣло галицкимъ литераторамъ и педагогамъ, надо быть готовымъ къ тому, что тѣ изъ нихъ, которые по языку постараются наиболѣе приблизиться къ нашему литературному, напишутъ такъ, какъ написанъ «Буй-Туръ Всеволодъ», т.-е. напишутъ языкомъ и не нашимъ, и

въ то же время все-таки далекимъ отъ ежедневнаго галицкаго. Кто жъ при этомъ останется въ выигрышѣ? Слѣдуетъ прибавить, что ни австрійское центральное правительство ни галицко-польское мѣстное не допустятъ преподаванія въ галицкихъ школахъ по нашимъ учебникамъ, а слѣдовательно, кто противъ мѣстныхъ галицкихъ учебниковъ, тотъ просто желаетъ, чтобы галицко-русское юношество учили не иначе, какъ по польскимъ и нѣмецкимъ книгамъ, впредь, пока Галицію не завоюетъ Россія, а этого скоро не предвидится. Но желанный ли это результатъ для того, кто хочетъ возрожденія русскаго элемента въ Галиціи даже въ видахъ единенія русскихъ племенъ въ Австріи и въ Россіи? Не болѣе ли согласно съ видами этого возрожденія и даже единенія желаніе, чтобы группа мѣстныхъ галицко-русскихъ дѣятелей осуществила мысль составить учебники на языкѣ, наиболѣе подходящемъ къ языку массы галицко-русскаго народа, который не можетъ же не быть признанъ русскимъ, въ особенности со стороны того, кто говоритъ о близости между всѣми частями русскаго племени? Притомъ эти учебники по необходимости составляются и должны быть составлены подъ вліяніемъ нашего украинскаго языка и языка украинскихъ писателей, еще болѣе родственнаго и нашему литературному, а также по идеямъ нашихъ украинскихъ писателей, которые все-таки порожденіе нашего процесса общественнаго развитія. Что бы ни было въ будущемъ, а въ настоящее время мы считаемъ, что даже съ самой строгой «москвофильской» точки зрѣнія, члены товарищества «Просвіта» дѣлаютъ достойное благодарности всѣхъ русскихъ племенъ дѣло, если задались мыслью составить учебники для Галиціи въ наиболѣе приноровленной къ мѣстнымъ условіямъ формѣ и на языкѣ, наиболѣе приближенномъ къ мѣстному народному языку. Сольются ли литературы въ Россіи и у русскихъ въ Австріи въ одну, или галичане останутся въ такомъ отношеніи къ Россіи, какъ голландцы къ Германіи, или жизнь породитъ какое-нибудь третье явленіе, но по иниціативѣ товарищества «Просвіта» мы будемъ имѣть въ Галиціи народъ и общество образованное, и образованное по-своему, т.-е. по-русски, а это — самое главное какъ съ гуманной, такъ и съ русской точки зрѣнія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сочиненія Шевченка и друзей его возбудили и въ Галиціи тотъ энтузіазмъ къ простонародью, который у насъ соотвѣтствовалъ времени проектовъ объ эмансипаціи крестьянъ, и ту оппозицію противъ польскихъ притязаній съ чисто народной, а не «исторической» только точки зрѣнія, — оппозицію, которой смыслъ впослѣдствіи затемнился у насъ въ наступившія времена «обрусенія». А безъ энтузіазма къ народнымъ массамъ, безъ радикальнаго отрицанія принципа «историческаго», т.-е. завоевательнаго права въ народныхъ отношеніяхъ, какую бы почву имѣлъ русскій патріотизмъ въ Галиціи? Сначала въ спорахъ съ поляками, а потомъ съ своими «рутенцами» разныхъ оттѣнковъ, галицкіе литераторы народнаго направленія обратились за данными о языкѣ, бытѣ и исторіи галицкаго и южно-русскаго народа вообще къ литературѣ и наукѣ въ Россіи и нашли ихъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ не только на общемъ въ Россіи литературномъ языкѣ, но и въ трудахъ даже не малоруссовъ по рожденію. Съ 1862 г., въ галицкихъ журналахъ, а особенно съ 1867 г. въ «Правдѣ», мы находимъ перепечатки и переводы или резюме статей не только гг. Костомарова, Максимовича, Котляревскаго, Кулиша, но и гг. П. Лавровскаго, Даля, Гильфердинга, Ешевскаго, Кавелина, Пыпина, Стасова, статей изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы» и т. п. Галицкіе народовцы полемизировали, иногда далеко не съ большимъ достоинствомъ, «съ несытою Москвою», а въ то же время нашли въ Россіи научныя работы по филологіи и исторіи, произведенныя по правиламъ европейской науки, а не по пріемамъ временъ Мелетія Смотрицкаго и не по методамъ той науки, которая, какъ флюгеръ, извивается сообразно дуновеніямъ въ сферахъ министерствъ и кардинальскихъ канцелярій. И, volens-nolens, галицкіе литераторы народной партіи должны отдать справедливость этой наукѣ въ Россіи. Будучи недовольны тѣми перепечатками изъ нашей литературы, которыми ихъ кормили «Слово» и «Боянъ», молодые литераторы галицкіе стали искать въ Россіи болѣе живой литературы, и первый опытъ перевода въ «Правдѣ» одного изъ разсказовъ Щедрина («Два генерала») такъ понравился въ Галиціи, что внесенъ даже въ хрестоматію. Слыша въ послѣднее время въ Вѣнѣ и Львовѣ толки о

единствѣ литературы не только во всѣхъ вѣтвяхъ русскаго племени, но и даже во всемъ славянствѣ, и не видя подъ рукою ни одной порядочной книжки «россійской» (г. Боборыкинъ года полтора назадъ разсказывалъ, какъ онъ въ Вѣнѣ, думая удовлетворить желанію не только чешскихъ, но и галицкихъ студентовъ кружка «Русская Основа», выучиться читать по-русски и ознакомиться съ русской литературой, не нашелъ ни одной книжки изъ сочиненій сколько-нибудь читаемыхъ въ Россіи авторовъ), товарищество галицкихъ студентовъ въ Вѣнѣ «Січь» — кружка народовцевъ — озаботилось пріобрѣсти нѣсколько сочиненій, которыя бы могли дать свѣдѣнія какъ о Малороссіи, такъ и о Россіи вообще, и образцы книгъ для элементарнаго образованія въ Россіи, которыя бы могли быть приняты при составленіи подобныхъ книгъ и для галицкаго народа, такъ какъ за него желаетъ взяться молодежь «Січи». Товарищество пріобрѣло въ 1871 г. монографіи г. Костомарова, труды по исторіи Юго-Западной Россіи кіевской археографической комиссіи, исторію славянскихъ литературъ г. Пыпина, «Новѣйшую русскую литературу» г. Водовозова, сочиненія Гоголя, Тургенева, «Отечествовѣдѣніе» г. Семенова, «Родное Слово» Ушинскаго, книгу для первоначальнаго чтенія г. Водовозова, «Нашъ Другъ» и «Русскую Народную Школу» бар. Корфа, «Русскую Грамоту» г. В. Добровольскаго. Представляя общему собранію членовъ «Січи» отчетъ о пріобрѣтеніи поименованныхъ книгъ, распорядитель отъ имени комитета сказалъ, что комитетъ руководствовался стремленіемъ «прійти къ болѣе широкому взгляду на отношенія между людьми, принадлежащими къ разнымъ общественнымъ группамъ, такъ запутанныя невѣжествомъ и фанатизмомъ, и дѣйствовалъ изъ желанія узнать и уважать честныхъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи и ея прогрессивную словесность, а не ту, которую намъ выдаютъ за русскую и которой не хочетъ знать Россія». Собраніе «признало важность и для галичанъ» такой словесности и журналистики, которая, дѣйствительно, представляетъ лучшія стремленія общества въ Россіи, и въ настоящее время, едва ли въ какомъ-либо славянскомъ кружкѣ молодежи въ Австріи есть такая обильная коллекція книгъ, напечатанныхъ въ Россіи и о Россіи, какую имѣетъ товарищество, носящее столь «неблагонамѣренное» названіе, какъ «Січь».

Болѣе близкое знакомство съ нашею литературою и журналистикою, съ тѣми газетами, которыя представляютъ собою Россію, желающую трудиться надъ своимъ развитіемъ, а не пожинать лавры Марса, исполняя разныя фантастическія миссіи, произвело уже и теперь полезное вліяніе на отношенія къ Россіи среди галицкой народной партіи. Въ новыхъ своихъ №№ «Правда» смѣется надъ тѣми польскими изданіями, которыя желаютъ возбуждать галичанъ противъ Россіи, надъ тѣми пропагандистами, которые разсказываютъ мазурамъ, будто бы «москали съ однимъ глазомъ и ѣдятъ живыхъ дѣтей» (галицкій авторъ говоритъ, что онъ самъ часто слышалъ подобныя вещи, и разъ даже отъ одного бернардина), и высказываетъ, что нѣтъ ничего болѣе гибельнаго для Австріи и въ особенности для населенія Галиціи, польскаго и русскаго, какъ возбужденіе вражды противъ Россіи.

Взаимное знакомство между нами и нашими соплеменниками, распространеніе въ Галиціи свѣдѣній о нашей литературѣ, несомнѣнно, повліяетъ полезно на уменьшеніе разногласій между тамошними партіями даже по вопросу объ отношеніи литературы русской, малорусской и галицко-русской: тѣ, которые стоятъ за особую литературу галицко-малорусскую, увидѣли бы, что бóльшая часть литературныхъ продуктовъ въ Россіи теперь по праву, а не вслѣдствіе какого-то давленія, являются общими Сѣверу и Югу Россіи, потому что выражаютъ собою типы, идеи и интересы общіе всѣмъ племенамъ въ Россіи, и что эта общая въ Россіи литература, въ лицѣ своихъ наиболѣе характерныхъ представителей, всегда сочувственно относилась къ развитію мѣстной словесности, какъ проявленію жизненныхъ потребностей искусства и педагогики, тамъ, гдѣ они не могутъ быть удовлетворены общею въ Россіи литературой, что тѣмъ паче имѣетъ значеніе для Галиціи, какъ страны, не жившей съ нами общею политико-культурною жизнью. Съ другой стороны, тѣ, кто стоитъ въ Галиціи за единство литературы съ Россіей, и кто тамъ возлагаетъ надежды на Россію, увидитъ, что стремленія нашей литературы и пріемы нашего искусства какъ обще-русскаго (Гоголь, Тургеневъ и т. д.), такъ и спеціально великорусскаго (Островскій) и малорусскаго (Шевченко), не имѣютъ ничего общаго съ стремленіями и пріемами временъ Симеона Полоцкаго; что издѣлія въ родѣ «Буй-Тура Всеволода», «Роксо-

ляны» и т. п. могутъ найти себѣ у насъ аналогію развѣ въ «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами»; что для дружбы съ нами не требуется безразличное восхваленіе и того, отъ чего мы сами желаемъ избавиться, и что поддержка заграничными похвалами и симпатіями разнаго рода нашихъ отсталыхъ идей и элементовъ въ обществѣ нашемъ только возбуждаетъ въ лучшихъ представителяхъ его антипатію и къ нашимъ соплеменникамъ, и что, поклоняясь идеямъ и элементамъ «старой» Россіи, наши соплеменники оказываютъ дурную услугу и намъ и самимъ себѣ, такъ какъ оказать имъ хоть нравственную помощь можетъ только Россія развивающаяся, а не застоявшаяся. Мы думаемъ, что, узнавъ истинныя стремленія русской литературы, хоть дѣйствительно искренная часть даже теперешней партіи русскаго единства въ Галиціи обратится къ работѣ надъ своимъ народомъ, воспроизводя его бытъ въ искусствѣ, приближая къ его быту и потребностямъ науку, и образуетъ другую фракцію народной партіи, если обѣ не сойдутся на разумномъ компромиссѣ, предоставивъ неисправимымъ обскурантамъ и мертворожденнымъ «рутенцамъ» «погребать своихъ мертвецовъ».

Такимъ образомъ вслѣдствіе взаимнаго обмѣна мыслей и взаимнаго ознакомленія между разными частями и партіями въ мірѣ русскихъ племенъ можетъ, мы думаемъ, очень легко выработаться единство идей и цѣлей, служба русскому народу, его просвѣщенію, богатству и свободному внутреннему развитію, а вѣдь только такого рода единство существенно и желательно. Стремиться же къ единообразію всѣхъ формъ жизни и средствъ дѣятельности свойственно только ограниченнымъ натурамъ, щедринскимъ Угрюмъ-Бурчеевымъ. Но вѣдь люди такого рода способны не объединять, а только разрушать, и чрезъ то еще больше разъединять [1]).

---

[1]) Въ первой статьѣ нашей упомянуто было о помѣщеніи въ галицкомъ изданіи повѣсти г. Тургенева „Жидъ“. Считаемъ не лишнимъ дополнить сдѣланное нами замѣчаніе другими фактами. Въ недавнее время „Слово“ напечатало въ своихъ фельетонахъ цѣликомъ „Первую Любовь“ Тургенева, а потомъ „Призраки“. Послѣ „Жида“—„Первая любовь“, конечно, большой шагъ впередъ, но все-таки до лучшихъ, совершенно „русскихъ“ вещей Тургенева еще далеко, а перепечатыванье послѣ даже „Первой любви“, „Призраковъ“ показываетъ, что, при всей доброй волѣ, редакція „Слова“ изъ „рутенскихъ“ литературныхъ вкусовъ не скоро выбьется. Въ этомъ мы особенно убѣждаемся, видя, что рядомъ съ разсказами Тургенева печатается

По поводу нашей первой статьи: «Русскіе въ Галиціи», которая, какъ видитъ читатель, находится въ тѣсной связи съ настоящимъ очеркомъ, появилась въ нашей печати до-

---

такая вещь, какъ „Шляхтичъ и мѣщанка. Повѣсть изъ давнѣйшихъ временъ. По нѣмецкому первотвору передѣлана Б. А. Д-мъ". О содержаніи этой повѣсти можно составить понятіе уже по тому, что повѣсть, въ которой дѣйствіе происходитъ на Волыни, передѣлана съ нѣмецкаго, а для образца стиля и языка ея вотъ нѣсколько словъ: „*Одного разу* Роевичъ поѣхалъ съ вельможнымъ паномъ въ *сусѣдній* лѣсъ, на *тетерви, которую-то* ловлю онъ *пристрастно былъ полюбилъ*... Тутъ-то Роевичъ *избился съ тропу* и *стратилъ* изъ виду *такъ* серну, *якъ* и *свого* вельможнаго товарища. Солнце уже зашло, а онъ все еще давалъ знакъ *трубкою,* но не *одерживалъ ніякого* отвѣта, кромѣ *отгомона власной трубки* и т. д.". Прибавимъ, что, судя по весьма прозрачной подписи автора, онъ—авторъ брошюры: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по-великорусски". Между тѣмъ изъ приведенныхъ строкъ видно, что авторъ съ 1866 г., за семь лѣтъ, не только не выучился по-великорусски, но совершенно *„избился"* даже со всякаго славянскаго языка, такъ какъ такую фразу, какъ *„избился съ тропу"* можно услышать развѣ отъ польскаго жида. Очевидно, что галицкій авторъ или учился русскому языку у бердичевскихъ балагулъ, или же, когда онъ пишетъ, то руководится въ сомнительныхъ случаяхъ тѣмъ правиломъ, что какъ-нибудь перековеркай форму, лишь бы не по малорусски, такъ и будетъ по-великорусски. На бѣду, „сбился съ тропы" было бы правильно и по-малорусски и по-великорусски, а „избился съ тропу"—по-бердичевски! Подобныхъ примѣровъ особаго „рутенскаго" языка, выдаваемаго въ Галиціи за „великорусскій" и „общерусскій" и отдаваемаго подъ покровительство нашимъ славянофиламъ, можно бы привести изъ любого № „Слова" сколько угодно. Думаемъ, что „Слово" не можетъ находить вкуса даже въ такого рода русскихъ вещахъ Тургенева, какъ „Призраки", а перепечатало ихъ только, чтобъ не отстать отъ „Правды", которая въ началѣ этого года напечатала переводъ нѣсколькихъ разсказовъ изъ „Записокъ Охотника" съ порядочною характеристикою Тургенева. Жалко, что „Правда" остановилась на этихъ разсказахъ. Знакомство съ лучшими вещами Тургенева, Островскаго, Некрасова и т. п., авось бы помогло и органу „народной" партіи въ Галиціи окончательно излѣчиться отъ „рутенскихъ" литературныхъ вкусовъ, которые заставляютъ и литераторовъ этой партіи писать такія скучныя псевдоисторическія драмы, какъ вышедшая въ 1872 г. „Настася" (дѣйствіе въ XII в.), или какъ напечатанная тогда же въ „Правдѣ" передѣлка въ драму безъ всякой жизни и характеровъ народной пѣсни про Бондарівну, или, еще хуже, передѣлка безъ всякой мѣры въ грубости и безъ всякаго смысла „Укрощенія своенравной" Шекспира,—передѣлка, до которой упалъ самый талантливый галицкій поэтъ Федьковичъ. Изъ Россіи славянскій комитетъ, какъ слышно, высылаетъ въ Галицію русскія книги. Неужто онъ не выслалъ до сихъ поръ Гоголя, Тургенева, Островскаго, Некрасова, Щедрина, Достоевскаго (конечно, не новаго), Рѣшетникова, Бѣлинскаго, Добролюбова? Если выслалъ, то значитъ въ Галиціи ихъ не читаютъ, если могутъ писать такія вещи, какъ „Шляхтичъ и мѣщанка"!

вольно ожесточенная полемика. Конечно, само собою вышло уже такъ, что новый нашъ очеркъ можетъ служить отвѣтомъ на возраженія противъ насъ; но мы считаемъ не лишнимъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы дать и прямой отвѣтъ, не оставляющій никакого сомнѣнія.

Къ намъ обращено «Письмо изъ Львова» въ 167 № «Голоса» и послѣдовавшій за замѣткой редакціи «Вѣстника Европы» о характерѣ этого письма новый отзывъ въ томъ же «Голосѣ» въ № 185. Мы очень рады, что замѣтки наши обратили на себя вниманіе въ Галиціи, такъ какъ мы весьма многое въ этихъ замѣткахъ писали не только для нашей публики, которой могутъ быть интересны развѣ факты изъ галицкой жизни, но которая настолько превосходитъ, конечно, своимъ развитіемъ галицкую, что многія наши разсужденія могли показаться ей слишкомъ банальными и ясными безъ доказательствъ. То, что о нашихъ замѣткахъ отозвались и польскія газеты (Czas и Dziennik Poznański), которыя, принимая, конечно, по-своему, съ удовольствіемъ нашу строгую критику галицко-русскихъ клерикаловъ, въ то же время жалуются на наше «пристрастіе», а также что отозвался г. И. Л—нъ «изъ Львова», все это уменьшаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ вину за ту скуку, которую мы должны были навести на нашу публику «широковѣщательными» разсужденіями по поводу часто лилипутскихъ дѣлъ нашихъ галицкихъ соплеменниковъ, поляковъ и русскихъ, или же дѣлъ хотя и болѣе серьезныхъ, но безъ большого труда разрѣшимыхъ, если только отрѣшиться отъ провинціальнаго, національнаго и кружкового узколобія, губящаго нравственную жизнь этихъ соплеменниковъ.

Признаемся, кромѣ того, что намъ доставила неподдѣльное удовольствіе та злость, съ какою говоритъ о нашихъ замѣткахъ нашъ львовскій возражатель, который усматриваетъ въ нихъ «тонкій ядъ» и «язвительную насмѣшку», коею авторъ ихъ будто бы преслѣдуетъ несимпатичное ему галицко-русское племя! Мы видимъ изъ этихъ словъ, что попали дѣйствительно въ больное мѣсто извѣстныхъ общественныхъ слоевъ галицко-русскаго племени (а все племя цѣликомъ не можетъ быть намъ несимпатично потому, что глупо было бы отказывать въ симпатіи милліонамъ людей, а особенно ближайшихъ нашихъ соплеменниковъ), что мы положили палецъ

на дѣйствительно несимпатичный наростъ на бѣдномъ галицко-русскомъ племени, — наростъ, образовавшійся изъ самыхъ дурныхъ соковъ, развитыхъ неблагопріятной политической и культурной исторіей несчастной Галичины. Но то бурсако-греко-латино-славяно-поляко-австро-угро-рутенское племя, которое вылѣзло наверхъ галицко-русскаго племени, и принимая по временамъ то австро-рутенскую, то русинско-украинскую, то московско-всероссійскую кличку, остается у большинства представителей его болѣе или менѣе наивно обскурантнымъ, а въ крайнихъ своихъ побѣгахъ прямо... *ташкентскимъ*, какъ это начинаютъ понимать уже и въ самой Австріи, и въ самой Галиціи, куда уже успѣлъ проникнуть мѣткій терминъ г. Щедрина.

Спорить намъ съ г. И. Л—нымъ не о чемъ. Все его письмо, несмотря на свой немалый объемъ, и несмотря на то, что онъ общимъ приговоромъ обвинилъ насъ въ незнаніи, искаженіяхъ и т. п., не только не представляетъ ни одного опроверженія противъ переданныхъ нами фактовъ, но является и въ цѣломъ и въ частностяхъ самою лучшею *pièce justificative* для нашихъ выводовъ объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ тѣхъ галицкихъ сферъ, кои взялся защищать нашъ «за-кордонный братъ» — возражатель.

Во-первыхъ, онъ не понялъ ничего, или притворился, что не понялъ ничего во всей нашей статьѣ: въ первомъ случаѣ далъ *testimonium* рутенскаго умственнаго развитія, во второмъ — нравственнаго; а по всему видно, что нашъ «братъ» отличился и по одной части и по другой. Только зачѣмъ же онъ по себѣ судилъ о нашей публикѣ, которой онъ взялся жаловаться на насъ? Вѣдь статьи наши не за горами, а только за пятью-шестью мѣсяцами, и публика наша можетъ отличить черное отъ бѣлаго и даже отъ сѣраго. Г. И. Л—нъ усматриваетъ въ насъ поляка, желающаго подорвать въ глазахъ публики въ Россіи національное галицко-русское возрожденіе, борьбу русиновъ съ поляками, идею братства ихъ съ русскими въ Россіи и т. п.; плачется, что мы совѣтуемъ галичанамъ замирать летаргическимъ сномъ и становиться поляками. Бѣдный г. И. Л—нъ не понялъ, что мы только хотѣли показать фактами, и надѣемся, что показали ясно — злоба г. И. Л—на тому порукою, — что восхваляемые имъ галицко-русскіе «проводирі», по своему умственному и нравственному уровню, не

въ состояніи понять, что ведетъ племя къ вѣрному возрожденію и самоуправленію, не умѣютъ вести борьбы съ польской аристократіей, съ тактомъ и съ яснымъ и съ логичнымъ слѣдованіемъ принципамъ народности; не умѣютъ держать себя съ тактомъ и передъ нѣмецкимъ правительствомъ; не понимаютъ, какъ и съ чѣмъ въ Россіи полезно единеніе галичанъ; не умѣютъ связать себя даже съ собственнымъ народомъ, и, кромѣ того, дѣйствуютъ такъ мало, точно находятся въ самомъ дѣлѣ, если не въ летаргическомъ снѣ, такъ впросонкахъ, совершенно, впрочемъ, естественныхъ при томъ скудномъ образованіи, какое они получаютъ, и при необходимой разобщенности ихъ интересовъ съ живыми интересами дня и самаго ихъ народа. Богъ бы съ ними, съ «проводирями», мы бы сказали съ гоголевскимъ городничимъ: «можетъ-быть, оно тамъ, въ уніатскихъ ставропигіяхъ, такъ и нужно». «Проводирі» и ихъ протеже такъ-сякъ, но все-таки держатся на свѣтѣ, а иные такъ и пользуются кое-чѣмъ то въ Вѣнѣ, то въ Львовѣ, то Питерѣ, Москвѣ и Кіевѣ; а вотъ бѣда, что галицко-русскому народу съ каждымъ днемъ становится все хуже какъ по винѣ, конечно, австро-нѣмцевъ (коимъ теперь вновь поютъ хвалы «проводирі») и поляковъ (съ коими еще въ 1862—1863 гг. нынѣшніе «москвофилы» въ Львовѣ братались и даже иные толковали объ образованіи «казако-русской державы», союзной съ Польшей), такъ и по винѣ самихъ галицкихъ вожаковъ. Вотъ именно съ точки зрѣнія пользъ этого галицко-русскаго народа, который точно нашъ соплеменникъ, точно нашъ, малоруссъ, русскій, и потому забытъ нами быть не можетъ, мы и попробовали критиковать дѣятельность австро-рутенскихъ политиковъ, литераторовъ и вообще интеллигенціи, и не наша вина, если наша критика не вышла мягкой [1]).

---

[1]) Г. И. Л—нъ напрасно, вырывая безъ связи и, слѣдовательно, съ искаженіемъ смысла, наши слова о томъ, что „наши галицкіе соплеменники похожи больше на словаковъ, поляковъ, нѣмцевъ и т. п., чѣмъ на нашихъ малороссовъ“ — поучаетъ насъ этнографіи и филологіи. Мы тамъ же, откуда г. И. Л. вырвалъ это мѣсто, сказали, что говоримъ не о народѣ, а объ австро-рутенской интеллигенціи. Что такое народъ въ Галиціи,—это мы знаемъ и безъ уроковъ г. И. Л—на, коему въ отвѣтъ совѣтуемъ прочитать хоть первыя главы „Исторической Грамматики“ г. Буслаева и послѣднія главы „Ист. Хрестоматіи“ того же автора, или хоть статью о малорусскомъ нарѣчіи такъ восхваляемаго г. И. Л—нымъ г. П. Лавровскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр.

Г. И. Л—нъ и самъ видитъ, что какъ-то наши замѣтки не вяжутся съ его заявленіемъ, будто авторъ ихъ полякъ, враждебный галицко-русскому племени и его возрожденію и сближенію съ Россіей, и потому оговаривается, что мы наговорили противорѣчій и всяческихъ нелогичностей. Такъ-то способенъ онъ понять взгляды, выходящіе изъ узкихъ рамокъ галицкихъ партій и кружковъ польскихъ и русскихъ, которые для насъ, россіянъ, совсѣмъ не обязательны! «Знаемъ мы и это!» — такъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія передъ такимъ новымъ для него отношеніемъ сотрудника россійскаго журнала, нашъ галицкій противникъ: г. М. Т—овъ *) не что иное, какъ ловкій «краковскій іезуитъ»! Ну, конечно! «Вѣдь сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!» — скажемъ мы ему на эту догадку.

Но этимъ не ограничивается нашъ «за-кордонный братъ» въ своемъ усердіи подтвердить наглядно справедливость того, что мы говорили объ австро-рутенской интеллигенціи. Онъ взялся доказать фактическую невѣрность нашихъ сообщеній о Галиціи. Самый тяжелый упрекъ, какой мы дѣлаемъ галицко-русскимъ политикамъ, и упрекъ, какъ чувствуетъ г. И. Л—нъ, очень сильный въ глазахъ нашего общества, заключается въ томъ, что они ничего не сдѣлали для народнаго образованія тогда, когда были въ силѣ у вѣнскихъ централистовъ, и ничего не дѣлаютъ теперь, когда, хотя эти централисты бросили ихъ полякамъ, какъ ничтожную вещь, но когда все-таки возможность работать на пользу народнаго просвѣщенія галичанъ не отнята, несмотря на всѣ препятствія, ибо все-таки существуютъ русскія учено-литературныя общества, и преподаваніе въ народныхъ школахъ въ Восточной Галичинѣ на русскомъ языкѣ осталось не нарушеннымъ. Г. И. Л—нъ думаетъ снять это обвиненіе, сообщивъ, что прежде, во времена Баха, Шмерлинга и т. д., галицкіе клери-

---

(восхваляемаго даже въ ущербъ не только Миклошичу, но — зачѣмъ такая немилость?!—и г. Головацкому). Г. И. Л—въ тогда не напишетъ однимъ духомъ такой фразы: „областные говоры, какъ нарѣчія малорусское, бѣлорусское, повгородское, московское, костромское и проч.“ — которая простительна для галичанина, но за которую у насъ, въ Россіи, могутъ и ученику гимназіи поставить непереводный баллъ изъ русскаго языка и логики. О томъ же, какое значеніе имѣетъ *русская* литература въ Россіи и даже въ Галиціи, г. И. Л—въ да зритъ въ нашей статьѣ, противъ коей онъ полемизируетъ.

*) Псевдонимъ Драгоманова. *Прим. ред.*

калы (которыхъ онъ тутъ и называетъ) открыли до 500 школъ, гдѣ, какъ онъ говоритъ, учили по-русски и по-нѣмецки, но что теперь, когда дѣло народнаго образованія отдано въ руки польской школьной рады, «галицкіе проводирі, конечно, равнодушны къ народному образованію, ибо по ихней логикѣ (а по вашей какъ?), пусть лучше народъ остается въ невѣжествѣ, нежели подвергаться ему въ школѣ глубокой деморализаціи, нравственной и національной». Насколько теперь все-таки не отнята возможность работать для русской народной школы въ Галиціи, мы говорили выше, значитъ, нечего говорить о томъ, какъ похвально то равнодушіе галицкихъ вожаковъ къ народному образованію, которое (равнодушіе) признаетъ и ихъ защитникъ. Нечего, надѣемся, говорить и о томъ, сколько логики въ заботѣ о народной нравственности и предоставленіи народа оставаться въ невѣжествѣ, или сколько смысла въ фразѣ «національная деморализація». Остановимся лучше на 500 школахъ, открытыхъ послѣ 1849 г. стараніями будто бы галицкихъ «проводирей», и на ихъ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи, которымъ думаетъ поразить насъ г. И. Л—нъ. Дѣятельность школы — не правда ли? — характеризуется школьною литературою, учебниками. А гдѣ они, эти учебники для галицко-русскихъ школъ, г. И. Л—нъ? Почему галицко-русская «Матица», имѣющая 20.000 гульденовъ капитала, собраннаго съ бѣдныхъ «хлоповъ», издала за 25 лѣтъ два-три молитвенника да жалкихъ букваря на неимовѣрномъ языкѣ? Потому, что старые галицкіе патріоты держались и держатся принципа, высказаннаго Зубрицкимъ тогда, когда и «краковскіе іезуиты» уже боялись высказывать гласно такіе принципы, что для черни довольно молитвенника и псалтыря. Мы бы совѣтовали г. И. Л—ну, вмѣсто всякихъ разсужденій о пользѣ дѣятельности старой партіи галицкой для народнаго просвѣщенія и для направленія «галицко-русскаго возрожденія въ нормальномъ русскомъ духѣ», послать въ редакцію «Голоса» коллекцію книгъ, по коимъ учили въ «рутенскихъ» школахъ «Восточнаго Тироля» послѣ 1848 г.; а то почтенная редакція и читатели газеты въ самомъ дѣлѣ подумаютъ, что въ Галиціи учили по «Родному Слову» Ушинскаго и писали языкомъ Пушкина и Тургенева, пока тому не помѣшали злостные поляки и созданные ими украинофилы. Драгоцѣнное признаніе г. И. Л—на, что въ галицкихъ школахъ во

времена до злостной польской рады учили и по-русски и по-нѣмецки, ибо «нѣмцы-де не то, что поляки, они не хотѣли уничтожить русскую словесность» (послѣ Шварценберга-то!). Признаніе это даетъ возможность и читателямъ «Голоса» наглядно представить себѣ ту школу, которая должна была не только насадить просвѣщеніе, укрѣпить нравственность галицкаго хлопа, но и дать нормальный русскій (обще-русскій) характеръ галицко-русскому возрожденію. Вообразимъ себѣ, что гдѣ-нибудь у насъ въ селѣ дьячка заставили бы учить русскихъ мальчиковъ, кромѣ часослова и псалтыря, еще по грамматикѣ XVII вѣка, да еще уніатской, а рядомъ посадили бы перваго встрѣчнаго нѣмца, который бы вдалбливалъ по-нѣмецки несчастнымъ мальчикамъ «Lesebuch», изданный по благословенію кардинала Раушера во время дѣйствія баховскаго конкордата съ папой. Не правда ли, завидная настоящая русская школа! [1]).

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ отразилась въ Галиціи отмѣна конкордата, это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей печати часто говорятъ объ ополяченіи школъ въ Галиціи, а между тѣмъ это ополяченье есть отчасти послѣдствіе именно этой отмѣны конкордата, который, какъ извѣстно, предоставлялъ завѣдываніе школами, главнымъ образомъ, духовенству. Въ силу этого ультрамонтанско-іезуитскаго конкордата, и духовенство нашихъ братьевъ-галичанъ завѣдывало школами. Каковы были эти школы, мы видѣли; каковъ могъ быть прокъ отъ нихъ, говорить нечего. Конкордатъ Баха — вещь, осужденная всѣмъ образованнымъ свѣтомъ; не думаемъ, чтобъ у насъ самъ «Голосъ», напр., желалъ введенія чего-либо подобнаго, или чтобъ онъ, напр., не одобрялъ новыхъ бисмарковскихъ законовъ, которые отмѣнили систему Мюлера и т. д. Вотъ почему, пока русскій характеръ школъ держался въ Галиціи только въ силу конкордата, онъ не представлялъ не только ничего прочнаго, но и симпатичнаго, ибо школы существовали прежде всего, какъ клерикальныя, потомъ, какъ нѣмецкія, а послѣ уже, какъ русскія, т.-е. какъ рутенскія. Когда въ 1867 г. завѣдываніе школами въ Галиціи пере-

[1]) Вообразите жъ себѣ, что недавно „Русская Рада“, чтобъ угодить нѣмцамъ, которые ея вѣрно-конституціонныхъ нѣжностей „совсѣмъ не примѣчаютъ“, рѣшила ходатайствовать о введеніи опять нѣмецкаго языка въ народныя школы Галиціи!

шло отъ духовенства къ сейму и къ назначенной имъ школьной радѣ, это, конечно, было шагомъ къ полонизаціи школъ, ибо поляки составляли большинство въ сеймѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это была и секуляризація ихъ, т.-е. открытіе воротъ для педагогически-научной методы преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для живой народности школы. Мы, конечно, не станемъ писать панегирика галицкой школьной радѣ: эта рада состоитъ въ большинствѣ изъ поляковъ, и притомъ въ доброй долѣ довольно невинныхъ въ наукахъ, не больше, впрочемъ, чѣмъ и галицкіе крылошане; эта рада, такими мѣрами, какъ переводъ способныхъ директоровъ и учителей русскихъ «на мазуры», т.-е. въ Западную Галичину, медленностью и пристрастіемъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ о русскихъ классахъ и школьномъ дѣлѣ вообще, неблаговидными стараніями превратить въ смѣшанныхъ округахъ школы въ польскія и католическія, попытками завести въ русскихъ школахъ сначала латинскій шрифтъ, а потомъ и польскій языкъ,— всѣмъ этимъ и другимъ подобнымъ школьная рада заслужила справедливыя жалобы русиновъ всѣхъ партій. Но въ принципѣ школьная рада представляетъ учрежденіе все-таки болѣе способное къ усовершенствованію, чѣмъ баховская система, въ ней все-таки есть люди компетентные, изъ нея не исключены и русины, и она все-таки не мѣшаетъ существованію русскихъ народныхъ школъ. Этихъ послѣднихъ все-таки остается около 500, правда, въ нихъ не учатъ по-нѣмецки, но зато учебники и книги для чтенія, употребляемые теперь въ нихъ, изданные товариществомъ «Просвіта», хотя и оставляютъ еще многаго желать и со стороны свѣтской, научно-педагогической и народной, но все-таки не могутъ быть сравниваемы съ тою дьячковскою дребеденью и австро-славянско-рутенскою тарабарщиною, которую оплакиваетъ г. И. Л—нъ. Повторяемъ, не думая вовсе отрицать трудностей положенія русскаго народнаго возрожденія въ Галиціи, что все-таки нѣсколько каѳедръ въ университетѣ, русская гимназія въ Львовѣ, русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ Галичины, 500 народныхъ школъ представляютъ еще достаточно поля для умной дѣятельности галицко-русскихъ патріотовъ. Г. И. Л—нъ, упрекая насъ въ оптимизмѣ, говоритъ, между прочимъ, что русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ существуютъ только въ нашемъ воображеніи. Если въ такомъ оптимизмѣ можно

упрекнуть насъ, такъ это развѣ въ томъ, что мы надѣемся отъ галицко-русской интеллигенціи, что она сумѣетъ наполнить трудомъ своимъ тѣ, правда, не широкія рамки дѣятельности, какія ей оставлены теперешнимъ польскимъ господствомъ въ Галиціи, но и не очень узкія, сравнительно съ тѣми, какія давало нѣмецкое господство своимъ союзникамъ, русинскимъ клерикаламъ. Мы уже упоминали, что русины не умѣютъ заставить школьный совѣтъ открывать, согласно закону, параллельные русскіе классы тамъ, гдѣ наберется 25 учениковъ. А теперь мы видимъ, что корреспондентъ изъ Львова не знаетъ даже, что въ Восточной Галичинѣ русскимъ ученикамъ предоставлено право посѣщать уроки русскаго языка и литературы, на какой случай существуетъ и учитель. Конечно, этого мало; въ иныхъ мѣстахъ учителя сами не знаютъ по-русски, но вѣдь въ Галичинѣ и иные «русскіе» литераторы въ русскомъ языкѣ не сильны и все ищутъ русскаго языка. Мы не знаемъ, во всѣхъ ли гимназіяхъ Восточной Галичины существуютъ такіе русскіе классы, но по закону они должны существовать, и на то есть русскіе депутаты въ сеймѣ, чтобы добиться ихъ открытія и замѣщенія людьми достойными. Кто же виноватъ, что эти депутаты, которые дѣлаютъ запросы о лишнемъ каноникѣ въ Львовскомъ соборѣ, или горячатся въ пользу министерской политики, чтобы добыть концессію на банкъ, молчатъ въ сеймѣ о такихъ вещахъ, какъ русскіе классы. Мы навѣрно знаемъ, что, напр., въ Станиславовѣ существуютъ такіе классы, и знаемъ по тому скандалу, который подняли недавно «старые» русины противъ молодого учителя русскаго языка и литературы въ этомъ городѣ. Скандалъ вышелъ изъ-за того, что учитель, преподающій по хрестоматіи, составленной изъ галицкихъ и украинскихъ писателей, которыхъ и самъ г. И. Л—нъ удостоиваетъ одобренія, не приходилъ въ восторгъ по поводу виршей одного мѣстнаго піиты изъ старыхъ. Послѣдніе печатно въ «Словѣ» и частно подбивали учениковъ протестовать противъ учителя и требовать «замѣны безнравственной казацкой (?!) хрестоматіи, настоящей рутенской (??)» или, еще лучше, не ходить на уроки, и такимъ образомъ закрыть классы. Значитъ, по крайней мѣрѣ, Станиславовскіе русскіе классы существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Отъ самихъ русиновъ въ значительной степени зависитъ, чтобъ они существовали и въ другихъ мѣ-

стахъ. Если бы даже сеймъ и рѣшился не дать вовсе средствъ на русскіе классы, то тѣхъ денегъ, которыя лежатъ (если только лежатъ еще) безполезно въ кассѣ «Матицы», и тѣхъ, на которыя строится совершенно излишняя, при другихъ, новая церковь въ Львовѣ, которая потребуетъ и новыхъ канониковъ, достаточно было бы на основаніе цѣлой русской гимназіи. Вообще, если кризисъ перехода отъ клерикальной, іезуитской системы организаціи школъ къ свѣтской обошелся не совсѣмъ выгодно для русиновъ и сопровождался перевѣсомъ поляковъ, тому виною не только неблагодарное коварство нѣмецкихъ централистовъ и нетерпимость поляковъ (которой мы и не отрицаемъ), но и малая развитость русиновъ, которые не припасли въ прошломъ ни свѣтской педагогической литературы ни даже должнаго количества свѣтско-образованныхъ людей, которые могли бы конкурировать съ поляками на должности учителей, директоровъ, членовъ школьнаго совѣта и т. д. Можно сказать, что и это вина не русиновъ, а несчастной ихъ исторіи, но надо же признать это обстоятельство далеко не непоправимымъ, а не только плакаться на враговъ. А между тѣмъ вслѣдствіе рутины, узкаго утилитаризма и ложнаго направленія стипендій, находящихся въ распоряженіи русинскихъ клерикаловъ, и теперь большинство студентовъ-русиновъ — теологи, а потомъ юристы. Несмотря на все это галицкіе политики стараго лагеря предпочитаютъ жаловаться на враговъ вмѣсто практической дѣятельности надъ усиленіемъ свѣтской культуры въ своемъ обществѣ, а своимъ вліяніемъ на молодежь они способствуютъ ея эмиграціи въ Россію, гдѣ она, будучи въ большинствѣ случаевъ по развитію ниже мѣстной, вовсе не усиливаетъ культурнаго элемента, исключая развѣ Холмскаго края, а принося съ собою узкій эмигрантскій утилитаризмъ и польско-нѣмецкіе взгляды на Россію, прикрашенные національнымъ (тоже скорѣе польскимъ и нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ) фразерствомъ, подрываетъ ту симпатію къ родственной намъ Галичинѣ, какая должна бы быть у насъ къ обоюдной выгодѣ. Не стократъ ли патріотичнѣе, чѣмъ эти моральные и физическіе абсентеисты, поступаютъ тѣ изъ галичанъ, которые, какъ гг. Бѣлоусъ и Наумовичъ изъ старыхъ, и товарищество «Просвіта» изъ молодыхъ, работаютъ дома, какъ можно при данныхъ условіяхъ, для образованія народа и, слѣдовательно, для возрожденія народности? Передъ

русинами стоитъ наглядный примѣръ — словинцы. Тамъ тоже національное возрожденіе было связано сначала, въ противность, между прочимъ, и прошлому страны, съ ультрамонтанствомъ и реакціей. Тамъ тоже новая конституція и отмѣна клерикальной организаціи школъ выдвинула впередъ нѣмцевъ. Но тамъ, кромѣ старо-словинской партіи, которая хотя и имѣетъ аналогію съ галицкими святоюрцами, но все-таки превосходитъ ихъ развитіемъ и дѣятельностью,— партіи, связавшей свой національнзмъ съ девизомъ «католицизмъ, отечество и король», выдвинулась партія молодая, которая взяла себѣ девизомъ «свобода, образованіе и народъ» и не только не плакала надъ отмѣной конкордата, а привѣтствовала ее. Младо-словинцы, не отказываясь отъ славянской солидарности, не оставляли, однакожъ, домашней работы ради панславянскихъ упованій; не проповѣдуя вражды къ нѣмцамъ за то только, что они нѣмцы, младо-словинцы не отрекались, однакожъ, отъ своей народности и, переживъ періодъ вражды и клеветъ отъ старой партіи (похожихъ на тѣ, какими угощаютъ святоюрцы народовцевъ) и двусмысленныхъ похвалъ, смѣняемыхъ ожесточенною бранью нѣмецкихъ централистовъ (отношенія, похожія на отношенія поляковъ къ народовцамъ), сумѣли поддержать словинство и въ новомъ государствѣ, и въ новой школѣ, а теперь выступаютъ, какъ сила, съ которою должны считаться и нѣмцы. Отчего же и галичанамъ не одолѣть партію польскихъ централистовъ, слабыхъ въ сущности культурою, угрожаемыхъ со всѣхъ сторонъ, оторванныхъ отъ собственнаго народа, отчего не одолѣть ихъ умною домашнею работою и умно-понятымъ общеніемъ съ Россіею, т.-е. съ свѣжими и народными элементами въ Россіи?

Мы привели не мало примѣровъ того, что въ Галиціи весьма смутно понимаются отношенія къ Россіи, и что собственно тѣ, кто болѣе всего кричитъ о своемъ желаніи слиться хоть нравственно съ Россіей [1]), тѣ дальше всего стоятъ отъ

---

[1]) Г.-И. Л—нъ требуетъ и политическаго присоединенія къ ней, въ то время, какъ защищаемые имъ вѣрно-конституціонные „проводири“ клянутся въ Вѣнѣ въ своей австро-рутенской лойяльности, обвиняютъ черезъ Neue Freie Presse органъ народцевъ „Правду“ въ полученіи субсидій отъ кіевскаго славянскаго комитета для пропаганды федерализма и панславизма, а въ Allgemeine Zeitung даже обѣщаютъ Австріи помощь 12 милліоновъ „рутеновъ“ (малороссовъ) противъ Россіи въ грядущемъ столкновеніи изъ-за восточнаго вопроса.

Россіи, дальше даже народовцевъ, или галицкихъ украинофиловъ. Мы указали, что первое живое звено между Россіею и Галичиною была украинская литература и украинофильство, которое, по-нашему, есть такое же произведеніе Россіи, какъ и московское славянофильство, или великоруссофильство, такой же необходимый народный источникъ для оживленія и развитія русско-европейской культуры, какъ и это великоруссофильство, хотя такъ же, какъ послѣднее, по временамъ способный впадать въ ошибки партикуляризма. Мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ, что украинская литература въ Галиціи произвела первый зародышъ свѣтскаго и живо-народнаго русскаго направленія и въ литературѣ и въ политикѣ,— зародышъ еще очень несовершенный, иногда еще сильно смахивающій на самое старое рутенство, но все-таки напоминающій нѣчто свѣжее, способное къ прогрессу. Украинская литература оказалась въ Галиціи конкурентомъ не русской литературы, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается у насъ, въ Россіи (ибо тамъ, въ Галиціи, этой литературы не было и нѣтъ), а польской и рутенской, сравнительно съ которою украинская литература явилась и является прямымъ и сильнымъ авангардомъ русской литературы въ нашемъ смыслѣ слова, что поляки отлично и поняли. Доказывать это положеніе мы считаемъ особенно важнымъ для устраненія множества печальныхъ недоразумѣній, вредящихъ успѣшному ходу русскаго возрожденія въ Галичинѣ и отчасти даже въ Западномъ краѣ. Разумѣется, что эта мысль не можетъ, особенно съ перваго раза, быть по зубамъ старовѣрамъ какъ рутенскаго, неправильно принимаемаго за русскій, такъ и украинскаго лагеря въ Галиціи. Понятно, что г. И. Л—ну наша аргументація могла показаться, съ одной стороны, сепаратическою, а съ другой — іезуитскою. Но онъ самъ подтверждаетъ наше положеніе. Неизвѣстно, почему накинувшись на насъ за то, что мы считаемъ русскій театръ въ Галичинѣ хотя и не упроченнымъ, но все-таки сильнымъ орудіемъ русскаго возрожденія, нашъ возражатель говоритъ: «на русскій театръ ассигновали было поляки значительную (?) субсидію въ тѣхъ расчетахъ, что онъ послужитъ орудіемъ галицко-украинской пропагандѣ во вредъ нормальному русскому направленію нашей интеллигенціи, но какъ только замѣтили, что на подмосткахъ этого театра даются не однѣ

только пьесы мѣстнаго издѣлія, на галицкомъ простонародномъ жаргонѣ, но и комедіи (?) вашихъ украинскихъ поэтовъ, Артемовскаго (?), Основяненка, Котляревскаго, то субсидіи эти тотчасъ прекратили». Тутъ, если устранимъ неимовѣрно наивную, отъ невѣдѣнія ни нашей литературы ни ея языка, или отъ смѣлаго расчета на то, что наша публика незнакома съ галицкою литературою, терминологію, то и окажется, что нашъ возражатель только подтверждаетъ то, что мы говорили; а уяснить эту терминологію надо, ибо иначе выйдетъ безсмыслица, будто поляки захотѣли учредить украинскій театръ, а когда оказалось, что онъ украинскій, то они и перестали выдавать ему субсидію. Кромѣ того, читатель въ Россіи подумаетъ, будто въ Львовѣ давали «Горе отъ ума», или «Ревизора», прежде чѣмъ поляки вздумали завести театръ галицко-украинскій, чтобы повредить «русскому направленію» тамошней интеллигенціи. А между тѣмъ не только ничего подобнаго не бывало, но не бывало въ Галиціи и пьесъ на галицкомъ простонародномъ нарѣчіи, все въ силу того, что тамъ не могли уразумѣть ничего живого въ литературѣ, ни такого, какъ Гоголь, ни такого, какимъ бы, напр., явился Островскій, если бы сталъ писать пьесы изъ галицкой простонародной жизни. Если тамъ были пьесы «мѣстнаго издѣлія», какъ говоритъ авторъ, и на «жаргонѣ», то этотъ жаргонъ былъ именно мѣстнаго издѣлія языкъ, который въ Львовѣ называли по мѣрѣ надобности то австро-рутенскимъ, то малорусскимъ, то русскимъ, и который есть собственно нѣчто въ родѣ смѣси тредьяковщины съ польскими и простонародными галицкими выраженіями, но вовсе не русскій, не украинскій, не галицкій народный языкъ. Самъ же г. И. Л—нъ нѣсколько строкъ далѣе выражается о языкѣ одного изъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ авторитетовъ галицкихъ: «языкъ, которымъ о б х о д и л с я профессоръ Г.». Вотъ на такомъ жаргонѣ мѣстнаго издѣлія мѣстные литераторы, тѣ самые, которыхъ И. Л—нъ называетъ представителями нормальнаго русскаго направленія, компановали нелѣпыя историческія драмы, передѣлывали съ нѣмецкаго и съ польскаго водевили и фарсы въ родѣ «Парижскій уличникъ», «Адамъ и Ева» и т. п. Конечно, такая драматическая литература полякамъ казалась нестрашною, и когда представился случай сдѣлать демонстрацію «противъ Москвы» и покричать о «згодѣ съ братьями-русинами», то они и дали

нѣсколько сотенъ гульденовъ на такой русинскій театръ. Но когда, какъ разсказываетъ и г. И. Л—нъ, въ Львовѣ стали давать настоящія украинскія народныя пьесы, то поляки перепугались вліянія и этихъ слабенькихъ водевилей и оперетъ, которыя при всей своей слабости все-таки представляли въ Галиціи нѣчто неслыханно-живое русское, и возбуждавшее вниманіе и любовь къ русскому «хлопу». Поляки напали на украинскій театръ какъ на «хлопоманско-революціонный» и вмѣстѣ «московскій» такъ точно, какъ они нападаютъ теперь, какъ разсказываетъ г. И. Л—нъ, на малорусскія вывѣски на лавкахъ, обзывая ихъ тоже «московскими». Все это доказываетъ именно, что руссизмъ «мѣстнаго издѣлія» въ Львовѣ, хотя бы онъ и назывался «нормальнымъ русскимъ направленіемъ», менѣе страшенъ полякамъ, и менѣе «московскій» по-ихнему, чѣмъ народное украинское направленіе. Что и требовалось доказать!

Очевидно, что съ такими свойствами опроверженій, съ какими выступилъ противъ насъ г. И. Л—нъ, онъ и самъ чувствовалъ, что далеко не уйдетъ. А потому онъ занялся, вмѣсто фактическихъ опроверженій, выловленіемъ и вырываніемъ въ нашихъ статьяхъ фразъ, съ цѣлью показать нашу неблагонамѣренность, и даже сообщилъ львовскую сплетню, что авторъ-де зловредныхъ статей о Галиціи — неблагонадежный чиновникъ — «видное лицо учебнаго вѣдомства, исповѣдующее (?!) украинофильство» (точно это и впрямь вѣроисповѣданіе какое!). Г. И. Л—нъ утѣшалъ себя, очевидно, сладкой мыслью: ничего, если и плоха моя аргументація, все-таки, авось, автора обличающихъ насъ статей отправятъ «на мазуры». Во всемъ этомъ г. И. Л—нъ опять-таки явилъ себя характернымъ австро-рутенцемъ и далъ доказательство именно того обиднаго и невѣжественнаго австрійскаго мнѣнія о Россіи, какое имѣютъ, какъ мы и говорили, въ Австріи, а особенно въ Галиціи, не только нѣмцы и поляки, но и «братья» наши. Г. И. Л—нъ не знаетъ, что русская публика настолько европейски образована, что можетъ отличить независимость взгляда и отсутствіе кружковыхъ односторонностей отъ іезуитской изворотливости, что Россія не Австрія и не галицкая Польша, и что великому русскому народу нѣтъ ни малѣйшей надобности стирать ни народности малыхъ народовъ ни особенности собственныхъ разновидностей, которыя могутъ только питать

и расширять общерусскую культуру; что въ Россіи, гдѣ литературные и ученые труды Квитки, Метлинскаго, Максимовича, Бодянскаго, Костомарова, Кулиша, Шевченко, М. Вовчка и др. пользуются общимъ уваженіемъ великорусской, какъ и малорусской публики, украинофильство вовсе не можетъ считаться staatsgefährlich, какъ въ разношерстно-нѣмецкой Австріи, или опасною хлопоманіею, какъ въ магнатской Галиціи. Не сообразилъ нашъ австро-рутенецъ и того, что русскія министерства не школьная рада въ Львовѣ и что у нихъ есть дѣла поважнѣе, чѣмъ слушаніе сплетенъ львовскихъ Коробочекъ.

Редакція «Вѣстника Европы» сочла необходимымъ указать «Голосу» на неблаговидность поведенія его львовскаго корреспондента и протестовать противъ его доносовъ. Мы бы, на мѣстѣ редакціи, признаемся, ограничились товарищескимъ указаніемъ «Голосу», а протесты противъ львовскихъ доносовъ и сплетенъ сочли бы лишними; развѣ для вящшаго ограниченія доносчиковъ и сплетниковъ сказали бы: «ошибаетесь: нашъ сотрудникъ не только не особа, но вовсе не чиновникъ... А кто онъ?.. Cherchez!» Но редакція «Вѣстника Европы» сдѣлала, что сдѣлала. «Голосу» ничего не оставалось, какъ промолчать и быть впередъ осторожнѣе. Однако фельетонистъ «Голоса» (№ 185) захотѣлъ свернуть съ больной головы на здоровую и заговорилъ въ такомъ жалостномъ тонѣ: «какъ не стыдно «Вѣстнику Европы» видѣть доносы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, ругаться, вмѣсто того, чтобъ опровергать факты». По словамъ фельетониста, г. И. Л—нъ выступилъ только противъ «прекраснодушія», съ какимъ мы смотримъ на Галицію, и «опровергая всѣ радужныя мечтанія наши рядомъ фактическихъ доказательствъ притѣсненія галицко-русскаго народа со стороны галицкихъ поляковъ, заподозрилъ насъ въ польскомъ происхожденіи и тѣмъ объяснилъ наши симпатіи къ галицко-польскимъ порядкамъ». Это что такое? остается спросить намъ. Was für eine Wendung? Это уже что-то третье въ спорѣ! Да вся наша, очень далекая отъ прекраснодушія, статья наполнена фактами о притѣсненіяхъ галицко-русскаго народа поляками и нѣмцами. Мы только не раздѣляемъ радужныхъ мечтаній, распускаемыхъ незнающими или предубѣжденными людьми о галицко-русской интеллигенціи, и снимая съ нея туманъ прекраснаго далёка, показали, что въ

своемъ большинствѣ она тоже своего рода польская шляхта и австро-нѣмецкая бюрократія; что она не хочетъ и не умѣетъ работать для галицко-русскаго народа, не умѣетъ бороться съ поляками, лакействуетъ передъ нѣмцами, не умѣетъ пользоваться для борьбы за народность и работы для народа и тѣми орудіями, которыя достались ей отъ разныхъ системъ конституціонной исторіи Австріи, не умѣетъ, наконецъ, пользоваться силами Россіи, о родствѣ съ коей она такъ много кричитъ... не въ Neue Freie Presse, конечно, въ коей она отрекается отъ Россіи. Г. И. Л—нъ, не будучи въ состояніи опровергнуть нашихъ фактовъ, объявилъ, что мы іезуитъ-полякъ, или неблагонамѣренный чиновникъ. А теперь фельетонистъ «Голоса», очевидно, не читавшій ни нашихъ статей, ни даже письма г. И. Л—на, увѣряетъ насъ въ томъ, что мы разсказали полнѣе и его, и г. И. Л—на, — что галичане дѣйствительно угнетены, а мы оказываемся «мечтателемъ» и все-таки, вѣроятно, польскаго происхожденія. Вотъ какъ создается общественное мнѣніе!

Мы не станемъ препираться съ «Голосомъ». Признаемся даже, что хотя онъ и очень немилостивъ къ намъ, мы только ради его и его читателей, которые слишкомъ многочисленны, чтобы не вызывать къ себѣ вниманія, и которые могли соблазниться сладкими рѣчами и смѣлыми протестами корреспондента «съ мѣста», — а вовсе не ради г. И. Л—на лично, написали весь этотъ постскриптумъ. «Голосъ» едва ли не усерднѣе всѣхъ нашихъ газетъ слѣдитъ за австро-славянскими дѣлами и, въ частности, за галицкими, и это служитъ, конечно, къ чести петербургской газеты. Съ своей стороны, наблюдая за славянскими дѣлами не со вчерашняго дня, и даже не со временъ знаменитаго конгресса 1867 г. въ Москвѣ, мы думаемъ, что толки о славянской солидарности, о славянскомъ призваніи Россіи, особенно о роли Россіи по отношенію не только къ русской, но и польской Галичинѣ (ибо и она связана съ нами черезъ Польшу), затрогиваютъ интересы гораздо серьезнѣе, чѣмъ на первый разъ кажется и любителямъ и противникамъ этихъ толковъ, и что всѣ эти толки, конечно, могутъ у нѣкоторыхъ выливаться въ пустую фразеологію, или вести къ шовинизму, вредному и для насъ и для нашихъ соплеменниковъ, но могутъ послужить серьезно и нашему развитію внутреннему, и возрожденію нашихъ со-

племенниковъ, и улаживанію ихъ, въ сущности, довольно мелочныхъ разногласій. Только для этого надо, чтобы печать величайшаго и, такъ или иначе, но единственнаго самостоятельно организованнаго славянскаго народа отнеслась къ своему призванію вполнѣ серьезно, чтобъ обсуждала славянскія дѣла, исходя изъ такихъ началъ, которыя бы оказались шире всѣхъ споровъ славянъ съ чужими и между собой. Въ наши времена нечего долго искать такихъ началъ. Они — просвѣщеніе и народъ. Изъ этихъ началъ исходитъ всякая серьезная газета и въ Россіи, когда говоритъ о дѣлахъ, партіяхъ, литературѣ въ Англіи, Франціи, Пруссіи, когда говоритъ о дѣлахъ внутреннихъ краевъ Россіи. Мы ничего другого не сдѣлали въ нашихъ статьяхъ, какъ только посмотрѣли на Галицію, на поляковъ и русскихъ, на ихъ споры, дѣятельность, литературу съ тѣхъ самыхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ у насъ говорятъ объ Англіи, Германіи, о Владимирской или Астраханской губерніи, о Гоголѣ, Островскомъ, Далѣ, съ одной стороны, или о «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами» и т. п.— съ другой. Касаясь политически-національныхъ вопросовъ въ Галиціи, мы говорили о полякахъ и русскихъ, руководясь тѣми началами, какихъ держится всякій образованный человѣкъ въ Россіи, говоря, напр., о нѣмцахъ и чехахъ въ Богеміи. «Голосъ» самъ не можетъ же рекомендовать намъ другихъ точекъ зрѣнія. Вѣдь смѣется же онъ надъ «Маякомъ», «Гражданиномъ», возмущается эгоизмомъ и невѣжествомъ тѣхъ «отцовъ» въ какой-нибудь Гродненской или Полтавской губерніи, которые агитируютъ противъ школъ, притѣсняютъ народъ, подаютъ доносы и т. п. (см. 186 № «Голоса»); потѣшается же онъ надъ пьесами г. Аверкіева, который «Монбланъ предъ Пулковской горой» въ сравненіи съ галицкими литераторами; хвалитъ же статьи г. Белюстина. Зачѣмъ же онъ изображаетъ въ розовомъ цвѣтѣ какое-нибудь «Слово» или «Роксоляну» или крылошанъ львовскихъ? Вѣдь строгъ же «Голосъ» къ іезуитамъ католическимъ, къ шовинистамъ нѣмецкимъ, польскимъ! Почему же онъ будетъ требовать отъ насъ симпатіи къ обскурантамъ уніатскимъ, къ фанатикамъ и шовинистамъ русскимъ, или къ рутенскимъ китайцамъ? Или «Голосъ» скажетъ, что хорошо быть разборчивымъ, когда есть изъ чего выбирать, что жестоко быть строгимъ къ тѣмъ, кто тебѣ диѳирамбы пишетъ (и въ Neue Freie Presse отъ нихъ

отказывается), кто къ тебѣ за помощью обращается (и опять-таки въ нѣмецкихъ газетахъ заявляетъ, что теперь уже *ruthenische Führer* разорвали связь съ московскими панславистами). Но это будетъ значить держаться теоріи, что «тьмы горькихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Повторяемъ, пусть «Голосъ» относится къ польскимъ и галицкимъ дѣламъ, какъ и вообще къ дѣламъ въ славянщинѣ и на нашихъ западныхъ окраинахъ, жизнь которыхъ такъ связана съ вопросомъ славянско-польско-нѣмецкимъ, такъ же точно, какъ и къ дѣламъ внутреннимъ и европейскимъ, и пусть онъ посмотритъ на нихъ съ той же точки зрѣнія, тогда онъ послужитъ и Россіи, и славянамъ, и галичанамъ. Но только тогда онъ не будетъ писать о Галиціи ничего другого, кромѣ того, что написали мы.

Литературно-общественныя партіи въ Галиціи *).

(Эпизодъ изъ исторіи русско-славянскихъ отношеній).

Лѣтъ двадцать тому назадъ врядъ ли больше десятка средне-образованныхъ людей въ Россіи думали когда-нибудь о Галиціи, а изъ литераторовъ никто не писалъ объ этой ближайшей къ Россіи западно-славянской землѣ, кромѣ спеціалистовъ-славистовъ (Срезневскій, Лавровскій) да такъ называемыхъ украинофиловъ, которые вносили въ свои изданія народной словесности, рядомъ съ приднѣпровскими, и галицкія пѣсни (Лукашевичъ, Максимовичъ, Метлинскій и др.). Публицистика русская открыла Галицію только послѣ польскаго возстанія 1863 года и одно время вспоминала ее довольно часто, или, лучше сказать, одно время сами галичане напоминали ей о себѣ довольно часто: это было время довольно значительнаго переселенія въ Россію галицкихъ духовныхъ въ уніатскія части Царства Польскаго, а потомъ въ учителя въ новыя классическія гимназіи. Само собою разумѣется, что напоминанія эти должны были носить на себѣ

*) Статья эта первоначально была напечатана въ журналѣ *„Дѣло“*, 1881 г., октябрь, подъ псевдонимомъ Туристъ. Болѣе льготныя цензурныя условія отразились на ней въ томъ, что авторъ прямо можетъ говорить объ *украинскихъ* партіяхъ и теченіяхъ среди галицкихъ русиновъ, но въ то же время онъ принужденъ называть партію, именовавшую себя соціалистической, *народно-общинной*. Въ 1903 году статья эта была переведена на украинскій языкъ и издана отдѣльной брошюрой во Львовѣ. Ср. М. Драгоманов, Літературно-суспіяльні патіі в Галичині, Літер.-наук. бібліотека, ч. 78. Кромѣ того, какъ сообщаетъ самъ Драгомановъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, основныя положенія этой статьи были изложены въ свое время въ „Augsburger Allg. Zeitung“ —„Die panslavistischen Bestrebungen der Ukrainer“. Ср. М. Драгоманов, Листи до Ів. Франка і инших, 1881—1886, Львів, 1906 стр., 42.

Прим. ред.

характеръ тѣхъ интересовъ, которые привлекали въ Россію эту эмиграцію. Печать же русская, не приготовленная предварительнымъ изученіемъ, оказалась не въ состояніи отнестись критически къ несшимся къ ней голосамъ галичанъ-эмигрантовъ. Мало того, именно та часть печати, которая всего болѣе говорила о славянствѣ, прибавила къ общему незнанію галицкихъ дѣлъ еще и нарочитое нежеланіе провѣрить точность тѣхъ заявленій, вѣрить которымъ ей было пріятно. Такимъ образомъ въ русской печати водворился миѳъ о Галиціи, какъ о своего рода Венеціи до 1866 г., которая спитъ и видитъ присоединеніе къ «общему отечеству», т.-е. къ Россіи, да о добродѣтельныхъ, безкорыстныхъ патріотахъ Галиціи, которые изъ всѣхъ силъ бьются, чтобы довести свою родину до этого пламенно-желаемаго соединенія, а пока стараются хоть о нравственномъ, литературномъ единеніи, выдерживая зато гоненія отъ враговъ—нѣмцевъ, поляковъ и кучки измѣнниковъ собственному народу, выдумавшихъ какую-то національную особенность украинскаго племени, т.-е. малороссовъ въ Россіи и русиновъ въ Австро-Венгріи.

Нѣсколько фактическихъ статей о Галиціи, напечатанныхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, и особенно сдѣланныя въ нихъ выписки изъ галицкихъ изданій, несомнѣнно остановили наиболѣе горячихъ миѳологовъ, но не изгнали миѳовъ изъ общаго оборота и не сдѣлали совершенно невозможнымъ ихъ возрожденіе. Этого результата не имѣла даже обстоятельная глава о малорусской литературѣ въ Россіи и Австріи, помѣщенная въ новомъ изданіи «Исторіи славянскихъ литературъ» г. Пыпина. По крайней мѣрѣ, въ концѣ 1879 г., когда австро-славянскія дѣла и вопросъ о примиреніи съ поляками опять обратилъ взоры русскихъ публицистовъ за австрійскую границу и они заговорили, напр., о собраніи галицкаго политическаго общества «Руска Рада», то мы не знали, чему болѣе удивляться: незнанію, или смѣлости въ изобрѣтеніи репортеровъ и редакцій «Голоса», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени» и т. п.

Въ числѣ наиболѣе важныхъ вопросовъ, поставленныхъ на этомъ собраніи «Рускої Рады», былъ занимающій Галицію и до сихъ поръ вопросъ о соединеніи «старой» и «молодой» партіи, которыя извѣстны въ русской печати подъ именемъ «московской» и «украинской» партіи. И въ самомъ дѣлѣ,

постановка этого вопроса вообще, и то, какъ относится къ нему общественное мнѣніе въ Галиціи, настолько любопытны, что мы считаемъ не безполезнымъ передать объ этомъ нѣсколько свѣдѣній читателямъ въ Россіи.

Начнемъ съ короткой исторіи партій галицкихъ, отсылая читателя, который бы желалъ болѣе подробныхъ библіографическихъ свѣдѣній, къ вышеупомянутой главѣ труда г. Пыпина.

Галицкія партіи носятъ до сихъ поръ клички національно-литературныя гораздо болѣе, чѣмъ политико-соціальныя. Это обусловливается положеніемъ народности русиновъ Галиціи и характеромъ образованія тамошнихъ высшихъ классовъ, т.-е. почти исключительно духовенства. Извѣстно, что масса народа въ Галиціи одинакова съ малороссами, или украинцами, въ Россіи и до раздѣла Украины между московскимъ государствомъ, Польшею и Турціею въ концѣ XVII в. жила общею жизнію съ рюриковичевскою, гедиминовичевскою, польскою и казацкою Украиною. Но послѣ вышеупомянутаго раздѣла и истребленія казачества на правой сторонѣ Днѣпра, въ XVIII в. Галиція предоставлена была въ неограниченную власть польскаго аристократическаго государства, и съ теченіемъ времени неополяченными въ ней остались только крестьяне, часть мѣщанъ и духовенство, которое, впрочемъ, можно было считать наполовину ополяченнымъ. Раздѣлъ Польши отдалъ Галицію подъ австро-нѣмецкое вліяніе, тогда какъ остальныя украинскія земли поступили подъ власть Россіи, гдѣ московское вліяніе, осиливъ уже высшіе классы въ восточной половинѣ Украины, теперь стало наступать и на польскіе, полуукраинскіе и украинскіе элементы и западной части. Вотъ почему, когда по законамъ національнаго и, въ частности, славянскаго возрожденія и въ Галиціи насталъ часъ постановки вопроса національнаго, то отвѣтъ на этотъ вопросъ получился не въ такой простой формѣ, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, напр., въ Чехіи, Славоніи, Польшѣ, и породилъ, кромѣ естественнаго раздѣленія интеллигенціи на партіи культурно-политическія, еще и раздѣленіе на національныя партіи.

Впрочемъ, въ 1848 г., т.-е. тогда, когда вопросъ національный сталъ серіознымъ въ Галиціи, какъ и во всей Австріи вообще, отвѣтъ на него былъ не такъ запутанъ, какъ нѣсколько времени спустя. На вопросъ: что вы за народъ?

галичане, которые тогда были въ состояніи отвѣчать на такіе вопросы, т.-е. духовные, отвѣчали: мы—часть народа малорусскаго, который живетъ отъ нижней и верхней Тиссы въ Венгріи до нижняго Дона и Кубани въ Россіи. Этотъ отвѣтъ данъ былъ, между прочимъ, и тогдашней «Руской Радой». Послѣ не разъ было говорено, между прочимъ, и нѣкоторыми участниками ея, перешедшими на службу въ Россію, что отвѣтъ въ смыслѣ признанія тождества русиновъ Галиціи съ русскими великоруссами напугалъ бы австрійское правительство, и что это опасеніе опредѣлило національную программу собранія. Быть-можетъ, относительно нѣкоторыхъ членовъ «Руской Рады» 1848 г. это и правда, и это, конечно, опредѣляетъ степень ихъ политической и личной нравственности. Но нельзя сомнѣваться, что большинство галицкихъ патріотовъ 1848 г. было совершенно искренно, признавъ себя малоруссами, такъ какъ оно состояло изъ духовныхъ, которыхъ всѣ традиціи и то, что было еще національнаго въ ихъ воспитаніи, привязывали къ малорусскому XVII вѣку, а также изъ небольшого числа литераторовъ, которыхъ національные инстинкты были пробуждены зашедшими въ Австрію украинскими книгами Котляревскаго, Максимовича и др.; Максимовичъ же, едва ли не единственный ученый и писатель въ Россіи, имѣвшій въ 40-е годы сколько-нибудь правильныя сношенія съ галичанами, рекомендовалъ имъ украинскія народныя пѣсни и ихъ языкъ, какъ единственную естественную почву для замѣны тредьяковщины, которою ознаменовались первые опыты русской литературы въ Галиціи въ XIX столѣтіи, сколько-нибудь живою и народною литературою. Такимъ образомъ галицкая интеллигенція, при самомъ выступленіи на политическое поприще, высказалась за мѣстную и демократическую формулу національности. Масса народа, съ своей стороны, конечно, весьма равнодушная къ вопросу о томъ, въ какомъ смыслѣ она русская, и зная только, что она не польская, поддерживала своихъ тогдашнихъ представителей, надѣясь, что они будутъ выразителями ея соціально-экономическихъ интересовъ, затронутыхъ заживо вопросомъ объ отмѣнѣ барщины и о выкупѣ угодій (усадебъ, полей, лѣсовъ и пастбищъ), безъ чего крестьяне не могли себѣ вообразить свободы. Такимъ образомъ 1848—1849 гг. были

временемъ большого одушевленія и единства среди галичанъ, начинавшихъ свое дѣло національнаго и политико-соціальнаго возрожденія. Кромѣ общества «Руской Рады», которая была сначала неоформленнымъ собраніемъ нотаблей, два постоянныя литературно-патріотическія учрежденія ведутъ свое начало съ этого времени: «Галицко-русская Матица» и «Народный Домъ». Оба учрежденія имѣютъ капиталовъ и имуществъ на сумму до 250.000 гульденовъ, значительную часть которыхъ сложили крестьянскія общины въ первые годы свободы и одушевленія. Въ виду этихъ капиталовъ вдвойнѣ странно попрошайство нѣкоторыхъ теперешнихъ патріотовъ галицкихъ у славянскихъ комитетовъ въ Россіи, гораздо болѣе бѣдныхъ, чѣмъ, напр., «Народный Домъ». Процессъ же собиранія этихъ капиталовъ показываетъ, что если бы галицкіе патріоты сумѣли поддержать свое единеніе съ народомъ, то и политическая сила ихъ все росла бы, вмѣсто того, чтобъ уменьшаться, какъ это случилось.

А случилось именно послѣднее. Галицкое духовенство не показало послѣ 1848—1849 гг. даже литературной дѣятельности, которая бы соотвѣтствовала принятой его малорусской демократической формулѣ опредѣленія своей національности: въ большинствѣ случаевъ оно продолжало старую церковно-малорусско-польскую тредьяковщину въ литературѣ, а въ жизни обнаруживало весьма большое равнодушіе къ свѣтской школѣ и къ реальнымъ нуждамъ народа. Со временемъ не только народъ сталъ разочаровываться въ своихъ духовныхъ патріотахъ, но даже выступилъ наружу тотъ антагонизмъ между крестьянствомъ и духовенствомъ, который, напр., въ приднѣпровской Украинѣ, проявляется въ отпаденіи крестьянъ въ штундовскія братства. Мало-по-малу разъединеніе проявилось и среди самой галицкой интеллигенціи. Въ началѣ 60-хъ годовъ подростаніе болѣе молодыхъ и болѣе свѣтскихъ людей и болѣе близкое знакомство съ тою украинскою литературою, которую галичане напередъ признали своею, произвели въ Галиціи раздѣленіе на двѣ литературныя партіи: «старыхъ» и «молодыхъ», или «народовцевъ». Внѣшнимъ образомъ партіи эти отличались правописаніемъ: старые писали Максимовичевымъ правописаніемъ, или *этимологическимъ* (близкимъ къ церковно-славянскому, но съ надстрочными значками), молодые — Кулишевымъ, которое желало быть фоне-

тическимъ [1]). Первые стояли и за болѣе церковный языкъ, вторые за народный. Къ литературнымъ отличіямъ присоединялись, хотя сначала и въ легкой степени, отличія политическія: старые видѣли политическій народъ въ духовенствѣ, молодые въ крестьянствѣ; старые возлагали надежду преимущественно на австрійскую бюрократію, молодые говорили съ сочувствіемъ о старомъ украинскомъ казачествѣ, такъ что первоначально они обратили на себя подозрительные взоры австрійскаго правительства. Молодыхъ прозвали казакоманами и украинцами и противополагали ихъ старымъ, просто «русинамъ» или «рускимъ» (съ однимъ *с*), но не въ томъ смыслѣ русскимъ, какъ полагаютъ нѣкоторые наши публицисты, т.-е. не въ болѣе широкомъ,— общеруссы, а именно въ тѣсномъ,— «русины» австрійскіе или «рутенцы», какъ теперь принято говорить съ ироніей въ самой Галиціи. Дѣло въ томъ, что большинство галицкой интеллигенціи до того проникнуто было австро-рутенской легальностью и уніатскимъ клерикализмомъ, что всякая реально-демократическая мысль, да еще выводящая за предѣлы Австріи, какъ казакофильство и крестьянское украинофильство и панмалоруссизмъ, должна была пугать ее и возбуждать вражду, особенно, если эта мысль вела за собою, какъ первое послѣдствіе, непризнаніе мѣстныхъ авторитетовъ. А этихъ послѣднихъ за 10—15 лѣтъ сложилось въ Галиціи не мало, по пословицѣ «на безлюдьи и Ѳома — дворянинъ». Теперь, т.-е. въ началѣ 60-хъ годовъ, эти авторитеты

---

[1]) По первому правописанію писалось, напр., *сѣлъ, кôнь, ôнъ, ôтъ, вечерницъ, нѣсъ* и т. п., по второму *сівъ, кінь, вінъ, вечорниці, нісъ* и т. п. Впослѣдствіи сторонники фонетическаго правописанія отбросили твердый знакъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть ихъ произвела совсѣмъ радикальную реформу, признавъ буквы *ю, я і, ё, е* не буквами, а слогами и замѣнивъ ихъ послѣдовательно начертаніями *йу, йа, йі, йо, йе*, или *ју, ја, ји јо, је*, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣливъ два совершенно отличные въ природѣ языка процесса, которые сливаются въ русской гражданкѣ въ одинъ, а именно соединеніе гласныхъ, *а, е, і, о, у* съ согласною *й* (іотъ) и смягченіе согласныхъ, которое и радикалы-фонетики выражаютъ посредствомъ послѣдовательнаго употребленія значка *ь*. Такимъ образомъ радикалы пишутъ: *йама*, или *јама, јамоју* и т. д., а также *кон, кона, кінь, коньа, полуда, і льуди* и т. д. Практическое значеніе всѣхъ этихъ правописаній можно постичь только, занимаясь обученіемъ народа грамотѣ, особенно по единственному резонному способу, — по подвижнымъ буквамъ. Тогда можно увидѣть, что чѣмъ болѣе радикально-фонетично извѣстное правописаніе, тѣмъ болѣе оно демократично. Вотъ почему галицкіе народники оказывались и „фонетиками“, а клерикалы—„этимологами“.

должны были уступить Шевченку, М. Вовчку, Костомарову, Кулишу и прочимъ «украинцамъ». Несмотря, однако, на внутреннія ссоры, обѣ галицкія фракціи держались сначала довольно согласно, во внѣшнихъ отношеніяхъ, оставаясь вѣрны старой формулѣ 1848 г. «о малорусской національности, отдѣльной отъ поляковъ и великоруссовъ». Въ горячее время польскаго возстанія и инкриминацій московскихъ централистовъ и вызванныхъ ими репрессалій противъ украинцевъ въ Россіи, галицкіе писатели изъ старыхъ, ставшіе потомъ стипендіатами московскаго славянскаго комитета, какъ, напр., редакторъ «Слова» г. Дѣдицкій, выступали не хуже издателей украинофильской «Меты» (цѣль) противъ «несытаго централизма Москвы», выражаемаго въ органахъ гг. Каткова, Аксакова и т. п. Рѣшительное раздѣленіе партій и притомъ уже не на русскихъ или русиновъ, съ одной стороны, и украинцевъ — съ другой, а на русскихъ или москвофиловъ и украинцевъ, произошло уже послѣ 1866 года.

Въ этомъ году разбитая подъ Садовой Австрія, вынужденная на нѣмецко-венгерскій дуализмъ, нуждалась въ отдѣленіи поляковъ отъ славянской оппозиціи и рѣшилась «пожертвовать имъ русиновъ». Съ другой стороны, московскіе дѣятели, въ родѣ кн. Черкасскаго, еще раньше попробовали употребить въ свою пользу въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ юго-восточной его части, населенной малоруссами-уніатами, малорусскія антипатіи къ Польшѣ и отчасти украинскія казацкія традиціи и демократическія тенденціи. Извѣстно, что редакторъ прекратившейся «Основы» и самый дѣятельный ея сотрудникъ г. Кулишъ пошли на службу въ Царство Польское, подъ начальство Н. А. Милютина и кн. Черкасскаго. Въ то же время началось переселеніе въ холмскую епархію и священниковъ-уніатовъ изъ Галиціи, гдѣ уже и въ старшемъ поколѣніи духовенства, подъ вліяніемъ національнаго движенія, ультрамонтанство оказалось слабѣе, чѣмъ оно было среди ополяченныхъ священниковъ въ Царствѣ Польскомъ, и гдѣ въ младшемъ поколѣніи казакофильство и украинофильство заставляло болѣе горячихъ людей даже изъ студентовъ львовскаго университета ходить въ православную церковь. Само собою разумѣется, что дѣятели, въ родѣ кн. Черкасскаго, нуждались болѣе въ антипатіяхъ малорусскихъ, нежели въ симпатіяхъ, и, употребляя украинцевъ и галичанъ противъ по-

ляковъ, имѣли въ виду полное «обрусеніе» Польши, начиная съ ея уніатскихъ частей,—«обрусеніе» въ московскомъ смыслѣ этого слова. Только на первыхъ порахъ и обрусители допустили въ церквахъ и школахъ холмской епархіи полу-малорусскія книги галицкаго происхожденія, но затѣмъ, шагъ за шагомъ, шли къ цѣлямъ «объединенія» и «обрусенія». Сначала эти цѣли вызывали ропотъ въ Галиціи, но мало-по-малу мсковскіе дѣятели въ Царствѣ Польскомъ нашли себѣ дорогу къ сердцамъ галичанъ, преимущественно изъ «старшихъ». Бейстово «прижатіе славянъ къ стѣнѣ» и Гискрино «пожертвованіе русиновъ полякамъ» помогло московскимъ дѣятелямъ какъ нельзя лучше. Теперь нельзя сомнѣваться, что политика гр. Бейста и министерства нѣмецкихъ мѣщанскихъ централистовъ, въ родѣ Гискры, подала австрійскимъ славянскимъ вождямъ и, въ частности, русинамъ мысль обратиться за поддержкою къ московскимъ дѣятелямъ и что эти послѣдніе дали австрійскимъ славянамъ и, въ частности, галичанамъ обѣщанія, исполненіе которыхъ далеко превосходило ихъ компетентность. Эти обѣщанія побудили тогдашняго издателя главной галицкой газеты «Слово», г. Дѣдицкаго, одного изъ самыхъ плодовитыхъ писателей изъ партіи «старшихъ», на рѣзкую перемѣну фронта по національному вопросу. Въ горячей статьѣ онъ объяснялъ всѣ неудачи галичанъ съ 1848 г. тѣмъ, что они не имѣли тогда смѣлости признать себя частію великаго народа русскаго, единаго отъ Карпатъ до Амура.

Это заявленіе, которому «Слово» остается вѣрнымъ и до сихъ поръ, имѣло рѣшительныя послѣдствія для исторіи политическихъ партій въ Галиціи. Какъ увидимъ дальше, оно привело постепенно «старшую» партію на ложе смерти. Дѣло въ томъ, что это заявленіе такъ и осталось заявленіемъ. Для того, чтобъ оно стало дѣломъ, нужно было, чтобы Галиція дѣйствительно стала въ такое отношеніе къ Австріи, въ какомъ была къ ней до 1866 г. Венеція да, кромѣ того, конечно, нужно было, чтобъ и Россія была похожа на Сардинское, потомъ Итальянское королевство. На дѣлѣ не было ни того, ни другого, и, когда галицкимъ «москвофиламъ» приходилось поставить политическій вопросъ серьезно, то они отказались отъ политической уніи съ Великороссіей, а говорили только о моральной, преимущественно литературной, и то собственно языковой. Но оказалось, что и для этой послѣдней въ Галиціи

нѣтъ реальной почвы: по крайней мѣрѣ, несмотря на брошюру г. Дѣдицкаго «Въ одинъ часъ малорусину выучитися по-великорусски», ни онъ, ни кто другой изъ писателей его партіи не выучился по-великорусски и всѣ продолжаютъ писать до того удивительнымъ языкомъ, что ихъ покровители въ Россіи никогда не рѣшаются процитировать въ подлинникѣ ни одного періода, ими написаннаго, а сами галицкіе «общерусскы» ни изъ-за чего такъ не сердятся, какъ если кто покажетъ публикѣ въ Россіи подлинные образчики ихъ «общерусскаго литературнаго языка». Врядъ ли нужно лучшаго доказательства, что вся исторія единенія галичанъ съ нашими централистами есть миѳологія и притомъ соединенная съ умышленнымъ обманомъ общественнаго мнѣнія въ Галиціи и въ Россіи. Но еще менѣе чѣмъ для языковаго единенія было дѣлаемо что-либо для единенія духа и содержанія двухъ литературъ. Да иначе и быть не могло. Соедините, если можете, самыя отсталыя и захолустныя «Епархіальныя Вѣдомости», написанныя языкомъ Симеона Полоцкаго, съ любымъ петербургскимъ обозрѣніемъ!

Слѣдуетъ сказать, что ревнители единенія въ Россіи и даже спеціальныя для того учрежденія, какъ славянскіе благотворительные комитеты, ровно ничего не сдѣлали даже для ознакомленія галичанъ съ тою литературою, съ которою предполагалось ихъ объединить, и на неоднократныя напоминанія объ этомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (ред. Корша), въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» (1875 г.), отвѣчали обвиненіями въ злонамѣренности (въ «Голосѣ», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Кіевлянинѣ», въ «Гражданинѣ», въ «Русскомъ Мірѣ» и даже въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»). Мы нарочно выписываемъ имена этихъ изданій, для того, чтобы показать, что вопросъ объ ознакомленіи галичанъ съ Россіей посредствомъ произведеній ея литературы былъ поставленъ весьма гласно, и, однакожъ, постановка эта осталась безъ всякихъ результатовъ. Намъ удалось въ 1875—1876 гг. систематически осмотрѣть всѣ русскіе центры въ Австріи (Черновцы, Коломыя, Львовъ, Перемышль, Мукачевъ, Унгваръ, Прешевъ, кружки русиновъ въ Вѣнѣ) и добыть копіи съ катологовъ библіотекъ всѣхъ австро-русскихъ учрежденій и обществъ, и нигдѣ мы

не нашли ничего подобнаго, хотя бы самой маленькой систематической коллекціи русскихъ авторовъ изъ Россіи. Если бы напечатать эти каталоги, то получились бы самые краснорѣчивые обвинительные акты противъ московскихъ славянофиловъ и ихъ комитетовъ, въ протоколахъ которыхъ мы находимъ слѣды сношеній со всѣми почти австро-русскими обществами и кружками. Но сношенія эти ограничивались выдачею личныхъ субсидій отдѣльнымъ попрошайкамъ да случайными посылками литературнаго хлама и едва-едва кой-какихъ учебниковъ.

Въ 1875 году одно только австро-русское общество имѣло весьма полную коллекцію книгъ о Россіи, а также періодическія изданія петербургскія и московскія,— это вѣнское общество «Січ» (Сѣчь), которое подвергалось постояннымъ анаѳемамъ галицкихъ и россійскихъ объединителей именно за свое отщепенское украинофильство. Къ нашему удивленію, намъ сообщили, что эта «русская» коллекція была составлена именно при помощи украинофиловъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ осыпали обвиненіями славянскіе комитеты, особенно кіевскій, и поддерживающіе ихъ органы («Голосъ», «Московскія Вѣдомости», «Кіевлянинъ» и т. п.). Въ разгарѣ возобновленныхъ гоненій на украинофильство въ Россіи, какъ разъ при началѣ сербско-болгарской войны, украинофилы изъ Россіи положили начало библіотекѣ книгъ о Россіи въ Черновцахъ (въ Буковинѣ), въ Унгварѣ и Мукачевѣ (въ Венгріи).

Такимъ образомъ поступленіе галицкой старшей партіи подъ патронатъ московскихъ и петербургскихъ славянофиловъ-централистовъ не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ даже въ литературномъ отношеніи. Но этого мало; скоро оказались результаты отрицательные: внутренняя литературная производительность партіи сильно упала.

Въ числѣ прочихъ объясненій этого явленія приводится иногда такое, что, ожидая присоединенія Галиціи къ Россіи, литераторы русской партіи не желали увеличивать количества мѣстной литературы, все-таки болѣе или менѣе малорусской. Въ этомъ объясненіи есть доля истины, но имъ не объясняется все. Много значила тутъ и эмиграція старыхъ и молодыхъ людей русской партіи на службу въ Россію, гдѣ они тотчасъ же забывали интересы своей родины, такъ что

даже вызывали упреки въ самомъ львовскомъ «Словѣ». Эта эмиграція оставила «москвофильскую» партію почти совершенно безъ молодого поколѣнія. Результатомъ было то, что въ слѣдующіе за 1866 годы изданія «Матицы» захирѣли до того, что общество, которое прежде все-таки печатало и научные труды и популярныя книги, теперь по цѣлымъ годамъ стало не подавать признаковъ своего существованія. До какого моральнаго состоянія дошло оно вмѣстѣ со своей партіей, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста протокола его общаго собранія въ 1870 г.: «О. *Гушалевичъ*. Выдѣлъ (комитетъ) Матицы спитъ. Належитъ позавязовати (основать) филіялки по краю, которыя бы расширяли часопись. Комитетъ будетъ могъ вліяти на провинцію... О. *Лепкій*. Дивно мнѣ, що о. Гушалевичъ, жіющій тутъ въ Львовѣ и присутствовавшій не разъ на засѣданіяхъ Выдѣла, можно говорити, що Выдѣлъ Матицы спалъ. О. Гушалевичъ былъ членомъ Выдѣла, тожъ спалъ и онъ. Если же не спалъ, то чему не будилъ онъ другихъ... Онъ самъ спалъ. (Публика: славно! О. Лепкій сѣдаетъ коло о. Гушалевича; оба ведутъ между собою живый разговоръ, наконецъ, усмѣхаючись, стискаются за руки).—(«Литературный Сборникъ», изд. Гал.-р. Матицею. 1870 г., 125—126). Послѣ этого курьезнаго разговора Матица выдала только двѣ книги «Литературнаго Сборника» и теперь едва начинаетъ опять поговаривать о необходимости проявленія своего бодрствованія.

Параллельно упадку литературной дѣятельности, упадала и политическая дѣятельность партіи. Но тутъ дѣйствовали нѣсколько иныя причины, да и положеніе политическихъ дѣятелей галицкихъ было нѣсколько иное, чѣмъ положеніе чистыхъ литераторовъ. Съ самаго начала конституціонной системы въ Австріи депутаты-русины какъ будто приняли правиломъ быть не столько представителями интересовъ своего народа, сколько слугами правительства. Они видѣли въ этомъ единственную гарантію огражденія своего существованія отъ притязаній поляковъ. Своею вѣрностью монархическому принципу въ революціонную эпоху 1848—1849 гг. и въ эпоху реакціи русины заслужили въ офиціальныхъ кругахъ Австріи эпитетъ «восточныхъ тирольцевъ».

Если бы согласить политическую дѣятельность депутатовъ-галичанъ съ литературными заявленіями ихъ друзей въ

1866 — 1867 гг., то пришлось бы тирольцамъ превратиться вдругъ въ венеціанцевъ.

Галицкіе политики придумали еще болѣе удивительную вещь: оставаться восточными тирольцами въ то время, когда литературные друзья ихъ играютъ роль венеціанцевъ, и въ то время, когда даже вѣрность дѣйствительныхъ тирольцевъ поколебалась въ виду централистической конституціи, когда само правительство признавалось, что оно «пожертвовало ихъ полякамъ».

Галицкіе депутаты сдѣлались неизмѣнными министерскими депутатами въ рейхсратѣ и въ то же время, среди полнаго торжества парламентскаго правленія, не переставали въ мѣстномъ сеймѣ слать адресы прямо къ коронѣ и въ обращеніяхъ къ народу говорить такъ, какъ будто въ Австріи продолжаетъ существовать неограниченная монархія. Австрійскія «мѣщанскія министерства» послѣ 1867 г. не пріобрѣли себѣ доброй славы, между прочимъ, благодаря биржевой своей дѣятельности, а между тѣмъ они постоянно пользовались поддержкой галицкихъ депутатовъ, между прочимъ, и въ такихъ дѣлахъ, какъ казенная поддержка заигравшимся на биржѣ «дѣльцамъ» 1873 г. Само собою, что ставши въ ряды «вѣрноконституціонныхъ», галицкіе депутаты поддерживали всю противославянскую политику правительства съ 1867 г., противъ которой пущено столько бумажныхъ громовъ и въ петербургскихъ и въ московскихъ славянофильскихъ газетахъ. И странное дѣло — эти же самыя газеты не переставали гладить по головкѣ именно этихъ галицкихъ политиковъ. Не знаемъ, чего было тутъ больше: незнанія, нелогичности или умышленнаго мороченья публики?

Но гдѣ тонко, тамъ и рвется. Галицкіе политики оборвались и передъ своимъ народомъ и передъ правительствомъ. Народъ галицкій, дѣйствительно, заявилъ себя роялистомъ въ революціонную эпоху 1848—1849 гг., но, конечно, не роялистомъ-доктринеромъ: онъ шелъ противъ польскихъ помѣщиковъ не какъ противъ либераловъ, а какъ противъ помѣщиковъ, и стоялъ за «Цісаря», потому что получилъ отъ него отмѣну «панщины» и ожидалъ отъ него уступки и «поля, лісу і пасовиська». Ожиданія эти далеко не сбылись, и народъ охладѣлъ къ высшей политикѣ, а между тѣмъ выступилъ антагонизмъ между нимъ и духовенствомъ, которое

доставляло контингентъ политиковъ. Пользы отъ двадцатилѣтней дѣятельности постоянно выбираемыхъ однихъ и тѣхъ же депутатовъ въ рейхсратъ и въ сеймъ крестьяне не видѣли, и потому стали продавать свои голоса хоть за водку, получаемую отъ помѣщиковъ-поляковъ. Къ тому же послѣ 1867 г. мѣстная администрація все больше переходила въ руки поляковъ и наклоняла вѣсы выборовъ, конечно, въ сторону своихъ и противъ русиновъ. Каждое избирательное число послѣднихъ становилось меньше, и теперь въ рейхсратѣ ихъ только 4 или даже собственно три [1]). Въ парламентскомъ смыслѣ русиновъ въ Австріи не существуетъ.

На этомъ литературномъ и политическомъ вымираніи «старой» или рутенско-москвофильской партіи дѣло не остановилось. Въ послѣднее время обнаружились признаки разложенія моральнаго, которые, однакожъ, не представляютъ ничего ни удивительнаго, ни новаго для внимательныхъ наблюдателей.

Въ недавнее время выступило уже передъ судомъ дѣло своего рода Юханцева, и въ этомъ дѣлѣ обрисовались порядки тѣхъ учрежденій, въ которыхъ галицкіе политики старой партіи играютъ роль хозяевъ. Въ началѣ 1879 г. священникъ Корнилій Яворовскій, казначей духовной консисторіи въ Львовѣ, кассиръ фонда вдовъ и сиротъ и другихъ подобныхъ, ввѣренныхъ консисторіи, капитулу и т. п., предалъ себя въ руки суда, сознавшись въ растратѣ ввѣренныхъ ему суммъ. Въ октябрѣ началось судебное слѣдствіе. Прокуратура обвиняла г. Яворовскаго въ растратѣ 12.873 гульденовъ. Подсудимый признавался только въ растратѣ 7.000, которые онъ частію проигралъ, частію издержалъ въ надеждѣ имѣть возможность возвратить ихъ въ кассу; 4.000 же, по его словамъ, выданы заимообразно крылошанину Малиновскому (членъ капитула церкви св. Юра и вліятельное лицо партіи), что удостовѣряется его роспискою, найденною у подсудимаго. Подсудимый считалъ возможнымъ брать деньги изъ кассы, такъ какъ не было ни правильной отчетности ни контроля и такъ какъ и другіе брали изъ нея, и не разъ, напр., крылошанинъ Малиновскій бралъ для себя, для митрополита, для устроеннаго партіей банка. Свидѣтели подтвердили эти пока-

---

[1]) Русскія села Восточной Галиціи выбираютъ 17 депутатовъ, изъ коихъ въ послѣдній разъ выбрали 13 польскихъ пановъ.

занія. Только г. Малиновскій пробовалъ отрицать ихъ и даже утверждать что его росписка подложная, но скоро призналъ ея подлинность. Слѣдуетъ прибавить, что свидѣтели, все лица вліятельныя въ партіи, давали показанія по-польски, а не по-русски (по-малорусски), хотя судья читалъ имъ формулу присяги по-русски, и они имѣли право, по закону, и, какъ люди, столь склонные обвинять другихъ въ измѣнѣ національности, обязаны были отвѣчать на своемъ языкѣ.

Процессъ этотъ приподнялъ только край завѣсы, скрывавшей хозяйство въ австро-русскихъ корпораціяхъ, которыя почти всѣ находятся въ рукахъ старой партіи. Статуты этихъ корпорацій, даже частныхъ патріотическихъ обществъ, составленные подъ вліяніемъ патріотовъ 1848—1849 гг., удѣляютъ огромное значеніе особѣ митрополита и, слѣдовательно, высшему духовенству, а также даютъ чрезмѣрное преимущество комитетамъ передъ общими собраніями членовъ. Почти во всѣхъ этихъ корпораціяхъ въ комитетахъ сидятъ безсмѣнно одни и тѣ же лица и распоряжаются суммами почти безконтрольно. Поэтому нисколько не будетъ удивительно, если, напр., и въ «Ставропигіальномъ Институтѣ», въ который превратилось знаменитое демократическое львовское братство, организованное еще въ XVI в., или въ «Народномъ Домѣ» окажутся такіе же, если не бо́льшіе недочеты, какъ и въ казсахъ консисторіи. Но если бы даже недочетовъ и не было, то несомнѣнно, что, напр., «Народный Домъ» служитъ какъ бы имѣніемъ управляющему или комитету, члены котораго имѣютъ въ немъ по удешевленнымъ цѣнамъ квартиры, тогда какъ, напр., для библіотеки не находится мѣста, и она лежитъ въ безпорядкѣ и не служитъ ни къ чему. Кромѣ того, всему, относительно огромному, имуществу «Народнаго Дома» завѣдывающія имъ лица дали употребленіе совершенно противное цѣлямъ учрежденія. «Народный Домъ», котораго зданія были пожертвованы націи правительствомъ (погорѣлое зданіе университета), а возстановлены на деньги, собранныя съ народа, основанъ былъ для того, чтобы давать убѣжище національнымъ культурнымъ учрежденіямъ, помогать развитію литературы и т. п. Но лица, завѣдывающія «Домомъ», стали на такую точку зрѣнія, что нужно сначала увеличить капиталъ его, а потомъ уже работать для достиженія этой цѣли. Для этого же они отдаютъ помѣщенія «Дома» внаймы

куицамъ, а также подъ квартиры, не забывая при этомъ себя и своихъ; мало того, они пустились въ спекуляцію и купили на имя учрежденія два имѣнія, да притомъ съ долгами. Спекуляція оказывается неудачною: имѣнія вводятъ «Домъ» въ долги, до уплаты которыхъ, говорятъ, нужно отложить даже такія нужды, какъ освобожденіе помѣщенія для библіотеки. О такой политикѣ справедливо говорятъ, что «Народный Домъ» тогда приступитъ къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, когда русиновъ и на свѣтѣ не будетъ. Единственнымъ объясненіемъ этой странной политики можетъ быть предположеніе, что распорядителямъ «Народнаго Дома» хозяйство сподручнѣе и даже выгоднѣе, чѣмъ литературныя и культурныя занятія.

Очевидно, что подобное безцеремонное отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и имуществамъ можетъ держаться только при полномъ отсутствіи контроля. А чтобы избѣжать его, комитеты «Народнаго Дома», «Русской Матицы» и т. п. заботливо устраняли принятіе новыхъ членовъ, сколько-нибудь заподозрѣнныхъ въ духѣ оппозиціи, и даже исключали таковыхъ подъ предлогомъ «отпаденія ихъ отъ національности «русской» въ какую-то украинскую, выдуманную поляками» и т. п. *).

*) „Народный домъ“ по своему естественному назначенію долженъ былъ бы быть общенаціональнымъ достояніемъ галицкихъ русиновъ или украинцевъ. Начало основанію его было положено австрійскимъ императоромъ, который рескриптомъ отъ 18-го октября 1849 г. подарилъ „русинскому населенію Львова“ развалины прежняго университета и стѣны примыкавшаго къ нему костела. Затѣмъ весь русинскій народъ безъ различія сословій и партій (послѣднихъ тогда еще не было) давалъ свои пожертвованія на его созданіе. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія „Народный домъ“ былъ захваченъ москвофильской партіей и до сихъ поръ остается въ ея рукахъ. Представители украинскихъ партій, къ которымъ принадлежитъ теперь громадное большинство русинскаго народа въ Галиціи и которыя въ его средѣ являются единственными носительницами европейской культуры, совершенно отстранены отъ завѣдыванія и пользованія „Народнымъ домомъ“. Въ члены общества, завѣдующаго имъ, въ свое время не были приняты даже такіе „украинско-руськіе“ дѣятели, какъ проф. у-та Ал. Огоновскій, педагогъ Врецьона, депутатъ рейхсрата Романчукъ, дѣятель на культурно-экономическомъ поприщѣ Нагирный и др. Наконецъ даже въ 1905 году было отвергнуто принятіе адвоката и извѣстнаго политическаго дѣятеля Евг. Олесницкаго. Одновременно единственный украинскій націоналъ-демократъ о. Стефановичъ, который раньше случайно попалъ въ члены общества „Народный

Понятно, что всякой такой политикѣ раньше или позже долженъ наступить конецъ, особенно подъ вліяніемъ скандаловъ въ родѣ обнаруженной растраты въ св. Юрѣ. Неудачи парламентскія, конечно, способствовали пробужденію въ обществѣ духа критики, который, между прочимъ, на первый разъ выразился во многихъ мѣстахъ въ довольно единодушномъ желаніи допущенія всѣхъ русиновъ безъ различія партій въ общенаціональныя учрежденія. Петиція въ такомъ родѣ была представлена и въ комитетъ «Русской Рады» въ концѣ 1879 года.

Когда говорится въ Галиціи о примиреніи и слитіи партій, то разумѣютъ, главнымъ образомъ, партіи «старую» и «молодую», или народную, или, иначе, «москвофильскую» и «украинофильскую». Мы уже сказали, что особенно рѣзко разошлись они послѣ заявленій «Слова» въ 1866 году. Заявленіе это имѣло рѣшительное вліяніе и на галицкихъ украинофиловъ. Оно дало имъ болѣе легальную почву, такъ какъ они остались вѣрными разъ уже признанной національной формулѣ. Теперь уже не они, казакоманы, являлись нова-

---

домъ", былъ исключенъ изъ числа его членовъ. Такое положеніе естественно вызываетъ возмущеніе не только у русинскаго народа, но и у органовъ мѣстнаго и автономнаго самоуправленія. Такъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ городской думѣ Львова былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы „Народный домъ" былъ возвращенъ „русинскому населенію Львова". Но тогда и представители украинскихъ партій не хотѣли, чтобы поляки, располагающіе большинствомъ въ городской думѣ, были судьями въ русинскихъ дѣлахъ. Поэтому гласный проф. Ал. Огоновскій отъ имени всѣхъ русинскихъ гласныхъ заявилъ, что этотъ вопросъ русины должны рѣшить сами между собой. Такъ же точно въ началѣ девяностыхъ годовъ представители украинскихъ партій отклонили предложеніе намѣстничества вмѣшаться въ это дѣло. Однако положеніе теперь сдѣлалось совершенно безвыходнымъ. „Народный домъ" не выполняетъ своего естественнаго назначенія и не приноситъ никакой пользы для подъема культуры русинскаго или украинскаго народа въ Галиціи. Онъ пока служилъ исключительно партійнымъ интересамъ москвофиловъ, хотя могъ бы принести громадную пользу, напримѣръ, при рѣшеніи остро теперь поставленнаго вопроса о созданіи украинскаго университета во Львовѣ. Все это, несомнѣнно, заставитъ представителей украинскаго народа въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ обратиться за посредничествомъ къ суду или къ органамъ законодательной власти для рѣшенія вопроса, кому долженъ принадлежать „Народный домъ" или, что то же, какой уставъ долженъ быть у такого учрежденія. Болѣе подробныя свѣдѣнія по вопросу см. „Причинки до історіі „Народного Дому" у Львові", передрук з „Діла", Львів, 1906.

Прим. ред.

торами, а старые, москвофилы. Нѣсколько человѣкъ изъ старыхъ политиковъ, которыхъ шокировала манифестація «Слова», пристали къ «молодымъ», какъ, напр., совѣтникъ и банкиръ, впослѣдствіи вицемаршалъ сейма Лавровскій и депутатъ, священникъ Качала. Разумѣется, «молодымъ» пришлось поубавить «казакоманіи», а потомъ отчасти и самаго украинофильства и сдѣлать уступки австрійскому бюрократизму и уніатскому клерикализму, а вмѣстѣ съ тѣмъ урѣзать нѣсколько и свое украинофильство въ пользу «рутенства», или же придумать лицемѣрную середину между культомъ Шевченко и совѣтника Лавровскаго, скоро тоже умершаго. Политическая дѣятельность галицкихъ украинофиловъ, или, лучше сказать, ихъ поползновенія на дѣятельность тоже не дѣлаютъ чести ни ихъ морали, ни даже такту. Но такъ какъ они почти не существовали, какъ парламентская партія, то объ этой сторонѣ дѣла не стоитъ много и разговаривать. Галицкіе украинофилы остались преимущественно литературною партіею, или даже партіею школьною, такъ какъ они первоначально состояли почти исключительно изъ молодыхъ учителей и профессоровъ. Большимъ преимуществомъ на сторонѣ украинофиловъ оказалось то, что они, какъ бы то ни было, остались на мѣстной почвѣ, къ тому же то обстоятельство, что украинофилы, какъ младшіе и бѣднѣйшіе, не попали еще въ парламенты, заставило ихъ искать подъ собою почвы все же нравственной, — въ школѣ, въ литературѣ. Вотъ почему въ то время, когда москвофильская партія все вымирала, украинофильская все росла и теперь выступаетъ въ качествѣ наслѣдника первой далеко не безъ надеждъ на успѣхъ. Старая партія это отлично чувствуетъ, и потому-то такъ неохотно слушала рѣчи о «примиреніи», за которымъ она весьма основательно усматривала свое грядущее замѣщеніе.

Украинофильская партія оказалась гораздо болѣе счастливою, чѣмъ «москвофильская» и въ союзникахъ за границами Австріи. Какъ это ни удивительнымъ можетъ показаться на первый разъ, но мы видѣли, что богатые, организованные, чиновные и вліятельные московскіе славянофилы въ Россіи не принесли никакой существенной пользы своимъ протеже, не какъ лицамъ, а какъ партіи. Сами же галицкіе москвофилы не были въ состояніи воспользоваться даже тою литературою, о единеніи съ которою столько говорили. Помимо вся-

кихъ частныхъ причинъ, тутъ вліяла основная: отсутствіе реальной почвы для единенія. Иначе было съ украинофилами. Украинская литература въ Россіи — не велика, но все-таки жива и родственна галичанамъ, которые сразу получили готовый нравственный, хоть и небольшой капиталъ. Украинофилы въ Россіи никогда не были организованы для систематической дѣятельности, но все-таки между ними были лица, которыя видѣли въ галичанахъ своихъ людей, въ ихъ дѣлѣ свое дѣло, и если оказывали галичанамъ помощь, то именно помощь дѣлу, а не лицамъ. Съ 60-хъ годовъ, начиная съ г. Кулиша, который самъ заявилъ о томъ печатно во II т. «Исторіи возсоединенія Руси», всегда находились между украинцами изъ Россіи люди, которые прямо работали для литературнаго развитія въ Галиціи, даже живя по временамъ въ странѣ, не говоря уже о томъ, что всѣ вновь появлявшіеся украинскіе писатели, беллетристы, поэты, педагоги отсылали свои произведенія на печатанье въ Львовъ и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ больше встрѣчали къ тому неудобствъ въ Россіи. А между этими молодыми украинскими писателями оказалось нѣсколько человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ. Мало того, даже матеріальная помощь дана была галичанамъ-украинофиламъ гораздо болѣе существенная отъ украинцевъ, чѣмъ москвофилы получали отъ своихъ покровителей. Мы уже говорили о библіотекахъ. Теперь скажемъ о типографіи въ Львовѣ, средства для основанія которой были доставлены изъ Россіи, но съ условіемъ, что они даются не лицамъ, а учрежденію, которое галичане и основали подъ именемъ Товариства імені Шевченка *). Выборъ распорядителей общества

*) „Товариство імені Шевченка“ было основано въ 1873 году первоначально какъ чисто издательское общество. Съ 1885 года оно начало издавать лучшій въ то время украинскій литературно-научный журналъ „Зоря“, возникшій еще въ 1880 г. Въ 1892 году оно было преобразовано въ научное общество и стало именоваться „Науковим товариством ім. Шевченка“. Съ этого года оно начало издавать „Записки Науковаго товариства ім. Шевченка“, которыхъ до настоящаго времени вышло семьдесятъ пять томовъ. Въ томъ же году общество приняло на себя изданіе юридическаго трехмѣсячника „Часопись правнича“, основаннаго еще въ 1889 году и преобразованнаго въ 1900 году въ юридическій и политико-экономическій журналъ — „Часопись правнича і економна“. Дѣятельность общества была особенно расширена, начиная съ 1898 года, когда уставъ его былъ снова переработанъ. Въ этомъ году было прекращено изданіе журнала „Зоря“, и съ слѣ-

былъ сдѣланъ сразу неудачно. Оно тоже пошло по дорогѣ «Народнаго Дома» и отложило издательство до тѣхъ поръ, пока типографія не разбогатѣетъ, и по нѣскольку лѣтъ не созываетъ общаго собранія и не даетъ отчета. Вообще шевченковскаго въ этомъ обществѣ нѣтъ ничего, кромѣ имени. Но все-таки типографія существуетъ и приноситъ свою пользу хоть части изданій украинофильской партіи. Все же это не то, что деньги, безслѣдно загубленныя славянскими комитетами на субсидіи попрошайкамъ.

Такимъ образомъ украинская партія въ Галиціи оказалась на болѣе твердой почвѣ и болѣе вооруженною нравственно. Центромъ ея было и есть основанное еще въ 1867 г. общество «Просвіта», которое теперь имѣетъ нѣсколько филій въ провинціяхъ. Оно издало нѣсколько десятковъ народныхъ книгъ, изъ которыхъ половина, по нашему мнѣнію, весьма плохи и даже вредны, какъ, вообще, добрая половина того, что повсюду издаютъ для такъ называемаго народа; но въ другой половинѣ есть книжки безспорно хорошія. Во всякомъ случаѣ книжки «Просвіты» читаются и расходятся въ числѣ отъ 10 до 20.000 въ годъ и болѣе. Но самое существенное изъ всего сдѣланнаго «Просвітою» это изданіе, хотя и при офиціальной помощи, учебниковъ для гимназіи, почти по всѣмъ предметамъ и для всѣхъ классовъ. Изданіе это дало возможность примѣнить на дѣлѣ то, что признала за галичанами австрійская конституція, а именно право на среднее и высшее образованіе на національномъ языкѣ. Право это было

дующаго года было начато изданіе толстаго журнала „Літературно-науковий Вістник“, который и въ настоящее время является лучшимъ украинскимъ журналомъ. Среди различныхъ научныхъ изданій общество предприняло также изданіе на украинскомъ языкѣ сочиненій М. Драгоманова по украинскому фольклору, разбросанныхъ въ различныхъ русскихъ, украинскихъ и западно-европейскихъ изданіяхъ; до сихъ поръ издано три тома, ср. М. Драгоманов, „Розвідки про українску народню словесність і письменство“, т. I, Львів 1899, т. II, Львів 1906, т. III, Львів 1906. Дѣятельность общества расширяется съ каждымъ годомъ, и еще въ прошломъ году было создано при немъ статистическое отдѣленіе. Для Украины и Галицкой Руси „Наукове товариство імені Шевченка“ пріобрѣло то же значеніе, какое имѣютъ академіи у народовъ, пользующихся поддержкой своихъ правительствъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ см. у М. Грушевскаго „Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси“ (Журналъ Министерства Нар. Просв., 1904 г., мартъ, стр. 117—148).

Прим. ред.

признано за русинами еще въ 1848 г., но, по неимѣнію учебниковъ, а потомъ, въ эпоху реакціи, вслѣдствіе германизаторскихъ намѣреній правительства, на дѣлѣ національный языкъ употреблялся только въ низшихъ школахъ да отчасти въ университетѣ (львовскомъ) для каѳедры этого языка и литературы; въ гимназіяхъ же господствовалъ языкъ нѣмецкій. Съ провозглашеніемъ конституціи 1867 г. и съ предоставленіемъ Галиціи (собственно польской ея партіи) автономіи въ школьныхъ дѣлахъ, нѣмецкій языкъ сталъ замѣняться польскимъ. На всѣ жалобы русиновъ польскіе централизаторы отвѣчали: «На вашемъ языкѣ не по чемъ учить». Теперь же украинцамъ удалось отвоевать, по крайней мѣрѣ, одну полную гимназію въ Львовѣ, не считая классовъ въ другихъ гимназіяхъ. А это, вмѣстѣ съ существованіемъ четырехъ каѳедръ въ львовскомъ университетѣ и одной въ черновицкомъ (въ Буковинѣ), съ которыхъ преподаваніе идетъ тоже на «рускомъ» языкѣ (Ruthenische Sprache), какъ говорятъ въ Австріи, или на «малорусскомъ» языкѣ, какъ сказали бы въ Россіи, представляетъ уже сильную гарантію въ пользу сохраненія органической связи между людьми высшаго образованія съ народными массами.

Теперь школьное и литературное поле можно признать окончательно завоеваннымъ «молодою», «народною», или «украинскою» партіею. Наилучшимъ доказательствомъ тому служитъ обстоятельство, что среди самой «старой» партіи являются люди, которые, все еще продолжая ворчать противъ «украиноманіи», считаютъ для себя выгоднымъ издавать украинскихъ авторовъ. Таково, напр., изданіе черновицкаго профессора «русской» литературы — «Руска Бібліотека» (т. I, «Писаня И. П. Котляревскаго, В. А. Гоголя, П. П. Артемовскаго-Гулака»; т. II, «Писаня Квитки»). Книги и періодическія изданія украинской партіи должны быть признаны все-таки наиболѣе живыми и интересными произведеніями галицкой литературы, въ которыхъ наиболѣе видно и новѣйшихъ научныхъ пріемовъ: таковы лингвистическіе и историко-литературные труды львовскаго профессора литературы г. Эм. Огоновскаго: «Слово о Полку Игоревѣ», и по-нѣмецки «Studien über die Rutheniche Sprache» и др., статистическія работы г. Вл. Навроцкаго, статьи по физикѣ доцента вѣнскаго университета г. Пулюя, переводы южно-русскихъ біографій изъ

«Исторіи Россіи» г. Костомарова и др. Сюда же слѣдуетъ причислить популярно-историческія брошюры живущаго въ Россіи беллетриста г. Н. Левицкаго (Нечуя), который, кромѣ того, почти каждый годъ печатаетъ въ Галиціи большую повѣсть изъ народной жизни, всегда почти представляющую интересные результаты наблюденій, хотя и не всегда достаточно обработанную. Къ украинской же партіи примкнулъ и самый талантливый поэтъ и беллетристъ галицкій изъ числа появившихся въ 60-е годы, Федьковичъ, буковинскій крестьянинъ, описавшій съ удивительною простотою жизнь своихъ земляковъ. По части періодической печати украинская партія издавала въ послѣдніе годы сборникъ «Правда», «Газету Школьну», «Письмо зъ Просвіты», «Батьківщину» и т. п. Изъ нихъ «Газета Школьна» вызвала противъ себя мѣры офиціальнаго училищнаго совѣта (въ огромномъ большинствѣ состоящаго изъ поляковъ), который запретилъ сельскимъ учителямъ подписываться на нее, и должна была прекратиться, но замѣнилась учено-литературной газетой «Зоря». Въ прошломъ году редакція «Правды», обративъ это изданіе въ непріодическое, взялась за изданіе газеты (три раза въ недѣлю) «Діло», для которой, чтобъ не рѣзать глазъ грамматиковъ-консерваторовъ, принято старое правописаніе («Дѣло»). Газета эта,— болтливая и водянистая въ передовыхъ статьяхъ,— все же болѣе отдаетъ современностью, чѣмъ «Слово», выходящее въ томъ же форматѣ; по языку «Дѣло» совсѣмъ украинское изданіе.

Въ послѣднее время на сторону украинцевъ стали склоняться и тѣ сферы, которыя въ свое время первыя выступили противъ нихъ, въ періодъ появленія ихъ въ видѣ «казакофиловъ». Мы разумѣемъ высшія клерикальныя сферы, которыхъ органомъ служила до недавняго времени газета «Рускій Сіонъ», раздѣлившійся потомъ на двѣ газеты. Такая перемѣна имѣетъ нѣсколько причинъ: во-первыхъ, подрастаніе болѣе молодого поколѣнія духовенства, которое уже не такъ держится за старую церковнославянщину и признаетъ значеніе за народнымъ языкомъ, а во-вторыхъ, въ болѣе офиціальныхъ сферахъ, оппозиція противъ той части старой партіи, которая симпатизировала уничтоженію уніи въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ въ Россіи. Эта новая благосклонность уніатскихъ клерикаловъ къ партіи, которая дебютировала нѣкогда,

какъ «казакофильская», омрачается по временамъ курьезами, въ родѣ полемики о Шевченкѣ, по поводу напечатанія въ полномъ пражскомъ изданіи неизвѣстныхъ прежде стихотвореній его, въ родѣ поэмы «Марія», въ которыхъ «батько» и «пророкъ» украинофиловъ выходитъ за предѣлы не только «церкви восточнаго обряда», но даже и христіанства. Но миръ возстановляется, между прочимъ, благодаря уступкамъ народовцевъ, которые то оправдываютъ своего пророка тѣмъ, что онъ, будучи православнымъ, имѣлъ право не почитать папизмъ въ такихъ поэмахъ, какъ «Иванъ Гусъ»; то заявляютъ, что и они сами не все одобряютъ въ писаніяхъ украинскаго кобзаря, или полагаютъ раздѣлить это писаніе на писанія для профановъ и для посвященныхъ. Вообще, перемѣна уніатскими клерикалами гнѣва противъ народовцевъ на милость имѣетъ на народовцевъ очень деморализующее направленіе. Хорошая сторона этой перемѣны заключается только въ томъ, что она знаменуетъ, что въ Галиціи уменьшаются формальныя раздѣленія между партіями, напр., изъ-за литературнаго языка, и приготовляется почва для созданія нормальныхъ партій, которыя различаются между собою культурными и политическими идеалами, но одинаково признаютъ общую національную основу, какъ это мы видимъ повсюду, гдѣ утрата національной независимости не произвела такой путаницы въ понятіяхъ о своей національности, какую мы видѣли при началѣ возрожденія среди русиновъ въ Галиціи.

Такіе успѣхи украинской партіи среди разныхъ общественныхъ элементовъ Галиціи не могли не произвести впечатлѣнія на ея противниковъ, которые увидѣли, что они теряютъ подъ собою почву. Образовалась средняя партія, которая, все еще держась формулы единства русскаго племени отъ Тиссы до Амура, заявила, что единство это должно имѣться въ виду только для большихъ оказій, для высшихъ сферъ общества, а что въ обыденной жизни и въ литературѣ для низшихъ сферъ надо считаться съ разнообразіями, напр., съ народными языками, или, какъ говорятъ менѣе уступчивые, съ нарѣчіями и даже выговорами. Наиболѣе активнымъ представителемъ этой средней партіи является священникъ Наумовичъ, довольно талантливый и энергическій человѣкъ, хотя, къ сожалѣнію, недостаточно образованный,— прежде депутатъ сейма и рейхсрата,— основатель популярныхъ журналовъ «Наука»,

«Руска Рада» и т. п. Онъ стоитъ за единство русско-литературнаго языка, хотя, впрочемъ, вовсе не за великорусскій литературный языкъ, въ которомъ онъ тоже недоволенъ простонародностью, но за какой-то высшій русскій языкъ, основанный на церковно-славянскомъ. Но рядомъ съ общерусскою литературою, которую, очевидно, слѣдуетъ еще создать, согласно идеямъ галицкаго патріота, онъ признаетъ необходимою литературу для простого народа на его языкѣ, которымъ, надо сказать, г. Наумовичъ владѣетъ лучше многихъ украинофиловъ-народовцевъ.

Онъ первый не выдержалъ пассивности своей партіи и ея эмигрантскаго и морально-абсентеистическаго духа послѣ 1866 г. *). Видя, что извнѣ ожидаемая помощь не приходитъ, онъ сталъ искать почвы подъ ногами и обратился къ агитаціи среди самого мѣстнаго народа, начавъ издавать популярныя брошюры, журналы, листки, въ которыхъ жаловался на существующую систему австрійско-польскаго управленія, а также на обѣдненіе народа, противъ котораго онъ предлагалъ и средства. Жалобы эти и эти средства были весьма нехитраго, очень домашняго характера: во всѣхъ бѣдахъ у г. Наумовича были виноваты чужіе, особенно «латинцы», поляки; средства для поправленія дѣлъ, имъ рекомендованныя, были: вѣрность габсбургамъ и пастырямъ церкви, а изъ экономическихъ мѣръ: трезвость и бережливость. Но на первый разъ агитація г. Наумовича была нѣчто новое, и онъ явился въ Галичинѣ своего рода Шульце-изъ-Делича, проповѣдуя организацію народныхъ обществъ бережливости, читаленъ, общественныхъ кассъ, магазиновъ и т. п. 1873—1875 гг. были апогеемъ дѣятельности галицкаго Шульце-изъ-Делича. Въ это время ему улыбнулась надежда расширить дѣятельность пріобрѣтеніемъ болѣе значительныхъ средствъ. Въ 1873 г. умеръ въ Кронштадтѣ заѣхавшій въ Россію галичанинъ, совѣтникъ Михаилъ Качковскій, оставивъ послѣ себя завѣщаніе, по которому всѣ его капиталы, которые сначала опредѣляли въ 85 тысячъ гульденовъ, должны были быть обращены на литературно-патріотическія цѣли, указаніе которыхъ онъ предоставилъ, по завѣщанію, особому комитету изъ духовныхъ и литераторовъ старой партіи. Наумовичъ возымѣлъ мысль организо-

*) Тѣмъ не менѣе и онъ окончилъ свою жизнь эмигрантомъ, о чемъ см. прим. выше на стр. 386. *Прим. ред.*

вать особое литературно-патріотическое «Общество имени Михаила Качковскаго» съ девизомъ: «молися, трезвися, учися, трудися», какое дѣйствительно и было открыто. Но сверхъ ожиданій Наумовича, деньги Качковскаго въ общество это не поступили: изъ-за нихъ возникли процессы, сумма денегъ какъ-то все уменьшалась въ гласныхъ о нихъ указаніяхъ, а въ послѣднее время самые разговоры о нихъ затихли. Впрочемъ, на первыхъ порахъ много сельскаго духовенства и крестьянъ и даже студентовъ вписалось въ члены общества, которыхъ числилось нѣсколько тысячъ; на митингѣ общества собиралось отъ 500 до 1.000 человѣкъ, большею частію крестьянъ. Предприняты были народныя изданія; митинги стали сопровождаться сельскохозяйственными выставками. Но скоро проникла въ общество партіонная рутина, а вмѣстѣ съ нею денежная неаккуратность, тѣмъ болѣе, что Наумовичъ, въ расчетѣ на полученіе капитала Качковскаго, допустилъ широкое участіе въ дѣлахъ общества нотаблей старой партіи и ихъ протеже. Рядомъ съ этимъ жизнь обнаружила узость клерикально-кооперативной идеи Наумовича, и крестьяне стали замѣчать, что какъ ни трезвись ни трудись, все изъ бѣдности не выйдешь, что «старшіе ихъ братья», духовенство, ничему реально-полезному ихъ не выучиваютъ, а проповѣдуя народу: «молися», сами не забываютъ себя и конкурируютъ съ «чужинцами», — жидами и ляхами, — въ эксплуатаціи народа, не гнушаясь и ростовщичествомъ, индивидуальнымъ и коллективнымъ, въ видѣ особаго банка сельскаго кредита, основаннаго чинами духовнаго управленія. Симпатіи къ Наумовичу и его обществу стали падать до того, что на недавнихъ выборахъ въ сеймъ онъ самъ былъ заболлотированъ въ томъ именно округѣ, гдѣ живетъ.

Между тѣмъ въ молодежи произошло новое движеніе, которое имѣло рѣшительное вліяніе на положеніе всѣхъ старыхъ партій. Движеніе это имѣетъ тоже связь съ постановкой вопроса объ отношеніи галицкой литературы къ русской, «россійской». Мы уже видѣли, что извѣстная партія въ Галиціи дѣлала много шуму по поводу литературной уніи Галиціи съ Великороссіею и что шумъ этотъ не приводилъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Мало того, нетерпимо-централистическая постановка вопроса приводила къ результатамъ отрицательнымъ. Просматривая галицкіе журналы 60-хъ го-

довъ, видишь, что собственно украинская партія гораздо больше дѣлала для ознакомленія мѣстной публики даже съ великорусской литературою. По крайней мѣрѣ, она передавала своей публикѣ голоса ученыхъ великоруссовъ (пр. Лавровскаго, Гильфердинга, пр. Пыпина, даже Погодина) въ пользу самостоятельности малорусскаго языка и законности малорусской литературы. Галицкіе же общеруссы совсѣмъ ничего не давали, кромѣ газетныхъ перепечатокъ изъ «Москвы», «Московскихъ Вѣдомостей», «Кіевлянина» и т. п. Извѣстная часть молодежи, вообразивъ, что въ Россіи другой литературы и нѣтъ, отвернулась отъ всего «россійскаго» настолько, что намъ самимъ приходилось встрѣчать въ началѣ 70-хъ годовъ молодыхъ галицкихъ украинофиловъ, которые не хотѣли читать Гоголя и даже Костомарова, какъ писателей «московскихъ». Среди молодыхъ же галицкихъ «москвофиловъ» таково было невѣдѣніе «московской» литературы, что когда органъ ихъ «Другъ», изданіе львовскаго студенческаго общества «Академическій кружокъ», пожелалъ познакомить свою публику съ Тургеневымъ, о которомъ слухъ не могъ же не дойти и въ Галицію, то онъ не выбралъ у этого писателя ничего болѣе подходящаго, кромѣ разсказа «Собака», да и тотъ перевелъ съ нѣмецкаго языка, на какой? — этого уже не беремся опредѣлить!

Тогда нѣкоторые изъ россійскихъ украинцевъ остановились на такой мысли: познакомить галицкую молодежь съ великорусской литературой, такой, какова она есть, доставляя галичанамъ какъ великорусскія книги и журналы, такъ и переводя для нихъ разсказы и поэтическія произведенія писателей-великоруссовъ: Щедрина, Тургенева, Некрасова, Достоевскаго и т. п., показать галичанамъ, однимъ, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, а другимъ, что русская литература, только настоящая, т.-е. та, которую въ Россіи всѣ читаютъ, а не болтовня славянофильскаго кружка, исходитъ изъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ основывается и здоровое украинофильство, т.-е. изъ принциповъ реализма и демократизма. Планъ сводился, какъ видите, къ тому, чтобъ убить въ галицкихъ украинофилахъ племенную узость, а галицкихъ москвофиловъ поразить на голову московскою же литературою. Планъ этотъ удался какъ нельзя болѣе, и постепенный успѣхъ его можно видѣть на страницахъ упомянутаго студенческаго

журнала «Другъ» съ 1874 по 1876 годъ. Послѣ ряда полемическихъ статей, въ которыхъ шелъ обмѣнъ мыслей между нѣкіимъ «Украинцемъ» [1]) и москофильскими членами редакціи, «Другъ» помѣстилъ, наконецъ, одинъ разсказъ г. Успенскаго въ великорусскомъ подлинникѣ. Это былъ разсказъ изъ ряда, озаглавленнаго «Изъ Альбома», и рисовалъ онъ жизнь захолустнаго городка, среди котораго жилъ дьяконъ, какъ всѣ дьяконы. Вдругъ въ захолустье является дочь богатаго купца, которая бросила богатство, чтобы стать народной учительницею. Она-то перевернула вверхъ дномъ жизнь дьякона, пробудивъ въ немъ человѣческіе инстинкты, которые уже никогда не могли примириться съ «свинскимъ», какъ онъ говорилъ, элементомъ его натуры и жизни. Драма кончается тѣмъ, что дьяконъ, безсильный стать человѣкомъ, спивается, а жена его, которая сначала подозрѣвала учительницу въ амурахъ, сама вмѣстѣ съ нею отправляется въ медико-хирургическую академію, чтобы приготовиться служить народу. Мы нарочно напомнили содержаніе этого разсказа, который читатель въ Россіи могъ и забыть, такъ какъ ихъ не мало появилось въ такомъ родѣ въ 70-е годы. На галицкую публику онъ произвелъ странное впечатлѣніе. Во-первыхъ, по языку онъ показалъ наглядно, какъ морочили публику мѣстные общеруссы, выдавая самымъ рѣшительнымъ образомъ свою тредьяковщину за «россійскій литературный языкъ». Во-вторыхъ, по содержанію этотъ разсказъ долженъ былъ сильно задѣть ту публику, которая на бо́льшую половину состоитъ изъ духовенства и его семействъ. Сельская часть публики не сразу разобрала, въ чемъ дѣло, потому что языкъ разсказа затруднялъ ее, но скоро друзья и враги нововведенія растолковали ей сущность дѣла, и цѣлый рядъ подписчиковъ возвратилъ въ редакцію зловредный № журнала и отказался отъ абонемента. Зато журналъ пріобрѣлъ новыхъ изъ провинціальной молодежи. Въ редакціи произошла перемѣна: часть отказалась отъ редакціи, и общее собраніе «Академическаго Кружка» приняло отставку ихъ и выбрало большинство комитета изъ партіи радикальной, во главѣ которой стали два молодые беллетриста Павликъ и Франко, оба сыновья крестьянъ, принадлежавшіе прежде къ обществу М. Качковскаго. Въ ихъ рукахъ «Другъ»

---

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ писалъ самъ М. П. Драгомановъ.

рѣшительно оставилъ старую, москвофильскую партію, которая, такимъ образомъ, окончательно осталась безъ молодежи.

Украинофилы ликовали, потому что эта, оставляющая ряды ихъ противниковъ, молодежь становилась на почву «народовцевъ». Но оказалось, что эти раскольники и вмѣстѣ часть молодежи украинофильской сходится съ офиціальною украинофильскою партіей только въ вопросахъ формально-литературныхъ и національныхъ, но радикально расходится съ политикою компромиссовъ, которые прежніе казакофилы и поклонники Шевченка успѣли заключить съ разными «совѣтниками» и «крылошанами». Новая народная партія примыкала, дѣйствительно, къ народовству, но въ его прежнемъ, болѣе чистомъ видѣ, и притомъ безъ его національнаго романтизма, который она хотѣла замѣнить новѣйшею европейскою наукою. При томъ же и по вопросу національному новая народная партія отнеслась скептически къ весьма распространенному вѣрованію объ индивидуалистическомъ характерѣ украинскаго племени (идея, между прочимъ, развитая и въ статьѣ г. Костомарова «Двѣ русскія народности») и явно обнаружила намѣреніе искать въ украинскомъ народѣ инстинктовъ и опытовъ артельныхъ, общинныхъ (товарищества, громада), такъ что новая народная партія скорѣе всего можетъ быть названа народно-общинною.

Партія эта оказалась довольно плодовитою въ литературномъ отношеніи. Сначала въ 1876 г. она издавала мѣсячную газету «Другъ», потомъ журналъ «Громадськиj Друг», а послѣ для лучшей борьбы съ цензурою, сборники бо́льшаго формата: «Дзвін» (Колоколъ) и «Молот», дальше серію брошюръ подъ названіемъ «Дрібна Бібліотека» (13 брошюръ), а въ настоящемъ году издаетъ опять мѣсячную газету «Сьвіт». Въ этихъ изданіяхъ появились повѣсти изъ народной жизни Павлика *) и Франка **), изъ которыхъ выдаются особенно

*) М. Павликъ, по происхожденію крестьянинъ, родился въ 1853 году. Онъ самый стойкій и послѣдовательный публицистъ и политическій дѣятель въ Галиціи. Болѣе кого бы то ни было онъ способствовалъ распространенію соціально-политическихъ идей Драгоманова въ Галиціи и на Украйнѣ. За свои политическія убѣжденія ему не разъ приходилось подвергаться преслѣдованіямъ — переносить политическіе процессы и тюремное заключеніе. Въ теченіе четырехъ лѣтъ съ начала 1879 года по конецъ 1882 года онъ принужденъ былъ вести жизнь политическаго эмигранта въ Женевѣ. Съ 1890 по

«Ребеншчукова Тетьана» Павлика, исторія борьбы женской личности за свою свободу, и Франка «Борислав», рядъ очерковъ изъ жизни крестьянъ рабочихъ на копяхъ нефти и земляного

1895 годъ онъ издавалъ журналъ „Народ“ сначала вмѣстѣ съ Франкомъ, а затѣмъ одинъ. Журналъ этотъ способствовалъ созданію украинской радикальной партіи въ Галиціи, однимъ изъ основателей которой былъ Павликъ. Съ 1897 года онъ состоитъ библіотекаремъ „Наукового товариства ім. Шевченка“. Въ послѣдніе годы онъ занятъ, главнымъ образомъ,—переводомъ и изданіемъ научныхъ сочиненій Драгоманова на украинскомъ языкѣ и обработкой изданія его переписки. Въ 1904 году былъ отпразднованъ юбилей его тридцатилѣтней дѣятельности. Описаніе этого празднованія вмѣстѣ съ рѣчами, адресами и привѣтствіями издано особой брошюрой. Ср. „Юбилей 30-літної діяльності Михайла Павлика, 1874—1904“. Львів, 1905. *Прим. ред.*

**) Ив. Франко родился въ 1856 году въ крестьянской семьѣ. Обладая крупнымъ поэтическимъ талантомъ, онъ, благодаря неутомимому труду, сдѣлался самымъ выдающимся современнымъ украинскимъ поэтомъ и повѣствователемъ. Многія изъ его произведеній переведены на русскій языкъ и печатались въ различныхъ журналахъ, а также вышли отдѣльнымъ сборникомъ — „Въ потѣ чела“. До половины девяностыхъ годовъ ему пришлось много страдать отъ политическихъ преслѣдованій и бороться съ матеріальными невзгодами. Средства къ жизни ему приходилось добывать газетной работой въ польскихъ и нѣмецкихъ органахъ. Съ половины девяностыхъ годовъ онъ посвящаетъ себя исключительно литературной и научной работѣ. Въ 1892 году онъ снова записывается слушателемъ въ университетъ и пишетъ обширное историко-литературное изслѣдованіе объ Іоаннѣ Вышенскомъ и докторскую диссертацію о средневѣковомъ романѣ „Варлаамъ и Іоссафъ“. Ее онъ защищаетъ въ Вѣнѣ у академика Ягича въ 1894 году. Научные труды Франка по археологіи, исторіи, исторіи литературы, художественной критикѣ, этнографіи и статистикѣ печатались и печатаются въ различныхъ изданіяхъ „Наукового товариства ім. Шевченка“. Въ 1898 году по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія его литературной дѣятельности М. Павликъ издалъ объемистый указатель его сочиненій — „Спис творів Івана Франка за перше 25-літье його літературної діяльності, 1874—1898“, Львів, 1898. Въ прошломъ 1906 году, къ пятидесятилѣтнему дню рожденія Франка, украинскій поэтъ Б. Гринченко писалъ о немъ: „Уже теперь можно сказать, что Ив. Франко — одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей всего украинскаго народа, одинъ изъ лучшихъ его вожаковъ, что онъ—одна изъ наиболѣе выдающихся и оригинальныхъ индивидуальностей украинской литературы. Что касается въ частности Галиціи, то можно съ увѣренностью сказать, что безъ Ивана Франка Галиція не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть съ точки зрѣнія просвѣтительно-культурной, что вся та литературная и научная работа, которая тамъ производится была бы просто невозможной, если бы Франко не поработалъ раньше и не работалъ бы теперь. А какъ великъ былъ бы отъ этого вредъ для всей Украйны, это пойметъ каждый, кто знакомъ съ исторіей нашего развитія въ XIX столѣтіи“. Ср. „Нова Громада“. Літературно-науковий місячник, 1906, серпень.

Прим. ред.

воску въ Бориславѣ, а также «На дні», чрезвычайно интересный этюдъ мѣстныхъ острожныхъ типовъ, результатъ наблюденій автора, который просидѣлъ два раза въ «Мертвомъ домѣ» по политическимъ причинамъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать этюды о положеніи рабочихъ массъ въ Галиціи, объ отношеніи ихъ къ духовнымъ и т. п. Черпая, такимъ образомъ, мѣстный народный матеріалъ гораздо глубже, чѣмъ это дѣлали прежнія партіи, народно-общинная партія обращается и прямо къ источникамъ передовой западно-европейской литературы, помѣщая переводы изъ Шефле, Ланге, Гексли, а также Эркмана-Шатріана, Байрона (Каинъ), Шелли, Гёте (Фаустъ), Гейне и т. п., по бо́льшей части очень удачные (стихотворные переводы Франка). Рядомъ съ изданіями новой галицкой группы надо поставить и книги, написанныя въ томъ же направленіи, но для которыхъ матеріалъ доставила не Галиція, или, по крайней мѣрѣ, не одна Галиція, а и украинскія области Россіи. Таковъ большой романъ Білика и Мирнаго «Хиба ревуть воли, jак jасла повні?» въ которомъ въ исторіи двухъ крестьянскихъ семей представлена исторія украинскаго села на лѣвомъ берегу Днѣпра отъ временъ введенія крѣпостного права, въ концѣ XVIII в., до введенія земства включительно, а также двѣ книги: «Житьтьа j здоровja льудej на Украjіні» и «Фабрики j ремесла на Украjіні» *). Выходъ изъ традиціонныхъ галицкихъ партій новая группа обнаружила и тѣмъ, что она обратилась не только къ русинамъ, но и къ полякамъ, принявъ участіе въ организаціи рабочей газеты «Рraca» («Трудъ») и въ изданіи популярныхъ брошюръ для мѣстныхъ рабочихъ польскаго языка. Нѣкоторыя вещи Франка выходятъ одновременно по-украински и по-польски.

Надо, впрочемъ, сказать, что, какъ партія еще новая и состоящая изъ молодыхъ и не имѣющихъ никакого лично вліятельнаго положенія, народно-общинная партія въ Галиціи еще не оказываетъ замѣтнаго вліянія на практическій ходъ дѣлъ въ странѣ. Но литературное вліяніе ея довольно сильно и теперь, такъ что это едва ли не самая сильная въ Галиціи литературная партія. Косвенное же вліяніе ея сказалось и

*) Эти сочиненія были написаны украинскимъ эмигрантомъ С. Подолинскимъ, сыномъ русскаго поэта Пушкинской эпохи. Изданы они были не во Львовѣ, а въ Женевѣ редакціей „Громади“ такъ же, какъ и романъ „Хиба ревуть воли, як ясла повні“. *Прим. ред.*

теперь хотя бы въ томъ, что она выбила всѣ старыя партіи изъ ихъ наѣзженной колеи и по вопросамъ національнымъ и культурнымъ, и по вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи главная заслуга новой партіи заключается въ возбужденіи вниманія къ вопросамъ экономическимъ и къ изслѣдованію болѣе глубокихъ причинъ обѣдненія народа и возрастающаго его обезземеливанья, чѣмъ то «пьянство и лѣнивство», о которомъ столько времени трубили политики обѣихъ старыхъ партій, москвофильской и украинофильской. Движеніе, возбужденное новой партіей въ литературѣ, тѣмъ болѣе имѣетъ шансовъ на будущее развитіе, что ему соотвѣтствуетъ движеніе въ томъ же направленіи, совершающееся въ самихъ народныхъ массахъ.

Говоря объ упадкѣ количества русиновъ-депутатовъ въ галицкомъ сеймѣ и въ вѣнскомъ рейхсратѣ, мы уже упомянули объ упадкѣ среди крестьянъ авторитета духовенства. Разладъ народныхъ массъ съ духовенствомъ, которое такъ долго было не только религіознымъ учителемъ, но и политическимъ и національнымъ представителемъ народа, выражается и въ другихъ формахъ. Недавно цѣлое село подлѣ Львова, послѣ долгихъ споровъ со своимъ священникомъ, изъявило желаніе перейти въ католицизмъ, а когда къ тому встрѣтилось препятствіе (такъ какъ и унія считается католицизмомъ), то все перешло въ протестантство. Въ другомъ селѣ нѣсколько грамотныхъ крестьянъ, предводимые однимъ, прежде бывшимъ горячимъ распространителемъ изданій общества М. Качковскаго, отказались платить налогъ на содержаніе священниковъ и даже силою отняли у волостного старшины конфискованное имъ за недоимку ихъ имущество. Въ бывшемъ по этому поводу процессѣ выяснилось, что цѣлая группа крестьянъ, люди пожилые (за 40 и за 50 лѣтъ), отцы семействъ, высказывали самыя скептическія религіозныя мнѣнія. И, какъ можно судить по наблюденіямъ крестьянки же Анны Павликъ, изложеннымъ съ необыкновенною наивностію въ одной ея статьѣ въ «Дзвонѣ», подобныя мнѣнія представляютъ вовсе не рѣдкость въ средѣ крестьянъ. Рядомъ съ этимъ нѣсколько процессовъ показали, что среди крестьянъ обращаются такія изданія народно-общинной партіи, которыя львовскіе прокуроры конфисковали, но которыя, впрочемъ, врядъ ли бы рѣшились конфисковать прокуроры вѣнскіе, если бы эти изда-

нія были написаны на нѣмецкомъ, а не на украинскомъ языкѣ. Наконецъ наблюдатели сообщаютъ, что среди простонародья разныхъ національностей и церковныхъ обрядовъ въ Галиціи замѣчается желаніе сближенія, совершенно противное узкимъ національнымъ стремленіямъ какъ польскихъ, такъ и русинскихъ политиковъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не проявить вліянія и на самихъ политиковъ старыхъ русинскихъ нарѣчій, которые должны были почувствовать необходимость измѣненія своего поведенія. Въ послѣдніе мѣсяцы мы замѣчаемъ сильное движеніе въ галицкихъ политическихъ партіяхъ, сильное стремленіе привлечь на свою сторону активное сочувствіе народныхъ массъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ, какъ вовсе не прежнія вліятельныя лица и кружки руководятъ народными массами, но какъ, наоборотъ, они сами должны подчиняться вліянію этихъ послѣднихъ и шагъ за шагомъ удаляться отъ всѣхъ рутинныхъ способовъ дѣйствій и даже отъ рутинныхъ идей. Это совсѣмъ необычное положеніе дѣлъ обнаружилось впервые на митингѣ, отбывшемся въ Львовѣ на 30 ноября прошлаго года.

Митингъ этотъ былъ созванъ по поводу празднованія столѣтней годовщины вступленія на престолъ императора Іосифа II. Празднованіе этой годовщины въ Австріи было выдумано собственно нѣмецко-централистической партіей, чтобъ имѣть лишній случай для агитаціи противъ теперешняго федеральнаго парламентскаго большинства, въ которомъ клерикалы и феодалы имѣютъ значительную долю участія. Русины, кажется, одни только изъ славянъ присоединились къ празднеству, подъ предлогомъ, что Іосифъ II первый нанесъ ударъ полонизму въ Галиціи учрежденіемъ русскихъ каѳедръ въ университетѣ львовскомъ, а также регулированіемъ барщины и повинностей крестьянскихъ. Но вообще іозефинская демонстрація русиновъ показывала, что ихъ политики все продолжаютъ итти по старой дорогѣ экспериментовъ цесарско-парламентскаго характера. Только второстепенныя обстоятельства, а также дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что съ митинга 30 ноября русины вступили совсѣмъ на новую дорогу.

Прежде всего оказалось, что на этомъ митингѣ политики старой партіи играютъ второстепенную роль и притомъ роль совершенно не въ томъ духѣ, въ какомъ они выступали еще

годъ передъ тѣмъ. Мы уже упомянули въ началѣ статьи, что въ концѣ 1879 г. на собраніи общества «Русская Рада» было сдѣлано предложеніе о примиреніи партій среди русиновъ и о принятіи въ число членовъ «Рады» и нѣсколькихъ членовъ изъ партіи украинской. Предложеніе исходило изъ рядовъ представителей одного провинціальнаго округа, который на дѣлѣ могъ убѣдиться въ томъ, что и проклинаемые украинофилы , по крайней мѣрѣ, не хуже «старыхъ» русиновъ работаютъ на національномъ полѣ. Предложеніе было отвергнуто въ общей его формѣ по настоянію комитета «Рады», объявившаго, что въ немъ нѣтъ надобности, такъ какъ и безъ того всякому честному патріоту открытъ доступъ въ общество. Но затѣмъ комитетъ не принялъ въ члены нѣсколькихъ предложенныхъ представителей украинской партіи, какъ нарочно наиболѣе активныхъ и по-своему заслуженныхъ: учителей гимназій, профессоровъ университета, писателей, чѣмъ и показалъ свою партіонность. Оправданія въ родѣ того, что отверженные — люди, испортившіе родной литературный языкъ и не достаточно «твердые» по отношенію къ полонизму,— быть-можетъ, и подѣйствовали бы на публику десять лѣтъ назадъ, но теперь всѣми знакомыми съ дѣломъ сочтены были весьма неловкими. Имъ повѣрили только газеты въ Россіи, преимущественно «Берегъ», «Кіевлянинъ» и «Московскія Вѣдомости».

Пораженіе, нанесенное комитетомъ «Русской Рады», заставило украинофиловъ обратиться непосредственно къ населенію и дало имъ мысль организовать митинги 29 и 30 ноября, въ приготовленіи которыхъ игралъ главную роль редакторъ «Правды» г. Барвинскій. Москвофилы не могли отказываться отъ участія, и совокупными усиліями были выработаны четыре резолюціи: 1) относительно «государственно-правового положенія русиновъ», о необходимости исполненія на дѣлѣ конституціи, признающей равноправіе всѣхъ національностей въ имперіи; 2) по вопросамъ экономическимъ, о мѣрахъ противъ обѣдненія массы крестьянскаго населенія; 3) о дѣлахъ школьныхъ, о равноправіи русиновъ и поляковъ въ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ и въ учительскихъ семинаріяхъ; 4) о внутренней дѣятельности русиновъ, т.-е. о солидарности всѣхъ ихъ партій. Докладчиками по главнѣйшимъ вопросамъ,—по экономическому и школьному,—выступили украино-

филы и притомъ изъ числа наиболѣе чернимыхъ прежде москвофильскими журналами. По вопросу о солидарности партій референровалъ москвофилъ, членъ «Русской Рады», которая годъ назадъ провалила этотъ вопросъ. Митингъ, на которомъ присутствовало болѣе двухъ тысячъ человѣкъ (2.300), бо̀льшею частію крестьянъ, конечно, одобрилъ всѣ резолюціи и выбралъ комитетъ для изслѣдованія положенія школъ: въ этомъ комитетѣ, при 12 членахъ, оказалось украинофиловъ — девять. Такимъ образомъ первый результатъ митинга 30 ноября состоялъ въ томъ, что масса населенія не только признала законность существованія украинской партіи, но и отдала ей преимущество, по крайней мѣрѣ, въ школьныхъ дѣлахъ, которыми эта партія наиболѣе до сихъ поръ и занималась. Вотъ почему теперь нѣсколько забавно читать въ львовскомъ «Словѣ», а затѣмъ и въ «Кіевлянинѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и т. п. похвалы твердости и единодушію митинга русиновъ, а также мудрости одобренныхъ имъ мѣръ къ огражденію національныхъ интересовъ и одобреніе изданной школьной комиссіей прокламаціи, подписанной тѣми самыми лицами, которыя еще недавно честились, какъ измѣнники, запродавшіеся полякамъ и т. п.

Второй результатъ митинга — это всенародная постановка экономическаго вопроса тѣми самыми лицами, которыя, какъ докладчикъ по вопросу, г. Барвинскій и какъ одинъ изъ ораторовъ, г. Наумовичъ, не видѣли никакой причины бѣдности «русскаго хлопа», кромѣ «пьянства и лѣнивства». Правда, референтъ, нарисовавъ картину обѣдненія «хлопа», предложилъ для поправленія мѣры, при теперешнемъ управленіи въ Австріи совершенно фантастическія, въ родѣ уменьшенія и болѣе равномѣрнаго взиманія и раціональнаго употребленія податей, пособія отъ сейма и государства заемнымъ кассамъ и кооперацiямъ и т. п. Но важно и то, что политики обѣихъ партій вышли изъ заколдованнаго круга прежней фразеологіи, при чемъ двое изъ ораторовъ подошли и къ общимъ причинамъ бѣдности. Впрочемъ, когда одинъ изъ нихъ, г. Наумовичъ, коснулся конкуренціи съ бѣднымъ «хлопомъ» крупнаго производства и машинъ и полицейскій комиссаръ, — персона, очевидно, не крѣпкая въ сознаніи предѣловъ своихъ правъ, — замѣтилъ, что онъ «не можетъ позволить говорить о машинахъ, такъ какъ это значитъ поднимать

соціальный вопросъ», то г. Наумовичъ сконфузился, замѣтилъ, что онъ не поднимаетъ «соціальнаго вопроса», и умолкъ. Тѣмъ не менѣе большинство польскихъ газетъ признало движеніе, охватившее теперь русиновъ, глубоко соціальнымъ.

На первыхъ порахъ довольные исходомъ митинга, политики русиновъ сочли возможнымъ направить его на старыя колеи парламентской рутины съ тѣмъ только, конечно, чтобы подновить составъ кандидатовъ въ депутаты сейма и рейхсрата новыми лицами изъ украинофильской партіи, которыя должны заключить союзъ съ болѣе умѣренными изъ старой партіи. Особенно укрѣпились галицкіе политики въ этомъ планѣ, когда, вскорѣ послѣ митинга, сеймовые выборы въ одномъ изъ провинціальныхъ округовъ дали перевѣсъ депутату-русину. Но вслѣдъ затѣмъ коалиція потерпѣла пораженіе на выборахъ сеймовыхъ и рейхсратовыхъ въ двухъ другихъ округахъ. Особенно второе пораженіе, въ львовскомъ округѣ, оказалось поучительно. Кандидатомъ былъ выставленъ давній дѣятель, видное духовное лицо, о. Шведицкій, котораго коалиція партій поставила президентомъ на митингѣ 30 ноября. И что жъ? Многіе крестьянскіе гласные подали голоса противъ него и потомъ говорили членамъ «Русской Рады», поддерживавшей кандидата: «если бы вы поставили намъ кандидатомъ портного, сапожника, кого хотите — мы бы подали за него голоса, а за попа не подадимъ»! Корреспондентъ «Батьківщины», передавая такія слова, прибавляетъ: «я слыхалъ отъ самихъ избирателей-священниковъ, что народъ подъ Львовомъ не имѣетъ довѣрія къ своимъ пастырямъ». Вслѣдъ за тѣмъ «Батьківщина» получила корреспонденцію отъ одного избирателя-крестьянина, въ которой, между прочимъ, читаемъ слѣдующія слова (даемъ ихъ, конечно, въ переводѣ): «совершенно справедливо, что насъ, русиновъ, чужіе перемогаютъ, но кто тому виноватъ, если не сами русины, а особенно ихъ интеллигенція. Эта интеллигенція, а особенно духовенство, не допускаютъ сами, при выборахъ, чтобъ русинъ былъ выбранъ депутатомъ, потому что ставятъ такого кандидата, за котораго мы голосовать не хотимъ, или котораго мы не знаемъ. Вы говорите, что мы не имѣемъ такого крестьянина, который бы понималъ политическія дѣла и могъ бы занимать такое важное мѣсто, какъ мѣсто депутата въ государственной думѣ. О, не безпокойтесь,

господа, мы имѣемъ уже такихъ крестьянъ, которые могутъ представлять насъ въ разныхъ нашихъ дѣлахъ земскихъ лучше, чѣмъ представляли насъ господа Шведицкіе и другіе. Въ Щарецкомъ округѣ такіе русины, за которыхъ бы подали голоса и польскіе избиратели (крестьяне), слѣдующіе: хозяинъ и старшина громады Ястробкова, родовитый русинъ, отставной фейрверкеръ артиллеріи, который знаетъ языки — украинскій, нѣмецкій и польскій и можетъ писать на этихъ трехъ языкахъ, понимаетъ также и политическія дѣла и то, отъ какихъ бѣдъ надо оборонять нашъ край и какія дѣла поднимать въ думѣ; такъ, дальше, Иванъ Микитка, Ѳедоръ Царь, старшина громады въ Подбережкѣ и др. Ручаемся вамъ за то, что пока вы не будете ставить въ кандидаты крестьянина, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ выбранъ русинъ».

Такое заявленіе оказалось внушительнымъ. Теперь, когда мы пишемъ эти строки, на новую вакансію въ львовскомъ округѣ поставленъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ избирателей мелкой поземельной собственности, одинъ изъ названныхъ сейчасъ крестьянъ, Ѳедоръ Царь. Въ избирательномъ манифестѣ, изданномъ по этому поводу и перепечатанномъ газетами всѣхъ партій русиновъ, бросается въ глаза отступленіе отъ исключительнаго національнизма: кандидатъ-русинъ и крестьянинъ ставится, какъ кандидатъ мелкой поземельной собственности для лицъ всѣхъ національностей — русиновъ (которые составляютъ въ округѣ большинство), какъ и поляковъ (которыхъ въ данной мѣстности значительное меньшинство, даже если счесть всѣхъ католиковъ за поляковъ, что, впрочемъ, будетъ не совсѣмъ вѣрно, хотя такъ до сихъ поръ считаютъ не только политики-поляки, но и политики-клерикалы изъ русиновъ).

Мы не беремся предсказывать побѣды кандидата крестьянина-русина, а еще меньше ждемъ практическихъ послѣдствій отъ его присутствія въ вѣнскомъ парламентѣ, гдѣ, впрочемъ, въ 1848 году рѣчи крестьянъ-русиновъ изъ Галиціи и Буковины по вопросу объ упраздненіи барщины были однѣ изъ лучшихъ рѣчей. При теперешнихъ условіяхъ парламентской жизни въ Австріи присутствіе кандидата-крестьянина въ державной думѣ можетъ имѣть значеніе только демонстраціи, какъ процессъ выборовъ такого кандидата можетъ имѣть зна-

ченіе только повода къ самоорганизаціи крестьянскаго населенія. Надо сказать, что эта самоорганизація ведется въ послѣднее время весьма дѣятельно среди русиновъ по селамъ и городамъ: группируется она больше всего около читаленъ, которыхъ число быстро растетъ, равно какъ и число періодическихъ изданій (теперь ихъ 17). Вмѣстѣ съ тѣмъ организуются и политическія общества, не считая филій «Русской Рады», а также филій литературно-просвѣтительныхъ обществъ «Просвіты» и «М. Качковскаго». И до сихъ поръ всѣ эти организаціи носятъ клерикальную окраску, а также страдаютъ односторонностью національною, какъ и газета «Батьківщина», издаваемая украинофилами, которая служитъ представителемъ настоящаго движенія среди русиновъ. Но и на этой газетѣ можно видѣть, какъ постепенно экономическіе вопросы берутъ верхъ надъ остальными въ умахъ галицкаго населенія и увлекаютъ даже людей, все еще не рѣшающихся разорвать съ старою рутиною. Мы видѣли, что «Батьківщина» отважилась дать мѣсто голосамъ, направленнымъ противъ духовныхъ кандидатуръ [1]). «Батьківщина» проговорилась уже въ прошломъ году, что въ случаѣ нужды политики-русины обратятся къ агитаціи среди крестьянъ, не только русиновъ въ Восточной Галиціи, но и мазуровъ (поляковъ) Западной Галиціи, и избирательный манифестъ Ѳедора Царя даетъ поводъ ожидать, что это обѣщаніе не останется пустою угрозою. Рано или поздно, украинская демократія въ Галиціи должна будетъ выступить на эту дорогу.

Мы видѣли, что литература народно-общинной украинской партіи уже и стала на этотъ путь въ изданіяхъ для львовскаго рабочаго населенія. Это населеніе, состоящее изъ поля-

[1]) Вотъ уже какую рѣчь произнесъ недавно одинъ священникъ крестьянамъ при открытіи одной читальни, послѣ того какъ „Батьківщина“ констатировала фактъ недовѣрія крестьянъ къ священникамъ: „Вы кормите цѣлый свѣтъ, а сами голодны; отъ кроваваго поту вашихъ рукъ одѣваются паны и попы, а сами вы голы и босы; вы воздвигаете церкви и школы, а сами темны! Почему это такъ? Подумайте объ этомъ“. И отыскивая причину, ораторъ показалъ въ концѣ, что причина тому—недостатокъ науки и темнота, которую должны прогнать читальни. Большую правду сказалъ ораторъ также признаніемъ, что народъ не виновенъ въ своей темнотѣ, а виноваты тѣ, кто, будучи его „отцами“, худо направляли его, кто были его „учителями“, а ничему не научили его,—и потому-то такъ велика оказалась пропасть между сюртукомъ (въ Галиціи и священники носятъ сюртуки, подлиннѣе) и кожухомъ (тулупомъ), что народъ никому не вѣритъ и не можетъ ясно понять трудовъ приверженныхъ къ нему людей“ (Батьківщина. 1881, № 10).

ковъ, русиновъ и евреевъ, все понимаетъ по-польски и для него польскій языкъ, дѣйствительно, служитъ общимъ. На этомъ языкѣ ведутся пренія на митингахъ рабочихъ, которые собираются время отъ времени въ числѣ 500—600 человѣкъ въ Львовѣ и обсуждаютъ важные для рабочихъ экономическіе вопросы. До сихъ поръ эти митинги городскихъ рабочихъ стояли совершенно отдѣльно отъ русино-крестьянскихъ митинговъ и даже считались исключительно польскими. Но теперь «Батьківщина» уже сообщаетъ своимъ сельскимъ читателямъ-русинамъ о томъ, что говорится на митингахъ городскихъ рабочихъ.

Избирательный манифестъ Ѳедора Царя, подписанный «Русскою Радою», обращается уже и къ избирателямъ-полякамъ. Можно предвидѣть, что оба движенія, — городское, больше польское, по крайней мѣрѣ, по языку, и сельское, больше украинское, особенно при ослабленіи клерикальнаго вліянія, сольются въ одно, сначала въ Восточной, — преимущественно украинской, — а потомъ и въ Западной, — преимущественно польской, — Галиціи. Если еще два-три года дѣла въ Галиціи пойдутъ такъ, какъ они шли въ послѣднее время, то можно предвидѣть, что на развалинахъ старыхъ политическихъ обществъ, въ родѣ «Русской Рады», образуются общества въ родѣ ирландской «Земельной Лиги» или англійской «Лиги Земли и Труда», въ которыхъ примутъ участіе люди всѣхъ національностей въ Галиціи. Эти общества, конечно, окажутся болѣе опасны для теперешняго господства польской шляхты и еврейской буржуазіи, чѣмъ всѣ старыя «Русскія Рады» съ однимъ *с*, съ двумя, или съ мягкимъ знакомъ.

Таковы судьбы общественно-литературныхъ партій въ Восточной Галиціи и таково возможное ихъ будущее. Тѣ движенія, какія мы тутъ пытались очертить, по необходимости, слишкомъ бѣгло и блѣдно, существуютъ и въ другихъ западно-славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію. Повсюду характеръ и положеніе литературно-общественныхъ партій въ этихъ странахъ существенно измѣнился въ послѣдніе годы. Не измѣнилось только отношеніе къ этимъ партіямъ русской печати. Эта печать, въ массѣ своей, игнорируетъ всѣ дѣла своихъ ближайшихъ сосѣдей-соплеменниковъ, а въ нѣкоторыхъ кружкахъ, которые время отъ времени

удостоиваютъ ихъ своего вниманія, относятся къ нимъ тоже безъ изученія, съ давно заученными фразами и мѣряютъ ихъ своими, придуманными въ темныхъ углахъ русской жизни, освѣщаемой весьма узкими окошечками, домашними аршинами, весьма небольшими, несмотря на обширность территоріи Россіи. Таково, напр., отношеніе, болѣе или менѣе извѣстное, къ новымъ явленіямъ западно-славянской жизни московскихъ славянофиловъ и обрусителей. Но таково же отношеніе и иныхъ изъ россійскихъ радикаловъ, въ родѣ, напр., преисполненнаго, впрочемъ, благородныхъ намѣреній, г. Л. Алексѣева, который недавно объявилъ отъ имени «народниковъ» («мы, народники,» говоритъ авторъ) украинофильство движеніемъ реакціоннымъ. («Русское Богатство», 1881, № II,—«Что такое украинофильство?»). «Народникъ» петербургскаго обозрѣнія, — тоже исполненнаго вполнѣ благородныхъ намѣреній, — усматриваетъ, что украинофильство не признаетъ формулы: «семья выше индивидуума, общество выше семьи, нація выше общества, а человѣчество выше націи», и потому объявляетъ украинофильство движеніемъ реакціоннымъ. Но если бы обвинитель зналъ хоть бы, напр., писаніе молодой украинской партіи въ Галиціи, то онъ бы увидѣлъ, что она давно уже основала всю свою дѣятельность именно на этой формулѣ. А, кромѣ того, г. Л. Алексѣевъ не замѣчаетъ, что самъ онъ въ концѣ-концовъ передергиваетъ послѣднюю карту въ своей формулѣ, подставляя украинцамъ, вмѣсто человѣчества, государство, да еще тоже національное, какъ большая часть теперешнихъ государствъ. Передержка эта совершается, конечно, вполнѣ добросовѣстно и безсознательно, потому что рѣдко кому изъ русскихъ литераторовъ удается избѣгнуть взгляда на весь міръ или съ высоты невысокаго Ивана Великаго, или съ прямолинейнаго Васильевскаго острова, или если и изъ другого мѣста, то все-таки или сквозь туманъ московскаго ладана, или при свѣтѣ петербургскаго «окна въ Европу».

Бѣглый взглядъ на карту сѣверо-восточной Россіи и бѣглое же воспоминаніе культурной исторіи Московскаго государства убѣждаютъ въ необходимости этого окна для огромной полосы Россіи. Но болѣе внимательное обозрѣніе карты всей Восточной Европы, а также болѣе тщательное изученіе исторіи культуры всѣхъ ея областей, показываютъ, что это

окно имѣло своихъ предшественниковъ въ Вильнѣ, гдѣ была основана первая русская типографія; въ Львовѣ, гдѣ была учреждена первая правильная русская школа, и притомъ общественная, а не правительственная; въ Кіевѣ, гдѣ существовала первая русская высшая школа тогда еще, когда на мѣстѣ Петербурга существовало только мшистое болото. Всѣ эти окна помрачились только вслѣдствіе опустошительныхъ войнъ въ XVII—XVIII вв., а потомъ вслѣдствіе безмѣрнаго развитія централизаціи. Но все-таки, напр., Львовъ не попалъ въ сферу ни московской ни петербургской централизаціи. А къ тому же и та и другая теперь, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, теряютъ съ каждымъ годомъ свой смыслъ и потеряютъ его окончательно, вмѣстѣ съ бо́льшею свободою передвиженія и, вообще, свободой личности.

Мы видѣли, что московскій ладанъ оказался вовсе не къ добру въ исторіи галицкаго возрожденія; петербургское же окно въ Европу оказало безмѣрныя услуги даже въ Львовѣ, поскольку оно оказалось, дѣйствительно, проводникомъ общечеловѣческаго свѣта. Но украинская пословица говоритъ: «не только свѣта, что въ окнѣ, за окномъ больше». Мы видѣли, что въ Галиціи не только литераторы и университетская молодежь, но даже крестьяне уже вступили въ прямое сношеніе съ европейскимъ свѣтомъ и, конечно, чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ итти по прямой дорогѣ къ нему.

Повторяемъ, что то, что мы показали въ Галиціи, существуетъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, окружающихъ Россію, а такъ какъ, по силѣ вещей, дѣла сосѣднихъ и родственныхъ населеній не могутъ не оказывать вліянія другъ на друга, то нерасчетливо поступятъ и тѣ изъ представителей русскаго общества, которые будутъ по-старому относиться къ западно-славянскимъ обществамъ съ московско-опекунской точки зрѣнія, и тѣ, кто будетъ игнорировать эти общества, и тѣ, кто будетъ смотрѣть на нихъ съ высокомѣріемъ, какъ будто бы на отставшія отъ россійскаго прогресса. Въ послѣднее время событія въ западно-славянскихъ обществахъ два раза сильно затрогивали Россію, и оба раза русская литература была захвачена врасплохъ событіями: разъ — во время польскаго движенія 1860—1863 гг., въ другой — во время сербо-болгарскаго 1875 — 1878 гг. Слѣдуетъ остерегаться, чтобы то же не случилось и въ третій разъ.

Новыя движенія среди русскихъ галичанъ*).

Въ послѣднее время на политическомъ горизонтѣ Галицкой Руси, сосѣдней намъ и близко родственной страны, можно усмотрѣть совершенно новое явленіе, котораго размѣры пока не особенно велики, но которое предназначено, несомнѣнно, къ дальнѣйшему росту и не останется безъ вліянія на положеніе тамошняго населенія; вѣроятно, оно будетъ имѣть отголосокъ и въ сосѣднихъ съ Галицкою Русью странахъ. Говоря такъ, мы разумѣемъ образованіе въ Галиціи группы, которая усвоила себѣ названіе «русско-украинской радикальной партіи».

Всѣмъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстно, что среди русиновъ Галиціи существовало издавна, еще съ 60-хъ годовъ, двѣ партіи. Иногда ихъ зовутъ: «старая» и «молодая»; иногда: «русская» и «украинская», или «общерусская» и «малорусская», «москвофилы» и «украинофилы». Представители послѣдней партіи называли еще себя въ началѣ своего появленія охотнѣе всего «народовцами» — терминъ, въ извѣстномъ смыслѣ отвѣчающій нашему термину: «народники».

Какъ почти всегда бываетъ, эти названія партій не совсѣмъ точно и ясно выражаютъ сущность дѣла и могутъ быть

---

*) Статья эта была первоначально напечатана въ журналѣ *„Вѣстникъ Европы“*, 1892 г., ноябрь, и подписана иниціалами Р. Я. Для характеристики тѣхъ цензурныхъ условій, въ которыхъ приходилось тогда работать политическимъ эмигрантамъ въ русской легальной журналистикѣ, можетъ служить то обстоятельство, что Драгоманову пришлось скрыть свое авторство этой и слѣдующей за ней статьи подъ иниціалами извѣстнаго галицкаго общественнаго дѣятеля Романа Яросевича. Такъ же точно одна статья Драгоманова въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ за 1886 г. была подписана иниціалами Г. Ц — Г. Г. Цвѣтковскаго; автора же цѣлаго ряда его статей по украинской этнографіи и народной литературѣ въ журналѣ „Кіевская Старина“, подписанныхъ вымышленнымъ именемъ М. Кузьмичевскаго, корреспонденты редакціи журнала, устраивавшіе эти статьи, постоянно называли галичаниномъ.

Прим. ред.

понятны только знающему исторію возникновенія партій и ихъ кличекъ. Названія партій галицко-русскихъ всего болѣе связаны съ исторіей литературы въ Галицкой Руси или даже собственно съ исторіей литературнаго языка. Будучи въ историческомъ и этнографическомъ смыслѣ частью Кіевской Руси, получившей къ XVII в. имя Малой Руси или Украины малороссійской, Галицкая Русь, завоеванная въ XIV в. Польшею, въ то время, когда остальныя части кіевской Руси достались подъ власть литовско-бѣлорусской династіи Гедимина, возсоединились съ родственными ей областями послѣ соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 г. Это возсоединеніе совпало съ проникновеніемъ въ Западную Русь европейскаго возрожденія наукъ и реформаціи и съ началомъ сравнительно бо́льшаго оживленія литературной дѣятельности, поддержанной аристократіей, а также мѣщанствомъ, организованнымъ въ муниципіи и корпораціи — ремесленныя (цехи) и культурно-церковныя (братства). Подъ вліяніемъ новыхъ идей и потребностей литературный языкъ въ Западной Руси этого времени, до тѣхъ поръ болѣе или менѣе чистый церковно-славянскій или старо-болгарскій, сталъ приближаться къ народнымъ — бѣлорусскому и малорусскому.

Съ такимъ смѣшаннымъ или макароническимъ литературнымъ языкомъ восточная половина Кіевской Руси, охваченная казацкимъ движеніемъ, присоединилась въ половинѣ XVII в. къ государству московскому, великорусскому, въ которомъ начиналось свое литературное движеніе, вносившее тоже мѣстный народный языкъ въ литературное нарѣчіе. Подъ вліяніемъ государственной централизаціи въ казацкой Украинѣ, ставшей теперь Малороссіей par excellence, языкъ высшей литературы сталъ все больше приближаться къ великорусскому, но въ то же время здѣсь въ извѣстныхъ болѣе суженныхъ сферахъ литературныхъ, беллетристикѣ и поэзіи, въ популярныхъ книгахъ, сталъ еще со временъ Θеофана Прокоповича и его литературныхъ теорій употребляться все болѣе чистый народный украинскій языкъ, пока, наконецъ, въ половинѣ XIX столѣтія возникъ цѣлый вопросъ о необходимости и размѣрахъ особой украинской или малорусской литературы.

Оставшись, послѣ отдѣленія казацкой Малороссіи, подъ властью Польши и потомъ, послѣ раздѣла Польши, попавши подъ власть Австріи, Русь галицкая осталась удаленною отъ

новой литературной жизни, развивавшейся въ Россіи. Поэтому она продолжала традицію XVI—XVII столѣтій съ ея преимущественно клерикальными интересами и макароническимъ языкомъ, который по старой памяти назывался то славяно-россійскимъ, славяно-русскимъ, то просто русскимъ языкомъ, при чемъ интересы и литературная производительность еще болѣе оскудѣли сравнительно съ XVI—XVII вв., да и въ литературномъ языкѣ вліяніе польское чувствовалось все сильнѣе. Въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія и въ Галиціи сказалось вліяніе славянскаго возрожденія, а въ то же время еще стали доходить отголоски литературной жизни и въ Россіи. Примѣры западныхъ славянъ и нѣсколькихъ украинскихъ изданій, — какъ книги Максимовича, сочиненія Котляревскаго и др., — возбудили въ нѣсколькихъ молодыхъ галицко-русскихъ литераторахъ (какъ Шашкевичъ, Головацкій и др.) желаніе писать чистымъ народнымъ языкомъ, близкимъ къ украинскому.

Съ этого момента можно собственно начать исторію народной или украинской партіи въ Галиціи; «народовцы» и начинаютъ свою родословную отсюда, со времени составленія въ концѣ 30-хъ годовъ «Днѣстровой Русалки», сборника, изданнаго Шашкевичемъ. Но въ это время уже обрисовалась и оппозиція, которую встрѣчаютъ народовцы въ старой партіи. Извѣстной части старшихъ галицко-русскихъ патріотовъ и литераторовъ, лицъ съ авторитетнымъ положеніемъ въ мѣстной церковной іерархіи, державшихся старыхъ литературныхъ преданій, «Днѣстрова Русалка» показалась новаторствомъ и притомъ демократическаго характера. Львовскіе цензора, состоявшіе изъ галицко-русской митрополіи, не пропустили невиннѣйшей, по своему содержанію, «Русалки», которую послѣ того пришлось отсылать для напечатанія въ Пештъ, а выходъ «Русалки» тамъ повелъ за собою непріятныя послѣдствія для издателей.

1848—1849 гг. съ ихъ политическими волненіями отразились и среди галицкихъ русиновъ. Важнѣйшій вопросъ для послѣднихъ былъ демократическій — отмѣна барщины. Этотъ демократизмъ повліялъ и на постановку литературнаго вопроса, на который всѣ почти литераторы галицко-русскіе стали отвѣчать въ духѣ Шашкевича. Сотрудникъ послѣдняго, Яковъ Головацкій, занялъ новообразованную каѳедру «русскаго»

(малорусскаго) языка въ львовскомъ университетѣ и сталъ читать лекціи въ духѣ «Днѣстровой Русалки». Но скоро обнаружилось, что далеко не всѣ галицко-русскіе дѣятели способны послѣдовательно итти въ демократическомъ направленіи даже въ литературныхъ вопросахъ. Школа, которую они прошли въ семинаріяхъ, взгляды, которые они усвоивали отъ окружающаго ихъ польскаго аристократическаго общества, — все вело ихъ не къ народу, а подальше отъ него. Къ тому же, послѣ усмиренія революціонныхъ движеній 1848—1849 гг., въ Австріи поднялась общая реакція, неблагопріятная какому бы то ни было демократическому движенію. По всѣмъ этимъ причинамъ въ галицко-русской литературѣ воспреобладала старая семинарщина съ ея языкомъ, который все назывался русскимъ или русинскимъ, по-нѣмецки, ruthenische Sprache. Но тутъ обстоятельства ввели въ дѣло новые факторы — внѣшнія вліянія, шедшія изъ Россіи.

Первымъ изъ нихъ была пропаганда панславизма, перешедшаго изъ австрійско-славянскихъ земель, гдѣ онъ имѣлъ болѣе или менѣе федеративное направленіе, въ Россію, особенно въ Москву, гдѣ онъ принялъ направленіе централистическое. Нѣкоторые галицкіе литераторы, особенно Зубрицкій, который передъ тѣмъ писалъ по-польски и презрительно относился къ «черни, для которой онъ считалъ достаточнымъ молитвенника и псалтыря», вошли въ сношенія съ Погодинымъ и стали высказываться въ пользу усвоенія и въ Галиціи великорусскаго языка. Это новое направленіе, послужившее началомъ позднѣйшаго москвофильства, мало, впрочемъ, отдѣлялось отъ стараго русинства, плодя поэтическія произведенія въ духѣ русской литературы докарамзинской эпохи, такъ какъ новѣйшая русская литература была ему совершенно чужда и не могла быть симпатична по своему реальному и демократическому характеру. Вслѣдствіе этого и языкъ литераторовъ-москвофиловъ мало отличался отъ церковно-малорусскаго макаронизма рутеновъ, и между рутенами и москвофилами не только не было антагонизма, но оба отклика выступили солидарно, когда демократическое направленіе опять подняло голову, какъ вслѣдствіе внутреннихъ причинъ, такъ и вслѣдствіе новаго вѣянія, пришедшаго тоже изъ Россіи.

Это новое вѣяніе, систематично ставшее проникать въ Галицію съ 60-хъ годовъ, было такъ называемое украинофиль-

ство, или, какъ его называли польскіе помѣщики на правомъ берегу Днѣпра, хлопоманія (мужикоманія), прямое продолженіе кіевскаго демократически-федеральнаго панславизма, который пробовалъ въ 40-хъ годахъ сформулировать кружокъ Костомарова и Шевченка. Въ литературномъ отношеніи произведенія украинскихъ беллетристовъ и поэтовъ, проникшія въ 60-хъ годахъ въ Галицію, были тамъ первыми образцами той новой, европейско-русской литературной школы, которая образовалась въ Россіи послѣ Пушкина и Гоголя, и представляли рѣшительный контрастъ съ галицкой тредьяковщиной, по содержанію и языку. Послѣдній, конечно, бросался въ глаза еще больше, чѣмъ содержаніе, и появленіе въ Галиціи произведеній украинскихъ писателей поставило тамъ рѣзко вопросъ о литературномъ языкѣ: должно ли взять за основу его рѣшительно языкъ народный, почти тождественный съ украинскимъ въ Россіи, или же держаться старыхъ макароническихъ преданій съ бо́льшимъ или меньшимъ наклономъ или къ церковно-славянскому языку, или къ великорусскому? Вотъ въ это время и образовались окончательно среди русскихъ галичанъ партіи, которыхъ номенклатуру мы перечислили въ началѣ статьи. Собственно говоря, партій этихъ явилось три, а не двѣ, и если бы нужно было точнѣе характеризовать ихъ, то ихъ бы слѣдовало назвать: украинская, австро-рутенская и московская, но въ борьбѣ съ первою двѣ послѣднія держались и держатся солидарно.

Какъ видно изъ названій и исторіи возникновенія партій этихъ, онѣ не являются собственно политическими партіями, а прежде всего литературными и потомъ національными. Собственно политическіе вопросы, государственные и соціальные, занимали галичанъ мало и почти для нихъ не существовали. Въ 1848—1849 гг., когда созванъ былъ первый австрійскій парламентъ, и послѣ 1861 г., когда окончательно установилось въ Австріи представительство провинціальное и общегосударственное, и среди русиновъ появились спеціалисты-политики, но вся политика ихъ состояла въ борьбѣ съ поляками за національную отдѣльность русиновъ и въ покорности всякому министерству, которое слагалось въ Вѣнѣ. По вопросамъ культурнымъ русинскіе политики, выходившіе изъ круговъ духовенства и немногочисленнаго чиновничества, всѣ принадлежавшіе къ фракціямъ старой партіи, преимуще-

ственно къ рутенской, держались клерикально-консервативнаго направленія. Молодые, или украинцы, обнаруживали нѣкоторое сочувствіе къ либеральнымъ идеямъ и къ демократизму въ политикѣ. Но это сочувствіе ограничивалось одними словами и не вело за собою никакихъ систематическихъ шаговъ къ тому, чтобы выработать цѣли и пріемы иной политики, кромѣ той, которой слѣдовали старые, прозванные, въ 1849 г., «восточными тирольцами» за свой консерватизмъ. Мало того, всякій разъ, когда у молодыхъ являлась надежда обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ, они старались заявить, что не только не уступятъ въ консерватизмѣ старымъ, но даже превзойдутъ ихъ въ габсбурго-австрійскомъ легитимизѣ. А случаи такіе стали представляться особенно съ тѣхъ поръ, какъ, подъ вліяніемъ событій въ русскихъ областяхъ Польши, привлеченія туда на службу галичанъ и помощи, оказанной ими подавленію уніи въ Царствѣ Польскомъ, москвофильское направленіе стало себя проявлять рѣшительнѣе въ Галиціи. Мало-по-малу между двумя галицкими партіями установилась конкуренція въ погонѣ за благоволеніемъ львовскихъ и вѣнскихъ правящихъ круговъ, — конкуренція весьма неблаговиднаго свойства.

Между тѣмъ жизнь литературная и общественная начала ставить новые вопросы передъ галичанами. Болѣе близкое ознакомленіе съ литературою въ Россіи, предпринятое кружками молодыхъ людей въ Львовѣ и Вѣнѣ, при помощи нѣсколькихъ украинцевъ изъ Россіи, показало имъ, что литературные интересы галицкихъ «москвофиловъ» весьма далеки отъ интересовъ дѣйствительной русской литературы новаго времени, въ которой преобладаетъ соціально-реальное направленіе, съ явно демократическимъ оттѣнкомъ. Подъ вліяніемъ этого ознакомленія нѣсколько молодыхъ писателей галицкорусскихъ, принадлежащихъ къ кружкамъ, которые были подъ патронатомъ «старой партіи» (Павликъ, Франкъ и др.), рѣшительно перешли на сторону «украинцевъ» въ вопросѣ литературнаго языка, въ то же время сохраняя сочувственное отношеніе къ литературѣ русской, какъ болѣе богатой, чѣмъ украинская. Параллельно этой эволюціи литературныхъ взглядовъ, передъ галицкой публикой обрисовывалось реальное положеніе ея передовыхъ массъ, которыхъ условія государственной и экономической жизни вели къ явному обѣдненію,

между тѣмъ какъ практика представительнаго правленія и вліяніе школы, хотя и медленно развивающейся, будили въ этихъ массахъ мысли о причинахъ бѣдъ и о средствахъ помочь имъ. Болѣе чуткіе люди, преимущественно изъ молодежи, усвоивавшей новыя общественныя идеи то подъ вліяніемъ литературы украинской и русской, то подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, шедшимъ чрезъ Вѣну, стали приходить къ убѣжденію о поверхностности прежняго галицко-русскаго патріотизма разныхъ оттѣнковъ, объ отсутствіи въ немъ вниманія къ реальнымъ нуждамъ народныхъ массъ. Такъ сложились мало-по-малу элементы новой галицко-русской партіи, которая, наконецъ, получила названіе радикальной.

Эта партія была первою изъ галицко-русскихъ, которая стала собственно политическою. Раздѣляя либеральныя идеи, партія эта поставила себѣ цѣлью политическое образованіе народныхъ массъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ могли сознательно воспользоваться нынѣшними конституціонными учрежденіями Австріи для своей собственной организаціи, преобразовать эти учрежденія въ возможно болѣе демократическомъ направленіи, въ союзѣ съ другими подобными партіями въ разныхъ земляхъ Австріи, и при помощи законодательства измѣнить къ лучшему матеріальное положеніе массъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, радикальная партія, отвергнувъ раздѣленіе правды — одна для мужика и другая для высшихъ классовъ, — положила себѣ цѣлью познакомить народныя массы со всѣми результатами новѣйшей культуры. Къ старымъ партіямъ новая отнеслась отрицательно и вмѣстѣ сначала очень примирительно. Она объявила предметы, изъ-за которыхъ ссорились старыя партіи, или неосуществимыми, формальными и второстепенными, или, во всякомъ случаѣ, посторонними политикѣ, и предлагала оставить эти вопросы для научнаго изслѣдованія и литературной дискуссіи, а въ политикѣ выступить съ программами характера государственно-административнаго и соціально-экономическаго, съ цѣлью защиты наиболѣе страждущихъ народныхъ интересовъ.

Выступивъ съ конца 70-хъ годовъ, люди новой партіи прошли нѣсколько фазисовъ своего развитія: они начали съ абстрактнаго заявленія своихъ идей, формулируя ихъ болѣе или менѣе близко къ программамъ западно-европейскихъ соціалистовъ, пробовали пропагандировать эти идеи среди

крестьянъ-русиновъ и городскихъ рабочихъ поляковъ или усвоившихъ польскій языкъ, пробовали работать въ разныхъ обществахъ и изданіяхъ народовцевъ съ минимальнымъ проявленіемъ своихъ стремленій, наконецъ, съ 1889 г. выступили какъ небольшая, но формально организованная партія, которая, чѣмъ дальше, все больше привлекаетъ къ себѣ галицкорусскихъ крестьянъ. Теперь партія эта, принявшая въ 1889 г. названіе «русско-украинская радикальная партія», имѣетъ два органа, выходящіе по два раза въ мѣсяцъ: «Народ», для болѣе образованныхъ читателей, и «Хліборобъ» для крестьянъ и рабочихъ. Партія довольно часто собираетъ митинги въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи, на которыхъ бываетъ крестьянъ и мѣщанъ до 2.000 человѣкъ. Партія организовала рядъ просвѣтительно-экономическихъ обществъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ именемъ «Народні Спілки»; кромѣ того, принадлежащіе къ ней люди завѣдуютъ дѣлами общества продажи продуктовъ кустарной промышленности гуцуловъ, русскихъ горцевъ южной Галиціи и Буковины, подъ названіемъ «Гуцульска Спілка». Въ послѣднее время представители партіи изъ болѣе образованныхъ круговъ составили проектъ основанія просвѣтительнаго общества «Поступ» (Прогрессъ), а делегаты радикаловъ-крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ южной Галиціи положили основать радикальное политическое общество изъ селянъ. Это будетъ начало организаціи въ родѣ національной и земельной лиги въ Ирландіи, примѣръ которой часто приводится въ органахъ галицкихъ радикаловъ.

Въ моментъ формальной организаціи этихъ радикаловъ въ особую партію можно было думать, что и старыя партіи послѣдуютъ, хотя и менѣе демонстративно, за нею на ту же дорогу политическо-соціальной дѣятельности, и что отношенія между разными партіями среди русскихъ галичанъ будутъ довольно миролюбивы, при всѣхъ различіяхъ между ними. Такъ можно было думать, судя по результатамъ выборовъ въ провинціальный сеймъ въ началѣ 1889 г., ходъ которыхъ отличался нѣкоторыми, дотолѣ необычными для Галиціи явленіями. Выборы въ городскихъ общинахъ (а напомнимъ, что въ Австріи выборы производятся отъ трехъ категорій отдѣльно: отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ городовъ и торговыхъ палатъ, отъ сельскихъ общинъ) дали значительный процентъ депутатовъ той польской партіи, которая назы-

вается демократами. По правдѣ говоря, эта партія мало заслуживаетъ это имя, такъ какъ демократична она развѣ по своему составу, сравнительно съ партіей магнатской. По отношенію къ русинамъ демократы являлись часто еще бо́льшими шовинистами, чѣмъ магнаты, съ которыми во всякомъ случаѣ демократы держались солидарно, если гдѣ нужно было побивать кандидата-русина. Но къ 1889 г. выяснилось, что господство магнатской партіи явно уже невыгодно для всего края, и демократы почувствовали необходимость отдѣлиться отъ магнатовъ, по крайней мѣрѣ, по вопросамъ экономическимъ, и, такимъ образомъ, у демократовъ открылась возможность извѣстной солидарности съ представителями сельскихъ общинъ, въ томъ числѣ и съ русинами.

Въ сельскихъ общинахъ, гдѣ избирательство двойное, т.-е. гдѣ общины выбираютъ выборщиковъ, а уже эти выбираютъ депутатовъ, въ Галиціи практикуется обыкновенно открытое давленіе администраціи на выборы, а потому въ западной, чисто польской Галиціи въ сельскихъ общинахъ прошли собственно только два кандидата, явно оппозиціонныхъ магнатской партіи, но въ восточной части, гдѣ сельское населеніе почти сплошь русины, оппозиція успѣла провести 16 депутатовъ, все русиновъ. На этотъ разъ селяне-русины обнаружили значительную стойкость и организацію. Хотя въ Львовѣ образовался для руководства выборами комитетъ изъ делегатовъ двухъ старыхъ партій галицко-русскихъ, при участіи представителей митрополита, но комитетъ этотъ, въ которомъ, по обычаю, не было солидарности и искренности въ соглашеніи, на этотъ разъ только формально руководилъ выборами, а на самомъ дѣлѣ кандидаты были поставлены и поддерживаемы мѣстными комитетами, въ которыхъ самое дѣятельное участіе имѣли крестьяне. Мѣстные же комитеты поставили въ кандидаты людей болѣе популярныхъ на мѣстахъ, безъ различія, были ли они «москвофилы», «украинофилы» или «радикалы». Такимъ образомъ изъ разныхъ фракцій русиновъ-политиковъ въ сеймъ прошли на этотъ разъ дѣйствительно болѣе дѣловые и порядочные люди.

Такой подборъ депутатовъ-русиновъ далъ себя почувствовать и въ самомъ сеймѣ. Депутаты-русины поставили себѣ за норму поведенія быть прежде всего представителями сельскаго класса, защищать его интересы, а въ національномъ во-

просѣ выступать солидарно въ пользу правъ русиновъ съ тѣмъ, чтобы пользованіе этими правами было дѣломъ самихъ русиновъ, безъ вмѣшательства чужихъ въ спорные между русинами вопросы. Результаты такой тактики скоро сказались: по многимъ вопросамъ поляки-демократы должны были поддерживать русиновъ, и даже магнаты, выбранные представителями сельскихъ общинъ, должны были заявлять, что интересы этихъ общинъ имъ не чужды. По части защиты правъ русиновъ депутаты-русины рѣшились на мѣру, прежде небывалую: они поставили запросъ правительству о полицейскомъ произволѣ, выразившемся въ арестахъ и преслѣдованіяхъ крестьянъ, ходившихъ на богомолье въ Почаевъ и т. п. (пунктъ, важный для москвофиловъ), въ обыскахъ, произведенныхъ въ читальняхъ и учрежденіяхъ народовцевъ, и въ арестахъ среди радикаловъ, подъ предлогомъ преслѣдованія противозаконной агитаціи. Правительственный комиссаръ отвѣтилъ на запросъ весьма уступчиво, обѣщалъ разслѣдованіе превышенія власти полицейскими агентами и заявилъ, что правительство вовсе не намѣрено отрицать права русиновъ. Важнымъ результатомъ новой тактики депутатовъ-русиновъ слѣдуетъ счесть и то, что оппозиціонные депутаты селянъ-поляковъ стали обращаться къ нимъ за поддержкою ихъ запросовъ и предложеній, предпочитая ихъ демократамъ-полякамъ.

Нота диссонанса въ это солидарное дѣйствіе различныхъ фракцій русиновъ была, впрочемъ, скоро внесена со стороны львовскаго уніатскаго митрополита. Митрополитъ Сембратовичъ, по воспитанію ультрамонтанъ, благопріятный іезуитамъ рутенъ, принадлежитъ къ той части духовенства галицко-русскаго, которая уже не имѣетъ отвращенія къ народному языку въ церковныхъ дѣлахъ, а потому занялъ довольно симпатическое отношеніе къ народовцамъ, тѣмъ болѣе, что порою католическая антипатія его къ православію удаляетъ его отъ болѣе рѣшительныхъ «москвофиловъ». Въ политическомъ отношеніи этотъ митрополитъ, — обязательный членъ сейма, — есть покорный слуга польской магнатской партіи, безъ чего, впрочемъ, онъ не былъ бы и назначенъ и терпимъ на должности; съ его согласія галицко-русскіе монастыри ордена св. Василія были переданы въ завѣдываніе іезуитамъ. Вотъ этотъ-то митрополитъ и выступилъ противъ радикаловъ скоро послѣ организаціи ихъ въ особую партію. Поводомъ къ столк-

новенію былъ «Народ». Проповѣдуя солидарность между русинами на извѣстныхъ условіяхъ, «Народ» въ то же время подвергалъ критикѣ дѣйствія разныхъ партій и лицъ, и, между прочимъ, помѣстилъ у себя корреспонденцію о способахъ хозяйства въ имѣніяхъ митрополитской каѳедры,—способахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ употребляемыхъ въ другихъ магнатскихъ помѣстьяхъ, арендуемыхъ евреями, и крайне стѣснительныхъ для крестьянъ. Митрополитъ поспѣшилъ издать циркуляръ, запрещающій духовенству выписывать «Народ» и предписывающій ему удалять эту газету изъ сельскихъ читаленъ и т. п. Вслѣдъ за тѣмъ явился еще новый поводъ къ гнѣву митрополита противъ газеты радикаловъ. Поводъ этотъ дали дѣла галицко-русской эмиграціи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Дѣла эти довольно интересны сами по себѣ, но мы будемъ говорить о нихъ лишь постольку, поскольку это нужно для пониманія вопроса, составляющаго прямой предметъ настоящей статьи. Лѣтъ съ десять тому назадъ стало извѣстно, что изъ Галиціи направляется довольно значительная часть крестьянъ въ Сѣверную Америку не столько для поселенія тамъ, сколько для заработковъ, съ цѣлью, послѣ скопленія извѣстной суммы, возвратиться домой. Теперь, говорятъ, такого рода эмигрантовъ изъ галицкой и венгерской Руси находится въ Сѣверной Америкѣ до 40.000. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ американскіе галичане пожелали имѣть у себя своего священника и обратились за нимъ къ львовскому митрополиту. Священникъ (о. Волянскій) нашелся, человѣкъ довольно энергическій и разносторонній, и, пріѣхавъ въ Америку, онъ скоро приспособился къ тамошнимъ условіямъ: выстроилъ церковь и при ней помѣстилъ читальню, потребительскую ассоціацію, типографію, сталъ издавать газету, руководить русинами-рабочими во время общей стачки, начатой извѣстнымъ обществомъ «Рыцарей труда», въ которомъ способствовалъ образованію особой русинской секціи, и т. п. Самое появленіе русинскаго уніатскаго священника въ Америкѣ не понравилось тамошнимъ католическимъ священникамъ-полякамъ, которые даже попробовали вооружить противъ о. Волянскаго католическаго епископа Филадельфіи, въ округѣ котораго лежитъ Шенандоа (Shenandoah),—городокъ, гдѣ больше всего находится русиновъ, и гдѣ основана была первая русско-уніатская цер-

ковъ. О. Волянскому поставлено было въ укоръ то, что онъ, по обычаю восточныхъ церквей, женатъ. А надо сказать, что теперешній львовскій митрополитъ занятъ мыслію установленія и среди уніатовъ безбрачія священниковъ. Повинуясь польскому клерикальному давленію, львовскій митрополитъ не только назначилъ въ другую паству въ Америку священника неженатаго, но и отозвалъ о. Волянскаго, замѣнивъ его тоже безбрачнымъ. Этотъ новый священникъ въ Шенандоа поссорился съ свѣтскими вліятельными лицами русинской колоніи, завѣдующими школой, потребительной лавкой и типографіей. Потребительная ассоціація распалась, газета прекратилась, начались препирательства весьма скандальнаго свойства. «Народ», который сразу пріобрѣлъ симпатіи въ средѣ русинъ и американскихъ колонистовъ, печаталъ корреспонденціи, неблагопріятныя новому священнику въ Шенандоа, и указалъ на ошибку, сдѣланную отозваніемъ о. Волянскаго, и на вредъ отъ того для всего дѣла малорусской эмиграціи въ Америкѣ, столь важной для будущаго австрійской Руси. Возбужденные посланіемъ митрополита, священники-ультрамонтаны въ Галиціи стали преслѣдовать «Народ» въ селахъ самымъ неблаговиднымъ способомъ, говорить проповѣди противъ него и противъ радикализма вообще.

Такъ установились дѣла къ концу 1890 г., когда въ парламентской жизни Галиціи произошло довольно знаменательное явленіе, называемое «угодой (соглашеніемъ) между поляками и русинами-народовцами».

Несогласія между русинами и поляками въ Галиціи составляютъ больное мѣсто края, а равно и всей Австріи, а потому австрійское правительство желаетъ установленія соглашенія между двумя элементами. Дѣло это не легкое, такъ какъ господствующему элементу, польскому, пришлось бы пойти на уступки не только на національномъ полѣ, но, что гораздо труднѣе, и на соціально-экономическомъ, такъ какъ въ восточной Галиціи поляки — патриціи, а русины —плебеи, и мѣстами даже пролетаріи. Въ послѣднее время заговорили о необходимости соглашенія русиновъ и поляковъ, въ виду возможности войны Австріи на Востокѣ. Видимое пробужденіе народныхъ массъ русинскихъ, начало сознательно-оппозиціонной политики ихъ представителей въ сеймѣ заставляло правящіе круги обратить большее вниманіе на русиновъ. Призна-

комъ этого вниманія было въ 1889 г. то, что когда сеймовое большинство не согласилось дать русинамъ гимназію въ Перемышлѣ, то министерскимъ распоряженіемъ даны были русинамъ параллельные классы при польской гимназіи, но съ особымъ директоромъ-русиномъ. Съ польской стороны, отъ тѣхъ круговъ, которые болѣе смотрятъ на востокъ и ждутъ отъ столкновенія на востокѣ возстановленія Польши, были сдѣланы еще въ 1888 г. и потомъ въ 1890 г. попытки соглашенія съ русинами радикальнаго направленія, но послѣдніе (изъ нихъ одинъ писатель, родомъ, впрочемъ, не галичанинъ) отвѣтили, что теперь не время для суммарныхъ соглашеній, особенно, въ виду международныхъ событій, на которыя «маленькіе люди» не могутъ имѣть большого вліянія, а что необходимо итти постепенно для установленія соглашенія между поляками и русинами въ Галиціи на почвѣ внутреннихъ дѣлъ: національныхъ правъ, администраціи, экономической политики и т. п. Въ концѣ сеймовой сессіи 1890 г. намѣстнику Галиціи (полякъ, гр. Бадени) съ нѣкоторыми депутатами клерикально-магнатской партіи, при участіи нѣкоторыхъ внѣ-галицкихъ представителей двухъ націй и при сочувствіи вѣнскаго министерства, удалось устроить такую пробу, которая была бы вмѣстѣ и соглашеніемъ русиновъ съ поляками, и подрывомъ оппозиціи русиновъ нынѣшней политической системѣ и въ краѣ и въ государствѣ. Это было соглашеніе польскихъ консерваторовъ съ депутатами народовцами. Послѣдніе, за обѣщанныя уступки формально-національнаго характера, преимущественно въ области школьной жизни, согласились разорвать связи съ оппозиціей москвофильской и радикальной, объявивъ себя не только сторонниками полной самостоятельности малоруссовъ отъ великоруссовъ, съ наложеніемъ анаѳемы на всякаго, иначе о томъ думающаго, но и вѣрными защитниками римской церкви, и даже признавъ митрополита политическимъ главою своей партіи и націи, чего не видно ни въ одной даже самой клерикальной и консервативной партіи у другихъ народовъ Австріи.

Декларація народовцевъ въ такомъ духѣ была провозглашена депутатомъ Романчукомъ неожиданно для другихъ депутатовъ «русскаго клуба» какъ москвофильскаго, такъ и радикальнаго, и была даже объявлена сторонниками ея началомъ «новой эры», но вызвала сильное неудовольствіе во

многихъ кругахъ такъ называемой интеллигенціи, а также и въ народѣ. Возраженія противъ декларації г. Романчука со стороны круговъ рутенско-москвофильскихъ были, впрочемъ, не безусловны и потому довольно страннаго характера. Представители этихъ круговъ не соглашались только на національную формулу г. Романчука, а консервативные пункты его программы, до политическаго подчиненія митрополиту включительно, признавали. Между тѣмъ радикалы выступили противъ декларації г. Романчука съ принципіальной точки зрѣнія. Даже соглашаясь на національную формулу г. Романчука, радикалы протестовали противъ исключительности въ ея постановкѣ и особенно противъ введенія ея въ политическую программу, въ катехизисъ, внѣ котораго всякій объявлялся измѣнникомъ народу и вмѣстѣ съ тѣмъ и австрійской державѣ, достойнымъ полицейскаго преслѣдованія. Радикалы протестовали противъ смѣшенія областей культуры и политики государственной, противъ смѣшенія понятій о національности и религіи, или, лучше сказать, вѣроисповѣданія, противъ подчиненія политики клерикализму, противнаго даже австрійской конституціи 1867 г. [1]). Наконецъ радикалы объявили нераціональнымъ переходъ русиновъ съ дороги оппозиціи на дорогу служенія нынѣшнему консервативному министерству, тогда какъ одна оппозиція ему, согласно съ другими прогрессивно-демократическими элементами въ Австріи, можетъ повести такія измѣненія въ законахъ Австріи, которыя поднимутъ русиновъ изъ нынѣшняго ихъ первоначальнаго положенія. Что касается собственно до соглашенія съ поляками, то радикалы заявляли себя вовсе не противниками такого соглашенія, а, напротивъ, сторонниками его. Только, по ихъ мнѣнію, соглашеніе это должно быть свободно отъ фантастическихъ надеждъ на возстановленіе Польши 1772 г. и, кромѣ того, должно быть заключено, дѣйствительно, съ польскимъ народомъ, а не съ магнатами, и притомъ не путемъ отреченія въ пользу послѣд-

[1]) Замѣтимъ, что подчиненіе политики русиновъ интересамъ римской церкви потому уже безцѣльно, что въ самой Австріи буковинскіе русины принадлежатъ къ церкви православной, а въ Венгріи есть русины-протестанты. „Программа Романчука“ просто выдавала carte blanche галицко-польской полиціи на всякій произволъ противъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи православію или свободомыслію, результаты чего скоро и сказались, въ противность обѣщаніямъ правительственнаго комиссара на сеймѣ 1889 г.

нихъ отъ справедливыхъ національныхъ и сословныхъ требованій русиновъ.

Такого рода рѣшительная и принципіальная оппозиція радикаловъ «новой эрѣ» обратила на себя общее вниманіе въ Галиціи, и даже вѣнское министерство, желая во всякомъ случаѣ знать истинное настроеніе края, дало знакъ львовской прокураторіи позволить «Народу» высказаться съ должной откровенностью, не конфискуя его нумеровъ. «Народовцы» показали себя не въ очень достойномъ свѣтѣ при защитѣ «новой эры», такъ какъ вся ихъ аргументація сводилась къ оппортунизму довольно грубаго свойства: «мы, молъ, сдѣлали извѣстную декларацію, такъ какъ правительство (т.-е. министерство) заявило намъ, что только при такихъ условіяхъ оно будетъ благопріятно русинамъ». Всѣ принципіальныя объясненія народовцевъ и ихъ программы на будущее время были очень темны.

Событія повернули дѣло такъ, что декларація Романчука и вызванныя ею пренія оказались наканунѣ выборовъ въ имперскій парламентъ. Собственно эти выборы должны были произойти многими мѣсяцами позже. Но успѣхи младочеховъ заставили министерство поспѣшить распущеніемъ парламента и назначеніемъ выборовъ, чтобы не дать оппозиціоннымъ партіямъ организоваться. Расчетъ, впрочемъ, оказался невѣренъ, по крайней мѣрѣ, относительно младочеховъ, и министерство должно было опереться на нѣмецкихъ централистовъ и поляковъ. Послѣдніе, чувствуя свою важность и не желая уменьшать ее уступкою парламентскихъ мѣстъ русинамъ, даже союзнымъ съ ними народовцамъ, согласились не ставить своихъ кандидатовъ только въ шести избирательныхъ округахъ восточной Галиціи, да въ два поставили кандидатами русиновъ только по имени, не признанныхъ даже народовскимъ избирательнымъ комитетомъ. Такимъ образомъ результаты избирательной кампаніи оказались для народовцевъ, которыхъ съ тѣхъ поръ стали звать «угодовцами» или «новоэристами», весьма не блестящими. Если они и могли утѣшать себя какими-либо побѣдами, то развѣ надъ кандидатами «москвофилами» и радикалами, изъ коихъ послѣднихъ было два. Побѣды эти были, впрочемъ, достигнуты при помощи евреевъ-кабатчиковъ и полиціи, находящейся въ рукахъ польской шляхты, а въ одномъ округѣ, гдѣ противъ радикала,

поставленнаго крестьянскими комитетами (адвокатъ г. Даниловичъ) выставленъ былъ народовцами чиновникъ суда, до тѣхъ поръ ничѣмъ не заявлявшій даже своего русинскаго происхожденія, побѣда была одержана народовцами только при помощи также и священниковъ рутенско-москвофильскаго направленія. Такимъ образомъ радикалы не успѣли провести ни одного своего представителя въ имперскій парламентъ и должны довольствоваться пока принадлежностью къ ихъ направленію одного сеймоваго депутата (адвокатъ г. Окуневскій).

Во всякомъ случаѣ избирательная кампанія 1891 г. дала случай радикаламъ поставить свою программу передъ довольно широкими кругами народныхъ массъ. Нынѣшнія стремленія галицкихъ радикаловъ всего лучше характеризуютъ пункты ихъ программы, поставленной передъ избирателями въ 1891 г. Мы приведемъ здѣсь (въ переводѣ) важнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ такимъ образомъ, чтобы можно было видѣть также и форму, въ которой ставятся передъ галицкими крестьянами требованія европейскаго радикализма:

1. «Чтобы люди не платили подати ни отъ земли ни отъ дома, а только отъ дохода; чтобы тотъ, кто имѣетъ вдвое бóльшій доходъ, платилъ втрое бóльшую подать, тогда какъ теперь наибóльшіе богачи платятъ гораздо меньше податей, чѣмъ бы должны были, сравнительно съ тѣмъ, что платятъ бѣдные люди; чтобы отъ наименьшаго имущества, которое необходимо человѣку для содержанія себя и семейства, не платились подати.

2. «Чтобы имущество, безусловно необходимое крестьянину для содержанія себя и семейства, не могло быть продано съ публичнаго торга.

3. «Чтобы вообще крестьянскій надѣлъ не продавался съ публичнаго торга, а только доходъ съ этого надѣла.

4. «Чтобы государство помогало сельскимъ общинамъ пріобрѣтать въ собственность общинные надѣлы, лежащіе въ ихъ предѣлахъ; чтобы общины имѣли право первенства при всякихъ продажахъ надѣловъ съ публичнаго торга или вольныхъ.

5. «Чтобы безземельнымъ крестьянамъ государство отдавало въ аренду земли государственныя.

6. «Чтобы въ войскѣ служили не больше одного года и чтобы постояннаго войска было меньше; чтобы, такимъ обра-

зомъ, уменьшены были теперешніе громадные расходы на войско.

8. «Чтобы каждый могъ брать сыровицы (вода изъ соляныхъ ключей), сколько ему нужно, а соль, чтобы стоила лишь столько, сколько обходится ея фабрикація.

9. «Чтобы была уничтожена казенная лотерея, которая вытягиваетъ послѣдній крейцеръ у наибѣднѣйшихъ людей.

11. «Чтобы уменьшены были акцизы съ предметовъ необходимыхъ, а вмѣсто того наложены были подати съ вещей, служащихъ для забавы и украшенія богачей.

12. «Чтобы правительство исправило берега рѣкъ.

«Особливо же,

13. «Чтобы были уничтожены избирательныя куріи, т.-е., чтобы на выборахъ крестьянинъ имѣлъ такое же право, какъ и панъ; чтобы депутатовъ выбирали всѣ, кто имѣетъ 21 годъ; чтобы не было пра-выборовъ, а всѣ прямо подавали голосъ за депутата; чтобы подача голосовъ была тайная, такъ чтобы каждый, кто имѣетъ право голоса, могъ бы быть избранъ и депутатомъ. Это называется: общее прямое и тайное голосованіе, которое одно можетъ вамъ дать силу во всякихъ общинныхъ, областныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

14. «Чтобы въ школахъ восточной Галиціи, отъ наивысшихъ до наинизшихъ, преподаваніе было по-русски (малорусское); чтобы въ русскихъ краяхъ официальнымъ языкомъ былъ русскій.

16. «Чтобы обученіе въ школахъ было безплатно; чтобы государство давало бѣднымъ ученикамъ пособія на книги, одежду и пропитаніе до окончанія курса.

17. «Чтобы уничтожены были штемпеля на газеты и календари; чтобы въ газетахъ было вольно писать всю правду; чтобы людямъ было совсѣмъ вольно сходиться для обсужденія своихъ дѣлъ и говорить тамъ всю правду; чтобъ имъ было совсѣмъ вольно устраивать всякаго рода общества.

18. «Чтобы чиновники во время отправленія своихъ обязанностей строго держались закона, а если кто изъ нихъ нарушилъ законъ, то чтобы долженъ былъ отвѣчать передъ обыкновеннымъ судомъ, какъ и всякій другой человѣкъ.

«Наконецъ необходимо,

19. «Чтобы русскіе депутаты въ парламентѣ были въ союзѣ съ такими депутатами, которые твердо стоятъ за рабочихъ людей».

Въ какомъ отношеніи стоитъ эта программа, составленная, конечно, болѣе образованными членами галицкой радикальной партіи, къ требованіямъ, которыя стали формулировать сами галицко-русскіе мѣщане и крестьяне, это видно изъ резолюціи одного собранія въ 1891 г. въ маленькомъ мѣстечкѣ Роздоля, на которомъ были почти исключительно мѣщане.

«Мы желаемъ:

«Русскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ, а для того возвращенія на нашу Русь до 400 русиновъ чиновниковъ и учителей изъ западной (польской) Галиціи и перевода туда всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, учителей и инспекторовъ школьныхъ, которые русскаго языка не знаютъ и не заботятся о немъ во время своихъ визитацій.

«Преобразованія уѣздныхъ совѣтовъ (родъ земскихъ управъ) на ладъ лучшій и болѣе дешевый и болѣе полезный для населенія.

«Преобразованія въ болѣе справедливый способъ выборовъ въ сеймъ и парламентъ, а также въ члены совѣтовъ уѣздныхъ.

«Уменьшенія податей съ мѣщанъ и селянъ вообще.

«Справедливой раскладки публичныхъ налоговъ, податей и работъ, какъ, напр., дорожныхъ и т. д., а именно уменьшенія ихъ для имуществъ меньшихъ и увеличенія ихъ для кого другого, кто можетъ больше платить.

«Помощи отъ областного банка для задолжавшихъ селянъ и мѣщанъ, а прежде всего въ рустикальномъ банкѣ.

«Уничтоженія права патроната (по которому священника представляетъ на мѣсто помѣщикъ, хотя бы и чужой вѣры).

«Полнаго самоуправленія гр.-кат. церкви нашей и устраненія оо. іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей.

«Почитанія нашихъ праздниковъ всѣми властями гражданскими и военными, —

«и вообще (желаемъ) еще не одного этого», — довольно наивно заканчивается эта резолюція.

Какъ видно изъ сравненія, избирательная программа галицко-русскихъ радикаловъ излагаетъ болѣе систематично

тѣ требованія, сознаніе которыхъ уже назрѣваетъ въ средѣ галицко-русскихъ мѣщанъ и крестьянъ, а это обстоятельство придаетъ особое значеніе небольшой пока группѣ организованныхъ радикаловъ передъ старыми партіями, которыя все-таки претендуютъ на значеніе національныхъ и народныхъ. Особенно фальшиво передъ радикалами положеніе «народовцевъ», которыхъ нынѣшняя политика и борьба съ радикалами находятся въ полномъ принципіальномъ противорѣчіи съ ихъ именемъ и установленнымъ ими культомъ Шевченка.

Хотя избирательная кампанія 1891 г. и не дала радикаламъ непосредственныхъ результатовъ въ видѣ депутатскихъ мѣстъ въ Вѣнѣ, однакоже радикалы не уменьшили, а увеличили свою агитацію среди крестьянства. Въ теченіе прошедшаго съ тѣхъ поръ года радикалы созвали нѣсколько митинговъ въ разныхъ мѣстахъ восточной Галиціи и появлялись на митингахъ, созванныхъ людьми другихъ партій, при чемъ иногда успѣвали проводить свои резолюціи, напр. о всеобщемъ голосованіи. Въ организаціи радикальныхъ митинговъ принимаютъ дѣятельное участіе крестьяне, которые обыкновенно уплачиваютъ издержки по ихъ устройству и часто являются референтами, а, во всякомъ случаѣ, ораторами. За типичное собраніе такого рода можно принять то, которое было въ октябрѣ 1891 г. въ Коломіи, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ сеймоваго посла, доктора правъ Окуневскаго, собралось болѣе 400 крестьянъ. Изъ резолюцій того митинга, по вопросамъ, изъ которыхъ многіе имѣли референтами крестьянъ, мы упомянемъ слѣдующія: I — о всеобщей подачѣ голосовъ; II — порицаніе русскимъ сеймовымъ депутатамъ за то, что они разбили солидарность русскаго депутатскаго клуба и, оставивъ защиту интересовъ сельскаго класса, вступили въ «угоду» съ магнатской партіей и перешли съ дороги оппозиціи въ положеніе «пріятно-выжидающее» (какъ нѣжно говорятъ народовцы) относительно нынѣшняго правительства; резолюція требуетъ отъ русскихъ депутатовъ и рѣшительной защиты интересовъ крестьянъ, и требованій возможно бо́льшаго расширенія гражданской вольности, и правъ политическихъ».

Резолюція III протестуетъ противъ составленнаго сеймовою комиссіей проекта измѣненія устройства сеймовыхъ обществъ черезъ соединеніе нѣсколькихъ обществъ въ одно и постановленіе надъ нимъ окружныхъ начальниковъ, и высказы-

вается, напротивъ, за расширеніе автономіи нынѣшнихъ сельскихъ обществъ, съ приложеніемъ и къ нимъ начала поголовной подачи голосовъ.

Резолюція V порицаетъ новый дорожный законъ, выработанный сеймомъ,— законъ, крайне невыгодный для крестьянъ, на которыхъ падаетъ почти вся тяжесть содержанія дорогъ въ порядкѣ, благодаря натуральной повинности.

Резолюція VIII требуетъ передачи завѣдыванія церковнымъ имуществомъ въ руки вѣроисповѣдныхъ общинъ.

Резолюція X постановляетъ о необходимости образованія въ коломійскомъ округѣ «политическаго общества для защиты интересовъ рабочаго населенія этого округа».

Подобныя же резолюціи были приняты и на митингѣ, бывшемъ въ мартѣ 1892 г. въ Снятынѣ, куда собралось болѣе 2.000 русскихъ крестьянъ изъ Галиціи и сосѣдней Буковины. Кромѣ того, на этомъ же митингѣ подробно обсуждалось нынѣшнее правовое положеніе печати въ Галиціи и приняты резолюціи въ пользу расширенія свободы печати, уничтоженія штемпелей съ газетъ и календарей и залоговъ отъ политическихъ газетъ.

Резолюціи по важнѣйшимъ вопросамъ обыкновенно передаются, послѣ митинговъ, въ видѣ петицій въ сеймъ и парламентъ. О всеобщей подачѣ голосовъ собираются особыя подписи къ прошеніямъ, которыя, по мѣрѣ ихъ накопленія, пересылаются въ сеймъ и парламентъ. Въ настоящее время этотъ вопросъ есть главный, около котораго сосредоточивается агитація, производимая галицкими радикалами, и это совершенно естественно, такъ какъ, кромѣ соціальнаго, вопросъ этотъ имѣетъ для русиновъ и первенствующее національное значеніе, потому что нынѣшняя система выборовъ ставитъ ихъ въ подчиненное положеніе, и только справедливое представительство, основанное на всеобщей подачѣ голосовъ, можетъ дать русинамъ такое значеніе въ политической жизни областной и государственной, какое имъ должно принадлежать по ихъ численности. Слѣдуетъ отмѣтить еще, какъ особенно интересное явленіе, что на митингахъ русиновъ-крестьянъ выражается желаніе объ устройствѣ такихъ же митинговъ и въ польской части Галиціи. «Мы поѣдемъ туда, къ нашимъ братьямъ-полякамъ!»— говорятъ крестьяне-русины радикальнаго направленія. Такое явленіе обѣщаетъ поставить совсѣмъ

въ новомъ видѣ весь вопросъ о польско-русинскомъ соглашеніи.

Мы сказали, что изъ всѣхъ партій галицкихъ одни только радикалы являются партіей политической. Уже и теперь они успѣли произвести вліяніе и на другія партіи, которыя сами себѣ должны ставить политическіе вопросы, и притомъ прогрессивнаго характера. Такъ, въ послѣднее время и представители рутено-москвофильской партіи заговорили объ избирательной реформѣ, а народовцы издали и свою политическую программу, въ которую внесли много пунктовъ изъ программы радикаловъ. Только старымъ партіямъ трудно отважиться рѣшительно на новую дорогу, такъ какъ для этого надо отказаться совершенно отъ политики прислужничества теперь правящимъ сферамъ и возложить надежду только на пробужденіе своего народа, который, вмѣстѣ съ другими, тоже теперь пробуждающимися народами Австріи, создаетъ новую правительственную систему, опирающуюся на новый сеймъ и новый парламентъ. Особенно трудно теперь отважиться на такую политику «народовцамъ», которые недальновидно связали себя со старою системою, не замѣтивъ, что она лопается по всѣмъ швамъ и въ галицкой области и въ остальныхъ провинціяхъ австрійской державы.

Какъ бы тамъ ни было, а галицкое радикальное движеніе интересно потому уже, что въ немъ мы видимъ явное пробужденіе политическаго сознанія самихъ галицко-русскихъ массъ, у которыхъ обстоятельства день за днемъ разбиваютъ надежды на какую-либо внѣшнюю помощь и толкаютъ ихъ къ надеждамъ только на самихъ себя. Европейскій же радикализмъ, который съ каждымъ днемъ дѣлаетъ успѣхи и въ Австріи, даетъ готовыя политическія формулы для этого новаго сознанія галицко-русскихъ народныхъ массъ.

Въ заключеніе надо сказать нѣсколько словъ объ одномъ осложненіи политическаго движенія среди русскихъ галичанъ, а именно о вопросѣ церковномъ. Собственно политическое движеніе въ Галиціи независимо отъ церковныхъ дѣлъ могло бы ихъ и не трогать, но обстоятельства въ Галиціи таковы, что къ политическимъ вопросамъ само собою при-

вязываются и церковные. Мы видѣли, что въ резолюціи мѣщанъ м. Роздоли говорится объ отмѣнѣ патроната и независимости галицко-русской церкви и объ удаленіи іезуитовъ изъ василіанскихъ монастырей, и что парламентская программа радикаловъ требуетъ предоставленія вѣроисповѣднымъ общинамъ завѣдыванія церковными имуществами. Дѣло въ томъ, что галицко-русская греко-уніатская церковь находится въ крайне ненормальномъ положеніи, обусловленномъ политическими отношеніями въ краѣ и въ свою очередь вліяющемъ на ходъ политической организаціи народныхъ силъ. Такъ, это средневѣковое феодальное учрежденіе, какъ патронатъ помѣщиковъ надъ священниками, остается въ Галиціи, потому что онъ даетъ полякамъ-помѣщикамъ возможность вліять на политическое поведеніе русинскихъ священниковъ. Въ послѣднее же время клерикально-польская партія въ Галиціи, видимо, задалась цѣлью вознаградить себя за обращеніе уніатовъ въ православіе въ Царствѣ Польскомъ въ Россіи — отождествленіемъ уніи съ католицизмомъ и полонизмомъ въ Галиціи. Ей удалось вовлечь въ свои виды и Римъ, который въ этомъ вопросѣ отступилъ отъ универсально-католическихъ цѣлей и сталъ поддерживать цѣли національно-польскія. Въ результатѣ вышло назначеніе на каѳедры епископовъ уніатскихъ лицъ вполнѣ благопріятныхъ ультрамонтанско-польскимъ цѣлямъ, а также предоставленіе уніатскихъ монастырей іезуитамъ «для реформы», борьба съ нѣкоторыми внѣшними особенностями восточной церкви, совершаемая при помощи полиціи, къ явному скандалу и нарушенію основныхъ законовъ государства и т. п. Нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ обѣ старыя партіи галицко-русинскія согласно протестовали противъ такого порабощенія ихъ церкви, но теперь, послѣ «угоды», народовцы замолкли по этому вопросу. Между тѣмъ, ни съ національно-русинской точки зрѣнія ни съ точки зрѣнія свободы религіозной, молча терпѣть такого положенія дѣлъ нельзя, и радикалы подвергаютъ его критикѣ въ своихъ органахъ.

Въ то же время магнато-бюрократическія вліянія на галицко-русскую церковь совершенно подавили тамъ остатки стараго демократизма, — временъ братства XVI—XVII вв., —въ отношеніяхъ между прихожанами и священникомъ, въ завѣдываніи церковными имуществами, и повели къ вздорожа-

нію церковныхъ требъ. Все это возбуждаетъ неудовольствіе крестьянъ, и радикалы, какъ демократическая партія, не могутъ быть глухи къ этому неудовольствію и даютъ ему выраженіе въ своихъ органахъ. Духовенство, особенно высшее, раздражается этимъ выраженіемъ и старается дискредитировать радикаловъ передъ крестьянами и затѣмъ всячески противодѣйствовать даже политическимъ тенденціямъ радикаловъ, препятствовать выборамъ ихъ въ депутаты. Борьба эта, конечно, могла только усилиться послѣ того, какъ радикалы выступили противъ «угоды», которая признала митрополита политическимъ главою русиновъ и внесла въ политическую программу требованіе служить интересамъ римской церкви не только въ Галиціи, но на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ.

Наиболѣе подходящимъ способомъ борьбы съ радикалами было признано обвиненіе ихъ въ томъ, что они «хотятъ разрушить въ народѣ религію». Поддержкою такого обвиненія служитъ то, что болѣе образованные радикалы объявили себя сторонниками свободы изслѣдованія и печатаютъ переводы европейскихъ трудовъ по исторіи религіи.

Со времени избирательной кампаніи 1891 г. галицкіе радикалы неоднократно имѣли случай объяснить свое положеніе въ религіозномъ вопросѣ и въ своихъ органахъ и на митингахъ. Они заявляютъ, что стоятъ только на пунктѣ свободы совѣсти и въ своей критикѣ церковныхъ отношеній въ Галиціи не трогаютъ догматовъ, а только общественно-церковныя учрежденія, которыя прямо входятъ въ область политики. По существу же радикалы совершенно раздѣляютъ область религіи и политики и, стоя за раздѣленіе церкви и государства, считаютъ вполнѣ возможнымъ солидарность людей разныхъ религіозно-философскихъ мнѣній по вопросамъ государственной и соціальной политики, при чемъ указываютъ на примѣры Ирландіи, Англіи, Швейцаріи. Нѣсколько статей въ разъясненіе текста постановки вопроса было напечатано въ послѣднее время въ «Хліборобѣ», и аргументація ихъ показалась убѣдительною и многимъ крестьянамъ. На съѣздѣ крестьянскихъ делегатовъ изъ разныхъ мѣстъ, недавно бывшемъ въ Коломіи, съ цѣлью положить начало крестьянскому радикальному политическому обществу, принята именно резолюція въ такомъ духѣ.

Свобода совѣсти теперь принята почти всѣми европейскими законодательствами, въ томъ числѣ и австрійскимъ, и само католическое духовенство въ болѣе цивилизованныхъ странахъ мирится съ этимъ, а во многихъ странахъ, какъ, напр., Сѣверо-Американскіе Штаты, Англія, Швейцарія, католическое духовенство ничего не имѣетъ и противъ раздѣленія церкви и государства. Кромѣ того, въ этихъ странахъ католическое духовенство поддерживаетъ весьма радикальныя стремленія политическія и соціальныя, а недавно, послѣ энциклики папы Льва XIII о положеніи рабочихъ, положена была высшая санкція такъ называемому «католическому соціализму». Но въ Галиціи духовенство мало образовано, а высшая его іерархія есть явное орудіе магнато-польской партіи, а потому здѣсь примиреніе католицизма съ радикализмомъ очень затруднено, хотя національно-соціальныя отношенія въ восточной Галиціи, вполнѣ сходныя съ ирландскими, казалось бы, и обязывали галицко-русское духовенство къ подражанію католическому духовенству Ирландіи.

Такъ какъ вся совокупность условій жизни все болѣе толкаетъ галицко-русинское крестьянство и мѣщанство на дорогу радикальнаго политико-соціальнаго движенія, и такъ какъ въ то же время большинство галицко-русскаго духовенства заявляетъ себя ожесточеннымъ противникомъ этого движенія, а высшіе церковные іерархи галицкіе, прямо слѣдуя даже анти-національному направленію и такимъ мѣрамъ, какъ, напр., отозваніе о. Волянскаго изъ Америки, явно идутъ противъ интересовъ народа, то не невозможно, что нынѣшнія натянутыя отношенія разразятся отпаденіемъ значительной части русскихъ галичанъ отъ уніатской церкви и образованіемъ особыхъ вѣроисповѣдныхъ общинъ съ характеромъ болѣе или менѣе протестантскимъ.

Всеобщее голосованіе и русины въ Австріи *).

Характерными явленіями въ современной политической жизни австрійской имперіи представляются въ Цислейтаніи — движеніе въ пользу расширенія избирательнаго права до поголовной подачи голосовъ, а въ Транслейтаніи — требованіе не-венгерскихъ народовъ признанія ихъ національныхъ правъ. По всей вѣроятности, оба движенія сольются въ одно. Нынѣшняя цензовая система выборовъ въ Транслейтаніи даетъ искусственное преобладаніе элементу болѣе богатому,—венграмъ. Въ Цислейтаніи же, хотя различныя народности и не такъ притѣснены, но теперешняя избирательная система — трехклассная (крупные землевладѣльцы, города и сельскія общины), съ двойнымъ избирательствомъ для селянъ и съ особенно хитрымъ распредѣленіемъ числа голосовъ по классамъ и провинціямъ — вовсе не имѣетъ цѣлью дать равноправное представительство разнымъ общественнымъ элементамъ, даже соотвѣтственно количеству платимыхъ ими податей, какъ это объявлялось при составленіи нынѣшняго избирательнаго закона. Въ западныхъ провинціяхъ Цислейтаніи этотъ законъ благопріятствуетъ нѣмцамъ, въ Галиціи — полякамъ, и вездѣ — феодальной аристократіи; составленъ онъ точно нарочито такъ, чтобъ и при парламентскомъ правленіи перевѣсъ въ государствѣ остался въ сущности за бюрократіей, какъ и во времена абсолютизма, только въ другихъ формахъ. И, дѣйствительно, различные общественные и національные элементы,

*) Статья эта была первоначально напечатана въ журналѣ „*Вѣстникъ Европы*“ 1894 г., апрѣль, и подписана иниціалами Р. Яр.

Прим. ред.

не имѣя естественнаго представительства ни въ провинціальныхъ сеймахъ ни въ державной думѣ, только нейтрализируютъ другъ друга и не въ состояніи даже составить парламентскаго большинства, такъ что вотъ уже больше 15 лѣтъ въ Цислейтаніи правитъ «надпарламентское» министерство гр. Таафе, стоящее «надъ партіями», какъ говоритъ его шефъ, и кое-какъ составляющее себѣ чуть не въ каждую сессію новое подобіе большинства.

Мало-по-малу противоестественность такого порядка вещей раскрылась передъ значительною частью австрійскаго населенія, и многіе пришли къ убѣжденію, что выходъ изъ него можетъ быть только въ установленіи поголовнаго избирательнаго права. Изъ теперешнихъ политическихъ партій въ вѣнскомъ парламентѣ рѣшительно заявили себя въ пользу такой реформы нѣмецкіе демократы и младочехи. Вообще, славянамъ эта реформа можетъ быть только выгодна, но словинцы и далматинцы еще боятся пристать къ агитаціи въ ея пользу, чтобы не стать въ оппозицію съ правительствомъ, отъ котораго они получаютъ по временамъ и еще надѣются получить уступки «надпарламентскимъ» способомъ; поляки же, т.-е. шляхетское большинство польскихъ политиковъ, не желаютъ выпускать изъ своихъ рукъ политической власти въ своемъ краѣ и своего преобладанія надъ русинами, почти исключительно селянами, а эта власть и это преобладаніе вполнѣ обезпечиваются теперешней избирательною системой, которая вдобавокъ, имѣя послѣдствіемъ отсутствіе въ вѣнскомъ парламентѣ твердаго большинства, даетъ польскимъ депутатамъ значеніе рѣшителей судебъ, смотря по тому, на чью сторону они станутъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ Австріи нѣтъ другого, болѣе обиженнаго теперешнимъ порядкомъ, въ томъ числѣ и избирательнымъ закономъ, какъ русины, такъ какъ они осуждены оставаться въ меньшинствѣ даже и въ галицкомъ сеймѣ, даже и тогда, если бы выборы производились безъ всякаго вмѣшательства полиціи, находящейся въ рукахъ поляковъ. Судя по этому, слѣдовало бы ожидать, что движеніе въ пользу поголовной подачи голосовъ встрѣтитъ себѣ энергическую поддержку со стороны русинскихъ политиковъ. Но на дѣлѣ это далеко не такъ. Мало развитые политически вожди русиновъ, члены старой партіи, или такъ называемой

москвофильской, и «молодшей», такъ называемой украинофильской, или народовой, держатся вообще консервативныхъ идей и предпочитаютъ политику скромнаго услуживанія существующимъ министерствамъ смѣлымъ пробамъ опереться на свой народъ, пробудивъ въ немъ политическое и соціальное самосознаніе.

Но въ недавнее время формально образовалась въ Галиціи «русско-украинская радикальная партія»; она рѣшительно отдѣлилась отъ народовцевъ, въ сущности потерявшихъ право на это названіе и передавшихъ это право радикаламъ, особенно послѣ пробы «угоды», или соглашенія съ польскими магнатско-клерикальными кругами въ 1890 г. Радикалы сдѣлали изъ агитаціи въ пользу всеобщаго и тайнаго голосованія главное свое политическое дѣло на настоящее время. Съ этою цѣлью въ восточной (русской) Галиціи они собирали нѣсколько митинговъ и распространяли для подписей проекты петицій въ сеймъ и парламентъ о такой реформѣ. Прошедшимъ лѣтомъ съ этою цѣлью образовано въ Коломіи,— центрѣ края, называемаго Покутіемъ, гдѣ радикализмъ болѣе пустилъ корни въ сельскомъ населеніи и гдѣ выходитъ два радикальныхъ органа, «Народ» (для интеллигенціи) и «Хліборобъ» (для крестьянъ и мѣщанъ) образовалось спеціальное политическое общество для агитаціи въ пользу вышеозначенной политической реформы. Статутъ этого общества «Народна Воля» (свобода) утвержденъ правительствомъ 17 іюня 1893 года. Главные параграфы этого статута — 1-й и 2-й. Они опредѣляютъ цѣль и средства общества.

«Цѣль общества, — читаемъ въ статутѣ, — есть соціально-политическое образованіе возможно болѣе широкихъ круговъ русскаго народа въ Галиціи, а прежде всего въ уѣздахъ покутскихъ: Коломійскомъ, Снятинскомъ, Косовскомъ, Городенскомъ и т. д.; оборона правъ гражданскихъ и стараніе всякими законными средствами о расширеніи этихъ правъ въ радикально-демократическомъ направленіи, а, особенно, введеніе всеобщаго, непосредственнаго и тайнаго голосованія при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія.

«Для достиженія этой цѣли служатъ обществу слѣдующія средства:

а) Собранія членовъ общества для обсужденія дѣлъ политическихъ, культурныхъ и экономическихъ и постановленіе

на этихъ собраніяхъ соотвѣтственныхъ резолюцій. Собранія эти могутъ происходить въ каждой мѣстности въ Галиціи.

б) Публичные, равно доступные для членовъ и не-членовъ общества, митинги (вѣча), которые тоже могутъ происходить въ каждой мѣстности въ Галиціи.

в) Публичныя, общедоступныя для членовъ и не-членовъ, чтенія, производимыя членами общества или лицами, нарочито съ этой цѣлью приглашенными, а также вечера и содержаніе читаленъ и библіотекъ.

г) Изданіе газетъ, воззваній, книгъ и всякихъ брошюръ, а также поддержка такихъ изданій.

д) Законное вліяніе на выборы въ представительныя учрежденія государственныя, областныя, уѣздныя и общинныя.

е) Высылка петицій, адресовъ, мемуаровъ и депутацій».

(Переведено съ малорусскаго.)

Статутъ этотъ подписанъ пятью лицами, изъ которыхъ два адвоката, одинъ журналистъ и двое крестьянъ. 30 іюля было первое учредительное собраніе общества, на которомъ присутствовало 250 лицъ, почти исключительно крестьянъ. Въ число членовъ вписалось 200 лицъ, изъ которыхъ 160 тотчасъ внесли членскій взносъ: по 20 крейцеровъ. Тогда же выбранъ былъ распорядительный комитетъ общества изъ 8 лицъ, между которыми одинъ адвокатъ (докторъ правъ Даниловичъ), одинъ адвокатскій помощникъ, одинъ предсѣдатель торговой ассоціаціи кустарной промышленности карпатскихъ горцевъ (Гуцульска Спілка), одинъ журналистъ (редакторъ «Народа» и «Хліборобa», М. Павликъ) и четверо крестьянъ. «Головою» общества избранъ докторъ философіи (по славянской филологіи) Ив. Франко, извѣстный галицко-русскій поэтъ и беллетристъ.

Агитація среди самихъ лицъ галицко-русскаго народа въ пользу всеобщаго избирательнаго права заставляетъ уже считаться съ собою и политиковъ старыхъ галицко-русскихъ партій. «Москвофилы», поставленные вышеупомянутою «угодою» 1890 г. въ оппозиціонное положеніе, начинаютъ обращаться сочувственно къ этой агитаціи, хотя со свойственными имъ колебаніями и стремленіями. Такъ, сеймовый депутатъ

докторъ Антоновичъ не рѣшился явиться ни на одно русское вѣче, созванное радикалами, но появился на вѣчѣ, созванномъ въ Перемышлѣ польскими прогрессистами и произнесъ тамъ рѣчь въ пользу всеобщаго голосованія, по-польски, хотя тамъ же одинъ крестьянинъ-русинъ, радикалъ, говорилъ по-русски. Старые украинофилы, связавши себя «угодой» съ польскою магнатско-клерикальною партіей, должны были высказываться отрицательно по отношенію къ всеобщему голосованію. Но въ прошломъ году выяснилось, что польскіе политики, въ сущности, очень неохотно идутъ на уступки русинамъ даже въ формально-національныхъ пунктахъ, а въ то же время массовое стремленіе къ эмиграціи крестьянъ въ Россію открыло всю соціальную бездну, какая раздѣляетъ галицко-русскій народъ и польскую шляхту. «Угода» сильно поколебалась, и теперь старо-украинофильскіе политики выступили съ своимъ, хотя менѣе радикальнымъ, проектомъ избирательной реформы. По этому проекту число депутатовъ отъ селянъ Галиціи должно было бы быть увеличено, и выборы отъ нихъ должны бы были сдѣлаться прямыми, а не двойными. Само собою разумѣется, что проектъ этотъ былъ отвергнутъ польскимъ большинствомъ галицкаго сейма даже безъ обсужденій и послужилъ только для удостовѣренія невозможности соглашенія между галицко-русской демократіей и польской шляхтой. Старо-украинофильскіе политики никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ пользу своего проекта реформы не предпринимаютъ, тѣмъ болѣе, что часть изъ нихъ, представляемая журналомъ «Правда», занялась новой «угодой», — реформой галицко-русской уніатской церкви въ пріятномъ для польскихъ магнатовъ-клерикаловъ ультрамонтанскомъ направленіи. Но среди младшихъ галицкихъ украинофиловъ, особенно въ провинціи, развивается сочувствіе къ производимой радикалами агитаціи въ пользу всеобщаго голосованія, а потому можно надѣяться, что агитація эта будетъ расширяться, тѣмъ болѣе, что движеніе въ пользу этой реформы въ западныхъ провинціяхъ Австріи становится все болѣе энергическимъ. Благополучное окончаніе подобнаго же движенія въ Бельгіи придастъ силы и австрійской демократіи.

Для славянъ и, въ частности, для русиновъ австрійскихъ реформа избирательная въ демократическомъ духѣ будетъ имѣть рѣшительное значеніе, такъ какъ она впервые поста-

вить каждую славянскую національность на собственныя ноги и дастъ ей такое представительство въ совѣтахъ общинныхъ и уѣздныхъ, въ сеймахъ областныхъ и въ державной думѣ, какое ей надлежитъ по ея численности. Поставивши же каждую славянскую народность Австріи въ возможность самой вѣдать свои дѣла, избирательная реформа австрійская будетъ имѣть вліяніе и на постановку славянскихъ теорій не въ одной Австріи. Реформа эта заставитъ каждое славянское племя заниматься своими дѣлами дома, не развлекаясь ни надеждами на помощь извнѣ ни опытами благотворительности за границей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакторовъ И. Гревса и Б. Кистяковскаго . . III—VIII

М. П. Драгомановъ. *Его политическіе взгляды, литературная дѣятельность и жизнь.* **Б. Кистяковскаго.** IX—LXXVII

Предисловіе къ первому тому. Б. Кистяковскаго. . . LXXVIII—LXXXII

СОЧИНЕНІЯ М. П. ДРАГОМАНОВА *).

Восточная политика Германіи и обрусеніе . . . . 1—219

Вмѣсто предисловія . . . . . 1—5

I. Толки нѣмецкой печати о результатахъ и значеніи гаштейнскихъ переговоровъ . . . . . 6—16

Гаштейнское свиданіе канцлеровъ Германіи и Австріи (6). Основанія нарушенія европейскаго мира: возможность войны между Франціей и Германіей (7); турецкій вопросъ—угнетеніе христіанскаго населенія (7); возможность движенія Австро-Венгріи къ пріобрѣтенію новой области на Дунаѣ (8); нарушеніе внутренняго мира въ Австріи (11). Польскій вопросъ, какъ препятствіе къ приглашенію въ Гаштейнъ русскихъ дипломатовъ (14).

II. Отношеніе нѣмецкой и русской прессы къ польскому вопросу . . . . . 16—47

Непослѣдовательность нѣмецкой либеральной печати по отношенію къ польскому вопросу, а въ частности къ руссификаторской политикѣ въ Польшѣ (16). Мнѣнія этой печати о необходимости присоединенія Польши къ Германіи (19); примѣры: брошюра бранденбургскаго дворянина К. (20), книга Рихарда Бёкка (22), брошюра Альберта Шуманна (28), сочиненіе Константина Франца (30), анонимная брошюра: „Австро-Венгрія въ войнѣ противъ Россіи“ (37); общій смыслъ перечисленныхъ книгъ и брошюръ: стремленіе нѣмцевъ къ скорѣйшему захвату Польши (40). Тревога въ русской прессѣ по поводу гаштейнскихъ переговоровъ (43).

III. Степень опасности для Россіи враждебнаго отношенія къ ней поляковъ . . . . . 47—62

Враждебность и равнодушіе поляковъ къ русскому правительству, какъ результатъ политики „обрусенія“ (47). Системы обрусенія, обоснованныя публицистами „Голоса“ и „Московскихъ

---

*) Напечатанное ниже оглавленіе не принадлежитъ Драгоманову, а составлено редакціей настоящаго изданія.

Стр.

Вѣдомостей“ (49). Аналогія правительственныхъ стремленій къ созданію единой государственной народности съ заботами о государственной религіи (51). Ничтожность шансовъ на успѣшность обрусенія Царства Польскаго (57). Слои польскаго народа, противящіеся политикѣ обрусенія (58). Отношеніе поляковъ къ возможной борьбѣ Россіи съ пограничными государствами изъ-за польскаго вопроса (61).

IV. Необходимость культурной борьбы съ полонизмомъ въ не-польскихъ областяхъ . . . . . 62—98

Измышленія русской прессы о т. н. „польской интригѣ“ (62). Усиленіе польскаго вліянія, какъ слѣдствіе правительственнаго гнета (64). Уничтоженіе опасности полонизма будущими либерально-демократическими реформами (66). Культурная реакція полонизму въ западномъ краѣ (68). Украинофильство и бѣлоруссофильство (71). Лѣвобережное и правобережное украинофильство (78). Демократизмъ и славянскій федерализмъ въ Кіевскомъ кружкѣ: Шевченко и Костомаровъ (80); литературная полемика съ Костомаровымъ (86); отголоски этой полемики въ Юго-Западномъ краѣ (88). „Хлопоманія“ и борьба съ ней и украинофильствомъ (95).

V. Народная реакція полонизму въ Западномъ краѣ: литвофильство и бѣлоруссофильство . . . . . 98—112

Связь между поляками и литовцами и возникновеніе литвофильства (98). Важность раздѣленія въ Литвѣ католицизма отъ полонизма (100). Необходимость замѣны политики обрусенія Литвы культурнымъ вліяніемъ на мѣстное населеніе (101). Бѣлоруссофильство, какъ реакція полонизму (106). Обличеніе бѣлоруссофильства въ русской прессѣ (109). Отрицательныя стороны бѣлоруссофильства (111).

VI. Литературныя теченія въ Галиціи и отношеніе къ нимъ московскаго славянофильства . . . . . 113—129

Характеръ московскаго славянофильства и отношеніе его къ украинофильству и бѣлоруссофильству (113); отношеніе славянофильства къ культурнымъ теченіямъ среди народностей Россіи (115). Теоретическія разногласія между славянофильствомъ и украинофильствомъ (117); пререканія представителей этихъ теченій по вопросу о малорусской литературѣ (118). Появленіе русинской народной литературы въ 1848 г.: Маркіанъ Шашкевичъ и Б. Дѣдицкій (120). Появленіе въ Галиціи украинской народной литературы: Федьковичъ (121). Отношеніе австрійскаго правительства къ галицкому украинофильству до 1861 г. и послѣ него (122). Реакція польскихъ и бюрократическихъ круговъ къ галицкому украинофильству (124). Литературный отпоръ „народовцевъ“ и русскихъ централистовъ (127).

VII. Отношеніе московскихъ славянофиловъ къ польско-католическимъ теченіямъ въ Царствѣ Польскомъ и Юго-Западномъ краѣ . . . . . 129—142

Партикуляризмъ и сепаратизмъ самихъ славянофиловъ (129). Эволюція отношеній славянофиловъ къ польскому вопросу (131). Отрицательное отношеніе славянофиловъ къ полонизму Западнаго края и гибельныя послѣдствія этого отношенія (136). Бюрократическія стѣсненія, какъ главный тормозъ обрусенію

Стр.

иновѣрцевъ (139). Миѳъ о „панургомъ стадѣ“ и его безсмысленность (140). Демократическія реформы во всей Россіи и ея окраинахъ, какъ спасеніе единства русскаго государства (141).

VIII. Полонизмъ и руссофильскія направленія . . . 142—154

Матеріальная и нравственная слабость полонизма въ Западномъ краѣ (142). Значеніе учено-литературныхъ руссофильскихъ направленій, защищающихъ русскіе интересы въ Западномъ краѣ (143). Сочувствіе части русскаго общества польскому возстанію и результаты этого возстанія (146). А. Герценъ и партія, защищавшая принципъ надѣленія крестьянъ землею (151). Тактика „красныхъ“ и „бѣлыхъ“ (152).

IX. Герценъ и итоги польской революціи . . . . . 154—168

Герценъ и нѣмецкій патріотизмъ (155). Славянофильство Герцена (157). Общинные взгляды Герцена и его оцѣнка тактики „Молодой Россіи“ (157). Взгляды Герцена на польскій вопросъ (158); сочувствіе Герцена польскому возстанію (160); переговоры Герцена съ Польскимъ Центральнымъ Комитетомъ (160); ошибки Герцена и польскихъ революціонеровъ (161). Назначеніе въ Вильну Муравьева (163). Народная реакція въ Юго-Западномъ краѣ и дѣйствія администраціи (164). Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и демократическія реформы, какъ единственный выходъ изъ польскаго вопроса (165).

X. Вредъ политики насильственнаго обрусенія Польши . . . . . 168—

Оцѣнка органомъ московскихъ славянофиловъ — газетой „День“ правительственныхъ мѣръ для Польши въ 1864 г. (168). Оцѣнка этихъ мѣръ польской и западно-европейской централистской литературой (170). Большая жизненность русскаго народничества сравнительно съ польскимъ демократическимъ движеніемъ (171). Бюрократическая оцѣнка обрусенія, какъ препятствіе образованію въ Польшѣ „русской партіи“ (173). Оцѣнка административнаго объединенія Польши и Россіи (174). Неудовлетворительная организація учебной части въ Царствѣ Польскомъ и враждебное отношеніе русской бюрократіи къ польскому языку (177); аналогичные примѣры въ Германіи (179); польская литература (182); мнѣніе Погодина о невозможности уничтоженія путемъ насилія языка народа (183). Заключеніе (183).

XI. «Московскія Вѣдомости» и бюрократическая централизація 18

Неясность положительной программы „Московскихъ Вѣдомостей“ (185) Источникъ консерватизма „Московскихъ Вѣдомостей“ (187). „Московскія Вѣдомости“ и польскій вопросъ (192). Вредъ административнаго централизма (199). Равнодушіе большей части русской прессы къ вопросу объ обрусеніи окраинъ (200). Враждебное отношеніе населенія окраинъ Россіи къ центру (201).

XII. Политика подражанія и ея несостоятельность . 202—214

Непригодность политики подражанія западно-европейскимъ государствамъ (202). Временное вступленіе русскаго правительства на путь цѣлесообразной и гуманной политики въ Запад-

Стр.

номъ краѣ и Польшѣ въ 1863—64 гг. (202). Соотношеніе вопроса о децентрализаціи и самоуправленіи съ величиной территоріи (203). Отличіе Россіи отъ Франціи и Пруссіи въ этнографическомъ, культурномъ и численномъ отношеніи ея окраинъ по сравненію съ центромъ (203). Исторія національнаго состава Россіи (204). Забота о матеріальномъ и нравственномъ развитіи населенія центра и окраинъ — единственно правильная политика (205). Реакціонная политика бюрократіи, питаемой идеями „Московскихъ Вѣдомостей“, въ дѣлѣ народнаго образованія въ Польшѣ и Сѣверо-Западномъ краѣ (206). Вредъ рабскаго положенія подцензурной прессы для умственнаго и нравственнаго развитія центра и окраинъ (208). Нѣкоторыя положительныя стороны консервативно-централистическаго доктринерства „Московскихъ Вѣдомостей“ (209). Образованіе Германской имперіи и ослабленіе Австріи (211). Усиленіе Германіи съ 1870 г. и измѣненіе политическихъ отношеній между Россіей, Германіей и Франціей.

Заключеніе . . . . . 214—216

Евреи и поляки въ Юго-Западномъ краѣ . . . . . 217—267

Вступленіе . . . . . 217—218

Изслѣдованіе П. П. Чубинскаго о бытѣ евреевъ и поляковъ, живущихъ въ Юго-Западномъ краѣ.

I. Евреи въ Юго-Западномъ краѣ . . . . . 218—228

Трудность научнаго изслѣдованія еврейскаго вопроса (218). Неудовлетворительность статистическаго очерка г. Чубинскаго о евреяхъ (218). Неправильное разрѣшеніе г. Чубинскимъ еврейскаго вопроса (220). Сущность еврейскаго вопроса: ошибки юдофиловъ и юдофобовъ (223). Взгляды автора на разрѣшеніе еврейскаго вопроса (226). Заключеніе (228).

II. Процессъ ополяченія западной Руси . . . . . 228—235

Религіозная жизнь населенія юго-западной Руси (228). Исторія политики русскаго правительства, приведшей къ ополяченію западной Руси (231).

III. Польская реакція въ пользу народнаго элемента и постепенное проведеніе политики официальной русской народности . . . . . 235—244

Польская реакція въ пользу „хлопскаго“ элемента въ области литературы и искусства (235). Балагульство (237); казакофильство (238); пуризмъ (239); хлопоманія и ея исчезновеніе (240). Система официальной русской народности въ 30-е и 40-е годы (по запискамъ г. Воронина) (242).

IV. Русское и польское украинофильство и ихъ взаимоотношеніе . . . . . 244—261

Народно-культурное движеніе въ 30-е — 50-е годы (244). Шляхетско-польскій элементъ въ Западномъ краѣ (247). Русско-украинское движеніе, его представители въ литературѣ и

Стр.

столкновеніе его съ польскимъ украинофильствомъ (248). Историческія причины разлада между русскимъ и польскимъ украинофильствомъ (250); отраженіе этого разлада въ поэзіи Шевченка и возрожденіе украинофильскихъ традицій въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ (254); литературная полемика между Грабовскимъ и Кулишемъ (257). Паденіе польскаго украинофильства (258). Уничтоженіе русскаго украинофильства административно-централистическимъ теченіемъ (260).

Заключеніе . . . . . 261—267

Русскіе въ Галиціи . . . . . 268—342

Вступленіе . . . . . 268—273

Равнодушіе русскаго общества къ галицкимъ соплеменникамъ. Задачи статьи.

I. Исторія русинскаго національнаго литературнаго движенія съ 1848 г. . . . . 273—293

Презрѣніе и равнодушіе русинскихъ литераторовъ къ простому народу (273). Дѣятельность митрополита Яхимовича и „свято-юрской“ партіи; безплодность этой дѣятельности (276); причины этой безплодности: ничтожное количество русинской интеллигенціи и оппозиція русиновъ польскому элементу (278). Русинская оппозиція полякамъ, какъ проявленіе политической неспособности русиновъ (281). Политическій смыслъ вопроса: „что такое русины?“ (284). Развитіе свѣтской литературы въ Галиціи (289); попытки австрійской бюрократіи бороться съ нимъ (292). Русинско - польско - австрійскія отношенія въ 1860—63 гг. (292).

II. Неудачныя попытки русиновъ сблизиться съ Россіей . . . . . 294—309

Обращеніе русиновъ къ единству русской національности (294). Безполезность для русскаго общества признанія галицкими патріотами единства русской литературы (296); безполезность этого единства для галичанъ (297); политическія осложненія, вызванныя признаніемъ этого единства (299). Политическая эквилибристика русиновъ (303). Разсказъ г. Качалы о его поѣздкѣ въ Прагу на Славянскій съѣздъ (305).

III. Гибельныя послѣдствія неустойчивой и непрактичной политики русиновъ . . . . . 309—341

Сознаніе русинскими руководителями безсилія предшествующей политики (309). Проектъ русинско-польскаго договора 1870 г. (312); смѣшанная комиссія для обсужденія этого проекта (314); несогласія среди членовъ комиссіи (316). Несогласія между партіями „молодыхъ“ и „старыхъ“ (318). Отвѣтъ комиссіи на вопросъ: „что такое русины“ и критика этого отвѣта (319); осложненія русино-польскихъ отношеній, вызванныя отвѣтомъ комиссіи (326). Политика народной партіи (329). Обращеніе „свято-юрской“ партіи къ централизму и печальные результаты заигрыванія ея съ министерствомъ Гогенварта (331). Выступленіе евресвъ на политическую арену (332). Прямые вы-

Стр.

боры, какъ средство борьбы партіи централистовъ противъ всякаго федерализма; централизмъ и федерализмъ въ государственномъ устройствѣ Австріи (333). Обращеніе русиновъ къ культурной борьбѣ за народность (335). Возрожденіе идеи централизма (336); усиленіе русинскихъ централистическихъ тенденцій на послѣднихъ засѣданіяхъ Галицкаго сейма и ихъ гибельныя послѣдствія (337).

Заключеніе 342

Литературное движеніе въ Галиціи . . . . . 343—417

Вступленіе . . . . . 343—355

Ростъ русинской интеллигенціи съ 1848 г. и значеніе этого роста для борьбы съ польскимъ вліяніемъ (343). Ростъ русинской народной прессы и демократически-федеративныхъ сообществъ (345). Попытки объединенія галицкихъ партій и обсужденіе этихъ попытокъ въ галицкой прессѣ (348).

I. Сущность разногласій между галицкими партіями . 355—376

Трудность опредѣленія существенной разницы между галицкими партіями; неправильное представленіе о нихъ въ русской прессѣ (355). Демократическій характеръ партіи народовцевъ (357). Безкорыстная преданность народовцевъ интересамъ русинскаго народа (360). Сущность федерализма народовцевъ (362). Различіе галицкихъ партій въ отношеніи ихъ къ Россіи (366). Литературный языкъ и правописаніе представителей обѣихъ партій (370). Дѣйствительное происхожденіе и настоящее различіе обѣихъ партій (372).

II. Литературно-просвѣтительная дѣятельность народной партіи . . . . . 376—400

Отрицательные пережитки въ литературѣ народной партіи (377). Переводъ на галицкій языкъ священныхъ книгъ (379). Дѣятельность товарищества „Просвіта“ (382). Просвѣтительная дѣятельность г. Наумовича (385); отсталость его религіозныхъ и національныхъ взглядовъ (387); народный характеръ его произведеній (391). Неправильность мнѣнія о литературномъ „сепаратизмѣ“ товарищества „Просвіта“ (392). Значеніе взаимнаго ознакомленія русинскаго и русскаго народа съ литературой галичанъ и русскихъ (398).

Заключеніе . . . . . 400—417

Возраженія автора львовскому корреспонденту „Голоса“ г. И. Л-ну.

Литературно-общественныя партіи въ Галиціи . . 418—456

Незнакомство русскаго общества съ Галиціей (418). Исторія галицкихъ партій (420). Москвофильство и его литературное вырожденіе (424); упадокъ политической дѣятельности москвофильской партіи (428); ея моральная гибель (430). Характеръ украинофильской партіи (433); ея дѣятельность (434). Общество „Просвіта“ и его дѣятельность (436). Литературныя доказательства уменьшенія антагонизма между старой и молодой партіями

Стр.

(437). Смягченіе антагонизма между народовцами и клерикальными сферами (438). Дѣятельность представителя „средней“ партіи Наумовича (439). Ознакомленіе русинской молодежи съ русской литературой, особенно съ произведеніями, касающимися великорусскаго народнаго быта (441). Литературная дѣятельность первыхъ соціалистовъ въ Галиціи (444). Упадокъ среди крестьянъ авторитета духовенства (447). Митингъ 30 ноября и его демократическое значеніе (448). Возможность торжества русинской демократіи (452).

Новыя движенія среди русскихъ галичанъ . . . . 457—480

Исторія галицкаго вопроса (457). Появленіе сборника Шашкевича „Днѣстрова Русалка“ (459). Москвофильство (460). Элементы, изъ которыхъ образовалась радикальная партія (462). Отношеніе радикальной партіи къ старымъ галицкимъ партіямъ (463). Дѣятельность радикальной партіи (463). Результаты выборовъ въ Львовскій сеймъ въ 1889 г. (464). Защита радикальной фракціей сейма народныхъ интересовъ (465). Борьба клерикаловъ съ радикальной партіей (466). Соглашеніе между поляками и народовцами и оппозиція радикальной партіи (468). Избирательная кампанія 1891 г. (471). Демократическая программа радикальной партіи (472); ея агитаціонная дѣятельность (475). Значеніе галицкаго демократическаго движенія (477). Заключеніе: отраженіе политическаго движенія среди галичанъ на церковномъ вопросѣ (477).

Всеобщее голосованіе и русины въ Австріи . . . 481—486

Современная избирательная система въ Цислейтаніи (481). Сторонники и противники демократическихъ реформъ среди австрійскаго населенія (482). Угнетенное положеніе русиновъ (482). „Русько-украинская радикальная партія“ и ея статутъ (483). Отношеніе старыхъ галицко-русинскихъ партій къ демократической агитаціи (484). Значеніе избирательной реформы для русиновъ (485).

ДРАГОМАНОВЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ТОМЪ I

М. Ф.